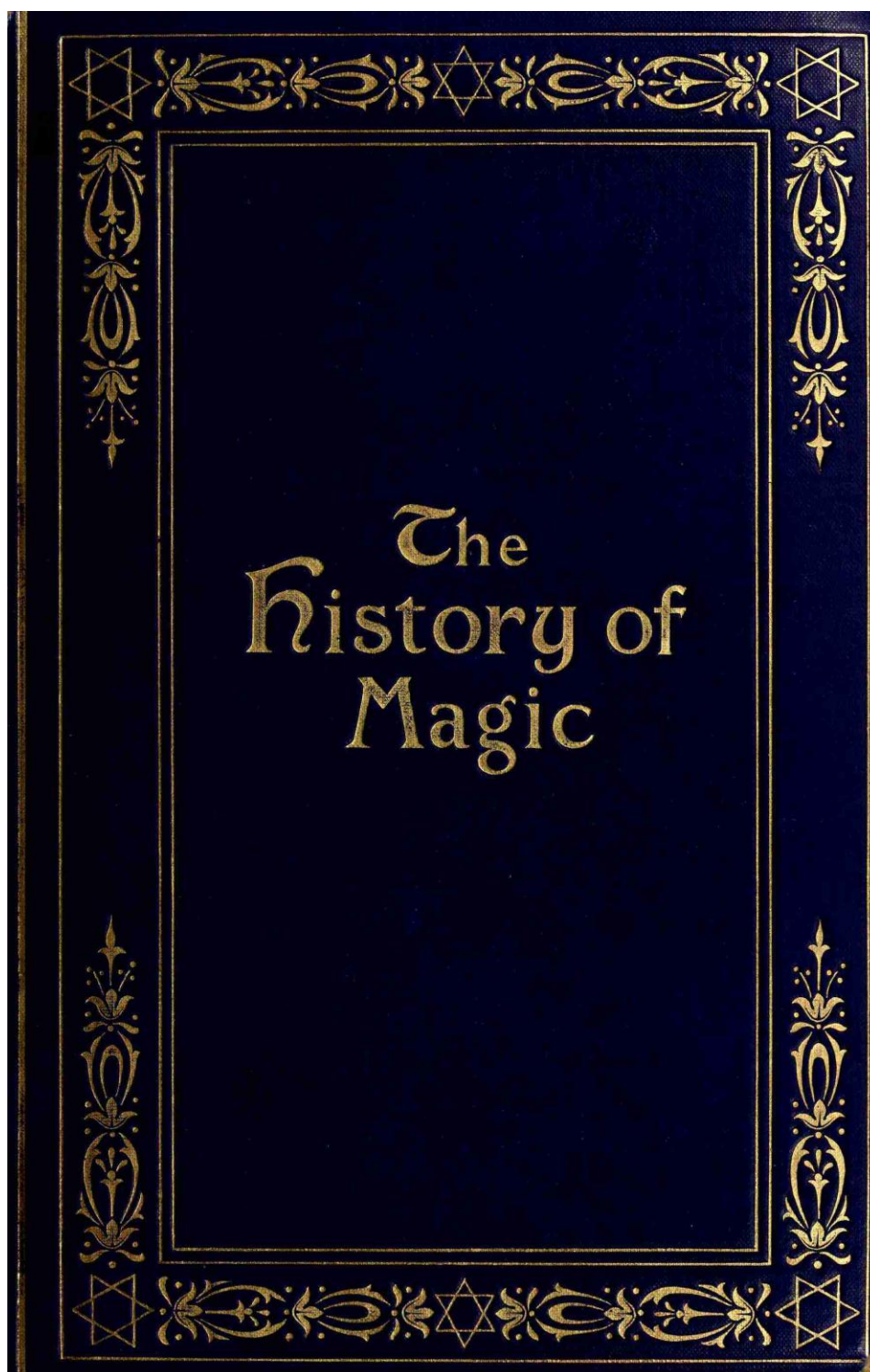

История магии

Элифас Леви

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории магии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История магии

включая ясное и точное изложение его процедуры, обрядов и тайн

Author: Элифас Леви

Переводчик: Артур Эдвард Уэйт

Дата выхода: 13 февраля 2023 [Электронная книга #70033]

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: William Rider & Son, Limited, 1922

Авторские права: Ричард Тонсинг, Лес Галлоуэй и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ МАГИИ " ***

Примечания переписчика

Очевидные типографские ошибки были исправлены автоматически. Варианты расстановки переносов и ударений стандартизированы, но вся остальная орфография и пунктуация остаются неизменными.

Дублирующие заголовки семи КНИГ были удалены.

ИСТОРИЯ МАГИИ

Джеймс Хайятт

ÉLIPHAS LÉVI

ИСТОРИЯ МАГИИ

ВКЛЮЧАЯ ЯСНОЕ И ТОЧНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЕГО ПРОЦЕДУРЫ, ОБРЯДОВ И ТАЙН

ЭЛИФАС ЛЕВИ

(АЛЬФОНС ЛУИ КОНСТАН)

Opus hierarchicum et catholicum

(Определение Великого Произведения, согласно Генриху Кунрату)

ПЕРЕВЕДЕН С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ АРТУРОМ ЭДВАРДОМ УЭЙТОМ

ВКЛЮЧЕНЫ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ И ПОРТРЕТЫ АВТОРА

Второе издание

ЛОНДОН

WILLIAM RIDER & SON, LIMITED

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, Восточная Европа,
1922

Авторские права

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ПЕРЕВОДУ

В нескольких случайных ссылках, разбросанных по периодической литературе, в биографическом очерке, предшествовавшем моему изложению *Догмы и ритуалы Высшей магии*, и в других местах, по мере необходимости, я зафиксировал мнение, что *История магии* Альфонса Луи Констана, написанная — как и большинство его работ — под псевдонимом Элифас Леви, является самым захватывающим, занимательным и блестящим из всех исследований по этому предмету, с которыми я знаком. Еще в 1896 году я сказал, что это замечательное философское исследование, несмотря на его исторические неточности, и что в оккультной литературе нет ничего, что могло бы выдержать сравнение с ним. Более того, во французском языке нет ничего столь всеобъемлющего, в то время как относительно нас самих следует сказать, что — помимо отчетов об исследованиях со стороны фольклористов — до сих пор мы полагались на историю Джозефа Эннемозера, переведенную с немецкого и объясняющую все в области, включенной в понятие Магии, феноменами Животного магнетизма. На этом языке доступны и другие тексты, кроме этого, но они не были переведены на английский; хотя ни один из них не обладает такой большой привлекательностью, как тот,

который здесь переведен на наш язык. Удостоверившись на данный момент относительно ее названий, возможно, желательно добавить, с моей собственной точки зрения, что я перевел книгу не только потому, что она занимательна и блестяща, или потому что она предоставит тем, кто интересуется магией в истории, полезный общий отчет. Эта задача была предпринята еще меньше в интересах любого, у кого могут быть другие — то есть прямые оккультные — причины для ознакомления с “его процедурой, его ритуалами и его тайнами”. У меня нет цели снабжать неосторожных и глупых искателей материалом такого рода, и так случилось, что настоящая История не выполняет обещания своего подзаголовка в этом отношении или, по крайней мере, в той степени, которую они в своей глупости назвали бы практичной. На протяжении всей моей последующей литературной жизни я стремился прояснить, как результат предшествующих лет, проведенных в оккультных исследованиях, что оккультные науки — во всем их общем понимании — представляют собой опасные пути, когда они не являются путями простого притворства. Важность изложения Элифасом Леви в целом этих утверждений и их истории на протяжении веков проистекает из того факта (а), что он является авторитетным главным представителем всех предполагаемых наук; (б) что именно он, в некотором смысле, восстановил их и представил в новой и более привлекательной форме перед общественным вниманием в середине девятнадцатого века; (в) что он претендовал, как мы увидим, на самое полное знание о них, будучи адептом и мастером; но (д) что - при условии одного уточнения, ценность которого будет упомянута - из его долгого исследования следует, что Магия, как ее понимают не только на улицах, но и в домах, где проводятся исследования, касающиеся ее, не имеет под собой почвы в истинности вещей и относится только к области иллюзии. Именно по этой причине я перевел его “Историю магии” как “того, кто считает не слишком благородной задачей то, что склоняется к праведности, по крайней мере в смысле милосердия”. В наши дни мир полон ложных заявлений, которые исходят из этого региона, и у меня есть более веские причины, чем даже большинство моих читателей могут себе представить, чтобы разуверить тех, кто, будучи привлечен в таких направлениях, все еще может быть спасен от обмана. Поэтому хорошо, что из уст мастера мы можем извлечь наиболее полное доказательство, необходимое для этой цели.

В настоящем вступительном слове я предлагаю показать, во-первых, природу личных утверждений Элифаса Леви, чтобы не возникло неправильного представления о том, какими они были на самом деле, и о том, каким голосом он говорил; во-вторых, его первоначальное изложение утверждений, природы и ценности Трансцендентальной магии; и, в-третьих, его более поздние свидетельства о ее феноменальной или так называемой практической стороне, подтвержденные ее собственной историей. Таким образом, мы получим его канон критики, и я считаю его ценным, потому что — при всех его несовершенствах — в свое время он обладал лучшими знаниями, чем кто-либо другой, хотя нельзя сказать, что с тех пор его место было занято, хотя многие работники продвинулись в той же области исследований и специализировались в многочисленных областях, которые он освещал в целом и поверхностно.

Прежде чем перейти к этим вопросам, можно подумать, что мне следовало бы немного рассказать о жизни автора; но общие сведения уже были даны в расширенном введении, предваряющем сборник его сочинений, который я опубликовал много лет назад под названием “*Тайны магии*”, и снова, но с другой точки зрения, в предисловии к уже упомянутому “*Учению и ритуалу трансцендентальной магии*”. Последнее будет доступно в ближайшее время в новом аннотированном издании. В остальном, авторитетная биография Элифаса Леви была обещана во Франции в течение многих лет, но все еще откладывается, и в ее отсутствие важных биографических фактов не так много,

Поэтому здесь будет достаточно сказать, что Альфонс Луи Констан родился в Париже в 1810 году и был сыном сапожника, по-видимому, в очень бедных условиях. Его не по годам развитый возраст в детстве, казалось, давал некоторые надежды на будущие способности; на него обратил внимание священник из его прихода, а это, в свою очередь, привело к его бесплатному образованию в Сен-Сюльпис, очевидно, с целью получения священства. Там его начальство, должно быть, распознало достаточные признаки призвания, в соответствии с мерками конкретного места и периода, поскольку он перешел к мелким орденам и впоследствии стал дьяконом. Однако у него, по-видимому, были странные взгляды на доктринальные темы, хотя никаких подробностей не сообщается, и, поскольку ему не хватало дара молчания, неудовольствие властей было отмечено различными проверками, которые в конце концов закончились его исключением из семинарии. Такова, по крайней мере, одна история, но альтернативная гласит проще, что он отказался от священнической карьеры из-за сомнений и щепетильности. После этого он, я полагаю, должен был поддерживать себя каким-то преподаванием и малоизвестными попытками в литературе. Останки этих последних многочисленны, хотя их ценность была сильно преувеличена для целей книготорговли во Франции. Его приключения с Альфонсом Эскиросом над Евангелием от пророка Ганно рассказываются на следующих страницах и представляют собой интересный биографический фрагмент, который может говорить сам за себя. В то время ему было около тридцати лет. Мне не удалось установить, в какой период он женился на мадемуазель. Ноэми, шестнадцатилетняя девушка, которая впоследствии приобрела некоторую известность как скульптор, но это был неудачный брак, и в конце концов она ушла от него. Говорят даже, что она добилась успеха в иске о признании ее недействительной — не на обычных основаниях, поскольку она родила ему двоих детей, которые умерли в раннем возрасте, если не в младенчестве, а под предлогом того, что она была несовершеннолетней, в то время как он дал безотзывные обеты. Однако Сен-Сюльпис - это семинария для светских священников, которые не давали обета безбрачия, хотя устав Латинской церкви запрещает им вступать в брак.

Примерно в 1851 году Альфонс Луи Констан внес большой вклад в энциклопедическую серию аббата Миня под названием *"Словарь кретьенской литературы"*. В нем он описан как *старый профессор парижского малого дела*, и следует предположить, что в издательстве о его прошлом ничего не знали. Этот том скорее запоминается из-за его более поздних работ, чем важен сам по себе. Как критическая работа и даже как учебное пособие, она, естественно, весьма незначительна, как и большинство произведений серии, в то время как как словарь непропорционально и фрагментарен; тем не менее, она чрезвычайно удобочитаема и не противоречит своим взглядам. Нет необходимости добавлять, что, как того требуют обстоятельства дела, она написана в жестких рамках ортодоксии и, следовательно, не менее узка, не менее нелиберальна, чем бесконечные тома ее предшественников и преемников в той же области промышленности. Сомневающееся сердце Сен-Сюльписа снова стало убежденным католиком или надело эту маску с целью создания определенного литературного произведения. Однако четыре года спустя голос церковника, говорящего на характерном языке Великих энциклопедий, сменился голосом волхва. *Доктрина трансцендентальной магии* появилась в 1855 году, *Ритуал* - в 1856 году, и с тех пор Альфонс Луи Констан под псевдонимом Элифас Леви, ставший почти европейской знаменитостью, был известен только как представитель оккультной науки. Именно эти работы в большей степени воплощают его претензии в отношении предполагаемой науки и в отношении его собственного абсолютного авторитета в

ней. Различные более поздние тома, вышедшие из-под его пера в довольно быстрой последовательности, очень любопытны по сравнению с *"Доктриной и ритуалом"* из-за их очевидного подчинения церковному авторитету и демонстрации искренней ортодоксальности. Я подробно рассматривал этот вопрос в своем введении к *Тайнам магии*, и поэтому я буду избавлен от необходимости освещать ту же тему в настоящем месте. Несмотря на такое несоответствие, Элифас Леви стал, как в частном, так и в общественном смысле, преподавателем оккультной науки и каббалистики как ее основного источника: очевидно, это было его средством к существованию. Он был в Париже во время осады, которая привела франко-германскую войну к катастрофическому завершению, и умер в 1875 году, укрепленный последними обрядами католической церкви. Он оставил после себя большую пачку рукописей, многие из которых с тех пор были опубликованы, а некоторые ждут своего редактора.

Переходя теперь к главному предмету этого предисловия, в *Доктрине и ритуалах Трансцендентальной Магии* утверждается следующее: (1) Существует могущественная и реальная Магия, популярные преувеличения о которой на самом деле не соответствуют действительности. (2) Существует грозная тайна, которая составляет фатальную науку о добре и зле. (3) Она наделяет человека силами, по-видимому, сверхчеловеческими. (4) Это традиционная наука о тайнах Природы, которая была передана нам от магов. (5) Посвящение в нее дает мудрецу власть над душами и полную способность управлять человеческой волей. (6) Очевидно, что из этой науки вытекает одна непогрешимая, неискоренимая и истинно католическая религия, которая всегда существовала в мире, но она неприспособлена для множества людей. (7) По этой причине возникла экзотерическая религия апологетики, басен и чудесных историй, которая является всем, что возможно для профанов: она претерпела различные трансформации и в наши дни представлена латинским христианством, находящимся в подчинении Рима. (8) Его завесы действительны в своей символической, и это можно назвать действительным для толпы, но доктрина посвященных равносильна отрицанию любой буквальной истины, содержащейся в них. (9) Только Магия передает истинную науку.

Это то, что можно назвать теоретической, философской или доктринальной частью, догмой "абсолютной науки". Далее следует то, что является практическим, и оно связано с применением естественной силы, но такой, которая превосходит обычные силы Природы. По сути, оно включено в Магический Гримуар и представляет собой работу по церемониальному вызыванию — будь то элементарных духов с помощью пантаклей, талисманов и других магических инструментов и свойств; будь то духов, *ex hypothesi* принадлежащих планетарной сфере; будь то теней или душ умерших в некромантии. Эти работы законны, и их результаты, по-видимому, достоверны, но за ними находится область Черной Магии, которая является царством заблуждений и кошмаров, хотя и достаточно феноменальна по своим результатам. Благодаря своему посвящению Элифас Леви стал магом света.

Следует отметить, что все это дает ясный вывод, и — что касается остального — "Гримуар трансцендентальной магии", согласно Элифасу Леви, в целом не отличается от *"Ключа Соломона"* и его аналогов, за исключением того, что автор вырезал здесь и расширил там, повинаясь своим собственным представлениям. У него были все полномочия для этого на основании его личных заявлений, которые можно кратко изложить на этом этапе. (1) Он открыл "секрет человеческого всемогущества и бесконечного прогресса, ключ ко всему символизму, первую и окончательную доктрину". (2) Он не только маг, но и алхимик, и он раскрывает тот же секрет, что и Раймунд Люлли, Николас Фламель и, вероятно, Генрих Кунрат. Они добыли

настоящее золото “и не унесли с собой свой секрет”. (3) И, наконец: “в эпоху, когда святилище было опустошено и превратилось в руины, потому что ключ от него был выброшен за изгородь, никому не принося пользы, я счел своим долгом подобрать этот ключ и предлагаю его тому, кто сможет его взять: в свою очередь, он станет доктором народов и освободителем мира”.

Следует сказать, что эти утверждения основаны не просто на теории или практике церемониальных вызываний. Нет никаких сомнений в том, что для Элифаса Леви его тайная доктрина оккультной науки содержится в гипотезе об универсальном медиуме, именуемом Астральным Светом, который является ни больше, ни меньше, чем одилической силой барона Рейхенбаха, как по существу признает сам французский писатель, но в его рассуждениях она расширена, и вопросы в ней значительно трансформированы следующим образом. (1) Это универсальный пластический посредник, общее вместилище вибраций движения и образов формы: его можно назвать Воображением Природы. (2) Это то, что сотворил Бог, когда произнес *Fiat Lux*. (3) Это великий проводник оккультной силы, но как таковая это слепая сила, которая может быть использована во благо или во зло, будучи особенно послушной свету благодати. (4) Это элемент электричества и молнии. (5) “Четыре невесомых флюида” являются разнообразными проявлениями этой единой силы, которая “неотделима от Первой Материи” и приводит последнюю в движение. (6) Она то блистательна, то магматична, то электрическа, то магнитна. (7) Очевидно, что у него есть два режима, которые стремятся к равновесию, и знание средней точки этого равновесия, по-видимому, является достижением Великой Работы. (8) Она “эфирна в бесконечности, астральна в звездах и планетах, металлическа, специфична или ртутна в металлах, растительна в растениях, жизненно важна в животных, магнетична или личностна в людях”. (9) Его извлекают из животных путем поглощения, а из людей - путем зарождения. (10) В Магии это зеркало видений, вместилище всех отражений. Провидец получает в нем свои видения, прорицатель предсказывает с его помощью, а маг вызывает духов. (11) Когда Астральный Свет фиксируется вокруг центра путем сгущения, он становится Философским Камнем алхимии, в виде искусственного фосфора, содержащего концентрированные свойства всего порождающего тепла. (12) При сгущении тройным огнем он превращается в масло, и это масло является Универсальным Лекарством. Тогда он может содержаться только в стекле, поскольку оно не является проводником.

Опять же, здесь ясен вопрос о его ценности, и я делаю это уточнение, потому что Астральный Свет, как я уже сказал, является предположением, и лично я не знаю и не забочусь о том, существует ли такой флюид, или, в таком случае, применим ли он для указанных целей. Достаточно того, что Элифас Леви высказал свои утверждения по этому поводу безошибочным языком.

Поэтому давайте перейдем к *Истории магии*, хотя я уже заимствовал из нее что-то в отношении предполагаемого универсального флюида. Магия в нем все еще является наукой древних Магов; это все еще точная и абсолютная наука о Природе и ее законах, потому что это наука о равновесии. Его секрет, секрет оккультной науки, заключается во всемогуществе Бога. Он включает в себя все, что наиболее достоверно в философии, все, что вечно и непогрешимо в религии. Это жреческое искусство и царское искусство. Его главный памятник находится в каббализме, но, по-видимому, оно восходит к первобытной зороастрийской доктрине, хранителем которой, по-видимому, был Авраам. Это учение достигло своего совершенства в Египте. Впоследствии, с религиозной точки зрения, преемственность, по-видимому, была: (а) от Египта к Моисею; (b) от Моисея к Соломону, через определенных хранителей тайного закона в

еврействе; (с) от Иерусалимского храма к собору Святого Петра в Риме, хотя метод перехода неясен, поскольку то, что утверждалось ранее, все еще сохраняется, а именно, что Рим утратил каббалистические ключи. Естественно, нам остается строить догадки относительно того, когда ими обладала Церковь — с точки зрения Элифаса Леви, возможно, во времена Дионисия, возможно, во времена Синезия, но не с моей точки зрения, и поэтому вопрос остается открытым.

Теперь, если эти вещи не отличаются конкретно от глав предыдущего свидетельства ни внешне, ни по букве, не менее очевидно, что существует заметное различие как вобщей атмосфере, так и во внутреннем духе. В этом все могут убедиться сами, кто сравнит два текста, и мне нет необходимости настаивать на этом здесь. Что, однако, произошло в *Истории Магии* той практической стороной, которая после всех мечтаний, высокой и декоративной философии, украшений — то золотых, то серебряных — была свидетельством, термином и венцом предыдущей работы? Те, кто читает, могут снова проверить меня; но мой ответ таков: независимо от того, является ли предметом обсуждения искусство вызывания духов, старые ли это случаи одержимости, будь то колдовство или некромантия, будь то современные явления, такие как прямое письмо, постукивание по столу и другие проявления спиритизма, какими они были известны писателю и его периоду, все они, как один, подпадают под запрет безоговорочного осуждения. Дело не в том, что они являются обманом, поскольку Элифас Леви не оспаривает факты и высмеивает тех, кто это делает, но они принадлежат к бездне заблуждений, и все, кто их практикует, являются лишь пособниками безумия и апостолами зла. Приход христианства положил решающий период всякой магической деятельности, и на этот счет была произнесена анафема. Именно с этой точки зрения Леви проводит ученика через каждое столетие изучения предмета, иногда действительно объясняя вещи с точки зрения законченного скептика, иногда так, как их мог бы объяснить сам Джозеф Эннемозер, но никогда — нет, ни разу — как авторитетный представитель практической Магии, который проводил восхитительные и ужасающие эксперименты, который возвращается, чтобы сказать, что они истинны, что является свидетельством *Доктрины и Ритуала*, если эти тома могут что-то значить. Некромантия как наука о бездне; спиритизм как бездна, отказывающаяся от всех форм заблуждения; колдовство, колдовство, действительно богатое свидетельствами, но свидетельствующее только о человеческой извращенности, если не считать вмешательства дьявола, принадлежащего к другому миру, — я всем сердцем свидетельствую об истинности этих обвинений, хотя я и не верю, что невидимый мир настолько полностью отрезан от мира явных вещей, как считал Элифас Леви в своих парадоксальных настроениях. Но еще раз — что стало с Магией? Что случилось с единственной наукой, которая ровесница самого творения, с ключом ко всем чудесам и с почти всемогущим адептством? Они сводятся следующим образом: (а) к тому, что в своих основных аспектах является “симпатической и чудесной физикой” Месмера, который из-за них “велик, как Прометей”; (b) к общей теории галлюцинации, когда галлюцинация доведена, путем самоиндуцированного заблуждения или иным образом, до своей *высокой плюс ультра степени*; и (с) но я упоминаю об этом с очень серьезными оговорками, потому что — хоть убей — я не понимаю, как и почему это должно происходить. Остаемся — к физическим операциям алхимии, которые все еще возможны и актуальны при условиях, изложенных в рассуждении об Астральном Свете. Можно было бы сказать, что это не тауматургический процесс как таковой, если только сновидение действительно не должно управлять — а это имеет тенденцию происходить, — что исполнение зависит от электризирующей

силы в проецируемой воле адепта. В любом случае, этическая транслитерация алхимической символики, по-видимому, является более важным аспектом этого предмета.

Мне нет нужды упоминать здесь, что я совершенно не верю в концепцию искусства трансмутации металлов Леви или что я рассматриваю его аллегоризацию на этот счет как незначительный продукт по сравнению с реальной доктриной герметического мистицизма; но не об этом идет речь. Обладатель Ключа Магии, Каббалистических Ключей, отброшенных в сторону или утерянных Церковью, выходит вперед, чтобы сказать нам, что после пришествия Христа “магическая ортодоксальность была преобразована в ортодоксальность религии”; что “те, кто не соглашался, могли быть только *иллюминатами* и колдунами”; что “само название Магии должно интерпретироваться только в соответствии с ее зловещим смыслом”; что Церковь запрещает нам консультироваться с оракулами, и что это “в своей великой мудрости”; что “фундаментальный догмат трансцендентальной науки ... достигла своего полного воплощения в конституции христианского мира”, являющейся равновесием между Церковью и государством. Все, что делается вне законной иерархии, подлежит осуждению; что касается видений, то все дураки - провидцы; чтобы общаться с иерархией невидимого разума, мы должны искать естественные и математические откровения, изложенные в картах Таро, но это невозможно сделать без опасности и преступления; в то время как медиумы, чародеи, гадалки и заклинатели “обычно являются больными существами, в которых открывается пустота”. Наконец, что касается философской стороны Магии, то ее великая доктрина - равновесие; ее великая гипотеза - аналогия; а в моральном смысле равновесие - это совпадение науки и веры.

Что случилось с писателем, который таким образом отказался от своих самых смелых заявлений? Одно из объяснений состоит в том — и давным-давно я сам склонялся к нему, - что Элифас Леви прошел определенные ступени познания в тайной школе Установленных Мистерий; что он был вынужден приостановить работу из-за разоблачений, содержащихся в его более ранних книгах; и что его заставили отказаться от того, что он там утверждал. Теперь я знаю, благодаря какому качеству работы школы — под какими названиями — был сфабрикован этот отчет, и что это последнее известное мне сообщение, которое было принято на основании его собственных заявлений, либо касающихся его самого, либо каких-либо фактов. Альтернативой является то, что Элифас Леви изначально говорил так, как, как можно было бы предположить, говорил Маг, торгующий своими особыми товарами, что является чем-то вроде врача-шарлатана, описывающего свои лекарства толпе на рыночной площади, и что его более поздние труды представляют собой процесс сокращения наиболее витиеватой стороны его заявлений. Это предположение маловероятно, потому что оно не дает оснований для конкретного изменения политики, в то время как — если так можно выразиться — я не считаю, что Леви можно сравнить с врачом-шарлатаном. Я думаю, что он изучал оккультную литературу и историю в течение значительного периода, в очень специфическом смысле; что он верил, что нашел ключ ко всем предполагаемым феноменам; что он написал *"Доктрину и ритуал"* в настроении энтузиазма, вытекающем из этого; что между появлением этих томов и *Истории магии* он пересмотрел вопрос об этих феноменах и пришел к выводу, что они были далеко не достоверны по своей природе, а представляли собой спроецированные галлюцинации, различно дифференцированные и последовательно усугубляющиеся; но он все еще рассматривал свою предполагаемую вселенскую жидкость как великую предварительную гипотезу, касающуюся тауматургических фактов, и что он все еще придерживался своей общей философии предмета, являющейся продолжением тайной традиции с отдаленных времен и сохранившейся по сей день (1) в догматах каббализма и (2) в изобразительных символах Таро.

В мою компетенцию в данной связи не входит обсуждать его взгляды ни на факт существования тайной традиции, ни на предполагаемые способы ее сохранения: моя точка зрения известна иным образом и была полностью выражена в другом месте. Но в только что приведенном объяснении я чувствую, что сохранил искренность человека, который имеет много прав на внимание, которого до сих пор многие уважают и к которому моя собственная проницательная симпатия часто выражалась недвусмысленным образом: я сохранил ее, по крайней мере, настолько, насколько можно было ожидать. Никто не ожидает, что француз, оккультист и маг явно отступит перед взглядами своих учеников, особенно после того, как он так много свидетельствовал. Я чувствую далее, что я оправдал факт настоящего перевода произведения, которое запоминается во многих отношениях, но главным образом как история магии, которая не является Магией, как свидетельство, которое действительно разрушает всю предполагаемую основу его предмета. Из этого не следует, что объяснение Леви физических явлений, особенно современного типа, всегда или в целом верно; но кое-что из этого по-своему выполнимо, и моя цель будет более чем достигнута, если те, кого привлекает наука мистиков, смогут этим подтолкнуть к предупреждению относительно некоторых опасностей и ложных представлений, которые граничат с этой наукой.

Остается сказать еще несколько вещей. Читатели его истории должны быть готовы к многочисленным неточностям, которых можно ожидать от такого писателя, как Элифас Леви. Те, кто что—либо знает о Египте - древностях его религии и литературы — будут иметь неудачный опыт прочтения главы о герметической магии; те, кто знает восточную религию с ее более глубокой стороны, сочтут рассуждения о магии в Индии абсолютно некомпетентными; в то время как в отношении более поздней еврейской теософии я имел случай в некоторых примечаниях указать, что Леви не обладал обширными знаниями о тех каббалистических текстах, о важности которых он так много говорит и о которых, как он утверждает, говорит с полным пониманием. Однако он представляет некоторые из их второстепенных аспектов.

Что касается религии его детства, я определенно чувствую, что она сильно привлекала его на протяжении всей его жизни, и из-за отвращения, которое, по-видимому, последовало за *Доктриной и Ритуалом*, его тянуло обратно к ней, но скорее как к великой иерархической системе и великой последовательности священных представлений, живой символики. Уважая суть его учения, вероятно, он обманывал себя лучше, чем своих читателей. Во множестве утверждений и в духе всего текста несомненно, что *История магии* предлагает "отрицание догмы" с ее абсолютной стороны. Мы получаем постоянное представление о свободных подповерхностных мнениях, плохо скрытых под внешним соответствием Церкви, и мы также получаем полезные дополнительные сведения о тщеславии фальшивых представлений автора. Таким образом, мы точно знаем, какое чувство побудило его положить все свои труды к подножию трона Петра, чтобы Петр принял по ним решение. Излишне добавлять, что его доктринальные построения повсюду относятся к последнему виду, который можно было бы похвалить хранителям доктрины. В то же время почти нет сомнений в том, что он искренне верил в необходимость иерархического учения; что, по его мнению, оно с очень раннего периода находилось в определенных святилищах посвящения; что на их существование намекают записи Моисеева периода; что они были хранилищами науки, а не откровения; что каббалистическая литература является одним из их свидетелей; но святилища были повсюду в мире, включая Египет и Грецию. Наследницей всего этого является Церковь Христа, и хотя она, возможно, утратила ключи к знанию, хотя она повсюду ошибочно принимает знак за

означаемую вещь, она — с его точки зрения - имеет право на наше уважение как свидетель и, по крайней мере, на квалифицированное послушание.

Я думаю, что Элифас Леви сказал верные и даже великие вещи о различиях и аналогиях между наукой и верой, но последнюю он понимал как устремление, а не как опыт. Длинное эссе о мистиках, которое, возможно, является его самым важным вкладом в *Кретинский литературный словарь*, указывает на то, что он был слабо знаком с умом Сузо, святого Иоанна Креста, святой Терезы и святого Франциска Сальского. Соответственно, у него тут и там есть слова о внутренней жизни и ее тайнах, но о том, что остается для избранных на высотах святости, он вообще ничего не знал. Для него записи о таком опыте - литература и мистическая поэзия; и как он далек от данного термина, так же далек он и тогда, когда рассуждает о ложных мистиках, имея в виду гностические секты, альбигойские секты, так называемых *иллюминатах* и членах тайных еретических обществ, представляющих реформатскую доктрину. Поскольку религия мистиков - это вся моя литературная забота, позвольте мне добавить, что истинная идея религии определяется не “всеобщим избирательным правом” (см. Текст, стр. 517), а согласием тех, кто достиг в Божественном опыте того, что понимается под достижением.

В заключение, после того как мы отложим в сторону, исходя из этой Истории, феноменальную сторону Магии, то, что, как можно считать, остается в сознании автора, является Трансцендентальной Магией, о которой я упоминал ранее в этих замечаниях, когда говорил об ограничении; но под этим следует понимать ту часть старых философских систем, которая прошла в его сознании и была там интерпретирована. В наши дни это будет неприемлемо для большинства читателей, но в нем есть любопытные аспекты, представляющие интерес, и его можно оставить в силе.

А. Э. УЭЙТ.

ПОРТРЕТ ЭЛИФАСА ЛЕВИ, СДЕЛАННЫЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Содержание

	Страница
предисловие к английскому переводу	в
введения	
ложного определения магии—это не должны быть определены в опасности— описание сверкающая звезда—бытие Абсолюта—абсолютной природы магической науки—ошибки Дююи—профанация науки—предсказание графа Жозефа де Местра—то степени и импорта научно—Божественная справедливость—сила адепта—дьявол и науки существование бесов—ложная идея дьявола—концепция манихеев—Преступления колдунов—астральный свет—так называемые фантазии природы—того, что следует понимать сим—эффекты настоящего Федерального закона—определение магнетизма—соглашение между разумом и верой—Яхин и Боаз—принцип иерархии—религия каббалистов—изображения Бога—теория света—тайны сексуальной любви—антагонизм сил—мифический папесса Иоанна— Каббалы в качестве объяснения и примирения всех—почему Церковь осуждает магию—догматическая магия объяснение философии истории—Преступное любопытство по поводу магии—план настоящей работы—автора внесение в установленном порядке	1
книга, которую я	

деривации магии

Глава I

сказочные источников,

Книга Еноха, связанные с падением Ангелов—смысл легенды—книга покаяния Адама—личность Еноха—Апокалипсис св. Мефодия—дети Сифа и Каина—обоснование оккультизма—ошибка Руссо—традиции еврейства—слава христианства—В *Сефер Йецира*, "*Зоар*" и "*Апокалипсис*"—открытие книги "*Зоар*" 39

Глава II

магия магов

истинного и ложного Зороастра учение истинного Зороастра—трансцендентный огонь-философия—электрические секреты Нума—расшифровка от Зороастра о демонах и жертвы—важные откровения о магнетизме—посвящение в Ассирии—чудеса в исполнении ассирийцев—Дю потеть в соответствии с Зороастр—опасности, понесенные неосторожных—власть человека над животными—падение священства в Ассирии—Волшебный Смерть Сарданапала 53

Глава III

магия в Индии,

у индейцев как потомки Каина—Индия матери идолопоклонство—учение о гимнософистов—индийского происхождения гностицизма—мудрые басни Индия—черная магия *Oupnek'hat*—цитата из Ж. М. Рагон—индийская большой тайны—английского и индийских восстаний 64

глава IV

герметическая магия

Изумрудная скрижаль—другие писания Гермеса—волшебные интерпретации географии древнего Египта—служение Джозефа—Сакральный алфавит—Isiac таблетки кардинала Бембо Таро объясняется *Сефер Йецира*—Таро Карла VII—магическая наука Моисея 73

глава V

магия в Греции

басня о Золотом Руно—Медия и Ясон—пять магических эпоей—Эсхила в profaner тайн—Орфей—легенда-Орфических мистерий—Göetia—колдуны Фессалии—Медии и Цирцеи 82

Глава VI

Математическая магия Пифагора

Пифагор наследник традиции Нума—Личность Пифагора, его учение о Боге—штраф высказывания против анархии—золотые стихи—символы Пифагора—его целомудрие—его гадание—его объяснение чудес—секрет толкование снов—Вера Пифагора 92

ГЛАВА VII

священная каббала

происхождения Каббалы—ужас идолопоклонства в Kabalism—каббалистическое определение Бога—принципы Каббалы—божественные имена—четыре формы Тетраграмматон—слово, которое выполняет все трансмутаций—ключи Соломона—Цепь духов—ли человеческие души, возвращение в мир духов по данным "Зоар" — духов, которые проявляются—Жидким larvæ—Великий магический агент—неясного происхождения larvæ 101

книга II

становление и развитие догм

Глава I

первобытный символизм истории

аллегория земного рая—Эдема Пантаклем—Херувим—глупости от большого ума— тайн бытия—дети Каина—магические секреты Вавилонской башни—Бельфегор— средневековый шабаш—Декаданс иерархии—философия шанс—учение Платона— оракула Аполлона—рационализм Аристотеля—кубический камень—резюме неоплатонизма 115

Глава II

мистицизм

неприкосновенность магическая наука—профаны и мистических школ—Вакханки— материалистической реформаторов и анархической мистики—визионеры недоумка—своему ужасу мудрецов—допуск истинная Церковь—ложные чудеса— обряды черной магии, и Варварские слова и неизвестных признаков—вызвать видения—Теория галлюцинаций 125

Глава III

посвящения и испытания

в Великой работе—в четырех аспектах Сфинкса и щит Ахилла—аллегии о Геракле и Œdipus—Тайная Доктрина Платона—Платон, а вдобавок—разница между Платоном и Иоанна—платоническая теософия—смертельные опыты—Homœopathy практиковали греки—пещера Trophonius—науки египетских жрецов—Лактанций и антиподы—греко-ад—Министерство страдания—таблица Кебета и поэма Данте— Учения Phædron—на погребение умерших—Некромантия 133

Глава IV

магия публичного богослужения

великолепие истинного культа—православные традиции—инакомыслие профанов—их клеветнические измышления против иницирует—аллегория о Вакх— Tyresias и Calchas—священство, согласно Гомеру—оракулы Сивилл— происхождение геомантия и гадание на картах 145

глава V

таинства девственности

эллинизма в Риме—институт весталок—традиционный силу девственной крови— символизм священного огня—Религиозный аспект истории Лукреции—честь среди римских женщин—загадок *Бона Деа*—NUMA как Иерофант—гениальный обувью Вольтера о гадании—Вещий инстинкт масс—ошибочное мнение Фонтенеля и 152

Кирхер оракулов—религиозный календарь Нумы

Глава VI

суеверий

их происхождения и настойчивость—прекрасная мысль римского
первосвященника, Св. Григорий наблюдения чисел и дней воздержания волхвов—
мнения порфира—греческие и римские суеверия—мифологические сведения о
секретных свойствах животных—отрывок из Еврипида—из соображений Пифагора
воздержание—единственном отрывок из Гомера—предвещает, мечты, чары и
увлечения—магические водовороты—современные явления—Олимпий и плотина

ГЛАВА VII

магических памятников

Семь чудес света и семь магических планет—пирамиды—Фивы и семь ворот—
пантакль солнца—пантакль Луны—пантаклем супружеской Венера—пантакли ртути,
Юпитер и Марс—Храм Соломона—философское изложение древней мудрости

книга III

божественный синтез и реализация магии христианским откровением

главе я

Христа обвиняли в магии евреями

начала Евангелия от Иоанна и его глубокий смысл—Иезекииля и, вдобавок—
специальный символ христианства—обвинения иудеев против Спасителя—*Сефер
Толдот Иешу*—красивая легенда из апокрифических евангелий—иоанниты—
сжигание магических книг в Эфесе—Прекращение оракулы—великий Пан умер—
Преображение природных чудо-в чудо и в гадание на пророчество

Глава II

свидетельство магии христианства

абсолютное существование религии—существенное различие между наукой и
верой—легкомысленные возражения—христианство доказало, что милосердие—
осуждение магии по христианскому духовенству—Симон волхв—его история—его
учение—конференцию с СС. Петра и Павла—его падение—его секта продолжает
Менандр

Глава III

дьявол

вопрос рассматривается в свете веры и науки—Сатана и Люцифер—мудрость
Церкви—дьявола посвященных оккультной науки—владений в Евангелии—мнения
Торребланка-астральное извращения—козлиный шабаш—лже-Люцифер

Глава IV

последние язычники

вечное чудо Божье—Цивилизаторским влиянием христианства—Аполлоний
Тианский—его аллегорические легенды—Юлиан Отступник—своими вызываниями
духов—как Ямвлих и Максим Тирский—рождение тайных обществ к запретному
практики магия

глава V

легенды

легенда о св. Киприан и св. Иустин—Волшебная молитва святого Киприана—
"Золотую легенду" —и Апулея Золотой осел из басни психики—любопытная тонкость
ул. Августин—философия Отцов Церкви 200

Глава VI

некоторые каббалистической картины и священные символы

гностицизма и первоначальной церкви—эмблемы катакомб—истинные и ложные
гностики—профанации гностицизма—нечистые и кощунственные обряды—
евхаристическое святотатство—Архи-еретик Маркос—женщины и священство—
Монтанус и его женщина-пророки—Тертуллиан—дуализм гривы—опасность
вызывания—Divagations из Kabalism—Потери каббалистических ключей 208

ГЛАВА VII

философы Александрийской школы

Аммоний Саккас—плотина—Порфирий—Гипатия—неосторожное приема
Синезий—сочинения этого начать—особенно его трактат о снах—комментарии
Джером кардан по этому вопросу атрибуции произведений св. Дионисия к
Синезий—их православие и их значение 215

книга IV

магия и цивилизации

Глава I

магии среди варваров,

покоренных Римом перекрестной истории Philinnium и Machates—невеста
Коринфа—Философские соображения по этому вопросу—германских и друидов
богословие—колледж друидов в Отен—друидов переселение душ—некоторые
друидических практик 223

Глава II

влияние женщин

Женское влияние в начале Франции—Velleda оклеветан Шатобриан—*Берта АУ*
Гранд-пье—феи Мелюзины—Санкт-Клотильда—колдунья Fredegonde—история
Klodswinthe—Fredegonde и Кловис—далее по ее историю 232

Глава III

в салические законы против колдунов

законы отнести к Pharamond—Объяснение талмудической прохождение раввин
Jechiel—вера в бессмертие души среди евреев—Церковный Совет по магии—
подъем Мухаммед—религиозной истории Карла Мартелла—правление Пипина
Короткого—каббалист Zedekias—его басен относительно элементарные духи—
эпидемия видения 238

Глава IV

легенды о царствовании Карла Великого

Карл Великий князь фейри—Карл Великий и Роланд—зачарованный меч и магия 246
Рог—*Энхиридиона* Льва III—По традиции в нем—пантаклей—шабаш—бесплатный
судей—их основание и цель—сила этого трибунала—судьба Фридриха
Брауншвейг—код судей—законы Карла Великого—приключения странствующего
рыцаря—культом Пресвятой Девы

глава V

магов

папы и империи—страхом отлучения от церкви—еще о Рабби Jechiel—автомата 256
Альберт Великий—Альберт Великий и св. Фома Аквинский—легенда автомата
интерпретируется Схоластики и Аристотеля философия—Философский камень и
квинтэссенция

Глава VI

некоторые известные преследования

великих религиозных орденов и их сила—Орден Тамплиеров—их происхождения— 264
их секрет конструкции—христианской секты иоанниты—их профанации истории
Христа—жрецами секты иоаннитов—что иоанниты и тамплиеры—в дальнейшем в
отношении тамплиеров, тайное учение—развитие рыцарства—их проекты
обнаружен их подавления—дело Жанны д'Арк—История Жиля де Лаваль

ГЛАВА VII

суеверия, относящиеся к дьяволу

явления Сатаны—имущество—это философия суеверия—это преступление черная 281
магия—патологических состояний—душа мира—современных явлений—Фурье и де
мирвилль—барон де Guldenstubbé

забронировать в

адепты и священства

Глава I

священники и папы, обвинили в магии

неприкосновенную святость священства—обвинения ложные адепты— 291
безосновательные обвинения против Папы Сильвестра II—Скандальная история
Polonus воспроизведена платина—легенда папесса Иоанна—его происхождение от
древних карт Таро, представляя ИГИЛ увенчан диадемой—далее относительно
Сильвестр II—взгляд Габриэля Naudé—Гримуар приписывается папе Гонорию III—
анти-папы Гонория II в качестве его возможного автора—экскурс на содержание и
характер работы,

Глава II

появление богемских кочевников,

их вход в Европе в начале XV века—их наименование богемы или египтяне—Их 306
лагерь недалеко от Парижа, тянутся из древней летописи,—цитата из Джорджа
братъ—исследования М. Вайян—цыгане и Таро—вывод на эту тему—
коммунистический эксперимент в 1840

Глава III

легенда и история Раймонда Луллия

история *доктора иллюминат* о его мифической стороне—Раймонд Лулл и Леди амброзия—Его бессмертия и освобождения от них—исторический персонаж—Люлли как алхимик—Роза дворян—его философское завещание—колледжи для изучения языков созданной его усилиями—Великое искусство—он появляется в Совет Вена—Люлли ученик каббалистов—но традиция в его руки стали христианами

Глава IV

О некоторых алхимиков

Николас Фламель и книга Авраама Еврея—загадочных фигур произведения—предание о Фламель—Бернар и *trevisan*—Василий Валентин—Иоанн Тритемий—Корнелий Агриппа—пантаклем Тритемия—Уильяма постеля—иллюстрации своего учения—рассказ мамы Жанны—обновление постель—Мнение отца *Desbillons*—Парацельс—его учения оккультной медицины—тайны крови—повествование Тавернье—от *лат. philosophia sagax* Парацельса

глава V

некоторые знаменитые колдуны и маги

"*Божественной комедии*" Данте и его каббалистического анализа—*романтика* Роза Лютера и анархической теологии—в его спорах с дьяволом—его кощунственный брак—маги во времена правления Генриха III. видения Жака Клемана—мистический символизм розы—Союз розы и креста—Розенкрейцеров—Генрих Кунрат—свой *amfumeamp Sapientiae Aeternae*—это пантаклей—*Oswaldus Krolla*—алхимики начале семнадцатого века—манифест Розенкрейцеров

Глава VI

каким-то волшебным преследования

вступительное слово—настоящее преступление магов—некоторые прискорбные осуждений—в случае Луи Гофриди—в случае Урбен Грандье—монахини из Лувье и некоторых других процессов—трактровка тех или иных явлений—история явления

глава VII

магического происхождения масонства

своим появлением в Европе—его аллегорические и настоящий конец—Легенда о Хираме—смысл его миссии обрядов кладки—ее профанации

книга В.

магия и революция

Глава I

замечательных авторов восемнадцатого века

важных открытий в Китае—*у-Ким* Фо-Хи—Легенда о его происхождении—соединение с "Зоар"—пример абсолютной философии—мнение Лейбница—Эммануил Сведенборг—его системы и его каббалистическим вывод—открытие Месмера—его теории и его огромное значение—сравнение между Вольтером и Месмер

Глава II

чудотворный личностей восемнадцатого века

граф де Сен-Жермен—неопубликованные детали его жизни—доклад мадам де Родез—ордена Святого Иахин—притворное начало—дальше относительно Розенкрейцеров—Оценка Сен-Жермен—якобы его личность с таинственными Альфотас—алхимик Ласкари—Граф Калиостро—агента тамплиеров—преемников Месмера—объяснение его печатью и каббалистическое имя—его тайна физической регенерации—его суду инквизиции—можно сказать, что он еще жив 400

Глава III

пророчества CAZOTTE

школы Мартинистов—ужин из Cazotte—роман *Ле-Дьябль об*—толкование по Каббале—Лилит и Nehamah—Начало Cazotte—Мистическая гора—Cazotte и революционный трибунал 416

Глава IV

французская революция

в грезах Руссо и их фатальных последствий—могила Жака де Моле—домик на Рю Platrière—гибель Людовика XVI—гений резня—мадемуазель де Sombreuil—мадам Элизабет—Церковь якобинцев—месть тамплиеров—еще об Апокалипсисе святого Мефодия—Пророчества аббата Иоахима 422

глава V

явлений MEDIOMANIA

малоизвестной секты иоаннитов мистики—видения Loiseaut—дом Gerle и Екатерина Théot—визит Робеспьер—пророчество Екатерины—ее судьба и дом Gerle—спасителей Людовика XVII—Мартин-де Гальярдо н У в Идел—Эжен Винтрас—Naündorff 427

Глава VI

немецких иллюминатов

адепт Steinertбыл—счет Эккартсгаузена—Шрепфер и Лаватер—дух Gablidone—его пророчества—колет и Наполеона—Карл песка и Коцебу—в Morses и свои загадки—волшебные драма о Фаусте 435

ГЛАВА VII

империи и реставрации

прогнозы относительно Наполеона—мадемуазель Ленорман—гадание на картах Эттейлы и Мадам Буше и царь Александр—мадам де Krudener—дальше относительно спасителей Людовика XVII—видения Мартин де Гальярдо н У в Идел 443

книга VII

магия в девятнадцатом веке

Глава I

- магнитный мистиков и материалистов

инфекционных глупостей Фурье—догмат ад—Воплощение в церкви Нотр-Дам—меньших пророков и божеств—Ganneau, Огюст Конт и Вронского—продажи 453

абсолютной

Глава II

галлюцинации

еще раз о спасителей Людовика XVII—единственном галлюцинация Эжена 461
Винтрас—его пророчеств и так называемые "чудеса" —секта Винтрас—осуждение
Григорий XVI—пontiфиката Винтрас—свои сны и видения

Глава III

гипнотизеров и лунатиков,

Церкви и злоупотребления сомнамбулизм—Барон Дю потеть—его секретная работа 471
на магию—стол-поворотный стол сожжены за ересь—опыт Виктора Hennequin—
Волшебная мелодрама

Глава IV

фантастическая сторона магической литературы

Альфонса Esquiros изобретает романский магия—Анри Delaage продолжает 477
работать—Его дары волшебства—его православие—ле-Конт Д'Ourches—барон де
Guldenstubbé—его чудесное сочинения—их объяснение—эксгумацию факир—
история вампира—cartomancist Эдмон

глава V

несколько частных воспоминаний писателя

автор представил мага Альфонс Esquiros божественности Ganneau—Эксцентричный 495
учения *Мапах*—еще Людовик XVII—фатальным результатом этого визита—тайные
причины революции 1848—жена Ganneau

Глава VI

оккультных наук

синтез в резюме—краткое изложение принципов поиском абсолютной 500

ГЛАВА VII

итоги и заключение

загадку Сфинкса и ее решение—парадоксальные вопросы и ответы на них—знание 503
и вера—причастие Вера— светская власть римского папы—Наука морального
равновесия—последствия своего признания,—цитата из блаженного-Венсан-де-
Леран—еще одна из граф Жозеф де Местр—аксиома св. Фомы Аквинского—
освобождение магия—цель данной работы

добавления 526

указатель 529

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ТАРЕЛКА

Я.	Портрет Элифаса Леви в одеянии Мага	<i>Фронтиспис</i>
		ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
II.	Портрет Элифаса Леви , сделанный после смерти	xxii
III.	Пентаграмма Абсолюта	2
IV.	Великий Символ Соломона, реконструированный в соответствии с "Зоаром"	20
V.	Волшебная глава Зоара	40
VI.	Великий каббалистический символ Зоара	50
VII.	Тайна Вселенского равновесия, согласно индийской и японской мифологии, вместе с Пантоморфной рысью, или Двадцать Первым примитивным ключом египетского Таро	64
VIII.	Таблетка Бембина	78
IX.	Пантакль каббалистических букв, являющийся Ключом к Картам Таро, Сефер Йецира и Зоару	102
X.	Печать Калиостро, Печать Самойской Юноны, Печать Апокалипсиса, Двенадцать Печатей Кубического камня в Масонстве, с Двадцать Первым ключом Таро в центре всего	120
XI.	Египетские символы Тифона, иллюстрирующие Гетию и некромантию. Тифон изображен совершающим обновление империи тьмы. Из Храма Хермутис. Меньшие фигуры взяты с Зодиака Эсне, а верхняя часть представляет собой <i>барельеф</i> в том же храме	128

XII.	Семь чудес света	166
XIII.	Публичный диспут между святыми Петром и Павлом, с одной стороны, и Симоном Волхвом - с другой. Восхождение и падение Симона. С гравюры пятнадцатого века	184
XIV.	Герметическая магия. Воспроизведено по древней рукописи	224 [стр. xxxvi]
XV.	Философский крест, или план Третьего храма, предсказанный Иезекиилем и запланированный в схеме строительства ордена тамплиеров	264
XVI.	В левом отделении изображены две оккультные Печати; первая представляет Великую Работу; вторая - Черную Магию. Оба взяты из <i>Гримуара Гонория</i> . В правом отделении находятся примитивные египетские карты Таро — 2 Кубка вверху и под ними образцы Туза Кубков	298
XVII.	Семь планет и их гении, согласно Магии Парацельса	340
XVIII.	Великий Герметический аркан, согласно Бэзилу Валентайну	394
XIX.	Общий план каббалистической доктрины	454
XX.	Ключ к апокалипсису: семь печатей святого Иоанна	502

ИСТОРИЯ МАГИИ

Введение

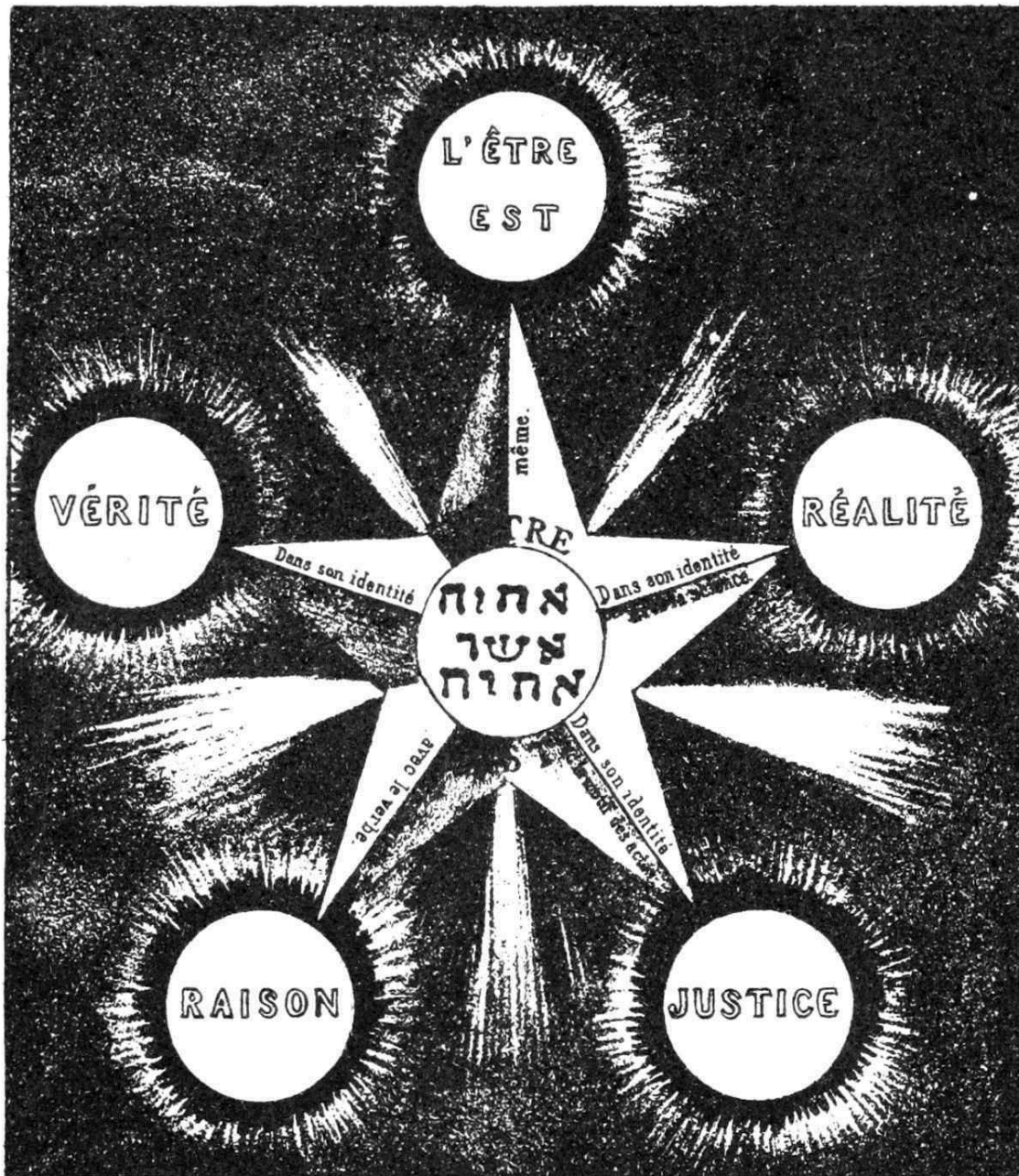
Магию слишком долго путали с фокусами шарлатанов, галлюцинациями расстроенных умов и преступлениями некоторых необычных злоумышленников. В противном случае многие быстро объяснили бы Магию как искусство производить следствия в отсутствие причин; и на основании такого определения обычные люди скажут — со здравым смыслом, который характеризует обычных людей, несмотря на большую несправедливость, — что Магия - это абсурд. Но на самом деле это не может иметь аналогии с описаниями тех, кто ничего не знает об этом предмете; более того, это не должно быть представлено как то или иное кем бы то ни было: это то, что есть, исходя только из самого себя, как это делает математика, ибо это точная и абсолютная наука о Природе и ее законах.

Магия - это наука древних магов; и христианская религия, которая заставила замолчать фальшивых оракулов и положила конец иллюзиям ложных богов, несмотря на это, почитает тех королей-мистиков, которые пришли с Востока, ведомые звездой, чтобы поклониться Спасителю мира в Его колыбели. Традиция возводит их в ранг королей, потому что магическое посвящение представляет собой истинную королевскую власть; потому что также великое искусство магов характеризуется всеми адептами как Королевское Искусство, как Святое Царство —*Sanctum Regnum*. Звезда, которая вела паломников, - это та же самая Горящая Звезда, которую можно увидеть во всех посвящениях. Для алхимиков это знак квинтэссенции, для магов это Великий Аркан, для каббалистов священная пентаграмма. Наш замысел состоит в том, чтобы доказать, что изучение этой пентаграммы само по себе привело магов к знанию этого Нового Имени, которое должно было быть превознесено над всеми именами и преклонять колени перед всеми существами, способными на поклонение. Магия, таким образом, объединяет в единой науке то, что наиболее достоверно в философии, что вечно и непогрешимо в религии. Она совершенно и неоспоримо примиряет эти два термина, столь противоположных на первый взгляд, — веру и разум, науку и верование, авторитет и свободу. Это дает человеческому разуму инструмент философской и религиозной достоверности, столь же точный, как математика, и даже объясняющий непогрешимость самой математики.

Следовательно, Абсолют существует в сферах понимания и веры. Высший Разум не оставил свет человеческого разума колебаться перед лицом опасности. Существует неоспоримая истина; существует безошибочный метод познания этой истины; в то время как те, кто достигает этого знания и принимает его как правило жизни, могут наделить свою волю суверенной силой, которая может сделать их хозяевами всех низших вещей, всех блуждающих духов, или, другими словами, арбитрами и королями мира.

Если это так, то почему столь возвышенная наука до сих пор остается непризнанной? Как возможно предположить, что такое яркое солнце скрыто в таком темном небе? Трансцендентальная наука была известна всегда, но только цветам разума, которые поняли необходимость тишины и терпения. Если бы искусный хирург открыл в полночь глаза человеку, слепорожденному от рождения, все равно было бы невозможно заставить его осознать природу или существование дневного света до наступления утра. У науки есть свои ночи и свои утра, потому что жизнь, которую она сообщает миру разума, характеризуется регулярными способами движения и прогрессивными фазами. С истинами происходит то же самое, что и с

излучениями света. Ничто из скрытого не теряется, но в то же время ничто из найденного не является абсолютно новым. Печать вечности наложена Богом на ту науку, которая является отражением Его славы.

ПЕНТАГРАММА АБСОЛЮТА

Трансцендентальная наука, абсолютная наука, несомненно, является Магией, хотя это утверждение может показаться крайне парадоксальным тем, кто никогда не подвергал сомнению непогрешимость Вольтера — этого замечательного мелкотравчатого человека, который думал, что знает так много, потому что никогда не упускал возможности посмеяться вместо учебы. Магия была наукой Авраама и Орфея, Конфуция и Зороастра, и именно магические доктрины были начертаны на каменных скрижалях Енохом и Трисмегистом. Моисей очистил и вновь завуалировал их — в этом смысл слова "раскрыть". Новая личина, которую он

им дал, была личиной Священной Каббалы — этого исключительного наследия Израиля и неприкосновенной тайны его священников.[1] Мистерии Элевсина и Фив сохранили среди язычников некоторые из своих символов, но в искаженной форме, а мистический ключ был утерян среди аппарата постоянно растущего суеверия. Иерусалим, убивавший своих пророков и снова и снова блудодействовавший ложным ассирийским и вавилонским богам, закончил тем, что, в свою очередь, утратил Священное Слово, когда Спаситель, провозглашенный волхвам святой звездой посвящения, пришел сорвать ветхую завесу старого храма, чтобы наделить Церковь новой сетью легенд и символов, навсегда скрывая от профанов и сохраняя для избранных ту истину, которая неизменна навеки.

Именно это эрудированный и неудачливый Дюпюи должен был найти на индийских планисферах и в таблицах Дендеры; он не закончил бы тем, что отверг истинно католическую или универсальную и вечную религию в присутствии единодушного утверждения всей Природы, а также всех памятников науки на протяжении веков.[2] Именно память об этом научном и религиозном абсолюте, об этой доктрине, обобщенной в слове, об этом слове, попеременно утрачиваемом и вновь обретаемом, передавалась избранным всех древних посвящений. Сохраненная или оскверненная в знаменитом Ордене Храма, именно эта память, переданная тайным ассоциациям розенкрейцеров, иллюминатов и масонов, придала смысл их странным ритуалам, их менее или более условным знакам и, прежде всего, оправдала их общую преданность, а также дала ключ к их могуществу.

Мы не намерены отрицать, что доктрины и тайны Магии подверглись профанации; повторяющееся из века в век злоупотребление само по себе стало великим и ужасным уроком для тех, кто неразумно обнародовал тайные вещи. Гностики добились того, что христиане запретили гнозис, и официальное святилище было закрыто для высших посвящений. Иерархия знания, таким образом, была скомпрометирована вмешательством узурпирующего невежества, в то время как беспорядки в святилище были воспроизведены в государстве, ибо, вольно или невольно, царь всегда зависит от священника, и именно к вечному *аудитуму* божественного наставления земные власти всегда будут стремиться за посвящением и энергией, чтобы обеспечить свое постоянство.

Ключ от науки был передан детям; следовательно, как и следовало ожидать, сейчас он затерян и практически утерян. Несмотря на это, человек высокой интуиции и большого морального мужества, граф Жозеф де Местр, который также был убежденным католиком, признавая, что мир лишен религии и не может оставаться таким, инстинктивно обратил свой взор к последним святилищам оккультизма и вознес сердечные молитвы о том дне, когда естественная близость, существующая между наукой и верой, объединит их в уме одного гениального человека. “Это будет грандиозно, - сказал он. - Это положит конец тому восемнадцатому веку, который все еще с нами.... Тогда мы поговорим о нашей нынешней глупости так же, как сейчас распространяемся о варварстве средневековья”.

Предсказание графа Жозефа де Местра сбывается; союз науки и веры, достигнутый давным-давно, здесь прекрасно проявлен, хотя и не гениальным человеком. Не нужно быть гением, чтобы увидеть солнце, и, более того, оно никогда не демонстрировало ничего, кроме своего

редкого величия и своего света, недоступного толпе. Великая истина требует, чтобы ее нашли только тогда, когда простейшие будут в состоянии постичь ее и доказать также при необходимости. В то же время эта истина никогда не станет вульгарной, потому что она иерархична и потому что только анархия потакает предвзятости толпы. Массы не нуждаются в абсолютных истинах; будь это иначе, прогресс был бы остановлен и жизнь в человечестве прекратилась бы; приливы и отливы противоположных идей, столкновение мнений, страсти времени, всегда движимые его мечтами, необходимы для интеллектуального роста народов. Массы прекрасно знают это, и поэтому они с такой готовностью покидают кафедру врачей, чтобы собрать вокруг трибуны шарлатанов. Некоторые даже из тех, кто, как предполагается, интересуется философией, и это, возможно, особенно, слишком часто напоминают детей, играющих в шарады, которые спешат выставить тех, кто уже знает ответ, чтобы игра не была испорчена лишением головоломки вопросов, теряющих всякий интерес.

“Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога” - было сказано Вечной Мудростью. Таким образом, чистота сердца очищает разум, а прямота воли способствует точности понимания. Всякий, кто предпочитает истину и правосудие всему сущему, получит справедливость и истину в награду, потому что высшее Провидение наделило нас свободой, чтобы мы могли обрести жизнь; и сама истина, несмотря на всю свою точность, вмешивается только мягко, никогда не вызывает возмущения медлительностью или насилия в отношении ошибок нашей воли, когда она обманута соблазнами лжи.

Однако, согласно Боссюэ, остается, что всему, что может доставлять удовольствие или отталкивать наши чувства, предшествует истина, и именно она должна определять наше поведение, а не наши аппетиты. Царство Небесное - это не империя каприза ни в отношении человека, ни в отношении Бога. “Вещь справедлива не потому, что такова воля Бога, - сказал святой Фома, - но Бог желает этого, потому что это справедливо”. Божественное равновесие управляет и требует вечной математики. “Бог сотворил все сущее с числом, весом и мерой” — вот о чем говорит Библия.[3] Измерьте угол творения, произведите пропорционально прогрессивное умножение, и вся бесконечность умножит свои круги, населенные вселенными, проходящими пропорциональными отрезками между вытянутыми символическими стрелками вашего компаса. Предположим теперь, что из какой бы точки бесконечности над вами рука ни держала другой циркуль или угольник, тогда линии небесного треугольника обязательно пересекутся с линиями научного компаса и образуют вместе с ним таинственную звезду Соломона.[4]

“Какой мерой вы мерите, такой и вам отмерят”, - говорится в Евангелии. Бог не борется с человеком, чтобы сокрушить его Своим величием, и Он никогда не кладет неравные гири на Свои весы. Когда Он хотел испытать силу Иакова, Он принимает облик человека; патриарх выдерживает натиск целую ночь; в конце дается благословение побежденным, и, в дополнение к славе за то, что он выдержал такую борьбу, ему присваивается национальный титул Израиля, который означает "Сильный против Бога".[5]

Мы слышали, как христиане, более ревностные, чем проинструктированные, отваживались на странное объяснение догмы о вечном наказании, предполагая, что Бог может бесконечно мстить за оскорбление, которое само по себе конечно, потому что, если преступник ограничен, величие оскорбленного существа не ограничено. Император мира мог бы на основании

аналогичного предлога приговорить к смерти какого-нибудь неразумного ребенка, который случайно запачкал край своего пурпура. Совершенно иначе обстоят дела с прерогативами величия, и св. Августин понял их лучше, когда сказал, что “Бог терпелив, потому что Он вечен”. В Боге все есть справедливость, поскольку все есть благодать; Он никогда не прощает так, как люди, ибо Он никогда не гневается, как они; но зло по своей природе несовместимо с добром, как ночь с днем, как разлад с гармонией, и, кроме того, свобода человека неприкосновенна, поэтому любая ошибка искупается, а всякое злонаказывается соразмерными ему страданиями. Тщетно призывать на помощь Юпитера, когда наша телега застряла в грязи; если мы не возьмем кирку и лопату, как возчик из басни, Небеса не вытащат нас из колеи. Помогите себе, и Бог поможет вам. Таким разумным и сугубо философским образом объясняется возможная и необходимая вечность наказания, при этом для человека все еще открыт узкий путь избежать его — тяжкий труд и раскаяние.[6]

Только следуя правилам вечной силы, человек может соединиться с созидательной энергией и, в свою очередь, стать творцом и хранителем. Бог не ограничил строго количество кругов на лестнице света Иакова. Все, что Природа сочла низшим по отношению к человеку, тем самым становится подвластным ему: человек должен расширять свои владения благодаря постоянному восхождению. Продолжительность и даже бессрочность жизни, воздушное пространство и его бури, земля и ее металлические жилы, свет и его чудесные иллюзии, тьма и сны о ней, смерть и ее призраки — все это, следовательно, подчиняется царскому скипетру волхвов, пастушьему посоху Иакова и ужасному жезлу Моисея. Адепт становится царем стихий, преобразователем металлов, толкователем видений, управляющим оракулами, хозяином жизни в целом, в соответствии с математическим порядком Природы и в согласии с волей Высшего Разума. Это Магия во всей ее красе. Но есть ли кто-нибудь, кто в наши дни осмелится поверить таким словам? Ответ таков — те, кто будет преданно учиться и честно постигать знания. Мы не пытаемся скрыть истину под завесой притч или иероглифических знаков; пришло время, когда должно быть рассказано все, и мы предлагаем рассказать все. Короче говоря, в наше намерение входит раскрыть ту вечно тайную науку, которая, как мы указали, скрыта за тенями древних мистерий, которую гностики неумело предали или, скорее, недостойно исказили, которая смутно распознается во тьме, окутывающей мнимые преступления тамплиеров, которая встречается еще раз под ныне непроницаемыми загадками Высокоразвитых масонских ритуалов. Наша дальнейшая цель - вынести на всеобщее обозрение фантастического Короля Шабаша, разоблачить самые корни Черной магии и ее ужасающую реальность, давно ставшую предметом насмешек внуков Вольтера.

Для огромного числа читателей Магия — это наука о дьяволе, точно так же, как наука о свете отождествляется с наукой о тьме. С самого начала мы смело признаемся, что не боимся дьявола. “Я боюсь за тех, кто боится его”, - сказала святая Тереза. Но мы свидетельствуем также, что он не вызывает у нас смеха и что насмешки, объектом которых он часто является, кажутся нам чрезвычайно неуместными. Как бы то ни было, наше намерение состоит в том, чтобы представить его перед светом науки. Но дьявол и наука — сочетание двух столь странно несочетаемых имен - должно было, по-видимому, раскрыть весь замысел. Если мистическое олицетворение тьмы таким образом вытаскивается на свет, не для того ли это, чтобы уничтожить призрак лжи в присутствии истины? Разве это не для того, чтобы рассеять днем всех бесформенных ночных чудовищ? Поверхностные люди будут так думать и будут осуждать, не слушая. Плохо образованные христиане придут к выводу, что мы подрываем фундаментальную догму их этики, порицая ад; а другие усомнятся в полезности борьбы с заблуждениями, в

которые, как они воображают, уже никто не верит. Поэтому важно четко сформулировать нашу цель и твердо установить наши принципы.

Поэтому мы говорим христианам, что автор этой книги такой же христианин, как и вы. Его вера - вера твердо и глубоко убежденного католика; по этой причине он выступает не для отрицания догм, а для борьбы с нечестием в его самых пагубных формах, которыми являются ложная вера и суеверия. Он приходит, чтобы вытащить из тьмы черногопребие Аримана, чтобы среди бела дня разоблачить его колоссальное бессилие и ужасающее несчастье. Он приходит, чтобы подчинить вековую проблему зла решению науки, снять корону с царя ада и склонить его голову у подножия креста. Разве девственной и материнской науке — той науке, сладостным и лучезарным образом которой является Мария, — не суждено, подобно ей, сокрушить голову древнего змея?

Автор, с другой стороны, сказал бы мнимой философии: зачем пытаться отрицать то, чего вы не можете понять? Разве неверие, которое утверждается перед лицом неизвестного, не является более опрометчивым и менее утешительным, чем вера? Вызывает ли у вас улыбку только ужасная форма персонифицированного зла? Разве ты не слышишь непрекращающихся рыданий человечества, которое корчится и рыдает в сокрушительных объятиях чудовища? Разве ты никогда не слышал отвратительного смеха злодея, преследующего праведника? Разве вы никогда не испытывали на себе раскрытия тех адских глубин, которые гений извращенности прокладывает в каждой душе? Моральное зло существует — такова печальная истина; оно царит в определенных духах; оно воплощается в определенных людях; следовательно, оно персонифицировано, и таким образом существуют демоны; но самый злой из этих демонов - сатана. Большого я не прошу вас признавать, и вам будет трудно признать меньшее.

Пусть будет иначе и при ясном понимании, что наука и вера оказывают взаимную поддержку друг другу только в той мере, в какой их соответствующие сферы остаются нерушимо различными. Во что мы верим? То, чего мы не знаем абсолютно, хотя можем стремиться к этому изо всех сил. Объект веры - это не более чем необходимая гипотеза для науки; о вещах, относящихся к области знания, никогда не следует судить с точки зрения процессов веры, равно как и, наоборот, о вещах веры с точки зрения науки. Конец веры с научной точки зрения не подлежит обсуждению. “Я верю, потому что это абсурдно”, — сказал Тертуллиан; и это высказывание, каким бы парадоксальным оно ни было на первый взгляд, принадлежит высшему разуму. На самом деле, за пределами всего, что мы можем предположить рационально, существует бесконечность, к которой мы стремимся с неутолимой жадностью, и она ускользает даже от наших мечтаний. Но разве само бесконечное не является абсурдом для нашего конечного понимания? Мы все равно чувствуем, что это так; бесконечность вторгается в нас, переполняет нас, вызывает головокружение от ее бездн и сокрушает нас своей ужасной высотой.

Научно обоснованные гипотезы - это все без исключения последние полусветы или тени науки; вера начинается там, где истощается разум. За пределами человеческого разума есть Разум Божественный — для моей слабости это высший абсурд, но бесконечный абсурд, который сбивает меня с толку и в который я верю.

Только добро бесконечно; зло - нет; и, следовательно, если Бог является вечным объектом веры, то дьявол принадлежит науке. В каком из католических вероучений возникает какой-либо вопрос относительно него? Не будет ли богохульством сказать, что мы верим в него? В

Священном Писании он назван, но не определен. В Книге Бытия нет ни малейшего намека на предполагаемое восстание ангелов; она приписывает грехопадение Адама змею, как самому коварному и опасному из живых существ. Мы знакомы с христианской традицией по этому вопросу; но если эта традиция объясняется одной из величайших и наиболее распространенных аллегорий науки, что может означать такое решение для веры, которая стремится только к Богу, которая презирает великолепие и деяния Люцифера?

Люцифер—Светоносец — какое странное имя, приписываемое духу тьмы! Это тот, кто несет свет и все же ослепляет слабые души? Ответ, несомненно, "да", ибо традиции полны божественных откровений и вдохновений. "Сам сатана преобразился в ангела света", - говорит святой Павел. И Сам Христос сказал: "Я видел сатану, как молнию, упавшую с небес". Так и у пророка Исая: "Как ты пал с небес, о Люцифер, сын зари". Таким образом, Люцифер — это упавшая звезда, метеор, который всегда горит, который сгорает, когда перестает светить. Но является ли этот Люцифер личностью или силой, ангелом или заблудившейся молнией? Традиция предполагает, что это ангел, но Псалмопевец говорит: "Который делает ангелов своих духами; слугителей своих - пылающим огнем". Слово "ангел" применяется в Библии ко всем посланникам Бога — эмиссарам или новым творениям, провозвестникам или бичам, сияющим духам или блестящим предметам. Огненные стрелы, которые Всевышний пронзает сквозь облака, - это ангелы Его гнева, и такой образный язык знаком всем читателям восточной поэзии.

Будучи ужасом мира в период средневековья, дьявол стал его насмешкой.^[7] Наследник чудовищных форм всех ложных богов, последовательно низвергнутых со своих тронов, гротескное пугало превратилось в простое пугало из-за самого уродства и уродливости. Однако заметьте, что смеяться над дьяволом осмеливаются только те, кто не знает страха Божьего. Может ли быть так, что для многих больных воображений он является собственной тенью Бога, или же он часто не является идолом дегенеративных душ, которые понимают сверхъестественную силу только как безнаказанное проявление жестокости?

Но важно выяснить, можно ли согласовать представление об этой злой силе с представлением о Боге — одним словом, существует ли дьявол и, в таком случае, кто он такой. Больше нет вопроса о суевериях или нелепых выдумках; это вопрос только религии и, следовательно, всего будущего со всеми интересами человечества.

Мы действительно странные мыслители: мы называем себя сильными духом, когда безразличны ко всему, кроме материальных преимуществ, таких как, например, деньги; и мы оставляем на произвол судьбы идеи, которые являются материями мнений и могут или, по крайней мере, способны своим внезапным изменением расстроить все судьбы. Научные достижения гораздо важнее, чем открытие золотого рудника. При наличии науки золото используется на благо жизни; при наличии невежества богатство дает только разрушительное оружие.

В остальном, следует абсолютно точно понимать, что наши научные открытия приостанавливаются в присутствии веры, что — как христиане и католики — наша работа полностью подчиняется высшему суду Церкви. Сказав это, тем, кто сомневается в существовании дьявола, мы хотели бы указать, что все, что имеет название, существует; речь может быть произнесена напрасно, но сама по себе она не может быть напрасной, и она неизменно имеет значение. Слово никогда не бывает пустым, и если написано, что оно в Боге, а также что оно есть Бог, то это потому, что оно является выражением и доказательством бытия и истины. Дьявол назван и персонифицирован в Евангелии, которое является Словом истины;

следовательно, он существует и может рассматриваться как личность. Но здесь именно христианин откладывает: пусть говорит наука или разум; эти двое - одно.^[8]

Зло существует; в этом невозможно сомневаться; мы можем творить добро или зло. Есть существа, которые творят зло сознательно и добровольно. Дух, который одушевляет эти существа и побуждает их творить зло, обманут, свернут с правильного пути и брошен поперек пути добра как препятствие; таково точное значение греческого слова *diabolos*, которое мы переводим как дьявол. Духи, которые любят и творят зло, случайно становятся плохими. Следовательно, существует дьявол, который является духом заблуждения, умышленного невежества, головокружения; есть существа, находящиеся в его повиновении, которые являются его посланниками, эмиссарами, ангелами; и именно по этой причине Евангелие говорит о вечном огне, который приготовлен и в некотором смысле предопределен для дьявола и его ангелов. Эти слова сами по себе являются откровением, поэтому давайте исследуем их значение, давая, в первую очередь, краткое определение зла. Зло - это отсутствие праведности в бытии. Моральное зло - это ложь в действии, так же как ложь в речи является преступлением. Несправедливость является сущностью лжи, и каждая ложь - это несправедливость. Когда то, что мы произносим, справедливо, в этом нет лжи. Когда то, что мы делаем, справедливо и истинно по модусу, в этом нет греха. Несправедливость - это смерть нравственного существа, поскольку ложь - это яд разума. Следовательно, ложный дух - это дух смерти. Те, кто прислушивается к нему, становятся его обманутыми и отравляются им. Но если бы нам пришлось серьезно отнестись к его абсолютной персонификации, он сам был бы абсолютно мертв и абсолютно обманут, а это значит, что утверждение его существования должно подразумевать явное противоречие. Иисус сказал, что дьявол - лжец, как и его отец. Кто же тогда отец дьявола? Всякий, кто обеспечивает ему личное существование, живя в соответствии с его вдохновением; человек, который превращает себя в дьявола, является отцом воплощенного духа зла. Но существует опрометчивая, нечестивая и чудовищная концепция, традиционная, как гордыня фарисеев, и, в конце концов, существует гибридное творение, которое вооружило ничтожную философию восемнадцатого века очевидной защитой. Это ложный Люцифер из неортодоксальной легенды — этот ангел, достаточно гордый, чтобы считать себя Богом, достаточно храбрый, чтобы купить независимость ценой вечных мук, достаточно красивый, чтобы поклоняться самому себе в полном Божественном Свете; достаточно сильный, чтобы по-прежнему править во тьме и нищете и соорудить трон из своего неугасимого огня. Это сатана еретика и республиканца Мильтона, мнимый герой черных вечностей, оклеветанный уродством, украшенный рогами и когтями, которые лучше бы подошли его неумолимому мучителю. Это дьявол, который является царем зла, как если бы зло было царством, который более умен, чем гениальные люди, которые боятся его козней. Он (а), что черный свет, что тьма с глазами, что силы, которые Бог не изволил, но которые не падшее существо может создать; (б) что князь анархии обслуживается иерархии чистых духов;^[9] (с) что изгнание Бога на Земле, кажется, как он, везде, но более осязаемым, более для большинства доказательств, и это лучше, чем сам Бог; (д) что покорили один, которому Виктор дает детям своим, что он может пожирать их; (е) что ремесленник грехов плоти, в которых плоть-ничто, и кто поэтому не может быть ничем для плоти, если, конечно, он ее создатель и хозяин, как Бог; (е) этой огромной, понял, олицетворенная и вечная ложь; (г) что смерть, которая не может умереть; (ч) кощунство, что слово Божье никогда не тишина; (я) что отравитель душ, которого Бог терпит на противоречие его всемогущество и варенья, в качестве римских императоров охраняли Локусты среди трофеев их царствования; (к) что казненного преступника, живого еще, чтобы

проклясть его судьи и до сих пор вызывает против него, поскольку он никогда не раскается; (л), что монстр принят в качестве палача суверенной власти, и который, по словам насильственного выражение старого католического писателя, можете назвать Богом Бога дьявола описывая себя как дьявол Бога.

Таков нерелигиозный призрак, который богохульствует религия. Долой этого идола, скрывающего нашего Спасителя. Долой тирана лжи, черного бога манихеев, Аримана древних идолопоклонников. Живой Бог и воплощенное Его Слово, который видел падение сатаны с небес. И жива Мария, Божественная Мать, сокрушившая голову адского змея.

Так взывают в один голос предания святых, и так взывают верные сердца. Приписывать какое бы то ни было величие падшему духу - это клевета на Божественность; приписывать какую бы то ни было царственность мятежному духу - значит поощрять бунт и быть виновным, по крайней мере мысленно, в том преступлении, которое ужас средневековья называл колдовством. Ибо все обиды, за которые древние маги несли смерть, были настоящими преступлениями и действительно были величайшими из всех. Они украли огонь с небес, подобно Прометею; они ездили верхом на крылатых драконах и летающих змеях, подобно Медее; они отравляли воздух, которым можно дышать, подобно тени дерева манчинель; они оскверняли святыни и даже использовали тело Господа в делах разрушения и злонамеренности.

Как все это возможно? Потому что существует составной агент, естественный и божественный агент, одновременно телесный и духовный, универсальный пластический посредник, общееместилище вибраций движения и образов формы, флюид и сила, которые можно назвать, по крайней мере в некотором смысле, воображением Природы. При посредничестве этой силы каждый нервный аппарат находится в тайной связи друг с другом; отсюда возникают симпатии и антипатии, отсюда сновидения, отсюда феномены второго зрения и сверхъестественного видения. Этим универсальным проводником творений Природы является *Од евреев и Рейхенбаха*, Астральный Свет мартинистов, [10] название которого мы предпочитаем как более четкое.

Существование и возможное применение этой силы составляют великую тайну Практической Магии; это Волшебный Жезл Тауматургии и Ключ к Черной Магии. Это эдемский змей, который передал Еве обольщения падшего ангела. Астральный Свет согревает, освещает, магнетизирует, привлекает, отталкивает, оживляет, разрушает, свертывает, разделяет, ломает и соединяет все под воздействием могущественной воли. Бог сотворил его в первый день, когда сказал: “Да будет свет”. Эта сила сама по себе слепа, но направляется *Эгрегорами*, то есть вождями душ, или, другими словами, энергичными и деятельными духами. [11]

Здесь представлена полная объяснительная теория чудес. Как, на самом деле, добро и зло могут одинаково принуждать Природу раскрывать свои скрытые силы, как могут происходить божественные и дьявольские чудеса, как может отверженный и обманутый дух обладать большей властью определенными способами и случаями, чем справедливый дух, который на самом деле так силен в простоте и мудрости, если только мы не постулируем инструмент, который все могут использовать при определенных условиях, но одни для великого блага, а другие для великого зла?

Сначала маги фараона творили те же чудеса, что и Моисей. Инструмент, которым они пользовались, был, следовательно, один и тот же; отличалось только вдохновение; когда они признавали себя побежденными, они провозглашали, что для них человеческие силы достигли предела и что в Моисее должно быть что-то сверхчеловеческое.^[12] Это произошло в Египте, этой матери магических посвящений, в той стране, где существовали все оккультные науки, иерархические и священные наставления. Однако было ли труднее заставить мух появиться, чем лягушек? Нет, конечно; но маги знали, что жидкостная проекция, с помощью которой биологизируются глаза, не может выходить за определенные границы, и они уже были пройдены Моисеем.^[13]

Особый феномен возникает, когда мозг перегружен астральным светом; зрение обращено внутрь, а не наружу; на внешний и реальный мир опускается ночь, в то время как мир грез сияет фантастическим блеском; даже физические глаза испытывают легкое подрагивание и поднимаются кверху веками. Тогда душа воспринимает посредством образов отражение своих впечатлений и мыслей. Это означает, что аналогия, существующая между идеей и формой, привлекает в Астральном Свете отражение, представляющее эту форму, конфигурация которой является сущностью жизненного света; это универсальное воображение, меньшую или большую часть которого каждый из нас присваивает в соответствии с уровнем нашей чувствительности и памяти. В этом источник всех видений, всех экстраординарных видений и всех интуитивных феноменов, свойственных безумию или экстазу.

Присвоение или ассимиляция света ясновидящей чувствительностью является одним из величайших явлений, которые могут быть изучены наукой. В грядущий день может быть понято, что видение на самом деле означает говорение и что сознание света - это сумерки вечной жизни в бытии. Слово Самого Бога, Который творит свет, и произносится всем разумом, который постигает формы и стремится визуализировать их. "Да будет свет". Свет в модусе яркости существует только для глаз, которые смотрят на него, и душа, очарованная зрелищем вселенской красоты и фиксирующая свое внимание на том светящемся шрифте бесконечной книги, который называется "Проявленные вещи", кажется, сама вызывает, как Бог на заре первого дня, к возвышенным и созидательным словам: *Fiat lux*.

Мы не все видим одинаковыми глазами, и творение не для всех одинаково по цвету и форме. Наш мозг - это книга, напечатанная внутри и снаружи, и при малейшей степени возбуждения почерк становится размытым, как это постоянно происходит в случаях опьянения и безумия. Тогда мечта торжествует над реальной жизнью и погружает разум в сон, не знающий пробуждения. Это состояние галлюцинации имеет свои степени; все страсти - это опьянение; все энтузиазмы - это сравнительные и постепенные мании. Влюбленный видит только бесконечные совершенства, окружающие тот объект, которым он очарован. Но, несчастное увлечение сладострастников, завтра этот запах вина, который манит его, станет отвратительным воспоминанием, вызывающим тысячу отвращений.

Понимать использование этой силы, но никогда не быть одержимым и никогда не побежденным ею, значит наступать на голову змеи, и именно этому мы учимся из Магии Света; в таких секретах содержатся все тайны магнетизма, название которого действительно можно применить ко всей практической части древней Трансцендентальной Магии. Магнетизм - это волшебный жезл чудес, но он предназначен только для посвященных; для опрометчивых и необразованных людей, которые забавляются с ним или заставляют его потакать своим

страстям, он так же опасен, как та всепоглощающая слава, которая, согласно аллегорической басне, уничтожила слишком амбициозную Семелу в объятиях Юпитера.

Одно из величайших преимуществ магнетизма заключается в том, что он неоспоримыми фактами демонстрирует духовность, единство и бессмертие души; и когда эти вещи становятся очевидными, Бог проявляется всему разуму и всем сердцам. Впоследствии, исходя из веры в Бога и гармонии творения, мы приходим к той великой религиозной гармонии, которая не существует вне чудесной и законной иерархии Католической церкви, ибо только она сохранила все традиции науки и веры.

ВЕЛИКИЙ СИМВОЛ СОЛОМОНА

Изначальная традиция единого откровения была сохранена священством Израиля под названием Каббала. Каббалистическая доктрина, которая является доктриной Трансцендентальной Магии, содержится в *Сефер Йецира*, *Зоаре* и *Талмуде*.^[14] Согласно этому учению, абсолют есть Бытие, и в нем есть Слово, выражающее причину Бытия и жизни. Следовательно, принцип заключается в том, что Бытие есть бытие, *אֵל אֵל תֵּחַ אֵל אֵל*. В начале было Слово, которое означает, что оно есть, было и будет; и это говорит разум. В начале было Слово. Слово является причиной веры, и в нем также выражается та вера, которая дает жизнь науке. Слово, или Логос, является источником логики. Иисус - Воплощенное Слово. Согласие разума с верой, науки с верой, авторитета со свободой стало в наши дни настоящей загадкой сфинкса. По совпадению с этой великой проблемой возникла та, которая касается соответствующих прав мужчины и женщины. Это было неизбежно, поскольку между несколькими терминами великого и высочайшего вопроса существует постоянная аналогия, и трудности, как и соответствия, неизменно одни и те же. Развязывание этого гордиева узла философии и современной политики представляется явно парадоксальным, поскольку для достижения согласия между членами требуемого уравнения всегда существует тенденция путать одно с другим. Если есть что-то, что заслуживает названия высшей абсурдности, так это выяснение того, как вера становится разумом, разум - верой, а свобода - авторитетом; или, наоборот, как женщина становится мужчиной, а мужчина - женщиной. Сами определения препятствуют такой путанице, и только проводя четкое различие между терминами, мы можем привести их к согласию. Совершенное и вечное различие между двумя первичными терминами творческого силлогизма для демонстрации их гармонии в силу аналогии противоположностей является вторым великим принципом этой оккультной философии, скрытой под именем Каббалы и обозначаемой всеми священными иероглифами древних святилищ, а также ритуалами древнего и современного масонства, даже сейчас столь мало понятными.

Мы читаем в Священном Писании, что Соломон воздвиг две медные колонны перед дверью своего Храма, одна из которых называлась *Иахин*, а другая *Воаз*, что означает сильный и слабый.^[15] Эти два столпа олицетворяли мужчину и женщину, разум и веру, силу и свободу, Каина и Авеля, право и долг. Они были столпами интеллектуального и нравственного мира, монументальным иероглифом антиномии, неизбежной для великого закона творения. Смысл в том, что каждая сила постулирует сопротивление, на которое она может воздействовать, каждый свет - тень в качестве своего фона, каждое выпуклое - вогнутое, каждый приток - вместилище, каждое правление - королевство, каждый суверен - народ, каждый рабочий - первичное дело, каждый завоеватель - нечто, что нужно преодолеть. Утверждение покоится на отрицании, сильный может восторжествовать только из-за слабости, аристократия не может проявиться иначе, как возвышаясь над народом. Для слабых стать сильными, для людей занять аристократическое положение - это вопрос трансформации и прогресса, но это не наносит ущерба основным принципам; слабые всегда будут слабыми, и не имеет значения, если они не всегда будут одними и теми же личностями. Точно так же народ всегда останется народом, массой, которой правят, но которая не способна править. В огромной армии подчиненных всякая личная эмансипация - это автоматическое дезертирство, которое, к счастью, незаметно, потому что оно также автоматически заменяется; нация-король или народ королей предполагали бы рабство всего мира и анархию в одном городе, вне всякой дисциплины, как в Риме в дни его величайшей славы. Нация суверенов неизбежно была бы такой же анархичной, как класс экспертов или ученых, считающих себя хозяевами; слушать было бы некого; все были бы догматиками и все отдавали приказы одновременно.

Радикальная эмансипация женственности относится к той же категории. Если женщина целостно и радикально покидает пассивное состояние и переходит в активное, она отрекается от своего пола и становится мужчиной, или, скорее, поскольку такая трансформация физически невозможна, она достигает утверждения посредством двойного отрицания, ставя себя вне обоих полов, подобно бесплодному и чудовищному андрогину. Это строгие следствия великой каббалистической догмы, касающейся того различия противоположностей, которое достигает гармонии посредством аналогии их пропорций. Однажды признанная эта догма и повсеместное применение ее результатов в соответствии с законом аналогий, будет означать открытие величайших секретов, касающихся материнской симпатии и антипатии; это будет также означать открытие науки управления в политических делах, в браке, во всех отраслях оккультной медицины, будь то магнетизм, гомеопатия или моральное влияние. Более того, и это призвано объяснить, закон равновесия по аналогии приводит к открытию универсального средства, которое было Великим Секретом алхимиков и магов средневековья. Было сказано, что этот агент является светом жизни, с помощью которого одушевленные существа становятся магнитными, а электричество является, так сказать, лишь его случайностью и преходящим возмущением. Практика этой чудесной Каббалы, к которой мы вскоре обратимся, для удовлетворения тех, кто ищет в тайных науках эмоций, а не мудрых учений, полностью основана на знании и использовании этого средства.

Религия каббалистов - это одновременно гипотеза и уверенность, поскольку она идет от известного к неизвестному с помощью аналогии. Они признают религию потребностью человечества, очевидным и необходимым фактом, и только это для них является божественным, постоянным и универсальным откровением. Они не спорят ни о чем, что есть, но они являются причиной всего. Точно так же их доктрина, четко проводя демаркационную линию, которая должна существовать вечно между наукой и верой, обеспечивает основу для веры в высший разум, гарантируя ее неоспоримую и постоянную продолжительность. После этого следуют популярные формы учения, которые одни могут варьироваться и одни уничтожают друг друга; каббалиста не только не беспокоят тривиальности такого рода, но и он может на месте обосновать самые удивительные формулы. Из этого следует, что его молитва может быть присоединена к молитве человечества в целом, чтобы направить ее с помощью иллюстраций из науки и разума и направить ее в ортодоксальное русло. Если будет упомянута Мария, он будет благоговеть перед осознанием в ней всего божественного в мечтах невинности, всего восхитительного в священном энтузиазме каждого материнского сердца. Это не тот, кто откажется от цветов, украшающих алтари Богоматери, или от белых знамен для ее часовен, или даже от слез для ее простодушных легенд. Это не тот, кто будет насмехаться над новорожденным Богом, плачущим в яслях, или над израненной жертвой на Голгофе. Тем не менее, он повторяет от всего сердца, подобно мудрецам Израиля и правоверным последователям ислама: Нет Бога, кроме Бога. Для посвященных в истинную науку это означает: есть только одно Существо, и это - Бытие. Но все, что целесообразно и трогательно в верованиях, кроме великолепия ритуалов, великолепия божественных творений, изящества молитв, волшебства небесных надежд, — разве это не сияние нравственной жизни во всей ее молодости и красоте? Если что-либо и может оттолкнуть истинного посвященного от публичных молитв и храмов, если что-либо вызовет у него отвращение или возмущение против религиозных форм любого рода, то это будет явное неверие священников или народа, недостаток достоинства в церемониях культа — одним словом, профанация святынь. Бог действительно присутствует, когда Ему поклоняются собравшиеся души и чувствующие сердца;

Он отсутствует, ощутимо и ужасно, когда о Нем говорят без света или рвения, то есть без понимания или любви.

Адекватная концепция Бога в соответствии с наставлениями каббалистов - это то, что было открыто святым Павлом, когда он сказал, что для достижения Бога мы должны верить, что Он есть и что Он вознаграждает тех, кто ищет Его. Итак, нет ничего вне идеи бытия в сочетании с идеей добра и справедливости: только они абсолютны. Сказать, что Бога нет, или определить, что Он есть, равносильно богохульству. Каждое определение Бога, на которое отваживается человеческий разум, является рецептом религиозного эмпиризма, из которого суеверие впоследствии извлекает дьявола.

В каббалистической символике Бог всегда представлен дублированным изображением — одно прямое, другое перевернутое; одно белое, а другое черное.^[16] Таким образом мудрецы стремились выразить разумные и вульгарные представления об одной и той же идее — идее Бога света и Бога тени. К неправильному пониманию этого символа следует отнести персидского Аримана — черного, но божественного предка всех демонов. Сон о царе ада - это всего лишь ложное представление о Боге.

Свет в отсутствие тени был бы невидим для наших глаз, поскольку он производил бы всепоглощающий блеск, равный величайшей темноте. В аналогиях с этой физической истиной, понятых и рассмотренных адекватно, будет найдено решение одной из самых ужасных проблем - происхождения зла. Но понять это полностью, вместе со всеми вытекающими последствиями, предназначено не для толпы, которая не должна так легко проникать в секреты всеобщей гармонии. Только после того, как посвященный в элевсинские мистерии победоносно прошел все испытания, увидел святыни и прикоснулся к ним, если его считали достаточно сильным, чтобы выдержать последнюю и самую ужасную тайну, мимо него быстро проходил жрец в вуали и произносил ему на ухо загадочные слова: "Осирис - черный бог". Так было с Осирисом, оракулом которого является Тифон, и так было с божественным религиозным солнцем Египта, которое внезапно затмилось, став тенью той великой, неопределимой Исиды, которая есть все, что было и будет, и чей вечный покров никто не поднимал.

Свет является активным принципом для каббалистов, в то время как тьма аналогична пассивному принципу, по этой причине они считали солнце и луну символами двух божественных полов и двух созидательных сил. Точно так же они приписывали женщине первое искушение и грех, а впоследствии и первый труд — материнский труд искупления: именно из лона самой тьмы возрождается свет. Пустота притягивает *изобилие*, и таким образом бездна бедности и убожества, притворного зла, кажущегося ничтожества и эфемерного бунта созданий вечно притягивает океан бытия, богатства, милосердия и любви. Это интерпретирует символ нисхождения Христа в ад после излияния на кресте всей безмерности самого чудесного прощения.

Тем же законом гармонии по аналогии противоположностей каббалисты объясняют также все тайны сексуальной любви. Почему эта страсть более постоянна между двумя неравными натурами и двумя противоположными характерами? Почему в любви всегда есть тот, кто жертвует, и тот, кто является жертвой? Почему самые упрямые страсти - это те, удовлетворение которых казалось бы невозможным? С помощью этого закона они также решили бы раз и навсегда вопрос о первенстве между полами, как это со всей серьезностью выдвигается сенсимонизмом наших дней. Поскольку естественная сила женщины заключается в инертности

или сопротивлении, они бы постановили, что скромность является самым неотъемлемым из ее прав, и, следовательно, она не должна ни совершать, ни желать чего-либо, требующего проявления мужской смелости. Природа позаботилась об этом иным образом, наделив ее тихим голосом, который нельзя услышать в больших собраниях, если только он не будет повышен до смехотворно диссонирующего тона. Та, кто стремится выполнять функции противоположного пола, должна тем самым лишиться своих собственных прерогатив. Мы не знаем, до какой точки она может прийти в управлении мужчинами, но, по крайней мере, несомненно, что, достигнув ее, она потеряет любовь мужчин и, что будет для нее более жестоко, любовь детей.

Супружеский закон каббалистов^[17] далее, по аналогии, предлагает решение самой интересной и трудной проблемы современной философии, заключающейся в согласии между разумом и верой, авторитетом и свободой совести, наукой и верой. Если наука — это солнце, то вера - это луна, отражение дня среди ночи. Вера - это дополнение разума во тьме, оставленной наукой до и после нее. Оно исходит из разума, но его нельзя ни смешивать с ним, ни вводить в заблуждение. Посягательства разума на веру или веры на разум - это затмения солнца или луны. Когда они возникают, и источник, и отражатель света становятся бесполезными.

Наука погибает из-за систем, которые являются не чем иным, как верованиями, а вера уступает разуму. Чтобы поддерживать здание, две колонны храма должны быть параллельны и разделены. Когда их силой сводят вместе, как свел их Самсон, они падают, и все здание рушится на слепого фанатика или революционера, чья личная или национальная обида заранее обрекла его на смерть. Борьба между духовными и светскими властями во все периоды существования человечества была спорами из-за управления домашним хозяйством. Папство было ревнивой матерью, стремящейся вытеснить мужа из мирской власти, и она потеряла доверие своих детей, в то время как светская власть в ее узурпации священства не менее нелепа, чем мужчина, который должен притворяться, что лучше матери знает, как управлять домом и детской. Англичане, например, с моральной и религиозной точки зрения подобны детям, которых пеленают мужчины, как мы можем судить по их спесивости и тупости.

Если религиозную доктрину можно сравнить с рассказом медсестры, то при том понимании, что она остроумна и полезна с моральной точки зрения, она совершенно верна для ребенка, и с стороны отца было бы очень глупо ей противоречить. Поэтому предоставьте матерям монополию на рассказы о волшебных странах, на песни и домашние заботы. Материнство - это разновидность духовенства, и именно потому, что Церковь должна быть только матерью, католический священник отказывается от права мужчины и заранее передает ей свои притязания на отцовство. Никогда не следует забывать, что папство - это либо ничто, либо вселенская мать. Возможно даже, что папа Иоанн, из которого протестанты сочинили скандальную историю, является всего лишь остроумной аллегорией, и когда суверенные понтифики жестоко обращались с императорами и королями, именно папа Иоанн пытался избить своего мужа, что вызвало великий скандал в христианском мире. Точно так же расколы и ереси были другими супружескими ссорами; Церковь и протестантизм злословят друг о друге, оплакивают друг друга, делают вид, что избегают друг друга и утомляются друг от друга, как супруги, живущие порознь.

Именно Каббала, и только она, все объясняет и примиряет. Таким образом, все другие учения оживляются и становятся плодотворными; это ничего не разрушает, а, напротив, придает смысл

всему сущему. Таким образом, все силы мира находятся на службе этой единой и высшей науки, в то время как истинный каббалист может использовать по своему усмотрению, без лицемерия и лжи, науку, которой обладают мудрецы, и рвение верующих. Он больше католик, чем г-н де Местр, больше протестант, чем Лютер, больше еврей, чем главный раввин, и больше пророк, чем Магомет. Разве он не выше систем и страстей, которые затемняют истину? Может он не соберет свои рассеянные лучи, так что по-разному отражается во всех фрагментах этого разбитое зеркало, которое является всеобщей веры—фрагменты, которые принимаются для мужчин так много противоположных убеждений? Есть одно существо, один закон и одна вера, как есть только одна раса людей -יהוה אחד.

На таких интеллектуальных и нравственных высотах станет понятно, что человеческий разум и сердце погружаются в глубокий покой. “Глубокий мир, братья мои” — таково было главное слово масонства Высокого уровня, являющегося ассоциацией каббалистических посвященных.[18]

Война, которую Церковь была вынуждена вести против Магии, была вызвана профанациями ложных гностиков, но истинная наука магов по сути своей католическая, основывающаяся всю свою реализацию на иерархическом принципе. Итак, единственная серьезная и абсолютная иерархия существует в Католической церкви, и поэтому истинные адепты всегда проявляли к ней глубочайшее уважение и послушание. Один только Генри Кунрат был убежденным протестантом, но в этом он был немцем своего времени, а не мистическим гражданином вечного Царства.[19]

Сущность антихристианства - исключение и ересь; это разделение тела Христова, согласно прекрасному выражению святого Иоанна: *Omnis spiritus qui solvit Christum hic Antichristus est*. Причина в том, что религия - это милосердие, а в анархии милосердия нет. У магии также были свои анархисты, ее создатели и приверженцы сект, свои тауматурги и колдуны. Наш замысел состоит в том, чтобы отстоять законность науки от узурпации невежества, мошенничества и безрассудства; именно в этом отношении наша работа будет особенно полезна, поскольку она также будет совершенно новой. До сих пор История Магии представлялась как анналы предрешенного явления или как хроники — менее или более точные — последовательности явлений, поскольку никто не верил, что Магия принадлежит науке. Серьезный отчет об этой науке в ее, так сказать, переоткрытии должен отражать ее развитие или прогресс. Мы идем по открытому святилищу, а не среди руин, и обнаруживаем, что Святые Места, так долго погребенные под обломками четырех цивилизаций, сохранились более чудесно, чем мумифицированные города, которые раскопки обнаружили во всей их мертвой красоте и пустынным величии под лавой Везувия.

Боссюэ в своем великолепном труде показал нам, что религия повсюду связана с историей; но что бы он сказал, если бы знал, что наука, которая в некотором смысле родилась вместе с миром, дает объяснение изначальных догм, принадлежащих единой и универсальной религии, благодаря их сочетанию с самыми неоспоримыми теоремами математики и разума? Догматическая Магия - ключ ко всем тайнам, еще не постигнутым философией истории, в то время как только Практическая Магия открывает Тайный Храм Природы для той силы человеческой воли, которая всегда ограничена, но всегда прогрессирует.

Мы далеки от какой-либо нечестивой попытки объяснить тайны религии с помощью Магии, но наше намерение состоит в том, чтобы указать, каким образом наука вынуждена принимать и почитать эти тайны.^[20] Больше не будет сказано, что разум должен смиряться перед верой; напротив, он должен делать честь самому себе, веря, поскольку именно вера спасает разум от ужасов пустоты на краю бездны и является его узами единения с бесконечным. Православие в религии - это уважение к иерархии как единственному хранителю единства. Поэтому давайте не будем бояться повторять, что Магия, по сути, является Наукой Иерархии, ясно помня, что прежде всего она осуждает анархические доктрины, в то время как она демонстрирует по самим законам Природы, что гармония неотделима как от силы, так и от авторитета.

Главная привлекательность Магии для огромного числа любознательных людей заключается в том, что они видят в ней исключительное средство для удовлетворения своих страстей. Кругозор неверующего того же порядка. Жадные будут отрицать, что существует какой-либо секрет Гермеса, соответствующий превращению металлов, ибо в противном случае они купили бы его и таким образом наслаждались богатством. Но они глупцы, которые верят, что такой секрет продается. Какая польза от денег тем, кто умеет делать золото? Это верно, говорит скептик, но если бы ты, Элифас Леви, обладал ими, разве ты не был бы богаче нас? Кто сказал вам, что я беден? Просил ли я что-нибудь из ваших рук? Где в мире есть властелин, который мог бы похвастаться, что он приобрел у меня какой-либо научный секрет? Где тот миллионер, которому я дал основания полагать, что поставлю свое состояние против его? Когда мы смотрим на земное богатство снизу, мы можем стремиться к нему как к высшему счастью, но оно вызывает презрение, когда мы рассматриваем его сверху и когда осознаем, как мало может быть искушения вернуть то, что было отброшено, как будто это было раскаленное железо.

Но помимо этого, молодой человек воскликнет, что если бы магические секреты были правдой, он постиг бы их, чтобы его любили все женщины. Ничего подобного; придет день, бедное дитя, когда быть любимым кем-то из них будет слишком, ибо чувственное желание - это двойная оргия, опьянение которой быстро вызывает отвращение, за которым следуют гнев и разлука. Жил-был старый идиот, который хотел бы стать волшебником, чтобы перевернуть мир. Но если бы ты был волшебником, мой герой, ты не был бы слабоумным, и перед судом своей совести ты не нашел бы смягчающих обстоятельств, неужели ты стал преступником.

Эпикурейец, со своей стороны, требует рецептов Магии, чтобы он мог наслаждаться вечно и вообще ничего не страдать. В этом случае вмешивается сама наука и говорит, как говорит и религия: блаженны страждущие. Но именно по этой причине эпикурейцы потеряли веру в религию. “Блаженны скорбящие” — но эпикурейцы насмеются над этим обещанием. Послушайте теперь, что говорят опыт и разум. Страдания проверяют и пробуждают благородные чувства; удовольствия поощряют и укрепляют низменные инстинкты. Страдания вооружают против удовольствия; наслаждение порождает слабость в страдании. Удовольствие растрачивает; боль накапливает. Удовольствие - это камень преткновения мужчины; боль материнства - триумф женщины. Удовольствие оплодотворяет и зачинает, а боль производит на свет.^[21] Горе тому, кто не может и не будет страдать; он будет подавлен болью. Природа безжалостно гонит тех, кто не хочет идти; мы брошены в жизнь, как в открытое море: мы должны плыть или утонуть. Таковы законы Природы, как учит Трансцендентная Магия. А теперь подумайте, можно ли стать волшебником, чтобы наслаждаться всем и ни от чего не страдать. И все же мир спросит: в таком случае, какая польза от Магии? Что бы ответил пророк Валаам своей ослице, если бы терпеливое животное спросило его, что полезно для ума? Что бы ответил

Геракл пигмею, если бы его спросили, что полезно для силы? Мы не сравниваем мирских людей с пигмеями и тем более с валаамовым ослом: это было бы недостатком вежливости и хорошего вкуса. Поэтому мы говорим со всей возможной любезностью таким блестящим и дружелюбным людям, что для них Магия абсолютно бесполезна, понимая также, что они никогда не воспримут ее всерьез. Наша работа адресована душам, которые трудятся и думают. Они найдут в ней объяснение всему, что осталось неясным в нашей *Доктрине и Ритуале*. Следуя примеру Великих Masters, мы следовали рациональному порядку священных чисел в плане и разделении наших работ, по этой причине эта История магии состоит из семи книг, по семь глав в каждой. Первая книга посвящена Истокам Магии; это генезис этой науки, и мы снабдили ее ключом в виде буквы *Алеф*, выражающей каббалистически изначальное единство. Вторая книга содержит исторические и социальные формулы магического слова в древности; ее печатью является буква *Бет*, символизирующая дуаду как выражение слова, которое осознает особый характер гнозиса и оккультизма. Третья книга посвящена реализации античной науки в христианском обществе. Она показывает, каким образом даже для самой науки слово обретает плоть. Число три - это число зарождения, осознания, и ключом к этой книге является буква *Гимел*, иероглиф рождения. В четвертой книге мы знакомимся с цивилизующей силой Магии среди варварских рас, с естественными достижениями этой науки среди народов, находящихся еще в детском возрасте, с мистериями друидов и их чудесами, с легендами бардов, и показано, каким образом эти явления совпали при формировании современных обществ, подготовив таким образом блестящую и постоянную победу христианства. Число четыре выражает Природу и силу, в то время как буква *Далет*, обозначающая его в еврейском алфавите, у каббалистов представлена императором на его троне. Пятая книга посвящена священной эпохе средневековья, и мы присутствуем при разногласиях и борьбе науки, формировании тайных обществ, их неизвестных достижениях, тайных обрядах гримуаров, мистериях *Божественной комедии*, разногласиях внутри святилища, которые позже должны привести к славному единству. Число пять - это число квинтэссенции, религии и священства; его символом является буква *Он*, представленная в магическом алфавите символом верховного жреца. Шестая книга демонстрирует вмешательство Магии в дело Революции. Число шесть символизирует антагонизм и борьбу при подготовке к вселенскому синтезу, а соответствующая буква - *Vau*, символ созидательного *лингама* и серпа жнеца. Седьмая книга является синтетической, содержащей изложение современных разработок и открытий, новых теорий света и магнетизма, раскрытие великой тайны розенкрейцеров, объяснение таинственных алфавитов, науку о слове и его магических действиях, в общем, краткое изложение самой науки, включая оценку того, чего достигли современные мистики. Эта книга является дополнением и венцом работы, поскольку семеричное число является венцом чисел, объединяющим треугольник идеи с квадратом формы. Соответствующая буква - *Зайн*, а каббалистический иероглиф представляет собой победителя, восседающего на колеснице, запряженной двумя сфинксами.^[22]

Далеки мы от нелепого тщеславия изображать из себя каббалистических победителей; только наука должна восторжествовать; и то, что мы выставяем перед разумным миром, восседающим на кубической колеснице, запряженной сфинксами, - это Слово Света, Божественный Исполнитель Каббалы Моисея, человеческое Солнце Евангелия, тот Человекобог, который однажды пришел как Спаситель и вскоре проявится как Мессия, то есть как окончательный и абсолютный царь временных институтов. Именно эта мысль воодушевляет наше мужество и поддерживает нашу надежду. Но теперь остается представить все наши

концепции, все наши открытия и все наши труды на безошибочный суд иерархии. Авторитетным людям науки принадлежит то, что принадлежит науке, но то, что связано с религией, предназначено только для Церкви и для той единой иерархической Церкви, хранительницы единства, которая была католической, апостольской и римской со дней Иисуса Христа до наших дней. Ученым - наши открытия, епископам - наши стремления и верования. Горе ребенку, который считает себя мудрее своих родителей, мужчине, который не признает учителей, тому мечтателю, который думает и молится сам по себе. Жизнь - это вселенское общение, и в таком общении мы обретаем бессмертие. Тот, кто изолирует себя, тем самым обречен на смерть, и вечность изоляции была бы вечной смертью.

Éliphas Lévi.

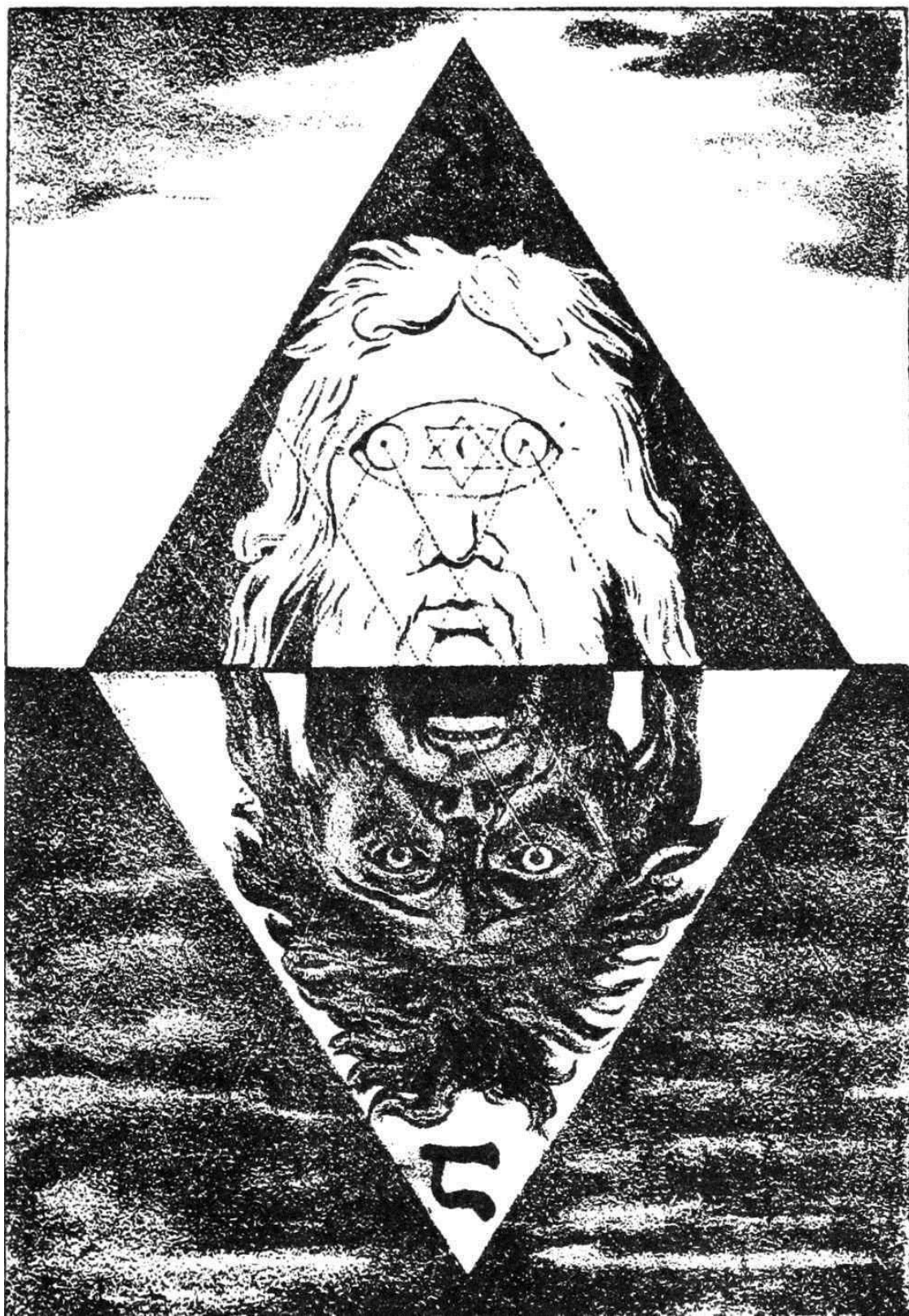
КНИГА I ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАГИИ х—АЛЕФ

ГЛАВА I СКАЗОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В апокрифической *Книге Еноха* говорится, что были ангелы, которые согласились упасть с небес, чтобы иметь общение с дочерьми земли.^[23] “Ибо в те дни сыны человеческие умножились, и родились у них дочери великой красоты. И когда ангелы, или сыны неба, увидели их, они исполнились желания; а потому они сказали друг другу: ‘Пойдем, выберем жен из числа рода человеческого и зачнем детей’. Их лидер, Самьяса, ответил на это и сказал: ‘Возможно, вам не хватит мужества, необходимого для выполнения этого решения, и тогда я один буду нести ответственность за ваше падение’. Но они поклялись, что ни в коем случае не расскажут и что они осуществят весь свой замысел. Теперь было 200 человек, которые спустились на гору Армон, и именно с этого времени гора получила свое название, которое означает Гора Клятвы. Далее следуют имена тех ангельских лидеров, которые спустились с этой целью: Самьяса, главный среди всех, Уракабарамеил, Азибил, Тамиэль, Рамуэль, Данель, Азкил, Саракуял, Асаэль, Армерс, Батраал, Анане, Завебе, Самсавил, Эртразель, Турел, Джомиаэль, Аразиал. Они брали жен, с которыми вступали в половую связь, которых также обучали Магии, искусству колдовства и разнообразным свойствам корней и деревьев. Амазак давал наставления по всем секретам магов; Баркаял был мастером тех, кто изучает звезды; Акибил проявлял знаки; а Азарадель учил движению луны”.

Эта легенда Каббалистической Книги Еноха представляет собой вариант описания той же профанации Мистерий, с которой мы встречаемся под другой формой символизма в истории греха Адама. Те ангелы, сыны Божьи, о которых говорит Енох, были посвященными в Магию, и именно это они сообщали нечестивым мужчинам, используя неосторожных женщин в качестве своих инструментов. Они раскололись о скалу чувственного влечения, влюбившись в женский пол, и секреты королевской власти и жречества были выведены у них врасплох. Как следствие,

первобытная цивилизация рухнула, и гиганты, олицетворявшие грубую силу и необузданный аппетит, вместе сражались за мир, который спасся только благодаря погружению в воды всемирного потопа, при котором были стерты все следы прошлого. Этот потоп символизировал то всеобщее замешательство, в которое человечество неизбежно попадает, когда оно игнорирует гармонию Природы и совершает поругание Ей.^[24] Существует родство между падением Самьясы и падением Адама; соблазн чувств соблазнил обоих; оба осквернили Древо Познания; и оба были изгнаны далеко от Древа Жизни. Здесь нет необходимости обсуждать взгляды или, скорее, простоту тех, кто все воспринимает буквально и верит, что знание и жизнь когда-то проявлялись в виде деревьев; давайте лучше признаемся и только в глубоком значении священных символов. Древо Познания действительно приносит смерть, когда съедаются его плоды; этот плод - украшение этого мира; эти золотые яблоки - блеск земли.

ВОЛШЕБНАЯ ГЛАВА ЗОАРА

В библиотеке Арсенала есть очень любопытная рукопись, озаглавленная *"Книга покаяния Адама"*, и в ней каббалистическая традиция представлена под видом легенды со следующим

эффектом: “У Адама было два сына — Каин, олицетворяющий грубую силу, и Авель, тип интеллекта и мягкости. Соглашение между ними было невозможно; они погибли друг от друга, и их наследство перешло к третьему сыну по имени Сет.” Здесь конфликт двух противоборствующих сил направлен в пользу синтетической и объединенной силы. “Теперь Сету, который был справедлив, было позволено приблизиться ко входу в Земной Рай, не подвергаясь угрозе со стороны Керуба и его пылающего меча”. Другими словами, Сет олицетворял первобытное посвящение. “Таким образом, было так, что Сет узрел Древо Познания и Древо Жизни, соединенные вместе таким образом, что они образовали не что иное, как единое дерево”, что означает гармонию науки и религии в трансцендентальной Каббале. “И ангел дал ему три семени, содержащих жизненную силу упомянутого дерева”. Здесь имеется в виду каббалистическая триада. “Когда Адам умер, Сиф, повинаясь указаниям ангела, вложил три семени в рот своего отца в знак вечной жизни. Молодые побеги, выросшие из них, стали Горящим Кустом, посреди которого Бог сообщил Моисею свое Вечное Имя —

אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה

обозначающий Того, Кто есть и грядет. Моисей сорвал тройную ветвь священного куста и использовал ее как свой чудесный жезл. Хотя ветвь была отделена от своего корня, она продолжала жить и цвести, и впоследствии была сохранена в Ковчеге.^[25] Царь Давид посадил ветвь на горе Сион, а Соломон взял древесину из каждой секции тройного ствола, чтобы сделать две колонны, *Иахин* и *Воаз*, которые были установлены у входа в Храм. Они были покрыты бронзой, а третья секция была вставлена у порога главных ворот. Это был талисман, который препятствовал проникновению внутрь нечистых существ. Но некие нечестивые левиты ночью убрали это препятствие на пути к своей нечестивой свободе и бросили его, нагруженное камнями, на дно храмового водоема. С этого времени ангел Божий взбудоражил воды пруда, придав им чудесную силу, чтобы люди могли отвлечься от поисков дерева Соломона в его глубинах. Во дни Иисуса Христа пруд был очищен, и евреи, найдя бревно, которое в их глазах казалось бесполезным, вынесли его за город и перебросили через ручей Кедрон. Именно по этому мосту проходил наш Спаситель после своего ареста ночью в Оливковом саду. Его палачи сбросили его с нее в воду; а затем, торопясь приготовить главное орудие Его страсти, они взяли с собой балку, сделанную из трех пород дерева, и образовали из нее крест”.^[26]

Эта аллегория воплощает все великие традиции Каббалы и тайную христианскую доктрину святого Иоанна, которая сейчас совершенно неизвестна. Из этого следует, что Сиф, Моисей, Давид, Соломон и Христос получили от одного и того же Каббалистического Древа свои царские скипетры и папские посохи. Таким образом, мы можем понять, почему Волхвы поклонялись Христу в Его яслях. Давайте, однако, вернемся к *Книге Еноха*, поскольку ей придается больший авторитет, чем можно приписать неизвестной рукописи; первая цитируется в Новом Завете апостолом святым Иудой. Традиция относит изобретение букв к Еноху, и поэтому именно к нему мы должны восходить учения, воплощенные в “*Сефер Йецира*”, которая является элементарным трудом Каббалы, ее составителем — согласно раввинам - был патриарх Авраам, как наследник тайн Еноха и как отец посвящения в Израиле. Таким образом, Енох может показаться идентичным египетскому Гермесу Трисмегисту, в то время как знаменитая *Книга Тота*, написанная повсюду иероглифами и цифрами, была бы той оккультной Библией, предшествующей книге Моисея и полной тайн, на которую посвященный Уильям Постел так часто ссылается в своих работах под названием “*Бытие Еноха*”.^[27]

Библия говорит, что Енох не умер, но что Бог перевел его из одной жизни в другую. Он должен вернуться и посрамить Антихриста в конце времен, когда он будет одним из последних мучеников, или свидетелей истины, упомянутых в Апокалипсисе святого Иоанна. То, что сказано о Енохе в этом отношении, было сказано также обо всех великих посвященных, записанных в каббалистике. Сам святой Иоанн, согласно первобытным христианам, был спасен от смерти, и долгое время считалось, что его можно увидеть дышащим в его могиле.^[28] Объяснение состоит в том, что абсолютная наука о жизни предохраняет от смерти, поскольку инстинкт людей всегда вел их к божественному. Как бы то ни было, дошедшие до нас упоминания о Енохе содержатся в двух книгах, одна из которых написана иероглифами, а другая носит характер аллегии. Первая включает в себя иератические ключи посвящения, в то время как вторая представляет собой историю великой профанации, которая привела к разрушению мира и воцарению хаоса после правления гигантов.

Святой Мефодий, епископ на заре христианства, чьи труды находятся в собрании Отцов Церкви, оставил пророческий апокалипсис, который раскрывает мировую историю в серии видений. Она не включена в число признанных сочинений святого, но была сохранена гностиками и была напечатана в *Liber Mirabilis* под вымышленным именем Бермехобус, которое неграмотные составители заменили на Беа-Мефодий, сокращение от *Беатус Мефодий*.^[29] Эта книга в нескольких отношениях перекликается с аллегорическим трактатом, озаглавленным *Покаяние Адама*. В ней рассказывается, как Сет мигрировал на восток со своей семьей и таким образом достиг горы в окрестностях Земного Рая. Это была страна посвященных, в то время как потомки Каина изобрели ложную или извращенную Магию в Индии, стране братоубийства, и передали колдовство в руки безрассудных.

Святой Мефодий предсказывает в более позднем месте борьбу и последовательное господство измаилитов - так в его апокалипсисе называются те, кто победил римлян; франков, которые победили измаилитов; а затем великой расы с Севера, вторжение которой будет предшествовать личному правлению Антихриста. После этого будет основано всемирное королевство, которое перейдет в руки французского принца, после чего на долгие годы воцарится справедливость. В данном месте нас не интересуют пророчества, но желательно отметить различие между доброй и злой Магией, между Святилищем Сынов Сифа и профанацией науки потомками Каина.^[30] Трансцендентное знание, как факт, предназначено для тех, кто владеет своими страстями, и девственная Природа не передает ключи от своей брачной комнаты прелюбодеям.

Есть два класса — свободные и рабы; человек рождается в рабстве своих страстей, но он может достичь освобождения с помощью разума. Между теми, кто уже свободен, и теми, кто еще не свободен, равенство невозможно. Роль разума - править, а инстинкта - повиноваться. С другой стороны, если вы возложите на слепых обязанность вести слепых, и то, и другое закончится пропастью. Мы никогда не должны забывать, что свобода не состоит в распушенности страстей, свободной от закона, что было бы самой отвратительной из тираний; освобождение состоит в добровольном подчинении закону; это право выполнять свой долг, и только справедливые люди могут называться свободными. Теперь те, кто находится в освобождении, должны управлять теми, кто находится в рабстве, а рабы призваны к освобождению, но не от правления свободных, а от гнета жестоких страстей, вследствие чего они не могут существовать без хозяев.

Признайтесь теперь вместе с нами на мгновение в истинности трансцендентальных наук. Предположим, что действительно существует сила, которой можно управлять и с помощью которой чудеса Природы становятся подвластными воле человека. Скажите нам, в таком случае, могут ли секреты богатства и узы симпатии быть доверены грубой жадности; искусство очаровывать - распутникам; превосходство над другими волями - тем, кто не может управлять самими собой? Страшно подумать о беспорядках, которые могли бы последовать за такой профанацией; необходим какой-то катаклизм, чтобы стереть преступления земли, когда все погрязло в грязи и крови. Итак, именно на это положение вещей указывает аллегорическая история грехопадения ангелов, согласно *Книге Еноха*; именно это было грехом Адама, и отсюда его фатальные последствия. Таким же был Потоп и его обломки; таким же в более поздний период было проклятие Ханаана. Раскрытие оккультных тайн олицетворяется дерзостью того сына, который обнажает наготу своего отца. Опьянение Ноя - урок для священства всех веков. Горе тем, кто раскрывает тайну божественного зарождения нечистым взорам толпы. Держите святилище закрытым, все вы, кто хотел бы уберечь своего спящего отца от насмешек подражателей Хама.^[31]

Такова традиция детей Сифа, уважающих законы человеческой иерархии; но последние не были признаны семьей Каина. Каиниты Индии изобрели книгу бытия, чтобы освятить угнетение сильных и увековечить невежество слабых. Посвящение стало исключительной привилегией высших каст, и целые расы человечества были обречены на бесконечное рабство под предлогом низшего происхождения: они произошли, как было сказано, от стоп или колен Брахмы. Итак, природа не порождает ни рабов, ни царей, но все люди безразлично рождены для труда. Тот, кто притворяется, что человек совершенен от рождения, но деградирован и извращен обществом, является самым диким из анархистов, хотя он может быть и самым поэтичным из маньяков. Но напрасно Жан-Жак был сентиментальным мечтателем; его глубокая скрытая мизантропия, объясненная логикой фанатичных приверженцев, принесла плоды в виде ненависти и разрушения. Последовательными архитекторами Утопии, которую вообразил впечатлительный женеvский философ, были Робеспьер и Марат.

Общество - это не абстрактная личность, на которую можно возложить ответственность отдельно за упрямство человека; общество - это объединение людей; оно ущербно из-за их пороков и возвышенно из-за их добродетелей; но само по себе оно свято, как и религия, которая неразрывно связана с ним. Разве религия, как факт, не является объединением самых высоких устремлений и самых щедрых начинаний? Таким образом, богохульство против социального равенства и права вопреки долгу дает ответ на ложь о кастах, привилегированных Природой; только христианство решило проблему, приписав превосходство самопожертвованию и провозгласив величайшим того, кто жертвует своей гордостью ради общества и своими аппетитами ради закона.

Хотя евреи и были хранителями традиции Сифа, они не сохранили ее во всей чистоте и были заражены несправедливыми амбициями потомков Каина. Веря в то, что они были избранным народом, они считали, что Бог даровал им истину как достояние, а не как гарантию безопасности человечества в целом.^[32] Наряду с возвышенными традициями *Сефер Йецира*, мы встречаемся с очень любопытными откровениями талмудистов. Например, они не гнушаются приписывать идолопоклонство язычников самому патриарху Аврааму; они говорят,

что израильтянам он завещал свое наследие, а именно знание истинных Божественных имен; одним словом, Каббала была законной и наследуемой собственностью Исаака; но патриарх, как они говорят нам, преподнес определенные подарки детям своих наложниц; и под такими подарками они понимают завуалированные догмы и загадочные имена, которые быстро материализовались и были преобразованы в идолов.[33] Ложные религии и их абсурдные мистерии, восточные суеверия со всеми их ужасными жертвоприношениями — какой подарок от отца своей отвергнутой семье. Разве этого не было достаточно, чтобы изгнать Агарь с ее сыном в пустыню? К их единственному хлебу и кувшину воды должен ли он добавить бремя лжи, как мучение и яд в их изгнании?

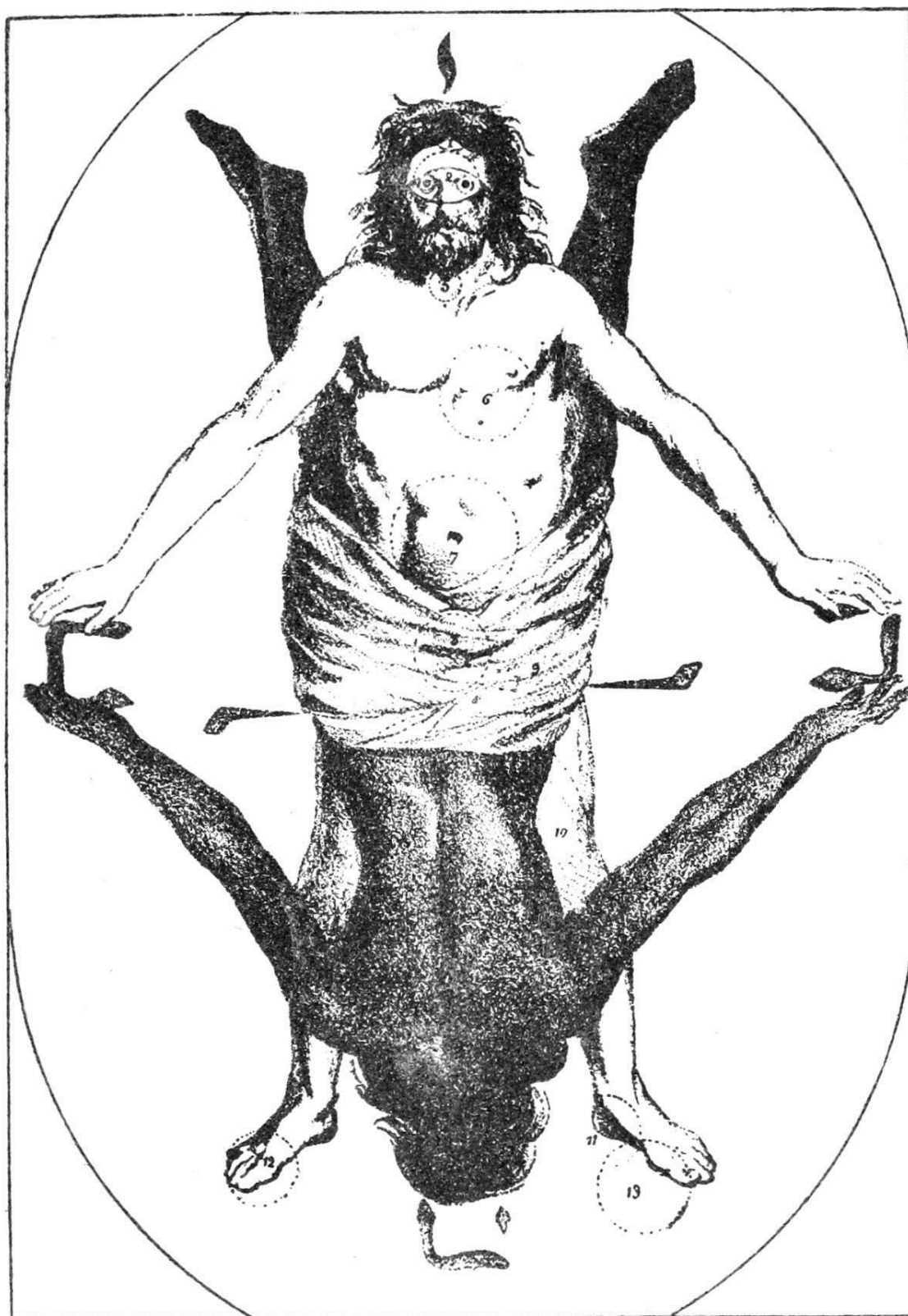
Слава христианства в том, что оно призвало всех людей к истине, без различия рас и каст, хотя и не без различия в отношении интеллекта и добродетели. “Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, - сказал Божественный Основатель христианства, - чтобы, растоптав его ногами, они не обратились и не растерзали вас”. Апокалипсис, или Откровение Святого Иоанна, которое содержит в себе все каббалистические тайны, касающиеся учения Иисуса Христа, - книга не менее темная, чем *Зоар*. Она написана иероглифами на языке чисел и образов, и Апостол часто обращается к знаниям посвященных. “Пусть поймет тот, у кого есть знание, пусть тот, кто понимает, вычислит”, — часто говорит он после того, как произносит аллегорию или называет мистическое число. Поэтому святой Иоанн, любимый ученик и хранитель всех тайн Спасителя, писал не для того, чтобы быть понятым толпой.

The Сефер Йецира, Зоар и Апокалипсис - шедевры оккультизма; в них больше значений, чем в словах; их метод выражения образен, как поэзия, и точен, как числовые формулы. *Апокалипсис* резюмирует, завершает и превосходит всю науку Авраама и Соломона, как мы докажем, объясняя Ключи трансцендентной Каббалы.

Не менее удивительно наблюдать в начале *Зоара*[34] глубину его понятий и возвышенную простоту его образов. Сказано следующее: “Наука равновесия - ключ к оккультной науке. Неуравновешенные силы погибают в пустоте. Так прошли короли древнего мира, князья великанов. Они пали, как деревья без корней, и места им больше не найти. Из-за конфликта несбалансированных сил опустошенная земля была пуста и бесформенна, пока Дух Божий не создал для себя место на небесах и не уменьшил массу вод. Все стремления Природы были направлены тогда к единству формы, к живому синтезу уравновешенных сил; лик Бога, увенчанный светом, возвышался над безбрежным морем и отражался в его водах. Проявились два его глаза, сияющие великолепием, метнувшие два луча света, которые пересеклись с лучами отражения. Лоб Бога и Его глаза образовали треугольник на небесах, а его отражение образовало второй треугольник в водах. Так было открыто число шесть, являющееся числом вселенского творения”.

Текст, который был бы непонятен в буквальном варианте, переведен здесь в порядке устного перевода. Автор ясно дает понять, что человеческая форма, которую он приписывает Божеству, является всего лишь изображением его значения и что Бог находится за пределами выражения человеческой мыслью или представления какой-либо фигурой. Паскаль говорил, что Бог - это круг, центр которого везде, а окружность нигде. Но как представить себе круг отдельно от его окружности? *Зоар* принимает антитезу этому парадоксальному образу и в отношении круга Паскаля скорее сказал бы, что окружность находится повсюду, в то время как то, чего нет нигде, является центром. Однако именно с равновесием, а не с кругом он сравнивает всеобщее

равновесие вещей.[35] Это утверждает, что равновесие существует повсюду, а также в той центральной точке, где равновесие подвешено. Таким образом, мы обнаруживаем, что Зоар более убедителен и глубок, чем Паскаль.

ВЕЛИКИЙ КАББАЛИСТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ ЗОАРА

Далее автор продолжает свою возвышенную мечту. Этот синтез слов, сформулированный человеческой фигурой, медленно поднимался и выходил из воды, подобно восходящему солнцу. Когда появились глаза, был сотворен свет; когда проявились уста, произошло сотворение духов и слово перешло в выражение. Была явлена вся голова, и на этом завершился первый день творения. Поднялись плечи, руки, грудь, и после этого началась работа. Одной рукой Божественный Образ отодвинул море, а другой воздвиг континенты и горы. Изображение росло и увеличивалось; появились органы размножения, и все существа начали увеличиваться и размножаться. Наконец фигура выпрямилась, одной ногой стоя на земле, а другой - на воде. Созерцая себя во всю длину в океане творения, оно вдохнуло свое собственное отражение и вызвало к жизни свое подобие. Оно сказала: Давайте сотворим человека — и так был сотворен человек. Нет ничего более прекрасного в шедевре любого поэта, чем это видение творения, совершенного прототипом человечества. Таким образом, человек - всего лишь тень от тени, и все же он - образ божественной силы. Он также может простирает свои руки с Востока на Запад; ему дана земля как владычество. Таков Адам Кадмон, изначальный Адам каббалистов. Таков смысл, в котором он изображается гигантом; и вот почему Сведенборг, которого преследуют в его снах воспоминания о Каббале, говорит, что все творение - это всего лишь титанический человек и что мы созданы по образу и подобию вселенной.

The Зоар - это происхождение света; Сефер Йецира - это лестница истины. В нем излагаются тридцать два абсолютных символа речи — числа и буквы. Каждая буква порождает число, идею и форму, так что математика применима к формам и идеям, как и к числам, в силу точной пропорции и совершенного соответствия. Согласно науке Сефер Йецира, человеческий разум укоренен в истине и разумности; он объясняет весь возможный прогресс интеллекта посредством эволюции чисел. Таким образом, Зоар представляет абсолютную истину, в то время как Сефер Йецира излагает метод ее обретения, ее различения и применения.

ГЛАВА II МАГИЯ ВОЛХВОВ

Вполне вероятно, что Зороастр - это символическое имя, подобное имени Тота или Гермеса. Согласно Евдоксу и Аристотелю, он процветал за 6000 лет до рождения Платона, но другие говорят, что он опередил осаду Трои примерно на 500 лет. Иногда его представляют как царя бактрийцев, но существование двух или трех различных зороастров также является одним из предположений.^[36] Только Евдокс и Аристотель, по-видимому, понимали, что его личность была магической, и именно поэтому они поместили каббалистическую эпоху целого мира между рождением его учения и теургическим господством платоновской философии. На самом деле, есть два Зороастра, то есть два толкователя тайн: один - сын Ормузда и основатель просветленного учения, другой - сын Аримана и автор профанационного раскрытия истины. Зороастр - воплощенное слово халдеев, мидян и персов; легенда о нем читается как пророчество о Христе, и, следовательно, следует предположить, что у него был также свой Антихрист в соответствии с магическим законом всеобщего равновесия.

К ложному Зороастру следует отнести культ материального огня и ту нечестивую доктрину божественного дуализма, которая породила в более поздний период чудовищный Гнозис Манес и ложные принципы ложного масонства. Зороастр, о котором идет речь, был отцом той материализованной Магии, которая привела к массовому убийству магов и привела к тому, что их истинное учение сначала было запрещено, а затем забыто. Всегда вдохновляемая духом истины, Церковь была вынуждена осудить — под названиями Магии, манихейства, иллюминизма и масонства — все, что было в родстве, отдаленном или приблизительном, с примитивной профанацией мистерий. Одним из ярких примеров является история рыцарей-тамплиеров, которая до сих пор была неправильно понята.

Доктрины истинного Зороастра идентичны доктринам чистой каббалистики, и его концепции божественности ничем не отличаются от концепций отцов Церкви. Различаются только названия; например, триада Зороастра - это Троица христианского учения, и когда он постулирует, что Триада существует без умаления или разделения в каждой из своих частей, он по-другому выражает то, что понимается нашими теологами как кругооборот Божественных Личностей. В своем умножении Триады на саму себя Зороастр приходит к абсолютной причине числа 9 и универсальному ключу ко всем числам и формам. Но те, кого мы называем тремя Божественными Личностями, названы Зороастром тремя глубинами. Первое, или слово Отца, является источником веры; второе, будучи Словом Слова, является источником истины; в то время как третье, или творческое действие, является источником любви. Чтобы проверить, что здесь изложено, читатель может обратиться к комментарию Пселла к доктрине древних ассирийцев: его можно найти в работе Франциска Патриция "*Философской магии*", стр. 24 гамбургского издания, появившегося в 1593 году.

Зороастр установил небесную иерархию и все гармонии Природы по своей шкале из девяти ступеней. С помощью триады он объясняет все, что исходит из идеи, а с помощью тетрады - все, что относится к форме, таким образом приходя к числу 7 как типу творения. Здесь заканчивается первое посвящение и начинаются схоластические гипотезы; числа персонифицируются, а идеи переходят в эмблемы, которые в более поздний период становятся идолами. Синохи, Телетархи и Отцы, служители тройственной Гекаты; три Амиликта и тройственный лик Гипезокоса — все они вмещиваются; ангелы следуют в своем порядке, демоны и, наконец, человеческие души. Звезды - это образы и отражения интеллектуального великолепия; материальное солнце - это эмблема солнца истины, которое само по себе является тенью того первоисточника, из которого истекает вся слава. Вот почему ученики Зороастра приветствовали восходящий день и поэтому считались солнцепоклонниками среди варваров.

Таковы были доктрины магов, но вдобавок они владели секретами, которые давали им власть над оккультными силами Природы. Совокупность этих секретов можно было бы назвать трансцендентальной пиротехникой, поскольку она была тесно связана с глубоким знанием огня и управления им. Несомненно, что маги были не только знакомы с электричеством, но и умели генерировать и направлять его способами, которые сейчас неизвестны. Нума, изучавший их обряды и посвященный в их мистерии, владел, согласно Луцию Пизону, искусством создавать молнии и управлять ими. Эта священная тайна, которую римский инициатор сохранил бы для римских королей, была утеряна Туллом Гостилием, который неправильно управлял электрическим разрядом и был уничтожен. Плиний излагает эти факты, опираясь на авторитет древней этрусской традиции, и упоминает, что Нума успешно направил свою батарею против

чудовища по имени Вольта, которое опустошало окрестности Рима. Читая эту историю, невольно начинаешь думать, что Вольта, первооткрыватель, сам является мифом и что название вольтовых свай восходит ко временам Нумы.

Все ассирийские символы связаны с наукой об огне, которая была великой тайной магов; на каждом пути мы встречаем чародея, который убивает льва и управляет змеями. Этот лев - небесный огонь, в то время как змеи - электрические и магнитные токи земли. К этой же великой тайне Магов относятся все чудеса Герметической Магии, дошедшие до нас традиции которой все еще свидетельствуют о том, что тайна Великой Работы заключается в управлении огнем.

Ученый Патриций опубликовал в своей книге "*Философская магия*" Оракулы Зороастра", собранные из трудов платонических авторов — от Прокла о теургии, из комментариев к *Пармениду*, комментариев Гермия к *Федру* и из заметок Олимпиодора о *Филебе* и *Фидоне*.^[37] Эти Оракулы, во-первых, представляют собой ясную и точную формулировку изложенной здесь доктрины, а во-вторых, предписания магического ритуала, выраженные в следующих терминах.

Демоны и жертвоприношения

Природа учит нас индукции, что существуют бестелесные демоны и что зародыши зла, существующие в материи, обращаются к общему благу и пользе. Но это тайны, которые должны быть похоронены в тайниках мысли. Вечно взволнованный и вечно скачущий в атмосфере огонь может принимать конфигурацию, подобную конфигурации тел. Давайте пойдем дальше и подтвердим существование огня, изобилующего образами и отражениями. Назовите это, если хотите, переизбытком света, который излучает, который говорит, который уходит обратно в себя. Это пламенный скакун света, или, скорее, это отважное дитя, которое побеждает и ломается на этом небесном коне. Представьте его объатым пламенем и украшенным золотом, или представьте его обнаженным, как любовь, и пронзенным стрелами Эроса. Но если твоя медитация продлится, ты объединишь все эти эмблемы в виде льва. Впоследствии, когда все вокруг перестанет быть видимым, когда Небесный свод и простор вселенной растворятся, когда звезды перестанут сиять и лунный светильник погаснет, когда земля задрожит и вокруг нее заиграют молнии, не вызывая видимый призрак души Природы, ибо ты ни в коем случае не должен видеть его, пока твое тело не очистится священными испытаниями. Истошающие души, которых они отвлекают от священных занятий, демоны с собачьими мордами выходят из пределов материи и являют смертным взорам подобие иллюзорных тел. Трудитесь по кругам, описанным ромб Гекаты. Ничего не меняй в варварских именах вызывания, ибо это пантеистические титулы Бога; они притягиваются преданностью множества людей, и их сила невыразима. Когда после всех призраков ты узришь сияние того бестелесного огня, того священного огня, стрелы которого проникают во всех направлениях сквозь глубины мира, — прислушайся к словам огня.^[38]

Эти удивительные фразы, взятые из латыни Патриция, воплощают в себе секреты магнетизма и гораздо более глубоких вещей, которые не приходили в голову таким людям, как Дю Потте и Месмер. Мы находим (а) идеально описанный Астральный свет вместе с его способностью создавать текущие формы, отражать язык и повторять голос; (b) волю адепта, обозначенную рослым ребенком верхом на белом коне — символ, встречающийся на древней карте Таро, хранящейся в *Национальной библиотеке*;^[39] (c) опасность галлюцинаций, возникающих в результате неправильно направленных магических действий; (d) *смысл существования чар*,

совершаемых с использованием варварских имен и слов; (е) магнитный инструмент, называемый *ромб*,^[40] который сравним с детской жужжащей волчком; (f) термин магической практики, который заключается в успокоении воображения и чувств до состояния полной сомнамбулизации и совершенной ясности.^[41]

Из этого откровения древнего мира следует, что экстаз ясновидения - это добровольное и непосредственное обращение души к вселенскому огню, или, скорее, к тому свету, изобилующему образами, который излучается, который говорит и циркулирует вокруг всех объектов и каждой сферы вселенной. Это приложение управляется упорством воли, освобожденной от чувств и укрепленной последовательностью испытаний. В этом заключалось начало магического посвящения. Достигнув способности прямого чтения в свете, адепт становился провидцем или пророком; затем, установив связь между этим светом и своей собственной волей, он учился направлять первый, подобно тому, как наконечник стрелы направлен в определенном направлении. Он сообщал по своему усмотрению либо борьбу, либо мир душам других; он устанавливал общение на расстоянии с теми товарищами-адептами, которые были ему равны; и, в конце концов, он воспользовался той силой, которую представляет небесный лев. В этом заключается значение тех великих ассирийских фигур, которые держат в своих объятиях побежденных львов. В противном случае Астральный Свет представлен гигантскими сфинксами с телами львов и головами Магов. Рассматриваемый как инструмент, подчиненный магической силе, Астральный Свет - это золотой меч Митры, который он использовал при принесении в жертву священного быка. И это стрела Феба, которая пронзила змею Питона.

Давайте теперь мысленно реконструируем великие столичные города Ассирии, Вавилона и Ниневии; давайте вернем гранитным колоссам их надлежащее место; давайте придадим форму массивным храмам, которые поддерживают слоны и сфинксы; давайте еще раз воздвигнем те обелиски, с которых драконы смотрят вниз сияющими глазами и расправляют крылья. Храмы и дворцы возвышаются над этими чудесными горами. Вечно скрытые, но и вечно проявляющиеся фактом своих чудес, священство и царственная власть, подобно видимым божествам земли, пребывают там. Храм окружен облаками или сияет сверхъестественным блеском по воле жрецов; теперь при дневном свете темно, и снова ночь становится светлой; светильники храма сами собой вспыхивают пламенем; боги сияют; гремят раскаты грома; и горе тому нечестивцу, который, возможно, призвал на свою голову проклятие посвященных. Храмы защищают дворцы, а слуги короля сражаются за религию Магов. Сам монарх священен; он - бог на земле; люди падают ничком, когда он проходит мимо; и маньяк, который попытается переступить порог его дворца, немедленно падает замертво, благодаря вмешательству невидимой руки и без удара булавы или меча. Он сражен, словно ударом молнии, поражен огнем с небес. Какая религия и какая сила. Насколько могущественны тени Нимрода, Белуса, Семирамиды. Что может превзойти эти почти сказочные города, где восседали на тронах такие могущественные члены королевской семьи — эти столицы гигантов, столицы магов, личностей, отождествляемых традицией с ангелами и до сих пор называемых сынами Божьими или князьями небес. Какие тайны были усыпаны в этих гробницах народов прошлого; и разве мы лучше детей, когда превозносим наше просвещение и наш прогресс, не вспоминая об этих поразительных памятниках?

В своей работе о магии^[42] М. Дю Поте с некоторой робостью утверждает, что живое существо можно ошеломить током магнетической жидкости. Магическая сила простирается за этот

предел, но она не ограничивается пределами предполагаемого магнетического флюида. Астральный Свет в целом, этот элемент электричества и молнии, может быть предоставлен в распоряжение человеческой воли. Однако что нужно сделать, чтобы обрести эту грозную силу? Зороастр только что сказал нам; мы должны знать те таинственные законы равновесия, которые подчиняют сами силы зла империи добра. Мы должны были очистить наши тела священными испытаниями, должны были победить призраки галлюцинаций и телесно овладеть светом, подражая Иакову в его борьбе с ангелом. Мы, должно быть, победили тех фантастических собак, которые воют в мире грез. Одним словом, и если воспользоваться выразительным выражением Оракула, мы, должно быть, услышали, как заговорил свет. Тогда мы становимся его хозяевами и можем направить его, как это сделал Нума, против врагов Святых Тайн. Но если в отсутствие совершенной чистоты и если под властью какой-то животной страсти, из-за которой мы все еще подвержены роковым последствиям бурной жизни, мы приступим к такого рода работе, огонь, который мы разжигаем, поглотит нас самих; мы станем жертвами змея, которого мы выпускаем, и погибнем, как Тулл Гостилий.

То, что человека пожирают дикие звери, не соответствует законам Природы. Бог вооружил его силой сопротивления; его глаза могут очаровать их, его голос сдерживать, его знак заставить их замолчать. Мы действительно знаем, как буквальный факт, что самые дикие животные трепещут перед пристальным человеческим взглядом и, кажется, трепещут при звуке человеческого голоса. Объяснение заключается в том, что они парализованы и охвачены благоговейным страхом перед проекциями Астрального Света. Когда Даниила обвинили в самозванстве и ложной магии, и он, и его обвинители были подвергнуты царем Вавилона испытанию львами. Такие звери нападают только на тех, кто их боится или кого они сами боятся. Совершенно очевидно, что тигр отступит перед магнетическим взглядом храброго человека, хотя последний может быть обезоружен.

Маги использовали эту силу, и ассирийские цари держали тигров, леопардов и львов в своих садах в состоянии покорности. Другие хранились в подвалах под храмами для использования в испытаниях посвящения. Доказательством являются символические барельефы; они изображают испытания силы между людьми и животными, а адепт, облаченный в жреческое одеяние, управляет животными одним взглядом и останавливает их рукой. Когда такие животные изображаются в одной из форм, приписываемых сфинксу, они, несомненно, символичны, но в других изображениях животные принадлежат к естественному виду, и тогда борьба, по-видимому, иллюстрирует теорию действительного очарования.

Магия - это наука; злоупотреблять ею - значит потерять ее, а также разрушить себя. Цари и жрецы ассирийского мира были слишком велики, чтобы избежать этой опасности, если бы они когда-нибудь пали; на самом деле гордыня действительно овладела ими, и поэтому они пали. Великая магическая эпоха Халдеи предшествует правлению Семирамиды и Нина. В это время уже начала материализовываться религия и преобладать идолопоклонство. Культ Астарты пришел на смену культу небесной Венеры, и королевская власть присвоила себе божественные атрибуты под именами Ваала и Бела, или Белуса. Семирамида подчинила религию политике и завоеваниям, заменив старые таинственные храмы показными и опрометчивыми памятниками. Несмотря на это, магическая идея продолжала преобладать в искусстве и науке, придавая сооружениям той эпохи черты неподражаемой мощи и величия. Дворец Семирамиды был

зданием, синтезирующим всю зороастрийскую догму, и мы еще вернемся к нему при объяснении символизма тех семи шедевров древности, которые называются чудесами света.

Жречество стало второстепенным по отношению к империи в результате попытки материализовать свою собственную власть. Падение одного должно было повлечь за собой падение другого, и это произошло при женоподобном Сарданапале. Этот принц, предавшийся роскоши и праздности, низвел науку магов до уровня одной из своих куртизанок. Какой цели служили чудеса, если они не служили удовольствию? Заставьте, о чародеи, заставьте зиму взрастить розы; удвойте аромат вина; примените свою власть над светом, чтобы красота женщин сияла, как у божеств. Волхвы повиновались, и царь переходил от опьянения к опьянению. Но случилось так, что война была объявлена и враг уже выступил в поход. Этот враг мог мало что значить для сибарита, погруженного в свои удовольствия. Но это было разорение, это был позор, это была смерть. Теперь Сарданапал не боялся смерти, так как для него это был бесконечный сон, и он знал, как избежать трудов и унижений рабства. Наступила последняя ночь; победитель был уже на пороге; город больше не мог сопротивляться; завтра Ассирийскому царству должен был прийти конец. Дворец Сарданапала был освещен и сверкал с таким великолепием, что осветил весь охваченный ужасом город. Среди груды драгоценных тканей, среди драгоценных камней и золотых сосудов король устроил свою последнюю оргию. Его окружали его женщины, его фаворитки, его сообщники, его выродившиеся священники; разгул пьянства смешивался с музыкой тысячи инструментов; ручные львы рычали; и дым благовоний, поднимавшийся из-под сводов дворца, окутывал все здание тяжелым облаком. Но языки пламени начали проникать сквозь кедровые панели; неистовые песни сменились криками ужаса и стонами агонии. Магия, которая в руках своих деградировавших адептов не смогла защитить империю Нинус, по крайней мере, объединила свои чудеса, чтобы подчеркнуть ужасные воспоминания об этом титаническом самоубийстве. Необъятное и зловещее великолепие, какого никогда не видела вавилонская ночь, казалось, внезапно отодвинуло и расширило небесный свод; шум, подобный раскатам всех громов мира, сотрясшим землю, и стены города рухнули. После этого опустилась еще более глубокая ночь; дворец Сарданапала растаял, и когда наступило утро, его победитель не нашел и следа от его богатств, даже от тела царя и всей его роскоши.

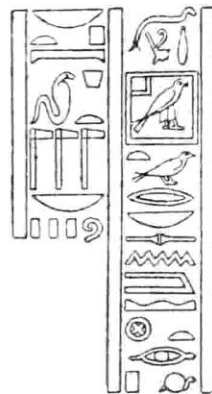
Так закончилась первая империя Ассирии и цивилизация, основанная в древности истинным Зороастром. Так также закончилась Магия, собственно так называемая, и началось царствование Каббалы. Авраам, выйдя из Халдеи, унес с собой ее тайны. Народ Божий рос в молчании, и вскоре мы встретимся с Даниилом, ставящим в тупик жалких чародеев Навуходоносора и Валтасара.[\[43\]](#)

ГЛАВА III

МАГИЯ В ИНДИИ

Каббалистическая традиция сообщает нам, что Индия была заселена потомками Каина, а в более поздний период туда мигрировали потомки Авраама и Кетуры; в любом случае, это, прежде всего, страна Гетии и иллюзорных чудес. В нем была увековечена черная магия, а также изначальные традиции братоубийства, навязанные сильным слабым, продолженные

доминирующими кастами и искупленные париями. Об Индии можно сказать, что она - мудрая мать всех идолопоклонств. Догмы ее гимнософистов были бы ключами к высшей мудрости, если бы они с большей легкостью не открывали врата, ведущие к деградации и смерти. Поразительное богатство индийской символики, по-видимому, предполагает, что она предшествует всем другим, и это подтверждается первозданной свежестью ее поэтических концепций. Но корень его дерева, по-видимому, был пожран адским змеем. То обожествление дьявола, против которого мы уже энергично протестовали, проявляется во всей своей грубости. Ужасное Тримурти брахманов включает в себя Создателя, Разрушителя и Хранителя. Их Адхи-нари, олицетворяющую Божественную Мать, или Небесную Природу, называют также Бохани, которой головорезы или душители приносят в жертву своих убитых по обету. Вишну, хранитель, воплощается только для того, чтобы уничтожить низшего дьявола, которого всегда возвращает к жизни вмешательство Шивы или Рудры, бога смерти. Каждый осознает, что Шива - это апофеоз Каина, но во всей этой мифологии нет ничего, что напоминало бы о мягкости Авеля. Мистерии Индии, несмотря на грандиозность своей поэзии и необычайную глубину своих аллегорий; но они являются профанацией Каббалы, и, следовательно, брахманизм с его учеными теориями так далек от того, чтобы поддерживать душу и вести ее к высшей мудрости, что погружает ее в пучины безумия.

ИНДИЙСКАЯ И ЯПОНСКАЯ МИСТЕРИЯ ВСЕОБЩЕГО РАВНОВЕСИЯ И ЕГИПЕТСКИЙ ПАНТОМОРФНЫЙ ИЙИНКС

Именно из ложной каббалистики Индии гностики позаимствовали свои грезы — поочередно ужасные и непристойные; это также индийская Магия, проявляющаяся на пороге оккультных наук тысячью уродств, которая ужасает разумные умы и провоцирует анафемы всех понимающих церквей. Именно это ложное и опасное знание, столь часто путаемое невеждами и поверхностно относящееся к истинной науке, подвергло всеобщему осуждению все, что носит название оккультизма, под которым автор этих страниц сам искренне подписался до того, как получил ключ от магического святилища. Для теологов Вед Бог проявляется только как сила; весь прогресс и все откровения определяются завоеванием; Вишну воплощается в чудовищных морских левиафанах и в огромных диких кабанах, которые своими мордами разрыхляют первозданную землю.

Тем не менее, это чудесный пантеистический генезис, и авторы его басен ясны, по крайней мере, в своем сомнамбулизме. Десять Аватар Вишну численно соответствуют *Сефиротам* Каббалы. Бог, о котором идет речь, принял последовательно три животные или элементарные формы жизни, после чего он стал сфинксом, а затем человеком. Затем Он появился как Брахма и в облике притворного смирения овладел всей землей. В другом случае Он был ребенком и как таковой ангелом-утешителем патриархов. После этого он принял маску воина и дал бой угнетателям всего мира. Снова он воплотился в образе дипломатии, противопоставив ее насилию, и, кажется, в этот момент отказался от человеческого облика, чтобы принять ловкость обезьяны. Дипломатия и насилие поглощали друг друга, и мир ждал некоего интеллектуального и морального искупителя. После этого Вишну воплотился как Кришна. Он был запрещен еще в своей колыбели, рядом с которой дежурил символический осел. Его унесли далеко, чтобы спасти от власти его врагов; он повзрослел и проповедовал учение о милосердии и добрых делах. Он спустился в ад, связал адского змея и со славой вернулся на небеса. Его ежегодный праздник проходит в августе под знаком Девы. Вот удивительная интуиция относительно христианских мистерий, которая тем более впечатляет, если вспомнить, что священные книги Индии были написаны за много веков до христианской эры. Откровение Кришны последовало за откровением Будды, который соединил чистейшую религию с философией высочайшего уровня. Таким образом, считалось, что счастье мира обеспечено, и больше нечего было ожидать в ожидании десятого и последнего воплощения, когда Вишну вернется в своем надлежащем виде, ведя за собой коня страшного суда — этого ужасного скакуна, передняя нога которого всегда поднята, а когда она опустится, мир разлетится на атомы.

Мы можем отметить здесь присутствие священных чисел и пророческих расчетов Волхвов. Гимнософисты и посвященные Зороастризма черпали из одних и тех же источников, но именно ложный и черный Зороастр оставался мастером теологии в Индии. Последними секретами этой дегенеративной доктрины являются пантеизм и его законное следствие, являющееся абсолютным материализмом, маскирующимся под абсолютное отрицание материи. Но что, могут спросить, означает материализация духа или одухотворение материи, если постулируется равенство и тождество этих двух терминов? Но последствия такого пантеизма, однако, смертельны для этики: в мире, где все есть Бог, нет ни преступлений, ни добродетелей. Мы можем ожидать после таких учений постепенной деградации брахманов до фанатичного квиетизма; но пока что конец не был достигнут. Их великому магическому ритуалу, индийской книге оккультизма, иначе *Упнек'хат*, оставалось предоставить физические и моральные

средства для завершения работы по их одурманиванию и постепенного достижения того бредового безумия, которое их маги называют Божественным Состоянием. Произведение, о котором идет речь, является прародителем всех гримуаров и самым любопытным среди древностей Гетии. Оно разделено на пятьдесят разделов и представляет собой тьму, усыпанную звездами. Возвышенные максимы смешиваются с ложными оракулами.^[44] Иногда это читается как Евангелие от святого Иоанна, как, например, в следующих выдержках из одиннадцатой и сорок восьмой частей.

“Ангел творящего огня - это слово Божье, которое произвело землю и растительность, произрастающую из нее, вместе с теплом, которое ее созревает. Слово Творца само по себе является Творцом, а также Его единственным Сыном”. Теперь, с другой стороны, грезы достойны только самых экстравагантных архиеретиков: “Материя - это всего лишь обманчивая видимость, солнце, звезды и сами стихии - гении, в то время как животные - демоны, а человек - чистый дух, обманутый иллюзиями форм”. Возможно, эти отрывки послужили нам достаточным наставлением в отношении доктринальных вопросов, и мы можем перейти к Магическому ритуалу индийских чародеев.

“Чтобы стать Богом, дыхание должно быть задержано, то есть вдыхать его нужно как можно дольше, пока грудь не будет хорошо расширена, и, во-вторых, божественное “Ом” должно быть повторено про себя сорок раз, находясь в этом состоянии. Выдох, в-третьих, следует очень медленно, дыхание мысленно направляется через небеса, чтобы установить контакт со вселенским эфиром. Те, кто хочет преуспеть в этом упражнении, должны быть слепыми, глухими и неподвижными, как бревно. Поза - на коленях и локтях, лицо обращено на Север. Одну ноздрю зажимают пальцем, воздух вдыхается другой, которая затем также закрывается, при этом действие сопровождается сосредоточением мыслей на идее о том, что Бог - Творец, что Он есть во всех животных, как в муравье, так и в слоне. Ум должен быть поглощен этими мыслями. Ом сначала повторяется двенадцать раз, а затем двадцать четыре раза во время каждого вдоха, а затем как можно быстрее. Этот режим необходимо продолжать в течение трех месяцев — без страха, без ремиссии, мало есть и спать. В четвертый месяц проявятся Дэвы; в пятый ты приобретешь все качества Дэв; в шестой ты будешь спасен и станешь Богом”.

Что кажется несомненным, так это то, что на шестом месяце фанатик, достаточно слабоумный, чтобы упорствовать в такой практике, будет мертв или сойдет с ума. Если, однако, он действительно переживает это упражнение в мистическом дыхании, то *Упнек'хат* не оставит его в упомянутом счастливом положении, но заставит перейти к другим переживаниям.

“Концом одного пальца закройте задний проход, а затем направьте дыхание снизу вверх с правой стороны; сделайте так, чтобы оно трижды циркулировало вокруг второго центра тела; оттуда направьте его к пупку, который является третьим центром; затем к четвертому, который является серединой сердца; затем к горлу, которое является пятым; и, наконец, к шестому, который является корнем носа. Там сохраняется дыхание: оно стало дыханием вселенской души”.

Это кажется просто самовнушительным методом вызывания определенной мозговой перегрузки. Но автор трактата продолжает:

Поэтому подумайте о великом Ом, которое является именем Творца и является тем универсальным, чистым и неделимым голосом, который наполняет все вещи. Этот голос - Сам

Творец, Который становится слышен созерцателю после десяти приемов. Первый звук подобен крику маленького воробья; второй вдвое громче первого; третий подобен звуку тарелки; четвертый подобен журчанию большой раковины; пятый сравним с пением индийской лиры; шестой подобен звуку инструмента под названием *тал*; седьмой напоминает звук *бакабу* флейты, которую подносят близко к уху; восьмой подобен звуку инструмента под названием *Пакаудж*, по которому ударяют рукой; девятый звук подобен звуку маленькой трубы, а десятый - звуку грозовой тучи. При каждом из этих звуков созерцатель проходит через различные состояния, и при десятом он становится Богом. При первом звуке волосы на всем его теле встают дыбом; при втором его конечности становятся вялыми; при третьем он всем своим существом ощущает истощение, которое следует за любовным актом; при четвертом у него кружится голова, и он как будто опьянен; при пятом жизненная сила возвращается в его мозг; при шестом эта сила нисходит в него, и он питается ею; при седьмом он становится мастером видения, может заглядывать в сердца других и слышать самые отдаленные голоса; при девятом он становится таким сильным, что эфирный, он может проходить, где ему заблагорассудится, и видеть, не будучи замеченным, подобно ангелам; на десятом этапе он становится универсальным и неделимым голосом. Он - великий творец, вечное существо, свободное от всего и, став совершенным миром, он распространяет мир по всему миру”.

Что примечательно в этих наиболее любопытных отрывках, так это их исчерпывающее описание явлений, характеризующих осознанный сомнамбулизм в сочетании с полной практикой самовнушения; это искусство вызывать экстаз напряжением воли и утомлением нервной системы. Поэтому мы рекомендуем месмеристам тщательное изучение тайн *Оупнек'хат*. Постепенное использование наркотиков и шкалы цветных дисков произведет эффекты, аналогичные тем, которые описаны индийским колдуном. М. Рагон предоставил рецепт в своей работе об *Оккультной школе*.^[45] *Оупнек'хат* предлагает более простой метод потери сознания и достижения экстаза; он заключается в том, чтобы смотреть обоими глазами на кончик носа и сохранять это действие, или, скорее, эту гримасу, до тех пор, пока не наступит паралич зрительного нерва. Все подобные практики одинаково болезненны, опасны и нелепы; мы далеки от того, чтобы рекомендовать их кому-либо; но мы не подвергаем сомнению, что через более короткое или продолжительное время, в зависимости от чувствительности испытуемых, они вызовут экстаз, каталепсию и даже мертвый обморок. Чтобы обрести зрение и феномены второго зрения, необходимо достичь состояния, сродни состоянию сна, смерти и безумия. Именно в этом индийцы преуспевают, и, возможно, именно к их секретам мы должны отнести странную силу некоторых американских медиумов.

Черную магию можно определить как искусство вызывать искусственную манию у нас самих и у других; но это также и прежде всего наука отравления. Что, однако, в целом неизвестно, и открытием в наши дни обязан М. Дю Поте, так это то, что возможно уничтожить жизнь внезапным скоплением или удалением Астрального Света. Это может произойти, когда с помощью серии почти невыполнимых упражнений, подобных тем, что описаны индийским магом, наша нервная система, привыкшая ко всем напряжениям и переутомлению, превратилась в своего рода живой гальванический элемент, способный концентрировать и мощно излучать тот свет, который опьяняет или разрушает.

Однако мы еще не подошли к концу *Упнек'хата* и его магических чудес; есть последний аркан, который мрачный иерофант доверяет своим посвященным как высшую тайну всего сущего; на самом деле это тень и обратная сторона великой тайны Трансцендентной Магии. Итак,

последнее является абсолютом в морали и, следовательно, в направлении деятельности и в свободе. С другой стороны, позиция *Упнек'хата* является абсолютной в безнравственности, фатальности и смертоносном квиетизме: автор индийского труда выразил это следующим образом: “Законно лгать, чтобы облегчить браки, превозносить добродетели Брахмана или хорошие качества коровы. Бог есть истина, и в Нем тень и свет едины. Тот, кто знаком с этой истиной, никогда не лжет, ибо сама его ложь становится правдой. Какой бы грех он ни совершил, какое бы зло он ни совершил, он никогда не будет виновен; если бы он совершил двойное отцеубийство; если бы он убил Брахмана, посвященного в тайны Вед; одним словом, что бы он ни сделал, его свет не пострадал бы, ибо Бог говорит: Я - Вселенская Душа; во Мне есть добро и зло, которые смягчаются одно другим; тот, кто знает это, не может грешить, ибо он универсален, как и Я Сам”.

Такие доктрины несовместимы с цивилизацией, и, более того, стереотипизируя свою социальную иерархию, Индия привнесла анархию в касты, тогда как социальная жизнь - это вопрос обмена. Итак, обмен невозможен, когда все принадлежит немногим и ничего другим. Что означают социальные градации в предполагаемом гражданском государстве, в котором никто не может ни пасть, ни возвыситься? В этом заключается давно отложенное наказание братоубийцы; оно затрагивает всю его расу и обрекает ее на смерть. Если вмешается какая-нибудь чуждая, гордая и эгоистичная нация, она принесет в жертву Индию — даже если восточные легенды говорят нам, что Каин был убит Ламехом. Горе, однако, убийце Каина — так говорят священные оракулы Библии.

ГЛАВА IV

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Именно в Египте Магия достигает степени завершенности как универсальная наука и формулируется как совершенная доктрина. Как краткое изложение всех догм, полученных в древнем мире, ничто не превосходит и даже не может сравниться с теми несколькими параграфами, выгравированными Гермесом на драгоценном камне и получившими название Изумрудной Скрижали. Единство бытия и единство в гармонии вещей, согласно восходящей и нисходящей шкалам; прогрессивная и пропорциональная эволюция Слова; неизменный закон равновесия и постепенный прогресс универсальных аналогий; соответствие между идеей и ее выражением, обеспечивающее меру сходства между Творцом и сотворенным; сущностная математика бесконечного, подтверждаемая размерами единственного угла в конечном: все это выражается одним утверждением: “то, что вверху, подобно тому, что внизу, а то, что внизу, подобно тому, что вверху, для осуществления чудес единой вещи”. К этому добавляется откровение и просветляющее описание творящего агента, пантоморфного огня, великого проводника оккультной силы — одним словом, Астрального Света.

“Солнце - его отец, а луна - его мать; ветер носил его во чреве его”. Отсюда следует, что этот свет исходил от солнца и получил форму и ритмическое движение под влиянием луны, в то время как атмосфера является его вместилищем и тюрьмой. “Земля — его кормилица”, то есть он уравнивается и приводится в движение центральным теплом земли. “Это универсальный принцип, Телесма мира”.

Далее Гермес объясняет, каким образом этот свет, который также является силой, может быть применен как рычаг, как универсальный растворитель и как формирующий и коагулирующий агент; как также этот свет должен быть извлечен из тел, в которых он скрыт, чтобы имитировать все изобретения Природы с помощью его разнообразных проявлений, таких как огонь, движение, великолепие, сияющий газ, обжигающая вода или, наконец, изверженная земля. Изумрудная скрижаль содержит всю Магию на одной странице.[46] Другие произведения, приписываемые Гермесу,[47], такие как *Божественный Пимандр*, *Асклепий*, *Минерва Миран* т.д., обычно рассматриваются критиками как произведения Александрийской школы; но, несмотря на это, они содержат герметические традиции, которые были сохранены в теургических святилищах. Для тех, кто владеет ключами к символизму, доктрины Гермеса никогда не могут быть утрачены; среди всех их разрушений памятники Египта подобны множеству разбросанных листьев, которые можно собрать и таким образом полностью реконструировать книгу этих доктрин. В этой огромной книге заглавные буквы обозначают храмы, а предложения - города, отмеченные обелисками и сфинксом.

Физическое деление Египта само по себе было магическим синтезом, и названия его провинций соответствовали шифрам священных чисел. Царство Сесостриса было разделено на три части; из них Верхний Египет, или Фиваида, был прообразом небесного мира и страной экстаза; Нижний Египет был символом земли; в то время как Средний или Центральный Египет был страной науки и высокого посвящения. Каждая из этих частей была разделена на десять провинций, называемых Номами, и находилась под особым покровительством бога. Таким образом, было 30 богов, и они были сгруппированы по трое, придавая таким образом символическое выражение всем возможным концепциям триады в рамках декады или иным образом тройственному материальному, философскому и религиозному значению абсолютных идей, примитивно связанных с числами. Таким образом, мы имеем тройное единство или первую триаду, тройную двойственность[48], образованную первой триадой и ее отражением, являющуюся Звездой Соломона; тройную триаду или полную идею в каждой из ее трех форм; тройную четверицу, являющуюся циклическим числом астральных оборотов, и так далее. Таким образом, география Египта при Сесострисе является пантаклем или символическим изложением всей магической догмы, берущей начало от Зороастра и заново открытой или более точно сформулированной Гермесом.

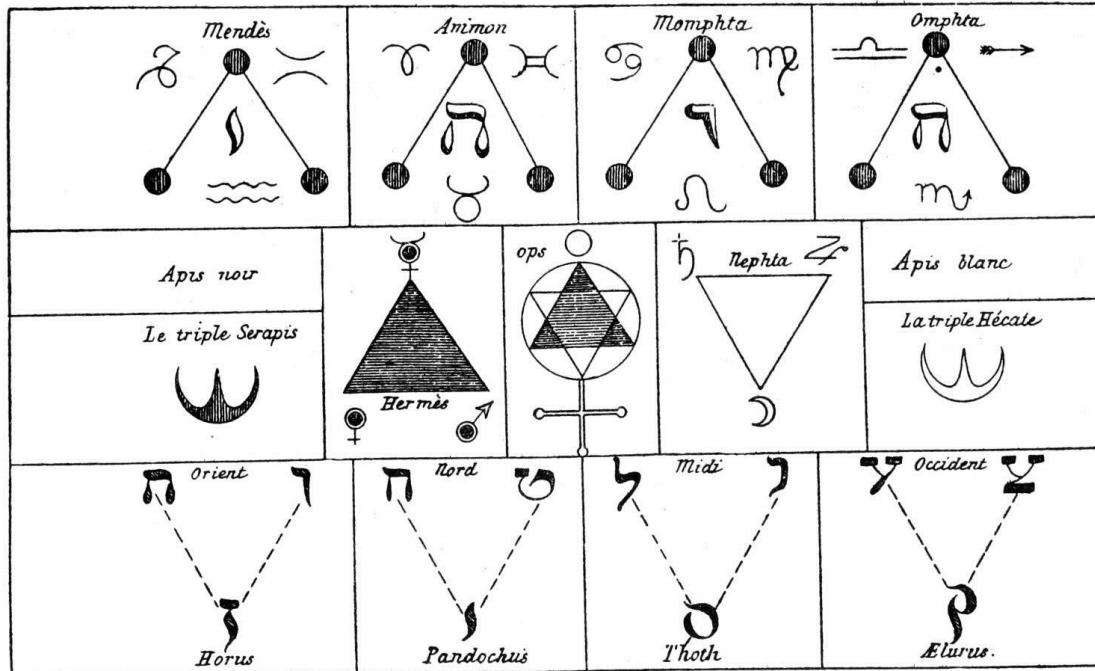
Таким образом, "Земля Египта" превратилась в огромную книгу, и содержащиеся в ней инструкции были приумножены путем перевода в изображения, скульптуры, архитектуру вдоль и поперек городов и во всех храмах. Сама пустыня имела свои вечные учения, и ее каменное слово было заложено прямо в фундаментах пирамид. Сами пирамиды стояли как границы человеческого разума, перед которыми колоссальный сфинкс медитировал век за веком, незаметно погружаясь в песок пустыни. Даже в наши дни его голова, изуродованная работой времени, все еще поднимается из гробницы, словно с нетерпением ожидая сигнала к полному погребению, когда человеческий голос откроет новому миру проблему пирамид.

Египет, с нашей точки зрения, является колыбелью науки и мудрости, поскольку он облек в образы античную догму первого Зороастра более точно и чисто, если не более богато, чем изображения Индии. Жреческое искусство и Царское искусство давали адептов путем посвящения в Египте, и такое посвящение не ограничивалось эгоистическими рамками касты.

Мы знаем, что еврейский раб сам достиг не только посвящения, но и ранга главного министра, возможно, даже Великого иерофанта, поскольку он женился на дочери египетского жреца, и есть свидетельства того, что жречество в этой стране не терпело мезальянса. Иосиф осуществил в Египте мечту о коммунизме; он учредил духовенство и государство в качестве единоличных собственников и, таким образом, единоличных арбитров труда и богатства. Таким образом, он устранил бедствие и превратил весь Египет в патриархальную семью. Общеизвестно, что его возвышение произошло благодаря искусству в толковании снов - науке, которой сейчас отказываются верить даже набожные христиане, хотя они признают, что Библия, повествующая о чудесных предсказаниях Джозефа, является словом Святого Духа. Наука Иосифа была не чем иным, как пониманием естественных аналогий, которые существуют между идеями и образами, или между Словом и его символами. Он знал, что душа, погруженная сном в Астральный Свет, воспринимает отражения своих самых сокровенных мыслей и даже своих предчувствий; он знал также, что искусство перевода иероглифов сна является ключом к универсальной ясности, поскольку все разумные существа получают откровения во сне.

Основой абсолютной науки об иероглифах был алфавит, в котором божества были представлены буквами, буквы представляли идеи, идеи превращались в числа, а числа были совершенными знаками. Этот иероглифический алфавит был великой тайной, которую Моисей сохранил в своей Каббале; его египетское происхождение упоминается в *Сефер Йецира*, где он упоминается об Аврааме. Теперь этот алфавит является знаменитой Книгой Тота, и Корт де Гебелин предсказал, что он сохранился до наших дней в виде карт Таро. Позже она перешла в руки Эттейллы, который истолковал ее в неправильном смысле, поскольку даже изучение, длившееся более тридцати лет, не могло искупить недостаток здравого смысла в его образовании. Летопись до сих пор существует среди разбросанных египетских памятников; и ее самый любопытный, самый полный ключ содержится в большом труде Афанасиуса Кирхера о Египте. Это копия таблички *Isiac*, принадлежавшей знаменитому кардиналу Бембо. Табличка, о которой идет речь, сделана из меди с рисунками на эмали и, к сожалению, утеряна. Копия, предоставленная Кирхером, однако, точная.[49] Ученый иезуит догадался, что в нем содержится иероглифический ключ к священным алфавитам, хотя и не смог дать этому объяснения. Он разделен на три равных отделения; вверху расположены двенадцать небесных домов, а внизу - соответствующее распределение труда в течение года, а в середине - двадцать один священный знак, соответствующий буквам алфавита. Посреди всего этого находится сидящая фигура пантоморфного Горла, эмблемы вселенского бытия[50] и соответствующая как таковая еврейскому *Йоду*, или той уникальной букве, из которой были образованы все остальные буквы. Гортань окружена офитской триадой, отвечающей Трем материнским буквам египетского и ивритского алфавитов.[51] Справа изображены ибиморфная и серапианская триады; слева - триады Нефтиды и Гекаты, представляющие активную и пассивную, неподвижную и изменчивую, плодоносящий огонь и порождающий воду. Каждая пара триад в соединении с центром производит семерку, а семерка содержится в центре. Три семерки представляют собой абсолютное число трех миров, а также полное количество первичных букв, к которым добавляется дополнительный знак, подобный нулю к девяти цифрам. Десять чисел и двадцать две буквы называются в каббализме Тридцатью двумя Путиями Мудрости, и их философское описание является предметом почитаемой изначальной книги, известной как *Сефер Йецира*, текст которой можно найти в собрании Писториуса и в других местах.[52] Алфавит Тота является оригиналом нашего Таро лишь косвенно, поскольку в дошедших до нас копиях последнее имеет еврейское происхождение и что его изображения не старше

правления Карла VII. Карты Жакмена Грингоннера - первые карты Таро, о которых мы что-либо знаем, но они воспроизводят символы, относящиеся к глубокой древности. Игра в ее современном виде была экспериментом астрологов по возвращению к здравому смыслу короля, о котором уже упоминалось.^[53] Оракулы Таро дают ответы точные, как математика, и взвешенные, как гармония Природы. Такие ответы являются результатом разнообразного сочетания различных знаков. Но требуется значительное упражнение разума, чтобы воспользоваться инструментом, принадлежащим разуму и науке; бедный король в своем детском состоянии видел на картинах художника только игрушки младенца, и он превратил таинственный каббалистический алфавит^[54] в карточную игру.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ СХЕМА АСТРОНОМИЧЕСКОЙ И АЛФАВИТНОЙ ТАБЛИЧКИ БЕМБО

Моисей говорит нам, что израильтяне унесли священные сосуды египтян, когда те вышли из земли рабства. Этот рассказ аллегоричен, поскольку великий пророк вряд ли поощрял бы свой народ к воровству; священные сосуды, о которых идет речь, были тайнами египетского знания, приобретенными самим Моисеем при дворе фараона. Мы ни в коем случае не предполагаем, что чудеса этого мужа Божьего относятся к Магии; но мы знаем из авторитета Библии, что Ианний и Мамбрес, которые были магами фараона и, следовательно, великими иерофантами Египта, начали с того, что благодаря своему искусству совершали чудеса, подобные чудесам Моисея. Они превращали жезлы в змей, а змей снова в жезлы, что могло быть объяснено престижем или очарованием; они превращали воду в кровь; они мгновенно производили рой лягушек; но они не могли вызвать появления мух или других насекомых-паразитов по причинам, которые мы уже объясняли, а также по тому, каким образом они были вынуждены признать себя побежденными.

Моисей восторжествовал и вывел израильтян из земли рабства. Именно в этот период Египет утратил истинную науку, поскольку жрецы, злоупотребляя безоговорочным доверием народа, позволили этому знанию выродиться в грубое идолопоклонство. Такова скала опасности для эзотерической науки; истина должна быть завуалирована, но не скрыта от людей; символизм не

должен быть опозорен впадением в абсурд; священное покрывало Исиды должно быть сохранено в его красоте и достоинстве. Именно из-за этого египетское жречество потерпело неудачу; вульгарные и глупые люди понимали иероглифические формы Исиды и Германибиса как реальные вещи, так что Осирис считался быком, в то время как мудрый Гермес был собакой. Преображенный Осирис выступал в фантастическом облике быка Аписа, и жрецы не мешали людям обожать мясо, предназначенное для их кухонь. Пришло время спасти священные традиции; Моисей основал новую нацию и запретил всякое поклонение изображениям; но народ, к сожалению, долго жил среди идолопоклонников, и воспоминания о быке Аписе остались с ними в пустыне. Мы знаем историю этого Золотого Тельца, к которому дети Израиля всегда были немного пристрастны. Моисей, однако, не хотел, чтобы священные иероглифы стерлись из памяти, и он освятил их, посвятив очищенному поклонению истинному Богу. Мы увидим, как все предметы, которые входили в культ Иеговы, носили символический характер и напоминали о почтенных знаках первобытного откровения. Но сначала мы должны покончить с язычниками и проследить через языческую цивилизацию историю материализованных иероглифов и выродившихся древних обрядов.

ГЛАВА V

МАГИЯ В ГРЕЦИИ

Теперь мы переходим к периоду, когда точные науки о Магии приняли свою естественную внешнюю форму - форму красоты. Мы видели в *Зоаре*, как прототип человека вознесся на небеса и отразился внизу, в водах бытия. Этому идеальному человеку, этой тени пантоморфного бога, этому мужественному призраку совершенной формы не суждено было обитать в одиночестве в мире символизма. Ему был дан спутник под благодатным небом Эллады. Небесная Венера, целомудренная и плодоносящая Венера, тройственная мать трех Граций, поднялась в свою очередь уже не из спящих глубин хаоса, а из живых и текучих волн этого гулкого архипелага поэзии, где острова, украшенные зелеными деревьями и цветами, кажутся сосудами богов.

Волшебная семерка Халдеи переходит в музыку на семи струнах орфической лиры. Именно гармония преображает леса и дикие места Греции. Под мелодию песен Орфея скалы разглаживаются, дубы размеренно раскачиваются, а дикие звери становятся подвластными человеку. С помощью такой магии Амфион воздвиг стены Фив - города мудрости Кадма, города посвящения, который сам по себе является пантаклем, подобным семи чудесам света. Как Орфей дал жизнь числам, так и Кадм связал мысль с символами букв. Один основал нацию, преданную всему прекрасному, а другой предоставил этой нации родную землю, соответствующую ее гению и ее любви.

В древнегреческих традициях Орфей причислен к героям Золотого Руна, которые были первобытными победителями Великого Дела. Золотое руно - это одеяние самого солнца; это свет в применении к нуждам человека; это великий секрет магических дел; это, в сущности, посвящение, как это следует понимать по существу; и именно поиски того или этого привели аллегорических героев в мистическую Азию. С другой стороны, Кадм был добровольным изгнанником из славных египетских Фив; он принес в Грецию знание букв и ту гармонию,

образцами которой они являются. Новые Фивы, типичный город мудрости, были построены в соответствии с этой гармонией, поскольку наука заключается в ритмическом соответствии между иероглифическими, фонетическими и цифровыми знаками, присущее движение которых подчиняется вечным законам математики. Фивы круглые, а их цитадель квадратная; подобно волшебному небу, они имеют семь ворот, и их легенде было суждено стать эпосом оккультизма и предвосхищенной историей человеческого гения.

Все эти таинственные аллегии, все эти вдохновенные традиции являются душой греческой цивилизации; но нас следует предостеречь от поиска реальной истории их поэтических героев иначе, чем в преобразованиях восточной истории, перенесенных в Грецию неизвестными иерофантами. Великими людьми тех дней была написана всего лишь история идей, и они не прилагали особых усилий, чтобы познакомить нас с человеческой борьбой, связанной с рождением империй. Гомер пошел по их пути, выстраивая богов, которые являются бессмертными типами мысли; именно в этом смысле мировой переворот последовал за хмурым взором Юпитера. Если Греция принесла огонь и меч в Азию, то это было сделано для того, чтобы отомстить за профанацию науки и добродетели, принесенных в жертву похоти; это было сделано для того, чтобы вернуть мировую власть Минерве и Юноне, несмотря на чувственную Венеру, погубившую своих преданных любовников. Такова возвышенная миссия поэзии, которая заменяет людей богами, или причины вместо следствий, а вечные концепции - жалкими воплощениями величия на земле. Идеи возвышают, но они же и низвергают империи; в основе всякого величия лежит какая-то вера, и для того, чтобы вера могла быть поэзией, или, другими словами, творчеством, она должна быть основана на истине. Единственная история, достойная внимания мудрых, - это история света, который навсегда побеждает тьму. То, что называется цивилизацией, - это один великий день этого солнца.

Басня о Золотом руне связывает Герметическую магию с греческими посвящениями. Золотое руно солнечного барана, которое должно быть получено теми или им самим, кто хочет обладать вселенским суверенитетом, является символом Великой Работы. Корабль аргонатов, построенный из древесины пророческих дубов Додоны, говорящий сосуд, является кораблем мистерий Исиды, ковчегом жизненной силы и обновления, сокровищницей Осириса, яйцом божественного возрождения. Искатель приключений Джейсон - это тот, кто подготовлен к посвящению, но герой он только в своей доблести; у него есть все непостоянство и вся слабость человечества, но он берет с собой олицетворения всей силы. Геркулес, олицетворяющий грубую силу, не принимает реального участия в работе, поскольку сбивается с пути в погоне за своими недостойными возлюбленными. Остальные прибывают в страну посвящения, в Колхиду, где до сих пор хранятся остатки зороастрийских тайн. Вопрос в том, как получить ключ к этим тайнам, и женщина в очередной раз предает науку. Медея передает Ясону тайны Великой Работы вместе с королевством и жизнью своего отца; ибо фатальный закон оккультного святилища гласит, что раскрытие его тайн влечет за собой смерть для того, кто оказался неспособным сохранить их. Медея сообщает Ясону о чудовищах, с которыми он должен сразиться, и о том, что обеспечит ему победу. Во-первых, есть крылатый змей земли, астральный флюид, который должен быть схвачен и закреплен; его зубы должны быть вырваны и посеяны на пустыре, которое ранее было вспахано быками Марса. Зубы дракона - это те кислоты,^[55] которые растворяют металлическую землю после ее приготовления двойным огнем и магнитными силами земли. Следует брожение, сравнимое с великой битвой; нечистый пожирается нечистым, и великолепное Руно является наградой адепта.

Так заканчивается волшебный роман о Ясоне, а за ним следует роман о Мееде, ибо греческая античность стремилась включить в эту историю полный эпос оккультной науки. На смену герметической Магии приходит гетия, отцеубийство, братоубийство, детоубийство, приносящее все в жертву своим страстям, но никогда не наслаждающееся плодами своих преступлений. Мееда предает своего отца, как Хам, и убивает своего брата, как Каин. Она закалывает своих детей, отравляет своего соперника и пожинает ненависть того, чьей любви она так жаждала. На первый взгляд может показаться удивительным, что Ясон не набрался мудрости, овладев Золотым Руном, но следует помнить, что открытием его секретов он обязан исключительно государственной измене. Он - насильник на манер Прометея, а не адепт, подобный Орфею; он ищет богатства и власти, а не знаний. Поэтому он погибает жалкой смертью, ибо вдохновляющие и суверенные достоинства Золотого Руна никогда не будут поняты кем-либо, кроме учеников Орфея.

"Прометей", "Золотое руно", "Фиваида", "Илиада" и "Одиссея" — эти пять великих эпосов, полных тайн Природы и человеческих судеб, составляют библию Древней Греции, циклопический памятник, Пелион, нагроможденный на Оссу, шедевр над шедевром, форма над формой, прекрасная, как сам свет, и возвышающаяся на вечных мыслях, возвышенная в истине. Однако иерофанты поэзии на свой страх и риск передали греческому народу эти чудесные вымыслы, в которых была скрыта истина. Эсхил, осмелившийся изобразить титаническую борьбу, сверхчеловеческие бедствия и божественные надежды Прометея — Эсхил, внушающий благоговейный трепет поэт из семьи Эдипа, - был обвинен в предательстве и профанации мистерий и с трудом избежал сурового осуждения. По сей день мы не в состоянии осознать весь его замысел, который заключался в драматической трилогии, охватывающей всю символическую историю Прометея. Из этого следует, что он показал собравшимся людям, как Алкид освободил Прометея и как Юпитер был свергнут со своего трона. Всомогущество гения в его страданиях и решительная победа терпения над властью, несомненно, прекрасны, но толпа могла бы увидеть в этом будущий триумф нечестия и анархии. Прометей, побеждающий Юпитера, может быть понят как народ, которому суждено однажды освободиться от своих жрецов и царей; и преступные надежды могут иметь большое значение в расточительных аплодисментах, воздаваемых тому, кто опрометчиво раскрыл эту перспективу. Склонности догмы к поэзии мы обязаны этими шедеврами, и поэтому нас не следует причислять к аскетичным посвященным, которые хотели бы, подобно Платону, короновать поэтов, а затем изгнать их; ибо истинные поэты - посланцы Бога на земле, и те, кто их изгоняет, не заслуживают благословения небес.

Великий греческий инициатор и тот, кто первым создал цивилизацию, был также ее первым поэтом, ибо, даже допуская, что Орфей был мистической или сказочной личностью, мы должны верить в существование Мусея и приписывать ему стихи, которые проходят под именем его учителя.^[56] В остальном для нас не имеет большого значения, звали ли одного из Аргонатов Орфеем или нет, ибо создатель поэзии сделал больше, чем просто жил; он живет в бессмертии вечно. Орфическая басня - это законченная догма, откровение жреческих судеб, новая идеальная форма поклонения красоте. Возрождение и искупление любви указаны уже в ней. Орфей спускается в ад в поисках Эвридики и должен вернуть ее обратно, не видя; так и чистый человек должен создать свою спутницу, возвысить ее для себя преданностью, а не желанием ее. Именно отказываясь от объекта страсти, мы заслуживаем обладания объектом истинной любви. Мы уже находимся в атмосфере чистых мечтаний христианского рыцарства. Но иерофант все еще мужчина; он колеблется, задает вопросы и смотрит. *Ab miseror Eurydicem.*

Она потеряна, ошибка совершена, теперь должно начаться искупление. Орфей овдовел и остается как таковой в чистоте; брак с Эвридикой не достиг своего завершения, и как вдовец той, кто была девственницей, он сохранил себя в девственности. Поэт не двуличен, и дети расы богов любят один раз и только один раз. Отцовское вдохновение, стремление к идеалу, который будет найден за гробом, вдовство, освященное посвящением священной музы. Какое откровение перед грядущими вдохновениями. Орфей, носящий в своем сердце рану, которую не залечит ничто, кроме смерти, становится врачом душ и тел ; в конце концов он умирает жертвой своего целомудрия — смерть, которую он претерпевает, является смертью посвященных и пророков. Он погибает, провозглашая единство бога, а также единство любви: это в более поздний период было корнем Орфических мистерий.

Показав, что он так высоко поднялся над своей эпохой, Орфей со временем заслужил репутацию колдуна и чародейки. Ему, как и Соломону, приписывались знания о простых растениях и минералах, о небесной медицине и философском камне. С ними он, несомненно, был знаком, поскольку в своей легенде он олицетворяет первобытное посвящение, падение и исправление — три этапа великой работы человечества.

Орфическое посвящение, согласно Балланшу, можно резюмировать следующим образом: “Человек, подвергшийся в первую очередь влиянию стихий, впоследствии должен управлять ими под собственным влиянием. Творение - это акт божественного волшебства, который является непрерывным и вечным. Истинное бытие человека заключается в самопознании. Ответственность является для него завоеванием, а само наказание за грех - еще одним поводом для победы. Вся жизнь основана на смерти, и палингенезис - это закон возмещения. Брак - это воспроизведение в человечестве великой космогонической тайны. Он должен быть единым, как едины Бог и Природа. Это единство Древа Жизни, в то время как разврат - это разделение и смерть. Астрология - это синтез, потому что Древо Жизни - это единое дерево и потому, что его ветви, раскинувшиеся по небу и украшенные звездными цветами, соответствуют его корням, которые скрыты в земле. Знание медицинских и магических свойств, присущих растениям, металлам и телам, наделенным различной степенью жизни, также является синтетическим знанием. Способности к организации на различных уровнях раскрываются в результате синтеза. Агрегации и сродство металлов, подобно вегетативной душе растений и подобно всем способностям к ассимиляции, также становятся известными благодаря синтезу”.

Было сказано, что прекрасное - это великолепие истины, и именно поэтому этому великому свету Орфея мы должны приписать совершенство формы, которое впервые проявилось в Греции. К нему же — как к источнику — относится школа божественного Платона, этого языческого отца всей высокой христианской философии. От него Пифагор и *иллюминаты* Александрии почерпнули свои тайны. Посвящение не терпит перемен; оно одно и то же, где бы мы ни встречались с ним на протяжении веков. Последние ученики Мартинеса де Паскуалли все еще являются детьми Орфея; но они преклоняются перед Воплощением античной философии, Которая является воплощенным Словом христиан.

Мы говорили, что первая часть басни о Золотом руне воплощает секреты орфической магии, а вторая часть посвящена разумным предостережениям против злоупотреблений Гетии или Магии тьмы. Ложная или гетическая Магия, известная в наши дни под названием колдовства, никогда не может считаться наукой: это эмпиризм фатальности. Всякая чрезмерная страсть порождает искусственную силу, над которой воля не может быть властелином, но эта сила

послушна тирании страсти. Вот почему Альберт Великий советует нам никого не проклинать в своем гневе. Это история о проклятии Тесеем Ипполита. Чрезмерная страсть - это настоящее безумие, а последнее, в свою очередь, является опьянением или скоплением Астрального Света. Вот почему безумие заразительно и почему страсти в целом действуют как настоящее колдовство. Женщины превосходят мужчин в колдовстве, потому что их легче увлечь избытком страсти. Слово "колдун" явно обозначает жертв случая и, так сказать, ядовитые грибы фатальности.

Греческие колдуны, но особенно из Фессалии, применяли ужасные предписания для доказательства и предавались отвратительным обрядам. В основном это были женщины, измученные желаниями, которые они больше не могли удовлетворять, устаревшие куртизанки, чудовища безнравственности и уродства. Ревнивые к любви и жизни, эти несчастные создания находили любовников только в гробницах, или, скорее, они оскверняли гробницы, чтобы с отвратительными ласками пожирать ледяные тела молодых людей. Они крали детей и заглушали их крики, прижимая их к своим свисающим грудям. Они были известны как *ламы*, *стригуны*, *эмпусы*; дети были объектами их зависти и, следовательно, ненависти, и они приносили их в жертву по этой причине. Некоторые, как та Канидия, о которой упоминает Гораций, закапывали их с головой и оставляли умирать от голода, окруженные едой, до которой они не могли дотянуться; другие отрезали головы, руки и ноги, варили их жир в медных тазах до консистенции мази, которую затем смешивали с соком белены, белладонны и черного мака. Этой мазью они помазали орган, который непрерывно раздражался из-за их отвратительных желаний; они натерли также свои виски и подмышечные впадины, а затем впали в летаргию, полную необузданных и роскошных грез. Необходимо говорить прямо — таковы истоки и такова традиционная практика Черной магии; таковы секреты, которые были переданы в средние века; и таковы, в конечном счете, мнимые невинные жертвы, которых публичное осуждение, гораздо большее, чем приговор инквизиторов, приговорило к сожжению. Именно в Испании и, прежде всего, в Италии *расстрижей*, *ламий* и *эмпусов* была в изобилии распространена даже в более поздний период; тем, кто сомневается, следует проконсультироваться с самыми опытными криминологами этих стран, изложенными Франциском Торребланкой, [57] королевским адвокатом канцелярии Гранады, в его "*Воплощении деликторума*".

Медея и Цирцея - это разновидности Пагубной Магии у греков. Цирцея - порочная женщина, которая околдовывает и унижает своих любовников; Медея - наглая отравительница, которая отваживается на все и делает саму Природу пособницей своих преступлений. На самом деле есть существа, которые очаровывают, как Цирцея, и чья близость оскверняет. Они не могут внушить ничего, кроме жестоких страстей; они истощают, а затем презирают вас. С ними нужно обращаться в соответствии с политикой Улисса, принуждая их к повиновению страхом и имея возможность в конце концов покинуть их без сожаления. Они прекрасные, бессердечные чудовища, и их тщеславие - вся их жизнь. Античность изображала их в виде сирен.

Что касается Медеи, то она - воплощение извращенности, желающая и творящая зло. Она способна любить и не поддается страху, но ее любовь ужаснее, чем ее ненависть. Она плохая мать и губительница детей; она любит ночь и под лучами луны собирает ядовитые травы для приготовления ядов. Она магнетизирует воздух, приносит беду на землю, заражает воду и делает ядовитым даже огонь. Рептилии снабжают ее своей кожей; она бормочет ужасные слова; за ней тянется кровавый след; изуродованные конечности выпадают из ее рук. Ее советы сводят с ума, ее ласки порождают ужас.

Такова женщина, которая стремилась подняться над обязанностями своего пола, знакомясь с запретными науками. Мужчины избегают ее, дети прячутся, когда она проходит мимо. Она лишена разума, лишена истинной любви, и хитрости Природы, восстающей против нее, являются постоянно возобновляющейся мукой для ее гордыни.

ГЛАВА VI

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МАГИЯ ПИФАГОРА

Тем, кто инициировал Нуму и о чьем мастерстве в Магии уже кое-что говорилось, был персонаж, известный как Тархон, сам ученик халдея по имени Тагес. Тогда у науки были свои апостолы, которые ходили взад и вперед по миру, создавая в нем священников и королей. Нередко само преследование отменялось, чтобы исполнить замыслы Провидения, и так это произошло ближе к семьдесят второй Олимпиаде, или через четыре поколения после правления Нумы. Пифагор Самосский искал убежища в Италии от тирании Поликрата. Великий пропагандист философии чисел посетил все святилища мира и даже был в Иудее, где перенес обрезание[58] в качестве платы за доступ к тайнам Каббалы, сообщенным ему, хотя и не без определенной сдержанности, пророками Иезекиилем и Даниилом. Впоследствии, но опять же не без труда, он получил египетское посвящение по рекомендации царя Амасиса. Способности его собственного гения дополнили несовершенные откровения иерофантов, так что он сам стал мастером и тем, кто разъяснял тайны.

Пифагор определил Бога как живую и абсолютную истину, облаченную в свет; он определил Слово как число, проявляющееся в форме; и он вывел все сущее из *Тетрактиса*, то есть тетрады. Он также сказал, что Бог - это высшая музыка, природа которой - гармония. Религия была, по его мнению, высшим выражением справедливости; медицина была наиболее совершенной научной практикой; прекрасным была гармония; силой - разум; счастьем - совершенство; в то время как истина в применении заключалась в недоверии к слабости и порочности людей.

Когда он поселился в Кротоне, городские власти этого города, видя, что он оказывает столь большое влияние на умы и сердца, поначалу немного беспокоились за него; но в конце концов они обратились к нему за советом. Пифагор советовал им воспитывать муз и поддерживать самое совершенное согласие между собой, потому что вражда между хозяевами разжигала бунт среди слуг. После этого он поделился с ними своим великим религиозным, политическим и социальным принципом: "Нет такого зла, которое нельзя было бы предпочесть анархии" — аксиомой универсального применения и почти бесконечной глубины, хотя даже наш век еще недостаточно просвещен, чтобы понять ее.

Вне традиций его жизни, останки Пифагора - это его Золотые Стихи и Символы, из которых первые стали общими местами народной морали, настолько велик был их успех на протяжении веков. Они были представлены следующим образом:[59]—

“Сначала поклоняйтесь бессмертным богам, как они установлены и предписаны Законом. Почитайте клятву, а затем героев, полных добра и света.... Почитай также своих родителей и тех, кто тебе наиболее близок в родстве. Из всего остального человечества сделай своим другом

того, кто отличается своей добродетелью. Всегда прислушивайся к его мягким увещаниям и бери пример с его добродетельных и полезных поступков. Старайся, насколько это возможно, не ненавидеть своего друга за малейшую провинность. Пойми, что сила - ближайший сосед необходимости.... Преодолевайте и побеждайте эти страсти — чревоугодие, лень, чувственность и гнев. Не делайте ничего дурного ни в присутствии других, ни наедине, и превыше всего уважайте себя. Во-вторых, соблюдай справедливость в своих действиях и в своих словах.... Блага удачи ненадежны; как их можно приобрести, так их можно и потерять. Всегда размышляйте о том, что так предопределено судьбой, что все люди должны умереть.... Терпеливо переноси свою участь, какой бы она ни была, и никогда не ропщи на нее; но делай все, что в твоих силах, чтобы исправить ее. Подумайте о том, что судьба не посылает большую часть этих несчастий хорошим людям.... Пусть никто своими словами или делами не соблазняет тебя и не побуждает тебя говорить или делать то, что не выгодно для тебя самого. Советуйся и обдумывай, прежде чем действовать, чтобы не совершить глупых поступков. Ибо это удел несчастного человека - говорить и действовать без размышления. Но делай то, что впоследствии не огорчит тебя и не заставит раскаяться. Никогда не делай ничего, чего ты не понимаешь; но научись всему, что тебе следует знать, и благодаря этому ты будешь вести очень приятную жизнь. Ни в коем случае не пренебрегай здоровьем своего тела; но давай ему питье и мясо в должной мере, а также упражнения, в которых оно нуждается.... Приучай себя к образу жизни, который будет опрятным и пристойным, без роскоши.... Делай только то, что не может причинить тебе вреда, и обдумывай, прежде чем делать это. Никогда не позволяй сну сомкнуть твои веки после того, как ты ляжешь спать, пока ты не проанализируешь разумом все свои действия за день. В чем я провинился? Что я натворил? Что я упустил из того, что должен был сделать?”

До этого момента Золотые стихи казались всего лишь наставлениями школьного учителя. Однако они имеют совершенно иную конструкцию. Это предварительные законы магического посвящения, которые составляют первую часть Великой Работы, то есть создания совершенного адепта. Это подтверждается следующими стихами:

“Я клянусь тем, кто передал в наши души Священный Кватернион, источник природы, причина которого вечна. Никогда не начинай браться за какую-либо работу, пока не помолишься богам о завершении того, что ты собираешься начать. Когда ты освоишь эту привычку, ты узнаешь устройство Бессмертных Богов и людей. Даже то, как далеко простираются различные существа, и то, что содержит и связывает их вместе ..., и ничто в этом мире не будет скрыто от тебя.... О Юпитер, Отец наш! если ты хочешь избавить людей от всего зла, которое их угнетает, покажи им, какого демона они используют. Но мужайся; раса людей божественна.... Когда, избавившись от своего смертного тела, ты достигнешь чистейшего Эфира, ты станешь богом, бессмертным, нетленным, и смерть больше не будет властвовать над тобой”.

Пифагор говорил иначе: “Поскольку существуют три божественных понятия и три умопостигаемых царства, то существует и тройственное слово, потому что иерархический порядок всегда проявляется через триаду. Различают (а) простую речь, (b) иероглифическую речь и (с) символическую речь. Другими словами, есть слово, которое выражает, есть скрывающее слово и, наконец, есть слово, которое означает: весь иерархический разум заключен в совершенной науке этих трех степеней”. Таким образом, он закрепил доктрину в

символах, но избегал персонификаций и образов, которые, по его мнению, рано или поздно породят идолопоклонство. Его даже обвиняли в отвращении к поэтам, но именно создателям плохих стихов он запрещал это искусство: “Ты, у кого нет арфы, не стремись петь в такт”, - говорит он в своих символах. Такой великий человек, как он, никогда не мог пренебречь точным соответствием между возвышенными мыслями и прекрасными образными выражениями; действительно, его собственные символы полны поэзии: “Не разбрасывайте цветов, из которых сделаны короны”. В таких выражениях он призывает своих учеников никогда не умалять славу и никогда не пренебрегать тем, что кажется благом для мира.

Пифагор был целомудрен, но отнюдь не требовал безбрачия от своих учеников, он женился сам и имел детей. В памяти сохранилось прекрасное высказывание его жены: ее спросили, не требуется ли женщине очищение после полового акта с мужчиной, и в таком случае по прошествии какого времени она может считать себя достаточно очищенной, чтобы приближаться к святыням. Она ответила: “Немедленно, если это будет с ее мужем; но если это будет с другим, то никогда”.

Та же строгость принципов, та же чистота нравов давали в школе Пифагора право на посвящение в тайны Природы, и так была достигнута та власть над самим собой, с помощью которой можно было управлять элементарными силами. Пифагор обладал способностью, которую мы называем вторым зрением, а тогда она была известна как прорицание. Однажды, находясь со своими учениками на берегу моря, на горизонте появилось судно. “Учитель,” сказал один из спутников, - было бы для меня богатством, если бы они отдали мне груз, перевозимый этим кораблем?” - “Для тебя это было бы более чем бесполезно”, - ответил Пифагор. “В таком случае я бы сохранил это для своих наследников”. “Вы хотели бы завещать им два трупа?” Судно вошло в порт и оказалось на борту с телом человека, который желал быть похороненным в своей собственной стране.

Кроме того, говорится, что животные были послушны Пифагору. Однажды, в разгар Олимпийских игр, он подал знак орлу, парящему в небесах; птица спустилась, описав круг, и снова стремительно взлетела в знак того, что учитель отпустил ее. Был также большой медведь, опустошавший Апулию; Пифагор поставил его к своим ногам и велел убираться из страны. Соответственно, оно исчезло, и когда его спросили, какому знанию он обязан такой чудесной силой, он ответил: “Науке о свете”. Одушевленные существа, по сути, являются воплощениями света. Из тьмы уродства возникают формы и постепенно движутся к великолепию красоты; инстинкты соответствуют формам; и человек, являющийся синтезом того света, анализом которого можно назвать животных, создан для того, чтобы повелевать ими. Однако случилось так, что вместо того, чтобы править как их господин, он стал их преследователем и разрушителем, так что они боятся его и восстают против него. В присутствии исключительной воли, которая является одновременно доброжелательной и направляющей, они полностью намагничиваются, и множество современных феноменов могут и должны позволить нам понять возможность чудес, подобных чудесам Пифагора.

Физиономисты заметили, что большинство мужчин имеют определенное лицевое сходство с тем или иным животным. Это может быть только делом воображения, вызванным впечатлением, которое производят различные физиономии, и выявляющим некоторые выдающиеся личностные характеристики. Таким образом, угрюмый человек напоминает медведя, лицемер похож на кошку, как и все остальные. Такого рода суждения усиливаются в воображении и еще

больше преувеличиваются во сне, когда люди, которые неприятно воздействовали на нас в состоянии бодрствования, превращаются в животных и заставляют нас испытывать все муки ночного кошмара. Итак, животные — в такой же степени, как и мы сами, и даже больше, чем мы сами, — находятся под властью воображения, в то время как они лишены того суждения, с помощью которого мы можем проверить его ошибки. Следовательно, они воздействуют на нас в соответствии с симпатиями или антипатиями, которые возбуждаются нашим собственным магнетизмом. Более того, они не осознают того, что лежит в основе человеческого облика, и они рассматривают нас только как других животных, находящихся под их властью, подобно собаке, принимающей своего хозяина за собаку более совершенную, чем она сама. Секрет господства над животными заключается в управлении этим инстинктом. Мы видели, как знаменитый укротитель диких зверей очаровывал своих львов, изображая ужасное выражение лица и ведя себя так, словно он разъяренный лев. Вот буквальное применение популярной поговорки, которая велит нам выть вместе с волками и блеять вместе с овцами. Необходимо также понимать, что каждая животная форма проявляет определенный инстинкт, склонность или порок. Если мы позволим характеру зверя преобладать внутри нас, мы будем склонны принимать его внешний облик во все возрастающей степени и даже придем к тому, чтобы запечатлеть его совершенный образ в Астральном Свете; более того, когда мы впадаем в сновидения или экстаз, мы будем видеть себя такими, какими нас видели бы экстатики и сомнамбулы и какими мы, несомненно, должны выглядеть в глазах животных. Пусть в таких случаях случается, что разум угасает, что настойчивые мечты превращаются в безумие, и мы превращаемся в зверей, подобных Навуходоносору. Это объясняет те истории об оборотнях, некоторые из которых были юридически подтверждены. Факты не подлежали сомнению, но свидетели были не менее галлюцинированы, чем сами оборотни.[60]

Случаи совпадения и соответствия в состоянии сна не являются ни редкими, ни экстраординарными. Люди в состоянии магнетического экстаза могут видеть друг друга и разговаривать друг с другом с противоположных концов земли. Мы сами можем встретить кого-то впервые, и он или она покажутся нам старыми знакомыми, потому что мы часто встречались во сне. Жизнь полна таких любопытных случаев, а что касается превращения людей в животных, то свидетельства этому есть со всех сторон. Сколько престарелых куртизанок и прожорливых самок, доведенных почти до идиотизма после того, как они облазили все сточные канавы существования, - не что иное, как старые кошки, вопиюще влюбленные в своего тома.

Пифагор превыше всего верил в бессмертие души и в непрекращаемость жизни. Бесконечная череда лета и зимы, дня и ночи, сна и бодрствования наглядно иллюстрировала для него феномен смерти. Для него также особое бессмертие человеческих душ заключалось в постоянстве памяти. Говорят, что он осознавал свои предыдущие воплощения, и если это сообщение правдиво, то это было что-то подсказанное его воспоминаниями, поскольку такой человек, как он, не мог быть ни самозванцем, ни дураком.[61] Вполне вероятно, что он наткнулся на прежние воспоминания в своих снах, в то время как простые предположения и гипотезы были построены как положительное подтверждение с его стороны. Как бы то ни было, его мысль была великой, ибо настоящая жизнь нашей индивидуальности заключается только в памяти. Те воды Лета, которые изображали древние, были истинным философским видом смерти. Библия, по-видимому, дает божественное одобрение этой идее, когда в Книге Псалмов говорится, что “праведные будут в вечной памяти”.[62]

ГЛАВА VII

СВЯЩЕННАЯ КАББАЛА

Давайте теперь обратимся к происхождению истинной науки, обратившись к Священной Каббале, или преданию детей Сифа, взятому из Халдеи Авраамом, сообщенному Иосифом египетскому жречеству, сохраненному Моисеем, скрытому символами в Библии, открытому Спасителем святому Иоанну и воплощенному во всей полноте в иератических образах, аналогичных древним, в Апокалипсисе этого Апостола.

Все, что было связано с идолопоклонством, вызывало отвращение у каббалистов, и, несмотря на это, Бог представлен ими в виде человеческой фигуры, но это чисто иероглифическое изображение. Для них Он - разумная, любящая, живая бесконечность. Он не является ни совокупностью всех существ, ни абстрактным существом, ни существом, поддающимся философскому определению. Он пребывает во всем, будучи больше и величественнее всего. Само Его имя невыразимо, и все же это имя выражает только человеческий идеал Его божественности.[63] Человек не может понять Бога в Себе. Он - абсолют веры, но абсолют разума - это Бытие. Бытие самосуще и существует потому, что оно есть. Причиной Бытия является само Бытие. Это вопрос законного предположения, почему то или иное существует, но было бы абсурдно спрашивать, почему существует Бытие, поскольку это означало бы постулировать Бытие как предшествующее Бытию.

Разумом и наукой доказано, что способы существования в Бытии уравновешены в соответствии с гармоничными и иерархическими законами. Теперь иерархия продвигается по восходящей шкале, становясь все более и более монархической. В то же время разум не может остановиться в присутствии одного абсолютного вождя, не будучи подавленным высотами, которые он видит выше этого верховного царя; поэтому он находит прибежище в молчании и уступает место благоговейной вере. Что несомненно, как для науки, так и для разума, так это то, что идея Бога является самым великим, самым святым и самым полезным из всех устремлений человека; что мораль и ее вечная санкция покоятся на этой вере. Следовательно, в человечестве это самое реальное явление бытия, и если бы оно было ложным, Природа сформулировала бы абсурд, пустота утвердила бы жизнь, и в одно и то же время можно было бы сказать, что Бог был и что Бога не было. Именно этой философской и неоспоримой реальности, или, иначе, понятию Божества, каббалисты дают название, и все остальные имена содержатся в нем.[64] Шифры этого имени производят все числа, а иероглифические формы его букв выражают все законы Природы со всем, что в них заключено. Мы не будем возвращаться в этом месте к тому, что уже рассматривалось в отношении божественной Тетраграммы в *Доктрине Трансцендентальной магии*; но можно добавить, что каббалисты обозначают ее четырьмя основными способами: (1) как , JHVH, что, как пишется, так и не произносится. Согласные - ЙОД, ОН, ВАУ, ОН, и мы передаем их как ИЕГОВА вопреки всяким аналогиям, поскольку искаженный Тетраграмматон состоит из шести букв.[65] (2) ' ם תה, АДНИ, что означает Господь и произносится нами АДОНАИ.[66] (3) ה' ה' אלהים, что означает Бытие и произносится нами ЭЙЕ.[67] (4) אלהים, АГЛА, произносится так, как написано, и включает в себя иероглифически все тайны Каббалы.[68]

ПАНТАКЛЬ КАББАЛИСТИЧЕСКИХ БУКВ

Буква *Алеф*, א, является первой в еврейском алфавите и, выражая единство, иероглифически представляет догму Гермеса: то, что вверху, аналогично тому, что внизу. В соответствии с этим буква имеет две ветви, одна из которых указывает на землю, а другая - на небо идентичным жестом. Буква *Гимел*, ג, является третьей в алфавите; численно она выражает триаду, а иероглифически означает деторождение, плодovitость. Ламед, ל, является двенадцатой буквой и выражает совершенный цикл. Рассматриваемый как иероглифический знак, он представляет циркуляцию вечного двигателя и отношение радиуса к окружности. Дублированный *Алеф* представляет синтез. Следовательно, имя АГЛА означает: (1) единство, которое завершает с помощью триады цикл чисел, ведущий обратно к единству. (2) Плодотворный принцип Природы, который един с ней. (3) Изначальная истина, которая оплодотворяет науку и восстанавливает ее единство. (4) Силлепсис, анализ, наука и синтез. (5) Три Божественные Личности, Которые являются единым Богом; секрет Великой Работы, которая заключается в фиксации Астрального Света суверенным актом воли и представлена адептами в виде змеи, пронзенной стрелой, образующей таким образом букву *Алеф*. (6) Три операции растворения, возгонки и фиксации, соответствующие трем основным веществам: Соли, Сере и Ртути, — все

это выражается буквой *Гимель*. (7) Двенадцать ключей Бэзила Валентина, представленные *Ламед*. (8) Наконец, Работа, выполненная в соответствии с его принципом и воспроизводящая указанный принцип.

Здесь находится исток той каббалистической традиции, которая объединяет всю Магию в одном слове. Знать, как читается это слово и как оно произносится, или буквально понимать его тайны и воплощать знание в действие - значит обладать ключом к чудесам. Произнося слово АГЛА, говорят, что человек должен обратиться к Востоку, что означает союз намерения и знания с восточной традицией. Далее следует помнить, что, согласно Каббале, совершенное слово - это слово, реализуемое действиями, откуда происходит то выражение, которое часто встречается в Библии: *facere verbum*, произносить слово — то есть в смысле совершения действия. Следовательно, произносить слово АГЛА каббалистически - значит пройти все испытания посвящения и выполнить все его работы.[69]

В *Доктрине трансцендентальной магии* было сказано, что имя Иегова распадается на семьдесят два объясняющих имени, называемых *Шемахамфора*ш.[70] Искусство использовать эти семьдесят два имени и открывать в них ключи универсальной науки - это искусство, которое каббалисты называют Ключами Соломона. На самом деле, в конце сборников молитв и вызываний, носящих это название, обычно находится семьдесят два магических круга, образующих тридцать шесть талисманов, или четырежды девять, что является абсолютным числом, умноженным на тетраду. Каждый из этих талисманов носит два из семидесяти двух имен, знак, символизирующий их количество, и знак четырех букв Тетраграмматона, которым они соответствуют. Отсюда произошли четыре символические масти Таро: Жезл, представляющий *Йод*; Чаша, соответствующая *Хе*; Меч, относящийся к *Вэу*; и Пентакль, соответствующий последнему *Хе*. Дополнение в виде динария было добавлено в Таро, таким образом синтетически повторяя символ единства.[71]

Популярные традиции Магии утверждают, что тот, кто владеет Ключами Соломона, может общаться с духами всех степеней и может добиться повиновения со стороны всех природных сил. Эти Ключи, так часто теряемые и так же часто вновь обретаемые, являются не чем иным, как талисманами семидесяти двух имен и тайнами тридцати двух иероглифических путей, воспроизведенных Таро. С помощью этих знаков и их бесконечных комбинаций, которые подобны комбинациям цифр и букв, можно прийти к естественному и математическому раскрытию всех тайн Природы, и именно в этом смысле устанавливается связь со всей иерархией интеллекта.

Каббалисты в своей мудрости были настороже против снов воображения и галлюцинаций бодрствования. Поэтому они избегали, в частности, всех нездоровых воспоминаний, которые нарушают нервную систему и опьяняют разум. Создатели любопытных экспериментов по феноменам экстрасенсорного зрения ничем не лучше тех, кто употребляет опиум и гашиш. Это дети, которые безрассудно наносят себе увечья. Может случиться так, что человека настигнет опьянение; мы можем даже настолько забыться добровольно, что будем искать опыта опьянения, но для уважающего себя человека достаточно одного случая. Граф Жозеф де Местр говорит, что в один прекрасный день мы будем высмеивать нашу нынешнюю глупость так же, как мы высмеиваем варварство средневековья. Что бы он подумал, если бы увидел наших столовщиков или послушал тех, кто выдвигает гипотезы относительно мира духов?

Бедные существа, какими бы мы ни были, мы убегаем от одного абсурда, бросаясь к его противоположности. Восемнадцатый век думал, что он протестует против суеверий, отрицая религию, а мы в свою очередь свидетельствуем о нечестии того периода, веря в бабушкины басни. Неужели невозможно быть лучшим христианином, чем Вольтер, и при этом не верить в привидения? Мертвые не могут вернуться на эту землю, которую они покинули, так же, как ребенок не может вернуться в лоно своей матери.[72] То, что мы называем смертью, есть рождение в новую жизнь. Природа не повторяет того, что она однажды сделала, в порядке необходимого продвижения по шкале существования, и она не может опровергнуть свои собственные фундаментальные законы. Ограниченная своими органами и обслуживаемая ими, человеческая душа может вступать в общение с вещами видимого мира только при посредничестве этих органов. Тело - это оболочка, приспособленная к физической среде, в которой душа пребывает здесь. Ограничивая действия души, это делает возможной ее активность. В отсутствие тела душа была бы повсюду, и все же в таком ослабленном смысле, что она нигде не могла бы действовать, но, затерянная в бесконечности, была бы поглощена и уничтожена в Боге.[73] Представьте себе каплю пресной воды, заключенную в шарик и брошенную в море; пока эта оболочка сохраняется нетронутой, капля воды будет существовать в своей отдельной форме, но пусть шарик будет разбит, и где мы будем искать каплю в безбрежном море?

Создавая духов, Бог мог наделить их самосознательной личностью только путем их ограничения оболочкой, чтобы централизовать их действие и, ограничивая, спасти его от потери. Когда душа отделяется от тела, она по необходимости меняет окружающую среду, поскольку меняет оболочку.[74] Оно выходит наружу, облаченное только в астральную форму, или проводник света, поднимаясь в силу своей природы над атмосферой, подобно тому, как воздух поднимается над водой, выходя из разбитого сосуда. Мы говорим, что душа возносится, потому что возносится проводник и потому, что к нему привязаны и действие, и сознание.[75] Атмосферный воздух становится твердым для лучеобразных тел, которые встречаются бесконечно реже, чем он сам, и они могли опуститься, только если использовали более плотный носитель. Где они могли получить это в области над нашей атмосферой? Они могли вернуться на землю только посредством другого воплощения, и такое возвращение было бы упущением, поскольку они отказались бы от состояния свободного духа и возобновили свое послушничество. Более того, возможность такого возвращения не допускается католической религией.

Изложенная здесь доктрина сформулирована каббалистами в виде единственной аксиомы: дух облачается, чтобы спуститься, и раздевается, чтобы подняться. Жизнь разума направлена на восхождение. В теле своей матери ребенок ведет растительную жизнь и получает питание через пуповину, к которой он прикреплен, подобно тому, как дерево прикреплено к земле своим корнем и также питается таким образом. Когда ребенок переходит от растительной к инстинктивной и животной жизни, пуповина разрывается, и отныне он может свободно двигаться. Когда ребенок становится мужчиной, он вырывается из пут инстинктов и может действовать как разумное существо. Когда человек умирает, он освобождается от закона всемирного тяготения, которым он ранее был привязан к земле. Когда душа искупает свои проступки, она становится достаточно сильной, чтобы выйти из внешней тьмы земной атмосферы и подняться к солнцу.[76] С этого начинается бесконечное восхождение по священной лестнице, ибо вечность избранных не может быть состоянием праздности; они переходят от добродетели к добродетели, от блаженства к блаженству, от победы к победе, от

славы к славе. В цепи нет разрыва, и представители высших степеней все еще могут оказывать влияние на тех, кто находится ниже, но это находится в гармонии с иерархическим порядком и точно так же, как король, правящий мудро, творит добро самому скромному из своих подданных. От этапа к этапу возникают молитвы и изливаются милости, никогда не ошибаясь в выборе пути. Но духи, однажды поднявшиеся наверх, не могут снова спуститься вниз, ибо пропорционально их восхождению зоны под ними уплотняются. Великая пропасть установлена, говорит Авраам, в притче о богатом человеке, так что те, кто хотел бы перейти отсюда к вам, не могут.[77]

Экстаз может настолько возвысить силы звездного тела, что он может увлечь за собой материальное тело, доказывая таким образом, что предназначение души - вознестись. Истории о воздушной левитации возможны, но нет ни одного примера, чтобы человек мог жить под землей или в воде. Для души, отделенной от тела, было бы не менее невозможно просуществовать ни единого мгновения в плотности нашей атмосферы. Следовательно, ушедшие существа находятся не рядом с нами, как предполагают спиритуалисты. Те, кого мы любим, могут видеть нас и по-прежнему проявляться нам, но только в виде миража и отражения в общем зеркале Астрального Света. Более того, они больше не могут интересоваться земными вещами; они привязаны к нам только тем, что является высшим в наших чувствах и соответствует их вечному образу жизни.[78]

Таковы откровения каббалистики, содержащиеся в таинственной книге Зоар; для науки они, конечно, гипотетичны, но основаны на серии точных индукций, и эти индукции основаны на фактах, не оспариваемых наукой.

На этом этапе мы соприкасаемся с одной из самых опасных тайн в области Магии, являющейся более чем вероятной гипотезой о существовании тех жидких *личин*, которые были известны в древней теургии под названием элементарных духов. Кое-что было сказано по этому поводу в *"Доктрине и ритуале трансцендентальной магии"*, и злополучный аббат де Виллар, пошутивший с этими ужасными откровениями, заплатил за свою неосторожность жизнью.[79] Причина, по которой этот секрет опасен, заключается в том, что он граничит с великой магической тайной. Истина заключается в том, что вызывание элементарных духов подразумевает способность свертывать жидкости с помощью проекции Астрального Света, и эта сила, направленная таким образом, может вызвать только расстройства и несчастья, как будет показано на более поздней стадии. Между тем, из этого вытекают основания гипотезы и доказательства ее вероятности: Дух присутствует повсюду и является тем, что оживляет материю; он преодолевает силу притяжения, совершенствуясь проводник, который является его формой. Повсюду вокруг нас мы видим, как форма развивается с помощью инстинктов, пока не достигаются разум и красота: это усилия света, привлеченного очарованием духа; они являются частью тайны прогрессивного и универсального зарождения.

Свет является эффективным средством формирования форм и жизни, потому что он одновременно является движением и теплом. Будучи зафиксированным и поляризованным вокруг центра, он создает живое существо и затем вытягивает пластичную субстанцию, необходимую для его совершенствования и сохранения. Это пластичное вещество, в конечном счете, образовано из земли и воды и, по веским причинам, в Библии названо земной слизью. Но этот свет не в духе, как верят индийские иерофанты и все школы Гетии: это всего лишь

инструмент духа. Это также не тело *протопластов*, хотя так считают теурги Александрийской школы. Это первое физическое проявление Божественного Дыхания. Бог создает его вечно, а человек, созданный по образу и подобию Божьему, изменяет и, кажется, умножает его.[80]

Классическая басня гласит, что Прометей, похитив огонь с небес, дал тем самым жизнь образам, созданным из земли и воды, за что Юпитер взорвал его и заковал в цепи. Элементарные духи, говорят каббалисты в своих самых сокровенных книгах, являются детьми одиночества Адама, рожденными в его снах, когда он тосковал по женщине, которая еще не была дана ему Богом.[81] Согласно Парацельсу, кровь, теряемая женским полом в определенные регулярные периоды, и ночные поллюции, которым подвержены во сне мужчины, соблюдающие целибат, наполняют воздух призраками.[82] Гипотетическое происхождение *личин*ок, по мнению мастеров, указано здесь с достаточной ясностью, и от дальнейших объяснений можно воздержаться.

У таких *личин*ок воздушное тело образовано из паров крови, по этой причине их привлекает пролитая кровь, а в прежние времена они питались дымом жертвоприношений. Это те чудовищные порождения кошмара, которых раньше называли *инкубами* и *суккубами*. Когда они достаточно сгущены, чтобы быть видимыми, они подобны пару, окрашенному отражением образа; у них нет личной жизни, но они имитируют жизнь мага, который их вызывает, подобно тому, как тень отражает тело. Они собирают информацию прежде всего об идиотах и тех аморальных существах, чья изоляция приводит их к неправильным привычкам. Поскольку сцепление частей их фантастических тел очень слабое, они боятся открытого воздуха, сильного огня и, прежде всего, острого меча. Они становятся, в некотором смысле, бесплотными придатками к реальным телам своих родителей, поскольку они живут, только черпая жизнь либо из тех, кто их создал, либо из тех, кто присваивает их своим воскрешением. Может случиться так, что, если эти тени тел будут ранены, их родитель может быть искалечен по-настоящему, точно так же, как нерожденный ребенок может быть ранен и изуродован воображением своей матери. Мир полон подобных явлений; они оправдывают эти странные откровения и могут быть объяснены только ими.

Такие *личинки* забирают жизненное тепло у людей в добром здравии и быстро истощают тех, кто слаб. Отсюда происходят истории о вампирах, вещи потрясающей реальности, которые время от времени подтверждались, как это хорошо известно. Это объясняет также, почему по соседству с медиумами, которые являются людьми, одержимыми *личинками*, ощущается охлаждение атмосферы. Видя, что их существование обусловлено иллюзиями воображения и расстройством чувств, такие существа никогда не проявляются в присутствии человека, который может раскрыть тайну их чудовищного рождения.

КНИГА II

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДОГМ

У—БЕТ

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНЫЙ СИМВОЛИЗМ ИСТОРИИ

Объяснение Священного Писания с религиозной и догматической точки зрения не входит в наши обязанности. Подчиняясь прежде всего иерархическому порядку, мы передаем богословие учителям Церкви и передаем человеческой науке все, что входит в область опыта и разума. Поэтому в тех случаях, когда может показаться, что мы рискуем по-новому применить какой-то библейский отрывок, это всегда делается с должным уважением к церковным решениям. Мы сами не занимаемся догматизмом и представляем наши наблюдения и исследования законным властям.

При чтении древнейшей истории рода человеческого в священном труде Моисея сразу бросается в глаза описание Земного рая, которое кратко представлено в виде совершенного пантакля. Он круглый или квадратный, поскольку его поровну орошают четыре реки, расположенные в форме креста, а в центре находятся два дерева, олицетворяющие знание и жизнь, стабильный интеллект и поступательное движение, мудрость и созидание.^[83] Змея Асклепия и Гермеса обвивается вокруг Дерева; под его сенью находятся мужчина и женщина, активные и пассивные, разум и любовь. Змей, символизирующий первобытное влечение и центральный огонь земли, искушает ту, кто слабее, и она заставляет мужчину уступить; однако змею она уступает только для того, чтобы впоследствии победить его: однажды она сокрушит его голову, дав миру Спасителя. Вся наука представлена в этой замечательной сцене.^[84] Человек отрекается от сферы разума, уступая просьбам чувствительной части; он оскверняет плод знания, который должен быть опорой души, применяя его для получения несправедливого и материального удовлетворения; вследствие этого он теряет чувство гармонии и истины. После этого он облачается в шкуру зверя, потому что физическая форма рано или поздно и неизменно обретает форму в соответствии с моральными установками. Он изгнан из круга, орошаемого четырьмя реками жизни, и херувим, вооруженный вечно движущимся горящим мечом, препятствует его возвращению в царство единства.

Как мы уже отмечали в *"Доктрине магии"*, Вольтер обнаружил, что еврейское слово, обозначающее херувима, означает быка, и был очень удивлен этой историей. Его, возможно, это развлекло бы меньше, если бы он распознал в ангеле с головой быка изображение неясного символизма и во вращающемся огненном мече те проблески плохо понятной и иллюзорной истины, которые после Грехопадения послужили предлогом для идолопоклонства народов. пылающий меч олицетворял также тот свет, которым человек больше не знал, как управлять, так что вместо того, чтобы управлять его силой, он стал подвержен его фатальному влиянию. Великая магическая работа, понимаемая в абсолютном смысле, - это завоевание и направление пылающего меча, а херувим - это ангел или душа земли, неизменно изображаемый в Древних Мистериях в образе быка. Следовательно, в митраистской символике мастер света изображен побеждающим земного быка и вонзающим в его бок тот меч, который высвобождает жизнь, представленную каплями крови.

Первым следствием греха Евы является смерть Авеля. Отделив любовь от понимания, она отделила ее также и от власти, и эта сила, доведенная до слепоты и поработенная земными желаниями, стала ревновать к любви и убила ее. Дети Каина увековечили преступление своего отца; дочери, которых они произвели на свет, были катастрофически красивы, но, будучи лишены любви, они были рождены на погибель ангелам[85] и на позор потомкам Сифа.

После всемирного потопа и как продолжение хитрости Хама, часть тайны которой уже была раскрыта, дети человеческие попытались реализовать бессмысленный проект, построив вселенский пантакль и дворец. Это был грандиозный эксперимент в области социалистического равенства, и фаланстер Фурье - жалкая концепция по сравнению с Вавилонской башней.[86] Последнее было активным протестом против иерархии знания, цитаделью, построенной против наводнений и бурь, мысом, с высоты которого обожествленные люди воспаряли над атмосферой и ее беспорядками. Но человек не поднимается к знанию по каменным лестницам; иерархические ступени духа не строятся из строительного раствора, как этажи башни. Против такой материализованной иерархии протестовала сама анархия, и люди перестали понимать друг друга — роковой урок, совершенно неверно истолкованный теми, кто в наши дни мечтает о еще одном Вавилонском Столпотворении. Отрицание равенства дает ответ доктринам, которые иерархичны только в смысле жестокости и материализма. Всякий раз, когда человечество строит такую башню, вершина будет оспариваться, и множество людей покинет основание. Чтобы удовлетворить все амбиции, вершина должна быть шире основания, и в результате получается неустойчивое здание, которое рухнет при малейшем толчке.

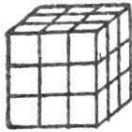
Рассеяние людей было первым результатом проклятия, произнесенного над нечестивыми потомками Хама, но ханаанская раса особым образом несла бремя данного проклятия, которое в более поздний период предало анафеме все их потомство.[87] То целомудрие, которое является хранителем семьи, также является отличительной чертой иерархических посвящений; профанация и бунт всегда нечисты; они ведут к распущенности и детоубийству. Осквернение таинств рождения и уничтожение детей были основой религий древней Палестины, преданных ужасным обрядам Черной магии; черный бог Индии, чудовищный приапический Рутрем, правил там под именем Бельфегор. Талмудисты и еврей-платоник Филон рассказывают о поклонении этому идолу вещи настолько постыдные, что ученому юристу Селдену они показались невероятными. Говорят, что это было бородатое изображение с разинутым ртом и языком, похожим на гигантский фаллос; верующие без стыда обнажались в присутствии такого изображения и приносили в жертву экскременты. Идолы Молоха и Хамоса были смертоносными машинами, которые иногда прижимали несчастных маленьких детей к своей медной груди, а иногда пожирали их в своих раскаленных руках. Там танцевали под звуки труб и бубнов, так что крики жертв были заглушены, и этими танцами руководили несчастные матери. Инцест, содомия и скотоложство были разрешенными практиками среди этих печально известных людей и даже составляли часть священных обрядов.

Таково фатальное последствие насилия над вселенской гармонией; нельзя безнаказанно грешить против истины. Бунтуя против Бога, человек вопреки себе идет навстречу Природе. Одинаковые причины всегда приводят к одним и тем же последствиям, и Шабаш Колдунов в средние века был всего лишь повторением праздников Хамоса и Бельфегора. Именно против таких преступлений самой Природой провозглашен указ о вечной смерти. Поклоняющиеся черным богам, апостолы распущенности, проповедники общественного распутства, враги семьи и иерархии, анархисты в религии и политике являются врагами Бога и человечества; не

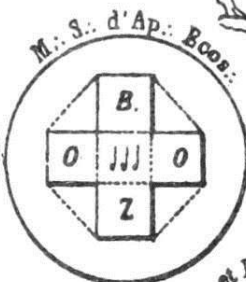
изолировать их от мира - значит согласиться с тем, что мир будет отравлен, или, по крайней мере, таково было мнение инквизиторов; но мы сами далеки от желания восстановить жестокие казни средневековья. По мере того, как общество будет становиться более истинно христианским, оно будет полнее осознавать, что мы должны исцелять больных, а не уничтожать их; преступные инстинкты, несомненно, являются самым ужасным из психических заболеваний.

Не следует забывать, что трансцендентальную Магию называют Жреческим искусством и Царским Искусством; в Египте, Греции и Риме она разделяла величие и упадок царства и жречества. Любая философия, которая спорит с культом и его мистериями, губительна для великих политических сил, поскольку они в глазах толпы теряют в величии, если перестают быть символами Божественной власти. Каждая корона разбивается при столкновении с тиарой. Вечная мечта Прометея - украсть огонь с небес и низвергнуть оттуда богов. Популярный Прометей, освобожденный на Кавказе Геркулесом, олицетворяющим труд, всегда будет носить с собой свои заклепки и цепи; он будет носить своего бессмертного грифа, прикрепленного к его зияющей ране, пока не научится послушанию у ног Того, кто, будучи рожден Царем царей и Богом богов, избрал, в Свою очередь, быть прибитым к рукам и ногам и пронзенным в бок для обращения всех мятежных духов.

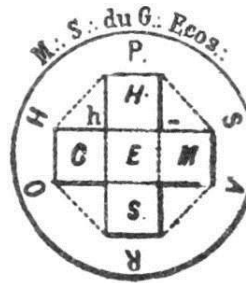
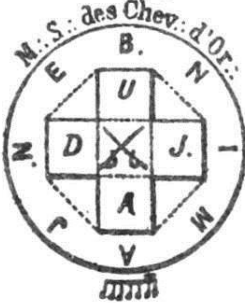
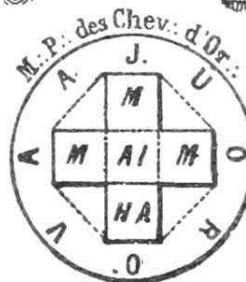
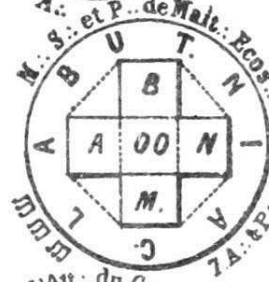
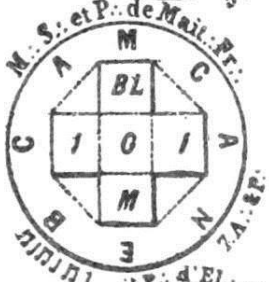
Открыв путь к власти для интриг, республиканские институты поставили под угрозу принципы иерархии. Задача формирования королей больше не возлагалась на иерархию и была либо заменена правом наследования, которое предоставляло трон неравным шансам рождения, либо путем всенародных выборов, которые отбрасывали религиозное влияние для установления монархии на основе республиканских принципов. Те правительства, которые последовательно руководили триумфами и унижениями греческих и римских государств, были сформированы таким образом. Наука, предназначенная для святилищ, пришла в запустение, и смелые или гениальные люди, которые не были приняты теми, кто распространял посвящение, изобрели другую науку в противовес науке жрецов, заменив тайны храма сомнением или отрицанием. В избытке своего авантюрного воображения такие философы быстро впадали в абсурд и возлагали на Природу вину, которая принадлежала их собственным системам. Гераклит разрыдался, Демокрит нашел убежище в смехе, и один был таким же дураком, как и другой. Пиррон закончил тем, что ни во что не поверил, что вряд ли может оправдать его за то, что он ничего не знал. В этот философский хаос Сократ внес определенный свет и здравый смысл, подтвердив существование чистой и незамысловатой морали. Но какая польза морали в отсутствие религии? Абстрактный деизм Сократа был истолкован народом как атеизм. Однако случилось так, что Платон, ученик Сократа, попытался предложить ту систему доктрин, которой не хватало последнему и о которой он действительно никогда не мечтал.

la Pierre Cubique

la Lettre Aleph.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ КЛЮЧ ТАРО, ОКРУЖЕННЫЙ МИСТИЧЕСКИМИ И МАСОНСКИМИ ПЕЧАТЯМИ

Учение Платона стало эпохальным в истории человеческого гения, но оно не было его собственным изобретением, поскольку, понимая, что нет истины отдельно от религии, он отправился посоветоваться со священниками Мемфиса и получить посвящение в их Мистерии. Ему даже приписывают знание еврейских священных книг.[88] Однако в Египте его посвящение могло быть только несовершенным, поскольку жрецы к тому времени сами забыли значение своих первобытных иероглифов, на что указывает история того жреца, который потратил три дня на расшифровку иератической надписи, найденной в гробнице Алкмены и присланной Агесилаем, царем Спарты. Корнуфис, который, несомненно, был самым образованным среди иерофантов, обратился к старым коллекциям знаков и иероглифов; в конце концов он обнаружил, что надпись была сделана почерком *протей*, что является греческим названием *Книги Тота*, состоящей из подвижных иероглифов, способных к вариациям столь многочисленным, сколь возможны комбинации знаков, чисел и элементарных фигур. Но *Книга Тота*, будучи ключом к оракулам и элементарным научным трудам, не потребовала бы столь длительного исследования, прежде чем были выявлены ее признаки, если бы Корнуфис действительно был искусен в Жреческом искусстве. Еще одним доказательством того, что первобытные истины были затемнены в этот период, является тот факт, что оракулы, выразившие свой протест по этому поводу, были написаны в стиле, который больше не был понятен.

После своего возвращения из Египта Платон путешествовал с Симмием по границам Карики, когда его встретили несколько жителей Делоса, которые умоляли его истолковать оракул Аполлона. В нем говорилось, что для прекращения бедствий в Греции кубический камень должен быть увеличен вдвое. Попытка была предпринята с камнем, хранящимся в храме Аполлона; но работа по удвоению его со всех сторон привела к получению многогранника с двадцатью пятью поверхностями; чтобы восстановить кубическую форму, пришлось увеличить его в двадцать шесть раз по сравнению с первоначальным объемом камня путем последовательного удвоения. Платон отправил обратно посланников к математику Евдоксу,[89] сказав, что оракул посоветовал изучать геометрию. Понимал ли он сам глубокий смысл символа или побрезговал раскрыть его невеждам, остается только догадываться; но несомненно то, что кубический камень и его умножение объясняют все секреты священных чисел, включая тайну вечного двигателя, скрытую адептами и преследуемую глупцами под названием возведения круга в квадрат.[90] Посредством этого кубического скопления двадцати шести кубов вокруг единого центрального куба оракул указал делийцам не только элементы геометрии, но и ключ к созидательной гармонии, объясняемый взаимосвязью форм и чисел. План всех великих аллегорических храмов древности обнаруживается в умножении (а) куба на крест, (b) вокруг которого описывается круг, а затем (с) кубический крест, движущийся по глобусу. Эти понятия, которые становятся более понятными с помощью диаграммы, были переданы в наши дни при масонских посвящениях, и они являются совершенным оправданием названия, приписываемого рассматриваемым современным обществам, поскольку они также являются основополагающими принципами архитектуры и науки о строительстве.

Делийцы думали ответить на геометрический вопрос, уменьшив свое умножение вдвое, но они уже получили объем своего кубического камня в восемь раз больше. В остальном число их экспериментов может быть увеличено по желанию, поскольку сама история, вероятно, является проблемой, поставленной Платоном перед своими учениками. Если принять высказывание

оракула как факт, мы можем найти в нем еще более глубокий смысл; удвоить кубический камень - значит отделить дуаду от единства, форму от идеи, действие от мысли. Это значит осознать в мире точность вечной математики, основать политику на основе точных наук, согласовать религиозные догмы с философией чисел.

У Платона больше красноречия, но меньше глубины, чем у Пифагора; он стремится примирить философию логиков с непреложными догмами провидцев; он не стремится к вульгаризации, но хотел бы реконструировать науку. Так и его философии было суждено позднее снабдить зарождающееся христианство подготовленными заранее теориями и животворящими доктринами. Однако, несмотря на то, что Платон основывал свои теоремы на математике, он был скорее поэтом, чем геометром; он был богат гармоничными формами и расточителен на удивительные гипотезы. Аристотель, который был исключительно вычислительным гением, вынес все на обсуждение в школах; он все подчинил демонстрации эволюции чисел и логике вычислений. Исключая веру платонизма, он стремился доказать все, а также постичь все в своих категориях; он превратил триаду в силлогизм, а бинарность - в энтимему. Для него цепью бытия стали *сориты*. Он сводил все к абстракции и рассуждал обо всем; само бытие в его процессе перешло в абстракцию и затерялось среди гипотез онтологии. Платону было суждено вдохновить Отцов Церкви; Аристотелю стать мастером средневековой схоластики; Бог знает, какие тучи сгустились над этой логикой, которая ни во что не верила и все же стремилась все объяснить. Планировалось второе Вавилонское столпотворение, и недалеко было очередное смешение языков. Бытие есть бытие, а в бытии - причина бытия. В начале находится Слово, а Слово, или Логос, - это логика, сформулированная в речи, или высказанный разум. Слово находится в Боге, и Слово - это Сам Бог, проявленный разуму. Но это как раз та истина, которая превосходит все философии и в которую также точно следует верить, под страхом того, что ничего не узнаешь и снова впадешь в иррациональное сомнение Пиррона. Как хранитель веры, священство полностью опирается на эту научную основу, и мы вынуждены приветствовать в его учении Божественный принцип Вечного Слова.

ГЛАВА II МИСТИЦИЗМ

Законность Божественного Права настолько укоренена в священстве, что истинное священство не существует отдельно от него. Посвящение и хиротония являются подлинным наследием. Точно так же святилище неприкосновенно со стороны профанов, и поэтому оно также не может быть захвачено сектантами. По той же причине славные лучи божественного откровения распространяются в соответствии с высшим разумом, потому что они нисходят в порядке и гармонии. Бог не озаряет мир с помощью метеоров и вспышек, но Он заставляет каждую планетную систему вращаться вокруг своего конкретного солнца. Именно эта гармония раздражает определенные души, которые стали нетерпеливы к долгу, и именно поэтому люди выступают в роли реформаторов морали, потерпев неудачу в принуждении откровения согласиться с их пороками. Подобно Руссо, они восклицают: “Если Бог говорил, почему я ничего не слышал?” И затем, вскоре, они добавляют: “Он говорил, но это обращено ко мне”. Такова их мечта, и в конце концов они сами в это верят. Так начинают создатели сект, а это

разжигатели религиозной анархии: мы ни в коем случае не хотели бы обречь их на сожжение, но, безусловно, желательно интернировать их как страдающих заразной глупостью. Именно таким образом были основаны те мистические школы, которые привели к профанации науки. Мы видели, как индийские факиры достигли своего так называемого нетварного света, то есть с помощью зретизма и застойных явлений в мозге. В Египте также были свои колдуны и чародейки, в то время как Фессалия во времена Греции кишела заклинаниями и колдовством. Вступать в прямое общение с божествами — значит подавлять жречество и подрывать основы трона - факт, который остро осознается анархическим инстинктом мнимого иллюминизма. Именно соблазном распущенности такие заговорщики стремились завербовать последователей, заранее давая отпущение грехов на любой скандал в поведении при условии строгости в бунте и энергии в протесте против священной законности.[91]

Вакханки, расчленившие Орфея, верили, что их вдохновил бог, и они принесли великого иерофанта в жертву своему обожествленному опьянению. Оргии Вакха были мистическим смятением; апостолы мании всегда прибегали к беспорядочным движениям, неистовому возбуждению и ужасным конвульсиям. От женоподобного жречества Вакха до гностиков; от кружащихся дервишей до эпилептиков у гробницы Париса диакона - характеристики суеверия и фанатической экзальтации всегда были одними и теми же. Мистики всех времен неизменно материализовывали символы культа под предлогом очищающей доктрины и во имя преувеличенного спиритуализма. То же самое было и с теми, кто профанировал науку Магов, ибо трансцендентальная Магия, как это необходимо помнить, является первобытным жреческим искусством. Она осуждает все, что делается вне законной иерархии, и оправдывает осуждение — хотя и не пытки — сектантов и колдунов. Эти два класса соединены здесь намеренно, потому что все еретики были вызывателями духов и фантомов, которых они навязали миру как богов; все присвоили себе способность творить чудеса в поддержку своей лжи. Судя по этим свидетельствам, все они практиковали гетику, то есть Черную Магию.

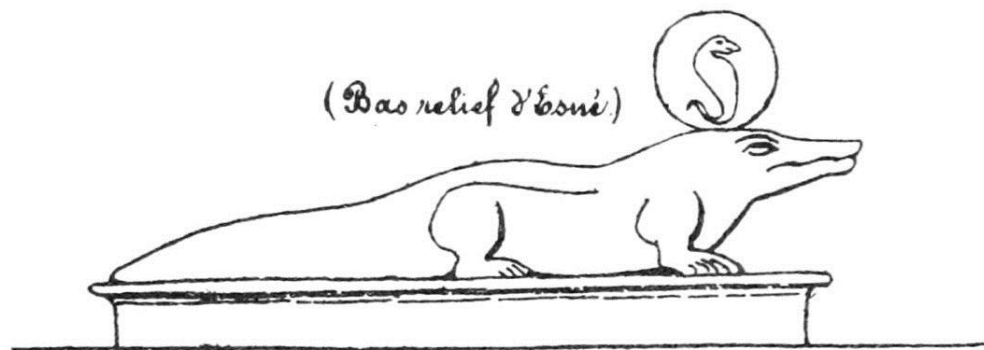
Анархия является отправной точкой и главной характеристикой диссидентского мистицизма, религиозное согласие между сектантами невозможно, и все же они находятся в поразительном единодушии в одном вопросе - ненависти к иерархической и законной власти. В этом на самом деле заключается весь корень их религии, поскольку это единственная связь, которая связывает их друг с другом. Это всегда преступление Хама, презрение к семейным принципам и оскорбление отца, наготу и стыд которого они выставляют напоказ со святотатственным весельем. Все анархические мистики путают Интеллект с Астральным Светом; они поклоняются змее, вместо того чтобы воздавать почести той послушной и чистой мудрости, которая сокрушает свою голову. Так они опьяняются головокружением и поэтому неизбежно падают в бездну безумия.

Все дураки - провидцы и, без сомнения, могут искренне верить, что творят чудеса; действительно, галлюцинации заразительны, и вещи необъяснимые происходят или кажутся происходящими достаточно часто поблизости от них. Более того, феномены Астрального Света в избытке его притяжения или проекции сами по себе способны сбить с толку тех, кто недостаточно образован. Он сосредоточен в телах и в результате сильного молекулярного растяжения придает им такую высокую степень эластичности, что кости могут искривляться, а мышцы растягиваться сверх всякой меры. Он образует, так сказать, водовороты и смерчи,

которые поднимают в воздух самые тяжелые тела и могут удерживать их в воздухе в течение периода времени, пропорционального силе выброса. Страдальцы чувствуют, что их вот-вот разорвет, и просят сдавить их или провести перкуссию, чтобы облегчить их состояние. Самые сильные удары и предельное сжатие, уравниваемые натяжением жидкости, не вызывают ни ушибов, ни ран и облегчают состояние пациента, а не раздавливают его.

Как дураки внушают врачам ужас, так и мистики, страдающие галлюцинациями, ненавидят мудрецов; они сначала бегут от них, а потом слепо преследуют, как будто против их собственной воли. В той мере, в какой они мягки и снисходительны, это касается пороков; по отношению к разуму в подчинении авторитету они неумолимы; самые терпимые с виду еретики будут охвачены яростью и ненавистью, если будет упомянуто подчинение и иерархия. Следовательно, ереси неизменно приводили к беспорядкам. Лжепророк должен убивать, если он не может извращать. Он требует терпимости по отношению к себе, но хорошо заботится о том, в каком смысле это должно распространяться на других. Протестанты громко протестовали против поленьев и погребальных костров в Риме в то самое время, когда Джон Кальвин на основании своего частного суждения приговорил Сервета к сожжению. Преступления донатистов, сторонников обрезания и других, которых слишком много, чтобы их можно было перечислить, довели католических правителей до крайности и заставили Церковь передать виновных в руки светских властей. Разве не показалось бы, что воду, альбигойцы и гуситы были агнцами, если бы кто-то прислушался к стонам безбожия? Где была невинность тех мрачных пуритан Шотландии и Англии, которые размахивали кинжалом в одной руке и Библией в другой, проповедуя истребление католиков? Единственная Церковь посреди стольких репрессий и ужасов всегда постулировала и, по крайней мере, в принципе поддерживала свою ненависть к крови: это иерархическая и законная Церковь.^[92]

(Bas relief d'Ébéné)

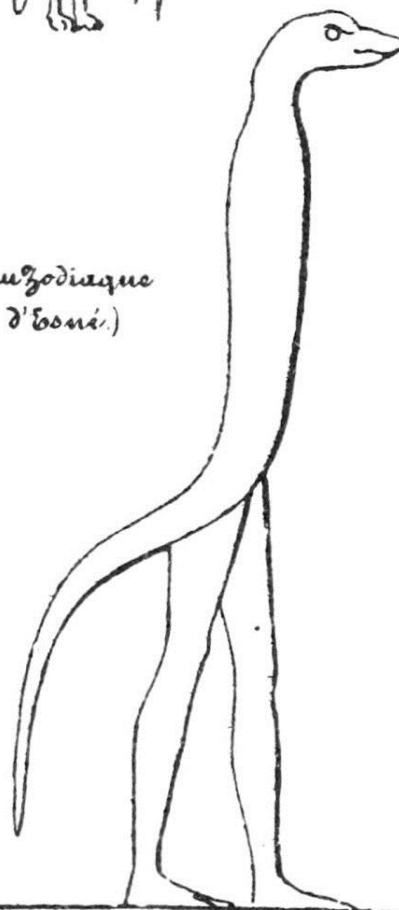
TYPHON
opérant la
renovation de
l'empire des
ténèbres
(au Temple
d'Hermontis)

(au Zodiaque d'Ébéné)

(au Zodiaque
d'Ébéné.)

ЕГИПЕТСКИЕ СИМВОЛЫ ТИФОНА

Теперь, признавая возможность и действительность дьявольских чудес, эта Церковь признает существование природной силы, которая может быть применена во благо или во зло; и поэтому она решила в своей великой мудрости, что, хотя святость доктрины может узаконить чудо, последнее само по себе никогда не может санкционировать новшества в религиозном учении. Говорить, что Бог, законы Которого совершенны и никогда не фальсифицируют сами себя, использует естественный инструмент для производства эффектов, которые нам кажутся сверхъестественными, — это значит утверждать высший разум и неизменную силу Бога; это значит превозносить наше представление о Его провидении; и искренние католики должны понимать, что такая точка зрения ни в коем случае не ставит под сомнение Его вмешательство в те чудеса, которые совершаются во имя истины. Ложные чудеса, вызванные астральными скоплениями, неизменно имеют анархическую и аморальную тенденцию, потому что беспорядок вызывает беспорядок. Точно так же боги и приближенные еретиков жаждут крови и обычно оказывают свою защиту ценой убийства. Идолопоклонники Сирии и Иудеи рисовали оракулов из голов детей, оторванных от тел бедных маленьких жертв. Они высушили эти головы и, поместив под языки золотую пластинку с неизвестными письменами, закрепили их в углублениях стен, соорудили под ними нечто вроде тела из волшебных растений, скрепленных лентами, зажгли лампаду у подножия ужасных идолов, воскурили перед ними благовония и приступили к своему религиозному совещанию. Они верили, что головы заговорили, и мучительные последние крики, несомненно, отвлекли их воображение; более того, как уже говорилось, кровь привлекает *личинки*. Древние при своих адских жертвоприношениях имели обыкновение рыть яму, которую они наполняли теплой и дымящейся кровью; тогда из всех глубоких мест ночи они видели слабые и бледные тени, поднимающиеся, опускающиеся, ползущие и копошащиеся вокруг ямы. Острием меча, смоченным в той же крови, они очертили круг вызывания и зажгли огонь из лавра, ольхи и кипариса на алтарях, увенчанных асфоделием и вербеной. Ночь, казалось, становилась все холоднее и темнее; луна скрылась за облаками; и они услышали слабый шелест призраков, толпившихся вокруг круга, в то время как собаки жалобно выли по всей округе.

На все нужно отваживаться, чтобы достичь всего — такова была аксиома чар и связанных с ними ужасов. Фальшивые маги были объединены преступлением и верили, что могут запугать других, когда им удалось запугать самих себя. Ритуалы Черной магии остались отвратительными, как и порожденные ими нечестивые богослужения; так было безразлично в сообществе преступников, составлявших заговоры против старых цивилизаций, и среди варварских рас. Всегда была та же страсть к тьме; были те же профанации, те же кровавые процессы. Анархическая магия - это культ смерти. Колдун посвящает себя фатализму, отвергает разум, отказывается от надежды на бессмертие, а затем приносит в жертву детей. Он отказывается от брака и предается бесплодному разврату. В таких условиях он наслаждается полнотой своей мании, опьяняется беззаконием до тех пор, пока не поверит, что зло всемогуще, и, превращая свои галлюцинации в реальность, он думает, что его господство способно вызывать по своему желанию любую смерть и Ад.

Неизвестные или даже совершенно бессмысленные варварские слова и знаки - лучшие в Черной Магии.^[93] Галлюцинации легче предотвращаются нелепыми практиками и идиотскими вызываниями, чем ритуалами или *формулами*, которые удерживают разум в бодрствующем состоянии. Дю Поте говорит, что он испытывал силу определенных знаков на экстаниках, и те,

которые опубликованы в его оккультной книге "С предосторожностями и таинственностью", аналогичны, если не абсолютно идентичны, с притворными дьявольскими подписями, найденными в старых изданиях Великого Гримуара.[94] Одни и те же причины всегда производят одни и те же следствия, и нет ничего нового под луной магов, так же как и под солнцем мудрецов.

Состояние постоянной галлюцинации - это смерть или отречение от сознания, и тогда человек отдается всем шансам, заключающимся в фатальности сновидений. Каждое воспоминание порождает свое собственное отражение, каждое злое желание создает образ, каждое раскаяние порождает кошмар. Жизнь становится жизнью животного, но раздражительного и измученного животного; чувство морали и времени одинаково отсутствуют; реальности больше не существуют; это общий танец в водовороте бесчувственных форм. Иногда час кажется растянутым на столетия, и снова годы могут пролететь со скоростью часа.

Фосфоресцирующий под действием Астрального Света, наш мозг кишит бесчисленными отражениями и образами. Мы закрываем глаза, и может случиться так, что под нашими веками раскроется какая-нибудь блестящая, мрачная или потрясающая панорама. Тот, кто болен лихорадкой, едва ли сможет закрыть их на ночь, чтобы не быть ослепленным невыносимым блеском. Наша нервная система, представляющая собой совершенный электрический аппарат, концентрирует свет в мозге, являющемся отрицательным полюсом этого аппарата, или проецирует его через конечности, которые являются точками, предназначенными для циркуляции нашей жизненной жидкости. Когда мозг мощно притягивает некоторую серию образов, аналогичных какой-либо страсти, нарушившей равновесие или механизм, обмен светом прекращается, астральное дыхание прекращается и неверно направленный свет, так сказать, сгущается в мозгу. По этой причине ощущения галлюцинирующих людей самого ложного и извращенного порядка. Некоторые находят удовольствие в том, чтобы раздирать кожу ремешками и медленно обжаривать свою плоть; другие едят и наслаждаются вещами, непригодными для употребления в пищу. Доктор Бриер де Бумон собрал множество примеров, и многие из них чрезвычайно любопытны.[95] Все излишества в жизни — будь то из-за неправильного понимания добра или из-за непротивления злу — могут чрезмерно стимулировать мозг и вызывать застой света в нем. Чрезмерное честолюбие, гордая претензия на святость, воздержание, полное угрызений совести и желаний, потворство постыдным страстям, несмотря на неоднократные предупреждения о раскаянии, — все это приводит к обмороку разума, к болезненному экстазу, истерии, видениям, безумию. Далее ученый врач замечает, что человек безумен не потому, что у него бывают видения, а потому, что он верит в свои видения больше, чем в обычный смысл. Следовательно, только послушание и авторитет могут спасти мистиков; если у них есть упрямая уверенность в себе, то нет лекарства; они уже отлучены от церкви разумом и верой: они чужды всеобщего милосердия. Они считают себя мудрее общества; они мечтают основать религию, но они одиноки; они верят, что получили в свое личное пользование тайные ключи жизни, но их разум уже погружен в смерть.

ГЛАВА III

ПОСВЯЩЕНИЯ И ИСПЫТАНИЯ

То, что адепты считают Великой Работой, — это не только трансмутация металлов, но также и, прежде всего, Универсальное Лекарство, то есть лекарство от всех болезней, включая саму смерть. Итак, процесс, который производит Универсальное лекарство, - это нравственное возрождение человека. Это то второе рождение, на которое ссылается наш Спаситель в Своей беседе с Никодимом, доктором права. Никодим не понял, и Иисус сказал: “Ты учитель в Израиле и не знаешь этих вещей?” — как будто намереваясь намекнуть, что они относятся к фундаментальным принципам религиозной науки, о которых ни один профессор не посмеет быть неосведомленным.[96]

Великая тайна жизни и ее испытаний представлена в небесной сфере и в ежегодной смене времен года. Четыре аспекта сфинкса соответствуют этим временам года и четырем стихиям. Символические фигуры на щите Ахилла — согласно описанию Гомера — аналогичны по своему значению Двенадцати Подвигам Геракла. Подобно Гераклу, Ахилл должен умереть, победив стихии и даже сразившись с богами. Геракл, со своей стороны, торжествующий над всеми пороками, представленными чудовищами, с которыми он сражался, на мгновение поддается любви, самой опасной из всех. Но он срывает со своего тела горящую тунику Деяниры, хотя плоть отделяется вместе с ней от костей; он оставляет ее виновной и побежденной, чтобы умереть со своей стороны — но как освобожденную и бессмертную.

Каждый мыслящий человек - это Эдип, призванный разгадать загадку сфинкса или, в противном случае, умереть. Каждый посвященный должен стать Геркулесом, который, достигнув цикла великого года тяжелого труда, пожертвовав сердцем и жизнью, заслужит славу апофеоза. Орфей не будет царем лиры и жертвоприношений до тех пор, пока он последовательно не одержит победу и не научится терять Эвридику. Омфала и Деянира ревнуют Геракла: одна хочет унижить его, другая поддается советам покинутой соперницы и таким образом вынуждена отравить того, кто освободил мир; но в процессе она излечивает его от гораздо более смертельного яда, которым является ее собственная недостойная любовь. Пламя погребального костра очищает его слишком восприимчивое сердце; он погибает во всей своей силе и победоносно восседает рядом с тронem Юпитера. Точно так же и Иаков не был назначен великим патриархом Израиля до тех пор, пока он не боролся с ангелом в течение целой ночи.

Испытание - это великое слово жизни, а сама жизнь - это змей, который непрестанно рождает и пожирает. Мы должны вырваться из его складок; мы должны поставить ногу на его голову. Гермес воспроизвел змея, противопоставив его самому себе, и в вечном равновесии превратил его в талисман своей власти, в великолепии своего кадуцея.

Великие испытания Мемфиса и Элевсина были направлены на то, чтобы сформировать царей и жрецов, доверив науку сильным и доблестным людям. Ценой допуска к таким испытаниям была передача тела, души и жизни в руки священства. После этого кандидат спускался в темные подземные области, где он последовательно проходил среди пылающих костров, проходил через глубокие и быстрые наводнения, по мостам, переброшенным через пропасти, держа в руке лампу, которую нельзя было гасить. Тот, кто трепетал, тот, кого одолевал страх, никогда не возвращался к свету; но тот, кто бесстрашно преодолевал все препятствия, был принят в число *мистей*, что означало посвящение в Меньшие Мистерии. Ему еще предстояло подтвердить

свою верность и молчание; только по прошествии нескольких лет он стал эпоптом, получив титул, эквивалентный титулу адепта.[97]

Философия, соперничая со жречеством, подражала этим практикам и подвергала своих учеников испытанию. Пифагор требовал молчания и воздержания в течение пяти лет. Платон открыл свои школы только для геометров и тех, кто был искусен в музыке; более того, он сохранил часть своего обучения для посвященных, так что в его философии были свои тайны.[98] Он приписывал сотворение мира демонам и представлял человека прародителем всех животных. Но демоны Платона означают Элохимов Моисея, будучи теми силами, посредством сочетания и гармонии которых создан Высший Принцип. Когда он представляет животных как порожденных человечеством, он имеет в виду, что они являются анализом той живой формы, синтезом которой является человек. Именно Платон первым провозгласил божественность Слова, и он, казалось, предвидел приближающееся воплощение этого творческого Слова на земле; он провозгласил страдания и казнь совершенного праведного человека, осужденного беззаконием мира.

Эта возвышенная философия Слова является частью чистой каббалы, откуда Платон никоим образом не был ее изобретателем.[99] Он не делает из этого секрета и провозглашает, что в любой науке должно быть получено только то, что находится в гармонии с вечными истинами и с Божьими оракулами. Дасье, от которого взята эта цитата, добавляет, что “этими вечными истинами Платон обозначал древнюю традицию, которую, как он предполагает, первобытное человечество получило от Бога и передало последующим поколениям”. Было бы невозможно говорить более ясно, не называя Каббалу: это определение, а не название; в некотором смысле, это нечто более точное, чем само название.

Платон говорит иначе, что “корень этого великого знания нельзя найти в книгах; мы должны искать в самих себе посредством глубокой медитации, открывая священный огонь в его истинном источнике.... Вот почему я ничего не написал об этих откровениях и никогда даже не буду говорить о них. Всякий, кто возьмется популяризировать их, сочтет попытку тщетной, ибо, за исключением очень небольшого числа людей, которые были наделены разумом от Бога, чтобы различать эти небесные истины внутри себя, это сделает их презренными для одних, в то время как другие наполнятся тщеславной и опрометчивой самоуверенностью, как если бы они были хранилищами чудес, которых они все равно не понимают”.[100]

Младшему Дионисию он писал: “Я должен засвидетельствовать Архедему о том, что гораздо ценнее, гораздо божественнее, и о том, что ты искренне желаешь узнать, специально направив его ко мне. Он дает мне понять, что, по вашему мнению, я недостаточно объяснил вам, чего я придерживаюсь относительно природы Первого Принципа. Я могу писать только загадками, так что, если мое письмо будет перехвачено на суше или на воде, тот, кто сможет прочесть его, ничего не поймет: все вещи заключают в себе своего царя, от которого они черпают свое бытие, он является источником всего хорошего — вторым для тех, кто является вторым, и третьим для тех, кто является третьим”.

Эти несколько слов представляют собой полное изложение сефиротической теологии.[101] Царь — это Энсоф - Высшее и Абсолютное Существо. Все исходит из этого центра, который находится повсюду, но мы рассматриваем его тремя особыми способами и в трех различных

сферах. В Божественном мире, который является миром Первопричины, Царь един и первенствует. В мире науки, который является миром вторичных причин, ощущается влияние Первого Принципа, но он понимается только как первая из упомянутых причин. В нем Царь проявляется через дуаду, которая является пассивным созидющим принципом. Наконец, в третьем мире, который является миром форм, он раскрывается как совершенная форма, воплощенное Слово, высшая доброта и красота, сотворенное совершенство. Таким образом, Царь является в одно и то же время первым, вторым и третьим, поскольку Он является всем во всем, центром и причиной всего. Давайте умолчим о гении Платона, признавая только точное знание посвященного.

Поэтому пусть больше не говорят, что наш великий апостол святой Иоанн заимствовал из философии Платона прообраз своего Евангелия. Напротив, Платон черпал из тех же источников, что и святой Иоанн; но он не воспринял того духа, который делает живым. Философия того, кто изложил величайшее из человеческих откровений, могла стремиться к Слову, ставшему человеком, но только Евангелие могло дать это Слово миру.

Каббала, которой Платон учил греков, приняла в более поздний период название теософии и в конечном итоге охватила всю магическую доктрину.^[102] Именно к этой общей сумме тайной доктрины последовательно тяготели все открытия исследователей. Цель состояла в том, чтобы перейти от теории к практике и найти воплощение слов в произведениях. Опасный опыт прорицания научил науку, как она может обойтись без жрецов; святилище было предано, и люди, у которых не было никакой миссии, осмелились заставить богов говорить. Именно по этой причине теургия разделяла анафемы, произносимые против Черной Магии, и была заподозрена в подражании ее преступлениям, потому что она не могла оправдать себя от участия в ее нечестии. Покров Исиды не приподнимается безнаказанно, и любопытство богохульствует над верой, когда речь идет о Божественных вещах. “Блаженны те, кто не видел и уверовал”, - говорит Великий Мастер.

Эксперименты теургии и некромантии всегда фатальны для тех, кто предан их практике. Переступить порог иного мира означает смерть, и часто она следует за этим странным и ужасным образом. Возникает головокружение, каталепсия и безумие довершают дело. Несомненно, что в присутствии определенных лиц в воздухе происходит возмущение, деревянные панели трескаются, двери трясутся и скрипят. Фантастические знаки и даже пятна, например, крови, как будто отпечатываются на чистом пергаменте или льняном полотне. Природа этих подписей всегда одна и та же, и эксперты классифицируют их под названием дьявольских писем. Простой вид таких персонажей приводит страдающих магнетической истерией в конвульсии или экстаз; они верят, что видят духов, и Сатана, или гений заблуждения, преобразуется для них в ангела света. Мнимые духи требуют в качестве условия своего проявления какого-либо контакта между лапами, прикосновения руки к руке, ноги к ноге, дыхания лицом к лицу и даже нескромных объятий. Преданные одурманены такого рода опьянением; они думают, что они избраны Богом, что они являются толкователями небес, и они рассматривают послушание иерархии в свете фанатизма. Они являются преемниками индийской расы Каина, жертвами гашиша и факиров. Они не пользуются никакими предупреждениями и погибают по собственному желанию.

Чтобы вылечить таких страдальцев, греческие священники прибегали к разновидности гомеопатии; они пугали пациентов, преувеличивая саму болезнь, и с этой целью усыпляли их в

пещере Трофония.[103] Подготовка к этому опыту заключалась в постах, очищениях и бдениях; затем пациентов уводили вниз, в подвал, и запирали в полной темноте. Одурманивающие газы, подобные тем, что были в Собачьем гроте близ Неаполя, заполнили пещеру, и провидец быстро сдался. Начинаясь асфиксия вызывала страшные сны, от которых жертву вовремя спасали и выносили трепещущую всем телом, бледную и со вставшими дыбом волосами. В этом состоянии он или она сидели на треножнике, и пророческие изречения предшествовали полному пробуждению. Переживания такого рода настолько отвлекали нервную систему, что испытуемые никогда не вспоминали о них без дрожи и в будущем не осмеливались упоминать о вызываниях или фантомах. Некоторые из них больше никогда не улыбались и не испытывали порыва веселья; общее впечатление было настолько печальным, что вошло в пословицу, и о каждом, кто не разгibasя, говорили: “Он спал в пещере Трофония”.[104]

В поисках остатков науки и раскрытия ее тайн мы должны обратиться к религиозной символике древности, а не к трудам ее философов. Египетские жрецы были лучше нас знакомы с законами движения и жизни. Они могли умерять или стимулировать действие противодействием и без труда предвидели реализацию следствий, причину которых они постулировали. Столпы Сета, Гермеса, Соломона, Геркулеса символизировали в магических традициях этот универсальный закон равновесия, в то время как наука равновесия приводила посвященных к пониманию всемирного тяготения вокруг центров жизни, тепла и света. Так, в египетских священных календарях, где известно, что каждый месяц находился под защитой трех деканов или гениев по десять дней, первый деканат в знаке Льва представлен человеческой головой с семью лучами; тело имеет хвост скорпиона, а знак Стрельца находится под подбородком. Под головой - имя Иао, а фигура называлась Хноубис, египетское слово, означающее золото и свет. Фалес и Пифагор узнали в египетских святилищах, что земля вращается вокруг Солнца, но они не стремились широко обнародовать этот факт, потому что это потребовало бы раскрытия великой тайны храма, представляющей собой двойной закон притяжения и излучения, неподвижности и движения, который является принципом творения и неизменной причиной жизни.[105]Так же и христианский писатель Лактанций, который слышал об этой магической традиции, но как о следствии в отсутствие причины, громко насмеялся над теургическими мечтателями, которые верили в движение земли и в антиподов, результатом чего было бы то, что мы ходили на головах ногами вверх, хотя наши головы казались выпрямленными. Более того, как он добавил, следуя детской логике, в таком случае мы безошибочно должны были бы упасть головой вниз через небеса под нами. Так рассуждали философы, в то время как священники, не отвечая и даже не улыбаясь своим промахам, продолжали писать творческими иероглифами обо всех догмах, всех формах поэзии и всех тайнах истины.

В своем аллегорическом описании Ада греческие иерофанты скрывали пальмарные секреты Магии. Мы находим там четыре реки, как и в Земном Раю, *плюс* пятая, которая семь раз огибает остальные. Была река печали и безмолвия, называемая Коцит; была река забвения, или Лета; а затем была быстрая и непреодолимая река, которая уносила все перед собой, протекая в русле, противоположном еще одной реке огня. Двое последних были названы Ахерон и Флегетон, один из которых был отрицательным, а другой - положительным флюидом, вечно текущим каждый в каждом из них. Черные и ледяные воды Ахерона дымились от тепла Флегетона, в то время как жидкое пламя последнего было покрыто густыми парами первого. *Личинки и лемуры*, призрачные образы тел, которые жили, и тех, которым еще предстоит прийти, мириадами появлялись из этих испарений; но пили они или нет из потока скорби, все желали вод забвения, которые принесли бы им молодость и покой. Только мудрые не стремятся забыть, ибо память

уже является их наградой; точно так же только они по-настоящему бессмертны, поскольку только они осознают свое бессмертие. пытки Тенара - это поистине божественные картины пороков и их вечного наказания. Жадность Тантала, честолюбие Сизифа никогда не будут искуплены, поскольку они никогда не могут быть удовлетворены. Тantal жаждет воды, Сизиф катит камень к вершине горы, надеясь занять на нем свое место, но он постоянно падает обратно и утаскивает его в пропасть. Иксион, необузданный в распутстве, надругался бы над царицей небес и был бы наказан infernalными фуриями. Он не довел до конца свое преступление, ибо обнял всего лишь призрак. Призрак, возможно, внешне снизошел до его любви и, возможно, потакал его страсти, но когда он отрекся от долга, когда его удовлетворение было ценой святотатства, то, что он считал любовью, оказалось ненавистью в маске из цветов.

Мы должны искать тайны смерти не за пределами могилы, а скорее в самой жизни. Спасение или осуждение начинаются здесь, внизу, и на этой земле также есть свои небеса и ад. Добродетель всегда вознаграждается, порок всегда наказывается; если богатство нечестивых временами склоняет нас к мысли, что они пользуются безнаказанностью, что это орудие добра и зла, по-видимому, дано им случайно, то, несмотря на это, несправедливых ждет горе; у них может быть золотой ключ, но для них он открывает только врата могилы и ада.

Все истинные посвященные осознали огромную ценность тяжелого труда и страданий. Немецкий поэт говорит нам, что печаль - это собака того неведомого пастуха, который ведет стадо человечества. Научитесь страдать и научитесь также умирать — такова гимнастика вечности и таков бессмертный послушник. Это моральный урок *Божественной комедии* Данте, и он был изложен в аллегорической таблице Кебеса, которая относится ко временам Платона. Сохранился рассказ о нем, и многие художники средневековья реконструировали картину по нему. Это одновременно философский и магический памятник, совершенный моральный синтез и, более того, самая дерзкая демонстрация того Великого Аркана, или Секрета, раскрытие которого должно ниспровергнуть небеса и землю. Наши читатели, несомненно, ожидают от нас объяснения, но тот, кто разгадал эту загадку, знает, что она необъяснима по своей природе и является смертным приговором как для тех, кто застаёт это врасплох, так и для тех, кто ее раскрывает.^[106]

Этот секрет - царственность мудреца и корона того посвященного, который изображен спускающимся победителем с горы испытаний в прекрасной аллегории Кебеса. Великий Аркан сделал его мастером золота и света, которые в основе своей суть одно; он разгадал квадратуру круга; он управляет вечным двигателем; и он владеет Философским камнем. Те, кто являются адептами, поймут меня. В процессе Природы нет ни перерыва, ни пустого места в ее работе. Гармонии небес соответствуют гармониям земли, и вечная жизнь совершает свое развитие в соответствии с теми же законами, которые правят в повседневной жизни. Библия говорит, что Бог распоряжается всеми вещами в соответствии с весом, числом и мерой, и это светлое учение также принадлежало Платону. В "*Федоне*" он представляет Сократа рассуждающим о судьбах души в манере, которая вполне соответствует каббалистическим традициям. Души, очищенные испытанием, освобождаются от законов тяжести, и они парят над атмосферой слез; другие пресмыкаются во тьме и являются теми, кто проявляется слабым или преступникам. Все, кто освободился от страданий материальной жизни, больше не возвращаются, чтобы размышлять о ее преступлениях или разделять ее ошибки: одного раза действительно достаточно.

Забота древних о погребении мертвых вызвала решительный протест против некромантии, и те, кто нарушал сон могилы, всегда считались нечестивцами. Воскрешение мертвых означало бы обречь их на вторую смерть, и страх серьезных людей, принадлежащих к старым религиям, перед тем, что они останутся без погребения после смерти, объяснялся возможностью того, что труп может быть осквернен стригами и использован в колдовстве. После смерти душа принадлежит Богу, а тело - общей матери, которой является земля. Горе тем, кто осмелится вторгнуться в эти убежища. Когда святилище гробницы было потревожено, древние приносили жертвы разгневанным *гривам*, и в основе этой практики лежала святая мысль. На самом деле, если бы кому-либо было позволено привлекать посредством заклинаний души, плавающие во тьме, но стремящиеся к свету, такой человек зачинал бы ретроградных и посмертных детей, которых он должен был бы вскармливать своей собственной кровью и своей собственной душой. Некроманты - создатели вампиров, и они не заслуживают жалости, если умрут, пожираемые мертвецами.

ГЛАВА IV

МАГИЯ ПУБЛИЧНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Формы являются продуктом идей, а они, в свою очередь, отражают и воспроизводят идеи. Что касается чувств, то они умножаются объединением в союз тех, кто их разделяет, так что все заряжаются общим для всех энтузиазмом. Получается таким образом, что если тот или иной индивид легко поддается обману в вопросах справедливости и красоты, люди в целом, несмотря на это, будут продолжать превозносить в своих умах все возвышенное, и они будут делать это с желанием, которое само по себе возвышенно. Эти два великих закона Природы были известны древним магам и привели их к пониманию необходимости общественного богослужения, которое должно быть единым по своей природе, навязанным всем, иерархическим и символическим по характеру, как любая религия, великолепным, как истина, богатым и разнообразным, как Природа, звездным, как небо, благоухающим, как земля, — богослужения, подобного тому, которое было установлено впоследствии Моисеем, реализовано во всей своей красе Соломоном и, вновь преобразованное, централизовано сегодня в великой столице Святого Петра в Риме.

Человечество, как факт, никогда не знало более одной религии и одного культа. У этого вселенского света были свои неопределенные отражения и тени, но всегда после темной ночи заблуждения мы видим, как он восходит, единый и чистый, как солнце.

Великолепие культа - это жизнь религии, и если Христос выбирал бедных служителей, то его суверенная божественность не требовала бедных алтарей. Протестанты не смогли понять, что ритуал представляет собой инструкцию и что низменный или ничтожный бог не должен создаваться в воображении толпы. Англичане, которые расточают так много богатства на свои собственные дома, которые также делают вид, что высоко ценят Библию, сочли бы свои церкви чрезвычайно холодными и голыми, если бы вспомнили несравненное великолепие Храма Соломона. Но то, что иссушает их формы поклонения, - это сухость их собственных сердец; а с культом, лишенным магии, великолепия и пафоса, как их сердца смогут когда-либо наполниться жизнью? Посмотрите на их молитвенные дома, которые напоминают ратуши, и посмотрите на

этих честных служителей, одетых как билетеры или клерки, - и кто может поступить иначе в их присутствии, чем считать религию формализмом, а Бога мировым судьей?

Ортодоксальность - это абсолютный характер Трансцендентальной Магии. Когда в мире рождается истина, звезда науки объявляет об этом факте Магам, и они приходят поклониться юному творцу будущего. Посвящение достигается пониманием иерархии, а также практикой послушания, и тот, кто действительно посвящен, никогда не станет сектантом. Ортодоксальные традиции были принесены Авраамом из Халдеи; в сочетании со знанием истинного Бога они царили в Египте во времена Иосифа. Кун-Цзе стремился установить их в Китае, но слабоумному мистицизму Индии в идолопоклоннической форме культа Фо было суждено восторжествовать в этой великой империи. Как Авраам вывел Халдею, так и православие было выведено из Египта Моисеем, и в тайных традициях Каббалы мы находим теологию одновременно полную, совершенную, уникальную и сравнимую с нашей собственной в ее величайшем проявлении, если рассматривать ее в свете интерпретации отцов и докторов Церкви — совершенное целое, включающее свет, который миру еще не дано понять. *Зоар*, который является главой и венцом каббалистических священных книг, раскрывает, кроме того, все глубины и освещает все неясности древних мифологий и наук, скрытых в полевых святилищах. Это правда, что мы должны знать секрет его значения, чтобы использовать его, и еще более верно, что самые проницательные умы, которые не знакомы с этим секретом, найдут *Зоар* за пределами всякого понимания и даже нечитабельными. Остается надеяться, что внимательные изучающие наши труды по Магии сами постигнут секрет, что они, в свою очередь, придут к расшифровке и таким образом смогут прочитать книгу, которая объясняет так много тайн.^[107]

Инициация, являющаяся необходимым следствием того иерархического принципа, который лежит в основе реализации в Магии, приводит к тому, что профаны, после тщетных попыток взломать двери святилища, были вынуждены воздвигать алтарь против алтаря и противопоставлять невежественные разоблачения раскола скрытности ортодоксии. О волхвах ходили ужасные истории; колдуны и вампиры возлагали на них ответственность за их собственные преступления; их изображали пирующими младенцами и пьющими человеческую кровь. Подобные выпады самонадеянного невежества против благоразумия науки неизменно увенчивались успехом, достаточным для увековечения их использования. Разве какое-то жалкое создание не изложило в не знаю какой брошюре то, что оно услышало собственными ушами и в стенах клуба, автор этой книги требует крови богатых, чтобы превратить ее в пудинги для питания голодающих людей? Чем чудовищнее клевета, тем большее впечатление она производит в умах глупцов.

Те, кто оклеветали волхвы взяли на себя эти чудовищные преступления, которые они обвиняли их и были заброшены на все бесчинства бесстыжие колдовство. Повсюду ходили слухи о видениях и чудесах, и сами боги спускались в видимых формах, чтобы санкционировать оргии. Маниакальные круги мнимых *иллюминатов* восходят к вакханкам, убившим Орфея. Со времен тех фанатичных и подпольных кругов, где распущенность и убийства сочетались с экстазом и молитвами, роскошный и мистический пантеизм постоянно возрастал. Но роковая судьба этой всепоглощающей догмы описана в одной из лучших басен греческой мифологии. Некие пираты из Тира застали Вакха во сне и перенесли его на борт своего судна, думая, что бог вдохновения таким образом стал их рабом; но внезапно в открытом море их корабль преобразился, мачты превратились в виноградные лозы, такелаж - в ветви; повсюду были видны сатиры, танцующие с рысями и пантерами; команду охватило безумие, они почувствовали, что превратились в козлов

и бросились в море. Впоследствии Бахус высадился в Беотии и направился в Фивы, город посвящения, где обнаружил, что Пенфей узурпировал верховную власть. Последний, в свою очередь, попытался заточить бога в тюрьму, но темница открылась сама по себе, и пленник вышел оттуда с триумфом. Пенфей пришел в ярость, и дочери Кадма, превратившись в Вакханок, разорвали его на куски, думая, что приносят в жертву молодого бычка.^[108]

Пантеизм никогда не сможет сформировать синтез, но должен быть разрушен науками, олицетворением которых являются дочери Кадма. После Орфея, Кадма, Эдипа и Амфиарая великими сказочными символами магического жречества в Греции являются Тиресий и Калхас; но первый из них был невежественным или неверующим иерофантом. Встретившись однажды с двумя переплетенными змеями, он подумал, что они дерутся, и разнял их взмахом своей волшебной палочки. Он не понимал эмблемы кадуцея и поэтому стремился разделить силы Природы, отделить науку от веры, разум от любви, мужчину от женщины. Он ошибочно принял их союз за войну, ранил их при расставании и таким образом потерял собственное равновесие. Он становился попеременно мужчиной и женщиной, но ни тем, ни другим в совершенстве, поскольку ему было запрещено вступать в брак.^[109] Здесь в полной мере раскрываются тайны вселенского равновесия и творческого закона. Порождение на самом деле является работой человеческого андрогина; в своем разделении мужчина и женщина остаются бесплодными, как религия без науки и наоборот, как мягкость без силы и сила отдельно от мягкости, справедливость в отсутствие милосердия и милосердие отдельно от справедливости. Гармония проистекает из аналогии противоположных вещей; их нужно различать с целью объединения, а не разделять, чтобы мы могли выбирать между ними. Говорят, что человек постоянно меняет свое мнение с черного на белое и постоянно обманывает самого себя. Это необходимо, ибо видимая и реальная форма - это черное и белое; она проявляется в союзе света и тени, который не путает их друг с другом. Так сочетаются все противоположности в Природе, и тот, кто захочет их разлучить, рискует понести наказание Тиресия. Другие говорят, что он был поражен слепотой, потому что застал Минерву обнаженной - иными словами, он осквернил Мистерии. Это еще одна аллегория, но символизируется всегда одно и то же.

Без сомнения, имея в виду эту профанацию, Гомер изображает тень Тиресия, блуждающую в киммерийской тьме и ищущую среди других несчастных теней и личинок утолить свою жажду кровью, когда Улисс советовался с духами, используя церемониал, который был магическим и потрясающим иным способом, чем искажения наших собственных медиумов или безобидные поспешные послания наших современных некромантов.

О священстве у Гомера почти ничего не говорится, поскольку прорицатель Калхас не является ни верховным понтификом, ни великим иерофантом. Похоже, он находится на службе у царей, опасаясь их возможного гнева, и он не осмеливается говорить Агамемнону неприятные истины, пока не попросит защиты у Ахилла. Таким образом, он сеет раздор между этими вождями и навлекает бедствия на армию. Все повествования Гомера содержат важные и глубокие уроки, и в данном случае он стремился внушить Греции необходимость того, чтобы божественное служение было независимым от мирских влияний. Жреческая каста должна нести ответственность только перед верховным понтификом, и первосвященник недееспособен, если в его тиаре недостает одной короны. Чтобы он мог быть наравне с земными властителями, он должен сам быть мирским царем; он должен быть царем в понимании и науке, царем также в силу своей божественной миссии. Гомер, кажется, говорит нам в своей мудрости, что при отсутствии такого жречества чего-то не хватает для равновесия империй.

Феоклимен, другой прорицатель, появляющийся в "Одиссее", играет почти роль паразита, покупая не слишком дружелюбное гостеприимство женихов Пенелопы бесполезным предупреждением и благоразумно удаляясь перед волнениями, которые он предвидит.

Существует пропасть между этими хорошими и плохими предсказателями судьбы и сивиллами, невидимо обитающими в своих святилищах, к которым приближаются со страхом и трепетом. Несмотря на это, преемники Цирцеи уступают только смелости; чтобы проникнуть в их убежище, нужно использовать силу или хитрость; их нужно схватить за волосы, пригрозить мечом и подтащить к роковому треножнику. Затем, багровея и бледнея по очереди, дрожа и с волосами дыбом, они произносят бессвязные слова, убегают в ярости, нацарапывают на листьях деревьев отдельные предложения, образующие пророческие стихи, когда их собирают, и, бросая эти листья по ветру, они запираются в своем убежище и игнорируют любые дальнейшие призывы. Созданный таким образом оракул имел столько значений, сколько варьировалось способов его возможного сочетания. Если бы на листьях были иероглифические знаки вместо слов, интерпретации были бы умножены еще больше, в то время как к судьбе можно было бы также обратиться за помощью по их случайному сочетанию, методу, который впоследствии использовался в гаданиях геомантов с помощью чисел и геометрических фигур.[110] Этому следуют и в наши дни адепты картомантии, которые используют великие магические алфавиты Таро, по большей части, не будучи знакомыми с их значениями. В таких операциях случайность выбирает только те знаки, от которых зависит вдохновение толкователя, и при отсутствии исключительной интуиции и второго зрения фразы, обозначенные комбинациями священных букв или откровениями комбинированных фигур, пророчествуют в соответствии со случайностью. Недостаточно комбинировать буквы; нужно уметь читать. Картомантия в ее правильном понимании - это буквальный совет духов, без некромантии или жертвоприношений: но она предполагает хорошего медиума; в остальном она опасна, и мы никому ее не рекомендуем. Неужели памяти о наших прошлых несчастьях недостаточно, чтобы усугубить страдания сегодняшнего дня, и мы должны тогда перегружать их всеми тревогами будущего, заранее участвуя в катастрофах, которых невозможно избежать?

ГЛАВА V

ТАЙНЫ ДЕВСТВЕННОСТИ

Римская империя была всего лишь преображенной греческой империей. Италия была Великой Грецией, и когда эллинизм усовершенствовал свои догмы и мистерии, следующей задачей, стоявшей перед ним, стало воспитание детей волка: Рим уже был на сцене.

Особенностью посвящения, дарованного римлянам Нумой, было типичное значение, приписываемое женщине, по примеру Египта, который поклонялся Верховному Божеству под именем Исида. Греческий бог посвящения — Якхос, завоеватель Индии, великолепное андрогинное существо с рогами Амона,[111] Пантеус, держащий жертвенную чашу и наливающий из нее вино вселенской жизни, - Якхос, сын грома, победитель тигров и львов. Когда вакханки расчленили Орфея, Мистерии Якха были осквернены; и под римским именем Вахх он был всего лишь богом опьянения. Именно у Эгерии, богини тайны и одиночества, мудрого и сдержанного божества, Нума искал своего вдохновения.

Его преданность была вознаграждена; Эгерия проинструктировала его относительно почестей, которые следует воздавать матери богов. В рамках этого посвящения он воздвиг круглый храм под куполом, и в нем горел огонь, которому никогда не давали погаснуть. Его поддерживали четыре девственницы, которых называли весталками, и пока они были верны своему доверию, их окружали странными почестями, в то время как, с другой стороны, их неудача каралась с исключительной строгостью. Честь девушки - это также честь матери, и святость каждой семьи зависит от признания девственной чистоты как возможного и славного явления. Уже здесь женщина освобождается от старого рабства; она больше не восточная рабыня, а домашнее божество, хранительница домашнего очага, чести отца и супруга. Таким образом, Рим стал святилищем морали, и при таких условиях он также был царицей народов и метрополией мира.

Магическая традиция всех эпох приписывает девственному состоянию определенные сверхъестественные и божественные качества. Пророческое вдохновение украшает его, в то время как именно ненависть к невинности и девственности побудила гетическую магию приносить в жертву детей, чья кровь, несмотря на это, считалась священной и искупительной. Противостоять соблазну поколения - значит окончить путь победы над смертью, и высшее целомудрие было самым славным венцом, возложенным на иерофантов.^[112] Провести жизнь в человеческих объятиях - значит пустить корни в могиле. Целомудрие - это цветок, который настолько слабо привязан к земле, что, когда солнечные лучи тянут его ввысь, он без усилий отрывается и взлетает, как птица.

Священный огонь весталок был символом веры и чистой любви. Это была также эмблема того универсального агента, ужасную и электрическую природу которого Нума мог создавать и направлять. Если по преступной небрежности весталки позволяли своему огню погаснуть, его можно было разжечь только солнечными лучами или молнией. Он обновлялся и освящался в начале каждого года - обычай, увековеченный и соблюдаемый среди нас в канун Пасхи.

Христианство ошибочно обвиняли в перенятии всего прекрасного, что было в предшествующих формах богослужения; это последнее преображение вселенской ортодоксии, и как таковое оно сохранило все, что ему принадлежало, отвергая опасные практики и праздные суеверия.

Кроме того, священный огонь олицетворял любовь к родине и религию домашнего очага. Ради этой религии и неприкосновенности супружеского святилища Лукреция принесла себя в жертву. Лукреция олицетворяет все величие древнего Рима; она, несомненно, могла бы избежать оскорблений, предав свою память клевете, но хорошая репутация - это *благородство, которое обязывает*. В вопросе чести скандал более прискорбен, чем неосмотрительность. Лукреция возвысила свое достоинство добродетельной женщины до высоты священства, претерпев нападение, чтобы впоследствии искупить его и отомстить. Именно в память об этой прославленной римлянке высокое посвящение в культ отечества и домашнего очага было доверено женщинам, мужчины были исключены. Таким образом, они должны были усвоить, что истинная любовь - это то, что вдохновляет на самые героические жертвы. Их учили, что истинная красота мужчины - это героизм и величие; что женщина, способная предать или бросить своего мужа, порочит как свое прошлое, так и будущее и остается на лбу с неизгладимым пятном ретроспективной проституции, усугубляемым лжесвидетельством. Перестать любить того, кому был отдан цветок ее юности, - величайшее горе, которое может затронуть сердце добродетельной женщины; но обнародовать это за границей - значит

фальсифицировать прошлую невинность, отказаться от искренности сердца и непорочности чести; это последний и самый непоправимый позор.

Такова была религия Рима; волшебству такого морального кодекса она была обязана всем своим величием, и когда брак перестал быть священным в ее глазах, ее упадок был близок. Во времена Ювенала говорят, что мистерии *Bona Dea* были мистериями нечистоты, в чем, возможно, можно усомниться, поскольку, поскольку к этим мнимым оргиям допускались только женщины, они, должно быть, выдавали себя; но исходя из предположения, что обвинение справедливо, поскольку после правления Нерона и Домициана все кажется возможным, мы можем только заключить, что чистое правление матери богов закончилось и уступило место популярному, универсальному и более чистому поклонению Марии, Матери Божьей.

Посвященный в магические законы и знающий магнетическое влияние общественной жизни, Нума учредил коллегии жрецов и авгуров, живущих по предписанным правилам. Это была первая идея монастырских учреждений, которые являются одной из великих сил религии. Задолго до этого еврейские пророки были связаны симпатическими узами, их объединяли молитва и вдохновение. Похоже, что Нума был знаком с традициями Иудеи; его *фламин*ы и *салии* доводили себя до состояния экзальтации эволюциями и танцами, напоминающими выступление Давида перед ковчегом. Нума не учредил новых оракулов, способных соперничать с дельфийскими, но он особенно обучал своих жрецов искусству предсказаний, что означает, что он ознакомил их с определенной теорией предчувствий и второго зрения, определяемой тайными законами Природы. В наши дни мы презираем искусство предсказаний и предзнаменований, потому что мы утратили глубокую науку о свете и универсальные аналогии его отражений. В своей очаровательной повести о Задиге Вольтер легким и несерьезным штрихом описывает чисто естественную науку гадания, но от этого она не становится менее замечательной, поскольку предполагает исключительную тонкость наблюдения и ту силу дедукции, которая обычно ускользает от ограниченной логики вульгарных людей. Говорят, что Парменид, учитель Пифагора, отведав воды из некоего источника, предсказал приближающееся землетрясение. В этом обстоятельстве нет ничего экстраординарного, поскольку наличие в воде битуминозного и сернистого привкуса вполне могло навести философа на мысль о подземной деятельности в этом районе. Даже сама вода, возможно, была необычно потревожена. Как бы то ни было, полет птиц по-прежнему считается предвестником суровых зим, и, возможно, удастся предвидеть некоторые атмосферные воздействия, исследуя пищеварительный и дыхательный аппарат животных. Физические возмущения воздуха нередко имеют моральную причину. Революции проявляются в явлениях сильных штормов; глубокое дыхание народов приводит в движение само небо. Успех сопутствует электрическим токам, и оттенки живого света отражают раскаты грома. “Что-то витает в воздухе”, - говорит толпа со своим особым пророческим чутьем. Прорицатели и авгуры знали, как читать символы, которые свет начертывает повсюду, и как интерпретировать символы астральных течений и революций. Они знали, почему птицы совершают свой полет поодиночке или стаями, под каким влиянием они поворачивают на Север или Юг, на Восток или Запад, чего мы как раз и не можем объяснить, хотя сейчас и насмехаемся над авгурами. Над этим так легко насмехаться, и этому так трудно досконально научиться.

Именно из-за такого predetermined принижения и отрицания того, чего не понимают, люди состоятельные, такие как Фонтенель, и люди образованные, такие как Кирхер, написали такиенесдержанные вещи о древних оракулах. Все - ремесло и жонглерство для сильных умов

этого порядка. Они предполагают автоматические статуи, скрытые говорящие трубы и искусственное эхо в сводах каждого храма. Откуда эта вечная клевета на святилище? Было ли в жречестве только мошенничество? Неужели среди иерофантов Цереры или Аполлона невозможно было найти честных и убежденных людей? Или они были обмануты, как и все остальные? И в таком случае, как получилось, что самозванцы продолжали свою торговлю веками, ни разу не выдав себя, а отдельные мошенники не были одарены бессмертием? Недавние эксперименты показали нам, что мысли могут быть переданы, переведены в письменную форму и напечатаны без посторонней помощи силой Астрального Света. Таинственные руки все еще пишут на наших стенах, как на празднике Валтасара. Давайте не будем забывать мудрое замечание ученого, которого, безусловно, нельзя обвинить ни в фанатизме, ни в легковерии: “За пределами чистой математики, - сказал Араго, - тот, кто произносит слово ”невозможно“, лишен осторожности”.

Религиозный календарь Нума основан на календаре магов; это последовательность праздников и мистерий, напоминающая о тайной доктрине посвященных и идеально адаптирующая публичные акты *культы* к универсальным законам Природы. Его расположение месяцев и дней было сохранено благодаря консервативному влиянию христианского возрождения. Даже как римляне при Нуме, мы по-прежнему свято соблюдаем воздержанием дни, посвященные празднованию рождения и смерти; но для нас день Венеры освящен искуплением на Голгофе. Мрачный день Сатурна - это тот период, в течение которого наш воплощенный Бог спит в Своей гробнице, но Он восстанет, и жизнь, которую Он обещает, притупит косу Кроноса. Этот месяц, который римляне посвящали Майе, нимфе юности и цветов, молодой матери, которая улыбается первым плодам года, мы посвящаем Марии, мистической розе, лилии чистоты, небесной матери Спасителя. Так и наши религиозные обряды древни как мир, наши праздники подобны праздникам наших предков, ибо Искупитель христианского мира пришел, чтобы не нарушать ни одной из символических и священных красот древнего посвящения. Он пришел, как Он Сам сказал, ссылаясь на образный Закон Израиля, чтобы осознать и исполнить все.

ГЛАВА VI СУЕВЕРИЯ

Суеверия - это религиозные формы, пережившие утрату идей. Некая истина, которая больше не известна, или истина, изменившая свой аспект, является источником и объяснением всего. Их название, происходящее от латинского *superstes*, означает то, что выживает; они являются мертвыми остатками старых знаний или мнений.

Всегда управляемые скорее инстинктом, чем мыслью, простые люди цепляются за идеи через посредство форм, и им с трудом удастся изменить свои привычки. Попытка уничтожить суеверия всегда производит на них впечатление нападения на саму религию, и поэтому святой Григорий, один из величайших пап христианского мира, не стремился подавлять старые обычаи. Он рекомендовал своим миссионерам очищать, а не разрушать храмы, сказав, что “пока у людей есть свои старые места поклонения, они будут часто посещать их в силу привычки, и таким образом им будет легче прийти к поклонению истинному Богу”. Он также сказал: “Бретонцы установили дни для праздников и жертвоприношений; оставьте им их

праздники и не сдерживайте их жертвоприношений; оставьте им радость их праздников, но мягко и постепенно выводите их из состояния язычества в состояние Христа”.

Таким образом, старые благочестивые обряды были заменены святыми тайнами, почти не изменив названия. Был, например, ежегодный банкет под названием *Charistia*, на который приглашались духи предков, таким образом, совершая акт веры во вселенскую и бессмертную жизнь. Евхаристия, или божественная *Харистия*, заменила античную, и мы сообщаем Пасху за Пасхой всем нашим друзьям на небесах и на земле.^[113] Христианство, далекое от поддержания старых суеверий с помощью таких приспособлений, вдохнуло душу и жизнь в сохранившиеся знаки универсальных верований.

Та наука о Природе, которая находится в таком тесном родстве с религией, поскольку она посвящает людей в тайны Божественности, эта забытая наука о Магии, все еще живет безраздельно в иероглифических знаках и, до некоторой степени, в живых традициях или суевериях, которые она оставила внешне нетронутыми. Например, наблюдение за числами и днями является слепым напоминанием о примитивных магических догмах. Как день, посвященный Венере, пятница всегда считалась несчастливой, потому что она символизировала таинства рождения и смерти. В пятницу евреи не предпринимали никаких предприятий, но они завершали в этот день работу, относящуюся к неделе, поскольку она предшествовала субботе, или дню обязательного отдыха. Число 13, поскольку оно следует за совершенным циклом 12, также символизирует смерть, следующую за жизнедеятельностью; и в еврейском *Символе* артикль, относящийся к смерти, пронумерован тринадцатым. Разделение семьи Иосифа на два колена привело тринадцать гостей на первую Пасху Израиля в Земле Обетованной, что означало, что тринадцать колен разделят урожай Ханаана. Один из них был истреблен, это был Вениамин, младший из детей Иакова. Отсюда и пошла традиция, согласно которой, когда за столом тринадцать человек, самому младшему суждено быстро умереть.^[114]

Волхвы воздерживались от мяса определенных животных и не прикасались к крови. Моисей возвел эту практику в ранг заповеди на том основании, что незаконно вкушать душу животных, которая находится в крови. Он остается в них после их умерщвления, подобно фосфору свернувшегося и испорченного Астрального Света, который может быть зародышем многих болезней. Кровь задушенных животных переваривается с трудом и предрасполагает к апopleksии и ночным кошмарам. Плоть *плотоядных* также нездорова из-за диких инстинктов, с которыми она ассоциировалась, и потому, что она уже впитала в себя разложение и смерть.

“Когда душа животного насильственно отделяется от его тела, - говорит Порфирий, - она не покидает его, но, подобно душе людей, умерших таким же образом, остается поблизости от тела. Оно удерживается сочувствием и не может быть изгнано. Такие души видели стонущими их тела. То же самое происходит с душами людей, чьи тела не были преданы земле. Именно им неуютны действия магов, заставляющих их повиноваться, до тех пор, пока действующие лица являются хозяевами мертвого тела полностью или частично. Теософы, знакомые с этими тайнами, с симпатией душ животных к телам, от которых они отделены, и с их удовольствием приближаться к ним, справедливо запретили употребление определенных видов мяса, чтобы мы не могли заразиться чужеродными душами”.

Порфирий добавляет, что пророчества можно обрести, питаясь сердцами воронов, кротов и ястребов; здесь александрийский теург обращается к процессам, происходящим с *Маленьким Альбертом*, но хотя он так быстро впадает в суеверие, это происходит из-за того, что он вступает на неверный путь, поскольку отправной точкой для него была наука.^[115]

Чтобы указать на тайные свойства животных, древние говорили, что в эпоху войны гигантов боги принимали различные формы с целью сокрытия, и что впоследствии они принимали их по своему усмотрению. Таким образом, Диана превратилась в волчицу; солнце - в быка, льва, дракона и ястреба; Геката - в лошадь, львицу и суку.

Имя *Феребат*, согласно некоторым теософам, было присвоено Прозерпине, потому что она питалась горлицами, и эти птицы были обычным подношением, которое жрицы Майи приносили этой богине, которая является земной Прозерпиной, дочерью прекрасной Цереры и приемной матерью человеческого рода. Посвященные Элевсина воздерживались от домашней птицы, рыбы, бобов, персиков и яблок; они также воздерживались от половых сношений с женщиной в постели во время родов, а также во время ее обычных месячных. Порфирий, от которого почерпнута эта информация, добавляет следующее: “Всякий, кто изучал науку о видениях, знает, что нужно воздерживаться от всех видов птиц, чтобы освободиться от оков земных вещей и найти место среди небесных богов”. Но причину он не называет.

Согласно Еврипиду, посвященные в тайный культ Юпитера на Крите не прикасались к мясу; в припеве, обращенном к царю Миносу, жрецов, о которых идет речь, заставляют говорить следующее: “Сын финикийско-тирийской женщины, потомок Европы и великого Юпитера, царь острова Крит, прославленный в сотне городов, мы приходим к тебе, оставляя храмы, построенные из дуба и кипариса, обтесанные ножами; вожди чистой жизни, смотри, мы приходим. С тех пор как я стал жрецом Юпитера-Идея, я не принимаю участия в ночных вакханалиях, я не ем полусырого мяса; но я предлагаю свечи матери богов. Я священник среди Кюре, одетый в белое; я держусь подальше от человеческих колыбелей; я избегаю также их могил; и я не ем ничего, что было оживлено дыханием жизни”.

Мякоть рыбы фосфоресцирует и, следовательно, обладает афродизиакальным действием. Бобы разогревают и вызывают рассеянность. Для каждой формы воздержания, включая самые нерегулярные формы, вероятно, можно найти глубокую причину, помимо всех суеверий. Существуют определенные сочетания продуктов, которые противоречат гармонии Природы. “Не вари козленка в молоке матери его”, — сказал Моисей - рецепт трогательный как аллегория и мудрый с точки зрения гигиены.

Греки, как и римляне, но не в такой степени, верили в предзнаменования; хорошим предзнаменованием считалось, когда змеи вкушали священные подношения; благоприятным или наоборот, когда гром раздавался справа или слева. Были предвестники в способах чихания и в других естественных слабостях, о которых здесь можно только догадываться. В “Гимне Меркурию” Гомер повествует, что, когда бог воров был еще в колыбели, он украл быков Аполлона, который схватил мальчика и встряхнул его, чтобы заставить признаться в воровстве:

Mercure s’avisant d’un étrange miracle,

De ses flancs courroucés fit entendre l'oracle;

Jusqu'au grand Apollon la vapeur en monta.[\[116\]](#)

У римлян все это было предзнаменованием — камень, о который ударилась нога, крик совы, лай собаки, разбитая ваза, пожилая женщина, которая первой обратила на тебя внимание. Все эти праздные страхи имели в своей основе великую магическую науку гадания, которая не пренебрегает никакими знаками, но от следствия, упускаемого из виду вульгарными людьми, восходит к последовательности взаимосвязанных причин. Этой науке известно, например, что те атмосферные воздействия, которые заставляют собаку выть, смертельны для определенных страдальцев, что появление ворон и их кружение означают присутствие непогребенных тел, что всегда является зловещим предзнаменованием; места убийств и казней часто посещаются этими птицами. Полет других птиц предвещает суровые зимы, в то время как третьи своими жалобными криками над морем сигнализируют о надвигающихся штормах. О том, что распознает наука, невежество замечает и обобщает; первое видит полезные предупреждения повсюду; другое огорчается и пугается всего.

Более того, римляне были великими наблюдателями сновидений; искусство их толкования принадлежит науке о жизненном свете, пониманию его направления и отражений. Люди, сведущие в трансцендентальной математике, хорошо знают, что в отсутствие света не может быть изображения, будь то прямой, отраженный или преломленный; и по направлению луча, обратную сторону которого они знают, как найти, они путем точного расчета и неизменно приходят к источнику света и могут оценить его универсальную или относительную силу. Они принимают во внимание также здоровое или больное состояние зрительного механизма, внешнего или внутреннего, и приписывают ему кажущуюся деформированность или правильность изображений. Для таких людей сны являются полным откровением, поскольку сон - это подобие бессмертия во время той ночной смерти, которую мы называем сном. В состоянии сна мы участвуем во всеобщей жизни, не сознавая добра или зла, времени или пространства. Мы перепрыгиваем через деревья, танцуем на воде, дышим на тюрьмы, и они падают; или, наоборот, мы тяжелы, печальны, за нами охотятся, мы прикованы цепями — в зависимости от состояния нашего здоровья и часто нашей совести. Все это, несомненно, полезно наблюдать, но какой вывод могут сделать из этого те, кто ничего не знает и не желает учиться?

Всемогущее действие гармонии, возвышающее душу и дающее ей власть над чувствами, было хорошо известно древним мудрецам; но то, что они использовали для успокоения, было украдено чародеями, чтобы возбуждать и опьянять. Фессалийские и римские колдуньи верили, что варварские стихи, которые они декламировали, могут стащить луну с неба и что она, бледная и истекающая кровью, упадет на землю. Монотонность их декламации, взмахи их волшебных палочек, их хождение по кругу магнетизировали, возбуждали и постепенно приводили их к ярости, к экстазу, даже к самой каталепсии. В таком состоянии бодрствования они погружались в сон, видели открытые гробницы, воздух, затянутый тучами демонов, луну, падающую с небес.

Астральный Свет - это живая душа земли, материальная и фатальная душа, управляемая в своих произведениях и движениях вечными законами равновесия. Этот свет, который окружает и пронизывает все тела, также может приостанавливать их вес и заставлять их вращаться вокруг мощно поглощающего центра. Явления, которые до сих пор были изучены недостаточно, хотя и

воспроизводятся в наши дни, доказывают истинность этой теории. К тому же естественному закону следует отнести и те магические водовороты, в центре которых расположились чародеи. Это объясняет очарование, которое некоторые рептилии оказывают на птиц, а другие - начувствительные натуры, которые являются негативными и поглощающими. Медиумы обычно являются больными существами, в которых открывается пустота и которые таким образом притягивают свет, подобно тому как бездны притягивают воду водоворотов. Затем самые тяжелые тела могут быть подняты, как соломинки, и унесены течением. Такие негативные и неуравновешенные натуры, чьи жидкие тела бесформенны, могут проецировать свою силу притяжения, очерчивая таким образом в воздухе дополнительные и фантастические элементы. Когда знаменитый медиум Хоум заставляет руки без тел появляться поблизости, его собственные руки мертвы и заморожены. Можно сказать, что медиумы - это феноменальные существа, в которых смерть явно борется с жизнью. То же самое можно сказать и о чародеях, гадалках, тех, у кого сглаз, и заклинателях. Сознательно или бессознательно, они являются вампирами, которые черпают жизнь, которой им не хватает, и таким образом нарушают баланс света. Когда это делается сознательно, они становятся преступниками, которые должны быть наказаны, а в противном случае они все еще остаются чрезвычайно опасными субъектами, от которых следует тщательно изолировать деликатных и нервных людей.

Порфирий рассказывает следующую историю из своей жизни Плотина. “Среди тех, кто исповедовал философию, был некий Олимпий, родом из Александрии и какое-то время ученик Аммония. Он относился к Плотину с презрением, стремясь превзойти его по известности. Он также пытался причинить ему вред с помощью магических церемоний, но, обнаружив, что попытка подействовала на него самого, признался своим друзьям, что душа Плотина, должно быть, обладает огромной силой, поскольку она может обратить вспять против его врагов их собственные злые замыслы. Плотин знал о враждебных попытках Олимпия, и были моменты, когда он внезапно говорил: ‘Теперь у него начались конвульсии’. Повторив подобное и обнаружив, что он сам был подвержен тому злу, которое хотел причинить Плотину, Олимпий прекратил преследование”.

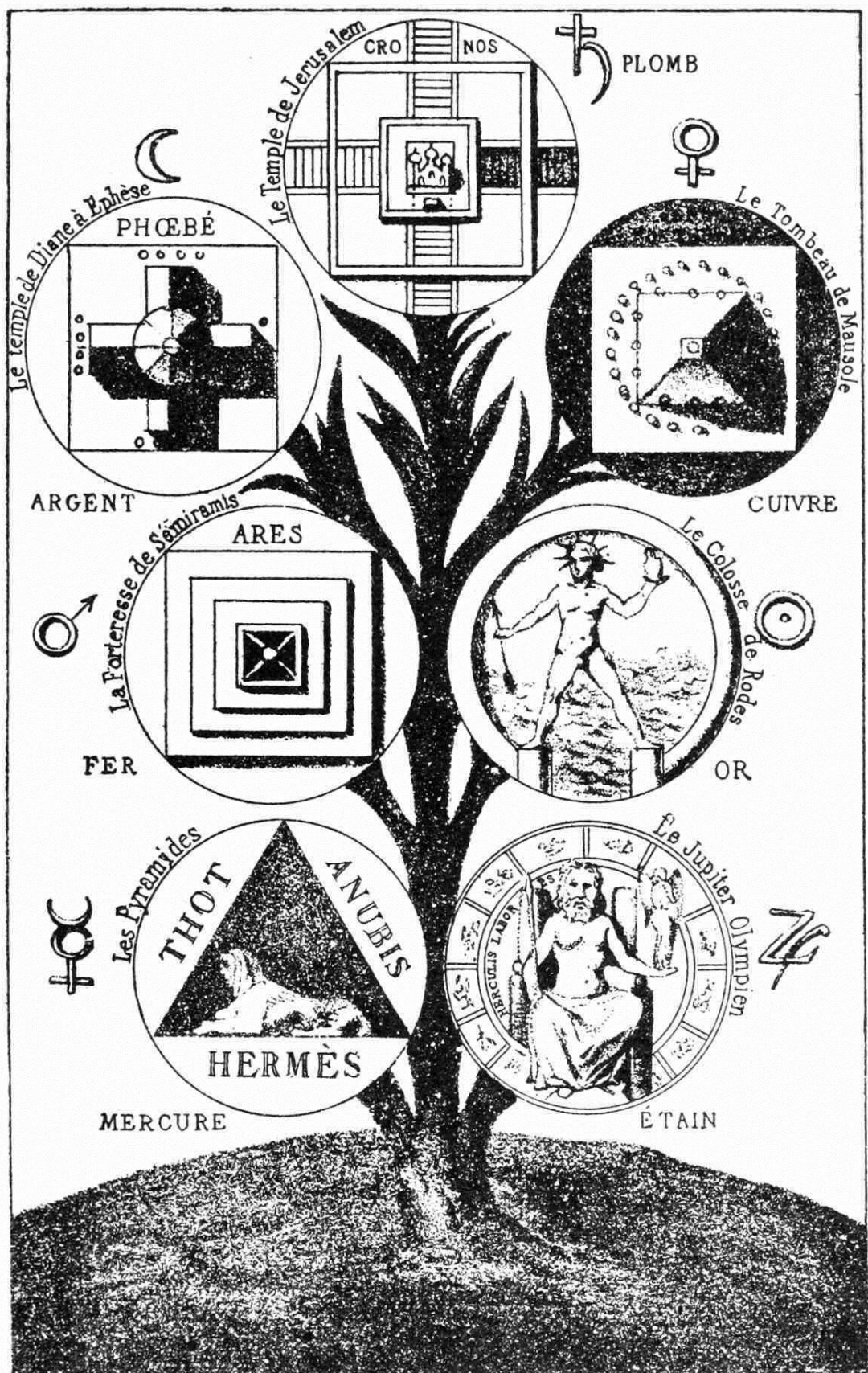
Равновесие - это великий закон жизненного света; проецируемый с силой и отталкиваемый природой, более сбалансированной, чем наша собственная, он возвращается к нам с такой же силой. Поэтому горе тем, кто использует природные силы на службе несправедливости, поскольку Природа справедлива, а ее реакции ужасны.

ГЛАВА VII

МАГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Мы уже говорили, что древний Египет сам по себе был пантаклем, и то же самое можно сказать о древнем мире в целом. По мере того, как великие иерофанты изо всех сил старались скрыть свою абсолютную науку, они стремились все больше и больше расширять и умножать ее символы. Треугольные пирамиды с их квадратными основаниями олицетворяли метафизику, основанную на науке о Природе; и символический ключ к этой науке принял гигантскую форму того удивительного сфинкса, который за время своего векового бдения у подножия пирамид вырыл для себя такое глубокое ложе в песке. Эти семь великих памятников, называемых

чудесами света, были возвышенными комментариями к пирамидам и семи таинственным вратам Фив. На Родосе был Пантакль Солнца, в котором бог света и истины символизировался в человеческом облике, облаченном в золото; в правой руке он поднимал факел разума, а в левой держал древко деятельности. Его ноги были установлены на родинках, олицетворяющих вечные уравнивающие силы Природы, необходимость и свободу, активные и пассивные, неподвижные и изменчивые — одним словом, Геркулесовы столпы. В Эфесе находился Пантакль Луны, который был Храмом Дианы Пантеи, выполненным по подобию вселенной. Это был купол, венчающий крест, с квадратной галереей и круглым участком, напоминающим щит Ахиллеса. Гробница Мавсолея была Пантаклем Целомудренной и Супружеской Венеры; по форме она напоминала *лингам*, имея квадратное возвышение и круглую часть. В центре площади возвышалась усеченная пирамида, на которой стояла колесница с четырьмя лошадьми, запряженными так, что они образовывали крест. Пирамиды были Пантаклем Гермеса или Меркурия. Олимпийский Юпитер был Пантаклем этого бога. Стены Вавилона и цитадель Семирамиды были Пантаклями Марса. Короче говоря, Храм Соломона — этот универсальный и абсолютный пантакль, которому суждено было заменить другие, — был для языческого мира ужасным Пантаклем Сатурна.

Философскую семерку посвящения, согласно мышлению древних, можно резюмировать как три абсолютных принципа, сводимых к единому принципу, и четыре элементарные формы, которые представляют собой только одну форму, целое, составляющее единство, состоящее из формы и идеи. Эти три принципа таковы: (1) Бытие есть сущее; в философии это означает тождество идеи и того, что есть, или истины; в религии это первый принцип, Отец. (2) Бытие реально; в философии это означает тождество знания и того, что есть, или реальности; в религии это Логос Платона, Демиург, Слово. (3) Бытие логично; в философии это означает тождество разума и реальности; в религии это Провидение, или Божественное Действие, посредством которого осуществляется благо, взаимная любовь истины и добра, называемая в христианстве Святым Духом.

Четыре элементарные формы были выражением двух фундаментальных законов: сопротивления и движения; фиксированного состояния, или той инерции, которая сопротивляется, и активной жизни, или изменчивого; в других, более общих терминах, материи и духа - материя есть то ничто, которое формулируется пассивным утверждением, дух же есть принцип абсолютной необходимости в том, что истинно. Негативное воздействие материального ничто на дух было названо принципом зла; позитивное воздействие духа на то же самое ничто, чтобы оно могло быть наполнено творением и светом, было названо принципом добра. Этим представлениям соответствовала, с одной стороны, человечность, а с другой — разумная и спасительная жизнь, искупающая тех, кто зачат во грехе, то есть в ничто, из—за их материального происхождения.

Таково было учение о тайном посвящении, такой восхитительный синтез, который дух христианства оживил, просветив своим великолепием, утвердив божественно своим догматом и реализовав своими таинствами. Этот синтез исчез под покровом, который должен был его сохранить. Ему суждено быть восстановленным человеком во всей его первобытной красоте и всей его материнской плодовитости.

КНИГА III

БОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ И РЕАЛИЗАЦИЯ МАГИИ Через ХРИСТИАНСКОЕ ОТКРОВЕНИЕ

λ—ГИМЕЛ

ГЛАВА I

ИУДЕИ ОБВИНИЛИ ХРИСТА В КОЛДОВСТВЕ

В начале Евангелия от святого Иоанна есть одна фраза, которую католическая церковь никогда не произносит, кроме как преклоняя колени; эта фраза звучит так: “Слово стало плотью”. В этом заключено полное откровение христианства. Точно так же и в другом месте Евангелист приводит критерий ортодоксальности, которым является исповедание Иисуса Христа, явленного во плоти, то есть в видимой и человеческой реальности.

Изобразив в своих видениях пантакли и иероглифы эзотерической науки; показав колеса, вращающиеся внутри колес; изобразив живые глаза, обращенные ко всем сферам; развернув бьющиеся крылья четырех таинственных живых существ — Иезекииль, самый глубокий каббалист из древних пророков, не видит ничего, кроме равнины, усеянной сухими костями. По его слову они покрываются плотью, и им возвращается форма. Жалкая красота облекает эти остатки смерти, но эта красота холодна и безжизненна. Таковы были доктрины и мифологии древнего мира, когда дыхание любви снизошло на них с небес. Затем мертвые фигуры восстали; призраки философии уступили место людям истинной мудрости; Слово стало воплощенным и живым; это был уже не день абстракций, а день реальности. Та вера, которая подтверждается делами, пришла на смену гипотезам, которые заканчивались ничем иным, как баснями. Магия превратилась в святость, чудеса стали чудесами, простые люди, исключенные древним посвящением, были призваны к царственности и жречеству добродетели. Таким образом, осознание сути христианской религии, и ее доктрина придает форму даже самым очевидным аллегориям. Дом молодого человека, у которого было большое состояние, до сих пор виден в Иерусалиме, и при тщательном исследовании вполне возможно обнаружить светильник, который, согласно аналогичной традиции, когда-то принадлежал одной из неразумных дев. Такая наивная доверчивость, по сути, не очень опасна; на самом деле, она доказывает лишь живую и реализующую силу христианской веры. Евреи обвиняли эту веру в том, что она материализовала веру и идеализировала земные вещи. В нашей *Доктрине и ритуале трансцендентальной магии* мы приводим скандальную притчу о Сефер Толдос Джешу, которая была придумана для подтверждения обвинения. В *Талмуде* рассказывается, что Иисус бен Сабта, или сын разведенной женщины, изучив нечестивые мистерии в Египте, установил ложный камень в Израиле и привел народ к идолопоклонству. Несмотря на это, было признано, что еврейское духовенство поступило неправильно, проклиная его обеими руками, и именно в этой связи мы находим в *Талмуде* одно прекрасное предписание, которому суждено впоследствии объединить христианский мир и Израиль: “Никогда не проклиная обеими руками, чтобы одна из них всегда была свободна прощать и благословлять”. На самом деле, священство было виновно в несправедливости по отношению к этому приносящему мир Учителю, который советовал своим ученикам подчиняться установленной иерархии. “Они на престоле Моисеевом, - сказал Спаситель. - Поэтому делайте то, что они говорят вам, но не так, как они делают сами”. В другой раз он приказал десяти прокаженным показать себя священникам, и они исцелились по дороге: какое трогательное отречение со стороны Божественного Чудотворца, Который таким образом приписывал Своим самым смертельным врагам саму честь Своих чудес. В остальном, были ли знакомы с истинным те, кто обвинял Христа в установке фальшивого краеугольного камня? Разве евреи во времена фарисеев не утратили науку о том, что является одновременно краеугольным камнем, кубическим камнем, философским камнем — одним словом, фундаментальным камнем каббалистического Храма, квадратного у основания и треугольного вверху, как пирамиды? Обвиняя Иисуса как новатора, разве они не заявляли, что сами забыли античность? Разве тот свет, который Авраам видел и радовался, не погас для неверных детей Моисея, и разве он не был восстановлен Иисусом, Который заставил его сиять с новым великолепием? Чтобы быть совершенно уверенным в этом вопросе, Евангелие и *Апокалипсис* святого Иоанна следует сравнить с таинственными доктринами *Сефер Йецира* и *Зоар*. Тогда станет понятно, что христианство, столь далекое от того, чтобы быть ересью в Израиле, было истинной ортодоксальной традицией еврейства, в то время как книжники и фарисеи были сектантами. Более того, христианская ортодоксальность подтверждается согласием всего мира в целом и приостановлением действия суверенного

священства вместе с постоянными жертвоприношениями в Израиле — двумя неоспоримыми признаками истинной религии. Иудаизм безхрама, без первосвященника и без жертвоприношения выживает только как диссидентское течение; некоторые люди все еще евреи, но Храм и Алтарь христианские.

В апокрифических евангелиях есть прекрасное аллегорическое изложение этого критерия достоверности в отношении христианства: его свидетельством является осознание. Несколько детей забавлялись, лепя птичек из глины, и среди них был младенец Иисус. Каждый маленький художник хвалил свою работу, и только Иисус ничего не сказал; но когда Он вылепил Своих птиц, Он хлопнул в ладоши, приказывая им летать, и они полетели. Так христианские институты продемонстрировали свое превосходство над институтами древнего мира; последние мертвы, но христианство живо. Рассматриваемое как полностью реализованное и жизненное выражение Каббалы, то есть примитивной традиции, христианство все еще неизвестно, и, следовательно, эта каббалистическая и пророческая книга, называемая *Апокалипсисом*, все еще нуждается в объяснении, поскольку она непостижима без каббалистических Ключей. Традиционная интерпретация долгое время сохранялась иоаннитами, или учениками святого Иоанна; но вмешались гностики — к полному замешательству и потере всего, как станет ясно позже.^[117]

Мы читаем в Деяниях апостолов, что святой Павел в Эфесе собрал все книги, в которых говорилось о любопытных вещах, и публично сжег их. Речь, без сомнения, идет о старых гетических текстах или трудах по некромантии. Потеря, несомненно, достойна сожаления, поскольку даже из памятников заблуждения могут пролиться какие-то лучи истины, а следовательно, может быть получена информация, которая окажется ценной для науки.^[118] Общеизвестно, что при пришествии Иисуса Христа оракулы повсюду замолчали, и над морем разнесся вопль, взывающий: “Великий Пан мертв”. Языческий писатель, который возражает против этого сообщения, со своей стороны заявляет, что оракулы не прекращались, но через некоторое время не нашлось никого, кто мог бы проконсультироваться с ними. Исправление ценно, поскольку такая попытка оправдания более убедительна, чем мнимая клевета. Почти то же самое следует сказать и о чудесных произведениях, которые вызывали презрение в присутствии настоящих чудес. На самом деле, если высшие законы Природы подчиняются истинному моральному превосходству, чудеса становятся сверхъестественными, как и добродетели, которые их порождают. Эта теория ничем не умаляет могущества Бога, в то время как тот факт, что Астральный Свет послушен высшему Свету Благодати, на самом деле означает для нас, что древний змей из аллегии кладет свою побежденную голову к ногам Царицы Небесной.

ГЛАВА II

СВИДЕТЕЛЬСТВО МАГИИ ХРИСТИАНСТВУ

Магия, будучи наукой о всеобщем равновесии и имея истину, реальность и разум бытия в качестве своего абсолютного принципа, объясняет все антиномии и примиряет все реальности, которые находятся в конфликте друг с другом, с помощью единого порождающего принципа каждого синтеза — гармонии, возникающей в результате аналогии противоположностей. Для

посвященного в эту науку религия не вызывает сомнений, потому что она существует, и мы не отрицаем того, что есть. Бытие есть бытие— $\aleph \aleph \aleph \aleph \aleph$. Очевидное противопоставление религии и разума является силой обеих, утверждающей каждую в ее отдельной области и оплодотворяющей отрицательную сторону каждой из них положительной стороной другой: как мы только что сказали, это достижение согласия путем соответствия между вещами, являющимися противоположными. Причина всех религиозных ошибок и путаницы заключается в том, что в незнании этого великого закона пытались превратить религию в философию, а философию, в свою очередь, в религию, подчиняя вопросы веры научным процессам, что не менее нелепо, чем подчинение науки слепому повиновению вере. Утверждать математическую абсурдность или отвергать доказательство теоремы - не более прерогатива теолога, чем ученого человека во имя науки выступать против тайн догмы или поддерживать их.

Если мы спросим Академию наук, верно ли математически, что в одном Боге три Личности, и можно ли на основании физиологии подтвердить, что Мария, Богородица, была зачата непорочной, Академия наук откажется судить об этом, и это будет правильно. Ученость не имеет права произносить какие-либо слова, поскольку эти вопросы относятся к сфере веры. В догмат веры верят или не верят, но в любом случае это не предмет обсуждения: в него верят именно потому, что он ускользает от научного изучения.

Когда Жозеф де Местр уверяет нас, что в один прекрасный день мы будем с удивлением говорить о нашей действительной глупости, он, без сомнения, имеет в виду тех людей с притворным сильным умом, которые ежедневно сообщают нам, что они поверят в истинность догмы, когда она будет доказана научно. Это равносильно утверждению, что они поверят, когда не останется ничего для веры, когда догма как таковая будет разрушена, превратившись в научную теорему. Это еще один способ предположить, что мы признаем бесконечное, когда оно будет объяснено, определено, очерчено, дефинировано или, одним словом, преобразовано в конечное. Мы поверим в бесконечность, когда будем совершенно уверены, что ее не существует; мы признаем необъятность океана, когда увидим, как его разливают по бутылкам. Но тогда, друзья мои, то, что было доказано вам и доведено до вашего понимания, отныне является вопросом знания, а не веры. С другой стороны, если вам сообщат, что папа решил, что дважды два не равно четырем и что квадрат гипотенузы не равен квадратам, нарисованным на двух других сторонах прямоугольного треугольника, вы будете вправе ответить, что папа так не решил, потому что у него нет титула; эти вещи его не касаются, и он не может вмешиваться в это. Здесь ученик Руссо воскликнет, что все это очень хорошо, но Церковь требует, чтобы мы верили в вещи, которые формально противоречат математике. Вся математическая наука говорит нам, что целое больше части; несмотря на это, когда Иисус Христос общается со своими учениками, Он должен держать все Свое тело в руках и вкладывать голову в Свой рот. Жалкая шутка, о которой идет речь, встречается текстуально у Руссо. Легко ответить, что софист смешивает науку с верой, а естественный порядок вещей - со сверхъестественным или божественным. Если бы религия утверждала, что при общении Евхаристии наш Спаситель имел два естественных тела одинаковой формы и размера и что одно было съедено другим, наука имела бы право протестовать. Но религия утверждает, что тело Учителя божественно и сакраментально содержится под естественным знаком или внешним видом ломтика хлеба. Еще раз, это вопрос веры или неверия: всякий, кто рассуждает по этому поводу и обсуждает это с научной точки зрения, заслуживает того, чтобы быть отнесенным к категории глупцов.[119]

Истина в науке доказывается точными доказательствами; истина в религии доказывается единодушием веры и святостью дел. У нас есть авторитет в Евангелии, позволяющий признать, что тот, кто мог сказать расслабленному: “Возьми постель твою и ходи”, имел право прощать грехи. Религия истинна, если она является реализацией совершенной нравственности. Дела являются доказательством веры. Допустимо спросить науку, образовало ли христианство обширное объединение людей, для которых иерархия является принципом, послушание - правилом, а милосердие - законом. Если наука ответит на основе исторических документов, что это так, но что ассоциация христиан потерпела неудачу в вопросе благотворительности, тогда я поверю ей на слово, которое признает существование благотворительности, поскольку признает, что в ней может быть недостаток. Благотворительность - это одновременно великое слово и великая вещь; это слово, которого не существовало до христианства, и то, что оно обозначает, является совокупностью религии. Разве дух милосердия не является Божественным Духом, ставшим видимым на земле? Разве этот Дух не проявил свое разумное существование в действиях, учреждениях, памятниках и бессмертных произведениях? Короче говоря, мы не понимаем, как скептик, который является человеком доброй воли, может видеть дочь святого Винсента де Поля, не желая преклонить колени и помолиться. Дух милосердия — это действительно Бог; это бессмертие души; это иерархия, послушание, прощение обид, простота и непорочность веры.

Отделившиеся секты смертельно поражены в корне, потому что при отделении им не хватало милосердия, в то время как при попытке рассуждать на основе веры им не хватало простого здравого смысла. Именно в сектах догма абсурдна, потому что она псевдоразумна. Как таковая, она должна быть научной теоремой или ничем. Итак, в религии мы знаем, что буква убивает и что только дух дает жизнь; но о каком духе идет речь, если не о милосердии? Вера, которая сдвигает горы и противостоит мученичеству, великодушие, которое дает все, красноречие, которое говорит языком людей и ангелов, — все это, говорит Святой Павел, ничто без милосердия. Он добавляет, что знание может исчезнуть, и пророчество может прекратиться, но милосердие вечно. Благотворительность и ее дела — вот реальность религии: истинный разум никогда не отрицает реальность, ибо это демонстрация того бытия, которое есть истина. Именно таким образом философия протягивает руку религии, но никогда не желая узурпировать ее владения, и при этом условии религия благословляет, поощряет и просвещает философию своим любящим великолепием. Милосердие - это таинственная связь, которая, согласно мечте греческих посвященных, должна примирить Эроса и Антероса. Это та перекладина на двери Храма Соломона, которая объединяет две колонны - *Иахин* и *Воаз*; это общая гарантия соотношения прав и обязанностей, между властью и свободой, между сильным и слабым, между народом и правительством, а также мужчиной и женщиной. Именно божественное чувство необходимо для жизни в человеческой науке; это абсолют добра, поскольку тройственный принцип Бытия-Реальности-Разума является абсолютom истины. Эти пояснения были необходимы для правильного толкования этого прекрасного символа Волхвов, поклоняющихся Спасителю в яслях. Царей трое — один белый, один рыжевато-коричневый и один черный; они предлагают золото, ладан и мирру. Примирение противоположностей выражается этой двойной триадой, и это именно то, что мы только что пытались объяснить. Христианство, как и ожидали волхвы, было, в сущности, следствием их тайной доктрины; но этот Вениамин из древнего Израиля фактом своего рождения вызвал смерть своей матери. Магия Света, магия истинного Зороастра, Мелхиседека и Авраама подошла к концу с приходом Великого Исполнителя. Отныне в мире чудес простые чудеса могли быть не более чем

скандалом, и магическая ортодоксальность была преобразована в ортодоксальность религии. Те, кто не соглашался, могли быть только *иллюминатами* и колдунами; само название Магии могло быть истолковано только в соответствии с его зловещим смыслом, и именно под этим запретом мы будем следить за ее проявлениями на протяжении веков.

Первым архиеретиком, упомянутым в преданиях Церкви, был Симон Волхв; легенда о нем воплощает множество чудес; это неотъемлемая часть нашей темы, и мы постараемся отделить ее основу от облака басен, которым она окружена. Симон был по национальности евреем и, как полагают, родился в самаритянском городке Гиттон.^[120] Его учителем магии был сектант по имени Досифей, который утверждал, что он послан Богом и является Мессией, предсказанным пророками.^[121] Под его руководством Симон не только овладел искусством иллюзии, но и некоторыми природными секретами, которые на самом деле принадлежат традиции волхвов. Он владел наукой об Астральном Огне и мог привлекать его мощные потоки, заставляя себя казаться бесстрастным и негорючим. Он также обладал способностью подниматься и оставаться в воздухе. Подвиги такого рода часто совершались в отсутствие науки и, так сказать, случайно энтузиастами, опьяненными Астральным Светом, как, например, конвульсионеры Сен-Медара; и феномены повторяются в наши дни в медиумическом состоянии. Саймон магнетизировал на расстоянии тех, кто верил в него, и являлся им под разными личинами. Он создавал образы и видимые отражения — *например*, каждый в определенном случае думал, что видит фантастические деревья в голой местности. Более того, предметы, которые обычно являются неодушевленными, передвигались поблизости от него, как сейчас передвигают мебель в атмосфере Дома американца; и, наконец, когда он намеревался войти в дом или выйти из него, двери скрипели, тряслись и в конце концов открывались сами по себе.

Симон творил эти чудеса перед главным народом Самарии, и поскольку его действительные достижения со временем были преувеличены, чудотворца приняли за божественное существо. Случилось также так, что, поскольку он был обязан своей силой состояниям возбуждения, нарушающим рассудок, он стал считать себя настолько исключительным существом, что без колебаний претендовал на божественные почести и скромно мечтал узурпировать поклонение всего мира. Его кризисы или экстазы приводили к экстраординарным физическим результатам. Иногда он казался бледным, иссохшим, сломленным, как старик на пороге смерти; иногда светящаяся жидкость оживляла его кровь, так что его глаза сияли, кожа становилась гладкой и нежной, и он внезапно казался обновленным. Жители востока обладают огромной способностью к преумножению чудес; они утверждали, что видели, как Саймон переходил из детства в дряхлость и снова по своей воле возвращался из дряхлости в детство. О Его чудесах заговорили повсюду, пока он не стал кумиром не только еврейской Самарии, но и соседних стран.

Однако поклонники чудес, как правило, жаждут новых эмоций, и они не преминули устать от того, что поначалу их удивляло. Апостол святой Филипп прибыл в Самарию, чтобы проповедовать там Евангелие, и таким образом начался новый поток энтузиазма, в результате чего Симон потерял весь свой престиж. Более того, он сознавал, что его ненормальные состояния прекратились, как он думал, из-за потери силы; он верил, что его превзошли маги, более образованные, чем он сам, и курс, который он избрал, состоял в том, чтобы присоединиться к апостолам в надежде изучить, раскрыть или купить их секрет.

Саймон, конечно, не был посвященным в Трансцендентальную Магию, которая сказала бы ему, что мудрость и святость необходимы тем, кто хочет управлять тайными силами Природы, не будучи при этом сломленным; что играть с таким ужасным оружием, не понимая его, было бы поступком глупца; и что быстрая и ужасная смерть ожидает тех, кто оскверняет Святилище Природы. Саймона снедала неутолимая жажда, как у пьяницы; прекращение его экстаза означало потерю всего его счастья, и, заболев от прошлых излишеств, он думал восстановить здоровье в новом опьянении. Человек не по своей воле возвращается в состояние простого смертного после того, как выдал себя за бога. Поэтому, чтобы вернуть то, что он потерял, Симон подчинился всем суровостям апостольского аскетизма; он бодрствовал, он молился, он постился, но чудеса не возвращались. Затем он подумал, что между евреями, возможно, можно было бы достичь взаимопонимания, и предложил деньги святому Петру. Глава апостолов с негодованием прогнал его; и тот, кто так охотно принимал пожертвования своих учеников, теперь был на исходе своих средств; он немедленно покинул общество людей, проявивших такое бескорыстие, и на деньги, которыми пренебрег святой Петр, купил рабыню по имени Елена.^[122]

Мистические причуды всегда сродни разврату. Симон страстно влюбился в своего слугу; эта страсть, одновременно ослабляющая и возвышающая, восстановила его каталептические состояния и болезненные явления, которые он называл своим даром чудес. Мифология, полная волшебных воспоминаний в сочетании с эротическими снами, возникла в его мозгу во всеоружии; он совершал паломничества подобно апостолам, неся с собой Елену, догматизируя и являя себя тем, кто был готов поклоняться и, несомненно, также платить ему.

Согласно Симону, первое проявление Бога произошло посредством совершенного великолепия, которое немедленно вызвало его отражение. Он сам был этим солнцем душ, а отражением была Елена, которую он называл Селеной, что в переводе с греческого означает луну. Итак, луна Симона зашла в начале веков на той земле, которую маг нарисовал в своих вечных снах. Там она стала матерью, оплодотворенной мыслью о его солнце, и она произвела на свет ангелов, которых вырастила сама, не говоря о них их отцу. Ангелы восстали против нее и заточили в смертное тело. Именно тогда великолепие Божье было вынуждено в свою очередь снизойти, чтобы искупить Елену, и так еврей Симон проявился на земле. Там он должен был победить смерть и пронести свою Елену по воздуху, сопровождаемый торжествующим хором избранных, в то время как остальное человечество было оставлено на земле вечной тирании ангелов. Таким образом, архиеретик, подражая христианству, но в обратном смысле, утверждал вечное правление мятежа и зла, представлял мир созданным или, по крайней мере, завершаемым демонами, разрушал порядок и иерархию, чтобы наедине со своей наложницей изображать путь, истину и жизнь. Здесь было учение об Антихристе, и ему не суждено было погибнуть вместе с Симоном, ибо оно сохранилось до наших дней. Действительно, пророческие традиции христианства говорят о его временном правлении и грядущем триумфе как о предвестнике самых ужасных бедствий. Симон претендовал на титул святого, и, по любопытному совпадению, главу современной гностической секты, которая напоминает весь чувственный мистицизм первого архиеретика - изобретателя "свободной женщины", — также зовут Сен-Симон. Каинизм - это название, которое можно было бы дать всем ложным откровениям, исходящим из этого нечистого источника. Это догмы проклятия и ненависти против всеобщей гармонии и общественного порядка; это беспорядочные страсти, утверждающие распущенность вместо долга, чувственная любовь вместо целомудренной и

преданной любви, проститутка вместо матери и Елена, наложница Симона, вместо Марии, матери Спасителя.

Симон приобрел дурную славу и отправился в Рим, где император, привлеченный всеми необычайными зрелищами, был расположен приветствовать его: этим императором был Нерон. Просвещенный еврей поразил коронованного шута трюком, который является обычным в жонглерстве. Он был обезглавлен, но затем отсалютовал императору, и его голова вернулась на плечи. Он заставлял мебель передвигаться и двери открываться; одним словом, он действовал как настоящий медиум и стал обычным колдуном на оргиях Нерона и пирах Тримальциона. Согласно создателям легенд, именно для того, чтобы спасти евреев Рима от учения Симона, сам святой Петр посетил эту столицу мира. Нерону с помощью своих низших шпионов быстро сообщили, что новый творец израильских чудес прибыл, чтобы сразиться с его собственным чародеем, и он решил собрать их вместе для своего развлечения. Возможно, на этом пиршестве присутствовали Петроний и Тигеллин.[\[123\]](#)

“Да пребудет с вами мир”, - сказал князь апостолов, входя. “Мы не имеем никакого отношения к вашему миру”, - ответил Симон. “Истина открывается на войне. Мир между противниками - это победа одного и поражение другого”.

ДИСПУТ МЕЖДУ СИМОНОМ ВОЛХВОМ И СВ. ПЕТРОМ И ПАВЛОМ

Святой Петр ответил: “Почему ты отвергаешь мир? Пороки людей породили войну, но мир всегда пребывает с добродетелью”.

“Добродетель - это сила и умение, ” сказал Саймон. “Что касается меня, то я смотрю в огонь, я поднимаюсь в воздух, я восстанавливаю растения, я превращаю камни в хлеб; а вы, что вы делаете?”

“Я молюсь за тебя, - сказал святой Петр, - чтобы ты не погиб жертвой своих чар”.

“Придержите свои молитвы; они не вознесутся на небеса так быстро, как я”.

И вот волшебник проходит мимо окна и поднимается в воздух снаружи. Было ли это достигнуто с помощью какого-то аэростатического аппарата, скрытого под его длинными одеждами, или же он был поднят, подобно конвульсивным парижским Диаконам, вследствие экзальтации Астрального Света, мы не можем сказать; но во время этого явления святой Петр молился на коленях, и Симон внезапно упал с громким криком, чтобы его подняли с переломанными бедрами. Нерон заключил в тюрьму святого Петра, который казался гораздо менее занимательным волшебником, чем Симон; последний умер от своего падения. Вся эта история, относящаяся к популярным слухам того периода, в настоящее время отнесена, хотя, возможно, и ошибочно, к области апокрифических легенд.^[124] На этот счет она не менее примечательна и не менее достойна сохранения.

Секта Симона не покончила с ним самим, и его преемником стал один из его учеников по имени Менандр.^[125] Он не выдавал себя за бога, довольствуясь ролью пророка; но когда он крестил прозелитов, видимый огонь сошел на воду. Он также обещал бессмертие души и тела в результате этого магического погружения, и во времена святого Иустина все еще были последователи Менандра, которые твердо верили в свое бессмертие. Смерти, произошедшие среди них, ни в коей мере не разуверили остальных, ибо те, кто умер, были немедленно отлучены от церкви на том основании, что они были ложными братьями. Для этих верующих смерть была фактическим отступничеством, и их бессмертные ряды пополнились за счет привлечения новых прозелитов. Те, кто понимает масштабы человеческой глупости, не удивятся, услышав, что в нынешнем, 1858 году, в Америке и Франции существует фанатичная секта, продолжающая секту Менандра.^[126]

Квалификация мага, добавленная к имени Симона, сделала магию предметом ужаса для христиан; но из-за этого они не перестали чтить память царей-волхвов, которые поклонялись Спасителю в Его колыбели.

ГЛАВА III ДЬЯВОЛ

Своей четкой формулировкой концепций, касающихся Божественного, христианство приводит нас к пониманию Бога как самой абсолютной и чистейшей любви, в то время как оно не менее четко определяет дух, противостоящий Богу, дух бунта и ненависти: его воплощением является

сатана. Но этот дух не является личностью, и его не следует рассматривать как своего рода черного бога: это извращенность, общая для всех внеземных разумов. “Имя мне легион, - говорит сатана в Евангелии, “ ибо нас много”. Рождение разума можно сравнить с Утренней Звездой, и после того, как она засияет на мгновение, если она сама по себе упадет в пустоту тьмы, мы можем применить к ней тот апостроф, который был произнесен Исайей царю Вавилона: “Как ты упал с небес, о Люцифер, Сын Зари?” Но означает ли это, что небесный Люцифер, Утренняя Звезда разума, был превращен в разновидность ада? Может ли имя Светоносца быть справедливо применено к ангелу прегрешения и тьмы? Мы не думаем, особенно если это понимать, как понимаем мы, те, у кого за спиной магическая традиция, что ад, олицетворяемый сатаной и символизируемый древним змеем, — это тот центральный огонь, который охватывает землю, поглощая все, что она производит, и пожирая свой собственный хвост, подобно змею Кроноса, — одним словом, тот Астральный Свет, о котором Всемогущий говорил Каину, когда Он сказал: “Если ты творишь зло, грех сразу же окажется у твоих врат”, то есть беспорядок овладеет всеми твоими чувствами; “но тебе Я подчинил себе похоть смерти, и тебе надлежит управлять ею”.^[127]

Царственная и почти божественная персонификация сатаны - это грубая ошибка, восходящая к ложному Зороастру или, иначе, к изощренной доктрине более поздних материалистических магов Персии; именно они представляли два полюса интеллектуального мира как божества, создавая божественность из пассивной силы в отличие от той силы, которая активна. Мы указывали, что такая же серьезная ошибка была допущена индийской мифологией. Ариман или Шива - отец демона, как последнего понимают суеверные создатели легенд, и поэтому наш Спаситель сказал: “Дьявол - лжец, как и его отец”. По этому вопросу Церковь остается довольной евангельскими текстами и не публиковала никаких догматических решений, имея в качестве объекта определение дьявола. Добрые христиане избегают даже называть его по имени, в то время как религиозные моралисты рекомендуют верующим не беспокоиться о нем, стремясь противостоять его искусству, думая только о Боге. Мы не можем не восхищаться этой мудрой сдержанностью со стороны священнического учения. В самом деле, почему свет учения должен отражаться на том, кто является интеллектуальной мраком и самой темной ночью сердца? Пусть дух, который отвлекает нас от познания Бога, остается неизвестным нам. Несомненно, в наши намерения не входит выполнять то, что Церковь пропустила; мы подтверждаем по этому предмету только тайное обучение посвященных оккультным наукам. Они сказали, что Великий Магический Агент, точно названный Люцифером, потому что он является проводником света и вместилищем всех форм, является посреднической силой, рассеянной по всему творению; что он служит для созидания и разрушения; что грехопадение Адама было эротическим опьянением, сделавшим его расу подверженной этому роковому свету; что всякая любовная страсть, которая овладевает чувствами, является водоворотом этого света, стремящегося затянуть нас в пропасть смерти; что безумие, галлюцинации, видения, экстазы представляют собой чрезвычайно опасную экзальтацию этого внутреннего фосфора; наконец, что грехопадение Адама было эротическим опьянением, сделавшим его расу подверженной этому роковому свету. свет, о котором идет речь, имеет природу огня, он согревает и оживляет при его разумном использовании, но в своем избытке он сжигает, растворяет и разрушает. Над этим светом человек призван, с одной стороны, принять суверенную империю, заслужив таким образом свое бессмертие, но, с другой стороны, ему угрожает его опьянение, поглощение и вечное разрушение. В своем всепожирающем, мстительном и роковом аспекте Астральный Свет может быть назван адским огнем,

легендарным змеем, в то время как мучительный грех, который изобилует в нем, слезы и скрежет зубов у абортирующих, которые он поглощает, призрак жизни, который ускользает от них и, кажется, оскорбляет их страдания, — все это можно назвать дьяволом или сатаной. К числу великолепий и дел ада можно отнести, в конечном счете, те действия, те иллюзорные образы удовольствия, богатства и славы, которые сбиты с толку головокружением от этого света.

Отец Илларион Тиссо считает определенные нервные заболевания, сопровождающиеся галлюцинациями и бредом, дьявольской одержимостью, и, понимаемый в смысле каббалистов, он, несомненно, прав. Все, что приводит нашу душу к фатальному головокружению, поистине адски, поскольку небеса - это вечное царство порядка, разума и свободы. Одержимые Евангелием бежали прочь от Иисуса Христа; оракулы замолчали в присутствии Апостолов; в то время как те, кто подвержен болезни галлюцинаций, всегда проявляли непреодолимое отвращение к посвященным и мудрецам. Приостановление действия оракулов и навязчивых идей доказало триумф человеческой свободы над фатальностью. Когда астральные болезни появляются вновь, это зловещий признак духовного истощения, и за проявлениями такого рода неизменно следуют фатальные расстройства. Беспорядки, о которых здесь говорится, продолжались до Французской революции, и фанатики Сен-Медара были пророками ее кровавых бедствий. Знаменитый криминолог Торребланка, докопавшийся до истоков дьявольской Магии, точно описывает все явления астрального возмущения, классифицируя деяния демона. Вот несколько выдержек из 15-й главы его работы по *оперативной магии*:^[128] (1) Демон постоянно пытается ввести нас в заблуждение. (2) Он вводит в заблуждение чувства, будоража воображение, хотя и не может изменить его природу. (3) Когда человеческому глазу предстают аномальные явления, воображаемое тело принимает форму в сознании, и до тех пор, пока этот фантом остается в нем, явления продолжают. (4) Демон разрушает равновесие в воображении путем нарушения жизненно важных функций, будь то из-за нарушения здоровья или реальной болезни. (5) Когда какая-нибудь болезненная причина разрушает это равновесие, а также равновесие разума, становится возможным сон наяву, и то, чего не существует, приобретает видимость реальности. (6) Ментальное восприятие образов таким образом делает зрение недостойным доверия. (7) Видения воплощаются, но это всего лишь мыслеформы. (8) Древние различали две категории болезней, одной из которых было восприятие воображаемых форм, что называлось безумием, а другой - корибантизм, или слышание голосов и других звуков, которых не существует.

Из этих заявлений, которые любопытны в нескольких отношениях, следует, что Торребланка приписывает болезнь демону, который на самом деле является самой болезнью, с чем мы должны полностью согласиться — если это разрешено догматическим авторитетом. Повторяющиеся усилия Астрального Света по разложению и поглощению сущностей являются частью его природы; его непрерывные потоки оказывают изматывающее действие, подобно воде, и он поглощает даже как огонь, ибо это сама сущность и растворяющая сила огня. Дух извращенности и любовь к разрушению, которые характеризуют тех, кем он управляет, являются инстинктами этой силы. Они также являются следствием страданий души, которая осознает незавершенность жизни и чувствует, что ее разрывает в противоположных направлениях. Душа жаждет покончить с собой, но боится умереть в одиночестве и поэтому включила бы все творение в свое разрушение. Такая астральная извращенность часто принимает форму ненависти к детям; неизвестная сила побуждает определенных субъектов

убивать их, и властные голоса, кажется, требуют их смерти. Доктор Бриер де Бумон приводит ужасные примеры этой мании, вспоминая преступления Папавуана и Генриетты Корнье.

Страдающие астральным извращением злобны и ревниво относятся к радости других; особенно враждебно они относятся к надежде, и даже предлагая утешение, они выбирают самые отчаянные и душераздирающие фигуры речи. Объяснение заключается в том, что их жизнь является синонимом страдания и что они были вовлечены в танец смерти. Более того, именно астральное извращение и жажда смерти злоупотребляют актом зарождения, приводя к его извращению или бесчестию посредством кощунственных насмешек и постыдных шуток. Непристойность - это богохульство против жизни. Каждый из этих пороков олицетворяется черным идолом или демоном, который является негативным и искаженным отражением божества, несущего жизнь: это идола смерти. Молох - это фатальность, пожирающая младенцев. Сатана и Нисрох - боги ненависти, фатальности и отчаяния. Астарта, Лилит, Нехама, Аштарот - идола разврата и абортов. Адрамелех - бог убийства, в то время как Велиал - бог вечного восстания и анархии. Таковы чудовищные концепции разума, когда он останавливается на грани исчезновения и рабски поклоняется своему разрушителю, чтобы достичь конца своих мучений, когда разрушитель поглотит его. Согласно каббалистам, истинное имя сатаны - это перевернутое имя Иеговы, поскольку сатана - это не черный бог, а отрицание Божества. Он - олицетворение атеизма и идолопоклонства. Дьявол - это не личность для посвященных, а сила, созданная с благой целью, хотя она может быть применена и ко злу: на самом деле это инструмент свободы. Они представляли эту силу, управляющую физическим зарождением, в мифологической фигуре рогатого бога Пана, и отсюда происходит козел Субботы, брат древнего змея, светоносец или фосфор, превращенный поэтами в легендарного ложного Люцифера.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ

Вечное чудо Бога - это неизменный порядок Его провидения в гармонии Природы; чудеса - это нарушения, которые можно приписать только вырождению творения. Таким образом, Божественное чудо является провиденциальной реакцией на восстановление нарушенного порядка. Когда Иисус исцелял одержимых, Он успокаивал их и приостанавливал чудеса, которые они производили; когда апостолы умилили экзальтацию прорицательниц, они положили конец гаданиям. Дух заблуждения - это дух возбуждения и подрывной деятельности; дух истины приносит спокойствие и умиротворение на своем пути. Таково было цивилизирующее влияние христианства на заре его развития; но те страсти, которые являются друзьями смуты, не без борьбы уступили ему пальму первенства в легкой победе. Умиравший политеизм черпал силы из Магии древних святилищ; мистериям Евангелия он все еще противопоставлял мистерии Элевсина. Аполлоний Тианский был возведен в ранг параллели со Спасителем мира, и Филострат взялся сочинить легенду на тему этого нового божества. После этого пришел император Юлиан, который сам был бы обожествлен, если бы копье, убившее его, также не нанесло последний удар по идолопоклонству цезарей. Вынужденное и дряхлое возрождение религии, которая была мертва в своих формах, было буквальным абортом, и Юлиан,

попытавшийся это сделать, был обречен погибнуть вместе с дряхлым потомством, которое он стремился произвести на свет.

Несмотря на это, Аполлоний и Юлиан были двумя любопытными, даже великими личностями, и их история является эпохальной в Анналах Магии. Аллегорические легенды были в моде в тот период. Те, кто были мастерами, воплощали свое учение в своей личности, а те, кто были посвященными учениками, сочиняли басни, в которых сочетались секреты посвящения. История Аполлония Филострата, слишком абсурдная, если понимать ее буквально, становится запоминающейся, когда ее символика рассматривается в соответствии с данными науки. Это своего рода языческое Евангелие, противоположное христианскому; это тайная доктрина в целом, и мы в состоянии реконструировать и объяснить ее.

В третьей книге Филострата начальная глава содержит рассказ о Гифасисе, чудесной реке, которая берет начало на определенной равнине и теряется в неприступных местах. Эта река олицетворяет магическое знание, которое просто в своих первых принципах, но трудно точно вывести в отношении конечных последствий.^[129] Филострат говорит нам в этой связи, что браки не приносят плодов, если они не освящены бальзамом из деревьев, растущих на берегах Гифасиса. Рыбы этой реки посвящены Венере; их гребень голубой, чешуя разноцветная, а хвост золотой: они могут поднимать хвост по своему желанию. В реке также водится животное, напоминающее белого червя, при тушении которого получается легко воспламеняющееся масло, которое можно хранить только в стекле. Это животное предназначено только для королевской службы, поскольку оно способно разрушать стены. Когда его смазка попадает на воздух, она воспламеняется, и тогда во всем мире нет ничего, чем можно было бы погасить пламя.

Рыбой из реки Гифасис Аполлоний обозначает универсальную конфигурацию, которая, как недавно показали магнитные эксперименты, с одной стороны синяя, с другой - золотистая, а в центре разноцветная. Белый червь - это Астральный Свет, который при сгущении тройным огнем превращается в масло, и такое масло является универсальным лекарством. Он может содержаться только в стекле, которое не является проводником для Астрального Света, поскольку его пористость незначительна. Этот секрет принадлежит королю, что означает посвященного первого порядка, поскольку он действительно связан с силой, с помощью которой могут быть разрушены города. Здесь с предельной ясностью указаны некоторые важные секреты.

В следующей главе Филострат говорит о единорогах и утверждает, что из рога этих животных можно сделать чаши для питья, которые предохраняют от всех ядов. Единственный рог символического существа олицетворяет иерархическое единство, и поэтому Филострат добавляет, ссылаясь на авторитет Дамиса, что кубки, о которых идет речь, также принадлежат исключительно царям. "Счастлив, - говорит Аполлоний, - тот, кто никогда не бывает опьянен, кроме как отпивая из такого кубка".

Дамис далее рассказывает, что Аполлоний встретился с женщиной, которая была белой от ступней до груди, но черной в верхней части. Его ученики были встревожены этим вундеркиндом, но учитель протянул ей руку, потому что знал ее. Он сказал им, что это индийская Венера, цвета которой напоминают цвета быка Аписа, обожяемого египтянами. Эта женщина-арлекин олицетворяет магическую науку, белые конечности — или созданные формы - которой открывают черную голову или ту высшую причину, которая неизвестна человеку в

целом. Но Филострат и Дамид знали, и именно под подобными эмблемами они сокрыли учение Аполлония. Секрет Великой Работы содержится в пятой-десятой главах этой третьей книги, и принятая форма символики - драконы, защищающие вход во дворец мудрых.[130] Существует три вида драконов — обитатели соответственно болот, равнин и гор. Гора - это Сера, болото - Ртуть, а равнина - Соль Философов. Драконы равнины заострены на спине, как у рыбы-пилы, что указывает на кислотную силу соли. У обитателей гор золотая чешуя и золотая борода, а звук их крадущегося движения подобен звону меди. В их голове находится камень, с помощью которого можно творить все чудеса. Они нежатся на берегах Красного моря, и их ловят с помощью красной ткани, расшитой золотыми буквами; на эти заколдованные буквы они кладут голову и засыпают, а затем их обезглавливают топором. Кто не узнает здесь Философский камень, Красный Магистериум и знаменитый режим огня, обозначенный золотыми буквами? Далее Филострат под названием "Цитадель мудрецов" описывает Атанор как холм, окруженный туманом, но открытый с южной стороны. В нем есть колодец шириной в четыре шага, из которого поднимается лазурный пар, наполненный солнечным теплом и переливающийся всеми цветами радуги. Дно лунки отшлифовано красным мышьяком. Поблизости от него находится чаша, наполненная огнем, и оттуда поднимается багровое пламя, без запаха и дыма, и никогда не поднимается выше или ниже края чаши. Есть также два резервуара из черного камня, в одном из которых хранится дождь, а в другом - ветер. Резервуар для сбора дождя открывается, когда наступает сильная засуха, и тогда появляются облака, которые поливают всю страну. Было бы трудно более точно описать Тайный Огонь философов и то, что они называют своим *Balneum Mariae*. Из этого рассказа следует, что древние алхимики использовали электричество, магнетизм и пар в своей Великой Работе.

Впоследствии Филострат говорит о самом Философском камне, который он безразлично называет Камнем и Светом. "Профанам не позволено открывать это, потому что оно исчезает, если его не использовать в соответствии с процессами Искусства. Только мудрый, посредством определенных словесных формул и ритуалов, может достичь *Пантарбы*. Так называется Камень, который ночью имеет вид огня, будучи пылающим и сверкающим, в то время как днем он ослепляет своей яркостью. Этот свет - тонкая материя восхитительной силы, ибо он привлекает все, что находится рядом с ним.[131]

Вышеупомянутое откровение, касающееся тайных доктрин Аполлония, доказывает, что Философский камень - это не что иное, как универсальный магнит, сформированный из Астрального Света, сгущенного и зафиксированного вокруг центра. Это искусственный фосфор, содержащий концентрированные свойства всего порождающего тепла, и множество аллегорий и традиций, дошедших до нас относительно него, являются свидетельствами его несомненного существования.[132]

Вся жизнь Аполлония, записанная Филостратом вслед за Дамисом Ассирийцем, представляет собой череду извинений и притч, а скрытое учение великих мастеров посвящения было написано таким образом в тот период, как уже упоминалось. Таким образом, мы знаем, почему повествование включает в себя басни, и под текстом этих басен мы должны ожидать найти и, возможно, даже попытаться понять тайное знание иерофантов.

Несмотря на свою великую науку и выдающиеся добродетели, Аполлоний не был преемником в иерархической школе магов. Его посвящения была Индия, как и его источник, и он пристрастился к изнуряющей практике брахманов; далее он проповедовал восстания и

цареубийства открыто: он был великим героем в неправильном пути. Фигура императора Юлиана кажется более поэтичной и прекрасной, чем фигура Аполлония; он сохранял на троне мира всю суровость мудреца и стремился внедрить молодые соки христианства в ослабленное тело эллинизма. Он был благородным маньяком, виновным лишь в чрезмерной преданности ассоциациям отечества и образам богов его предков. В противовес осознанию действенности христианской доктрины он призвал на помощь Черную магию и погрузился в мрачные заклинания, следуя примеру Ямвлиха и Максима Эфесского. Но боги, которых он желал воскресить в их юности и красоте, предстали перед ним холодными и дряхлыми, уклоняющимися от жизни и света и готовыми улететь под знаком креста.

Завершение было принято полностью в соответствии с уровнем эллинизма, и галилеянин победил. Юлиан умер как герой, не понося Того, кто победил, как это ложно утверждалось.^[133] Аммиан Марцеллин подробно описывает его последние минуты: это были минуты воина и философа. Проклятия христианского жречества долго отдавались эхом над его могилой; разве Спаситель, этот покровитель благородных душ, не прощал противников, менее интересных и менее великодушных, чем несчастный Юлиан?

После смерти этого императора Магия и идолопоклонство были · вовлечены в одно и то же всеобщее осуждение. В это время возникли те тайные ассоциации адептов, к которым в более поздний период тяготели гностики и манихеи. Общества, о которых идет речь, были хранителями традиции смешения ошибок и истин; но они передавали, под печатью потрясающих обещаний, Великую Тайну древнего всемогущества вместе с вечно несбывшимися надеждами исчезнувших культов и падшего духовенства.

ГЛАВА V ЛЕГЕНДЫ

Странные повествования, воплощенные в *Золотой легенде*, какими бы невероятными они ни были, несмотря ни на что, относятся к высшей христианской древности. Это скорее притчи, чем истории; стиль простой и восточный, как у Евангелий; и их традиционное существование доказывает, что разновидность мифологии была придумана для сокрытия каббалистических мистерий посвящения иоаннитов. *Золотая легенда* - это христианский талмуд, выраженный аллегориями и апологетами. При изучении с этой точки зрения, чем новее произведение, тем оно древнее, и поэтому оно приобретает реальную важность и высочайший интерес.^[134] Одно из повествований в этой Легенде, столь полной тайн, характеризует конфликт Магии и зарождающегося христианства в манере, которая в равной степени драматична и поразительна. Это как набросок к "*Мученикам*" Шатобриана и "*Фаусту*" Гете, вместе взятым.

Юстина была молодой и прелестной языческой девушкой, дочерью идольского жреца, на манер Кимодоки. Окно ее выходило во двор, выходивший на христианскую церковь, так что она ежедневно слышала чистый и запоминающийся голос дьякона, читающего вслух святое Евангелие. Незнакомые слова тронули и взволновали ее сердце настолько глубоко, что, когда однажды вечером ее мать заметила, какой серьезной она кажется, и попыталась поведать ей о своих заботах, Юстина упала к ее ногам и сказала: "Благослови меня, мать моя, или прости

меня: я христианка”. Мать заплакала и обняла ее, после чего вернулась к мужу и рассказала о том, что услышала. Той ночью во сне родителей посетил один и тот же сон. Божественный свет снизошел на них, нежный голос позвал их и сказал: “Придите ко мне, все страждущие, и я утешу вас. Придите, возлюбленные моего отца, и Я дам вам царство, которое было уготовано вам от начала мира”.

Наступило утро; отец и мать благословили свою дочь. Все трое были зачислены в число оглашенных и после обычного испытательного срока были допущены к Святому крещению. Юстина возвращалась бледная и сияющая из церкви вместе со своей матерью и престарелым отцом, когда мимо Маргариты прошли двое зловещих мужчин, закутанных в плащи, как Фауст и Мефистофель: это были Киприан-маг и его ученик Акладий. Они остановились, ослепленные появлением, но Юстина пошла дальше, не заметив их, и вернулась домой к своей семье.

Сцена теперь меняется, и мы оказываемся в лаборатории Киприана. Очерчены круги, заколотая жертва все еще трепещет у дымящейся жаровни; гений тьмы стоит в присутствии мага, говоря: “Ты звал меня; я пришел. Говори: чего ты хочешь?”— “Я люблю девственницу”.— “Соблазни ее”.— “Она христианка”.- “Осуди ее”.— “Я хотел бы обладать ею и не потерять ее: можешь ли ты помочь мне?”— “Я искушал Еву, которая была невинна и ежедневно беседовала с Самим Богом. Если твоя дева христианка, знай, что это я стал причиной распятия Иисуса Христа”.— “Поэтому ты передашь ее в мои руки”. - “Возьми эту волшебную мазь и помажь порог ее жилища: остальное касается меня”.

И вот Юстина спит в своей маленькой и простой комнате, но Киприан стоит у двери, бормоча кощунственные слова и совершая ужасные обряды. Демон подкрадывается к подушке молодой девушки и внушает сладострастные сны, полные образа Киприана, которого она, кажется, снова встречает, выходя из церкви. На этот раз, однако, она смотрит на него; она слушает, в то время как то, что он шепчет, наполняет ее сердце тревогой. Но она внезапно шевелится, просыпается и осеняет себя крестом. Демон исчезает, и соблазнитель, стоящий на страже у двери, тщетно ждет всю ночь.

На следующий день он возобновляет свои вызывания и осыпает своего адского сообщника горькими упреками. Последний признается в своей неспособности, его с позором изгоняют, а Киприан призывает демона высшего класса, который поочередно превращается в молодую девушку и прекрасного юношу, соблазняя Юстину как советами, так и ласками. Она готова уступить, но ее добрый ангел помогает ей; она присоединяет вдохновение к крестному знамению и изгоняет злого духа. Вслед за этим Киприан взывает к царю ада, и сатана прибывает собственной персоной. Он навещает Юстину со всеми бедами Иова и распространяет страшную чуму по Антиохии; оракулы, по его наущению, заявляют, что это прекратится только тогда, когда Юстина удовлетворит Венеру и любовь, которые одинаково возмущены. Юстина, однако, публично молится за людей, и чума прекращается. Сатана, в свою очередь, сбит с толку; Киприан заставляет его признать всемогущество крестного знамения и бросает ему вызов, совершая его лично. Он отрекается от Магии, становится христианином, хиротонизируется епископом и встречается с Юстиной в женском монастыре. Теперь они любят чистой и непреходящей любовью небесного милосердия; преследование постигает обоих; они вместе арестованы, преданы смерти в один и тот же день и скрепляют в груди Бога свой мистический и вечный брак.[\[135\]](#)

Согласно легенде, святой Киприан был епископом Антиохии, но церковная история гласит, что его резиденцией был Карфаген. В остальном не имеет большого значения, одинаковы ли эти личности; один принадлежит поэзии, в то время как другой - отец и мученик Церкви.

Среди старых Гримуаров сохранилась молитва, приписываемая легендарному святому Киприану, который, возможно, является святым епископом Карфагена: ее неясные и фигуральные выражения, возможно, подтверждают идею о том, что до своего обращения он был пристрастен к смертоносным практикам Черной магии. Это может быть представлено таким образом.

“Я, Киприан, слуга Господа нашего Иисуса Христа, молился Богу Отцу Всемогущему, говоря: Ты - Бог сильный, Бог мой всемогущий, пребывающий в великом свете. Ты свят и достоин хвалы, и Ты видел в прежние дни злобу раба Твоего и беззакония, в которые я был ввергнут кознями демона. Я не знал Твоего истинного имени; я проходил среди овец, и они были без пастыря. Облака не проливали росы на землю; деревья не приносили плодов, и роженицы не могли родить. Я связал и не освободил; Я связал морских рыб, и они оказались в плену; Я связал морские пути, и я охватил множество зол. Но теперь, Господь Иисус Христос, я познал Твое Святое Имя, я возлюбил Тебя, я обратился всем своим сердцем, всей своей душой и всем своим внутренним существом. Я отвернулся от множества своих грехов, чтобы ходить в Твоей любви и следовать Твоим заповедям, которые отныне являются моей верой и моей молитвой. Ты - Слово истины, единственное Слово Отца, и Я заклинаю Тебя сейчас разорвать цепь облаков и ниспослать на Твоих детей Твой чудесный дождь, подобный молоку, освободить реки и тех, кто плавает, а также тех, кто летает. Я заклинаю Тебя разорвать все цепи и устранить все препятствия силой Твоего Святого Имени”.

Древность этой молитвы очевидна, и она воплощает в себе самые замечательные реминисценции примитивных типов, принадлежащих христианскому эзотеризму первых веков нашей эры.

Определение "Золотой", данное сказочной легенде об аллегорических святых, является достаточным указанием на ее характер. Золото в глазах посвященных - это сгущенный свет; священные числа Каббалы назывались золотыми; моральные наставления Пифагора содержались в *Золотых стихах*; и по той же причине таинственный труд Апулея, в котором осел играет важную роль, называется *Золотым ослом*.

Язычники обвинили христиан в поклонении ослу, и клевета, о которой идет речь, не их собственного изобретения; она относится к евреям Самарии, которые выражали каббалистические идеи о Божестве с помощью египетских символов. Интеллект был представлен в символе магической звезды, почитаемой под именем *Ремфама*; наука была изображена эмблемой *Анубиса*, последнее имя было изменено на *Ниббаса*; в то время как вульгарная вера или легкое верие проявлялись в образе *Тартака*, бога, изображаемого с книгой, в мантии и с головой осла.^[136] Согласно самаритянским врачам, христианство было царствованием *Тартака*, или слепой веры. и вульгарная доверчивость, возведенная в ранг универсального оракула, превосходящего понимание и знания. Вот почему, общаясь с язычниками и когда они слышали, что те отождествляют их с христианами, они протестовали и умоляли не смешивать их с поклонниками ослиной головы. Мнимое откровение отвлекло

философов, и Тертуллиан упоминает римскую карикатуру, дошедшую до наших дней, на которой был изображен *Тартак* во всей его красе, идентифицированный как бог христианства, к большому удовольствию Тертуллиана, хотя он был автором этого знаменитого афоризма: *Credo quia absurdum*.^[137]

Золотой осел Апулея - оккультная легенда о *Тартаке*. Это магический эпос и сатира на христианство, которое автор, несомненно, исповедовал в течение определенного периода, или, по крайней мере, так он, по-видимому, намекает под аллегорией своего превращения в осла. История произведения такова. Апулей путешествовал по Фессалии, стране чар. Он получил гостеприимство в доме человека, жена которого была колдуньей, и он соблазнил служанку своей хозяйки, думая таким образом выведать секреты ее госпожи. Служанка пообещала доставить своему возлюбленному снадобье, с помощью которого колдунья превратила себя в птицу, но она ошиблась в шкатулке, и Апулей превратился в осла. Она могла только утешить его, сказав, что для того, чтобы вернуть ему надлежащую форму, достаточно съесть розы, поскольку роза является цветком посвящения. Трудность в данный момент заключалась в том, чтобы найти розы ночью, поэтому было решено подождать до завтра, и поэтому слуга поставил осла в конюшню, но только для того, чтобы его забрали грабители и унесли. Теперь было мало шансов наткнуться на розы, которые не предназначены для ослов, и садовники прогоняли животное палками.

Во время своего долгого и печального плена он слышал рассказы об истории Психеи, этой чудесной и символической легенде, которая была подобна душе и поэзии его собственного опыта. Психея желала заставить врасплох секреты любви, подобно тому как Апулей искал секреты Магии; она потеряла любовь, а он - человеческий облик. Она была изгнанной странницей, живущей под гнетом Венеры, а он был рабом воров. Но, пройдя через ад, Психея должна была вернуться на небеса, и боги сжалились над Луцием. Исида явилась ему во сне и пообещала, что ее жрец, предупрежденный откровением, подарит ему розы во время торжественных мероприятий ее предстоящего праздника. Наступил этот праздник, и Апулей очень подробно описывает шествие Исиды; этот рассказ ценен для науки, поскольку дает ключ к египетским мистериям. Первыми идут переодетые мужчины, несущие гротескных животных; это вульгарные басни. За ними следуют женщины, разбрасывающие цветы и несущие на плечах зеркала, в которых отражается образ великого божества. Так мужчины выходят вперед и формулируют догмы, которые женщины приукрашивают, бессознательно отражая высшие истины, в силу своих материнских инстинктов. Мужчины и женщины пришли впоследствии в компании как светоносцы; они представляли союз двух слагаемых, активных и пассивных творцов науки и жизни.^[138] Вслед за светом пришла гармония, представленная молодыми музыкантами, и, в конце концов, изображения богов, числом до трех, за которыми следовал великий иерофант, несущий вместо изображения символ великой Исиды, представляющий собой золотой шар, увенчанный Кадуцеем. Луций Апулей увидел венец из роз в руках первосвященника; он приблизился и не получил отпора; он съел розы и снова обрел человеческий облик.

Все это написано со знанием дела и перемежается эпизодами, которые теперь носят героический и снова гротескный характер, как и подобает двойной природе Люциуса и осла. Апулей был одновременно Рабле и Сведенборгом старого света на закате эпохи.

Великие мастера христианства либо не смогли, либо отказались понять мистицизм *Золотого осла*. Святой Августин в "*Граде Божьем*" самым серьезным образом спрашивает, следует ли верить, что Апулей буквально превратился в осла, и, похоже, склонен допустить такую возможность, но только как исключительное явление, из которого ничего не следует как следствие. Если это ирония с его стороны, то следует признать, что она жестока, но если это простодушие — однако святой Августин, острый ритор из Мадауры, вряд ли был склонен к простодушию.

Поистине слепыми и несчастными были те посвященные Античных Мистерий, которые высмеивали вифлеемского осла, не замечая Бога-младенца, сиявшего над мирными животными в хлеву, — Ребенка, на челе которого покоилась примиряющая звезда всего прошлого и будущего. В то время как философия, уличенная в бессилии, наносила оскорбление победоносному христианству, отцы Церкви восприняли все великолепие Платона и создали новую философию, основанную на живой реальности Божественного Слова, всегда присутствующего в Его Церкви, возрождающегося в каждом из ее членов и бессмертного в человечестве. Это была бы более гордая мечта, чем мечта Прометея, если бы в то же время это не была доктрина, состоящая исключительно из отречения и преданности, человеческая, потому что она божественна, и божественная, потому что она человеческая.

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ КАББАЛИСТИЧЕСКИЕ РИСУНКИ И СВЯЩЕННЫЕ ЭМБЛЕМЫ

Повинуясь формальному предписанию Спасителя, первобытная Церковь не подвергала свои Святейшие Тайны возможности профанации толпой. Допуск к Крещению и Евхаристии был возможен благодаря постепенным посвящениям; священные книги также хранились в тайне, их свободное изучение и, прежде всего, толкование было предоставлено священству. Более того, изображений становилось все меньше и менее откровенных по своему характеру. Чувство времени удерживало от воспроизведения фигуры Самого Христа, и рисунки в катакомбах были, по большей части, каббалистическими эмблемами. Там был Эдемский крест с четырьмя реками, куда харты приходили напиться; таинственную рыбу Ионы часто заменял двуглавый змей; человек, поднимающийся из сундука, напоминает изображения Осириса. [139] Все эти аллегории в более поздний период попали под запрет из-за гностицизма, который неправильно их применял, материализуя и принижая священные традиции каббалы.

Название "гностик" не всегда отвергалось Церковью. Те отцы церкви, чье учение было связано с традициями святого Иоанна, часто использовали этот титул для обозначения совершенного христианина. Помимо великого Синезия, который был законченным каббалистом, но придерживался сомнительной ортодоксальности, святой Ириней и святой Климент Александрийский применяли его в этом смысле. Все лжегностики восстали против иерархического порядка, стремясь нивелировать священную науку путем ее повсеместного распространения, заменить понимание видениями, иерархическую религию личным фанатизмом и особенно мистическую распушенность чувственных страстей вместо той мудрой христианской трезвости и послушания закону, которые являются матерью целомудренных браков и спасительного воздержания.

Доведение до экстаза физическими средствами и замена святости сомнамбулизмом — такова была неизменная тенденция тех каинитских сект, которые увековечили Черную магию Индии. Церковь не могла сделать ничего меньшего, чем энергично осудить их, и она не отступила от своей миссии; остается только сожалеть, что доброе зерно науки часто страдало, когда вонзали лопату и разжигали пламя на полях, заросших плевелами.

Враги поколения и семьи, лжегностики стремились обеспечить бесплодие путем усиления разврата; их претензией было одухотворить материю, но на самом деле они материализовали дух, причем самым отвратительным образом. Их теология изобилует совокуплением Эонов и сладострастными объятиями.^[140] Подобно брахманам, они поклонялись смерти под символом *лингама*; их творение было бесконечным онанизмом, а их искупление - вечным абортom.

Стремясь вырваться из иерархии с помощью чуда — как будто чудо вне иерархии доказывало что-либо, кроме беспорядка или негодяйства, гностики, начиная со времен Симона Магуса, были великими творцами чудес. Заменяв установленное богослужение нечистыми обрядами черной магии, они вызвали появление крови вместо евхаристического вина и заменили мирную и чистую вечерю Небесного Агнца людоедскими причастиями.^[141] Архиретик Маркос, ученик Валентина, отслужил мессу двумя чашами; он налил вино в меньшую, и при произнесении магической формулы большой сосуд наполнился жидкостью, похожей на кровь, которая набухла, бурля. Он не был священником, и он стремился доказать таким образом, что Бог наделил его чудесным посвящением.^[142] Он побуждал всех своих учеников совершить то же самое чудо в его присутствии. В особенности это были женщины, чей успех был параллелен его собственному, но когда впоследствии они впадали в конвульсии и изнасилование, Маркос дышал на них, передавая свою собственную манию, так что они поклялись забыть ради него и ради религии не только всякое благоразумие, но и всякую порядочность.

О таком вмешательстве женщины в священство всегда мечтали ложные гностики, ибо, уравнивая таким образом полы, они внесли анархию в семью и воздвигли камень преткновения на пути общества. Материнство - это истинное священство женщины; скромность - это ритуал у очага и связанная с ним религия. Этого гностики не смогли понять, или, скорее, они поняли это слишком хорошо, и, вводя в заблуждение священные инстинкты матери, они разрушили барьер, который стоял между ними и полной свободой для их желаний.^[143]

Печальная откровенность распутства, однако, не была даром, которым обладали не все. Напротив, монтанисты, среди других гностиков, преувеличивали мораль, чтобы сделать ее невыполнимой. Сам Монтан, чьи едкие доктрины привлекли парадоксальный и экстремистский гений Тертуллиана, вместе с Присциллой и Максимиллой, своими пророчицами, или, как мы теперь должны были бы сказать, сомнамбулами, предался всей безграничной распущенности безумия и экстаза. Естественным наказанием за подобные эксцессы было нежелание их авторов; они закончились буйным помешательством и самоубийством.

Доктрина маркосианцев была глубокой и материализованной каббалой; они мечтали, что Бог сотворил все с помощью букв алфавита; что эти буквы были множеством божественных эманаций, обладающих способностью порождать существ; что слова были всемогущими и творили чудеса практически, а также в буквальной реальности.^[144] Все это верно в определенном смысле, но не в смысле маркосианской ереси. Еретики, о которых идет речь,

дополняли реальность галлюцинациями и верили, что становились невидимыми, потому что в сомнамбулическом состоянии мысленно переносились туда, куда хотели. В случае ложных мистиков жизнь и сновидение часто настолько путаются воедино, что преобладающее состояние сна вторгается в реальность и затопляет ее: тогда это крайнее правило безумия. Естественная функция воображения - вызывать образы и формы, но в состоянии ненормальной экзальтации оно также может экстериоризировать формы, что доказано феноменами чудовищных беременностей и множеством аналогичных фактов, которые официальной науке было бы разумнее изучить, а не упрямо отрицать. Таковы беспорядочные творения, которые религия справедливо называет дьявольскими чудесами, и таковыми были творения Симона, Менандриан и Марка.

В наши дни ложный гностик по имени Винтрас, в настоящее время беженец в Лондоне, вызывает появление крови в пустых чашах и на святотатственных воинах. Затем несчастное существо впадает в экстаз, подобно Маркос, пророчествует о падении иерархии и грядущем торжестве мнимого священства, отдавшегося неограниченному общению и необузданной любви.^[145]

После протеанского пантеизма гностиков пришел дуализм Марка, сформулировавший в качестве религиозной догмы ложное посвящение, распространенное среди псевдомагов Персии. Персонафикация зла породила Бога, соперничающего с Самим Богом, Царя тьмы, как, так и Царя Света, и к этому периоду относится пагубная доктрина о вездесущности и владычестве сатаны, против которой мы выражаем наш самый энергичный протест. В этом месте мы не претендуем на отрицание или подтверждение традиции о падении ангелов, полагаясь здесь, как и во всем, что касается веры, на высшие и непогрешимые решения Святой, Католической, Апостольской и Римской Церкви. Но если предположить, что у падших ангелов был лидер до этого отступничества, то рассматриваемое событие не могло не ввергнуть их в полную анархию, сдерживаемую только непреклонной справедливостью Божьей. Отделенный от той Божественности, которая является источником всей силы, и гораздо более виновный, чем другие, мятежный князь ангелов мог быть не кем иным, как последним и самым бессильным из всех отверженных.

Но если в Природе существует сила, которая влечет тех, кто забывает Бога, к греху и смерти, то такая сила есть не что иное, как Астральный Свет, и мы не отказываемся признать ее инструментом подчинения падшим духам. Мы вернемся к этому предмету, подготовив полное объяснение, чтобы оно было понятным во всех его аспектах и всей его ортодоксальности.^[146] Раскрытие великой тайны оккультизма, осуществленное таким образом, сделает очевидной опасность вызываний, всех любопытных опытов, злоупотреблений магнетизмом, переворачивания столов и всего, что связано с чудесами и галлюцинациями.

Арий подготовил путь для манихейства своим гибридным созданием Сына Божьего, отличного от Самого Бога. Это было равносильно гипотезе дуализма Божества, неравенства в Абсолюте, неполноценности Верховной Власти, возможности конфликта между Отцом и Сыном и даже его необходимости. Эти соображения и несоответствие между терминами божественного силлогизма делают неизбежным отказ от этого понятия. Есть ли какой—либо вопрос, может ли Божественное Слово быть добрым или злым - может ли быть Богом или дьяволом? Но это была большая дилемма, связанная с добавлением дифтонга к греческому слову [греч. omousios], с

помощью которого оно было изменено на [греч. *omoiousios*]. Провозгласив Сына единосущным Отцу, Никейский Собор спас мир, хотя истина может быть осознана только теми, кто знает, что принципы в действительности составляют равновесие Вселенной.

Гностицизм, арианство, манихейство произошли из Каббалы, неправильно истолкованной. Следовательно, Церковь была права, запретив своим верующим изучать столь опасную науку; ключи от нее должны были принадлежать исключительно высшему духовенству. Тайная традиция, по-видимому, сохранялась суверенными понтификами, по крайней мере, до папства Льва III, которому приписывается оккультный ритуал, якобы подаренный им императору Карлу Великому. В нем содержатся самые секретные символы Ключей Соломона. Это небольшое произведение, которое следовало хранить в тайне, позже попало в оборот, что потребовало его осуждения Церковью, и, следовательно, оно перешло в сферу Черной магии. Он известен под названием *Энхиридион* Льва III, и у нас в распоряжении находится старинная копия, чрезвычайно редкая и любопытная.^[147]

Утрата каббалистических ключей не могла повлечь за собой утрату непогрешимости Церкви, которой всегда помогает Святой Дух, но это привело к большой неясности в толковании, когда возвышенные образы пророчества Иезекииля и Апокалипсиса святого Иоанна стали совершенно непонятными. Пусть законные преемники Святого Петра примут почтение этой книги и благословят труды своего смиреннейшего чада, который, веря, что нашел один из ключей к знанию, приходит, чтобы положить его к ногам тех, кто единственный имеет право открывать и закрывать сокровища понимания и веры.

ГЛАВА VII

ФИЛОСОФЫ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Накануне своего исчезновения школа Платона пролила великий свет в Александрии; но, одержав победу после трех столетий войны, христианство усвоило все, что было постоянным и истинным в доктринах древности. Последние противники новой религии пытались остановить прогресс живых людей, гальванизируя мумии. Пришло время, когда к соперничеству больше нельзя было относиться серьезно, и язычники александрийской школы, неохотно и бессознательно, принялись за работу над священным памятником, воздвигнутым учениками Иисуса из Назарета, чтобы противостоять всем эпохам. Аммоний Саккас, Плотин, Порфирий, Прокл - великие имена в анналах науки и добродетели; их теология была возвышенной, их доктрина нравственной, их собственные манеры - строгими. Но главной и самой трогательной фигурой той эпохи, самой яркой звездой во всем созвездии была Ипатия, дочь Теона — та девственная и образованная девушка, чей разум и добродетели привели бы ее к купели для крещения, но она приняла мученическую смерть за свободу совести, когда ее попытались затащить туда. Синезий Киренский получил образование в школе Ипатии; он стал епископом Птолемаиды и был одним из самых образованных философов, а также лучшим христианским поэтом первых веков. Именно он заметил, что простые люди всегда презирали вещи, которые легко понять, и что то, чего они требуют, - это обман. Когда было предложено присвоить ему епископский сан, он так написал в письме другу: “Ум, который тянется к мудрости и к созерцанию истины из первых рук, вынужден скрывать ее, чтобы сделать приемлемой для

толпы. Существует реальная аналогия между светом и истиной, как между нашими глазами и обычным пониманием. Внезапное появление слишком яркого света ослепляет материальный глаз, а лучи, смягченные тенью, более полезны для тех, чье зрение еще слабо. Итак, на мой взгляд, вымысел необходим людям, а правда вредна для тех, кто недостаточно силен, чтобы созерцать ее во всем ее великолепии. Следовательно, если церковные законы допускают сдержанность в суждениях и аллегоричность в способах выражения, я могу принять предлагаемое мне достоинство; другими словами, условие таково, что я останусь философом дома, хотя и буду публично произносить извинения и притчи. Что, собственно, может быть общего между вульгарной толпой и возвышенной мудростью? Истина должна храниться в секрете; толпа нуждается в наставлениях, соответствующих ее несовершенному разуму”.

Прискорбно, что Синезий пишет в таком ключе, поскольку нет ничего более невежливого, чем допускать оговорки, когда кому-то доверено публичное преподавание. В результате подобных опрометчивостей появилось распространенное в наши дни замечание о том, что религия необходима людям; вопрос в том, для каких людей, поскольку никто не потерпит включения в эту категорию, когда речь идет о понимании и морали.

Самая замечательная работа Синезия - "трактат о снах", в котором он раскрывает чистейшие каббалистические доктрины и предстает как теософ, чья экзальтация и неясный стиль заставляют подозревать его в ереси; но у него не было ни упрямства, ни фанатизма сектантов. Он умер так же, как жил, в мире Церкви, откровенно признавшись в своих сомнениях, но подчинившись иерархической власти: его духовенство и его паства не просили у него ничего лучшего. Согласно Синезию, состояние сна доказывает индивидуальность и нематериальную природу души, которая в этом состоянии создает для себя небеса, страну, дворцы, сияющие светом, или иным образом мрачные пещеры — в соответствии со своими склонностями и желаниями. Нравственный прогресс можно оценить по тенденции сновидений, ибо в них свобода воли приостановлена, в то время как фантазия полностью отдана на откуп доминирующим инстинктам. В результате возникают образы как отражение или тень мысли; предчувствия обретают телесную форму; воспоминания перемешиваются с надеждами. Книга снов исписана иногда светлыми, а иногда темными иероглифами, но могут быть установлены точные правила, по которым их можно расшифровать и прочесть. Джером Кардан написал длинный комментарий к трактату Синезия и, можно даже сказать, дополнил его словарем всех сновидений с приложенным к нему объяснением. Это целое следует полностью отличать от маленьких книжек "кольпортедж", и оно действительно претендует на серьезное место в библиотеке оккультных наук.[148]

Определенная часть критики приписывает Синезию те замечательные сочинения, которые появляются под именем Дионисия Ареопагита; в любом случае, они считаются апокрифическими и относятся к блестящему периоду александрийской школы. Они являются памятниками завоевания высшей каббалистики христианством, и они понятны только тем, кто был посвящен в нее. Главные трактаты Дионисия посвящены Божественным именам, Небесной и Церковной иерархии. Первый объясняет и упрощает все тайны раввинского богословия. Согласно автору, Бог есть бесконечный и неопределимый принцип; сам по Себе Он един и невыразим, но мы приписываем Ему имена, которые формулируют наши собственные устремления к Его божественному совершенству.[149] Сумма этих имен и их связь с числами составляют то, что является высшим в человеческой мысли; теология - это не столько наука о Боге, сколько наука о наших самых возвышенных устремлениях. Впоследствии степени

духовной иерархии устанавливаются на примитивной шкале чисел, управляемой триадой. Ангельских чинов три, и каждый чин содержит три хора. Именно по этому образцу должна быть установлена иерархия на земле, и Церковь является ее наиболее совершенным типом: в ней есть князья, епископы и, наконец, простые служители. Среди князей есть кардиналы-епископы, кардиналы-священники и кардиналы-дьяконы. Среди прелатов есть архиепископы, простые епископы и суфражисты. Среди служителей есть ректоры или викарии, простые священники и те, кто имеет диаконат. Продвижение к этой святой иерархии осуществляется по трем подготовительным ступеням: субдиаконат, второстепенные ордена и должность клерка. Функции всех соответствуют ангелам и святым; они должны прославлять тройственные Божественные Имена в каждом из Трех Лиц, потому что Нераздельная Троица почитается во всей ее полноте в каждой из Божественных Ипостасей. Это трансцендентальное богословие было богословием первобытной церкви, и, возможно, оно приписывается святому Дионисию только в силу традиции, восходящей к его и апостольским временам, подобно тому, как раввинские редакторы "*Сефер Йецира*" приписали этот текст патриарху Аврааму, потому что он воплощает традицию, передаваемую от отца к сыну в семье этого патриарха. Как бы то ни было, книги святого Дионисия драгоценны для науки; они освящают мистический брак античного посвящения с Евангелием христианства, объединяя совершенное понимание высшей философии с теологией, которая абсолютно полна и во всем безупречна.

КНИГА IV МАГИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ Т—ДАЛЕТ

ГЛАВА I МАГИЯ СРЕДИ ВАРВАРОВ

Черная магия отступила перед светом христианства, Рим был завоеван крестом, и чудеса нашли убежище в том темном круге, которым варварские провинции окружали новое римское величие. Среди большого числа экстраординарных явлений есть одно, которое было подтверждено во времена правления императора Адриана. В Траллесе, в Азии, молодая и благородная девушка по имени Филиния, родом из Коринфа и дочь Демострата и Чарито, была пленена Махатом, юношей из низкого сословия. Брак был невозможен, ибо, как уже было сказано, Филиния была знатной женщиной, к тому же единственной дочерью и богатой наследницей. Махатес был человеком из народа и держал таверну. Страсть Филинии усилилась из-за трудностей; она сбежала из отцовского дома и нашла убежище у Махатеса. Незаконный половой акт начался и продолжался в течение шести месяцев, когда девочка была обнаружена своими родителями, спасена ими и тщательно изолирована. Теперь планировались меры к тому, чтобы покинуть страну и перевезти ее в Коринф; но Филиния, заметно исхудавшая после разлуки со своим возлюбленным, была охвачена вялым расстройством, не улыбалась, не спала и отказывалась от всякой пищи. В конце концов, она умерла. Затем родители отказались от своего намерения уехать и купили хранилище, куда поместили молодую девушку, одетую в ее самые богатые одежды. Гробница находилась в ограде, принадлежащей семье, и никто не входил в нее после погребения, поскольку язычники

не молились на могилах усопших. Благородная семья так стремилась избежать скандала, что все приготовления велись втайне, и Махатес понятия не имел о том, что стало с его любовницей. Но в ночь, последовавшую за погребением, когда он собирался отойти ко сну, дверь медленно отворилась, и, выйдя вперед с лампой в руке, он увидел Филинния, великолепно одетого, но бледного, холодного и устремившего на него ужасный взгляд. Мачат выбежал ей навстречу, заключил в объятия, задал тысячу вопросов среди стольких же ласк, и они провели ночь вместе. Перед рассветом Филинния встала и исчезла, в то время как ее возлюбленный все еще был погружен в глубокий сон.

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ МАГИЯ

Теперь у девочки была старая няня, которая нежно любила ее и горько плакала из-за ее потери. Возможно, она была соучастницей ее проступка, и после похорон своего возлюбленного, будучи не в состоянии заснуть, она часто вставала по ночам в каком-то бреду и бродила по жилищу Махатес. Таким образом, через несколько дней после только что рассказанного эпизода она заметила свет в комнате молодого человека; подойдя ближе и заглянув в щель в двери, она узнала Филиннию, сидевшую рядом со своим возлюбленным, молча смотревшую на него и уступавшую его объятиям. В состоянии растерянности бедная женщина побежала обратно, чтобы разбудить мать, и рассказала о том, что она видела. Сначала это было расценено как бред провидицы, но в конце концов, убежденная ее мольбами, мать встала и отправилась в дом Махатес. Там все спали, и на стук никто не ответил. Дама заглянула в щель двери, лампа была погашена, но лунный луч освещал комнату, и мать увидела на стуле покрывало своей дочери и смогла различить двух человек, спящих в постели. Ее охватил страх, она вернулась домой вся дрожа, не осмеливаясь навестить могилу своего ребенка, и остаток ночи провела в волнении и слезах. На следующий день она разыскала жилье Махатеса и мягко расспросила его. Молодой человек признался, что Филинниум навещал его каждую ночь. “Почему ты отказываешь мне в ней?” - спросил он мать. “Мы обручены перед богами”. Затем, открыв сундук, он показал Чарито кольцо и пояс ее дочери, добавив: “Она подарила мне их прошлой ночью, пообещав, что я никогда не буду принадлежать никому, кроме нее; поэтому не пытайся больше разлучать нас, поскольку мы связаны взаимным обещанием”.

“Значит, ты, в свою очередь, пойдешь на могилу искать ее?” - спросила мать. “Филинниум мертва уже четыре дня, и, несомненно, это колдунья или стриж, принявший ее облик, чтобы обмануть тебя. Ты - супруга смерти, твои волосы побелеют завтра, а послезавтра тебя тоже похоронят. Таким образом боги мстят за честь оскорбленной семьи”.

Мачат побледнел и задрожал от этих слов; он сам начал опасаться, что стал объектом игры адских сил; он умолял Чарито привести ее мужа в тот вечер, когда он спрячет их возле своей комнаты и во время прибытия призрака подаст сигнал, чтобы предупредить их об этом факте. Они пришли, и в назначенный час пришел также Филинний к Махатесу, который был в постели, но полностью одетый и только притворялся спящим. Девушка разделась и легла рядом с ним; Мачат подал сигнал; вошли родители с факелами и испустили громкий крик, узнав свою дочь. Филинния с побледневшим лицом поднялась с постели во весь рост и сказала глухим и ужасным голосом: “О мой отец и мать, почему вы завидовали моему счастью и почему преследовали меня даже за пределами могилы? Моя любовь подчинила себе адских богов; власть смерти была приостановлена; всего три дня, и я был бы возвращен к жизни. Но твое жестокое любопытство сводит на нет чудо Природы; ты убиваешь меня во второй раз”.

После этих слов она безвольной массой откинулась на кровать; лицо ее поблекло; трупный запах наполнил комнату; и теперь там не было ничего, кроме обезображенных останков девушки, которая была мертва уже пять дней. На следующее утро весь город был в волнении из-за этого вундеркинда. Люди толпились в амфитеатре, где публично рассказывалась история, а затем толпа посетила погребальный склеп Филинниума. Не было никаких признаков ее присутствия, но они наткнулись на железное кольцо и позолоченную чашу, которые она получила в подарок от Мачат. Труп находился в комнате таверны, но молодой человек исчез. Они проконсультировались с прорицателями, и те распорядились, чтобы останки были

захоронены за пределами города. Приносились жертвы Фуриям и земному Меркурию; вызывались небесные *гивы*, и были подношения Юпитеру Госпитальному.

Флегонт, вольноотпущенник Адриана, который был непосредственным свидетелем этих фактов и рассказывает о них в частном письме, добавляет, что ему пришлось воспользоваться своей властью, чтобы успокоить место, взбудораженное столь экстраординарным событием, и заканчивает свой рассказ следующими словами: “Если вы сочтете нужным сообщить императору, дайте мне знать, чтобы я мог прислать кого-нибудь из тех, кто был свидетелем этих событий”. Таким образом, история Филинния хорошо достоверна. Великий немецкий поэт [150] сделал это темой баллады, которую все знают под названием “*Коринфская невеста*”. Он предполагает, что родители девушки были христианами, и это дает ему возможность провести мощный поэтический контраст между человеческими страстями и обязанностями религии. Средневековые демонографы не преминули объяснить воскрешение или, возможно, кажущуюся смерть молодой гречанки дьявольской одержимостью. Со своей стороны, мы признаем истерическую кому, сопровождавшуюся осознанным сомнамбулизмом; отец и мать Филинниум убили ее своим грубым пробуждением, и общественное воображение преувеличило все обстоятельства этой истории. [151]

Земной Меркурий, которому прорицатели назначали жертвоприношения, есть не что иное, как олицетворенный Астральный Свет. Это текущий гений земли, фатальный для тех, кто пробуждает его, не зная, как направить; это средоточие физической жизни и намагниченное вместилище смерти. Эта слепая сила, которую власть христианства заковала в цепи и низвергла в бездну, то есть в центр земли, сделала свои последние усилия и проявила свои последние конвульсии чудовищными рождениями среди варваров. Едва ли найдется район, в котором проповедникам Евангелия не приходилось бы бороться с животными в отвратительных формах, являющимися воплощениями идолопоклонства в его предсмертной агонии. *Вуивры, грауйи, горгульи, тараски* не только аллегоричны; несомненно, что моральные расстройства приводят к физическим уродствам и в какой-то степени воплощают ужасные формы, приписываемые традицией демонам. Возникает вопрос, действительно ли эти ископаемые останки, из которых Кювье создал своих гигантских чудовищ, принадлежат во всех случаях эпохам, предшествовавшим нашему сотворению. Также является ли этот великий дракон всего лишь аллегорией, которую Регулус изображает атакующей с помощью боевых машин и которая, согласно Ливию и Плинию, жила на берегах реки Баграда? Его шкура, длина которой составляла 120 футов, была отправлена в Рим и хранилась там до периода войны с Нуманцией. Существовала древняя традиция, согласно которой, когда боги были разгневаны экстраординарными преступлениями, они посылали на землю чудовищ, и эта традиция слишком универсальна, чтобы не основываться на реальных фактах; отсюда следует, что рассказы об этом чаще принадлежат истории, чем мифологии.

Во всех памятниках варварских рас той эпохи, когда христианство завоевало их с целью их цивилизации, мы находим (а) последние следы высокого магического посвящения, ранее распространенного по всему миру, и (б) доказательства вырождения, постигшего такое примитивное откровение, вместе с идолопоклоннической мерзостью, в которую впал символизм старого света. Вместо учеников Волхвов повсюду царили прорицатели, колдуны и чародейки; Бог был забыт в обожествлении людей. Пример был подан Римом своим различным провинциям, и апофеоз Цезарей познакомил весь мир с религией кровавых божеств. Под именем Ирминсула германцы поклонялись и приносили человеческие жертвы тому Арминию

или Германи, который заставил Августа оплакивать потерянные легионы Вара. Галлы приписывали Бренну атрибуты Тараниса и Тевтаса, сжигая в его честь колоссы, построенные из тростника и наполненные римлянами. Повсюду царил материализм, синонимом которого было идолопоклонство, а также суеверие, которое всегда жестоко, потому что оно всегда низменно.

Провидение, предопределившее Галлии стать самой христианской землей Франции, однако, засияло в ней светом вечных истин. Первоначальные друиды были истинными детьми магов, их посвящение происходило из Египта и Халдеи, или, другими словами, из чистейших источников примитивной каббалы.[152] Они поклонялись Троице под именами Исида или Илесус, олицетворяющими высшую гармонию; Белен или Бел, что на ассирийском означает Господь и соответствует имени Адонай; Камул или Камаэль, имя, олицетворяющее божественную справедливость в Каббале.[153] Под этим треугольником света они постулировали божественное отражение, также состоящее из трех персонифицированных эманаций, являющихся: Тевтасом или Теутом, идентичным египетскому Тоту, и Словом, или сформулированным Разумом; затем Силой и Красотой, названия которых варьировались подобно эмблемам. Наконец, они завершили священную семерку таинственным изображением, представляющим прогресс догмы и ее грядущее развитие. Фигура изображала молодую девушку в вуали с младенцем на руках; они посвятили этот символ деве, которая родит ребенка.[154]

Древние друиды жили в строгом воздержании, хранили глубочайшую тайну относительно своих мистерий, изучали естественные науки и допускали новых адептов только после длительных посвящений. В Отене находился знаменитый колледж друидов, и, по словам Сен-Фуа, его герб до сих пор сохранился в этом городе. Они лазурные, с серебряными змеями, увенчанные омелой, украшенной верхними желудями, чтобы отличать ее от другой омелы, поскольку это дуб, а не омела, на которой естественным образом растут желуди. Омела - растение-паразит, у которого есть особые плоды.[155]

Друиды не строили храмов, но совершали обряды своей религии на дольменах и в лесах. Механические средства, с помощью которых они воздвигали такие колоссальные камни для своих алтарей, до сих пор являются предметом спекуляций. Эти сооружения, темные и таинственные, все еще можно увидеть под облачным небом Арморики. У старых святилищ были тайны, которые до нас не дошли. Друиды учили, что души предков присматривают за детьми; что они были счастливы своей славой и страдали от своего позора; что защита гениев затмевала деревья и камни отечества; что воин, погибший за свою страну, искупал все свои проступки, достойно выполняя свою задачу, возводился в ранг гения и отныне пользовался властью богов. Из этого следовало, что для галлов патриотизм сам по себе был религией; женщины и даже дети носили оружие, если это было необходимо, чтобы противостоять вторжению. Жанна д'Арк и Жанна Ашетт из Бове всего лишь продолжили традиции этих благородных дочерей галлов. Это магия воспоминаний, которая прилепляется к почве отечества.

Друиды были жрецами и врачами, лечившими с помощью магнетизма и заряжавшими амулеты своим жидкостным воздействием. Их универсальными лекарствами были омела и змеиные яйца, потому что эти вещества особым образом притягивают Астральный Свет.[156] Торжественность, с которой была срезана омела, привлекла к этому растению всеобщее

доверие и придала ему мощный магнетизм. Таким образом получилось, что он оказывал чудесное исцеляющее действие, прежде всего, когда друиды укрепляли его заклинаниями и чарами. Давайте не будем обвинять наших предков в чрезмерной доверчивости; возможно, они знали то, что потеряно для нас. Прогресс магнетизма когда-нибудь откроет нам поглощающие свойства омелы; тогда мы поймем секрет тех губчатых наростов, которые извлекают неиспользованные свойства растений и насыщаются настойками и ароматами. Грибы, трюфели, желчь на деревьях и различные виды омелы будут с пониманием использоваться медицинской наукой, которая будет новой, потому что она старая. Мы перестанем высмеивать Парацельса, который собирал мох (*usnea*) с черепов повешенных; но нельзя двигаться быстрее науки, которая отстывает, чтобы продвинуться дальше.

ГЛАВА II

ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН

Возложив на женщину суровые и нежные обязанности материнства, Провидение дало ей право на защиту и уважение мужчины. Подчиненная самой природой последствиям привязанностей, составляющих ее жизнь, она ведет своих хозяев в цепях, которые дает любовь, и чем полнее она соответствует законам, которые составляют и также защищают ее честь, тем больше ее влияние и тем глубже уважение, которое принадлежит ей в святилище семьи. Бунтовать для нее - значит отречься от престола, а соблазнять ее мнимой эмансипацией - значит рекомендовать ей развод, заранее обрекая ее на бесплодие и презрение. Только христианство обладает силой освободить женщину, призывая ее к девственности и славе самопожертвования. Нума предвидел эту тайну, когда учредил орден весталок; но друиды опередили христианство, прислушавшись к вдохновению девственниц и воздавая почти божественные почести жрицам острова Сайн.

В Галлии женщины одерживали верх не своим кокетством и пороками, но они правили своими советами; без их согласия не было ни мира, ни войны; таким образом, матери защищали интересы домашнего очага и семьи, и национальная гордость сияла в свете справедливости, когда ее смягчала материнская любовь к родине.

Шатобриан оклеветал Велледу, представив ее уступившей любви Эвдора; она жила и умерла девственницей. Когда римляне вторглись в Галлию, она была уже преклонных лет и была разновидностью *лифи*, которая пророчествовала среди великих торжеств и чьи оракулы хранились с благоговением. Она была одета в длинное черное одеяние без рукавов; ее голова была покрыта белой вуалью, спускавшейся до пят; на ней была вербеновая корона, а за поясом висел серп; ее скипетр был в форме прялки; ее правая нога была обута в сандалию, а на левой было что-то вроде *пуленепробиваемой* обуви. В более поздний период статуи Велледы были приняты за статуи Берты из *гран-пье*. Верховная жрица действительно носила знаки божества-покровительницы женщин-друидов; это была Герта, или Верта, юная галльская Исида, Царица Небес, девственница, которая должна родить ребенка. Она была изображена стоящей одной ногой на земле, а другой на воде, потому что она была царицей посвящения и руководила вселенской наукой. Нога, ступающая по воде, обычно опиралась на корабль, аналогичный коре или раковине древней Икиды. Она держала прялку Судеб, обмотанную нитью, наполовину

черной, наполовину белой, потому что она руководила всеми формами и символами, и именно она соткала облачение идей. Ей также придали аллегорическую форму сирены, наполовину женщины-наполовину рыбы, или туловища прекрасной девушки, ноги которой были змеями, что означало поток вещей и аналогичный союз противоположностей в проявлении всех оккультных сил Природы. Под этой последней формой Герта взяла имя Мелузина или Melosina, музыкантша, певица, то есть сирена, раскрывающая гармонию. Таково происхождение легенд о королеве Берте и фее Мелузине. Последняя, как говорят, пришла в одиннадцатом веке к сеньору Лузиньяну; он любил ее, и их бракосочетание состоялось при условии, что он не стремился проникнуть в некоторые тайны ее существования. Это обещание было дано, но ревность породила любопытство и привела к лжесвидетельству. Он подглядывал за Мелузиной и застал ее врасплох одной из ее метаморфоз, ибо раз в неделю фея вновь обретала свои змеиные ножки. Он издал крик, на который ответил другой, гораздо более отчаянный и ужасный. Мелузина исчезла, но все еще возвращается, причитая всякий раз, когда член дома Лузиньянов находится при смерти.^[157] Легенда заимствована из басни о Психее и, подобным образом, указывает на опасность святотатственных посвящений или профанации тайн религии и любви; она заимствована из традиций древних бардов и, очевидно, восходит к ученой школе друидов. Одиннадцатый век завладел им и придал ему известность, но он существовал из далекого прошлого.^[158]

Во Франции, по-видимому, вдохновение приписывалось в большей степени женщинам; эльфы и феи предшествовали святым, и французские святые почти всегда имеют что-то от сказочного персонажа в своих легендах. Святая Клотильда сделала нас христианами, а святая Женевьева сохранила нас французами, отразив — силой своей добродетели и своей веры — угрожающее вторжение Атилы. Жанна д'Арк, однако, скорее принадлежит к семейству фей, чем к иерархии святых женщин; она умерла подобно Ипатии, став жертвой чудесных природных дарований и мученицей своего великодушного характера. Мы поговорим о ней позже. Святая Клотильда до сих пор творит чудеса в сельской местности. В Анделисе мы видели толпу паломников, столпившихся вокруг *писцины*, в которую ежегодно погружают статую святого, и, согласно распространенному поверью, первый заболевший, который впоследствии опускается в воду, сразу же исцеляется. Клотильда была женщиной действия и великой королевой, но она пережила много горестей. Ее старший сын умер после крещения, и смертельный исход был приписан колдовству; второй заболел и был на грани смерти. Стойкость святого не дрогнула, и однажды Сикамбр, нуждаясь в большем, чем человеческое мужество, вспомнил о Боге Клотильды. Она овдовела после обращения в христианство и практически основания великого королевства, и она видела, как двух детей Клодомира зарезали практически у нее на глазах. В таких скорбях земные королевы похожи на царицу Небесную.^[159]

После великой и блистательной фигуры Клотильды история представляет нам отвратительное дополнение к зловещей личности Фредегонды, женщины, чей взгляд был колдовским, волшебницы, убивавшей принцев. Она обвинила своих соперниц в Колдовстве и приговорила их к пыткам, которых заслуживала только она. У Хильперика остался один сын от его первой жены; этот молодой принц, которого звали Хлодвиг, был привязан к дочери местного народа, мать которой считалась колдуньей. Мать и дочь были обвинены в том, что они нарушили разум Хлодвигу с помощью зелья и убили двух детей Фредегонды с помощью магических заклинаний. Несчастные женщины были арестованы; дочь, Клодсвину, избили розгами, отрезали ее прекрасные волосы, и Фредегунда повесила их на двери покоев принца. Впоследствии Клодсвинте был вынесен приговор. Ее твердые и простые ответы поразили судей, и в хронике

говорится, что было предложено подвергнуть ее испытанию кипятком. Освященное кольцо помещали в ванну, поставленную над большим огнем, и обвиняемая, одетая в белое, после признания и общения должна была погрузить руку в ванну в поисках кольца. Ее изменившиеся черты лица заставили всех закричать, что произошло чудо, но раздался еще один крик, в котором были порицание и ужас, когда несчастное дитя вытянуло вперед свою страшно обожженную руку. Затем она попросила разрешения выступить и сказала своим судьям и народу: “Вы требовали от Бога чуда, чтобы подтвердить мою невиновность. Бога нельзя искушать, и Он не отменяет законы Природы в ответ на каприз людей; но Он дает силу тем, кто верит в Него, и для меня совершил большее чудо, чем то, в котором Он отказал вам. Эта вода обожгла меня, и все же я погрузила в нее всю руку и вытащила кольцо. Я не плакала, не бледнела и не дрожала под этой ужасной пыткой. Если бы я был волшебником, как вы говорите, я бы прибегнул к колдовству, чтобы меня не сожгли; но я христианин, и Бог дал мне благодать доказать это постоянством мучеников”. Такая логика была не из тех, которые были понятны в ту варварскую эпоху; Клодсвину отправили обратно в тюрьму, где она ожидала казни; но Бог сжалился над ней, и хроника, из которой взят этот отчет, говорит, что Он призвал ее к Себе. Если это всего лишь легенда, то следует признать, что она прекрасна и заслуживает того, чтобы ее сохранили в памяти.

Фредегонда потеряла одну из своих жертв, но не двух других. Мать подвергли пыткам, и, преодолевая свои страдания, она призналась во всем, что требовалось, включая вину своей дочери и соучастие Хлодвиг. Вооруженная этими признаниями, Фредегонда добилась выдачи своего сына свирепому Хильперiku. Молодой принц был арестован и зарезан в тюрьме, Фредегонда заявила, что он избежал угрызений совести, совершив самоубийство. Труп несчастного Хлодвиг был показан его отцу с кинжалом, все еще торчавшим из раны. Хильперик холодно наблюдал за происходящим; он был полностью во власти Фредегонды, которая обесчестила его бесстыдством среди дворцовых офицеров, так мало потрудившись скрыть это, что доказательства были у него перед глазами, почти помимо его воли. Вместо того чтобы убить королеву и ее сообщника, он молча отправился на охоту. Он мог бы прийти к выводу, что потерпит оскорбление из-за боязни вызвать неудовольствие Фредегонды, но последняя устыдилась его и оказала ему честь, поверив в его гнев, что у нее может быть предлог для его убийства. Он насытил ее преступлениями и подлостью: она убила его из отвращения.

Фредегонда, уничтожившая под предлогом колдовства женщин, единственная вина которых заключалась в том, что они вызвали ее неудовольствие, сама экспериментировала с Черной магией и защищала некоторых из тех, кого считала искусными в ней. Эйджерик, епископ Вердена, арестовал прорицательницу, которая заработала много денег, возвращая украденные предметы и опознавая воров; вероятно, она была сомнамбулой. Женщину осмотрели, но демон отказывался выходить из нее, пока она была прикована; если прорицательницу оставить в церкви без охраны и присмотра, он согласился оставить ее. Они попали в ловушку; это была сама женщина, которая ушла, чтобы укрыться у Фредегонды, которая спрятала ее во дворце и в конце концов спасла от дальнейшего изгнания бесов, а также, вероятно, и от костра. Следовательно, в этом случае она творила добро, не имея этого в виду, но скорее из-за своего удовольствия от зла.[\[160\]](#)

ГЛАВА III

САЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ ПРОТИВ КОЛДУНОВ

При правлении первых французских королей преступление, связанное с Магией, не влекло за собой смерти, за исключением лиц, занимавших высокое положение, хотя были и такие, кто гордился смертью за преступление, благодаря которому они возвышались над вульгарной толпой и становились грозными даже в глазах королей. Например, был генерал Муммол, который на дыбе по приказу Фредегонды заявил, что ничего не испытывал, который спровоцировал более страшные пытки и умер, не боясь палачей, в то время как последние были тронуты и простили его при виде такой сверхъестественной стойкости.[\[161\]](#)

Среди салических законов, предположительно принятых в 474 году и приписываемых Фарамонду Сигебертом, встречаются следующие постановления.

“Если кто—либо засвидетельствует, что другой действовал как *эребург* или *стриопорт* — титулы, применяемые к тем, кто несет медный сосуд к месту, где вампиры творят свои чары, - и если ему не удастся уличить его, он будет настоящим приговорен к штрафу в размере 7500 *денье*, что составляет 180,5 су.... Если кто-либо обвинит свободную женщину в том, что она вампир или проститутка, и не сможет доказать свои слова, он должен будет выплатить 2500 *денье*, что составляет 62½ су.... Если вампир пожрет человека и будет признан виновным, он должен выплатить 8000 *денье*, что составляет 200 су.

Будет видно, что в те времена каннибализм был возможен на определенных условиях и, более того, рыночная цена человеческого мяса не была завышена. Оклеветать человека стоило 180,5 су, но за чуть большую сумму его можно было убить и съесть, что было одновременно честнее и основательнее. Этот замечательный закон напоминает не менее любопытный талмудический отрывок, который был незабываемо истолкован знаменитым раввином Иехиэлем в присутствии некой королевы, которая не названа в книге.[\[162\]](#) Скорее всего, это была королева Бланш, поскольку рабби Иехиэль жил во времена правления Людовика Святого. Его вызвали, чтобы ответить на возражения обращенного еврея по имени Дуин, получившего при крещении христианское имя Николас. После различных обсуждений текстов Талмуда они пришли к следующему отрывку: “Если кто-нибудь предложит Молоху кровь своих детей, пусть он умрет этой смертью”. Талмуд комментирует это так: “Следовательно, тот, кто принесет в жертву не каплю одной крови, а всю кровь и плоть своих детей, не подпадает под суд закона, и против него не назначается никакого наказания”. Те, кто принимал участие в дебатах, возмущались построением, которое выходило за рамки всякого понимания: некоторые смеялись от жалости, некоторые дрожали от негодования. Рабби Иехиэлю с трудом удалось добиться слушания дела, и когда ему наконец это удалось, налицо были все признаки немилости, указывающие на то, что он был осужден заранее.

“У нас, ” сказал он, - смертная казнь является искуплением и, следовательно, примирением, а не актом мести. Все, кто умирает по закону Израиля, умирают в мире Израиля; они вкушают мир в смерти и спят со своими отцами. Никакое проклятие не сойдет с ними в могилу; они пребывают в бессмертии Дома Иакова. Следовательно, смерть - это венец благодати; это исцеление отравленной раны раскаленным железом. Но мы не применяем железо к тем, кого уже нельзя вылечить; у нас нет юрисдикции над теми, чей проступок навсегда отрезал их от

Израиля. Такие люди уже мертвы, и поэтому не нам сокращать срок их осуждения на земле: они преданы гневу Божьему. Человеку дано право наносить раны только для того, чтобы они могли исцелиться, и мы не применяем лекарства к тем, кто не может выздороветь. Отец семейства наказывает только своих детей и довольствуется тем, что закрывает дверь перед незнакомцами. Те великие преступники, которым наш закон не выносит приговора, таким образом, навечно отлучаются от церкви, что является наказанием более тяжким, чем смерть”.

Объяснение рабби Иехиэля достойно восхищения и дышит всем патриархальным гением древнего Израиля. Воистину, евреи — наши отцы в науке, и если бы мы — вместо их преследований - стремились понять их, они не были бы в наши дни так далеко отчуждены от нашей веры.

Приведенная выше талмудическая традиция показывает древность еврейской веры в бессмертие души.[163] Что такое реинтеграция виновных в семью Израиля посредством искупительной смерти, если это не протест против самой смерти и возвышенный акт веры в вечность жизни? Граф Жозеф де Местр хорошо понимал эту доктрину, когда возвел кровавую миссию палача в ранг своего рода особого священства. Мука наказания взывает, сказал этот великий писатель, и кровь в ее излиянии все еще остается жертвой. Если бы смертная казнь отличалась от полного отпущения грехов, это было бы не что иное, как возмездие за убийство; человек, вынесший свой приговор, исполняет всю свою епитимью и через смерть вступает в бессмертное общество детей Божьих.

Салические законы были законами народа, все еще находящегося в состоянии варварства, где все искупается выкупом, как во время войны. Рабство все еще существовало, и человеческая жизнь имела спорную и относительную ценность. То, что всегда можно купить, имеет право на продажу, и за уничтожение объекта, имеющего денежную цену, полагаются только деньги. Единственным эффективным законодательством того периода было законодательство Церкви, и ее советы принимали самые строгие меры против вампиров и отравителей, которые выступали под именем колдунов. Собор в Агде в Нижнем Лангедоке, состоявшийся в 506 году, отлучил их от церкви. Первый Орлеанский собор, созданный в 541 году, осудил гадательные операции; Нарбоннский собор в 589 году не только приговорил колдунов к еще большему отлучению от церкви, но и постановил продавать их в рабство в пользу бедных. Тот же совет постановил публично выпороть *любовника дьяволицы*; без сомнения, это означало тех, кто беспокоился о нем, боялся его, вызывал его и приписывал ему силу, которая в любом случае была подобна силе Бога.[164] Мы искренне поздравляем учеников господина графа де Мирвиля с тем, что они не жили в такие дни.

В то время как эти события происходили во Франции, восточный провидец был занят созданием религии, которая одновременно была империей. Был ли Магомет самозванцем или у него были галлюцинации? Для мусульман он по-прежнему пророк, а для арабских ученых Коран всегда будет шедевром. Неграмотный человек, простой погонщик верблюдов, он, несмотря ни на что, создал самый совершенный литературный памятник своей страны. Его успех мог сойти за чудо, а воинственный пыл его преемников на мгновение поставил под угрозу свободу всего мира. Но настал день, когда Азия сломалась под железной рукой Шарля Мартеля. Этот грубый солдат мало отвлекался на молитву, когда предстояло сражение; когда ему нужны были деньги, он грабил монастыри и церкви и даже продавал своим воинам церковные пособия. Поскольку священство по этим причинам не могло предположить, что его оружие было благословлено

Богом, его победы приписывались Магии. Действительно, религиозные чувства были настолько возбуждены против него, что святой Евхаристий, достопочтенный епископ Орлеанский, узнал в видении от ангела, что святые, церкви которых он осквернил, запретили ему входить на небеса и даже извлекли из могилы его тело, которое они погрузили вместе с его душой в бездну. Святой Евхаристий передал откровение Бонифацию, епископу Майнца, и Фульфваду, архикапеллану Пипина Короткого. Гробница Шарля Мартеля была вскрыта, тело оказалось пропавшим, внутренняя сторона камня почернела, словно от ожога, повалил зловонный дым, и оттуда вышла огромная змея. Подлинный отчет об открытии был отправлен Бонифацием Пипину Короткому и Карломану, которые были сыновьями Карла Мартелла, с просьбой предостеречь их ужасным примером и уважать святыни. И все же было мало этой добродетели со стороны тех, кто осквернял могилу героя, веря в сон, и приписывал разрушение, которое было полностью и быстро совершено самой смертью, работе ада.^[165]

Некоторые экстраординарные явления, происходившие публично во Франции, характеризовали правление Пипина Короткого. Воздух, казалось, был наполнен человеческими фигурами; небеса отражали иллюзорные сцены дворцов, садов, набегających волн, кораблей на всех парусах и воинств в боевом порядке. Атмосфера была похожа на великую мечту, и детали этих фантастических зрелищ были видны каждому. Было ли это эпидемией, поразившей органы зрения, или воздушным возмущением, проецирующим иллюзии в сгущенный воздух? Не было ли это, скорее всего, общим заблуждением, вызванным какими-то опьяняющими и заразными испарениями, рассеянными по атмосфере? Вероятность последнего объяснения увеличивается тем фактом, что эти видения провоцировали население, которое в своем воображении видело колдунов в облаках, разбрасывающих нездоровые порошки и яды раскрытыми руками. Страна была поражена бесплодием, скот падал, и смертность распространялась и на людей.

Эти события дали возможность распространить историю, успех и авторитет которой были пропорциональны ее экстравагантности. В то время у знаменитого каббалиста Седекиаса^[166] была школа оккультных наук, где он преподавал на самом деле не Каббалу, а занимательные спекуляции, вытекающие из нее и составляющие экзотерическую часть науки, которая всегда была скрыта от профанов. Мифологией такого рода Седекия отвлекал умы своих слушателей. Он рассказал, как Адам, первый человек, изначально созданный в почти духовном состоянии, обитал над нашей атмосферой, в свете, который по его желанию породил самую чудесную растительность. Ему прислуживали хоры прекрасных существ, созданных по подобию мужского и женского пола, одушевленными отражениями которых они были, сформированными из чистейшей субстанции стихий. Это были сильфы, саламандры, ундины и гномы; но в своем непадшем состоянии Адам правил гномами и ундинами только с помощью саламандр и сильфов, которые одни обладали силой подняться в его воздушный рай.

Ничто не могло сравниться с счастьем наших прародителей среди служителей сильфов; они были бранными духами, но обладали невероятным мастерством создавать и ткать свет, заставляя его расцветать в тысяче форм, более разнообразных, чем может представить сейчас самое блестящее и плодотворное воображение. Таким образом, земной рай, названный так потому, что он покоился в земной атмосфере, был царством волшебства. Адам и Ева спали во дворцах из жемчуга и сапфиров; розы росли вокруг них и образовывали ковер для их ног; они скользили по воде в морских раковинах, запряженных лебедями; птицы говорили с ними восхитительной музыкальной речью; цветы склонялись, чтобы приласкать их. Но все это было утрачено грехопадением, которое низвергло наших прародителей на землю, и материальные

тела, которые отныне облекали их, - это шкуры зверей, упомянутых в Библии. Они были одиноки и обнажены, где никто не подчинялся их капризу мысли. Они забыли свою жизнь в Эдеме или смотрели на нее только как на сон, увиденный через стекло памяти. Но царства рая все еще и навсегда простираются над земной атмосферой, населенные сильфами и саламандрами, которые, таким образом, являются стражами человеческих владений, подобно скорбным слугам, все еще пребывающим в доме хозяина, возвращения которого они больше не ожидают.

Эти удивительные выдумки разожгли воображение, когда воздушные видения начали проявляться при полном дневном свете. Они, несомненно, означали нисхождение сильфов и саламандр в поисках своих бывших хозяев. О путешествиях в страну сильфов говорили со всех сторон, как мы сегодня говорим об оживленных столах и флюидных проявлениях. Безумие овладело даже сильными умами, и пришло время для вмешательства со стороны Церкви, которая не одобряет, когда сверхъестественное рекламируется на улицах, видя, что подобные разоблачения, ставящие под угрозу уважение, должное авторитету и иерархической цепочке инструкций, не могут быть приписаны духу порядка и света. Поэтому облачные призраки были привлечены к ответственности и обвинены в том, что они являются порожденными адом иллюзиями, в то время как люди, стремясь заполучить что—нибудь в свои руки, начали крестовый поход против колдунов. Общественное безумие переросло в пароксизм мании; незнакомцев в сельской местности обвиняли в том, что они спустились с небес, и убивали без пощады; слабоумные признавались, что были похищены сильфидами или демонами; другие, которые хвастались подобным ранее, либо не хотели, либо не могли опровергнуть это; они были сожжены или утоплены, и, по словам Гарине, число погибших по всему королевству почти превосходит веру.^[167] Это обычная катастрофа драм, в которых первые роли играют невежество или страх.

Подобные фантастические эпидемии повторились в последующие царствования, и вся мощь Карла Великого была пущена в ход, чтобы утихомирить общественное волнение. Эдикт, впоследствии возобновленный Людовиком Благочестивым, запрещал сильфам появляться на публике под страхом самых суровых наказаний. Понятно, что в отсутствие воздушных существ суд пал на тех, кто хвастался тем, что видел их, и, следовательно, они перестали быть замеченными. Воздушные корабли отплыли обратно в порт забвения, и никто больше не утверждал, что путешествовал в голубые дали. На смену прежней мании пришли другие народные увлечения, в то время как романтическое великолепие великого правления Карла Великого дало создателям легенд новые чудеса, в которые можно поверить, и новые истории, о которых можно рассказать.

ГЛАВА IV

ЛЕГЕНДЫ О ПРАВЛЕНИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Карл Великий - настоящий повелитель чар и мира фей; его правление подобно торжественной и блистательной паузе между варварством и средневековьем; в то время как сам он - величественное привидение, напоминающее волшебное зрелище правления Соломона: он одновременно воскресение и пророчество. В нем Римская империя, перешагнувшая франкское и галльское происхождение, вновь предстала во всем своем великолепии; в нем также, как в

символе, вызванном и проявленном посредством гадания, заранее очерчена совершенная империя эпох зрелой цивилизации, империя, увенчанная священством и установившая свой трон у алтаря.

Эпоха рыцарства и чудесный романтический эпос начинаются с Карла Великого; хроники его периода подобны "*Четырем сыновьям Эймона*" или "*Оберону, королю Волшебной страны*". Птицы произносят речь и направляют французскую армию, когда тропа теряется в лесу; бронзовые колоссы появляются посреди океана и указывают императору свободный путь на восток. Роланд, первый из паладинов, владеет волшебным мечом, крещенным, как любой христианин, и носящим имя Дюрандаль; герой обращается к этому мечу, который, кажется, понимает его, и ничто не может противостоять его сверхъестественному натиску. У Роланда также есть рог из слоновой кости, сделанный так искусно, что малейшее дуновение вызывает в нем отклик, и этот отклик слышен на двадцать лиг вокруг, заставляя дрожать даже горы. Когда паладин падает при Ронсевалле, скорее разбитый, чем побежденный, даже тогда он восстает, как великан, под лавиной деревьев и катящихся камней; он трубит в свой рог, и сарацины обращаются в бегство. Карл Великий, находящийся на расстоянии более десяти лье, слышит сигнал и поспешил бы к нему на помощь, но ему мешает предатель Ганелон, продавший французскую армию варварской орде. Оказавшись брошенным, Роланд в последний раз обнимает свой Дюрандаль, а затем, собрав все свои силы, ударяет им обеими руками по горной глыбе, надеясь разбить оружие вдребезги, чтобы оно не попало в руки неверных; но сама глыба расколота, на мече даже нет зазубрин. Тут Роланд прижимает его к груди и испускает дух с таким высоким и гордым видом, что сарацины не осмеливаются приблизиться, но, все еще дрожа, направляют тучу стрел на своего завоевателя, которого больше нет. Короче говоря, Карл Великий, даровавший трон папству и получивший из его рук взамен мировую империю, является самой впечатляющей личностью в истории Франции.

Мы говорили об *Энхиридионе*— этом сложном произведении, которое сочетает в себе самые тайные символы каббалы с самыми прекрасными христианскими молитвами. Оккультная традиция[168] приписывает его создание Льву III и утверждает, что он был преподнесен этим понтификом Карлу Великому как самое ценное из всех подношений. Любой король, владевший им и знавший, как им достойно пользоваться, мог стать повелителем мира. Возможно, эту традицию нелегко отбросить в сторону.

Это предполагает (1) существование примитивного и универсального откровения, объясняющего все Тайны Природы и приводящего их в соответствие с Тайнами Благодати, примиряющего разум с верой, поскольку и те, и другие являются дочерьми Бога и согласны просвещать разум своей двойной жизнью. (2) Необходимость — которая налагается сама собой — скрывать это откровение от толпы, чтобы им не злоупотребляли те, кто его не понимает, и чтобы они не обратили против веры не только силу разума, но и саму веру, приводя к путанице в рассуждениях, которая никогда не бывает слишком понятна простолюдинам. (3) Существование тайной традиции, оставляющей знание этих тайн за верховным священством и временными хозяевами мира. (4) Постоянство определенных знаков или пантаклей, выражающих упомянутые тайны иероглифическим способом, понятным только адептам.[169]

The *Энхиридион*, с этой точки зрения, следует рассматривать как сборник аллегорических молитв, а его тайные каббалистические пантакли являются ключами к ним. Некоторые из основных фигур можно описать следующим образом. Первая, которая помещена на обложке

самого произведения, представляет собой перевернутый равносторонний треугольник, вписанный в двойной круг. Два слова, которые написаны внутри треугольника в форме креста, — это *Элохим* и *Цабаоф*, что означает Бога воинств, равновесия природных сил и гармонии чисел.[170] На трех сторонах треугольника расположены три великих имени - *Иегова*, *Адонай*, *Агла*; над именем Иеговы находится латинское слово *Formatio*; над именем Адонаи находится *Реформация*; а над *Агла* находится *Transformatio*. Таким образом, творение приписывается Отцу, искупление или реформа - Сыну, а освящение или трансмутация — Святому Духу - в соответствии с математическими законами действия, противодействия и равновесия. Более того, Иегову следует понимать как зарождение и формирование догмы в соответствии с элементарным значением четырех букв, составляющих священную Тетраграмму; *Адонай* является реализацией этой догмы в человеческой форме, то есть в проявленном Господе, который является Сыном Бога или совершенным человеком[171]; и *Агла*, как мы полностью объяснили в другом месте, выражает синтез всей догмы и всей каббалистической науки, поскольку иероглифы, из которых образовано это имя, ясно демонстрируют тройной секрет Великой Работы.[172]

Второй пантакль представляет собой голову с тремя лицами, увенчанную тиарой и выходящую из сосуда, наполненного водой. Те, кто посвящен в тайны *Зоара*[173], поймут аллегория, представленную в этой главе. Третий пантакль - это двойной треугольник, известный как Звезда Соломона. Четвертый — Магический Меч с девизом - *Deo duce, comite ferro*: это эмблема Великого Аркана и всемогущества адепта. Пятая - это проблема человеческого облика, приписываемого Спасителю, разрешенная числом сорок. Это теологическое число *Сефирот*, умноженное на число природных реальностей.[174] Шестой - это пантакль духа, представленный костями, дублирующими букву Е и мистический Тау, или Т. Седьмая и наиболее важная - Великая Магическая Монограмма, интерпретирующая ключи Соломона, Тетраграмму, знак *Лабарумаи* главное слово адепства.[175] Этот пантакль читается по его вращению по часовой стрелке и произносится как Рота, Таро или Тора. Буква А часто заменяется на этой печати цифрой 1, которая является ее эквивалентом. Рассматриваемый пантакль содержит также форму и значение четырех иероглифических эмблем мастей Таро - Жезла, Кубка, Меча и Денег. Эти элементарные иероглифы повторяются повсюду на священных памятниках Египта; в то время как Гомер также изображает их на щите Ахилла, располагая их в том же порядке, что и автор *Энхиридиона*. Доказательства этих объяснений, если бы они были представлены в настоящем месте, отвлекли бы нас от нашей непосредственной темы и, более того, потребовали бы специального исследования, которое мы надеемся предпринять и обнародовать в будущем.[176]

Магический меч или кинжал, изображенный на *Энхиридионе*, по-видимому, был особым символом Тайного трибунала, или Общества Свободных судей. Он имеет форму креста и скрыт или окутан устройством, которое его окружает. Им владеет только Бог, и тот, кто им наносит удар, ни перед кем не несет ответственности за свои действия. Как таковая, она ужасна как в своей угрозе, так и в своих привилегиях. Мы знаем, что магический кинжал поражал в темноте тех, кто был виновен, само их преступление часто оставалось неизвестным. Каковы факты, свидетельствующие об этом ужасающем правосудии? Ответ предполагает экскурс в царство теней, которое история не смогла осветить, и обращение к традициям и легендам за светом, который наука дать не может.

Свободные судьи были тайным объединением, выступавшим, но в интересах порядка и правительства, против анархических и революционных обществ, которые были тайными подобным же образом. Мы знаем, что суеверия умирают с трудом и что выродившийся друидизм пустил глубокие корни в диких землях Севера. Повторяющиеся восстания саксов свидетельствовали о фанатизме, который был (а) всегда бурным и (б) неспособным подавляться одной только моральной силой. Все побежденные формы богослужения — римское язычество, германское идолопоклонство, еврейская злоба - сговорились против победившего христианства. Происходили ночные собрания; на них заговорщики скрепляли свой союз кровью человеческих жертв; и пантеистический идол чудовищной формы с козлиными рогами председательствовал на празднествах, которые можно было бы назвать *агапе* ненависти. Одним словом, Шаббат по-прежнему праздновался в каждом лесу и глуши еще не отвоеванных провинций. Присутствовавшие на них адепты были в масках и в остальном неузнаваемы; собрания гасили огни и расходились до рассвета; виновных можно было найти повсюду, и нигде их нельзя было привлечь к ответственности. Поэтому Карл Великий решил сразиться с ними их же собственным оружием.

Более того, в те дни феодальные тираны были в союзе с сектантами против законной власти; женщины-колдуньи служили куртизанками в замках; бандиты, часто посещавшие шабаши, делили со знатью кровавую добычу, добытую в результате грабежей; феодальные суды находились в распоряжении того, кто предлагал самую высокую цену; и общественное бремя всей своей силой ложилось только на слабых и бедных. Зло в Вестфалии было в самом разгаре,^[177] и Карл Великий отправил туда верных агентов с секретной миссией.^[178] Какая бы энергия ни оставалась у угнетенных, все, кто все еще любил справедливость, будь то среди народа или среди знати, были привлечены этими эмиссарами вместе, связанными общими обещаниями и бдительностью. Объединенным таким образом посвященным они сообщили всю полноту власти, которой они обладали от самого императора, и приступили к учреждению Трибунала Свободных Судей.^[179]

Они были своего рода тайной полицией, имеющей право распоряжаться жизнью и смертью. Таинственность, окружавшая их суды, быстрота приведения их в исполнение, помогали поражать воображение людей, все еще пребывавших в варварстве. Священный Фем приобрел гигантские размеры; люди содрогались, описывая явления людей в масках, повестки, прибитые к дверям знати в самый разгар их стражи и их оргий, главарей разбойников, найденных мертвыми со страшным крестообразным кинжалом в груди и с прикрепленным к свитку отрывком из приговора Святого Фема. Трибунал применил самые фантастические формы процедуры: виновный, которого обвинили в появлении на каком-то дискредитированном перекрестке, был доставлен в собрание человеком, одетым в черное, который завязал ему глаза и молча повел его вперед. Это неизменно происходило в какой-нибудь неподходящий час ночи, поскольку приговор никогда не выносился иначе, как в полночь. Преступника отвели в огромное подземное хранилище, где его допрашивали в один голос.^[180] Обман был снят, хранилище было освещено во всю его глубину и высоту, и Свободные Судьи сидели в масках и черных одеяниях. Приговоры не всегда были смертными, поскольку те, кто судил, были знакомы с обстоятельствами преступления, хотя ничего относительно них не выяснилось, поскольку смерть настигла бы разоблачителя мгновенно.^[181] Иногда эти грозные собрания были настолько переполнены, что их можно было сравнить с армией мстителей; однажды ночью сам император председательствовал на Тайном Трибунале, и более тысячи Свободных судей сидели кружком вокруг него.^[182] В 1400 году в Германии насчитывалось десять тысяч членов. Люди с

нечистой совестью подозревали своих родственников и друзей. Сообщается, что Вильгельм Брауншвейгский однажды сказал: “Если герцог Адольф Шлезвигский нанесет мне визит, я должен безошибочно повесить его, поскольку я не хочу, чтобы меня повесили”. Фридрих Брауншвейгский, принц из той же семьи, который на мгновение стал императором, отказался подчиниться требованию Свободных Судей, и с тех пор он ходил вооруженный с головы до ног и окруженный охраной. Однако однажды он немного отстал от своей свиты, и ему довелось ослабить какую-то часть своих доспехов. Он не вернулся, и его охранники вошли в рощу, где он на мгновение укрылся. Несчастный был при смерти, с кинжалом Святого Фема в теле и приговором, прикрепленным к оружию. Оглядевшись во все стороны, они увидели человека в маске, медленно удаляющегося, но никто не осмелился последовать за ним.

Кодекс Верховного суда был найден в древних архивах Вестфалии и был напечатан в *Рейхстаге* Мюллера под следующим названием; “Кодекс и Статуты Священного Тайного трибунала свободных графов и вольных судей Вестфалии, учрежденные в 772 году императором Карлом Великим и пересмотренные в 1404 году королем Робертом, который внес изменения и дополнения, необходимые для отправления правосудия в трибуналах просвещенных, после наделения их своей властью”.

Примечание на первой странице запрещало любому нечестивцу заглядывать в книгу под страхом смертной казни. Слово "озаренный", данное здесь членам Тайного Трибунала, раскрывает всю их миссию: они должны были отслеживать в тени тех, кто поклонялся тьме; они таинственным образом противодействовали тем, кто устраивал заговоры против общества в пользу тайны; но они сами были тайными солдатами света, которые проливали дневной свет на преступные заговоры, и именно это было обозначено внезапным сиянием, озарившим Трибунал, когда он вынес приговор.

Публичные положения закона при Карле Великом санкционировали эту священную войну против тиранов ночи. С записями можно ознакомиться, чтобы установить наказания, налагаемые на колдунов, прорицательниц, чародеек, *знахароки* тех, кто вводил яд под видом любовных настоек. Те же законы предусматривали наказание за возмущение воздуха, вызывание бурь, создание символов и талисманов, бросание жребия, применение колдовства и магических чар, будь то на людях или скоте. Колдуны, астрологи, прорицатели, некроманты, оккультные математики объявляются отвратительными и подлежат наказанию так же, как воры и убийцы. Такую суровость можно понять, вспомнив все, что было сказано об ужасных обрядах Черной магии и ее жертвоприношениях младенцев. Опасность, должно быть, была действительно серьезной, раз ее подавление приняло столь суровые и многочисленные формы.

Другим институтом, который можно отнести к тому же корню, было странствующее рыцарство. Странствующие рыцари были разновидностью Свободных Судей, которые взывали к Богу и своим копьям против всех притеснений кастелянов и всей злобы некромантов. Это были вооруженные миссионеры, которые осеяли себя крестным знаменем, а затем разрубали негодяев на части; таким образом они заслужили память о какой-то благородной даме, освятившей любовь мученической смертью своей жизни, полной беззаветного самопожертвования. Мы уже далеко ушли от тех языческих куртизанок, которым приносили в жертву рабынь и ради которых завоеватели древнего мира сжигали города. Для дам христианского мира требовались другие жертвы; они должны были рисковать жизнью ради слабых и угнетенных, пленники должны были быть освобождены, осквернителям святых чувств

назначено наказание; и тогда эти прекрасные белые дамы, чьи юбки были расшиты геральдическими знаками, чьи руки были бледными и нежными; эти живые мадонны, гордые, как лилии, которые возвращались из церкви с часословами подмышкой и четками на поясе, снимали вуаль, расшитую золотом или серебром, и отдавали ее в качестве шарфа священнику-рыцарю, который преклонял перед ними колени, молился им и мечтал о Боге. Давайте забудем Еву и ее ошибки; они прощены тысячу раз и более чем искуплены этой невыразимой милостью благородных дочерей Марии.

ГЛАВА V ВОЛШЕБНИКИ

Этот фундаментальный догмат трансцендентальной науки, который освящает вечный закон равновесия, достиг своей полной реализации в устройстве христианского мира. Два живых столпа — папа и император — поддерживали структуру цивилизации. Но империя пострадала от раздела, когда выскользнула из слабых рук Людовика Благочестивого и Карла Лысого. Светская власть, предоставленная шансам на завоевания или интриги, утратила провиденциальное единство, которое поддерживало ее в гармонии с Римом. Папе часто приходилось вмешиваться в качестве верховного судьи, и на свой страх и риск он сдерживал амбиции и дерзость многих соперничающих государей.

Отлучение от церкви было в то время ужасным наказанием, поскольку оно было санкционировано всеобщей верой и вызывало явления, внушавшие благоговейный трепет толпе, являясь таинственным воздействием магнетического потока осуждения. Есть пример Роберта Благочестивого, который, понеся это ужасное наказание незаконным браком, стал отцом чудовищного ребенка, подобного тем изображениям демонов, которые средневековое искусство представляло в таких нелепых аспектах уродства. Печальный плод запретного союза свидетельствовал, по крайней мере, о мучительной совести и страшных снах, которыми была одержима мать. Роберт воспринял это событие как доказательство Божьего гнева и подчинился папскому суду. Отказавшись от брака, который Церковь объявила кровосмесительным, он отрекся от Берты, чтобы жениться на Констанции Прованской, и ему оставалось признать в сомнительной морали и высокомерном характере своей новобрачной второе наказание небес.

Составители хроник того периода были очарованы дьявольскими легендами, но их записи демонстрируют скорее легкое верие, чем хороший вкус. Каждая монашеская болезнь, каждый нездоровый кошмар монахинь рассматривается как случай истинного видения. В результате получают отталкивающие фантазмагии, глупые аллокации, невозможные преобразования, к которым художественный дух Сирано де Бержерака стремится лишь к тому, чтобы сделать их занимательными творениями. Однако от правления Роберта до правления Людовика Святого нет ничего, что, по-видимому, заслуживало бы пересказа.^[183]

Знаменитый рабби Иехиэль, великий каббалист и поистине замечательный врач, жил во времена правления Людовика Святого. Все, что рассказывается о его лампе и волшебном гвозде, доказывает, что он открыл электричество или, по крайней мере, был знаком с его наиболее важными применениями.^[184] Знание об этой силе, столь же древнее, как и Магия,

передавалось как один из ключей к великому посвящению. Когда наступила ночь, в жилище Иехиэля появилась сияющая звезда, свет которой был настолько ярким, что ни один глаз не мог смотреть на нее, не будучи ослепленным, в то время как луч, который она отбрасывала, был окрашен в цвета радуги. Было известно, что он никогда не выходил из строя, и его никогда не пополняли маслом или другим горючим веществом, существовавшим в то время. Когда назойливость или злонамеренное любопытство пытались помешать Иехиэлю, настойчиво стуча в его дверь, раввин ударял по гвоздю, вмонтированному в его шкаф, вызывая одновременно синюю искру на шляпке гвоздя и дверном молотке. Опрометчивый человек был потрясен таким образом, что взмолился о пощаде, полагая, что земля разверзается у него под ногами. Однажды враждебная толпа собралась у входа, издавая ропот и угрозы, в то время как они стояли, скрестив руки на груди, чтобы противостоять суматохе и предполагаемому сотрясению земли. Самый смелый из них яростно набросился на дверной молоток, но Джехиэль нажал ногтем; через мгновение нападавшие повалились друг на друга и разбежались, крича, как обожженные люди. Они были совершенно уверены, что земля разверзлась и поглотила их по колено; они не знали, как им удалось выбраться; но ничто не могло убедить их вернуться и возобновить атаку. Таким образом, колдун заслужил спокойствие благодаря ужасу, который он рассеял.

Людовик Святой, каким бы великим католиком он ни был, был также великим королем, и, желая познакомиться с Иехиэлем, он вызвал его ко двору,^[185] несколько раз беседовал с ним, был полностью удовлетворен его объяснениями, защищал его от врагов и до конца своей жизни никогда не переставал выражать уважение к нему и поступать благожелательно по отношению к нему.

Альбертус Великий жил в тот же период, и он до сих пор известен в народе как великий магистр всех магов.^[186] Историки того времени утверждают, что он обладал Философским камнем^[187] и что после тридцатилетнего обучения ему удалось решить проблему андроида — другими словами, что он создал искусственного человека, наделенного жизнью и речью, который действительно мог отвечать на вопросы с такой точностью и тонкостью, что святой Фома Аквинский, взбешенный тем, что не смог заставить замолчать изображение, разбил его ударом своей палки. Такова популярная басня; давайте теперь посмотрим, что она означает.

Тайна формирования человека и его первобытного появления на земле постоянно занимала исследователей проблем Природы. Человек, как факт, появляется последним в мире окаменелостей, и мозаичные дни творения оставили свои последовательные останки, свидетельствующие о том, что те дни на самом деле были длительными периодами времени. Как же тогда сформировалось человечество? Книга Бытия свидетельствует, что Бог сотворил Адама из земной слизи и вдохнул в его ноздри дыхание жизни — утверждение, истинность которого мы ни на минуту не подвергаем сомнению; но мы отвергаем, несмотря на еретическую и антропоморфную идею о Божестве, формирующем глину Своими пальцами. Бог, будучи чистым духом, не имеет рук, и Он заставляет Свои создания развиваться одно из другого с помощью силы, которую Он наделил Природой. Следовательно, если Господь сотворил Адама из праха земного, мы должны понимать, что человек вышел из этой земли под Божественным Влиянием и в то же время естественным образом. Имя Адам на иврите означает "красная земля",^[188] но что это за земля на самом деле? Это то, к чему стремились алхимики, и из этого следует, что Великая Работа заключалась не в секрете превращения металлов — тривиальном и второстепенном результате, — а в универсальном секрете жизни.^[189] Это был поиск средней точки трансформации, в которой свет становится материей и конденсируется в землю,

содержащую в себе принцип движения и жизни. Это было обобщение явления, которое окрашивает кровь в красный цвет за счет создания тех бесчисленных частиц, которые обладают таким же магнетизмом, как миры, и живы, как животные. Для учеников Гермеса металлы были свернувшейся кровью земли, переходящей, подобно крови человека, от белого к черному и от черного к багровому, следуя работе света.^[190] Привести этот флюид в движение с помощью тепла и придать ему окрашивающее плодородие света с помощью электричества — такова была первая часть работы мудрости. Конец был более трудным и возвышенным; речь шла о возвращении адамической земли, которая представляет собой свернувшуюся кровь жизненной земли; и высшей мечтой философов было завершить работу Прометея, подражая работе Бога, то есть создав человека, который должен был бы быть порождением науки, как Адам был порождением божественного всемогущества. Возможно, сон был бессмысленным, и все же он был возвышенным.

Черная Магия, которая всегда подражает Магии Света, но берет ее, так сказать, в обратном направлении, также была связана с андроидом, чтобы его можно было использовать как инструмент страсти и оракул ада. Для достижения этой цели требовалось надругаться над Природой и получить разновидность ядовитого гриба, полного концентрированной человеческой злобы — живое воплощение всех преступлений. По этой причине маги искали мандрагору под виселицей, к которой был подвешен какой-то труп; они заставили привязанную к растению собаку растерзать мандрагору, при этом животному был нанесен смертельный удар. Уничтожение было произведено конвульсиями агонизирующего животного; душа собаки перешла в растение и также привлекла к нему душу повешенного человека. Хватит об этих ужасах и нелепостях; те, кто интересуется подобными знаниями, могут обратиться к распространенному гримуару, известному в сельской местности под именем *Маленького Альберта*. Далее они познакомятся с методом изготовления мандрагоры в виде петуха с человеческим лицом. Глупость и нечестие соперничают друг с другом во всех подобных процессах, поскольку природу нельзя умышленно возмущать, не изменяя при этом законам разума.

Альбертус Великий не был ни детоубийцей, ни богоубийцей; он не был виновен ни в преступлении Тантала, ни в преступлении Прометея; но он преуспел в создании и вооружении по всем пунктам этой чисто схоластической теологии, являющейся результатом категорий Аристотеля и предложений Питера Ломбарда, этой логики силлогизма, состоящей из аргументации вместо рассуждения и нахождения ответа на все с помощью тонкостей, касающихся терминов. Это была не столько философия, сколько философский автомат, отвечающий произвольным образом и разворачивающий свои тезисы подобно революции машин. Это был ни в коем случае не человеческий *логос*, а неизменный крик механизма, неодушевленная речь андроида. Это была фатальная точность машин вместо свободного применения рациональных потребностей. Святой Фома Аквинский,^[191] одним ударом разрушил этот словесный каркас, когда провозгласил вечную империю разума в том великолепном предложении, которое уже так часто цитировалось: “Вещь справедлива не потому, что такова воля Бога, но Бог желает этого, потому что это справедливо”. Приблизительным следствием этого утверждения при рассуждении от большего к меньшему было следующее: вещь не является истинной, потому что так сказал Аристотель, но Аристотель не мог бы сказать этого разумно, если бы это не было правдой. Поэтому ищите прежде всего истину и справедливость, и наука Аристотеля будет добавлена к вам. Аристотель, вдохновленный схоластикой, был настоящим андроидом Альберта Великого, в то время как

жезлом учителя святого Фомы Аквинского была доктрина *Суммы Тотия теологии*, шедевр силы и разума, который снова будут изучать в наших теологических школах, когда будет предложено серьезно вернуться к разумным и здоровым предметам.[192]

Что касается Философского камня, завещанного святым Домиником[193] Альберту, а последним - святому Фоме Аквинскому, мы должны понимать его как философскую и религиозную основу идей, распространенных в тот период. Если бы святой Доминик смог совершить Великую Работу, он обеспечил бы Риму ту мировую империю, о которой он так ревновал к Церкви, и направил бы огонь, поглотивший столько еретиков, на нагревание своих собственных тиглей. Святой Фома превращал все, к чему прикасался, в золото, но это всего лишь фигура речи, золото в данном случае является символом истины.

Здесь уместно сказать еще несколько слов относительно герметической науки, культивируемой с первых веков христианства Останесом, Ромарием, царицей Клеопатрой, арабским Гебером, Альфарабиусом и Салманасом, Мориеном, Артефием и Аристеем.[194] Понимаемую абсолютным образом, эту науку можно назвать Каббалой в реализации, или Магией Творений. Следовательно, оно имеет три аналогичные степени — религиозное осознание, философское осознание и физическое осознание. Первое - это прочная основа империи и жречества; второе - это установление абсолютной доктрины и иерархического наставления; последнее - это открытие и применение, в пределах Микрокосма, или малого мира, того созидательного закона, который постоянно населяет большую вселенную. Закон, о котором идет речь, - это закон движения в сочетании с веществом, фиксированного с летучим, влажного с твердым. Его принцип — божественный импульс, его инструмент - вселенский свет - эфирный в бесконечности, астральный в звездах и планетах, металлический, специфический или ртутный в металлах, растительный в растениях, витальный в животных, магнетический или личностный в людях.

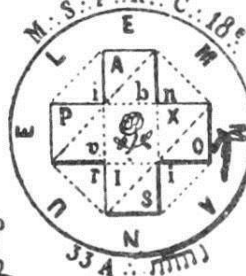
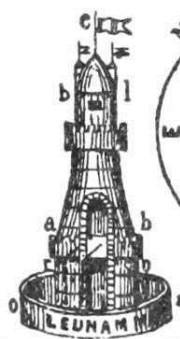
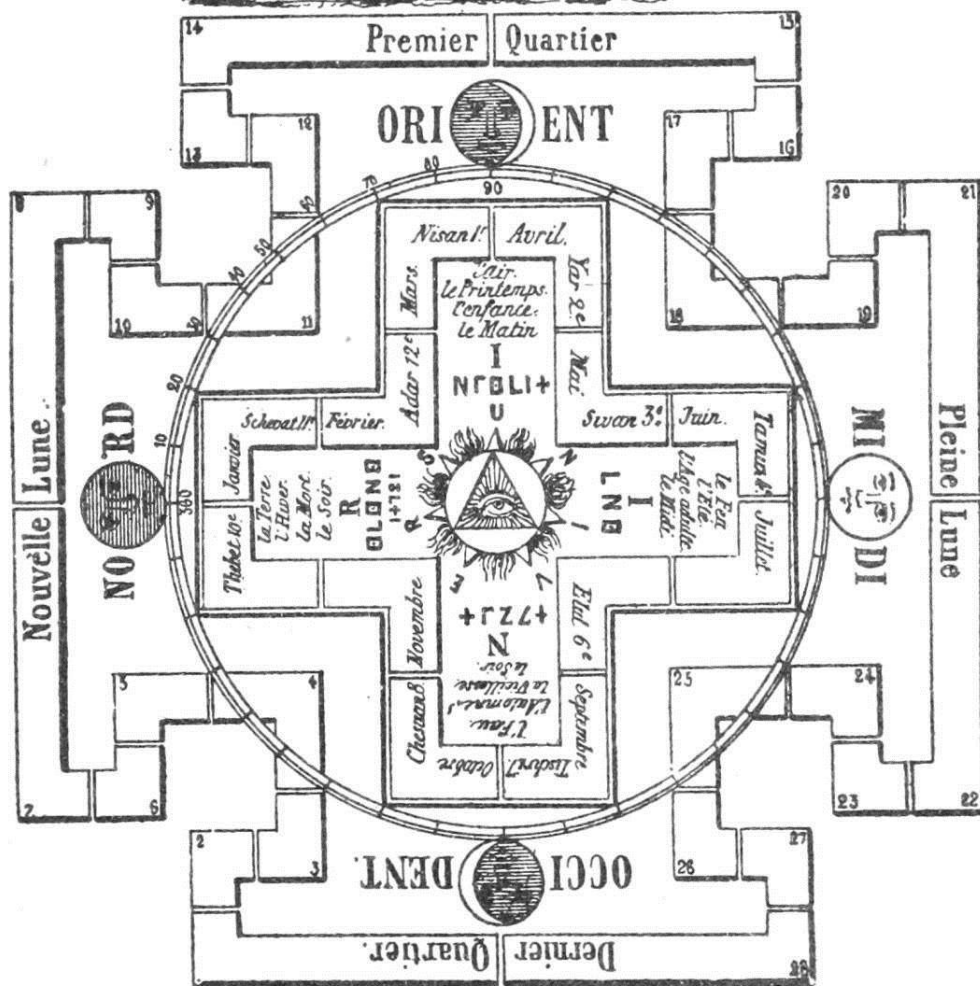
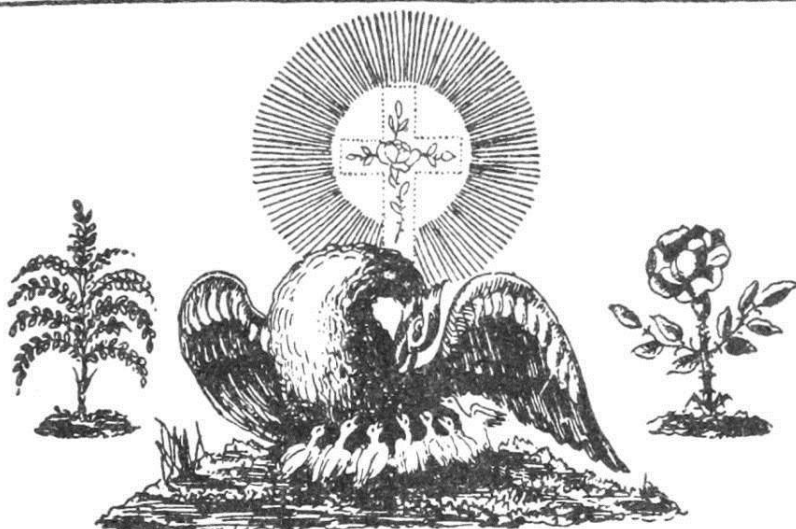
Этот свет является квинтэссенцией Парацельса и либо скрыт, либо активен во всех сотворенных субстанциях. Такая квинтэссенция является истинным эликсиром жизни, и ее извлекают из земли путем культивирования; из металлов путем включения, ректификации, возвышения и синтеза; из растений путем дистилляции и кокционирования; из животных путем поглощения; из людей путем зарождения; из воздуха путем дыхания. В этом смысле Аристей говорит нам, что воздух должен быть получен из воздуха; Кунрат говорит, что живая ртуть должна быть получена из совершенного человека, созданного андрогином; практически все мудрецы говорят, что лекарство из металлов должно быть получено из металлов и что это лекарство — хотя в основе своей одно во всех царствах — градуировано и специфицировано в соответствии с формами и видами. Его использование тройственно — посредством симпатии, отталкивания или равновесия. Градуированная квинтэссенция была лишь вспомогательной силой; лекарство каждого царства должно быть получено из самого царства с добавлением базовой ртути — земной или минеральной — и синтетической живой ртути, или человеческого магнетизма.

Таков краткий очерк этой науки, обширной и глубокой, как Каббала, таинственной, как Магия, реальной, как точные науки, но слишком долго и слишком часто дискредитированной неудовлетворенной жадностью ложных адептов и неясностями, которыми истинные мудрецы окружили свои теории и свои процессы.

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Общества древнего мира погибли из-за материалистического эгоизма каст, окаменев сами по себе, изолировав простых людей в безнадежном осуждении и передав бразды правления небольшому числу избранных, так что они были лишены той циркуляции, которая является принципом прогресса, движения и жизни. Власть без антагонизма, без конкуренции и, следовательно, без контроля оказалась фатальной для жреческой знати. Республики, с другой стороны, погибли из-за конфликта свобод, которые при отсутствии каких-либо обязанностей, иерархически и строго санкционированных, быстро превращаются во множество тираний, соперничающих друг с другом. Чтобы найти устойчивую точку между этими двумя пропастями, идея христианских иерофантов состояла в том, чтобы создать общество, обязанное самопожертвованию торжественными клятвами, защищенное суровыми правилами, набираемое путем посвящения и, как единственное хранилище великих религиозных и социальных секретов, делающее королей и понтификов, не подвергаясь при этом коррупции империи. Такова была тайна того царства Христа Иисуса, которое, не будучи от мира сего, властвовало над всем его величием. Та же идея руководила учреждением великих религиозных орденов, которые так часто находились в состоянии войны со светскими властями, будь то церковные или гражданские. О подобном осознании мечтали также диссидентские секты гностиков и иллюминатов, которые утверждали, что основывают свою веру на примитивной христианской традиции Святого Иоанна. Пришло время, когда эта мечта стала реальной угрозой для Церкви и государства, когда богатый и распутный Орден, посвященный в таинственные доктрины Каббалы,^[195] казалось, был готов выступить против законной власти, против консервативных принципов иерархии, угрожая всему миру гигантской революцией. Тамплиеры, история которых так мало изучена, были ужасными заговорщиками, о которых идет речь, и пришло время наконец раскрыть тайну их падения, чтобы таким образом оправдать память Климента V и Филиппа Красивого.

ФИЛОСОФСКИЙ КРЕСТ, ИЛИ ПЛАН ТРЕТЬЕГО ХРАМА

В 1118 году девять рыцарей—крестоносцев, находившихся тогда на Востоке, среди которых были Жоффруа де Сент-Омер и Гуго де Пейн, посвятили себя религии, передав свои обеты в руки константинопольского патриарха, резиденция которого всегда была враждебна, тайно или открыто, резиденции Рима со времен Фотия. Общепризнанной целью тамплиеров была защита христиан во время паломничества к святым местам; их скрытой целью было восстановление Храма Соломона по образцу, предсказанному Иезекиилем. Такое восстановление, формально предсказанное иудействующими мистиками первых веков христианства, стало тайной мечтой восточных патриархов. Перестроенный таким образом и освященный для католического богослужения, Храм Соломона фактически стал бы столицей вселенной. Восток возобладал бы над Западом, и константинопольские патриархи захватили бы папство.[196]

Чтобы объяснить название тамплиеров, принятое этим военным орденом, историки предполагают, что Балдуин II, король Иерусалима, подарил им дом в окрестностях Храма Соломона. Но они виновны в серьезном анахронизме, поскольку в тот период рассматриваемое здание не только прекратило свое существование, и не только не осталось камня на камне от Второго Храма Зоровавеля на другом, но было бы трудно указать место, на котором они стояли. Следует заключить, что Дом, выделенный тамплиерам Болдуином, находился не в непосредственной близости от Храма Соломона, а в том месте, где эти тайные и вооруженные миссионеры Восточного патриарха намеревались его перестроить.

Тамплиеры взяли за образец своих священных Писаний военных масонов Зоровавеля, которые работали с мечом в одной руке и мастерком в другой.[197] Поэтому меч и мастерок стали их отличительными знаками, когда в более поздний период, как мы увидим, они скрывали себя под именем братьев-масонов. Мастерок тамплиеров состоит из четырех частей; треугольные лезвия расположены в форме креста, образуя каббалистический пантакль, известный как Крест Востока.[198]

Сокровенная мысль Гуго де Пейна при учреждении своего Ордена заключалась не только в том, чтобы служить честолюбию константинопольских патриархов. В тот период на Востоке существовала секта христиан-иоаннитов, которые утверждали, что они единственные посвященные во внутренние тайны религии Спасителя; они также утверждали, что знают истинную историю Иисуса Христа. Перенимая некоторую часть еврейских традиций и талмудических повествований, они рассматривали факты из Евангелий как аллегории, ключ к которым был у святого Иоанна. Доказательством служили его слова о том, что если бы все, совершенное Иисусом, было записано, “я полагаю, что даже сам мир не смог бы вместить книги, которые должны быть написаны”. Они считали, что такое утверждение было бы нелепым преувеличением, если бы оно не относилось к аллегории и легенде, которые можно варьировать и продлевать до бесконечности. Что касается реальных исторических фактов, то иоанниты рассказали следующее.

Молодая девушка из Назарета по имени Мириам, обрученная с молодым человеком из ее собственного племени по имени Йоханан, была застигнута врасплох неким Пандирой, или Пантерой, который вошел в ее комнату в одежде и под именем ее возлюбленного и силой исполнил его желания. Йоханан, узнав о ее несчастье, оставил ее, не скомпрометировав, потому что на самом деле она была невиновна; и у девушки родился сын, получивший имя Джошуа или Иисус. Младенец был усыновлен раввином по имени Джозеф, который отнес его в

Египет, где он был посвящен в тайные науки, и жрецы Осириса, признав, что он был истинным воплощением Гора, так долго обещанным адептам, посвятили его в сан верховного понтифика вселенской религии. Иисус Навин и Иосиф вернулись в Иудею, где знания и добродетель молодого человека очень скоро возбудили зависть и ненависть священников, которые однажды публично упрекнули его в незаконнорожденности. Иисус Навин, который любил и почитал свою мать, расспросил своего учителя и узнал всю историю, касающуюся преступления Пандиры и несчастий Мириам. Его первым побуждением было публично отказать ей, когда он сказал посреди брачного пира: “Женщина, что общего между тобой и мной?” Но впоследствии, осознав, что несчастная женщина не должна быть наказана за то, что пережила то, чего она не могла предотвратить, он воскликнул: “Моя мать никоим образом не согрешила и не потеряла своей невинности; она девственна и все же является матерью: пусть ей будет оказана двойная честь. Что касается меня, то у меня нет отца на земле; я сын Бога и человечества”.

Мы не будем продолжать выдумку, столь огорчающую сердца христиан; пусть будет достаточно сказать, что иоанниты зашли так далеко, что возложили ответственность за это ложное предание на святого Иоанна Евангелиста и что они приписали апостолу, о котором идет речь, основание своей тайной церкви. Великие понтифики этой секты приняли титул Христа и заявили о непрерывной передаче полномочий со времен святого Иоанна. Человека, который хвастался этими воображаемыми привилегиями в эпоху основания Храма, звали Феоклет. Он был знаком с Гуго де Пейном, которого посвятил в тайны и надежды своей мнимой церкви; [199] он соблазнил его идеями суверенного священства и высшей королевской власти; в конце концов, он назначил его своим преемником. Так орден рыцарей Храма с самого начала был запятнан расколом и заговором против королей. Эти тенденции были окутаны глубокой тайной, поскольку внешне Орден исповедовал абсолютную ортодоксальность. Только вожди знали, куда он клонится, остальные добросовестно следовали за ним.

Приобретать богатство и влияние, интриговать на их основе и при необходимости бороться за утверждение догмы иоаннитов — таковы были средства и цель, предложенные посвященными братьями. “Обратите внимание, ” рассуждали они сами с собой, “ папство и соперничающие монархии заняты тем, что торгуются, продают друг друга, впадают в коррупцию и, возможно, завтра уничтожат друг друга. Все это указывает на наследие Храма; еще немного, и народы потребуют от нас государей и понтификов; мы будем равновесием вселенной, арбитрами и хозяевами мира”.

У тамплиеров было две доктрины; одна была скрытой и предназначалась для лидеров, будучи доктриной иоаннизма; [200] другая была публичной, будучи доктриной римско-католической церкви. Таким образом они обманули врагов, которых надеялись вытеснить. Иоаннизм адептов был Каббалой гностиков, но он быстро выродился в мистический пантеизм, доходивший даже до идолопоклонства Природе и ненависти ко всем богооткровенным догмам. Для своего большего успеха и для того, чтобы обезопасить приверженцев, они поощряли сожаление о каждом падшем культе и надежды каждого нового культа, обещая всем свободу совести и новую ортодоксию, которая должна была стать синтезом всех преследуемых верований. Они зашли даже так далеко, что признали пантеистическую символику великих мастеров Черной магии, и, чтобы лучше изолировать себя от повиновения религии, которая их заранее осуждала,

они оказывали божественные почести чудовищному идолу Бафомету,^[201] даже в те времена, когда несогласные племена поклонялись Золотому Тельцу Дана и Вефиля. Некоторые памятники, обнаруженные недавно, и некоторые ценные документы, относящиеся к тринадцатому веку, являются убедительными доказательствами всего того, что здесь было сделано. Другие свидетельства скрыты в летописях и под символами оккультного масонства.

С семенами смерти, посеянными в самом его принципе и анархичными, потому что они были еретическими, Орден рыцарей Храма задумал великую работу, которую он был неспособен выполнить, потому что не понимал ни смирения, ни личного отречения. В остальном тамплиеры, в большинстве случаев не имевшие образования и способные только успешно владеть мечом, не обладали квалификацией для господства или связывания при необходимости того, что королева мира называла общественным мнением. Гуго де Пейн не обладал той глубиной взглядов, которая отличала в более поздний период военного, основавшего ополчение, не менее грозное для королей. Тамплиеры были иезуитами, потерпевшими неудачу. Их принцип состоял в том, чтобы разбогатеть, чтобы купить весь мир, и, фактически, они так и сделали, поскольку в 1312 году только в Европе они владели более чем 9000 поместьями. Богатство также было скалой, о которую они разбились; они обнаглели и позволили своему презрению к религиозным и социальным институтам, которые они надеялись разрушить, проявиться публично. Всем известен ответ Ричарда Львиного Кюре доверенному священнику, который сказал ему: “Сир, у вас есть три дочери, которые дорого вам обошлись и от которых вам было бы очень выгодно получить свободу: они - воплощение честолюбия, алчности и роскоши”. ... “Это правда”, - сказал король. “Хорошо, хорошо, давайте обвенчаем их. Я отдаю честолюбие тамплиерам, алчность монахам и роскошь епископам. Я заранее уверен в согласии всех сторон”.

Честолюбие тамплиеров оказалось роковым для них самих; их планы были разгаданы и предвосхищены. Папа Климент V и король Филипп Красивый дали сигнал Европе, и тамплиеры, пойманные, так сказать, в сети, были арестованы, разоружены и брошены в тюрьму. Никогда *ещегосударственный переворот не совершался с таким ужасающим единообразием*. Весь мир был ошеломлен и ожидал странных разоблачений судебного преследования, которое должно было эхом отозваться в веках. Но было невозможно раскрыть перед народом план заговора тамплиеров; сделать это значило бы посвятить толпу в секреты, предназначенные для магистров. Поэтому пришлось прибегнуть к обвинению в Магии, для чего были готовы как обвинители, так и свидетели. Тамплиеры на церемонии своего приема плевали на изображение Христа, отрицали Бога, непристойно целовали великого магистра, боготворили бронзовую голову с карбункулами вместо глаз, общались с огромной черной кошкой и вступали в половую связь с демоницами женского пола. Таковы пункты, серьезно выдвинутые в обвинительном заключении. Конец этой драмы знаком; Жак де Моле и его товарищи погибли в огне, но перед смертью великий магистр Храма организовал и учредил Оккультное масонство. В стенах своей тюрьмы он основал четыре Столичные ложи — в Неаполе на Востоке, Эдинбурге на Западе, Стокгольме на Севере и Париже на Юге. Папа и король погибли быстро, странным и внезапным образом.^[202] Сквин де Флориан, главный обвинитель Ордена, был убит. Когда тамплиеры сломали меч, он был превращен в кинжал, и отныне их запрещенные мастерки использовались только при возведении гробниц. Пусть они уйдут в этот момент во тьму, где они нашли убежище, вынашивая свою месть. Мы увидим, как они вновь появятся в великую эпоху Революции, и мы узнаем их по их знакам и по их делам.

Величайшим магическим преследованием, которое можно было найти в истории после Судебного разбирательства в Храме, был суд над служанкой, которая, более того, была почти святой. Церковь, в данном случае, была обвинена в подчинении низменному негодованию побежденной партии, и был задан серьезный вопрос, какие анафемы кафедры Святого Петра обрушились на убийц Жанны д'Арк.^[203] Тем, кто действительно не знаком, можно сразу сказать, что Пьер Кошон, недостойный епископ Бове, внезапно умерший от руки Бога, был отлучен после смерти Калликстом IV, его останки были взяты из церкви Святого Петра. освященная земля и выброшенная в общественную канализацию. Следовательно, не Церковь судила Орлеанскую деву, а плохой священник и вероотступник.

Карл VII, отдавший эту благородную девушку на растерзание ее губителям, впоследствии попал в руки мстительного провидения; он умер от голода, боясь быть отравленным собственным сыном. Страх - это низменная пытка. Король, о котором идет речь, отдал свою жизнь куртизанке, и ради нее он отягощал долгами королевство, которое было спасено ему девственницей. Куртизанка и девственница воспеты нашими национальными поэтами — Жанной д'Арк Вольтера и Агнес Сорель Беранже.

Джоан погибла в своей невинности, но вскоре законы против магии были подтверждены в отношении того, кто был главным среди виновных. Персонаж, о котором идет речь, был одним из самых доблестных военачальников при Карле VII, но услуги, которые он оказал государству, не могли уравновесить масштабы и чудовищность его преступлений. Все сказки о великанах-людоедах и Крокемитанах были реализованы и превзойдены деяниями этого фантастического негодая, история которого осталась в памяти детей под именем Синяя Борода. У Жилия де Лавале, сеньора Иза, действительно была настолько черная борода, что она казалась почти синей, как показано на его портрете в Зале Маршо в Версальском музее. Маршал Бретани, он был храбр, потому что был французом; будучи богатым, он был также напыщенным; и он стал колдуном, потому что был сумасшедшим.^[204]

Душевное расстройство лорда Раиза проявилось в первую очередь в чрезмерной набожности и экстравагантном великолепии. Когда он отправлялся за границу, его неизменно сопровождали крест и знамя; его капелланы были покрыты золотом и облачены, как прелаты; у него была коллегия маленьких пажей или хористов, которые всегда были богато одеты. Но день за днем одного из этих детей вызывали к маршалу, и его товарищи больше не видели; его сменил новичок, который исчез, и детям было строго запрещено спрашивать, что стало с пропавшими, или даже упоминать о них между собой. Дети были получены маршалом от бедных родителей, которых он ослепил своими обещаниями и которые обязались больше не беспокоиться о своих отпрысках, которым, по его рассказам, было обеспечено блестящее будущее.

Объяснение заключается в том, что в его случае кажущаяся преданность была маской и защитой печально известных практик. Разоренный идиотской расточительностью, маршал желал любой ценой создать богатство. Алхимия исчерпала его последние ресурсы, и ссуды на ростовщических условиях были на грани краха; поэтому он решил предпринять последние и самые отвратительные эксперименты с Черной магией в надежде получить золото с помощью ада. Священник-отступник епархии Сен-Мало, флорентиец по имени Прелати, и Силле,^[205] который был управляющим маршала, стали его доверенными лицами и сообщниками. Он женился на молодой женщине высокого происхождения^[206] и держал ее практически взаперти в своем замке в Машкуле, в башне которого был замурован вход. Маршал

распространил сообщение о том, что он находится в разрушенном состоянии и никто не пытался проникнуть туда. Несмотря на это, мадам де Рэ, которая часто оставалась одна в темные часы, видела красные огоньки, движущиеся взад и вперед в этой башне; но она не решилась расспросить своего мужа, чей причудливый и мрачный характер вселял в нее крайний ужас.

В день Пасхи 1440 года[207] маршал, торжественно пообщавшись в своей часовне, попрощался с леди Машкуль, сказав ей, что отбывает в Святую Землю; бедняжка даже тогда боялась задавать вопросы, так сильно она дрожала в его присутствии; к тому же она была на нескольких месяцах беременности. Маршал разрешил своей сестре навестить его в качестве компаньонки во время его отсутствия. Мадам де Рэ воспользовалась этой поблажкой, после чего Жиль де Лаваль сел на лошадь и отбыл. Своей сестре мадам де Рэ поделилась своими страхами и тревогами. Что происходило в замке? Почему ее господин был таким мрачным? Что означало его частые отлучки? Что стало с детьми, которые исчезали день за днем? Что это были за ночные огни в замурованной башне? Эти и другие проблемы в высшей степени возбудили любопытство обеих женщин.[208]Что же все-таки можно было сделать? Маршал категорически запретил им даже приближаться к башне, и перед уходом он повторил это предписание. Несомненно, в нем должен был быть потайной вход, в поисках которого мадам де Рэ и ее сестра Анна принялись обыскивать нижние помещения замка, угол за углом, камень за камнем. Наконец, в часовне, за алтарем, они наткнулись на медную пуговицу, спрятанную в массе скульптур. Она поддалась под давлением; камень отодвинулся, и двое любопытных, теперь уже дрожа, различили самые нижние ступени лестницы, которая вела их в обреченную башню.

На вершине первого пролета находилось что-то вроде часовни с перевернутым крестом и черными свечами; на алтаре стояла отвратительная фигура, без сомнения, изображавшая демона. На втором этаже они наткнулись на печи, реторты, перегонные кубики, древесный уголь — словом, на все алхимические приборы. Третий пролет привел в темную комнату, где тяжелая и зловонная атмосфера вынудила молодых женщин отступить. Мадам де Рэ столкнулась с вазой, которая опрокинулась, и она почувствовала, что ее халат и ноги пропитаны какой-то густой и неизвестной жидкостью. Вернувшись к свету наверху лестницы, она обнаружила, что залита кровью.

Сестра Анна сбежала бы с этого места, но в мадам де Рэ любопытство было даже сильнее отвращения или страха. Она спустилась по лестнице, взяла лампу из адской часовни и вернулась на третий этаж, где ее ожидало ужасное зрелище. По всей длине стен были расставлены медные сосуды, наполненные кровью, с этикетками с датой на каждом, а посреди комнаты стоял стол из черного мрамора, на котором лежало тело ребенка, убитого совсем недавно. Это был один из таких тазов, который упал, и черная кровь широко растеклась по грязному и изъеденному червями деревянному полу.

Теперь обе женщины были полумертвы от ужаса. Мадам де Рэ старалась любой ценой стереть следы своей неосторожности. Она отправилась на поиски губки и воды, чтобы вымыть доски, но пятно только расширилось, и то, что сначала казалось черным, приобрело полностью алый оттенок. Внезапно по замку прокатился громкий шум, смешанный с криками людей, зовущих мадам де Рэ. Она различила внушающие благоговейный трепет слова: “Вот монсеньер вернулся”. Обе женщины направились к лестнице, но в тот же момент услышали топот ступеней и звуки других голосов в часовне дьявола. Сестра Анна взбежала на зубчатую стену башни;

мадам де Рэ спустилась вниз, дрожа, и оказалась лицом к лицу со своим мужем, поднимавшимся вверх в сопровождении священника-отступника и Прелати.

Жиль де Лаваль схватил свою жену за руку и, не говоря ни слова, потащил ее в адскую часовню. Именно тогда Прелати[209] заметил маршалу: “Как видите, это необходимо, и жертва пришла по собственной воле”. ... “Да будет так”, - ответил его учитель. “Начинайте Черную мессу”. ... Священник-отступник направился к алтарю, в то время как Жиль де Лаваль открыл маленький шкафчик, вмонтированный в него, и достал большой нож, после чего сел рядом со своей супругой, которая теперь была почти в обмороке и лежала бесформенной кучей на скамье у стены. Начались кошунственные церемонии.

Следует объяснить, что маршал, вместо того чтобы отправиться в Иерусалим, направился только в Нант, где жил Прелати; он с величайшей яростью набросился на этого несчастного и пригрозил убить его, если он не предоставит средства добиться от дьявола того, чего тот так долго требовал. С целью добиться отсрочки Прелати заявил, что повелитель ада требует выполнения ужасных условий, первым из которых будет принесение в жертву нерожденного ребенка маршала после насильственного вырывания его из чрева матери. Жиль де Лаваль ничего не ответил и сразу же вернулся в Машкуль, флорентийский колдун и его сообщник священник были в его свите. С остальными мы знакомы.

Тем временем сестра Анна, предоставленная самой себе на крыше башни и не осмеливающаяся спуститься вниз, сняла вуаль, чтобы при случае подать сигнал бедствия. Им ответили два кавалера в сопровождении отряда вооруженных людей, которые направлялись к замку; это оказались два ее брата, которые, узнав о фальшивом отъезде маршала в Палестину, приехали навестить и утешить мадам де Рэ. Вскоре после этого они с грохотом прибыли во двор замка, после чего Жиль де Лаваль прервал отвратительную церемонию и сказал своей жене: “Мадам, я прощаю вас, и между нами все кончено, если вы сделаете сейчас то, что я вам скажу. Возвращайся в свои апартаменты, переоденься и присоединяйся ко мне в комнате для гостей, где я собираюсь принять твоих братьев. Но если ты скажешь хоть слово или вызовешь у них хоть малейшее подозрение, я приведу тебя сюда после их ухода; мы продолжим Черную мессу в том месте, где она сейчас прервана, и во время освящения ты умрешь. Отметьте, куда я положу этот нож.

Он встал, проводил свою жену до дверей ее комнаты и впоследствии принял ее родственников и их свиту, сказав, что его супруга готовится прийти и поприветствовать своих братьев. Мадам де Рэ появилась почти сразу, бледная, как привидение. Жиль де Лаваль не сводил с нее глаз, стремясь контролировать ее своим взглядом. Когда ее братья предположили, что она больна, она ответила, что это усталость от беременности, но вполголоса добавила: “Спасите меня; он пытается убить меня”. В тот же момент сестра Анна ворвалась в зал, крича: “Уведите нас; спасите нас, братья мои: этот человек - убийца”, — и она указала на Жилия де Лавалья. Пока маршал созывал своих людей, эскорт двух посетителей окружил женщин с обнаженными мечами; и люди маршала разоружились вместо того, чтобы повиноваться ему. Мадам де Рэ со своими сестрой и братьями поднялась по подъемному мосту и покинула замок.

На следующий день герцог Иоанн V инвестировал Машкуль, и Жиль де Лаваль, который больше не мог рассчитывать на своих латников, сдался без сопротивления.[210] Парламент Бретани постановил арестовать его как виновного в убийстве, церковный трибунал готовился в первую очередь вынести приговор ему как еретику, содомиту и колдуну. Голоса родителей, надолго

замолчавших из-за ужаса, раздавались со всех сторон, требуя своих пропавших детей: по всей провинции царили всеобщая нужда и шум. Замки Машкуль и Шантосе были разграблены, в результате чего были обнаружены двести детских скелетов; остальные были уничтожены огнем.

Жиль де Лаваль с величайшим высокомерием предстал перед своими судьями.^[211] На обычный вопрос: “Кто вы?” он ответил: “Я Жиль де Лаваль, маршал Бретани, сеньор Раиса, Машкуля, Шантосе и других феодальных владений. И кто ты такой, что осмеливаешься допрашивать меня?” Ему ответили: “Мы твои судьи, магистраты Церковного суда”. — “Что, вы, мои судьи! Идите, я хорошо знаю вас, мои хозяева. Вы симоняки и непристойные люди, которые продают своего Бога, чтобы купить радости дьявола. Поэтому не говорите о том, чтобы судить меня, ибо если я виновен, то это вы, которые должны были подать мне хороший пример, являетесь моими подстрекателями”. — “Прекратите свои оскорбления и ответьте нам”. — “Я предпочел бы, чтобы меня повесили за шею, чем отвечать вам. Я удивлен, что президент Бретани терпит ваше знакомство с делами такого рода. Вы сомневаетесь, что можете получить информацию и впоследствии поступить хуже, чем вы сделали”.

Но эта надменная дерзость была подавлена угрозой пыток.^[212] Перед епископом Сен-Брие и президентом Пьером де Лопиталем Жиль де Лаваль признался в своих убийствах и святотатствах. Он притворился, что его мотивом в убийстве детей было отвратительное наслаждение, которого он искал во время агонии этих бедных маленьких существ. Президенту было трудно поверить этому заявлению, и он снова задал ему вопрос. “Увы, - резко сказал маршал, - вы напрасно мучаете и себя, и меня”. “Я не мучаю вас, ” ответил президент, - но я поражен вашими словами и недоволен. То, что я ищу и должен получить, - это чистая правда”. Маршал ответил: “Воистину, другой причины не было. Чего еще вы хотите? Несомненно, я признал достаточно, чтобы осудить десять тысяч человек”.

В чем Жиль де Лаваль не хотел признаваться, так это в том, что он искал Философский камень в крови убитых детей и что именно алчность толкнула его на этот чудовищный разврат. Опираясь на веру своих некромантов, он верил, что универсальный источник жизни может быть внезапно свернут в результате совместного действия и реакции возмущения Природой и убийства. Впоследствии он собрал радужную пленку, которая образуется на крови, когда она остывает;^[213] он подвергал ее различным ферментам, переваривал продукт в философском яйце атанора, смешивая его с солью, серой и ртутью. Несомненно, он почерпнул свой рецепт из каких-то старых еврейских гримуаров, которых, будь они известны в то время, было бы достаточно, чтобы вызвать к еврейству в целом отвращение всей земли. Будучи убеждены, что акт оплодотворения человека привлекает и свертывает Астральный Свет в его реакции симпатии на предметы, подверженные магнетизму человека, израильские маги дошли до тех чудовищ, в которых их обвиняет Филон, цитируемый астрологом Гаффарелем.^[214] Они заставляли женщин прививать деревья, которые вставляли прививку, в то время как мужчины совершали над ними те действия, которые являются оскорблением Природы. Везде, где замешана Черная магия, повторяются одни и те же ужасы, ибо дух тьмы - это не выдумка.

Жиль де Лаваль был сожжен заживо в *пре-де-ла-Магделейн*, недалеко от Нанта; он получил разрешение отправиться на казнь со всей пышностью, которая сопровождала его при жизни, как если бы он хотел привнести в позор своего наказания показность и алчность, из-за которых он был так сильно унижен и фатально потерян.^[215]

ГЛАВА VII

СУЕВЕРИЯ , СВЯЗАННЫЕ С ДЬЯВОЛОМ

Мы стали свидетелями трезвости решений, вынесенных Церковью в отношении гения зла; она рекомендовала своим детям не бояться его, не беспокоиться о нем и даже не произносить его имени. Несмотря на это, склонность больного воображения и слабых умов к чудовищному и ужасному придала посту в злые дни средневековья огромную важность и самые зловещие формы для мрачного существа, которое не заслуживает ничего, кроме забвения, потому что оно навсегда отвергло истину и свет. Это кажущееся осознание призрака, выражающего извращенность, было воплощением человеческого безумия; дьявол стал кошмаром монастырей, человеческий разум пал жертвой собственного страха и, хотя считался разумным, трепетал перед химерами, которые он вызвал. Черное и уродливое чудовище распростерло свои крылья летучей мыши между небом и землей, чтобы помешать молодости и жизни доверять обещаниям солнца и спокойному покою звезд. Эта гарпия суеверий отравляла все своим дыханием, заражала всех своим контактом. Люди боялись есть и пить, опасаясь, что яйца рептилии будут проглочены; смотреть на красоту означало, возможно, потворствовать иллюзии, порожденной чудовищем; смеяться предполагало насмешку вечного мучителя как похоронное эхо; плакать представляло, как он оскорбляет слезы скорбящего. Казалось, дьявол держал Бога в заточении на небесах, в то время как он навязывал богохульство и отчаяние людям на земле.

Суеверия быстро приводят к абсурду и умственному отчуждению; нет ничего более прискорбного и надоедливое, чем многочисленные описания, которыми популярные авторы по истории магии обременяют свои сборники. Петр Достопочтенный видел дьявола, косящегося в уборных; другой составитель хроник узнал его в образе кошки, которая, однако, походила на собаку и прыгала как обезьяна; некоему лорду Корассе прислуживал бес по имени Ортон, который выглядел как свинья, но чрезвычайно истощенный и на самом деле почти лишенный плоти. Приор Сен-Жермен-де-Пре по имени Уильям Эделин свидетельствует, что видел его в образе овцы, которую, как ему показалось, следовало поцеловать ниже хвоста в знак почтения.

Несчастные старухи признались, что он был их любовником; маршал Тривульце умер от ужаса, защищаясь ударами от дьяволов, кишевших в его комнате. Сотни несчастных идиотов и юродивых были сожжены за признание в своей прежней связи со злобным духом; слухи *оинкубах* и *суккубах* доходили со всех сторон; судьи серьезно обсуждали откровения, которые следовало передать врачам; более того, они были вызваны непреодолимым давлением общественного мнения, а потворство колдунам подвергло бы самих судей всеобщему гневу. Преследование дураков сделало безумие заразным, и маньяки рвали друг друга на куски; людей забивали до смерти, сжигали на медленном огне, окунали в ледяную воду в надежде заставить их разрушить наложенные ими чары, в то время как правосудие вмешивалось только для того, чтобы довершить на костре то, что началось в слепой ярости толпы.

При изложении истории Жилия де Лавалея мы достаточно указали на то, что черная магия может быть не только настоящим преступлением, но и тягчайшим из всех преступлений; к сожалению, методы того времени путали больных со злоумышленниками и наказывали тех, о ком следовало заботиться с терпением и милосердием.

В какой момент начинается ответственность человека и в какой момент она заканчивается? Проблема из тех, которые часто могут беспокоить добродетельных хранителей человеческой справедливости. Калигула, сын Германика, казалось, унаследовал все добродетели своего отца, но яд отвлек его разум, и он стал ужасом всего мира. Был ли он на самом деле виновен, и не следовало ли возложить его преступления на плечи этих подлых римлян, которые повиновались, вместо того чтобы заключить его в тюрьму?

Отец Илларион Тиссо, о котором упоминалось ранее, идет дальше нас и включил бы даже добровольное преступление в категорию безумия, но, к сожалению, само безумие он объясняет как одержимость злым духом. Мы могли бы спросить этого доброго священнослужителя, что бы он подумал об отце семейства, который, закрыв дверь перед бездельником, известным своими способностями ко всякого рода злодеяниям, позволил бы ему часто посещать своих собственных маленьких детей, давать им советы, похищать их и быть одержимым ими? Поэтому давайте признаем, чтобы быть истинными христианами, что дьявол, кем бы он ни был, одержим только теми, кто добровольно отдает себя ему, и что такие люди несут ответственность за все, к чему он может побудить их совершить, точно так же, как пьяный человек справедливо несет ответственность за расстройства, в которых он может быть виновен под воздействием алкоголя. Опынение - это преходящее безумие, а безумие - это постоянное опынение; и то, и другое вызвано фосфорной перегрузкой мозговых нервов, которая разрушает наше эфирное равновесие и лишает душу ее точного инструмента. Духовная и личностная душа тогда напоминает Моисея, связанного и спеленутого в своей тростниковой колыбели и оставленного качаться на водах Нила. Его уносит текучая и материальная душа мира, та таинственная вода, над которой размышляли Элохимы, когда Божественное Слово было сформулировано в светоносном предложении: Да будет свет.

Душа мира - это сила, которая автоматически стремится к равновесию; либо воля должна преобладать над ней, либо она побеждает волю. Его мучает любая незавершенная жизнь, как если бы это было чудовищем, и поэтому он стремится поглотить интеллектуальные выкидыши. Следовательно, маньяки и люди с галлюцинациями испытывают непреодолимое стремление к разрушению и смерти; уничтожение кажется им благословением, и они не только сами достигли бы смерти, но и с удовольствием наблюдали бы смерть других. Они понимают, что жизнь ускользает от них; сознание жалит и даже доводит их до отчаяния; само их существование - это восприятие смерти, и это адские муки. Человек слышит властный голос, приказывающий ему убить своего сына в колыбели. Он борется, он плачет, он убегает, но в конце концов берет топор и убивает ребенка. Другая, и эта ужасная история произошла совсем недавно, вызвана голосами, взывающими к сердцам; он забивает своих родителей до смерти, вскрывает им грудь, вырывает сердца и начинает пожирать их. Всякий, кто по своей свободной воле виновен в дурном поступке, предлагает этим фактом залог вечной гибели и не может предвидеть, к чему приведет его эта роковая сделка.

Бытие - это субстанция и жизнь; жизнь проявляется в движении; движение поддерживается равновесием; следовательно, равновесие - это закон бессмертия. Совесть - это осознание равновесия, которое является равенством и справедливости. Всякий избыток, когда он не смертелен, исправляется противоположным избытком; это вечный закон противодействия; но если избыток нарушает всякое равновесие, он теряется во внешней тьме и становится вечной смертью.

Душа земли несет с собой в головокружительном астральном движении все, что не оказывает сопротивления благодаря уравновешенным силам разума. Где бы ни проявлялась несовершенная и плохо сформированная жизнь, эта душа направляет свою энергию на ее уничтожение, точно так же, как жизненная сила вливается, чтобы залечить раны. Отсюда атмосферные расстройства, которые происходят по соседству с определенными больными людьми, отсюда жидкостные волнения, автоматическое перемещение столов, левитация, бросание камней и видимая и осязаемая проекция астральных рук и ног одержимыми людьми. Природа воздействует на раковую опухоль, которую она пытается искоренить, на рану, которую она стремится закрыть, или на какого-нибудь вампира, смерти которого желают, чтобы он мог вернуться к общему источнику жизни.

Самопроизвольное движение инертных объектов может быть результатом действия сил, которые намагничивают землю; дух, или, другими словами, мысль, ничего не может поднять в отсутствие рычага. Будь это иначе, то, так сказать, бесконечный труд Природы по созданию и совершенствованию органов был бы бесцельным. Если бы дух, освобожденный от чувств, мог подчинить материю своей воле, прославленные умершие были бы первыми, кто проявился бы в соответствии с порядком и гармонией, но вместо этого вокруг больных и капризных существ совершается только бессвязная и лихорадочная деятельность. Это неправильные магниты, которые выводят из строя душу земли; но когда земля находится в бреду из-за извержения таких несостоятельных существ, это происходит потому, что она проходит через кризис со своей стороны, и через кризис, который закончится сильными потрясениями.

В некоторых людях, которые выдают себя за серьезных, есть необычайное ребячество. Есть, например, маркиз де Мирвиль, [216] который приписывает все необъяснимые явления дьяволу. Но, мой дорогой сэр, если бы дьявол мог вмешаться в естественный порядок вещей, разве он не разрушил бы все? Согласно гипотезе о его характере, угрызания совести едва ли могли повлиять на него. Вы ответите, что Божья сила ограничивает, и то, что она ограничивает или не ограничивает, очевидно; но при первом предположении дьявол оказывается бессильным, в то время как при втором именно он является хозяином. Г-н де Мирвиль мог бы далее сказать, что Бог терпит его некоторое время. Достаточно ли он имеет в виду, чтобы обмануть бедных людей, достаточно ли, чтобы озадачить их головы, как известно, и без того деревянные? В этой альтернативе хозяином больше не является дьявол; скорее, им является Бог — но нет, никто не осмеливается продолжать: идти дальше означало бы богохульствовать.

Мы не понимаем должным образом гармоний бытия, которые следуют упорядоченной последовательности, как хорошо сказал знаменитый маньяк Фурье. Дух воздействует на духов посредством Слова; материя получает отпечатки духа и общается с ним посредством совершенного организма. Гармония форм связана с гармонией идей, и свет является общим посредником. Свет - это дух и жизнь; это синтез цветов, гармония теней, гармония форм; и его вибрации - живая математика. Но тьма и ее фантастические иллюзии, фосфоресцирующие ошибки сна и слова, произносимые в бреду, — все это ничего не создает, ничего не осознает и, одним словом, не существует. Такие вещи принадлежат к пределу жизни, являются испарениями астрального опьянения и бредом усталых глаз. Следовать за этими блуждающими огоньками - значит идти в тупик; верить в их откровения - значит поклоняться смерти: таково свидетельство Природы.

Бессвязность и оскорбления - единственные послания "переворачивания столов"; это отголоски низменных глубин мышления, абсурдных и анархических мечтаний, слов, которые отбросы народа используют для выражения неповиновения. Есть книга барона де Гюльденштуббе,[217] который притворяется, что ведет переписку с потусторонним миром. У него были ответы, и такие ответы — непристойные наброски, иероглифы отчаяния и следующая греческая подпись, [греч. pneuma thanatos], что можно перевести как “дух смерти”. Таково последнее слово феноменальных откровений, согласно американской доктрине; такова сама доктрина в отделении от жреческой власти и в попытке установить ее независимо от иерархического контроля. Реальность и важность этих явлений, добросовестность тех, кто в них верит, ни в коем случае не отрицаются; но мы должны предупредить всех, кого это касается, об опасностях, которым они подвержены, если не предпочтут дух мудрости, сообщаемый Церкви божественно и иерархически, всем этим беспорядочным и неясным посланиям, в которых текущая душа земли автоматически отражает мираж разума и мечты дремлющего разума.

КНИГА V АДЕПТЫ И ЖРЕЧЕСТВО —ОН В

ГЛАВА I СВЯЩЕННИКИ И ПАПЫ, ОБВИНЯЕМЫЕ В МАГИИ

Мы объяснили, что из-за профанаций и нечестия гностиков Церковь запретила Магию. Осуждение рыцарей-тамплиеров завершило разрыв, и с этого времени Магия, вынужденная скрываться и планировать месть в тени, в свою очередь подвергла Церковь остракизму. Более благоразумные, чем те архиеретики, которые выступали от алтаря к алтарю в публичный день и таким образом навлекали на себя донос и топор палача, adepts скрывали свое негодование, а также свои доктрины. Они связали себя ужасными клятвами и, понимая важность сначала добиться благоприятного мнения в суде общественного мнения, они отвергли зловещие слухи, которыми их самих преследовали, и объявили жречество перед народом школой Черной магии.

До тех пор, пока его убеждения не укоренены в несокрушимом фундаменте разума, человек страстно и безразлично желает как истины, так и лжи; с обеих сторон он обнаруживает жестокую реакцию. Кто положит конец этой войне? Только дух Того, кто сказал: “Не воздавай злом за зло, но побеждай зло добром”.

Католическое духовенство было обвинено в духе преследования, хотя его миссия - миссия доброго самаритянина, по этой причине оно вытеснило безжалостных левитов, которые продолжали свой путь, не проявляя сострадания к тому, кто попал к ворах. Именно проявлением человечности священники доказывают свое Божественное посвящение. Следовательно, в высшей степени несправедливо обвинять жречество в целом в преступлениях или определенных людей, которые, к сожалению, запечатлены священством. Для человека, как такового, всегда возможно быть злым; но истинный священник, напротив, всегда милосерден.

Так вот, ложные адепты не смотрели на вопрос с этой точки зрения;[218] для них христианское священство было аннулировано и, следовательно, являлось узурпирующей властью со времен запрещения гностиков. Что такое, говорили они, иерархия, ступени которой больше не регулируются совестью? То же незнание Тайн и та же слепая вера приводят к тому же фанатизму или тому же лицемерию главных лидеров и низших служителей святилища. Слепые - это лидеры слепых. Превосходство между равными - это уже не что иное, как результат интриги и случая. Пасторы освящают священные элементы грубой и беспорядочной верой; они жонглируют хлебом и поедают человеческую плоть; они больше не тауматурги, а колдуны. Таков был вердикт сектантов. Чтобы поддержать клевету, они придумали небылицы, утверждая, например, что папы были преданы духу тьмы еще с десятого века. Ученый Герберт, коронованный как Сильвестр II, признался — как говорят — в этом на своем смертном одре. Гонорий III, будучи тем, кто утвердил орден Святого Доминика и проповедовал Крестовые походы, сам был отвратительным некромантом, автором Гримуара, который до сих пор носит его имя и предназначен исключительно для священников. Те же самые ложные адепты выставляли напоказ и комментировали этот Гримуар, стремясь таким образом обратить против Святого Престола самый ужасный из всех популярных предрассудков того периода — смертельную ненависть к тем, кто, ошибочно или обоснованно, публично выдавался за колдунов.

Некоторые недоброжелательные или легковверные историки одобряют эти лживые выдумки. Таким образом, Платина, скандальный хроникер папства, воспроизводит у Мартинуса Полонуса клевету на Сильвестра II. Согласно этой басне, Герберт, который был сведущ в математике и каббале, вызвал дьявола и нуждался в его помощи, чтобы достичь понтификата. Демон не только пообещал осуществление его честолюбивых замыслов, но и подтвердил далее, что он умрет только в Иерусалиме, куда, как легко понять, маг внутренне решил никогда не отправляться. Он стал папой, как и обещал, но в определенный день, когда он служил мессу в церкви в Риме, он почувствовал себя серьезно больным и, внезапно вспомнив, что часовня, в которой он совершал богослужение, посвящена Святому Кресту Иерусалимскому, он понял, что произошло. Он приказал установить в часовне кровать и, созвав своих кардиналов, публично признался, что вступал в сношения с демонами. Далее Он повелел, чтобы его мертвое тело поместили на колесницу из зеленого дерева, запряженную двумя девственными лошадьми, одной черной, а другой белой; чтобы они отправились в путь, но их не вели и не гнали; и чтобы его останки были преданы земле везде, где будет сделана остановка. Колесница проехала таким образом по Риму и остановилась перед Латераном. Несколько мгновений были слышны громкие крики и стоны, после чего наступила тишина и состоялось погребение. Так заканчивается легенда, надлежащее место которой находится в справочниках лоточника.

Мартинус Полонус, на веру которому Платина повторяет подобные грезы, со своей стороны позаимствовал их (а) у некоего Гальфрида и (б) у Жервеза, составителя хроник, которого Ноде называет “величайшим сочинителем басен и самым отъявленным лжецом, когда-либо бравшим в руки перо”. Из источников аналогичной ценности протестанты почерпнули скандальную и явно апокрифическую историю о мнимой папе Иоанне, которая, как мы все слышали, тоже была колдуньей: действительно, ей до сих пор приписывают книги по Черной магии. Мы ознакомились с мемуарами этой женщины-папы римского, написанными протестантским историком, и обратили внимание на две очень любопытные гравюры, содержащиеся в них. Предполагается, что это портреты героини, но на самом деле это древние карты Таро,

изображающие Исиду, увенчанную тиарой. Хорошо известно, что иероглифическая фигура на второй карте Таро по-прежнему называется женщиной-папой римским, поскольку это женщина, носящая тиару, на которой изображены кончики полумесяца или рога Исиды. Один пример из протестантской книги еще более примечателен; волосы у фигуры длинные и редкие; на груди изображен солнечный крест; она сидит между двумя Геркулесовыми столпами, а позади нее течет океан, на поверхности воды распускаются цветы лотоса. Второй портрет изображает то же самое божество, с атрибутами суверенного жречества и держащее на руках своего сына Гора. Как каббалистические документы, эти две картины представляют исключительную ценность, но они мало подходят для целей тех, кто интересуется папой Иоанном.

Чтобы опровергнуть обвинение в колдовстве в отношении Герберта, предположив, что к нему можно отнестись серьезно, было бы достаточно упомянуть, что он был самым образованным человеком своего века и, будучи наставником двух государей, был обязан своим избранием благодарности одного из своих августейших учеников. Он обладал необычайными познаниями в математике, а его познания в физике, возможно, превосходили познания его эпохи; одним словом, он был человеком универсальной эрудиции и больших способностей, о чем свидетельствуют письма, которые он оставил, хотя он и не был обличителем королей, как ужасный Гильдебранд. Он предпочел наставлять принцев, а не отлучать их от церкви, и, пользуясь благосклонностью двух французских королей и трех императоров, ему не было необходимости, как справедливо заметил Ноде, продавать себя дьяволу за архиепископства Реймса и Равенны или за папство в качестве преемника им. Это правда, что он последовательно занимал должности, в какой-то степени несмотря на свои заслуги; это был век, когда способных политиков принимали за одержимых, а образованных - за чародеев. Герберт был не только великим математиком, как мы уже говорили, и выдающимся астрономом, но он также преуспел в механике и, по словам Уильяма Малмсберийского, соорудил в Реймсе такие замечательные гидравлические машины, что сама вода исполняла симфонии и исполняла самые чарующие мелодии. Более того, по словам Дитмара, он украсил город Магдебург часами, которые регистрировали все движения неба и время восхода и захода звезд. Наконец, по свидетельству Ноде,^[219] которого мы с удовольствием цитируем еще раз, он произвел “то испытание меди, которое было изобретено так остроумно, что вышеупомянутый Уильям Малмсберийский сам был обманут этим и отнес его к Магии. Далее, Онуфрий утверждает, что видел в библиотеке Фарнезе ученую книгу по геометрии, составленную тем же Гербертом; и что касается меня, то я считаю, что, не принимая во внимание мнение, выраженное Эрфордиенсисом и некоторыми другими, которые считают его создателем часов и арифметики в том виде, в каком они существуют сейчас среди нас, все эти свидетельства достаточно веские, чтобы оправдать вывод, что те, кто никогда не слышал о кубе, параллелограмме, додекаэдре, альмикантаре, вальсагоре, альмагриппе, каталземе и других именах, никогда не слышали о кубе, параллелограмме, додекаэдре. , достаточно знакомый в наши дни для тех, кто понимает математику, предположил, что это были духи, вызванные Гербертом, и что такое множество столь редких вещей не могло исходить от одной личности при отсутствии экстраординарных преимуществ, из обладания которыми следовало, следовательно, что он, должно быть, был магом ”.

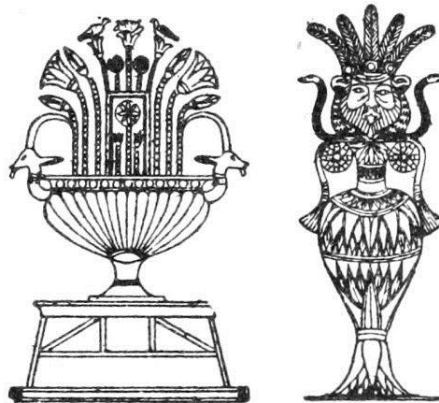
Чтобы показать, до каких пределов дерзости и недобросовестности дошли составители хроник, остается сказать, что Платина^[220]— это злобно-наивное эхо всех римских пасквинад — утверждает, что сама могила Сильвестра II превратилась в колдуна, пророчески рыдающего при

приближении падения каждого папы и что нечестивые кости Герберта тряслись и стукались друг о друга, когда один из них был при смерти. Эпитафия, выгравированная на гробнице, придает колорит этим чудесам — так беззастенчиво добавляет библиотекарь Сикста IV. Таковы доказательства, которые считаются историками достаточными для подтверждения существования любопытного исторического документа. Платина был библиотекарем Ватикана; он написал свою историю пап по приказу Сикста IV; он писал также в Риме, где не могло быть ничего проще, чем проверить истинность или ложность такого утверждения, которое, несмотря на мнимую эпитафию, никогда не существовало вне воображения авторов, у которых Платина заимствовал с невероятной неосторожностью[221]— обстоятельство, которое справедливо вызывает негодование честного Ноде, чьи дальнейшие замечания последуют: “Это чистый обман и явная ложь, как в отношении опыта, так и в отношении того, что произошло”. речь идет о мнимых чудесах у могилы Сильвестра II — их никто никогда не видел — и о предполагаемой надписи на могиле, которая — в том виде, в каком она существует на самом деле, — была составлена Сергием IV и не только не подтверждает предполагаемые магические басни, но, напротив, является одним из самых превосходных свидетельств хорошей жизни и честности Сильвестра, которые только можно пожелать. Поистине позорно, что так много католиков являются пособниками клеветы, о которой не упоминают Мариан Скот, Глабер, Дитмар, Гельгандус, Ламберт и Герман Контрактус, которые были его современниками”.

Переходя теперь к Гримуару Гонория, именно третьему носителю этого имени, или одному из самых ревностных понтификов 13 века, приписывается эта нечестивая книга. Несомненно, Гонория III, скорее всего, ненавидели сектанты и некроманты, и они вполне могли попытаться опозорить его, представив своим сообщником. Сенций Савелли, коронованный папой в 1216 году, утвердил орден Святого Доминика, который оказался столь грозным для альбигойцев и водуа - этих детей манихеев и колдунов. Он основал также францисканцев и кармелитов, проповедовал крестовый поход, мудро управлял Церковью и оставил множество декреталий. Обвинять в Черной магии папу столь убежденного католика[222] - значит бросать аналогичное подозрение на великие религиозные ордена, которые он учредил, и дьявол этим вряд ли мог не воспользоваться.

Однако некоторые старые копии "Гримуара Гонория" носят имя Гонория II, но невозможно сделать колдуном того элегантного кардинала Ламберта, который после своего продвижения к суверенному понтификату окружил себя либо поэтами, которым он даровал епископство для элегий — как в случае с Хильдебертом, епископом Мана, — либо учеными богословами, такими как Хью де Сен-Виктор. Но так случилось, что имя Гонория II является для нас лучом света, указывающим на истинного автора ужасного гримуара, о котором идет речь.[223] В 1061 году, когда империя начала обижаться на папство и пыталась узурпировать влияние священнослужителей, разжигая смуты и разногласия в священной коллегии, епископы Ломбардии, побуждаемые Жильбертом Пармским, протестовали против избрания Ансельма, епископа Лукки, который был возведен на папский престол как Александр II. Император Генрих IV встал на сторону инакомыслящих и уполномочил их избрать другого папу, пообещав поддержать их. Они выбрали Кадулуса или Кадалуса, интригующего епископа Пармы, человека, способного на любые преступления и публичный скандал из-за симонии и наложничества. Он принял имя Гонорий II и выступил во главе армии против Рима. Он потерпел поражение и был осужден всеми прелатами Германии и Италии. Вернувшись к делу, он овладел частью Святого Города и вошел в собор Святого Петра; он был изгнан и укрылся в замке Святого Анджело, откуда получил разрешение удалиться только после уплаты крупного выкупа. Именно тогда

Отон, архиепископ Кельнский, посланник императора, осмелился публично упрекнуть Александра II в узурпации Святого Престола; но монах по имени Гильдебранд вступился за законного понтифика с такой силой красноречия, что император в замешательстве отступил и попросил прощения за свои собственные преступные попытки. Гильдебранд, о котором идет речь, уже был в поле зрения провидения, того грозного Григория VII, который должен был прийти и который таким образом положил начало делу своей жизни. Антипапа был низложен Мантуанским собором, и Генрих IV добился его помилования. Кадалус вернулся в неизвестность, и именно тогда, вероятно, он решил стать верховным жрецом колдунов и отступников, в этом качестве и под именем Гонория II он составил Гримуар, который проходит под этим именем.^[224]

ОКУЛЬТНЫЕ ПЕЧАТИ И ПРИМИТИВНЫЕ ЕГИПЕТСКИЕ КАРТЫ ТАРО

То, что известно о характере антипапы, придает окраску обвинению подобного рода; он был дерзок в присутствии слабых, пресмыкался перед сильными, распутен и интриговал, лишен веры и морали, не видел в религии ничего, кроме двигателя безнаказанности и грабежа. Для такого человека христианские добродетели были препятствием, а вера в духовенство - трудностью, которую необходимо было преодолеть; поэтому он назначал священников по

своему усмотрению, то есть способных, так сказать, на все преступления и святотатства. Так вот, это, по-видимому, и было главной целью Гримуара, названного "Гримуар Гонория".

Работа, о которой идет речь, не лишена важности для тех, кто интересуется наукой. На первый взгляд это кажется простым переплетением отвратительных абсурдов,^[225] но для тех, кто посвящен в знаки и секреты Каббалы, это буквально памятник человеческой извращенности, поскольку дьявол предстает в нем как инструмент власти.

Использовать людскую доверчивость и обратить доминирующее в ней пугало на счет адепта и его капризов — таков секрет работы. Она стремится сделать тьму еще темнее перед глазами толпы, узурпируя факел науки, который при необходимости и в смелых руках может стать факелом мясников и поджигателей. Отождествлять веру с рабством, оставляя власть и свободу за собой, на самом деле означает представлять себе царствование сатаны на земле, и не должно быть ничего удивительного, если авторы такого заговора против общественного здравого смысла и религии надеются проявить и, в некотором смысле, воплотить на земле фантастического властелина империи зла.

Доктрина этого Гримуара такая же, как у Симона и большинства гностиков: это замена^[226] пассивного принципа активным. Пантакль, который образует фронтиспис к произведению, выражает эту доктрину, представляя страсть преобладающей над разумом, обожествленный чувственность и приоритет женщины перед мужчиной, тенденцию, которая повторяется во всех антихристианских мистических системах. Полумесяц Исиды занимает центр фигуры и окружен тремя треугольниками, расположенными один внутри другого. Треугольник увенчан *крестом ансата* с двойной перекладиной. Он вписан в круг, и в пространстве, образованном тремя сегментами круга, на одной стороне изображены знак духа и каббалистическая печать Соломона, на других - магический нож и начальная буква двоичной системы, под перевернутым крестом, образующим фигуру лингама, и именем Бога ʔח= АЛ, также перевернутым. О круге написано: "Повинуйтесь своим начальникам и подчиняйтесь им, ибо они увидят, что вы делаете".^[227]

Превращенный в символ или исповедание веры, этот пантакль, таким образом, текстуально выглядит следующим образом: —Фатальность царит благодаря математике, и нет другого Бога, кроме Природы. Догмы являются вспомогательным средством жреческой власти и навязываются массам для оправдания жертвоприношений. Посвященный стоит выше любой религии и использует все, но то, что он говорит, противоречит тому, во что он верит. Закон послушания предписывает, а не объясняет; посвященных заставляют командовать, а нечестивцев - повиноваться.

Все, кто изучал оккультные науки, знают, что древние маги никогда не выражали свою доктрину письменно, но формулировали ее с помощью символических знаков пантаклей. На второй странице книги изображены две круглые магические печати. На первой изображен квадрат Тетраграммы с инверсией и заменой имен. Вместо ʔח ʔח = EIEIE ʔח ʔח = Иегова; ' ʔ תח = Адонай; אלה = Агла—четыре священных слова, обозначающие:^[228] абсолютного бытия есть Иегова, Господь в Трех Лицах, Бога и иерархии Церкви, автор Гримуара заменил: ʔח ʔח Иегова; ' ʔ תח, АДНИ; אלה, Д'RAR; ʔח ʔח, EIEIE—которое обозначает: Иегова, Господь, Который есть ни что иное, роковой принцип вечного перерождения, олицетворением этой же перерождения в абсолютного бытия.

Вокруг квадрата внутри круга начертано имя Иеговы в его надлежащей форме, но также перевернутое; слева — имя Адонаи, а справа - три буквы **אח**, ACHV, за которыми следуют две точки, передающие весь смысл: Небеса и ад являются отражением друг друга; то, что вверху, равнозначно тому, что внизу; Бог - это человечество, человечество выражается буквами ACHV, которые являются инициалами Адама и Евы.[229]

На второй печати написано имя **אראריטא**, АРАРИТА, а под ним - **אש**, РАШ, окружающее двадцать шесть каббалистических символов. Под печатью расположены десять букв иврита, приведенных в следующем порядке: **טבבררררהב**. Целое - это формула материализма и фатализма, которая слишком длинна и, возможно, слишком опасна для объяснения в этом месте. Следующим по порядку идет пролог "Гримуара", который может быть приведен полностью.[230]

“Святой Апостольский Престол, которому ключи от Царства Небесного даны теми словами, которые Иисус Христос адресовал Святому Петру: "Я даю тебе Ключи от Царства Небесного, и только тебе одному власть повелевать Князем Тьмы и его ангелами, которые, как рабы своего господина, обязаны ему честью, славой и послушанием, в силу тех других слов Иисуса Христа, обращенных к самому сатане: "Ты должен поклоняться Господу, Богу твоему, и Ему одному ты должен служить" — следовательно, силой этих Ключей Главой Церкви стал Господь из ада. Но, видя, что до настоящего времени только Суверенные Понтифики отвечали за вызывание Духов и повелевание ими, Его Святейшество Гонорий II, тронутый его пастырской заботой, великодушно пожелал передать науку и силу вызываний и власть над духами своим достопочтенным Братьям в Иисусе Христе, с заклинаниями, которые должны быть использованы в таком случае; поэтому теперь все это содержится в Булле, которая приводится ниже”.

Здесь, по всей правде, находится понтификат ада, это святотатственное священство антипап, которое Данте, кажется, клеймит в хриплом крике, издаваемом одним из его князей гибели: *Папа Сатана, папа сатана: Алеппо*. Пусть законный понтифик продолжает оставаться князем небес; антипапе Кадалу достаточно быть властелином ада. “Будь Он Богом добра, ибо я - бог зла; мы разделены, но мои силы равны”.

Далее следует Булла адского понтифика,[231] и тайна мрачных вызываний излагается в ней с потрясающим знанием, скрытым под суеверными и святотатственными формами. Посты, бдения, профанация мистерий, аллегорические церемонии и кровавые жертвоприношения сочетаются с искусной злобой. Воскрешения не лишены поэзии или энтузиазма, смешанного с ужасом. Например, автор предписывает, чтобы оператор вставал в полночь в четверг на первой неделе вызываний, окроплял свою комнату святой водой и зажигал свечу из желтого воска, приготовленную накануне и проткнутую в форме креста. При неверном свете этой свечи он должен войти в церковь один и тихим голосом прочитать Заупокойную службу, заменив девятый урок заутрени следующим ритмичным заклинанием, которое здесь переведено с латыни, сохраняя его странную форму и припевы, напоминающие монотонные заклинания колдунов старого света.

Господи, избавь меня от адских ужасов,

Освободи мой дух от могильных личинок;

Чтобы найти их, я спущусь в их ад невредимым:

Я навязую им свою волю в виде закона.

Я призову ночь и ее тьму, чтобы они явили великолепии:

Восстань, о Солнце; и, Луна, будь ты белой и сверкающей;

С тенями ада я буду говорить и не признаюсь ни в каком ужасе:

Я навязую им свою волю в виде закона.

Ужасны они с виду, фантастичны с виду их формы:

Я хочу, чтобы демоны снова стали ангелами.

Откуда к их безымянному искажению я обращаюсь, никогда не боясь:

Я навязую им свою волю в виде закона.

Эти оттенки - иллюзии, вызываемые испуганным взглядом;

Я и только я могу исцелить их разрушенную красоту,

И в глубины ада я погружаюсь без всяких сомнений:

Я навязую им свою волю в качестве закона.[\[232\]](#)

После многих других церемоний наступает ночь пробуждения. В зловещем месте, при свете костра, разведенного сломанными крестами, тлеющими угольками креста очерчивают круг, читая при этом магический гимн, содержащий строки нескольких псалмов. Это может быть представлено следующим образом:[\[233\]](#)

“О Господь, царь радуется Твоей силе; позволь мне завершить дело моего рождения. Пусть тени зла и ночные призраки будут подобны пыли, уносимой ветром.... О Господь, ад просветлен и сияет в Твоем присутствии; Тобою все заканчивается, и все начинается Тобою: Иегова, Цабаоф, Элохим, Элои, Гелион, Гелиос, Иодхева, Шаддай. Лев Иудейский восходит во всей Своей славе; Он приходит, чтобы завершить победу царя Давида. Я снимаю семь печатей страшной книги. Сатана падает с небес, подобно летней молнии. Ты сказал мне: будь подальше от ада и его мучений; они не привлекут тебя в твои чистые обители. Твои глаза выдержат взгляд василиска; твои ноги будут бесстрашно ступать по аспиду; ты будешь брать в руки змей, и они будут побеждены твоей улыбкой; ты будешь пить яды, и они ни в коем случае не причинят тебе вреда. Элохим, Элохав, Цабаоф, Гелиос, Эхия, Эиазереи, О Теос, Цехирос. Господня земля и полнота ее; Он утвердил ее над зияющей бездной. Кто взойдет на гору Господню? Невинный руками и чистый сердцем; тот, кто не держал истину в плену и не принял ее для того, чтобы позволить ей оставаться праздною; тот, кто постиг высоту в своей душе и не поклялся лживым словом. Тот же получит силу для своих владений, и это - бесконечность человеческого рождения, порождение земель и огнем, божественное рождение тех, кто ищет Бога. Князя природы, расширьте свои двери; иго небес, Я поднимаю тебя. Придите ко мне, вы, святые когорты: узрите Царя славы. Он заслужил свое имя; он держит в своей руке печать Соломона. Учитель разорвал черные оковы

сатаны и увел пленника в плен. Только Господь есть Бог, и только Он - Царь. Слава только Тебе, Господи; слава и преславие Тебе”.^[234]

Кажется, что мрачные пуритане Вальтера Скотта или Виктора Гюго сопровождают фанатичными псалмопевцами безымянную работу волшебников в "*Фаусте* или *Макбете*.

В заклинании, обращенном к тени великана Нимрода, дикого охотника, положившего начало Вавилонской башне, адепт Гонория угрожает этому древнему негодяю заковыванием его цепей и ежедневными пытками, если он не подчинится немедленно воле оператора. Это возвышенность гордыни в бреду, и этот антипапа, который мог понимать первосвященника только как правителя ада, кажется, жаждет узурпированного и скорбного права вечно мучить мертвых, как бы в отместку за презрение и отвержение живых.

ГЛАВА II

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕШСКИХ КОЧЕВНИКОВ

В начале пятнадцатого века орды неизвестных смуглых странников начали распространяться по Европе.^[235] Иногда их называли богемцами, потому что они утверждали, что родом из Богемии, иногда египтянами, потому что их предводитель принял титул герцога Египта, они упражнялись в искусстве гадания, воровства и мародерства. Это были кочевые племена, располагавшиеся бивуаками в хижинах собственной постройки; их религия была неизвестна; они выдавали себя за христиан; но их ортодоксальность была более чем сомнительной. Между собой они практиковали коммунизм и распущенность, а в своих гаданиях использовали странную последовательность знаков, аллегорическую по форме и зависящую от свойств чисел. Откуда они пришли? Из какого проклятого и исчезнувшего мира были они, выжившие беспризорники? Были ли они, как верили суеверные люди, отпрысками колдуний и демонов? Какой умирающий и преданный Спаситель обрек их на вечные скитания? Была ли это большая семья Странствующего еврея или остатки десяти колен Израилевых, потерянные из виду в плену и долгое время скованные Гогом и Магогом в неизвестных регионах? Таковы были вопросы, вызывавшие сомнение при появлении этих таинственных незнакомцев, которые, казалось, сохранили только суеверия и пороки исчезнувшей цивилизации. Враги тяжелого труда, они не уважали ни собственность, ни семью; они тащили за собой своих женщин и детей; они нарушали покой честных обитателей дома своими мнимыми предсказаниями. Как бы то ни было, их первый лагерь в окрестностях Парижа описан одним писателем следующим образом:

“В следующем, 1427 году, в воскресенье после середины августа, то есть 17 числа месяца, в окрестности Парижа прибыли двенадцать так называемых исправительных учреждений — герцог, граф и десять человек, все на лошадях, заявив, что они добрые христиане, родом из Нижнего Египта. Далее они заявили, что в прежние времена они были завоеваны и обращены в христианство, те, кто отказывался, были преданы смерти, в то время как те, кто соглашался на крещение, оставались правителями страны. Некоторое время спустя сарацины вторглись в них, и многие, кто не был тверд в вере, не пытались противостоять или защищать свою страну, как это было связано долгом, но подчинились, стали сарацинами и отреклись от нашего Спасителя. Император Германии, король Польши и другие правители, узнав, что народ так легко отрекся от

своей веры, став сарацинами и идолопоклонниками, напали на них и снова легко покорили. Сначала казалось, что у них было намерение оставить их в их стране, чтобы они могли вернуться к христианству, но после обсуждения на совете император и остальные короли постановили, что они никогда не должны владеть землей в своей родной стране без согласия папы, для получения которого они должны отправиться в Рим. Туда они отправились в большом количестве, молодые и старые, что повлекло за собой большие страдания для самых маленьких. Они исповедались в своих грехах в Риме, и папа, обсудив это со своими советниками, наложил на них в качестве епитимьи семилетнее скитание по миру без сна в постели. Далее он постановил, что каждый епископ и аббат с посохом должны раз и навсегда выдать им по десять ливров турецкой валюты в качестве взноса на их расходы. Он вручил им соответствующие письма, дал им свое благословение, и в течение пяти лет они странствовали по миру.

“Несколько дней спустя, в день мученической смерти святого Иоанна Крестителя, или 29 августа, за ними последовала основная орда, которой не разрешили войти в пределы Парижа, но разместили в часовне Сен-Дени. Их насчитывалось около 120 человек, включая женщин и детей. Они заявили, что, когда они покинули свою страну, их было тысяча или тысяча двести душ; остальные умерли в дороге, среди них их король и королева; оставшиеся в живых все еще надеялись стать обладателями мирских благ, поскольку святой отец пообещал им хорошие и плодородные земли, когда их покаяние закончится.

“Пока они были в часовне, на благословении никогда не было такой большой толпы, потому что люди стекались посмотреть на них из Сен-Дени, Парижа и пригородов. Их дети, как мальчики, так и девочки, были самыми ловкими обманщиками. Почти у всех были проколоты уши, и в каждом ухе было по одному или двум серебряным кольцам, которые, по их словам, были признаком хорошего происхождения в их собственной стране; они были чрезвычайно смуглыми и с густыми волосами. Женщины были самыми уродливыми и черными из всех, когда-либо виденных; их лица были покрыты язвами, волосы черны, как лошадиный хвост, их одежда состояла из старой *флауссуа* или *скьявины*, перевязанной через плечо веревкой или куском ткани, а под ней - бедной рубашки. Одним словом, это были самые жалкие существа, которых когда-либо видели во Франции, на памяти старейшего жителя. Несмотря на их бедность, среди них были колдуньи, которые осматривали руку, рассказывая, что случилось с человеком, обратившимся к ним за консультацией, в их прошлой жизни и что ожидало их в будущем. Они нарушали покой домочадцев, ибо доносили на мужа жене и на жену мужу. И что было еще хуже, рассказывая людям о своем магическом искусстве, они умудрялись наполнять свои кошельки, опустошая кошельки своих слушателей. Один житель Парижа, рассказывающий об этих фактах, добавляет, что он сам разговаривал с ними три или четыре раза, не потеряв ни полпенни; но это сообщение людей повсюду, и новость дошла до епископа Парижа, который отправился туда, взяв с собой монаха-минорита по имени маленький якобинец, и он, по приказу епископа, произнес большую проповедь и отлучил от церкви всех мужчин и женщин, которые предсказывали судьбу, и всех, кто показывал свои руки. Орде было приказано отступить, и она соответственно отбыла 8 сентября, направляясь к Понтуазу”.

Неизвестно, продолжили ли они свой путь к северу от столицы, но память о них сохранилась в одном из уголков Северного департамента. “На самом деле, в лесу недалеко от деревни Хамель, в пятистах футах от друидического памятника, состоящего из шести камней, есть фонтан,

который называется Кухней Колдуна, и именно там, согласно традиции, *Кара Марас* отдыхали и утоляли свою жажду. Теперь это, несомненно, были *карасмары*, а именно богемцы, или странствующие колдуны и прорицатели, которым древние фламандские хартии предоставляли право питаться за счет местных жителей”.

Они покинули Париж, но на их место пришли другие, так что Францию эксплуатировали не меньше, чем другие страны. Нет никаких записей об их высадке в Англии или Шотландии, но очень скоро численность последнего королевства превысила сто тысяч человек.^[236] Их называли *seard* и *caird*, что означает "ремесленники", поскольку шотландское слово происходит от санскритского k + r, откуда происходит глагол делать, от цыганского *Ker-aben* и латинского *cerdo*, или растяпа, которыми они не являются. Если в тот же период не было никаких следов их присутствия в северной Испании, где христиане нашли убежище от мусульманского господства, то это, несомненно, потому, что арабы на Юге были им больше по душе; однако при Иоанне II цыгане четко отличались от этих последних, хотя никто не знал, откуда они пришли. Подводя итог, можно сказать, что с того времени, о котором идет речь, они были широко известны на всем европейском континенте. Один из отрядов короля Синдела появился в Ратисбоне в 1433 году, в то время как сам Синдел в сопровождении своего резерва разбил лагерь в Баварии в 1439 году. По-видимому, он был родом из Богемии, поскольку баварцы, не подозревавшие, что в 1433 году это племя выдавало себя за египтян, называли их богемцами, под этим именем они вновь появились во Франции и поэтому были известны там. Волей-неволей их терпели. Одни бродили по горам в поисках золота в реках; другие ковали подковы для лошадей и цепи для собак; другие — скорее мародеры, чем пилигримы — ползали повсюду, разыскивая, и везде совершали кражи. Некоторые из них, устав постоянно переносить и чинить свои палатки, остановились и выдолбили лачуги, квадратные хижины высотой от четырех до шести футов, расположенные под землей и покрытые крышей из зеленых ветвей, гребень которой, установленный поперек двух кольев в форме буквы Y, возвышался над землей едва ли более чем на два фута. Именно в этой берлоге, от которой во Франции сохранилось лишь название, вся семья сбилась в кучу. В таком жилище, где не было другого выхода, кроме двери и отверстия для выхода дыма, отец стучал молотком, дети, присев на корточки у костра, раздували мехи, а мать варила котелок, в котором были только браконьерские трофеи. Среди старой одежды, уздечки и ранца, подвешенных на длинных деревянных гвоздях, без всякой другой мебели, кроме наковальни, клещей и молотка, встретились доверчивость и любовь, служанка и рыцарь, хозяйка поместья и паж. Там они подставляли свои обнаженные белые руки пронизательному взгляду сивиллы; там покупалась любовь, продавалось счастье, и ложь находила свое воздаяние. Оттуда пришли шарлатаны и карточные шулеры, усыпанные звездами мантии и остроконечные шляпы фокусников, бродяги и их сленг, уличные танцовщицы и дочери радости. Это было царство праздности и *трюфелей*, вийонских манер и бесплатных обедов. Это были люди, которые постоянно были заняты ничегонеделанием, как выразился простой рассказчик средневековья. Столь же скромный и выдающийся ученый, месье Вайан, автор истории *римлян*, или богемы, некоторые страницы которой мы цитировали, дает не более лестный портрет, хотя и приписывает цыганам большое значение в жреческой истории древнего мира. Он рассказывает, как эти странные протестанты примитивной цивилизации, путешествующие сквозь века с проклятием на лбу и грабежом в руках, сначала вызывали любопытство, затем недоверие, а в конце концов — запрет и ненависть со стороны средневековых христиан. Будет легко понять, какие опасности могут угрожать этому народу без отечества, паразитам или всему миру и гражданам ниоткуда. Это были бедуины, которые бродили по империям, как по

пустыням; это были кочевые воровы, которые бродили повсюду и нигде не задерживались. Быстро выяснилось, что люди считали их колдунами, даже демонами, бросающими жребий, похитителями детей, и для всего этого были какие-то основания. Более того, кочевников повсюду стали обвинять в том, что они тайно совершают страшные мистерии; их считали ответственными за все неизвестные убийства, за все таинственные похищения, подобно тому как греки Дамаска обвинили евреев в убийстве члена их братства и питье его крови. Утверждалось, что они отдавали предпочтение мальчикам и девочкам от двенадцати до пятнадцати лет. Это был эффективный способ добиться того, чтобы молодежь внушала им ужас и избегала их; но все равно это было отвратительно, потому что дети и простые люди слишком доверчивы, в то время как страх порождает ненависть, а также имеет тенденцию порождать преследования. Именно это и произошло; их не только избегали и от них бежали, но им было отказано в огне и воде; Европа стала подобна Индии в их отношении, и каждый христианин был Брахманом, вооруженным против них. В некоторых странах, если молодая девушка подходила к одному из них, чтобы подать милостыню из милосердия, ее рассеянная гувернантка предупреждала ее, чтобы она была осторожна, потому что цыганка была *каткаоном*, людоедом, который сосал ее кровь, когда она спала ночью. Девушка, дрожа, отшатнулась. Если мальчик проходил достаточно близко, чтобы его тень падала на стену, возле которой они сидели, и где, возможно, ела или грелась на солнышке целая цыганская семья, его учитель кричал: “Отойди, дитя; эти вампиры украдут твою тень, и твоя душа будет танцевать на их Шабаше всю вечность”. Точно так же христианская ненависть воскресила *лему*ров и гоблинов, вампиров и огров в качестве основания для их импичмента. “Они происходили от Мамвриса, чудеса которого соперничали с чудесами Моисея; они были посланы царем Египта повсюду шпионить за детьми Израиля и сделать их участь невыносимой; они были убийцами, которых Ирод использовал для истребления первенцев Вифлеема; они действительно были язычниками для других, но они не понимали ни единого слова по-египетски, их язык, напротив, включал в себя большую часть иврита, и поэтому они были отбросами той презренной расы, которая спала в гробницах Иудеи после того, как пожирала трупы, которые были убиты”. они содержали; в остальном это были те самые евреи-негодяи, которых пытали, преследовали и сожгли в 1348 году за то, что они отравили наши колодцы и цистерны, и они снова вернулись к своей работе. В качестве последней альтернативы, будь то евреи или египтяне, ессеи или хузианцы, фараоны или кафторианцы, ассирийские балистари или ханаанские филистимляне, они были ренегатами, и в Саксонии, Франции и повсюду было засвидетельствовано, что они годны только для сожжения и повешения.

Обрушившееся на них проклятие пало и на ту странную книгу, по которой они обычно справлялись о судьбе и получали предсказания. Его цветные карточки с непонятными фигурами, несомненно, являются монументальным изложением всех древних откровений, ключом к египетским иероглифам, а также ключами Соломона, первобытными писаниями Еноха и Гермеса. Автор, на которого мы ссылаемся, демонстрирует здесь незаурядную проницательность, говоря о Таро как о человеке, который еще не понимает его в совершенстве, но глубоко изучил. Вот что он говорит: —

“Форма, расположение этих табличек и фигур, которые они изображают, хотя и значительно изменены временем, настолько явно аллегоричны, в то время как аллегория так близко соответствует гражданской, философской и религиозной доктрине древности, что приходится рассматривать их как синтез вопросов веры древних народов. Мы уже пытались сделать очевидным, что Таро является выводом из звездной *Книги Еноха*, который есть Хенохия; что оно

составлено по образцу астрального колеса Атора, который есть Ас-тарот; что, подобно индийской От-таре, которая является белым медведем или Арктура в северном полушарии, это форс мажор (*tarie*), на котором покоится прочность мира и звездный свод земли. Следовательно, подобно белому медведю, который считается колесницей солнца, колесницей Давида и Артура, это греческая удача, китайская судьба, египетская опасность, удел цыган; и что в своем непрерывном вращении вокруг белого Медведя звезды изливают на землю те покровительства и фатальности, тот свет и тень, холод и жар, откуда проистекают добро и зло, любовь и ненависть, которые составляют человеческое счастье.

“Если происхождение этой книги настолько затеряно во мраке времен, что никто не знает, где и когда она была изобретена, все приводит нас к мысли, что она имеет индо-татарское происхождение и что, по-разному видоизмененная у древних народов, в соответствии с этапами развития их доктрин и особенностями их мудрецов, это была одна из их книг по оккультной науке, возможно, даже одна из их сивиллиных книг. Мы достаточно указали путь, по которому оно дошло до нас; мы видели, что оно должно было быть известно римлянам и что оно пришло к ним не только с первых дней империи, но и самой Республики, благодаря вмешательству тех многочисленных чужеземцев восточного происхождения, которые были посвящены в мистерии Вакха и Исида и которые передали свои знания наследникам Нумы”.

Вайан не говорит, что четыре иероглифических знака Таро - Жезлы, Кубки, Мечи и Отрицатели, или золотые круги — встречаются у Гомера, изваянные на щите Ахилла; но, по его словам: “Кубки - это дуги времени, сосуды или корабли небес. Отрицатели - это созвездия, неподвижные и подвижные звезды. Мечи - это огни, пламя, лучи; Жезлы - это тени, камни, деревья, растения. Туз Кубков - это сосуд вселенной, свод небесной истины, принцип земли. Туз Отрицателей - это солнце, великое око мира, опора и элемент жизни. Туз Мечей - это копье Марса, откуда приходят войны, несчастья и победы. Туз жезлов - это змеиный глаз, пастушеский посох, стрекало пастуха, дубинка Геркулеса, эмблема сельского хозяйства. Двойка Чаш - это корова, Ио или Исида, и бык Апис или Мневис. Тройка Чаш - это Исида, луна, владычица и царица ночи. Тройка Отрицателей - это Осирис, солнце, владыка и царь дня. Девятка Отрицателей - это посланник Меркурий, или ангел Гавриил. Девятка Чаш - это зачатие хорошей судьбы, откуда приходит счастье”.

Наконец, месье Вайан сообщает нам, что существует китайская диаграмма, состоящая из иероглифов, образующих большие продолговатые ячейки такого же размера, что и карты Таро. Эти отделения расположены в шести перпендикулярных колоннах, первые пять из которых состоят из четырнадцати отделений в каждой, что составляет всего семьдесят; в то время как шестое заполнено только наполовину и содержит семь отделений. Более того, эта диаграмма составлена из той же комбинации числа семь; каждый полный столбец состоит из дважды семи или четырнадцати отсеков, в то время как половина столбца содержит семь отсеков. Это настолько похоже на карты Таро, что четыре масти последних занимают четыре первых столбца; в пятом столбце находится двадцать один козырь, в то время как семь оставшихся козырей находятся в шестом столбце, последний представляет шесть дней, составляющих неделю творения. Теперь, согласно китайцам, эта диаграмма восходит к первой эпохе их империи, когда Иао осушил воды всемирного потопа. Отсюда следует вывод, что это либо оригинал Таро, либо его копия; что в любом случае Таро предшествует Моисею, относится к началу веков или эпохе составления Зодиака; и что, следовательно, его возраст составляет шесть тысяч шестьсот лет.[\[237\]](#)

“Таково цыганское Таро, из которого путем перестановки евреи сделали слово *Тора*, обозначающее Закон Иеговы. Тогда это была не игра, как в наши дни, а книга, и серьезная книга, книга символов и эмблем, аналогий или отношений между звездами и человеком; книга судьбы, с помощью которой волшебник раскрывал тайны фортуны. Его фигуры, их названия, их число и оракулы, почерпнутые из них, естественно, заставляли христиан рассматривать его как орудие дьявольского искусства, произведение Магии. Отсюда понятно, с какой суровостью они запретили это в тот момент, когда им стало известно о том злоупотреблении доверием, которое опрометчивый *Саги* совершил из-за доверчивости общественности. Таким образом, вера в его послание была утрачена, и Таро превратилось в игру, в то время как его изображения претерпевали изменения в соответствии со вкусом народов и духом сменяющих друг друга веков.^[238] Именно работе в этой тривиальной форме мы обязаны нашими современными игральными картами, комбинации которых сравнимы с комбинациями карт Таро точно так же, как игра в шашки сравнима с игрой в шахматы. Из этого следует, что происхождение карт ошибочно приписывается правлению Карла VI, и далее можно отметить, что посвященные Ордена Пояса, основанного до 1332 года Альфонсом XI, королем Кастилии, обязались не играть в карты. Мудрец рассказывает нам, что во времена Карла V святой Бернар Сиенский приговорил карты к сожжению и что тогда они назывались *триумфалами* в честь триумфальной игры, разыгрываемой в честь победоносного Осириса или Ормузда, представленного одной из карт Таро. Более того, этот король сам запретил играть в карты в 1369 году, и причина, по которой маленький Жан де Сентре был удостоен его благосклонности, заключалась в том, что он не играл. В те дни карты назывались *Найпес* в Испании и *Науби* в Италии, *Науби* - дьяволицы, сивиллы и пифии”.

Месье Вайан, из которого мы снова цитировали, считает, следовательно, что карты Таро были изменены, что верно для немецких образцов с китайскими фигурами, но не для образцов Италии, которые были изменены лишь в деталях, и не для карт Безансона, в которых сохранились следы примитивных египетских иероглифов. В "*Доктрине и ритуалах трансцендентальной магии*" мы показали, насколько неблагоприятными по своим результатам были труды Эттейллы или Аллиетты в отношении карт Таро. Этот парикмахер с подсветкой, проработав тридцать лет, преуспел только в производстве убудочного набора, клавиши которого переставлены, так что цифры больше не соответствуют знакам. Одним словом, это Таро, подходящее Эттейле и в меру его интеллекта, который был невелик.

Мы едва ли согласны с месье Вайаном, когда он предполагает, что цыгане были законными владельцами этого ключа к посвящениям. Они, несомненно, были обязаны этим неверности или неосторожности какого-нибудь каббалистического еврея. Цыгане произошли из Индии, или их историк, по крайней мере, показал правдоподобность этой теории. Дошедшее до нас Таро, несомненно, принадлежит цыганам и пришло к нам через Иудею. На самом деле, его клавиши соответствуют буквам еврейского алфавита, а некоторые из его фигур воспроизводят даже их формы. Кем же тогда были цыгане? Как сказал один поэт: они были униженным остатком древнего мира; они были сектой индийских гностиков, чей коммунизм заставил их быть запрещенными во всех странах; как они, можно сказать, практически признают, они были осквернителями Великого Аркана, охваченные роковым проклятием. Орда, введенная в заблуждение каким-то восторженным факиром, они стали странниками по миру, протестуя против всех цивилизаций во имя мнимого естественного закона, который освобождал их почти от всех обязанностей. Итак, закон, который стремится восторжествовать в нарушение долга, -

это агрессия, грабеж и хищничество; это рука Каина, поднятая против его брата, и общество, защищая себя, как бы мстит за смерть Авеля.

В 1840 году некие механики Сент-Антуанского предместья, уставшие, как они выражались, от того, что их обманывают журналисты и что они служат инструментами для удовлетворения амбиций готовых произносить речи, решили основать и редактировать журнал чистого радикализма и логики, свободной от уклончивости или околичностей. Поэтому они объединились и принялись за прочное утверждение своих доктрин; они взяли за основу республиканское устройство свободы, равенства и всего остального. Но свобода казалась им несовместимой с трудовым долгом, равенство - с законом собственности, и поэтому они остановили свой выбор на коммунизме. Один из них, однако, указал, что при коммунизме самый умный будет руководить подразделением и получит львиную долю; в связи с этим было постановлено, что никто не должен иметь права на интеллектуальное превосходство. Но далее было отмечено, что даже физическая красота может составлять аристократию, поэтому они постановили, что должно быть равенство в уродстве. Наконец, поскольку те, кто возделывает землю, прикованы к земле, было решено, что истинные коммунисты не могут заниматься сельским хозяйством, должны иметь только мир в качестве своего отечества и само человечество в качестве своей семьи, откуда им стало позволено пользоваться караванами и вечно странствовать по миру. Мы не рассказываем притчу, мы знали тех, кто присутствовал на рассматриваемом съезде, и мы прочитали первый номер их журнала, который назывался *"Гуманитарный"* и был запрещен в 1841 году. По этому поводу можно ознакомиться с сообщениями прессы того периода. Если бы журнал продолжался и зарождающаяся секта вербовала прозелитов для икарийской эмиграции, как это делал в то же время старый адвокат Кабе, была бы организована новая раса богемы, и число бродяг увеличилось бы на одну расу.

ГЛАВА III

ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ РАЙМУНДА ЛЮЛЛИ

Мы объяснили, что Церковь запретила посвящение, потому что была возмущена профанацией гнозиса. Когда Мухаммед вооружил восточный фанатизм против веры, он противопоставил дикую и воинственную доверчивость благочестия, которое невежественно, но молится. Его преемники ступили на землю Европы и пригрозили быстро захватить ее. Христиане сказали: "Провидение наказывает нас", а мусульмане ответили: "Судьба на нашей стороне".

Еврейские каббалисты, которые боялись быть сожженными как колдуны в странах, называемых католическими, искали убежища среди арабов, поскольку те в их глазах были еретиками, но не идолопоклонниками. Они допустили некоторых из них к знанию своих тайн, и ислам, который уже победил силой, вскоре получил возможность надеяться, что он сможет одержать победу и с помощью науки над теми, кого образованная Аравия с презрением называла западными варварами. Натиску физической силы гений Франции противопоставил удары своего собственного ужасающего молота. Перед хлынувшим потоком мусульманских армий палец в кольчуге прочертил четкую линию, и могучий голос победы воззвал к потоку: "Ты не пойдешь дальше". Гений науки возвысил Раймунда Луллия, и он вернул наследие Соломона тому Спасителю, Который был Сыном Давида; именно он впервые призвал детей слепой веры к

великолепию универсального знания. Псевдоученые и люди, умудренные собственным тщеславием, продолжают с презрением отзываться об этом поистине великом человеке; но народный инстинкт отомстил за него. Романтика и легенда подхватили его историю, в результате чего он изображен страстным, как Абельяр, посвященным, как Фауст, алхимиком, как Гермес, человеком покаяния и учености, как святой Иероним, скитальцем на манер Странствующего еврея, прекрасным мучеником, как святой Стефан, и тем, кто был славен в смерти почти как Спаситель мира.

Давайте начнем с романа: это один из самых трогательных и прекрасных романов, которые когда-либо были нам известны.

В одно из воскресений 1250 года красивая и образованная дама по имени Амброзия ди Кастелло, родом из Генуи, отправилась, по своему обыкновению, на мессу в церковь Пальмы, городка на острове Майорка. Конный кавалер выдающейся наружности и богато одетый, проезжавший в это время по улице, заметил даму и подъехал как громом пораженный. Она вошла в церковь и быстро исчезла в тени большого крыльца. Кавалер, совершенно не сознавая, что делает, пришпорил коня и поскакал за ней в гущу перепуганных прихожан. Велико было изумление и скандал. Кавалер был хорошо известен; это был сеньор Раймунд Люлли, сенешаль Островов и мэр дворца. У него были жена и трое детей, а Амброзия ди Кастелло тоже была замужем и, более того, пользовалась безупречной репутацией. Поэтому Раймунд Люлли слыл большим распутником. Его въезд на коне в церковь Пальмы был оглашен шумом по всему городу, и Амброзия, в величайшем замешательстве, обратилась за советом к своему мужу. Очевидно, он был здравомыслящим человеком и не считал свою жену оскорбленной из-за того, что ее красота вскружила голову молодому и блестящему аристократу. Он предложил Амброзии вылечить своего поклонника от такой же нелепой глупости, как и его собственная. Тем временем Раймунд Люлли уже написал этой даме, чтобы извиниться или, скорее, обвинить себя еще больше. То, что побудило его, по его словам, было “странным, сверхъестественным, непреодолимым”. Он уважал ее честь и чувства, которые, как он знал, принадлежали другому; но он был ошеломлен. Он чувствовал, что его неосторожность требует для своего искупления высокой самоотдачи, великих жертв, свершения чудес, покаяния столпника и подвигов странствующего рыцаря.

Амброзия ответила: “Чтобы адекватно ответить на любовь, которую вы называете сверхъестественной, потребовалось бы бессмертное существование. Если эта любовь будет героически принесена в жертву нашим соответствующим обязанностям при жизни тех, кто дорог каждому из нас, она, вне всякого сомнения, создаст для себя вечность в тот момент, когда совесть и мир позволят нам любить друг друга. Говорят, что существует эликсир жизни; стремитесь открыть его, и когда вы будете уверены, что вам это удалось, приходите ко мне. А до тех пор живи для своей жены и своих детей, как я тоже буду жить для мужа, которого люблю; и если ты встретишь меня на улице, не подавай виду, что узнаешь”.

Очевидно, это был милосердный *конге*, который отложил ее возлюбленного до Судного дня; но он отказался понимать это как таковое, и с того дня блестящий аристократ исчез, чтобы освободить место серьезному и вдумчивому алхимику. Дон Хуан превратился в Фауста. Прошло много лет; жена Раймунда Люлли умерла; Амброзия ди Кастелло, в свою очередь, овдовела; но алхимик, казалось, забыл о ней и был поглощен только своей возвышенной работой.

Наконец, однажды, когда вдова была одна, доложили о приходе Раймунда Люлли, и в комнату вошел лысый и изможденный старик, державший в руке флакон, наполненный ярким и красноватым эликсиром. Он приблизился нетвердой походкой, ища ее глазами. Объект, который они искали, был перед ними, но он не узнал ее, которая в его воображении всегда оставалась молодой и красивой.

“ Это я, - сказала она наконец. - Что тебе нужно от меня?

Услышав акцент этого голоса, алхимик сильно вздрогнул; он узнал ту, кого, как он с нежностью думал, считал неизменной. Опустившись на колени у ее ног, он протянул ей флакон, говоря: “Возьми его, выпей, это жизнь. Тридцать лет моего собственного существования заключены в нем; но я попробовал его и знаю, что это эликсир бессмертия”.

- Что, - спросила Амброзия с грустной улыбкой, - ты сам его пил?

“В течение двух месяцев, ” ответил Раймунд, “ после того как я принял количество эликсира, равное тому, что содержится здесь, я воздерживался от всякой другой пищи. Муки голода мучили меня; но я не только не умер, я ощущаю внутри себя беспрецедентный прилив сил и жизни”.

“ Я верю тебе, ” сказала Амброзия, “ но этот эликсир, сохраняющий существование, бессилен вернуть утраченную молодость. Мой бедный друг, посмотри на себя, - и она поднесла к нему зеркало.

Раймунд Люлли отшатнулся, ибо легенда подтверждает, что за тридцать лет своих трудов он ни разу не рассматривал себя подобным образом.

“А теперь, Раймунд, ” продолжала Амброзия, “ посмотри на меня”, - и она распустила свои волосы, белые как снег; затем, ослабив застёжки своего платья, она обнажила перед ним свою грудь, которая была почти изъедена раковым заболеванием. “Это то, - жалобно спросила она, - что ты хочешь увековечить?”

Затем, видя ужас алхимика, она продолжила: “Тридцать лет я любила тебя, и я не стала бы обречь тебя на вечное заточение в теле немощного старика; в свою очередь, не осуждай меня. Избавь меня от этой смерти, которую ты называешь жизнью. Позволь мне претерпеть перемену, которая необходима, прежде чем я снова смогу жить по-настоящему: давай обновим нашу природу вечной молодостью. Я не желаю твоего эликсира, который продлевает только ночь в могиле: я стремлюсь к бессмертию”.

Вслед за этим Раймонд Люлли швырнул флакон, который разбился о землю.

“Я освобождаю тебя, - сказал он, - и ради тебя я остаюсь в тюрьме. Живи в бессмертии небес, в то время как я навеки приговорен к смерти заживо на этой земле”.

Затем, закрыв лицо руками, он ушел, рыдая. Несколько месяцев спустя монах ордена Святого Франциска оказал помощь Амброзии ди Кастелло в ее последние минуты. Этим монахом был алхимик Раймунд Люлли. На этом роман заканчивается и следует легенда. Эта легенда объединяет нескольких носителей имени Раймунд Люлли в разные периоды времени в

единуюличность и, таким образом, дарует раскаявшемуся алхимику несколько столетий существования и искупления. В тот день, когда несчастный адепт должен был умереть естественным путем, он испытал все муки распада; затем, в момент наивысшего кризиса, он почувствовал, что жизнь снова овладевает его телом, подобно стервятнику Прометея, возобновляющему свой пир. Спаситель мира, простиравший к нему Свою руку, печально возвратился на небеса, а Раймонд Люлли обнаружил, что все еще находится на земле, без надежды умереть.

Он посвятил себя молитве и посвятил свое существование добрым делам; Бог даровал ему все милости, кроме смерти, но какая польза от остальных в отсутствие того, что должно дополнить и увенчать их всех? Однажды ему показали Древо Познания, усыпанное светящимися плодами; он понял бытие и его гармонии; он разгадал Каббалу; он заложил основы и набросал план универсальной науки, после чего его приветствовали как просветленного доктора. Так он обрел славу, то роковое вознаграждение за тяжкий труд, которым Бог в Своей милости редко наделяет великих людей до их смерти, потому что оно опьяняет и отравляет живых. Но Раймунд Люлли, который смертью не мог уступить место последующей славе, мог иметь повод опасаться, что она погибнет раньше него самого, а между тем это могло показаться ему лишь насмешкой над его бессмертным несчастьем.

Он знал, как добывать золото, чтобы купить мир и все его царства, но не мог обеспечить себе самой скромной могилы. Он был нищим бессмертия. Куда бы он ни пошел, умоляя о смерти, и никто не мог дать ему ее. Придворный аристократ стал увлеченным алхимиком, алхимик - монахом; монах стал проповедником, философом, аскетом, святым и, наконец, миссионером. Он сражался рука об руку с учеными мужами Аравии; он победоносно сражался с исламом, и ему было чего опасаться из-за ярости его приверженцев. Всего бояться — это значит, что ему было на что надеяться, и то, на что он надеялся, было смертью. [239]

Он нанял себе в помощники молодого араба из самых фанатичных слоев общества и выставял себя перед ним бичом религии Мухаммеда. Араб убил своего хозяина, чего он и ожидал; но Раймонд Люлли не умер; это был убийца, которого он охотно простил бы, который покончил с собой в отчаянии от своей неудачи, так что на совесть легло дополнительное бремя вместо освобождения и покоя.

Едва оправившись от ран, он отплыл в Тунис, где открыто проповедовал христианство; но бей, восхищенный его ученостью и мужеством, защитил его от безумия толпы и заставил вернуться на корабль со всеми своими книгами. Вскоре он вернулся в те же края, проповедуя в Боне, Бужии и других африканских городах; мусульмане были ошеломлены и боялись поднять на него руки. В конце концов он вновь посетил Тунис и, собрав людей на улицах, провозгласил, что, хотя его и изгнали из этого места, он вернулся, чтобы посрамить нечестивые доктрины Мухаммеда и умереть за Иисуса Христа. На этот раз защититься было невозможно, разъяренные люди охотились на него, вспыхнуло настоящее восстание; он бежал, чтобы еще больше подбодрить их; он уже был сломлен множеством ударов, обливался кровью, был покрыт ранами; и все же он продолжал жить. В конце концов он утонул, погребенный — в буквальном смысле — под горой камней.

В ту же ночь, гласит легенда, два генуэзских купца, Стивен Колон и Луи де Пасторга, плывя по открытому морю, увидели огромный свет, сияющий из порта Туниса. Они изменили курс и, приблизившись к берегу, обнаружили груды камней, которые рассеивали вдалеке и вблизи это

чудесное великолепие. Они приземлились в великом изумлении и, наконец, обнаружили тело Раймунда Луллия, искалеченное, но все еще дышащее. Его подняли на борт корабля и доставили на Майорку, где мученику было позволено скончаться в виду его родной земли. Бог освободил его чудом, и его покаяние было таким завершенным.

Такова одиссея легендарного Раймунда Люлли; обратимся теперь к историческим реалиям.

Раймунд Люлли, философ и адепт, заслуживший звание просветленного врача, был сыном того сенешаля Майорки, который прославился своей злополучной страстью к Амброзии ди Кастелло.^[240] Он не открывал эликсир бессмертия, но добывал золото в Англии для короля Эдуарда III, и это золото называлось *aurum Raymundi*. До наших дней сохранились некоторые очень редкие монеты, которые эксперты называют *раймундинами*. Луи Фигье отождествляет их с розенкранцами, которые были поражены во время рассматриваемого правления,^[241] и несколько легкомысленно предполагает, что алхимия Раймунда Люлли была всего лишь усовершенствованием золота, которое было бы трудно обнаружить в период, когда химические процессы были намного менее совершенными, чем в наши дни. Несмотря на это, он признает научную важность Люлли и выносит свое суждение о нем следующим образом:—

“Раймунд Люлли, чей гений охватывал все отрасли человеческого знания и который объединил в *Ars Magna* обширную систему философии, обобщающую энциклопедические принципы науки в ее тогдашнем виде, не мог не оставить химикам ценного наследия. Он усовершенствовал и тщательно описал различные соединения, которые широко используются в химии; мы обязаны ему получением карбоната калия с помощью винного камня и древесной золы, ректификацией винных спиртов, получением эфирных масел, купелированием серебра и получением сладкой ртути”.^[242]

Другие ученые, будучи уверены, что представители розовой знати были чисты как золото, предположили, что, принимая во внимание весьма несовершенные процессы практической химии в средние века, такие трансмутации, как у Раймунда Люлли и, действительно, у других адептов, были просто разделением золота, найденного в серебряных рудниках, и очищением с помощью сурьмы, которая на самом деле указана во множестве Герметических символов как эффективный и главный элемент в Порошке Проекции.^[243] Мы согласны с ними, что химии в тот период не существовало. под вопросом, и мы можем добавить, что он был создан адептами или, скорее, что адепты, сохраняя при себе те синтетические секреты, которые были сокровищем магических святилищ, обучали своих современников некоторым аналитическим процессам. Впоследствии они были усовершенствованы, но пока еще не привели людей науки к тому древнему синтезу, который составляет герметическую философию в собственном смысле этого термина.

В своем философском *Завещании* Раймунд Люлли изложил все принципы этой науки, но в завуалированной форме, следуя практике и действительно долгу адептов. Он также составил *Ключ* к упомянутому *Завещанию* и, наконец, *Ключ к Ключу* или, более определенно, дополнение, которое, по нашему мнению, является наиболее важным из его сочинений по алхимии. Его принципы и способы обработки не имеют ничего общего ни с усовершенствованием чистых металлов, ни с разделением сплавов. Как теория, это соответствует принципам Гебера, а как практика - принципам Арнальдуса де Виллановы; в отношении доктрины это соответствует самым возвышенным идеям Каббалы. Те серьезные умы, которые отказываются быть обескураженными дискредитацией, в которую невежество

приводит великие вещи, должны каббалистически изучить дополнение Раймунда Луллия, если они стремятся продолжить то исследование абсолюта, которому следовали величайшие гениальные люди древнего мира.[\[244\]](#)

Вся жизнь этого выдающегося адепта, первого посвященного после святого Иоанна, который был посвящен иерархическому апостольству святого православия, — вся его жизнь, повторяем, прошла в благочестивых основаниях, в проповедях, в огромных научных трудах. Так, в 1276 году он основал в Пальме колледж францисканцев, посвященный изучению восточных языков, и особенно арабского, с целью опровержения трудов мусульманских врачей и проповеди христианской веры среди мавров. Иоанн XXI подтвердил этот институт пастырским письмом, датированным из Витербо 16 декабря, в первый год своего понтификата.

С 1293 по 1311 год Люлли ходатайствовал и добился от папы Николая IV и королей Франции, Сицилии, Кипра и Майорки учреждения многих других колледжей с той же целью. Куда бы он ни пошел, он давал наставления в своем Великом Искусстве, которое является универсальным синтезом человеческих знаний и имеет своей главной целью установление среди людей единого языка, а также единого образа мышления. Он посетил Париж и там поразили самых образованных врачей; затем он переехал в Испанию, остановился в Комплуте, где основал центральную академию для изучения языков и естественных наук. Он реформировал ряд монастырей, отправился в Италию и набрал солдат для нового военного ордена, учреждение которого он отстаивал на том самом Венском соборе, осудившем тамплиеров. Католическая наука и истинное посвящение святого Иоанна были предназначены, таким образом, для того, чтобы спасти охраняющий меч Храма от неверующих рук. Великие мира сего высмеивали бедного Раймунда Луллия, и все же, несмотря на это, они делали все, что он желал. Эта просветленная личность, в насмешку названная Раймундом Фантастическим, по-видимому, была папой из пап и царем царей; он был беден, как Иов, и подавал милостыню монархам; его называли глупцом, и он принадлежал к тому разряду безумцев, которые ставят в тупик мудрецов. Величайший политик того времени, кардинал Хименес, чей ум был столь же обширен, сколь и серьезен, никогда не говорил о нем иначе, как о божественном Раймунде Люлли и самом просвещенном враче. Он умер в 1314 году, согласно Генебрарду, или в 1315 году, согласно автору предисловия к *"Размышлениям отшельника Блакерна"*. Ему было восемьдесят лет, и конец его трудной и святой жизни пришелся на Праздник мученичества святых Петра и Павла.[\[245\]](#)

Ученик великих каббалистов, Раймунд Люлли стремился установить абсолютную и универсальную философию, заменив общепринятые абстракции систем фиксированным понятием естественных реальностей и заменив двусмысленные термины схоластики простым и естественным способом выражения. Он осудил определения ученых того времени, потому что они увековечивали споры своей неточностью и амфибологией. Согласно Аристотелю, человек — разумное животное, но на это можно ответить, что он не животное и лишь в редких случаях бывает разумным. Более того, слова "животное" и "разумный" не могут быть приведены к гармонии; глупец в этом смысле не был бы человеком, и так далее. Раймунд Люлли определял вещи по их правильным названиям, а не по их синонимам или приближениям; впоследствии он объяснял названия этимологией. На вопрос — Что такое человек? — следовательно, он ответил бы, что это слово в его общем понимании означает состояние человека, но в частном

понимании оно обозначает человеческую личность. Что же, однако, представляет собой эта человеческая личность? Первоначально это личность, которую Бог создал, вдохнув жизнь в тело, состоящее из земли (*перегноя*); буквально это вы, это я, это Петр, Павел и так далее. Те, кто привык к научному жаргону, возразили просвещенному доктору, что так может говорить кто угодно; что на основе такого метода весь мир мог бы выдавать себя за ученых; и что популярный здравый смысл был бы предпочтительнее доктрины академий. “Это как раз то, чего я хочу”, - таков был ответ Раймунда Луллия в его великой простоте. Отсюда упрек в ребячестве, брошенный его просвещенной теории; и ребячеством это было в некотором смысле, но из-за ребячества Его совета, Который сказал: “Если вы не станете такими, как один из этих малых, вы не войдете в Царство Небесное”. Разве Царство Небесное не является также Царством науки, поскольку небесная жизнь Бога и людей есть не что иное, как понимание и любовь?

Замысел Раймунда Луллия состоял в том, чтобы противопоставить христианизированную каббалу фаталистической *магии* арабов, египетские традиции - традициям Индии, Магию Света - Черной магии. Он свидетельствовал, что в последние дни доктрины Антихриста станут материализованным реализмом и что все чудовищные проявления злой Магии вернутся. Поэтому он стремился подготовить умы к возвращению Еноха или, иными словами, к окончательному раскрытию той науки, ключ к которой находится в иероглифических алфавитах Еноха. Этот гармонизирующий свет разума и веры должен предшествовать мессианскому и вселенскому царствованию христианства на земле. Таким образом, Люлли был великим пророком для истинных каббалистов и провидцев, в то время как для скептиков, которые, по крайней мере, могут уважать возвышенные характеры и благородные устремления, он был возвышенным мечтателем.

ГЛАВА IV О НЕКОТОРЫХ АЛХИМИКАХ

Николя Фламел принадлежит исключительно к алхимии, и мы рассматриваем его только из-за иероглифической книги еврея Авраама, в которой переписчик с улицы Сен-Жак-ла-Бушери нашел абсолютные ключи к Великой Работе. Эта книга была основана на Ключах Таро и представляла собой просто иероглифический и герметический комментарий к *Сефер Йецира*. По описанию самого Фламеля, мы действительно находим, что листов было 21, что составляло 22 с заголовком, [246] и что они были разделены на три семерки, с чистым листом на каждой седьмой странице. Давайте здесь иметь в виду, что Апокалипсис, это возвышенное каббалистическое и пророческое изложение всех оккультных типов, также разделил свои символы на три семерки, между каждой из которых на небесах царит тишина, проводя таким образом поразительную аналогию с ненаписанным листом в мистической книге Фламеля. [247] Семерки Апокалипсиса - это (а) семь печатей, которые нужно снять, что означает семь тайн, которые нужно узнать, и семь трудностей, которые нужно преодолеть; (b) семь труб, которые нужно протрубить, то есть семь высказываний, которые нужно понять; (c) нужно опорожнить семь флаконов, которые обозначают семь веществ, которые должны улетучиться и закрепиться.

В работе Фламеля первый седьмой лист имеет своим иероглифическим символом жезл Моисея, побеждающий змей, выведенных магами фараона. Видно, как они пожирают друг друга, и

фигура в целом аналогична Победителю в Картах Таро, запрягающему в свою кубическую колесницу белого и черного сфинксов египетской Магии. Символ, о котором идет речь, соответствует седьмому догмату символа веры Маймонида: мы признаем только одного пророка, которым является Моисей. Он олицетворяет единство науки и работы; кроме того, он представляет Ртуть Мудрости, которая образуется в результате растворения составных элементов и взаимного действия Серы и Солей металлов.

Эмблемой на четырнадцатой странице был Медный Змей, насаженный на крест. Крест символизирует соединение очищенных Серы и Соли, а также конденсацию Астрального Света. Четырнадцатая козырная карта в Таро изображает ангела, который является духом земли, смешивающим жидкости в двух кувшинах, одном из золота и одном из серебра. Это тот же символ, сформулированный другим способом. На 21-м листе книги Фламеля был изображен тип пространства и вселенской жизни, представленный пустыней с источниками воды и змеями, скользящими туда-сюда.[\[248\]](#) В Таро пространство символизируется четырьмя знаками, расположенными по сторонам света на небесах, а жизнь представлена обнаженной девушкой, танцующей по кругу. Фламель не уточняет количество источников и змей, но первых, вероятно, было бы четыре, берущих начало из одного источника, как в Эдемском Пантакле; змей было бы четыре, семь, девять или десять.

На четвертом листе была изображена фигура Времени, готовящегося отрезать ступни Меркурия. Неподалеку росло розовое дерево в цвету, корень которого был голубым, стебель белым, листья красными, а цветы золотистыми.[\[249\]](#) Число четыре - это число элементарной реализации. Время - это атмосферная селитра; его коса - кислота, которая извлекается из этой селитры, и Ртуть таким образом фиксируется, превращаясь в соль. Розовое дерево олицетворяет Работу и последовательность цветов, которые характеризуют ее этапы: это мастерство, проходящее через черный, белый и красный аспекты, из которых получается золото в виде распускающегося цветка.

Число 5 - это число Великой Тайны, и на пятой странице были изображены слепые, раскапывающие землю вокруг розового дерева в поисках великого агента, который присутствует повсюду. Некоторые другие, получившие лучшие рекомендации, взвешивали белую воду, напоминающую затвердевший воздух.[\[250\]](#) На обратной стороне этой страницы была изображена резня невинных, когда солнце и луна спускались, чтобы искупаться в их крови. Эта аллегория, которая является буквальным секретом герметического искусства, имеет отношение к процессу превращения воздуха в воздух, как выразился Аристей[\[251\]](#); или, говоря понятным языком, использования воздуха как силы, расширения его посредством астрального Света, подобно тому, как вода превращается в пар под действием огня. Это может быть достигнуто с помощью электричества, магнитов и мощной проекции воли оператора, когда ею руководят наука и добрые намерения. Кровь детей представляет собой тот необходимый свет, который философский огонь извлекает из элементарных тел. Когда говорится, что солнце и луна спускаются, чтобы искупаться, имеется в виду, что серебро в них превращается в золото и что золото приобретает степень чистоты, при которой содержащаяся в нем сера превращается в истинный Порошок Для Проецирования.

Мы не пишем трактат по алхимии, хотя эта наука на самом деле является Трансцендентальной Магией, приведенной в действие; мы бережем ее откровения и чудеса для других специальных и более обширных работ.

Народная традиция утверждает, что Фламелъ не умер и что он зарыл сокровище под башней Сен-Жак-ла-Бушери. Согласно просветленным адептам, это сокровище, заключенное в кедровую шкатулку, покрытую пластинами из семи металлов, было оригинальной копией знаменитой книги, приписываемой еврею Аврааму, с комментариями, написанными Фламелем, и достаточным количеством образцов Порошка для превращения моря в золото, предполагая, что море - это Ртуть.

После Фламеля пришли Бернард Тревизан, Бэзил Валентайн и другие известные алхимики. Двенадцать Ключей Бэзила Валентина одновременно каббалистичны, магичны и герметичны. Затем, в 1480 году, появился Тритемий, который был учителем Корнелия Агриппы и величайшим догматическим магом средневековья. Тритемий был настоятелем ордена Святого Бенедикта, отличавшегося безупречной ортодоксальностью и поведением. Он был не настолько безрассуден, чтобы открыто писать об оккультной философии, подобно своему отважному ученику Агриппе. Все его магические работы основаны на искусстве сокрытия тайн, в то время как его доктрина была выражена в пантакле, на манер истинных адептов. Этот пантакль чрезвычайно редок и встречается лишь в нескольких рукописных копиях его трактата *О втором сентябре*. Польский дворянин, человек возвышенного ума и благородного сердца, граф Александр Бранистский обладает любопытным примером, который он любезно показал нам. Пантакль состоит из двух соединенных у основания треугольников, одного белого, а другого черного. На вершине черного треугольника сидит на корточках дурак, который с трудом поворачивает голову и с благоговением вглядывается в треугольник, где отражается его собственное подобие. На вершине белого треугольника стоит мужчина в расцвете сил, вооруженный как рыцарь, с твердым взглядом и позицией сильного и мирного повелителя. В этот треугольник вписаны буквы божественной Тетраграммы. Естественный и экзотерический смысл эмблемы может быть объяснен следующим афоризмом: Мудрый человек покоится в страхе перед истинным Богом, но глупец охвачен ужасом перед ложным богом, созданным по его собственному образу и подобию. Однако, медитируя на пантакль в целом, а затем последовательно на его составляющие, адепты найдут в нем последнее слово каббалистики и невыразимую формулу Великого Аркана. Другими словами, это различие между чудесами и вундеркиндами, тайна привидений, универсальная теория магнетизма и наука обо всех тайнах.

Тритемий сочинил историю магии, полностью написанную пантаклями, под названием: *Veterum Sophorum Sigilla et Imagines Magicæ*. В своей *Стеганографии* и *полиграфии* он дает ключ ко всем оккультным писаниям и завуалированно объясняет настоящую науку заклинаний и вызываний. Тритемий является в Магии мастером мастеров, и мы без колебаний объявляем его самым мудрым и образованным из адептов.

Иначе обстоит дело с Корнелием Агриппой, который всю свою жизнь был искателем и не достиг ни науки, ни покоя. Его книги полны эрудиции и уверенности; сам он обладал независимым и фантастическим характером, поэтому получилось так, что он прослыл отвратительным колдуном и подвергся преследованиям со стороны духовенства и князей. В конце концов он написал письмо против наук, которые не смогли принести ему счастья, и умер в нищете и заброшенности.

Теперь мы переходим к мягкой и приятной фигуре того ученого и возвышенного Постеля, который известен только своей чрезмерно мистической любовью к пожилой, но просветленной

женщине. В Постеле есть что-то, сильно отличающееся от ученика матери Жанны, но вульгарные умы предпочитают пренебрегать, а не учиться, и не желают видеть в нем ничего лучшего. Мы предлагаем прославлять гений Уильяма Постела не ради них.

Он был сыном бедного крестьянина из округа Барентон в Нормандии; благодаря упорству и большому самопожертвованию он сумел научиться сам и стал самым образованным человеком своего времени; но бедность преследовала его всегда, и нужда иногда вынуждала его продавать свои книги. Полный смирения и кротости, он работал как чернорабочий, чтобы заработать на кусок хлеба, а затем вернулся к своим занятиям. Он овладел всеми известными языками и науками своего времени; он обнаружил редкие и бесценные рукописи, включая апокрифические Евангелия и *Сефер Йецира*; он посвятил себя в тайны трансцендентальной каббалы, [252] и в своем простом восхищении этой абсолютной истиной, этой высшей причиной всех философий и догм, он стремился раскрыть ее миру. Поэтому он открыто говорил на языке мистерий и написал книгу под названием "*Ключ ко всему, что хранилось в секрете от Основания Мира*". [253] Он посвятил этот труд отцам церкви, собравшимся на Тридентский собор, умоляя их вступить на путь примирения и всеобщего синтеза. Никто не понимал его, некоторые обвиняли в ереси, а самые умеренные довольствовались тем, что называли его глупцом.

Троица, согласно Постелю, создала человека по Своему образу и подобию. Человеческое тело двойственно, и его триадическое единство заключается в соединении двух половин. Человеческая душа также двойственна; это *анимус* и *анима*, или интеллект и эмоции; у нее также есть два пола, мужской обитает в голове, а женский - в сердце. Искупление в его завершении также должно быть двойственным в человечестве; разум своей чистотой исправляет ошибки сердца, и тогда щедрость сердца должна спасти эгоистическую бесплодность мозга. Христианство, с точки зрения Постеля, до сих пор было понято только рассуждающим умом и не проникло в сердце. Слово стало человеком, но мир будет спасен, когда Слово станет женщиной. Возвышенному величию духа любви научит материнский гений религии, и тогда разум придет в гармонию с верой, потому что он поймет, истолкует и обуздает священные излишества преданности.

Обратите внимание, замечает он, как религия понимается большинством христиан; это всего лишь невежественная и преследующая пристрастность, суеверное и глупое упрямство и прежде всего страх — низменный страх. Почему это так? Потому что у тех, кто исповедует это, нет женского сердца, потому что им чужд божественный энтузиазм той материнской любви, которая объясняет всю религию. Сила, которая вторглась в мозг и сковывает дух, исходит не от доброго, понимающего и долготерпеливого Бога; она исходит от злого, слабоумного и трусливого сатаны. Вот так и получается, что страха перед дьяволом гораздо больше, чем любви к Божественному. Замороженный и сморщенный мозг давит на мертвое сердце, как надгробный камень. Каким это будет пробуждением для понимания, каким возрождением для разума, какой победой для истины, когда сердце будет возвышено благодатью. Почему я первый и почти единственный человек, который понимает это, и что может совершить тот, кто достиг воскресения, один среди мертвых, которые ничего не слышат? Поэтому приди, и приди скорее, о дух-мать, явившийся мне в Венеции в душе девственницы, вдохновленной Богом; снизойди и научи женщин нового мира их искупительной миссии и их апостольству святой и духовной жизни.

Фактом является то, что Постель был обязан этим благородным вдохновением благочестивой женщине по имени Жанна, с которой он познакомился в Венеции. Он был духовным наставником этой избранной души и был вовлечен в поток мистической поэзии, который кружил вокруг нее. Когда он совершил над ней Евхаристию, она просияла и преобразилась в его глазах, и хотя ей было больше пятидесяти лет, бедный священник невинно признается, что принял бы ее меньше чем за пятнадцатилетнюю: так преобразила ее в его глазах симпатия их сердец. Нужно было вести аскетическую жизнь, чтобы понять такие небесные галлюцинации и лирическое ребячество, такой мистический брак между двумя девственными существами, такой необычайный порыв любви в двух чистых душах. В ней он разглядел живой дух Иисуса Христа, с помощью которого мир будет возрожден. Я видел, говорит он, этот свет сердца, который прогонит отвратительный призрак сатаны из всех умов; это не химера из моих грез; она появилась в мире, воплотилась в деву, в которой я приветствовал мать грядущего мира. Это скорее анализ, чем перевод Постеля, но быстрое сокращение его чувств и языка прояснит, что он говорил образно и, как утверждает ученый иезуит Десбийон в своем замечании о жизни и творчестве Постеля, что ничто не было дальше от его мыслей, чем представлять, как некоторые утверждают, второе воплощение божественности в этой бедной больничной сестре, которая привлекла его только яркостью своих скромных добродетелей. Мы совершенно уверены, что все те, кто клеветал и высмеивал Постеля, не стоят одной матери Жанны.

Мистические отношения Постеля и монахини продолжались около пяти лет, по истечении которых она умерла, заверив своего духовника, что никогда не расстанется с ним, но поможет ему, когда освободится от уз материальной жизни. “Она сдержала свое обещание, ” говорит Постель. “Она была со мной в Париже, просветила меня своим собственным светом и привела в гармонию мой разум и мою веру. Через два года после ее вознесения на небеса ее духовное тело и субстанция спустились в меня и ощутимо пропитали все мое тело, так что во мне живет она, а не я сам”. После этого опыта Постел всегда считал себя воскресшим существом и подписывался *Postellus Restitutus*. На самом деле последовал один любопытный результат: его седые волосы снова стали черными, морщины исчезли, и румяный цвет молодости приобрел его лицо, ранее ставшее худым и бледным из-за его аскетизма и бдений. Его насмешливые биографы утверждают, что он покрасил волосы и раскрасил лицо; этого было недостаточно, чтобы представить его дураком, и поэтому из его благородного и великодушного характера они сделали жонглера и шарлатана. Несомненно, глупость или недобросовестность холодных и скептических умов, когда они выносят суждения о восторженных сердцах, более удивительна, чем красноречивая неразумность последних.

“Предполагалось, ” пишет отец Десбийон, - и, насколько я понимаю, до сих пор считается, что возрождение, предположительно совершенное матерью Жанной, является основой его системы; однако она была полностью разработана до того, как он узнал о ее существовании, и он никогда не отступал от нее, если только на самом деле он не сделал этого за несколько лет до своей смерти. Ему пришло в голову, что евангельское правление Иисуса Христа, установленное апостолами, больше не может поддерживаться среди христиан или распространяться среди неверующих, если его не подкрепить светом разума. К этому принципу, который касался его лично, он добавил другой, являющийся предназначением короля Франции для вселенской монархии. Путь ко Второму Пришествию должен быть подготовлен завоеванием сердец и убеждением умов в том, что отныне может быть только одна вера и Иисус Христос будет править всем миром в лице единого короля и в силу единого закона”. По словам отца Десбийона, это доказывает, что Постель был сумасшедшим. Безумный за то, что думал, что религия должна

господствовать над умами благодаря высшей причине своей доктрины и что монархия, чтобы быть сильной и постоянной, должна объединять сердца победами общественного процветания под властью мира. Сумасшедший за то, что верил в пришествие того царства, о котором мы говорим ежедневно — Да придет Царствие Его. Сумасшедший, потому что верил в разум и справедливость на земле. Что ж, что ж, они говорили правду; бедняга Постель был сумасшедшим. Доказательством его безумия является то, что он написал, как уже было сказано, отцам Тридентского собора, умоляя их благословить весь мир и никого не предавать анафеме. В качестве другого примера он пытался обратить иезуитов и заставить их проповедовать всеобщее согласие между людьми — мир между монархами, разум среди священников и доброту среди князей мира сего. В конце концов, в качестве последнего и высшего безумия он пренебрег благами этого мира и благосклонностью великих, всегда жил смиренно и в бедности, не обладал ничем, кроме своих знаний и своих книг, и не желал ничего, кроме правды и справедливости. Да ниспошлет Господь мир душе бедного Уильяма Постела.

Он был таким мягким и добрым, что его духовное начальство сжалилось над ним и, вероятно, решив, как позже было сказано о Лафонтене, что он скорее глуп, чем порочен, удовлетворились тем, что заперли его в монастыре до конца его дней. Постель был благодарен за тишину, обеспеченную таким образом перед концом жизни, и умер мирно, отказавшись от всего, чего требовало его начальство. Человек всеобщего согласия не мог быть анархистом; прежде всего, он был искреннейшим из католиков и смиреннейшим из христиан. На днях работы Постеля будут открыты заново, и их будут читать с удивлением.

СЕМЬ ПЛАНЕТ И ИХ ГЕНИИ

Перейдем к другому маньяку, которого звали Теофраст Ауреолус Бомбаст и который был известен в Мира Магии под знаменитым именем Парацельс. Нет необходимости повторять то, что было сказано об этом мастере в нашей *Доктрине и ритуале Трансцендентальной магии*, но кое-что можно добавить об оккультной медицине, восстановленной Парацельсом. Это поистине универсальное лекарство основано на обширной теории света, которую адепты называют жидким или пригодным для питья золотом. Свет, этот созидательный агент, вибрации которого являются движением и жизнью всех вещей; свет, скрытый во вселенском эфире, излучающийся вокруг поглощающих центров, которые, будучи насыщенными таким образом, проецируют движение и жизнь в свою очередь, формируя таким образом созидательные потоки; свет, астрализованный в звездах, оживленный в животных, очеловеченный в человеческих существах; свет, который прорастает в растениях, блестит в металлах, создает все формы Природы и уравнивает все по законам вселенского сочувствия — это тот свет, который проявляет явления магнетизма, предсказанные Парацельсом, которые, в свою очередь, приводят к появлению энергии. окрашивает кровь, выделяемую из воздуха при вдыхании и выводе через герметичные мехи легких. Тогда кровь становится настоящим эликсиром жизни, в котором рубиновые и магнитные шарики жизненного света плавают в слегка позолоченной жидкости. Эти шарики - настоящие семена, готовые принять все формы того мира, сокращением которого является человеческое тело. Они могут разрезаться и свертываться, обновляя таким образом влагу, циркулирующую в нервах и в плоти, окружающей кости. Они излучаются наружу, или, скорее, в разреженном состоянии они притягиваются потоками света и циркулируют в астральном теле — том внутреннем и светящемся теле, которое расширяется воображением экстатиков, так что их кровь иногда окрашивает предметы на расстоянии, когда они были проникнуты и отождествлены с астральным телом. В специальном труде по оккультной медицине будет доказано то, что изложено здесь, каким бы странным и парадоксальным это ни казалось на первый взгляд людям науки.^[254] Таковы были основы медицины, выдвинутые Парацельсом; он лечил с помощью сочувствия света; он вводил лекарства не внешнему материальному телу, которое полностью пассивно, которое можно разрывать и разрезать, ничего не чувствуя, когда астральное тело удаляется, но внутреннему медиуму, тому проводнику, который является источником ощущений. Квинтэссенцию из них он обновлял с помощью симпатических квинтэссенций. Например, он исцелял раны, применяя мощные реактивы к пролитой крови, таким образом возвращая ее физическую душу и очищенный сок в тело. Чтобы вылечить больную конечность, он сделал конечность из воска и усилием воли передал ей магнетизм больной конечности. Затем он обработал воск купоросом, железом и огнем, воздействуя таким образом воображением и магнетическим соответствием на самого больного человека, для которого кусочек воска стал аппендиксом и дополнением. Парацельс знал тайны крови; он знал, почему жрецы Ваала делали ножами надрезы на своей плоти, а затем низводили огонь с небес; он знал, почему жители востока проливали свою кровь перед женщиной, чтобы внушить ей физическую любовь; он знал, как пролитая кровь вызывает к мести или милосердию и наполняет воздух ангелами или демонами. Кровь является инструментом сновидений и множит образы в мозгу во время сна, потому что она полна Астрального Света. Ее шарики обоеполюе, намагниченные и металлизированные, вызывающие симпатию и отталкивание. Все формы и образы в мире могут быть вызваны из физической души или крови.

“В Бароше, - говорит уважаемый путешественник Тавернье,[\[255\]](#), “ есть первоклассный английский дом, в который я зашел в определенный день с английским президентом по пути из Агры в Сурат. Пришли также несколько жонглеров, попросивших разрешения продемонстрировать свое профессиональное мастерство, и президенту было любопытно посмотреть на это. Сначала они разожгли большой костер, на котором раскалили железные цепи, затем намотали их на свои тела и притворились, что из-за этого они страдают, но никакого вреда не последовало. Затем они взяли кусочек дерева, воткнули его в землю и попросили одного из зрителей выбрать, какой фрукт ему нравится. Его выбор пал на манго, и после этого один из исполнителей накинул на него саван и пять или шесть раз присел на корточки. Мне было любопытно подняться в верхнюю комнату, где я мог видеть сквозь складку простыни, что делал этот человек. На самом деле он разрезал плоть под мышками бритвой и натирал дерево своей кровью. Каждый раз, когда он поднимался, лес заметно разрастался; в третий раз на нем появились ветви и почки, в четвертый дерево покрылось листьями, а в пятый на нем появились цветы.

“Английский президент привез своего капеллана из Амадабата, чтобы крестить ребенка голландского командующего, президент выступал в роли крестного отца. Следует отметить, что у голландцев нет капелланов, за исключением тех случаев, когда собираются вместе солдаты и торговцы. Английский священник начал с протеста, заявив, что он не может согласиться на то, чтобы христиане помогали на подобных представлениях, и когда он увидел, как артисты менее чем за полчаса вырастили из куска сухого дерева дерево высотой в четыре или пять футов с листьями и цветами, как весной, он счел своим долгом положить этому конец. Поэтому он объявил, что не будет причащать тех, кто упорно продолжает быть свидетелем подобных событий. Таким образом, президент был вынужден уволить фокусников”.

Доктор Клевер де Мальдины, которому мы обязаны этим экстрактом, сожалеет, что рост манго был таким образом внезапно остановлен, но он не объясняет произошедшее. На наш взгляд, это был случай очарования магнетизмом сияющего света крови, феномена намагниченного электричества, идентичного тому, что называется палинггенезисом, посредством которого живое растение появляется в сосуде, содержащем пепел того же самого растения, которое давно погибло.

Таковы были секреты, известные Парацельсу, и именно в применении этих скрытых природных сил для медицинских целей он сразу приобрел так много поклонников и врагов. В остальном он ни в коем случае не был простой личностью, как Постель; он был от природы агрессивен и принадлежал к типу шарлатана; поэтому он утверждал, что его фамильярный дух был скрыт в рукояти его огромного меча и никогда не покидал его. Его жизнь была непрерывной борьбой; он путешествовал, дискутировал, писал, преподавал. Он больше стремился к физическим результатам, чем к моральным завоеваниям, и, будучи первым среди магов-практиков, был последним среди адептов мудрости. Его философия была философией проницательности, и, со своей стороны, он называл это *philosophia sagax*.[\[256\]](#) Он угадывал больше, чем кто-либо, ничего не зная полностью. Нет ничего, что могло бы сравниться с его интуицией, если только это не опрометчивость его комментариев. Он был человеком бесстрашного опыта, опьяненным собственным мнением, собственными разговорами, а иногда и иным образом, если верить некоторым его биографам. Работы, которые он оставил, ценны для науки, но их следует читать с осторожностью. Его можно назвать божественным Парацельсом, понимаемым в смысле прорицателя; он оракул, но не истинный мастер. Он велик прежде всего как врач, ибо он нашел

Универсальное лекарство. Несмотря на это, он не смог продлить свою собственную жизнь и умер еще молодым, измученный работой и излишествами.^[257] Он оставил после себя имя, сияющее фантастической и двусмысленной славой благодаря открытиям, которыми не смогли воспользоваться его современники. Он не произнес своего последнего слова и является одним из тех таинственных существ, о которых можно сказать, как о Енохе и святом Иоанне: "Он не умер, и он снова придет на землю перед последним днем".

ГЛАВА V

НЕКОТОРЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ КОЛДУНЫ И ВОЛШЕБНИЦЫ

Среди огромного множества комментариев и исследований к творчеству Данте никто, насколько нам известно, не указал на его главную характеристику. Шедевр славных Гибеллинов - это объявление войны папству смелым раскрытием тайн. Эпос Данте является иоаннитским и гностическим; это смелое применение каббалистических фигур и чисел к христианским догмам и, кроме того, тайное отрицание содержащегося в нем абсолютного элемента; его посещение сверхъестественных миров происходит подобно посвящению в Мистерии Элевсина и Фив. Вергилий направляет и защищает его в кругах нового Тартара, как если бы нежный и меланхоличный пророк судеб сына Поллиона был в глазах флорентийского поэта незаконнорожденным, но истинным отцом христианского эпоса. Благодаря языческому гению Вергилия Данте выбирается из той пропасти, над дверью которой он прочел приговор отчаяния; он спасается, стоя на голове, что означает изменение догмы. Так он поднимается к свету, используя самого демона, как чудовищную лестницу; силой ужаса он выходит из ужаса, из ужасного силой ужаса. Кажется, он свидетельствует, что из ада нет выхода только для тех, кто не может вернуться к себе; он сражается с дьяволом наперекор, если я могу использовать столь знакомое выражение, и достигает освобождения дерзостью.^[258] Это поистине превзойденный протестантизм, и поэт врагов Рима уже предсказал, что Фауст вознесется на небеса на голове поверженного Мефистофеля. Заметьте также, что ад Данте - это всего лишь негативное чистилище, под которым подразумевается, что его чистилище, кажется, обретает форму в его аду, словно в форме; оно подобно крышке или затычке пропасти, и будет понятно, что флорентийский титан в "восхождении на рай" имел в виду низвергнуть чистилище в ад.^[259]

Его небеса состоят из ряда каббалистических кругов, разделенных крестом, подобно пантаклю Иезекииля; в центре этого креста распускается роза, таким образом, впервые публично проявляя и почти категорически объясняя символ розенкрейцеров. Мы говорим "впервые", потому что Уильям Лоррисский, умерший в 1260 году, за пять лет до рождения Данте, не завершил "*Роман о розе*", и его мантия упала на Клопинеля примерно пятьдесят лет спустя. С некоторым удивлением обнаружится, что *Роман о розе* и *Божественная комедия* являются двумя противоположными формами единого произведения — посвящения в независимость духа, сатиры на все современные институты и аллегорической формулы, раскрывающей великие тайны Братства Розового Креста.

Эти важные проявления оккультизма совпадают с падением тамплиеров, поскольку Жан де Менг, или Клопинель, современник Данте в старости последнего, процветал в свои лучшие годы при дворе Филиппа Красивого. *Роман о розе* - эпос старой Франции, глубокое произведение в

тривиальной форме, откровение оккультных тайн, столь же поучительных, как у Апулея. Розы Фламея, Жана де Менга и Данте принадлежат к одному кусту.

Такой гений, как Данте, не мог быть архиеретиком. Великие люди дают толчок интеллекту, и этот толчок впоследствии проявляется в деятельности, которую начинают неугомонные посредственности. Возможно, Данте никогда не читали, и Лютер, несомненно, не понял бы его. Несмотря на это, миссия Гибеллинов, ставшая плодотворной благодаря мощной мысли поэта, постепенно поднимала империю против папства; она продолжалась из века в век под разными названиями и в конце концов сделала Германию протестантской. Конечно, не Лютер породил Реформацию; именно последняя овладела Лютером и подтолкнула его вперед. Этот монах с квадратными плечами мог похвастаться только упрямством и смелостью, но он был необходимым инструментом для воплощения революционных идей. Лютер был Дантоном анархической теологии; суеверный и опрометчивый, он верил, что одержим дьяволом; именно дьявол диктовал ему аргументы против Церкви, заставлял декламировать, нести чушь и, прежде всего, писать. Вдохновляющий гений всех Каинов в то время не просил ничего, кроме чернил, уверенный, что, если эта жидкость выйдет из-под пера Лютера, вскоре прольется море крови. Лютер осознавал этот факт и ненавидел дьявола за то, что тот был другим хозяином; однажды он швырнул чернильницу ему в голову, как бы желая насытить его бурным возлиянием. Этот эпизод напоминает о том шутиливом цареубийце, который обмазал своих сообщников чернилами, когда подписывал смертный приговор Карлу I.

Девизом Лютера было: “Скорее турок, чем папист”; и на самом деле протестантизм по своей сути, как и исланизм, является простым деизмом, организованным в традиционный культ, или, если он и отличается от него, то лишь частично стертыми остатками католицизма. С точки зрения отрицания католической догмы, протестанты - мусульмане с несколькими суевериями в большей степени и пророком в меньшей.

Люди отрекаются от Бога менее неохотно, чем от дьявола, что неоднократно доказывали отступники всех времен. Быстро разделенные анархией, ученики Лютера имели только одну общую веру; все верили в сатану, и этот призрак, увеличивавшийся по мере того, как их мятежный дух уводил их все дальше от Бога, в конце концов достиг ужасающих размеров. Карлстад, архидьякон Вюртембергский, находясь однажды за кафедрой, увидел, как в храм вошел чернокожий мужчина, сел перед ним и смотрел на него с ужасающей неподвижностью на протяжении всей своей проповеди. Он забеспокоился, покинул кафедру и расспросил помощников, но никто не видел призрака. Карлстад вернулся домой в смятении; его встретил младший из его сыновей, который сказал, что незнакомец в черном справлялся о нем и пообещал вернуться через три дня. В сознании страдающего галлюцинациями архидьякона не было места сомнениям; этот незнакомец был призраком из его видения. От пережитого ужаса у него поднялась температура, он лег в постель и умер на третий день.

Эти несчастные еретики боялись собственной тени; их совесть оставалась католической и безжалостно отправляла их в ад. Прогуливаясь однажды вечером со своей женой Кэтрин де Бора, Лютер поднял глаза к небу, усыпанному звездами, и сказал вполголоса, глубоко вздохнув: “Ах, прекрасное небо, которого я никогда не увижу!” “Что?” - воскликнула его жена. “Значит, ты думаешь, что осужден?” Лютер ответил: “Кто знает, не накажет ли Бог нас за то, что мы были неверны нашим обетам?” Предположим, что Екатерина, видя его неуверенность в себе, проклинала и оставила его, возможно, реформатор, пораженный Божественным

Предупреждением, осознал бы свое уголовное преступление в предательстве Церкви, которая была его первой супругой, и с плачем повернулся бы к монастырю, который он покинул самовольно. Но Бог, Который противостоит гордым, несомненно, счел их недостойными этого спасительного бедствия. Кошунственная комедия женитьбы Лютера была провиденциальным наказанием за его гордыню, и поскольку он оставался упорен в своем грехе, это наказание всегда было с ним и высмеивало его до конца. Он умер между дьяволом и своей женой, потрясенный одним и чрезвычайно смущенный другим.

Коррупция и суеверие хорошо сочетаются друг с другом. Эпоха распутного Возрождения, в равной степени преследующего и легковверного, определенно не была эпохой второго рождения разума. Екатерина Медичи была колдуньей, Карл IX консультировался с некромантами, Генрих III играл в набожность и разврат. Тогда это был расцвет астрологов, хотя некоторых из них время от времени пытали, чтобы заставить изменить свои предсказания. Кроме того, были придворные колдуны, которые немного баловались отравлениями и заслуживали веревки палача. *Труа-Эшель*, фокусник Карла IX, был жонглером и мошенником; однажды он признался королю, и его проступки не были грешками; король простил его, но пообещал вылечить на виселице, если у него случится рецидив; у него действительно случился рецидив, и в положенный срок его повесили.^[260]

Когда Лига поклялась убить слабого и несчастного Генриха III, она прибегла к колдовству и Черной магии. Л'Этуаль^[261] заявляет, что восковое изображение короля было установлено на алтарях, где священники Лиги служили мессу, и что изображение было заколото ножом во время молитвы, воплощающей проклятия и анафемы. Когда королю не удалось умереть достаточно быстро, был сделан вывод, что он тоже был колдуном. Были опубликованы брошюры, в которых Генрих III изображался как участник съездов, на которых преступления Содомы и Гоморры были лишь прелюдией к более страшным и неслыханным злодеяниям. Говорили, что среди приспешников короля был один, который был дьяволом собственной персоной, и юные девственницы были похищены и насильно проданы Вельзевулу.^[262] Люди поверили этим басням, и наконец был найден фанатик, который привел в исполнение угрозы колдовства. Жак Клеман страдал от видений и властных голосов, которые приказывали ему убить короля; он искал цареубийства, как мученик, и умер, смеясь, как герои скандинавской мифологии. Скандальные хроники утверждали, что некая знатная придворная дама магнетизмом своих ласк дополняла уединение монаха; но этому анекдоту недостает правдоподобия. Именно воздержание монаха способствовало его возвышению, и если бы он начал вести слепую жизнь страсти, неутолимая жажда удовольствий овладела бы всей его натурой, и он не захотел бы умирать.

В то время как мир сотрясали религиозные войны, в Германии были созданы тайные иллюминатские ассоциации, которые были ничем иным, как теургическими и магическими школами. Самой древней из них, по-видимому, была символика розенкрейцеров, чьи символы восходят ко временам гвельфов и Гибеллинов, как мы видим по аллегориям в поэме Данте и эмблемам в *Романе о розе*.

Роза, которая во все времена была символом красоты, жизни, любви и удовольствия, мистически выражала тайную мысль всех протестов, проявленных в эпоху Возрождения.^[263] Это была плоть, бунтующая против угнетения духа; это была Природа, свидетельствующая, что,

подобно грейс, она была дочерью Бога; это была любовь, отказывающаяся быть подавленной обетом безбрачия; это была жизнь, восстающая против бесплодия; это было человечество, стремящееся к естественной религии, полной разума и любви, основанной на откровениях гармонии бытия, живым цветочным символом которой для посвященных была роза. На самом деле это пантакль; форма круглая, листья венчика сердцевидные и гармонично прилегают друг к другу; его оттенок предлагает самые гармоничные оттенки примитивных цветов; чашечка пурпурно-золотистая. Мы видели, что Фламель, или, скорее, *Книга еврея Авраама*, представляет это как иероглифический знак завершения Великой Работы.^[264] Здесь ключ к роману Клопинеля и Уильяма де Лорриса. Завоевание розы было проблемой, предложенной посвящением в науку, в то время как религия работала над подготовкой и установлением всеобщего, исключительного и окончательного торжества Креста.

Проблема, предложенная высшим посвящением, заключалась в соединении Розы и Креста, и, по сути, оккультная философия, будучи универсальным синтезом, должна принимать во внимание все явления бытия. Рассматриваемая исключительно как физиологический факт, религия является раскрытием и удовлетворением потребностей душ. Ее существование как факта научно, и отрицать это было бы отрицанием самого человечества. Ее никто не изобретал; подобно законам и цивилизациям, она формируется исходя из потребностей нравственной жизни. С этой чисто философской и ограниченной точки зрения религию следует рассматривать как фатальную, если все объяснять фатальностью, и как Божественную, если признавать Высший Разум главной движущей силой законов природы.^[265] Отсюда следует, что характеристикой каждой религии, собственно так называемой, является прямая зависимость от Божественности посредством сверхъестественного откровения — никакой другой способ передачи не обеспечивает достаточной санкции догмы — следует заключить, что истинная естественная религия - это религия, которая была ниспослана; иными словами, естественно принимать религию только при понимании того, что она была ниспослана, каждый истинная религия призывает к жертвоприношениям, и человек не имеет ни власти, ни права навязывать то же самое своим ближним, вне и особенно выше обычных условий существования человечества.

Исходя из этого строго рационального принципа, розенкрейцеры были вынуждены уважать доминирующую иерархическую и богооткровенную религию. Следовательно, они могли быть врагами папства не больше, чем законной монархии, в то время как если они и устраивали заговоры против пап и королей, то только потому, что считали тех или иных личностей отступниками от долга и высшими пособниками анархии.^[266] Что на самом деле такое деспот — духовный или светский, — как не коронованный анархист? Таким образом, можно объяснить протестантизм и даже радикализм некоторых великих адептов, которые, несомненно, были более католическими, чем некоторые папы, и более монархическими, чем некоторые короли, — некоторых эксцентричных адептов, таких как Генри Кунрат и истинные *иллюминаты* его школы.

Всем, кроме тех, кто специально изучал оккультные науки, Кунрат практически неизвестен; несмотря на это, он мастер и один из первых по рангу. Он - суверенный принц Розового Креста, достойный во всех отношениях этого научного и мистического титула.^[267] Его пантакли великолепны, как свет *Книги Великолепия*, называемой *Зоар*; они учены, как Тритемий, точны, как Пифагор, полны в своем раскрытии Великой Работы, как книга Авраама и Николаса Фламеля.

Кунрат, химик и врач, родился в 1502 году, и ему было сорок два года, когда он достиг трансцендентного теософского посвящения.^[268] *"Амфитеатр вечной мудрости"*, являющийся самым замечательным из его произведений, был опубликован в 1598 году, поскольку прилагаемое к нему одобрение императора Рудольфа датировано 1 июня рассматриваемого года.^[269] Хотя автор и исповедует радикальный протестантизм, он громко претендует на титулы католика и ортодокса; он свидетельствует, что обладает ключом к Апокалипсису, который единственен и тройственен, даже как универсальная наука, но держит его в секрете, как и следовало бы. Работа разделена на семь частей, и по этим разделам распределены семь степеней посвящения в трансцендентальную философию. Текст представляет собой мистический комментарий к оракулам Соломона,^[270] и работа заканчивается серией синоптических графиков, которые представляют собой синтез Магии и оккультной каббалы — в той мере, в какой это касается того, что может быть обнародовано в письменной форме. Остальное, являясь эзотерической и невыразимой частью науки, сформулировано в великолепных пантаклях, тщательно разработанных и выгравированных. Их всего девять, а именно: (1) Догма Гермеса; (2) Магическая реализация; (3) Путь мудрости и начальная процедура в работе; (4) Врата Святилища, освещенные семью мистическими лучами; (5) Роза Света, в центре которой человеческая фигура, простирающая руки в форме креста; (6) Магическая лаборатория Кунрата, демонстрирующая необходимый союз молитвы и работы; (7) Абсолютный синтез науки; (8) Вселенское равновесие; (9) Краткое изложение личной доктрины Кунрата, воплощающее энергичный протест против всех его недоброжелателей. ^[271] Это Герметичный пантакль, окруженный немецкой карикатурой, полной живости и простодушного веселья. Враги философа изображены в виде насекомых, зайцев, быков и ослов, и все это украшено латинскими легендами и грубыми немецкими эпиграммами. Кунрат изображен справа в одежде гражданина, а слева - в одежде своего ученика; на обоих он корчит рожи своим противникам. Как горожанин, он вооружен мечом и топчет хвост змеи; как студент, он носит щипцы и раздавливает голову змеи. На публике он демонстрирует, а дома наставляет, но, как показывают его жесты, истина всегда одна и та же и выражается с презрением к нечистому дыханию его противников. Последнее, несмотря на это, настолько пагубно, что птицы небесные падают мертвыми к их ногам. Этой чрезвычайно любопытной таблички не хватает во многих экземплярах работы.

Книга в целом содержит все тайны высшего посвящения. Как следует из названия, это христокаббалистическая, божественномагическая, физико-химическая, триединая и универсальная книга. Это настоящее руководство по трансцендентальной магии и герметической философии. Более полное и совершенное посвящение невозможно найти где-либо еще, разве что в *Сефер Йецира* и *Зоаре*. В четырех важных выводах, которые следуют за объяснением третьего рисунка, Кунрат устанавливает: (1) Что стоимость выполнения Великой Работы (не считая обслуживания оператора и личных расходов) не должна превышать сумму в тридцать талеров. Он добавляет: "Я говорю авторитетно, поскольку учился у того, кто обладал знаниями; те, кто тратит больше, обманывают себя и впустую тратят свои деньги". Из этого следует, что либо Кунрат сам не создавал Философский камень, либо не хотел признаваться в этом, опасаясь преследований. Далее он устанавливает обязанность адепта не посвящать более десятой части своего состояния в личное пользование, остальное посвящая славе Божьей и делам милосердия. Наконец, он утверждает, что тайны христианства и Природы истолковывают и освещают друг друга и что будущее царствование Мессии будет покоиться на двойном основании науки и веры. Поскольку оракулы Евангелия, таким образом, подтверждены

книгой Природы, станет возможным убедить евреев и мусульман в истинности христианства на основе науки и разума, так что — с помощью Божественной Благодати — они будут безошибочно обращены в религию единства. Он заканчивает следующим изречением: “Печать природы и Искусства - простота”.

Современником Кунрата был другой посвященный врач, философ-герметик и ученик парацельсианской медицины; это был Освальд Кроллиус, автор *Книги подписей, или Истинной и жизненно важной анатомии Большого и Малого мира*.^[272] Предисловие к этой работе представляет собой чрезвычайно хорошо выполненный очерк герметической философии; Кроллиус стремится продемонстрировать, что Бог и Природа, так сказать, подписали все свои работы, что каждый продукт данной природной силы несет на себе печать этой силы. в неизгладимых символах, так что тот, кто посвящен в оккультные писания, может читать, как в открытой книге, симпатии и антипатии вещей, свойства субстанций и все другие секреты творения. Символы различных писмен были примитивно заимствованы из этих естественных подписей, существующих в звездах и цветах, на горах и мельчайшем камешке. Фигуры кристаллов, знаки на минералах были отпечатками мысли, которую Творец вложил в их формирование. Идея богата поэзией и величием, но нам не хватает какой-либо грамматики этого таинственного языка миров и методичного словаря этой примитивной и абсолютной речи. Считается, что только царю Соломону удалось выполнить двойную работу; но книги Соломона утеряны. Предприятие Кроллиуса было не их воссозданием, а попыткой обнаружить фундаментальные принципы, выраженные в универсальном языке творческого Слова.

На основе этих принципов было признано, что первоначальные иероглифы, основанные на основных элементах геометрии, соответствовали основополагающим законам форм, определяемым чередующимися или комбинированными движениями, которые, в свою очередь, определялись установлением равновесия. Простые вещества отличались от композитных по их внешним рисункам; а благодаря соответствию между цифрами стало возможным провести математическую классификацию всех веществ, обнаруживаемых по линиям их поверхностей. В основе этих усилий, которые являются воспоминаниями об эдемской науке, лежит целый мир открытий, ожидающих науки. Парацельс разгадал их, Кроллиус указывает на них, другой, кто последует за ним, поймет и продемонстрирует их. То, что вчера казалось безумием, завтра станет гениальностью, и прогресс порадует возвышенных искателей, которые первыми заглянули в этот потерянный и вновь обретенный мир, в эту Атлантиду человеческих знаний.

Начало семнадцатого века было великой эпохой алхимии; это был период Филиппа Мюллера, Джона Торнебурга, Майкла Майера, Ортелиуса, Потериуса, Сэмюэля Нортон, барона де Босолей, Дэвида Планиса Кампе, Жана Дюшенна, Роберта Фладда, Бенджамина Мустафы, Д'Эспанье, космополита — который стоит в первом ряду — де Нюземена, который перевел и опубликовал труды космополита, Джона Баптиста ван Гельмонта, Эйриня Филалета, Рудольф Глаубер, выдающийся сапожник Якоб Беме.^[273] Главные из этих посвященных были посвящены исследованиям Трансцендентальной Магии, но они самым тщательным образом скрывали это ненавистное имя под покровом Герметических экспериментов. Меркурием Мудрости, который они желали открыть и передать своим ученикам, был научный и религиозный синтез, мир, пребывающий в суверенном единстве. Сами мистики были всего лишь слепыми верующими в истинных *иллюминатов*, в то время как иллюминизм, собственно так называемый, был универсальной наукой о свете.

Весной 1623 года по улицам Парижа было расклеено следующее странное воззвание: “Мы, уполномоченные посланники Братьев Розового Креста, пребывающие в этом городе видимым и невидимым образом, по милости Всевышнего, к Которому обращаются сердца мудрецов, обучаем без внешних средств говорить на языке стран, в которых мы живем,^[274] и спасаем людей, которые являются нашими коллегами по работе, от ужаса и смерти. Если кто-то будет искать нас из простого любопытства, он никогда не станет общаться с нами; но если им движет искреннее желание быть занесенным в реестр нашего братства, мы, умеющие распознавать мысли, откроем такому человеку истинность наших обещаний, но только не будем раскрывать место нашего пребывания, поскольку мысли в ее союзе с твердой волей читателя будет достаточно, чтобы сделать нас известными ему, а его - нам”.

Общественное мнение ухватилось за этот таинственный манифест, и если бы кто-нибудь открыто спросил, кто были эти Братья Розового Креста, неизвестный персонаж, возможно, отвел бы спрашивающего в сторону и серьезно сказал бы ему^[275]: “Предопределенные к реформации, которая должна быстро произойти во всей вселенной, розенкрейцеры являются хранителями высшей мудрости, и как невозмутимые обладатели всех даров Природы, они могут раздавать их по своему усмотрению. Где бы они ни находились, они знают все, что происходит в остальном мире, лучше, чем если бы они присутствовали среди них; они выше голода и жажды, и им нечего бояться ни возраста, ни болезней. Они могут повелевать самыми могущественными духами и гениями. Бог покрыл их облаком, чтобы защитить от врагов, и их нельзя увидеть, кроме как с их собственного согласия — будь у кого-нибудь глаза более проницательные, чем у орла. Их общие собрания проводятся в египетских пирамидах; но, подобно скале, из которой вышел источник Моисея, эти пирамиды следуют за ними в пустыню и будут следовать за ними до тех пор, пока они не войдут в Землю Обетованную”.

ГЛАВА VI

НЕКОТОРЫЕ МАГИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Греческий автор аллегорической таблички из Кебеса так выражает этот замечательный вывод: “Есть только одно настоящее благо, которого следует желать, и это мудрость; есть только одно зло, которого следует бояться, и это безумие”. Моральное зло, порочность и преступность - это действительно мания в буквальном смысле этого слова. Поэтому мы искренне сочувствуем отцу Илариону Тиссо, когда он неустанно провозглашает в своих экстравагантно смелых брошюрах, что вместо наказания преступников мы должны взять их под свою опеку и вылечить. Но сочувствие, невзирая на разум, восстает в знак протеста против чрезмерно благожелательного толкования преступления, следствием которого было бы уничтожение санкции морали путем обезоруживания закона. Мы сравниваем манию с опьянением и, видя, что последнее почти всегда является добровольным, мы аплодируем мудрости судей, которые наказывают проступки и преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, не рассматривая добровольную потерю рассудка в качестве оправдания. Может наступить даже день, когда самопроизвольное состояние будет расценено какотягающее обстоятельство, и когда разумное существо, которое своим собственным поступком ставит себя вне рамок разума, обнаружит, что оно также находится вне рамок закона. Разве закон не является причиной

человечества? Горе тому, кто опьянеет, будь то от вина, гордыни, ненависти или даже любви. Он становится слепым, несправедливым, игрушкой обстоятельств; он - ходячий бич и живая обреченность; он может убивать или насиловать; он - раскованный дурак, и пусть его осуждают как такового. Общество имеет право на самооборону; это больше, чем право, это обязанность, поскольку у общества есть дети.

Эти размышления навеяны магическими преследованиями, о которых мы должны дать некоторый отчет. Церковь и общество слишком часто обвинялись в судебном убийстве дураков. Мы признаем, что маги были глупцами, но их безумие заключалось в извращенности. Если среди них погибли какие-то невинные, но больные люди, то это несчастья, за которые ни общество, ни Церковь не могут нести ответственности. Каждый человек, осужденный по законам своей страны и судебным формам своего времени, осужден справедливо, его возможная невинность отныне в руках Бога: перед людьми он виновен и должен оставаться виновным.

В замечательном романе под названием *Шабаш колдуний*,^[276] Людвиг Тик изображает святую женщину, бедное старое создание, измученное истреблением, психически ослабленное постами и молитвами, которая, будучи полна ужаса перед колдунами, но из-за избытка смирения склонна обвинять себя во всех преступлениях, в конце концов верит, что она ведьма, признается в этом, осуждена по ошибке и предубеждению и, наконец, сожжена заживо. Что доказала бы такая история, если предположить, что она правдива? Ни больше, ни меньше, чем возможность судебной ошибки. Но если такие ошибки возможны, то на самом деле они не могут быть таковыми по справедливости, иначе что стало бы с человеческой справедливостью? Приговоренный к смерти Сократ мог бы прибегнуть к бегству, и его собственные судьи предоставили бы ему такие средства, но он уважал законы и поэтому решил умереть.

В суровости некоторых приговоров следует винить законы, а не суды средневековья. Был ли Жиль де Лаваль, о преступлениях которого и наказании за них рассказано выше, осужден несправедливо, и должен ли он быть оправдан как глупец? Были ли невиновны те ужасные идиоты, которые готовили зелья из жира маленьких детей? Более того, черная магия была всеобщей манией той злополучной эпохи. Из-за их непрекращающегося обращения к вопросам колдовства сами судьи иногда приходили к выводу, что они также совершили те же преступления. Чума стала эпидемией во многих населенных пунктах, и казни, казалось, умножали число виновных.

Такие демонологи, как Деланкр, Дельрио, Шпренгер, Бодин и Торребланка, сообщают о многих судебных преследованиях, детали которых одинаково утомительны и отвратительны. Осужденные существа были в основном галлюцинирующими и идиотскими, но они были злыми в своем идиотизме и опасными в своих галлюцинациях. Эротическая страсть, жадность и ненависть были главными причинами, приведшими к расстройству их рассудка: они действительно были способны на все. Шпренгер говорит, что колдуньи были в сговоре с акушерками, чтобы обеспечить сохранность мертвых тел новорожденных детей. Акушерки убивали этих невинных младенцев в самый момент их рождения, вонзая длинные иглы в мозг. Говорили, что младенец родился мертвым и был похоронен как таковой; на следующую ночь стриги раскопали землю и извлекли труп, который они тушили на сковороде с наркотическими и ядовитыми травами, после чего перегнали этот человеческий желатин. Ликер служил

эликсиром долгой жизни, а твердая часть — растертая и смешанная с сажей и жиром черной кошки — использовалась для магического растирания. Желудок переворачивается от отвращения при таких отвратительных откровениях, и жалость заглушается гневом; но когда обращаешься к самым судебным процессам, видишь доверчивость и жестокость судей, лживые обещания пощады, используемые для получения признаний, зверские пытки, непристойные допросы, позорные и нелепые предосторожности и, наконец, публичную казнь с насмешливым служением духовенства, которое сдалось светской власти и попросило пощады у тех, кого она только что приговорила к смерти, среди всего этого хаоса приходишь к выводу, что только религия остается святой, но что все люди - святые. и в равной степени либо идиоты, либо негодяи.

В 1598 году священник Лимузена по имени Пьер Оупетит был сожжен заживо за нелепые признания, добытые у него пытками.^[277] В 1599 году женщина по имени Антида Коллас была сожжена в Доле, потому что в ее сексуальном облике было что-то ненормальное, и это считалось объяснимым только постыдным общением с сатаной. Неоднократно подвергаемая пыткам, раздетая, тщательно осмотренная врачами и судьями, переполненная стыдом и страданиями, несчастное существо призналось во всем, что могло бы каким-то образом положить всему этому конец.^[278] Анри Богэ, судья Сен-Клода, рассказывает, как он заставил женщину подвергнуться пыткам как колдунью, потому что в крестике ее четок не хватало кусочка, и это было определенным признаком колдовства с точки зрения этого свирепого маньяка. Двенадцатилетний ребенок, воспитанный инквизиторами, обвинил своего собственного отца в том, что он повел его на Шабаш. Отец умер в тюрьме в результате своих страданий, и было предложено сжечь мальчика, против чего выступил Богет, который сделал из милосердия добродетель. Тридцатипятилетняя Ролланда де Вернуа была заключена в такую ледяную темницу, что пообещала признать себя виновной в колдовстве, если ей разрешат подойти поближе к огню. Как только она почувствовала его тепло, у нее начались страшные конвульсии, сопровождавшиеся лихорадкой и бредом. В таком состоянии ее подвергли пыткам, дали все необходимые показания и в предсмертном состоянии потащили к столбу. Разразилась буря, потушила пожар, и вслед за этим Богэ злорадствовал над вынесенным им приговором, поскольку той, кто внешне был таким образом защищен небесами, на самом деле и бесспорно помогал дьявол. Этот же судья сжег Пьера Годийона и Пьера ле Гро за то, что они путешествовали ночью, причем один был в образе зайца, а другой - в образе волка.

Но судебный процесс, вызвавший наибольший резонанс в начале семнадцатого века, был возбужден против мессира Луи Гауфриди, кюре прихода Аккуль в Марселе. Скандал, связанный с этим делом, создал фатальный прецедент, которому слишком добросовестно следовали. Это был случай, когда священники обвинили священника, когда священник предстал перед трибуналом своих коллег по министерству. Константин сказал, что если он обнаружит священника, позорящего свое призвание каким-нибудь постыдным грехом, он покроет его своим собственным пурпуром, что было прекрасным и царственным высказыванием, поскольку священство должно быть безупречным, даже если правосудие непогрешимо при соблюдении общественной морали.^[279]

В декабре 1610 года молодая женщина из Марселя отправилась в паломничество в Сент-Бом в Провансе и там впала в экстаз и конвульсии. Ее звали Магделейн де ла Палюд. Луиза Капо, другая преданная, была схвачена аналогичным образом вскоре после этого.^[280] Доминиканцы и капуцины верили, что это одержимость дьяволом, и прибегали к экзорцизму. В результате

Магделена де ла Палюд и ее товарищ по несчастью представляли собой то зрелище, которое так часто повторялось столетие спустя во время эпидемии конвульсий. Они кричали, корчились, умоляли, чтобы их избили и растоптали ногами. Однажды шестеро мужчин поочередно прошли по груди Магделейн без малейших страданий с ее стороны. Находясь в таком состоянии, она призналась в самой необычайной распущенности, сказав, что отдала себя, тело и душу, дьяволу, с которым ее обручил священник по имени Гауфриди.^[281] Вместо того, чтобы заключить обезумевшую девушку в тюрьму, она добилась слушания, и монахи-экзорцисты отправили трех капуцинов в Марсель с целью тайного ознакомления церковного начальства с положением дел в Сент-Бом, с целью, по возможности, привести кюре Гауфриди. туда и сразиться с предполагаемыми демонами.^[282]

Более того, монахи зафиксировали адское вдохновение двух истеричек, которые были речами, полными невежественной и фанатичной преданности, представляя религию так, как ее понимали сами экзорцисты. Одним словом, одержимые женщины, казалось, рассказывали сны тех, кто изгонял из них бесов: это были именно те явления, когда люди стучали по столу и пользовались услугами медиумов в наши дни. Дьяволы принимали имена, не менее неуместные, чем имена духов в Америке; они выступали против книгопечатания, произнося проповеди, достойные самых ревностных и неграмотных капуцинов. В присутствии демонов, созданных по своему образу и подобию, отцы утвердились в факте одержимости адскими духами и в их истинности. Призраки их больного воображения обрели телесную форму и живое воплощение в двух женщинах, чьи непристойные признания одновременно возбудили их любопытство и негодование, полное тайной похоти. Таково было их расположение, когда несчастный Луи Гауфриди наконец предстал перед ними.

Гауфриди был слишком мирским священником, с приятной внешностью, слабым характером и более чем сомнительной моралью.^[283] Он был духовником Магдалины де ла Палюд и внушил ей ненасытную страсть, которая, сменившись ревностью на ненависть, стала фатальной и втянула несчастного священника в водоворот безумия, который в конце концов привел его к костру. Все, что было сказано обвиняемым в его собственную защиту, было обращено против него. Он воззвал к Богу и Иисусу Христу, к Пресвятой Матери Христа и предтече святого Иоанна Крестителя; но они ответили: "Ты превосходно читаешь Субботние литании". Под Богом вы понимаете Люцифера; под Иисусом Христом - Вельзевула; под Святой Девой, матерью-отступницей Антихриста; под Святым Иоанном Крестителем, лжепророком и предшественником Гога и Магога.

Гауфриди подвергли пыткам и пообещали помилование, если он подпишет заявления Магделейн де ла Палюд. Сбитый с толку, обойденный, сломленный, бедный священник подписал все, что требовалось; этого было достаточно для его сожжения, и это было поставленной целью.^[284] Это также было ужасное зрелище, которое провансальские капуцины устроили народу в качестве урока нарушения привилегий святыни. Они показали, как убивают священников, и люди запомнили это позже. Раввин, который был свидетелем чудес, произошедших перед разрушением Иерусалима Титом, воскликнул: "О Святой Храм, что это вселяется в тебя, и зачем пугать себя таким образом? "Ни кафедра Петра, ни епископы не протестовали против убийства Гауфриди, но наступил восемнадцатый век, принесший за собой Революцию.

Одна из одержимых женщин[285], уничтожившая кюре Аккуля, засвидетельствовала, что демон покидал ее, чтобы подготовить убийство другого священника, которого она назвала пророчески заранее и в отсутствие каких-либо личных знаний: это был Урбен Грандье. Тогда правил тот ужасный кардинал де Ришелье, для которого только абсолютная власть могла гарантировать спасение государств; к сожалению, его наклонности были скорее политическими и утонченными, чем истинно христианскими. Одним недостатком, характеризовавшим этого великого человека, была определенная ограниченность сердца, которая делала его чувствительным к личным обидам, а также неумолимым в мести. И далее, то, что он меньше всего был готов простить в таланте, было независимостью; в то время как он предпочитал в качестве вспомогательных лиц людей состоятельных, а не льстецов, он получал определенное удовольствие от уничтожения всего, что хотело блистать отдельно от него. Его честолюбивым намерением было властвовать над всеми; отец Жозеф был его правой рукой, а Лобардемон - левой.

Тогда в провинции, в Лудене, жил священнослужитель замечательного гения и возвышенного характера, обладавший также ученостью и талантом, но лишенный осмотрительности. Созданный для того, чтобы нравиться массам и привлекать симпатии великих людей, он мог при случае стать опасным приверженцем; протестантизм в то время процветал во Франции, и кюре церкви Святого Петра в Лудене, предрасположенный к новым идеям из-за своей нелюбви к церковному безбрачию, мог оказаться во главе такой партии проповедником более блестящим, чем Кальвин, и не менее смелым, чем Лютер. Его звали Урбен Грандье. Серьезные разногласия с епископом уже свидетельствовали о его способностях и непреклонном характере, но, по несчастью, это были неумелые способности, поскольку от могущественных врагов он обратился к королю, а не, к несчастью, к кардиналу. Король считал, что он прав, но кардиналу оставалось показать ему, насколько он неправ. Грандье тем временем с триумфом вернулся в Луден и позволил себе нецерковное зрелище - вошел в город с лавровой ветвью. С того времени он был потерян.[286]

Настоятельница монахинь-урсулинок в Лудене в религии звали матерью Жанной де Анж, иначе Жанной де Бельфиель, внучкой барона де Козе. Ее нельзя было назвать ревностной в благочестии, и ее монастырь нельзя было отнести к числу самых строгих в стране; в частности, происходили ночные сцены, которые приписывались духам.[287] Родственники выселили постояльцев, и дом был на грани того, чтобы лишиться всех ресурсов. Грандье был ответственен за определенные интриги и относился к ним немного беспечно, в то время как он был слишком публичным персонажем, чтобы в праздности маленького городка не поднимать шум из-за своих недостатков. Ученицы урсулинок слышали, как их таинственным образом обсуждали их родители; монахини говорили о них, сожалея о скандале и много рассуждая о том, из-за кого он возник; о том, что они говорили днем, они мечтали ночью; и так получилось, что ночью они видели, как он появлялся в их спальнях при обстоятельствах, которые соответствовали его предполагаемой морали; они вскрикивали, считали себя одержимыми, и таким образом дьявол был выпущен среди них на свободу.

Наставники монахинь, которые были смертельными врагами Грандье, не преминули заметить, какую выгоду они могли извлечь из этого дела в интересах своей злобы и в интересах монастыря.[288] Они начали совершать экзорцизмы — сначала в частном порядке, а затем публично. Друзья Грандье чувствовали, что зреет заговор, и хотели, чтобы он поменял свое посолье, чтобы уехать из Лудена, полагая, что все успокоится, когда его не станет. Но Грандье

был храбр и не мог смириться с клеветой; поэтому он остался и однажды утром был арестован, когда входил в свою церковь в священническом облачении. С ним немедленно поступили как с государственным заключенным; его бумаги были изъяты, на его вещи наложили печати, и он был препровожден под усиленной охраной в крепость Анже. Тем временем в Лудене для него была приготовлена темница, которая, казалось, предназначалась скорее для дикого зверя, чем для человека. Ришелье, осведомленный обо всем, отправил Лобардемона покончить с Грандье и запретил парламенту заниматься этим делом.

Если поведение кюре Сен-Пьера было поведением мирянина, то поведение Грандье, заключенного по обвинению в Колдовстве, было поведением героя и мученика: так невзгоды раскрывают великие души, и выдержать страдания гораздо легче, чем процветание. Он писал своей матери: “Я терпеливо переносу свое горе и жалею тебя больше, чем свое собственное. Я очень нездоров, у меня нет постели; постарайтесь, чтобы мне принесли мою, потому что, если тело не отдыхает, разум сдает. Пришли мне также мой требник, библию и Святого Фому для моего утешения. В остальном не печальтесь; я надеюсь, что Бог подтвердит мою невиновность”.[289]

Нет никаких сомнений в том, что Бог рано или поздно встает на сторону преследуемой невинности, но Он не всегда избавляет ее от врагов на земле, за исключением, конечно, смерти. Грандье собирался усвоить этот урок. Со своей стороны, не будем представлять людей хуже, чем они есть на самом деле; его враги не верили в его невиновность; они преследовали его с яростью, но тот, кого они преследовали, был для них великим преступником.

Феномен истерии в то время был малоизучен, и сомнамбулизм был совершенно неизвестен; конвульсии монахинь; их телесные движения, превышающие все нормальные человеческие возможности; их удивительные свидетельства второго зрения были вещами, способными убедить наименее доверчивых. Хорошо известный атеист того времени, сьер де Керьоле, советник парламента Бретани, пришел, чтобы стать свидетелем экзорцизма и высмеять его. Монахини, которые никогда его не видели, обращались к нему по имени и рассказывали о грехах, которые, как он полагал, никому не были известны. Он был так потрясен, что, как все вспыльчивые натуры, бросался из крайности в крайность; он пролил слезы, исповедался и посвятил оставшиеся дни строжайшему аскетизму.

Софистика луденских экзорцистов была той абсурдной неразумностью, которую г-н де Мирвиль имеет мужество поддерживать и в наши дни: дьявол является автором всех явлений, которые не могут быть объяснены известными законами Природы. К этой нелогичной максиме они присоединили другую, которая была, так сказать, догматом веры: дьявол, должным образом изгнанный, вынужден говорить правду и поэтому может быть допущен в качестве свидетеля в деле правосудия.

Таким образом, несчастный Грандье был отдан в руки не злоумышленников, а скорее обезумевших маньяков, которые, будучи тверды в своей чистоте совести, предали этому невероятному судебному преследованию самую широкую огласку. Такого скандала никогда еще не случалось в церкви — ревущие, корчащиеся монахини, делающие самые непристойные жесты, богохульствующие, стремящиеся наброситься на Грандье, как вакханки на Орфея; самые священные религиозные ценности смешались с этим отвратительным зрелищем и запачкались в его грязи; среди всех только Грандье спокоен, пожимает плечами и защищается с достоинством и кротостью; среди прекрасных, бледных, обезумевших судей, обливающих

потом, и Лобардемон в своей красной мантии, парящий над конфликтом, как коршун. ожидание трупа: таково было судебное преследование Урбена Грандые.

Давайте скажем ради чести человечества, что мы вынуждены доверять как экзорцистам, так и судьям, поскольку такой заговор, который был бы вовлечен в законное убийство обвиняемого, к счастью, невозможен. Монстры так же редки, как и герои; масса состоит из посредственностей, одинаково неспособных как на великие добродетели, так и на великие преступления. Самые святые люди того времени верили во владение в Лудене; даже святой Винсент де Поль был знаком с его историей, и его попросили высказать свое мнение по этому поводу. Сам Ришелье, хотя он в любом случае мог бы найти какой-нибудь способ избавиться от Грандые, в конце концов поверил в его виновность. Его смерть была преступлением, вызванным невежеством и предрассудками того времени; это была скорее катастрофа, чем убийство.

Мы избавляем наших читателей от подробностей его пыток: он оставался твердым, смиренным, терпеливым, хотя ни в чем не признавался; он даже не делал вид, что презирает своих судей, но кротко молился, чтобы экзорцисты пощадили его: “И вы, отцы мои, - сказал он им, - уменьшите суровость моих мучений и не повергайте мою душу в отчаяние”. Сквозь этот жалобный стон можно разглядеть всю кротость христианина, который прощает. Чтобы скрыть свои эмоции, экзорцисты ответили бранью, и палачи заплакали.^[290] Три монахини в один из моментов просветления предстали перед трибуналом, крича, что Грандые невиновен, но считалось, что их устами говорит дьявол,^[291] и их заявление только ускорило конец. Урбен Грандые был сожжен заживо 18 августа 1634 года. Он был терпелив и смирился до конца. Когда его сняли с телеги, у него были переломаны ноги, и он тяжело рухнул лицом вниз на землю, не издав ни единого крика или стога. Францисканец по имени отец Грийо протиснулся сквозь толпу и поднял страдальца, которого обнял, плача: “Я приношу вам, - сказал он, - благословение вашей матери: она и я молим Бога за вас”. “Благодарю вас, отец мой, - ответил Грандые. - Вы один пожалели меня; утешьте мою бедную мать и будьте ей сыном”. Лейтенант провоста, глубоко взволнованный, тогда сказал ему: “Сэр, простите мне ту роль, которую я вынужден принять в ваших страданиях”. И Грандые ответил: “Вы не оскорбили меня и обязаны выполнять возложенные на вас обязанности”. Они пообещали задушить его перед сожжением, но когда палач попытался затянуть веревку, оказалось, что она завязана узлом, и несчастный кюре де Сен-Пьер живым упал в пламя.

Главные экзорцисты, отцы Транкиль и Лактанс, вскоре умерли в бреду буйного помешательства; отец Сюрин, сменивший их, стал слабоумным; Манури, хирург, помогавший пытать Грандые, умер, преследуемый призраком своей жертвы. Лобардемон трагически потерял сына и впал в немилость у своего хозяина; монахини остались идиотками. Так правда ли, что речь шла об ужасной и заразной болезни, психическом недуге ложного рвения и преданности? Провидение наказывает людей за их собственные ошибки и наставляет их на печальных последствиях их ошибок.

Через десять лет после смерти Грандые в Нормандии возобновились скандалы вокруг Лудена, когда монахини Лувье обвинили двух священников в том, что они их околдовали. Из этих священников один был уже мертв, но они нарушили неприкосновенность могилы, чтобы выкопать его труп. Детали владения были идентичны тем, что были у Лудена и Сент-Боме. Истериичные женщины переводили на нецензурный язык кошмары своих наставников. Оба священника были приговорены к сожжению, и — чтобы усилить ужас — живой человек и труп

были привязаны к одному столбу. Наказание Мезенция, этот вымысел языческого поэта, стало таким образом осознанным христианами; христианский народ хладнокровно присутствовал при святотатственной казни, и служители не понимали, что, оскверняя таким образом одновременно священническую должность и мертвых, они создали ужасный прецедент нечестия. Когда прозвучал призыв, наступил восемнадцатый век, чтобы потушить пожары кровью священников, и, как это почти неизменно случается, добрые заплатили за злых. В начале того столетия сожжение людей все еще продолжалось; хотя вера была мертва, лицемерие подвергло юного Лабарра самым ужасным пыткам, потому что он отказался раскрыть глаза, когда мимо проходила процессия. Вольтер тогда был очевиден и в глубине души сознавал призвание, подобное призванию Аттилы. В то время как человеческие страсти оскверняли религию, Бог послал этого нового разрушителя, чтобы удалить религию из мира, который больше не был ее достоин.

В 1731 году молодая женщина из Тулона по имени Катрин Кадьер обвинила своего духовника, иезуита Жирара, в соблазнении и Магии. Она была заклеянной экстаичкой, которая долгое время считалась святой. Ее история - это история похотливых обмороков, тайных бичеваний и непристойных ощущений. Где поглотитель позора с тайнами, сравнимыми с тайнами безбрачного воображения, расстроенного опасным мистицизмом? Женщине не поверили на слово, и отец Жирар избежал осуждения; скандал по этой причине был не менее велик, но шум, который он произвел, был вызван взрывом смеха: мы сказали, что Вольтер был среди нас.

Суеверные люди до тех пор объясняли экстраординарные явления вмешательством дьявола и духов; столь же абсурдная сама по себе школа Вольтера, несмотря на все свидетельства, отрицала сами явления. Одна сторона сказала, что все, что мы не можем объяснить, исходит от дьявола; ответ другой стороны был таков, что вещей, которые мы не можем объяснить, не существует. Воспроизводя при аналогичных обстоятельствах ту же серию эксцентричных и удивительных фактов, Природа протестовала в одном случае против самонадеянного невежества, а в другом - против несовершенства науки.

Физические нарушения во все времена сопровождали определенные нервные заболевания; дураки, эпилептики, каталептики, жертвы истерии обладают исключительными способностями, подвержены инфекционным галлюцинациям и время от времени вызывают в атмосфере или окружающих предметах определенные волнения и расстройства. Тот, у кого галлюцинации, экстериоризирует свои сны и его мучает собственная тень; тело окружено его собственными отражениями, искаженными страданиями мозга; субъект видит свой собственный образ в Астральном Свете; мощные потоки этого света, действующие подобно магниту, перемещают и переворачивают мебель; затем слышатся шумы и голоса, как во сне. Эти явления, которые так часто повторяются в наши дни, что стали вульгарными, наши отцы приписывали призракам и демонам. Вольтерианской философии было легче отрицать их, считая очевидцев самых неоспоримых фактов слабоумными и идиотами.

Что, например, более достоверно, чем необычайные конвульсии на могиле Париса диакона или на собраниях экстаиков Сен-Медара? Каково объяснение странных ударов, которых требуют конвульсивные? Удары, сыпавшиеся тысячами на голову, сжатия, которые раздавили бы гиппопотама, сдавливание грудей железными щипцами, даже распятие с вбитыми в руки и ноги гвоздями? А потом сверхчеловеческие изгибы и левитация? Последователи Вольтера отказывались видеть в этом что-либо, кроме спорта и резвости; янсенисты восклицали о чуде;

истинные католики вздыхали; наука, которая должна была вмешаться, и только для того, чтобы объяснить фантастическую болезнь, держалась в стороне. Тем не менее, именно ей теперь принадлежат урсулистки из Лудена, монахини из Лувье, конвульсионеры и американские медиумы. Явления магнетизма поставили науку на путь новых открытий, и грядущий химический синтез приведет наших врачей к познанию Астрального Света. Когда эта универсальная сила будет однажды известна, что помешает им определить силу, количество и направление ее магнитов? Произойдет революция в науке, и произойдет возвращение к Трансцендентальной Магии Халдеи.

Много говорилось о пресвитерии Сидвиля; де Мирвиль, Гужно Демуссо и другие не критичные верующие видели в странных событиях, происходивших там, современное им откровение дьявола; но то же самое произошло в Сен-Море в 1706 году, и туда стекался весь Париж. По стенам громко стучали, кровати раскачивались, к ним никто не прикасался, другая мебель была сдвинута с места. Проявления завершились кульминацией, во время которой хозяин дома, молодой человек двадцати четырех или двадцати пяти лет и человек слабого телосложения, упал в глубокий обморок и поверил, что слышит, как духи долго разговаривают с ним, хотя впоследствии он так и не смог повторить ни единого сказанного ими слова.

Здесь можно привести одну историю о явлении в начале восемнадцатого века; простота рассказа доказывает его подлинность; существуют определенные характеристики истины, которые не могут быть смоделированы изобретателями.

Благочестивый священник из Валони по имени Безуэль был приглашен на обед 7 января 1708 года дамой, родственницей аббата де Сен-Пьера, аббат также был в компании, и священник рассказал, по их просьбе, о появлении одного из его умерших товарищей в день открытых дверей примерно двенадцать лет назад. В 1695 году он рассказал им, что он молодой ученый, ему около пятнадцати лет, и что он знаком с двумя парнями, сыновьями адвоката Абакуэна, которые были такими же учеными, как и он сам. “Старший был моего возраста, а другого, который был примерно на восемнадцать месяцев моложе, звали Десфонтен; мы гуляли вместе и делились нашими развлечениями; и независимо от того, питал ли Десфонтен ко мне большую дружбу или был более живым, более приветливым, более умным, чем его брат, я знаю, что он был мне дороже. Мыбродили по монастырю Капуцинов в 1696 году, когда он рассказал мне, что читал историю о двух друзьях, которые пообещали друг другу, что тот из них, кто умрет первым, сообщит новости о его состоянии тому, кто выживет; что один из них, который действительно скончался, выполнил свое обещание и рассказал выжившему удивительные вещи. Затем Десфонтен сказал, что у него есть ко мне просьба, которая заключалась в том, чтобы дать аналогичное обещание, и он сделал то же самое со своей стороны. Однако я не захотел и действительно отклонил это предложение; прошло несколько месяцев, в течение которых он часто возвращался к этой идее, а я всегда сопротивлялся. Примерно в августе 1696 года, когда он собирался уезжать, чтобы продолжить учебу в Кане, он так сильно и со слезами на глазах настаивал на мне, что в конце концов я согласился. Вслед за этим он предъявил два маленьких листка бумаги, на которых что-то написал заранее, один, подписанный его кровью, в котором он обещал мне, в случае его смерти, сообщить мне новости о его состоянии, другой, в котором я заключил аналогичное обязательство. Я уколол палец и вытекшей оттуда кровью подписал свое имя. Он был рад получить обещание и обнял меня с тысячью благодарностей. Через некоторое время после того, как он уехал в сопровождении своего брата; разлука была тяжела для нас обоих; время от времени мы переписывались, а затем наступило молчание на шесть недель,

после чего произошло событие, о котором я собираюсь рассказать. 31 июля 1697 года, в четверг и в день, который я навсегда запомню, покойный месье де Сортивиля, у которого я жил и который всегда был чрезвычайно добр ко мне, попросил меня пойти на луг, примыкающий к францисканскому монастырю, и помочь его людям в заготовке сена. Я пробыл там не более четверти часа, когда около половины третьего внезапно почувствовал головокружение и сильную слабость. Напрасно я пытался опереться на свои вилы для сена; я чувствовал себя обязанным лечь на сено и так пролежал около получаса, пытаясь восстановить силы. Это чувство прошло, но, поскольку у меня никогда раньше не было подобного опыта, оно вызвало у меня некоторое удивление, и я испугался, что это начало болезни. У меня нет особых воспоминаний об оставшейся части дня, но следующей ночью я спал меньше обычного.

“В тот же час на следующий день, когда я прогуливался по лугу с господином де Сен-Симоном, внуком господина де Сортивиля, которому тогда было около десяти лет, меня охватило точно такое же чувство, и я сел в тени на камень. Оно снова прошло, и мы продолжили нашу прогулку; в тот день больше ничего не произошло, и следующей ночью я почти не спал. Наконец, на следующий день, это был второй день августа, я был на чердаке, где они складывали сено, ровно в тот же час, когда мной снова овладели такие же головокружение и слабость, но более серьезные, чем раньше. Я потерял сознание. Один из слуг увидел меня и спросил, в чем дело, на что, как говорят, я ответил, заявив, что видел то, во что никогда бы не поверил. Однако я не помню ни вопроса, ни ответа. Воспоминание, которое осталось у меня, заключается в том, что я видел кого-то обнаженным по пояс, но это был не тот, кого я узнал. Мне помогли спуститься по лестнице; я крепко держался за перекладины; но когда я увидел Десфонтена, моего товарища, у подножия лестницы, слабость вернулась, моя голова упала между двумя перекладинами, и я снова потерял сознание. Меня положили на широкую балку, служившую скамьей на Большой площади Капуцинов; я не видел ни господина де Сортивиля, ни его слуг, хотя они присутствовали, но я заметил Десфонтена, все еще стоявшего у подножия лестницы и делавшего мне знак подойти к нему, и я отодвинулся на своем сиденье, как бы освобождая ему место. Те, кто был рядом со мной и кого я не видел, хотя мои глаза были открыты, заметили это движение. Он не ответил, и я встал, чтобы подойти к нему; затем он вышел вперед и, взяв мою левую руку в свою правую, провел меня на несколько шагов вперед по тихой улице, все еще держа за руки. Слуги, думая, что мое головокружение прошло и что я занимаюсь какими-то своими делами, вернулись к своей работе, за исключением одного юноши, который сказал господину де Сортивиллю, что я разговариваю сам с собой. Он подошел ко мне и услышал, как я задаю вопросы и отвечаю, как он впоследствии рассказал мне. Я пробыл там почти три четверти часа, разговаривая с Десфонтеном, который сказал: "Я обещал, что, если умру раньше вас, я приду и скажу вам. Позавчера я утонул в реке в Кане. Было как раз в это время, и я гулял с друзьями; было очень тепло, мы решили искупаться, на меня накатила слабость, и я опустился на дно. Мой спутник, аббат де Мениль-Жан, нырнул, чтобы поднять меня наверх. Я схватил его за ногу, и так как я держался очень крепко, он, возможно, подумал, что это лосось, или ему, возможно, пришлось быстро всплывать, но он так грубо ударил ногой, что я получил удар в грудь, снова бросивший меня на дно, где в этом месте глубина значительная!

Впоследствии Десфонтен рассказал мне обо всем, что произошло во время их прогулки, и о предметах, которые они обсуждали. Мне не терпелось узнать, спасен ли он, проклят ли он, находится ли он в чистилище, нахожусь ли я сам в состоянии благодати и должен ли я как можно скорее последовать за ним; но он продолжал говорить, как будто не слышал или отказывался слушать. Я несколько раз пыталась обнять его, но, казалось, у меня ничего не

получалось; и все же я чувствовала, что он все еще крепко держит меня за руку, и когда я попыталась отвернуть голову, чтобы не видеть его из-за горя, которое это причинило мне, он сжал ее крепче, как будто заставляя меня смотреть так же, как слушать. Он казался выше, чем когда я видел его в последний раз, и даже выше, чем был в момент смерти, хотя он значительно вырос за те восемнадцать месяцев, что прошли с момента нашей встречи. Я видела его только по пояс, и он был обнажен, с непокрытой головой и белой бумагой, закрученной в его прекрасных светлых волосах надо лбом; на бумаге было написано, но я смогла прочитать только слово: В и т. Д. Его голос был тем же самым; он не казался ни веселым, ни печальным, а пребывал в спокойном и безмятежном состоянии. Он умолял меня по возвращении его брата передать ему кое-какие послания для его отца и матери; он умолял меня также прочитать семь покаянных псалмов, которые были наложены на него в качестве епитимьи в предыдущее воскресенье и которые он еще не читал. Наконец, он снова посоветовал мне поговорить с его братом, а затем попрощался со мной, сказав на прощание: 'До новой встречи', - это была наша обычная формула, когда мы расставались в конце прогулки. Он также рассказал мне, что в то время, когда он утонул, его брат, который делал перевод, пожалел, что отпустил его отдельно от себя на случай несчастного случая. Он так хорошо описал место, где утонул, и дерево на авеню Лувины, на котором он вырезал несколько слов, что два года спустя, когда в компании покойного шевалье де Готота, того, кто был с ним в то время, я указал то самое место и, сосчитав деревья с одной стороны, как указал Десфонтен, я направился прямо к дереву, чтобы там найти надпись. Я узнал также, что это была правда о семи псалмах, которые были даны ему в качестве епитимьи на исповеди. Его брат также сказал мне, что он писал свой перевод и упрекал себя в том, что не был с ним.

“Прошел месяц, прежде чем я смог выполнить просьбу Десфонтена относительно его брата, и он еще дважды являлся мне перед обедом в загородном доме в нескольких милях отсюда, куда я был приглашен. Почувствовав недомогание, я сослался на усталость, сказав, что это пустяки и что я должен вернуться. Я отошел в уголок сада, и Десфонтен упрекнул меня в том, что я не поговорил с его братом; он разговаривал со мной четверть часа, но не стал отвечать на мои вопросы. Второе явление было утром, когда я направлялся в Нотр-Дам-де-ла-Виктуар, но явление длилось недолго; он внушил мне, что должен поговорить с его братом, и оставил меня повторять: 'Пока я снова тебя не увижу', — по-прежнему не отвечая на мои вопросы. Одним примечательным фактом является то, что у меня всегда болела рука в том месте, где он схватил меня в первый раз, и это продолжалось до тех пор, пока я не поговорил с его братом. В течение трех дней я не спал из-за того изумления, в котором я находился. После первого разговора я сказал месье де Варонвилю, моему школьному товарищу и соседу, что Десфонтен утонул, что он явился мне и сказал об этом. Он поспешил к своим родственникам, спрашивая, правда ли это; они только что получили новости на этот счет, но по недоразумению поверили, что это был старший мальчик. Он заверил меня, что видел письмо Десфонтена и считает, что это правильно; я настаивал, что это, должно быть, неправильно, поскольку мне явился сам Десфонтен. Он снова отправился к своим родственникам и вернулся в слезах, говоря: "Это чистая правда".

С тех пор со мной ничего не происходило, и таков был мой простой опыт. Об этом рассказывали по-разному, но я никогда не рассказывал иначе, чем сейчас. Покойный шевалье де Гото утверждал, что Десфонтен также являлся месье де Мениль-Жану, но я его не знаю. Он в пятидесяти милях отсюда, недалеко от Аржантана, и больше я ничего не могу вам сказать.

Мы должны обратить внимание на характеристики сна, которые преобладают повсюду в этом видении человека, который бодрствует, но находится в состоянии полуудушья, вызванного эманациями сена. Будет распознана астральная интоксикация, следующая за закупоркой мозга. Последовавшее за этим сомнамбулическое состояние показало месье Безюэлю последнее живое отражение, оставленное его другом в Астральном Свете. Он был обнажен и виден только по пояс, потому что остальная часть его тела была погружена в воду реки. Предполагаемая бумага в его волосах, вероятно, была носовым платком, которым он прикрывал волосы во время купания. Кроме того, Безуэль обладал сомнамбулической интуицией относительно всего происходящего, и ему казалось, что он узнает об этом из уст своего друга. Друг не казался ни печальным, ни веселым, что свидетельствовало о впечатлении, произведенном на него безжизненным образом, состоящим только из воспоминаний и размышлений. Во время первого видения месье Безюэль, опьяненный запахом сена, упал с лестницы и повредил руку; по логике сновидений, казалось, что его друг хватался за руку, и когда он пришел в себя, он все еще чувствовал боль, что вполне естественно объясняется полученной им травмой. В остальном разговор с умершим человеком был просто ретроспективным; в нем не было ничего о смерти или другой жизни, что еще раз доказывало, насколько непреодолим барьер, отделяющий этот мир от загробного.

В пророчестве Иезекииля жизнь представлена колесами, которые вращаются внутри друг друга; элементарные формы символизируются четырьмя животными, которые поднимаются и опускаются вместе с колесом и преследуют друг друга, никогда не обгоняя, подобно знакам Зодиака. Колеса вечного движения никогда не возвращаются сами на себя; формы никогда не возвращаются к тем станциям, которые они покинули; чтобы вернуться туда, откуда пришли, нужно пройти весь круг в движении, всегда одинаковом и в то же время всегда новым. Вывод таков: все, что проявляется перед нами в этой жизни, является феноменом, принадлежащим этой жизни, и здесь, внизу, нашей мысли, нашему воображению или даже нашим галлюцинациям и нашим снам не дано даже на мгновение преодолеть непреодолимые барьеры смерти.

ГЛАВА VII

МАГИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАСОНСТВА

Это великое каббалистическое объединение, известное в Европе под названием масонство, внезапно появилось в мире, когда восстание против Церкви только что привело к разрушению христианского единства. Историки ордена, все как один, затрудняются объяснить его происхождение. По некоторым данным, он произошел от определенной гильдии каменщиков, которые были объединены для строительства Страсбургского собора. Другие относят его основание к Кромвелю, не останавливаясь на том, чтобы подумать, не были ли обряды английского масонства во времена Протектора, скорее всего, разработаны как противовес этому лидеру пуританской анархии. В конце концов, некоторые настолько невежественны, что приписывают иезуитам поддержку и руководство, если не изобретение, обществом, долгое время хранившимся в секрете и всегда окутанным тайной.^[292] Оставляя в стороне эту последнюю точку зрения, которая опровергает саму себя, мы можем примирить другие,

признав, что братья-масоны позаимствовали свое название и некоторые эмблемы своего искусства у строителей Страсбургского собора и что их первое публичное выступление состоялось в Англии благодаря радикальным институтам и вопреки деспотизму Кромвеля. Можно добавить, что тамплиеры были их образцами, розенкрейцеры - их непосредственными прародителями,^[293] а сектанты-иоанниты - их более отдаленными предками. Их доктрина — доктрина Зороастра и Гермеса, их закон - постепенное посвящение, их принцип - равенство, регулируемое иерархией и вселенским братством. Они являются преемниками Александрийской школы, как и всех древних посвящений, хранителями тайн *Апокалипсиса* и *Зоара*. Истина является объектом их поклонения, и они представляют истину как свет; они терпимо относятся ко всем формам веры, исповедуют единую философию, ищут только истину, учат реальности, и их план состоит в том, чтобы постепенно привести весь человеческий разум в область разума. Аллегорической целью масонства является восстановление Храма Соломона; реальной целью является восстановление социального единства посредством союза разума и веры и возвращения к принципу иерархии,^[294] основанному на науке и добродетели, пути посвящения и его испытаниях, служащих ступенями восхождения. Как мы увидим, нет ничего прекраснее, ничего величественнее таких идей и посвящений; к несчастью, доктрины единства и подчинения иерархии не были поддержаны во всемирном масонстве. В дополнение к тому, что было ортодоксальным, возникло диссидентское масонство, и все худшие бедствия Французской революции были результатом этого раскола.

Итак, у масонов есть своя священная легенда о Хираме, дополненная другой, касающейся Кира и Зоровавеля. Легенда о Хираме такова. Когда Соломон проектировал свой Храм, он доверил чертежи архитектору по имени Хирам. Этот мастер-строитель, чтобы обеспечить порядок в работе, разделил мастеров по степени их мастерства. Их было великое множество, и для того, чтобы распознать ремесленников, чтобы их можно было классифицировать по заслугам или получать вознаграждение пропорционально их работе, он снабдил Паролями и особыми знаками для каждой из трех категорий или иным образом для Подмастерьев, Компаньонов и Мастеров. Случилось так, что три Товарища возжелали звания Мастера, не заработав его своими способностями. Они устроили засаду у трех главных ворот Храма, и когда Хирам выходил из одних из них, первый из этих Товарищей потребовал Главного Слова, угрожая архитектору его властью. Хирам ответил: “Я получил это не так”. После этого Товарищ в ярости ударил его железным инструментом и нанес ему первую рану. Строитель побежал ко вторым воротам, где встретился со вторым Товарищем, который предъявил то же требование и получил тот же ответ. В этот раз Хирама ударили угольником или, как говорят другие, рычагом. У третьих ворот стоял третий убийца, который завершал работу молотком. Трое товарищей спрятали труп под кучей мусора, посадили на импровизированную могилу ветку акации, а затем обратились в бегство, как Каин после убийства Авеля. Однако Соломон, обнаружив, что его архитектор не вернулся, послал девять Мастеров искать его, когда на ветке акации обнаружился труп. Они вытащили его из-под мусора, и так как оно долго лежало там, они произнесли при этом слово, означающее, что плоть отваливается от костей. Последние услуги были должным образом оказаны Хираму, и впоследствии Соломон отправил двадцать семь Мастеров на поиски убийц. Первый из них был застигнут врасплох в пещере; рядом с ним горела лампа, у его ног тек ручей, а рядом с ним лежал кинжал для защиты. Мастер, вошедший первым, узнал убийцу, схватил оружие и ударил его ножом с восклицанием *Некам*- словом, означающим месть. Голову отнесли Соломону, который содрогнулся при виде этого и сказал мстителю: “Несчастное существо, разве ты не знал, что я оставил за собой право наказания?” Тогда все Мастера упали на колени

перед королем и молили о прощении для того, чье рвение увлекло его прочь. Второго убийцу предал тот, с кем он нашел убежище. Он прятался на скале рядом с горящим кустом; над скалой сияла радуга, а рядом с ним лежала собака. Ускользнув от бдительности собаки, Хозяева схватили преступника, связали и отвезли в Иерусалим, где он погиб в страшных мучениях. Третий убийца был убит львом, и зверя пришлось одолеть, прежде чем удалось заполучить тело. Другие версии гласят, что он защищался топором, когда Хозяева набросились на него, но им удалось обезоружить его, и его привели к Соломону, который заставил его искупить свое преступление.[295]

Такова первая легенда, и теперь следует ее объяснение. Соломон олицетворяет высшую науку и мудрость. Храм - это реализация и эмблема иерархического правления истины и разума на земле. Хирам - человек, который с помощью науки и мудрости достиг империи. Он правит по справедливости и порядку, воздавая каждому по делам его. Каждой степени соответствует слово, выражающее ее смысл. Для Хирана это слово одно, но оно выражается тремя способами. Одно предназначено для Учеников и может быть произнесено ими самими; оно обозначает Природу и объясняется Работой. Другой предназначен для Товарищей; в их случае это означает мысль и объясняется Изучением. Третий предназначен для Учителей; в их устах это означает истину и объясняется Мудростью. Что касается самого слова, то оно используется для обозначения Бога, Чье истинное имя является указательным и непередаваемым. Таким образом, есть три ступени в иерархии и три входа в Храм; есть три вида света и есть три силы в Природе, которые символизируются Правилем, которое измеряет, Рычагом, который поднимает, и Молотком, который укрепляет. Восстание грубых инстинктов против иерархической аристократии мудрости успешно вооружается этими тремя силами и отвлекает их от надлежащего использования. Есть три типичных бунтаря — бунтарь против Природы, бунтарь против Науки и бунтарь против Истины. В классическом Аде они были представлены тремя головами Цербера; в Библии - Кораном, Дафаном и Авирамом; в то время как в масонской легенде они отличаются именами, которые варьируются в разных Ритуалах. Первый, кого обычно называют Авирамом, или убийцей Хирана, - это тот, кто поражает великого магистра правилом; это история справедливого человека, принесенного в жертву человеческой страсти под предлогом закона. Второй, названный Мемфивосфеем, в честь нелепого и слабого претендента на трон Давида, нападает на Хирана с рычагом или угольником. Так народная площадь, или рычаг бессмысленного равенства, становится орудием тирании в руках толпы и нападает еще более жестоко, чем на правление, на царственную власть мудрости и добродетели. Третий в "прекрасном донесении" Хирана с молотком: "так действуют зверские инстинкты, когда они стремятся установить порядок во имя насилия и страха, сокрушая разум".[296]

Ветка акации над могилой Хирана подобна кресту на наших алтарях; это знак знания, которое переживает само знание; это зеленая веточка, предвещающая новую весну. Когда люди нарушают таким образом порядок Природы, вмешивается Провидение, чтобы восстановить его, подобно Соломону, мстящему за смерть Мастера-Строителя. Тот, кто нанес удар линейкой, погибнет от удара острием. Тот, кто нанес удар рычагом или угольником, должен искупить вину под топором закона: это вечный суд над цареубийцами. Тот, кто нанес удар молотком, станет жертвой той силы, которой он злоупотребил. Того, кто хочет убивать с помощью закона, предают тот самый светильник, который его освещает, и ручей, из которого он пьет: это закон возмездия. Тот, кто хочет уничтожить с помощью рычага, удивляется, когда его бдительность ослабевает, как у спящей собаки, и его бросают его собственные сообщники, ибо анархия - мать измены.

Тот, кто ударил молотком, будет съеден львом, который является разновидностью сфинкса Эдипа, в то время как тот, кто сможет победить льва, заслужит стать преемником Хирама. Разлагающееся тело Строителя указывает на то, что формы могут меняться, но дух остается. Источник воды поблизости от первого убийцы напоминает о всемирном потопе, который наказал за преступления против природы. Горящий куст и радуга, которые предают второго убийцу, олицетворяют жизнь и свет, осуждающие надругательство над мыслью. Наконец, поверженный лев олицетворяет триумф разума над материей и определенное подчинение силы разуму. С самого начала интеллектуальных трудов, благодаря которым был воздвигнут Храм единства, Хирама часто убивали, но он всегда воскресал из мертвых. Он - Адонис, уничтоженный диким вепрем, Осирис, преданный смерти Тифоном, Пифагор в проскрипции, Орфей, растерзанный вакханками, Моисей, брошенный в пещерах горы Нево, Иисус, распятый Иудой, Каиафой и Пилатом. Теперь это настоящие каменщики, которые настойчиво стремятся перестроить Храм в соответствии с планом Хирама.

Такова великая и главная легенда масонства; есть и другие, не менее прекрасные и не менее глубокие; но мы не считаем себя вправе разглашать их тайны. Хотя мы получили посвящение только от Бога и наших исследований,[\[297\]](#) мы будем хранить секреты трансцендентального масонства так же, как храним свои собственные секреты. Достигнув благодаря нашим усилиям уровня знания, который требует молчания, мы считаем себя обязанными нашим убеждениям даже больше, чем клятве. Наука - это *благородство, которое обязывает*, и мы ни в коем случае не можем не заслужить королевскую корону с Розовым Крестом. Мы также верим в воскресение Хирама.

Ритуалы масонства предназначены для передачи воспоминаний о легендах посвящения и сохранения их среди Братьев. Теперь, если масонство настолько свято и возвышенно, нас могут спросить, как получилось, что Церковь так часто его запрещала и осуждала; но мы уже отвечали на этот вопрос, когда упоминались его разделения и профанации. Масонство - это гнозис, а ложные гностики вызвали осуждение истинных. Последние были вынуждены скрываться не из-за страха перед светом, ибо свет - это то, чего они желают, чего они ищут и чему поклоняются; но они стояли в страхе перед святотатцами, то есть перед лжетолкователями, клеветниками, предметом насмешек скептиков, врагами всякой веры и всякой морали. Более того, в наши дни есть много тех, кто считает себя масонами и все же не знает смысла своих Обрядов, потеряв Ключ к Тайнам. Они неверно истолковывают даже свои символические изображения и те иероглифические знаки, которые украшают ковры их Лож. Эти изображения и знаки являются страницами книги абсолютной и универсальной науки. Они могут быть прочитаны с помощью каббалистических ключей и ничего не скрывают для посвященного, который уже владеет ключами Соломона.

Масонство не просто было осквернено, но и служило завесой и предлогом для анархических заговоров, зависящих от тайного влияния защитников Жака де Моле и тех, кто продолжал раскольническую работу Храма. Вместо того чтобы отомстить за смерть Хирама, они отомстили за смерть его убийц. Анархисты возобновили правило, квадрат и молоток, начертав на них слова Свобода, Равенство, Братство - Свободу, то есть, для всех похотей, Равенство в деградации и Братство в работе разрушения. Таковы люди, которых Церковь справедливо осудила и будет осуждать вечно.

КНИГА VI МАГИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ —ВЭУВЭУ

ГЛАВА I

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ АВТОРЫ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Китай был практически неизвестен внешнему миру до конца семнадцатого века, когда его обширная империя, частично исследованная нашими миссионерами, начала открываться им и казалась некрополем всех наук прошлого. Китайцев можно сравнить с расой мумий; у них ничто не прогрессирует, ибо они живут в неподвижности своих традиций, из которых дух и жизнь давно исчезли. Они больше ничего не знают, но у них есть смутные воспоминания обо всем. Гений Китая — дракон Гесперид, который защищает золотые яблоки в саду науки. Их человеческий тип божественности, вместо того чтобы победить дракона, подобно Кадму, съезживается, очарованный и намагниченный чудовищем, которое мелькает перед ним меняющимся миражом своей чешуи. В Китае жива только тайна, наука находится в состоянии летаргии или, по крайней мере, в глубоком сне и говорит только во сне. Мы говорили, что китайское Таро основано на тех же каббалистических и абсолютных данных, что и древнееврейское *Сефер Йецира*; но в Китае также есть иероглифическая книга, состоящая исключительно из комбинаций двух фигур; это *И-Ким*,^[298] приписываемая императору Фойе, и месье де Мезон в своих *Письмах о Китае* утверждает, что она совершенно не поддается расшифровке. Однако его трудности не больше, чем у *Зоара*, который, по-видимому, является любопытным дополнением и действительно ценным приложением к нему. *Зоар* объясняет работу Весов, или всеобщего равновесия, а *И-Ким* является иероглифической и зашифрованной демонстрацией этого. Ключом к этой работе является пантакль, известный как Триграммы Фо-Хи. Согласно легенде, изложенной в "*Вай-Ки*", сборнике, пользующемся большим авторитетом в Китае, составленном Леон-Тао-Юэнем во времена династии Сомов, около семисот или восьмисот лет назад, император Фо-Хи однажды размышлял на берегу реки о великих тайнах Природы, когда увидел выходящего из воды сфинкса, что означает аллегорическое животное, имеющее сложную форму лошади и дракона. Его голова была вытянутой, как у лошади, у него было четыре лапы, которые заканчивались хвостом змеи; спина была покрыта чешуей, на каждой из которых сиял символ таинственных Триграмм; ближе к конечностям они были меньше, чем на груди и спине, но во всем находились в совершенной гармонии. Дракон отражался в воде, но со всеми его перевернутыми характеристиками. Этот змееподобный конь, вдохновитель или, скорее, носитель вдохновений, подобно Пегасу из греческой мифологии, символу вселенского света, или подобно змее Кроноса, посвятил Фо-Хи во вселенскую науку. Триграммы служили введением; он пронумеровал шкалы и скомбинировал Триграммы таким образом, что задумал синтез наук, сопоставленных и объединенных друг с другом предсуществующими и необходимыми гармониями Природы. Столы *Y-Kim* стали результатом этого удивительного сочетания. Числа Фо-Хи такие же, как в Каббале, в то время как его пантакль аналогичен пантаклю Соломона, как уже объяснялось в нашей *Доктрине и ритуале трансцендентальной магии*.^[299] Его таблицы соответствуют тридцати двум Путям и пятидесяти Вратам Света; следовательно, *И-Ким* не может быть неясным для тех, у кого есть ключ к *Сефер Йецира* и *Зоар*.^[300]

Следовательно, в Китае существовала наука абсолютной философии; Кимы являются комментариями к этому Абсолюту, который скрыт от непосвященных, и их отношение кИ-Киму подобно отношению Пятикнижия Моисея к Откровениям в *Сефер Дзениуте*, которая является *Книгой тайн* и ключом к еврейскому Зоару.[301] Кун-фу-цзы, или Конфуций, был открывателем или прикрытием этой Каббалы, существование которого он мог бы отрицать, чтобы направить исследования профанов по ложному пути, точно так же, как ученый талмудист Маймонид отрицал реальность Ключа Соломона. После Конфуция пришли материалисты, которые заменили традиции индийского колдовства остатками египетской Трансцендентальной магии. Культ Фо парализовал развитие наук в Китае, и несостоявшаяся цивилизация этого великого народа погрузилась в рутину и оцепенение.

Проницательный философ с восхитительной глубиной, ученый Лейбниц, несомненно заслуживший посвящения в высшие истины абсолютной науки, думал, что сможет разглядеть вИ-Киме свое собственное открытие дифференциального исчисления, в то время как в прямой и разделенной линии он узнал символы 10, используемые в его собственных расчетах. Он был на пороге истины, но, видя ее лишь в одной детали, не мог постичь ее в целом.

Самые важные открытия, касающиеся религиозных древностей в Китае, были сделаны в результате теологических споров.[302] Это произошло из-за вопроса, были ли оправданы действия иезуитов, разрешавших поклонение небесам и культ предков среди китайцев, обращенных в христианство, — другими словами, рассматривали ли образованные китайцы свои небеса как Бога или просто как пространство и Природу. Было разумно обратиться к самим образованным людям и общественному здравому смыслу, но они не являются теологическими авторитетами. Поэтому было много споров, много писали и еще больше интриг; иезуиты были в корне правы, но ошибались в своем методе действий, в результате чего возникли новые трудности, которые до сих пор не преодолены и которые все еще продолжаются в Китае, стоя крови наших неумолимых мучеников.

ВЕЛИКИЙ ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ АРКАН

В то время как религиозные завоевания в Азии оспаривались таким образом, Европу охватил великий дух беспокойства; христианская вера, казалось, была на грани угасания, хотя со всех сторон ходили слухи о новых откровениях и чудесах. Человек, занимавший определенное положение в науке и в остальном мире, а именно Эммануэль Сведенборг, поразил Швецию своими видениями, и Германия кишела новыми *иллюминатами*. Диссидентский мистицизм замыслил заменить мистерии иерархической религии мистериями анархии; катастрофа готовилась и была неминуема. Сведенборг, самый искренний и мягкий из пророков лжеиллюминизма, был в этом отношении не менее опасен, чем другие. На самом деле, утверждение, что все люди призваны к непосредственному общению с небесами[303] заменяет регулярное религиозное обучение и постепенное посвящение всяческим умалением энтузиазма, всеми избытками воображения и мечтаний. Разумные *иллюминаты* чувствовали, что религия была большой потребностью человечества и, следовательно, никогда не должна быть уничтожена; однако не только сама религия, но и фанатизм, который она несет с собой как фатальное следствие энтузиазма, вдохновленного невежеством, должны были использоваться как оружие для свержения иерархической церковной власти, они понимали, что из войны фанатизма выйдет новая иерархия, основателями и руководителями которой они надеялись стать. “Вы будете как боги, знающие все, не утруждая себя изучением чего-либо; вы будете как короли, обладающие всем, не утруждая себя приобретением чего-либо”. Таковы, в краткой форме, обещания революционного духа завистливым массам. Революционный дух - это дух смерти; это древний змей из Книги Бытия, который, несмотря на это, является отцом движения и прогресса, видя, что поколения обновляются только смертью. Именно по этой причине индийцы поклоняются Шиве, безжалостному разрушителю, символической формой которого была физическая любовь и материальное порождение.

Система Сведенборга - это не что иное, как Каббала, *минус* принцип иерархии;[304] это храм без ключевого камня и без основания; это огромное здание, к счастью, все воздушное и фантастическое, ибо если бы кто-нибудь попытался реализовать его на этой земле, оно рухнуло бы на голову первого ребенка, который на самом деле стремился не свергнуть его, а просто прислониться к одной из его главных колонн. Организовать анархию - вот проблема, которую революционеры взялись решить, и она с ними навсегда; это сизифов камень, который неизменно обрушится на них. Чтобы существовать хоть одно мгновение, они были и всегда будут вынуждены фатально импровизировать на деспотизм, не имеющий иного оправдания, кроме необходимости, и это тот, который слеп и жесток, как анархия. Освобождение от гармоничной монархии разума достигается только переходом под беспорядочную диктатуру безумия.

Средства, косвенно предложенные Сведенборгом для общения со сверхъестественным миром, представляют собой промежуточное состояние, родственное сну, экстазу и каталепсии. Просветленный швед подтвердил возможность такого состояния, не предоставив никаких указаний относительно практик, необходимых для его достижения.[305] Возможно, его ученики, чтобы восполнить упущение, могли прибегнуть к индийской церемониальной магии, когда появился гений, дополняющий пророческие и каббалистические интуиции Сведенборга с помощью естественной тауматургии. Этим человеком был немецкий врач по имени Месмер. Именно ему выпала слава повторного открытия, помимо посвящения и оккультных знаний, универсального агента света и его чудес. Его *афоризмы*, которые ученые его времени рассматривали как набор парадоксов, в конечном итоге лягут в основу физического синтеза.[306]

Месмер постулировал два вида естественного бытия; это субстанция и жизнь, производящие ту неподвижность и движение, которые составляют равновесие вещей. Он далее признал существование первой материи, которая является текучей, универсальной, способной к неподвижности и движению; ее фиксация определяет строение субстанций, в то время как ее непрерывное движение изменяет и обновляет формы. Эта текучая материя активна и пассивна; будучи пассивной, она втягивается внутрь и будучи активной проецирует себя. В силу этой материи мир и те, кто в нем обитает, притягивают и отталкивают друг друга; она проходит через всех посредством циркуляции, сравнимой с циркуляцией крови. Оно поддерживает и обновляет жизнь всех существ, является проводником их силы и может стать инструментом их воли. Чудеса - это результат исключительной воли или энергии. Явления сцепления и эластичности, плотности или тонкости тел вызываются различными сочетаниями этих двух свойств во вселенской жидкости, или первичной материи. Болезнь, как и все физические расстройства, возникает из-за нарушения нормального равновесия первой материи в том или ином организованном теле. Организованные тела симпатичны или антипатичны друг другу по причине их особого равновесия. Симпатические тела могут лечить друг друга, взаимно восстанавливая свое равновесие. Эта способность тел уравнивать друг друга за счет притяжения или проекции первой материи была названа Месмером магнетизмом, и поскольку она варьируется в зависимости от форм, в которых она действует, он назвал это животным магнетизмом, когда изучал его явления у живых существ.

Месмер доказал свою теорию своими экспериментами, которые увенчались полным успехом. Заметив аналогию между явлениями животного магнетизма и явлениями электричества, он использовал металлические проводники, соединяющиеся с общим резервуаром, содержащим землю и воду, чтобы поглощать и излучать две силы. От сложного устройства ванн теперь отказались, поскольку его можно заменить живой цепью рук, наложенных на круглое непроводящее тело, например деревянный стол, или на шелк или шерсть. Впоследствии он применил к живым организованным существам процессы намагничивания металлов и достиг уверенности в реальности и подобии последовавших за этим явлений. Ему оставалось сделать только один шаг, и он заключался в утверждении, что эффекты, приписываемые в физике четырем невесомым флюидам, являются разнообразными проявлениями одной и той же силы, различающимися по ее использованию, и что эта сила, неотделимая от первой и универсальной материи, которую она приводит в движение, — то блистательная, то огненная, то электрическая, то магнитная, — имеет только одно имя, указанное Моисеем в Книге Бытия, когда он описывает ее проявление по *указанию* Всемогущего перед всеми субстанциями и всеми формами: это Слово — СВЕТ.

Давайте теперь наберемся смелости утвердить одну истину, которая будет признана впоследствии. Великая вещь восемнадцатого века - это не *Энциклопедия*, не глумливая и ироничная философия Вольтера, не негативная метафизика Дидро и Д'Аламбера, не злобная филантропия Руссо: это сочувствующая и чудесная физика Месмера. Месмер велик, как Прометей; он дал людям тот небесный огонь, которым Франклин мог только управлять. Гению Месмера не хватало ни разрешения ненависти, ни оправдания преследований и оскорблений; за ним охотились в Германии, над ним смеялись во Франции, что, однако, обеспечило ему состояние, поскольку его исцеления были очевидны, и пациенты, обращавшиеся к нему, платили ему, хотя впоследствии они, возможно, заявляли, что их выздоровление было делом случая, чтобы они не навлекли на себя враждебность ученых. Уполномоченные органы даже не удостоили тауматурга такой чести, чтобы изучить его открытие, и великий человек волей-

неволей смирился с тем, что прослыл искусным самозванцем. Только действительно образованные люди не были враждебно настроены к месмеризму; искренне религиозные люди были встревожены опасностями нового открытия, в то время как суеверные возмущались скандалом и Магией. Мудрый предвидел злоупотребления; слабоумный даже не стал бы терпеть применение этой чудесной силы. Некоторые думали, что чудеса Спасителя и его святых будут отвергнуты во имя магнетизма; другие задавались вопросом, как это будет происходить с силой дьявола. Истинной религии, несмотря ни на что, нечего бояться открытия истины; и далее, устанавливая предел человеческим силам, разве магнетизм не дает новую санкцию божественным чудесам вместо того, чтобы уничтожать их? Из этого следует, что глупцы будут приписывать дьяволу меньше чудес, что оставит им меньше возможностей проявлять свою ненависть и ярость; но люди истинно благочестивые не сочтут это основанием для жалоб. Дьявол должен сдать позиции, когда проявляется свет и невежество отступает; но завоевания науки и света все больше и больше расширяют, укрепляют и приумножают нашу любовь к империи и славе Божьей.

ГЛАВА II

ЧУДОТВОРНЫЕ ЛИЧНОСТИ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Восемнадцатый век не доверял ничему, кроме Магии, и это объясняется тем, что смутные верования - это религия душ, лишенных истинной веры. Чудеса Иисуса Христа отрицались, в то время как воскрешения приписывались графу де Сен-Жермену. Эта исключительная личность была таинственным теософом, которому приписывали обладание секретами Великой Работы и изготовления алмазов и драгоценных камней. В остальном он был светским человеком, приятным в общении и в высшей степени утонченным в манерах. Мадам де Жанлис, которая видела его почти ежедневно в первые годы его жизни, говорит, что даже изображения драгоценных камней на картинах обладали естественным огнем и блеском, секрет которых не мог разгадать ни один химик или художник. Ни одна из его картин не сохранилась, и можно только предполагать, ухитрился ли он зафиксировать свет на холсте или использовал перламутровый состав или какое-то металлическое покрытие.

Граф де Сен-Жермен исповедовал католическую религию и с большой преданностью следовал ее обрядам. Несмотря на это, поступали сообщения о подозрительных пробуждениях и странных видениях; он утверждал также, что владеет секретом вечной молодости. Было ли это мистицизмом или безумием? Его семейные связи были неизвестны, и когда он рассказывал о прошлых событиях, можно было предположить, что он прожил много веков. Обо всем, что было связано с оккультной наукой, он говорил очень мало, и когда от него потребовали посвящения, он притворился, что ничего не знает об этом предмете. Он избрал своих собственных учеников, потребовал от них пассивного повиновения, а затем заговорил о царственной власти, к которой они были призваны, о власти Мелхиседека и Соломона, о царственной власти посвящения, которая в то же время является священством. “Будь факелом мира”, - сказал он. “Если твой свет - это свет только планеты, ты будешь ничем в глазах Бога. Я приберегаю для тебя великолепие, тенью которого является солнечная слава. Ты будешь направлять движение звезд, и те, кто правит империями, будут управляться тобой”.

Эти обещания, истинное значение которых вполне понятно истинным адептам, записаны по существу, если не в приведенных здесь словах, анонимным автором *Истории тайных обществ в Германии*,^[307] и они свидетельствуют о школе посвящения, с которой был связан граф де Сен-Жермен. О нем до сих пор неизвестны следующие подробности.

Граф де Сен-Жермен родился в Лентмерице в Богемии в конце семнадцатого века. Он был либо родным, либо приемным сыном розенкрейцера, который называл себя *Comes Cabalicus*— каббалист—компаньон, высмеиваемый несчастным аббатом де Вилларом под именем графа де Габалис.^[308] Сен-Жермен никогда не говорил о своем отце, но упоминает, что тот вел жизнь изгнанника и странствующего в лесном мире, компаньонкой которого была его мать. Это было в возрасте семи лет, который, однако, следует понимать символически и является возрастом посвященного, когда он достигает Степени Мастера. Его матерью была наука адептов, в то время как лес, на том же языке, означает империи, лишенные истинной цивилизации и света. Принципы Сен-Жермена были принципами Розового Креста, и в своей собственной стране он основал общество, от которого впоследствии отделился, когда анархические доктрины стали преобладать в сообществах, объединивших новых сторонников Гнозиса. Поэтому от него отреклись его собратья, его обвинили даже в государственной измене, и некоторые памятники иллюминизму, кажется, намекают на то, что он был замурован в подземельях замка Руэл. С другой стороны, мадам де Жанлис сообщает нам, что он умер в герцогстве Гольштейн, став жертвой собственной совести и ужасов загробной жизни.^[309] В любом случае несомненно, что он внезапно исчез из Парижа, никто точно не знает, куда, и что его товарищи по просветлению позволили завесе молчания и забвения опуститься, насколько это было возможно, на его память. Ассоциация, которую он основал под названием Сен-Жакен, превратившаяся в Сен-Иоахима, просуществовала до революции, когда она распалась или была преобразована, как и многие другие. История рассказана об этом в брошюре против иллюминизма; она взята из переписки в Вене, и, хотя ее стоит воспроизвести, в ней нет ничего, что можно было бы назвать достоверным.

“Благодаря вашему представлению я получил сердечный прием от М. Н.З., который уже был проинформирован о моем прибытии. Губную гармошку он высоко оценил. Сначала он говорил о каких-то испытаниях, но из этого я ничего не понял; только в последнее время я смог уловить смысл. Вчера, ближе к вечеру, я сопровождал его в его загородный дом, территория которого очень красива. Храмы, гроты, каскады, лабиринты, пещеры образуют длинную цепочку очарования; но чрезвычайно высокая стена, которая окружает все это зрелище, мне крайне не понравилась, потому что за ней тоже открывается чудесная перспектива.... По просьбе М. Н. З. я захватил с собой губную гармошку, намереваясь поиграть на ней несколько минут в указанном месте и по условленному сигналу.^[310] Посещение сада закончилось, он отвел меня в комнату в передней части дома и там оставил, довольно быстро и под тривиальным предлогом. Было уже очень поздно; он не возвращался; усталость и желание спать начали овладевать мной, когда меня прервало прибытие нескольких карет. Я открыл окно, но была ночь, и я ничего не мог разглядеть, и меня очень озадачил тихий и таинственный шепот тех, кто, казалось, входил в дом. Теперь сон одолел меня, и, должно быть, прошел час, когда меня разбудил слуга, посланный проводить меня, а также отнести инструмент. Он шел очень быстро и далеко впереди меня, я машинально следовал за ним, когда услышал звук рога, который, казалось, доносился из глубины пещеры. В этот момент я потерял из виду своего провожатого и, двинувшись в том направлении, откуда, казалось, доносился шум, наполовину спустился по

лестнице, ведущей в склеп, откуда, к моему крайнему удивлению, донеслось похоронное пение, и я отчетливо увидел труп в открытом гробу.

“Сбоку стоял человек, одетый в белое, весь в крови; мне показалось, что у него на правой руке была вскрыта вена. За исключением тех, кто помогал ему, все присутствующие были закутаны в длинные черные плащи и вооружены обнаженными мечами. Насколько я мог судить в своем состоянии ужаса, вход в склеп был усеян человеческими костями, нагроможденными одна на другую. Единственным источником света, освещавшим это скорбное зрелище, было пламя, подобное тому, которое образуется при употреблении винных спиртов.

Неуверенный, смогу ли я догнать своего проводника, я поспешно отступил и обнаружил, что он ищет меня в нескольких шагах от меня; в его глазах было измученное выражение, и, взяв меня за руку довольно неловко, он повел меня в необычный сад, куда я начал думать, что, должно быть, перенесся с помощью магии. Блеск, создаваемый огромным количеством ламп, журчание падающей воды, пение механических соловьев и аромат, который, казалось, распространялся повсюду, с самого начала будоражили мое воображение. Меня спрятали за зеленой беседкой, интерьер которой был богато украшен, и туда немедленно привели человека в обморочном состоянии, по-видимому, того, кто занимал гроб в склепе. Именно в этот момент я получил условленный сигнал сыграть на моем инструменте. Очень взволнованный всей этой сценой, я, без сомнения, многого не понял,^[311] но я видел, что человек, находившийся в обмороке, пришел в себя, как только я прикоснулся к губной гармошке; он также начал задавать вопросы с оттенком удивления, говоря: “Где я? Что это за голос? Крики радости, сопровождаемые звуками труб и тимпанов, были единственным ответом. Все бросились к оружию и, нырнув в глубину сада, быстро скрылись из виду. Я все еще нахожусь в волнении, когда пишу эти строки; и если бы я не позаботился о том, чтобы сделать свои записи на месте, я бы расценил это сегодня как сон”.

Самой необъяснимой частью этой сцены является присутствие непосвященного человека, который рассказывает эту историю. Как ассоциация могла таким образом рискнуть раскрыть свои мистерии - вопрос, на который невозможно ответить, но сами мистерии можно легко объяснить.^[312] Преемники старых розенкрейцеров, мало-помалу видоизменяя строгие и иерархические методы своих предшественников при посвящении, стали мистической сектой и ревностно восприняли магические доктрины тамплиеров, в результате чего они считали себя единственными хранителями секретов, на которые намекает Евангелие от Иоанна. Они рассматривали повествования этого Евангелия как аллегорическую последовательность обрядов, призванных завершить посвящение, и они верили, что история Христа должна быть реализована в личности каждого из адептов. Более того, они пересказали гностическую легенду, согласно которой Спаситель, вместо того чтобы быть похороненным в новой гробнице Иосифа Аримафейского, будучи завернутым и надушенным, был возвращен к жизни в доме святого Иоанна. Это была мнимая мистерия, которую они праздновали под звуки рожков и губной гармошки.^[313] Кандидату было предложено пожертвовать своей жизнью, и на самом деле у него открылось кровотечение, из-за которого он потерял сознание. Этот обморок был назван смертью, и когда он вернулся к себе, его воскрешение было отпраздновано взрывами радости. Вызываемые разнообразными эмоциями, сцены, то печальные, то яркие, должны были надолго поразить воображение кандидата и сделать его либо фанатичным, либо здравомыслящим. Многие верили, что в них самих произошло настоящее воскресение, и были убеждены, что они больше не подвержены смерти. Главы общества, таким образом, имели на

службе своих скрытых проектов самое грозное из всех орудий, а именно безумие, и обеспечили себе со стороны своих адептов ту слепую и неустанную преданность, которую неразумие порождает чаще и надежнее доброй воли.

Таким образом, секта Сен-Иакин была орденом гностиков, погруженных в иллюзии Магии Очарования; она пошла от розенкрейцеров и тамплиеров; и ее особое название было одним из двух имен — *Иахин* и *Воаз* — выгравированных на главных колоннах Храма Соломона. На иврите начальная буква *Иахин* - это *Йод*, священная буква еврейского алфавита, а также инициал Иеговы, Божественное имя которого действительно было скрыто от мирян под именем *Иахин*, откуда и произошло обозначение Святой-Иакин. Члены этого ордена были теософами, неразумно увлекавшимися теургическими процессами.^[314]

Все, что рассказывают о таинственном графе де Сен-Жермене, подтверждает идею о том, что он был искусным врачом и выдающимся химиком. Говорят, что он знал, как плавить алмазы так, чтобы не оставалось следов операции; он также мог очищать драгоценные камни, таким образом делая самые обычные и несовершенные из них ценными. Этот слабоумный и анонимный автор^[315], которого мы уже цитировали, приписывает последнее утверждение себе в заслугу, но отрицает, что он когда-либо делал золото, как будто при изготовлении драгоценных камней золота не добывают. Сен-Жермен также изобрел, согласно тому же авторитету, и завещал промышленным наукам искусство придания меди большего блеска и пластичности — еще одно изобретение, достаточное для доказательства удачи того, кто его изобрел. Представления такого рода заставляют нас простить графа де Сен-Жермена за то, что он был знаком с царицей Клеопатрой и фамильярно беседовал с царицей Савской. В остальном он был добродушным и галантным; он был из тех, кто любил детей и развлекался, угощая их вкусными сладостями и чудесными игрушками; он был смуглым и маленького роста, одевался богато, но с большим вкусом и культивировал все тонкости роскоши. Говорят, что он был фамильярно принят Людовиком XV и беседовал с ним об алмазах и других драгоценных камнях. Вполне вероятно, что этот монарх, полностью управляемый куртизанками и преданный удовольствиям, скорее поддался какому-то женскому капризу любопытства, чем серьезному интересу к науке, когда пригласил Сен-Жермена на некоторые частные аудиенции. Граф на мгновение вошел в моду, и поскольку он был дружелюбным и молодым Мафусаилом, который знал, как сочетать болтовню грубого человека с экстазом теософа, он был в моде в определенных кругах, хотя его быстро сменили другие фантазеры. Так устроен мир.

Говорят, что Сен-Жермен был не кем иным, как тем таинственным Альтотасом, который был Мастером Магии другого адепта, с которым мы собираемся поговорить, и который принял каббалистическое имя Ачарат. Это предположение не имеет под собой никаких оснований, как мы увидим в свое время.

В то время как граф де Сен-Жермен был, таким образом, востребован в Париже, другой таинственный адепт путешествовал по миру, набирая апостолов для философии Гермеса. Это был алхимик, который называл себя Ласкарисом и выдавал себя за восточного архимандрита, обвиняемого в сборе милостыни для греческого монастыря. Разница заключалась в том, что вместо того, чтобы требовать денег, Ласкарис, казалось, был занят, так сказать, засеиванием своего пути золотом и оставлением его следа за собой, куда бы он ни шел. Его появления были мимолетны, а обличий множество; здесь он был стар, а в другом месте все еще молод. Он не делал золото публично от себя лично, но приказал сделать это своим ученикам, которым

оставил на прощание немного порошка для проецирования. Ничто не установлено лучше, чем трансмутации, проводимые этими эмиссарами Ласкариса. М. Луи Фигье в своей ученой работе об алхимиках не подвергает сомнению ни их реальность, ни их важность. Итак, в физике, прежде всего, нет ничего более неумолимого, чем факты, и поэтому из них следует заключить, что Философский камень не является предметом мечтаний, если обширной традиции оккультизма, древних мифологий и серьезных исследований великих людей всех эпох недостаточно для установления его реального существования.^[316] Современный химик, который не преминул опубликовать свой секрет, пришел к извлечению золота из серебра разрушительным способом, ибо серебро, принесенное им в жертву, дает в золоте не более десятой доли золота. о его ценности или около того. Агриппа, который так и не получил универсального растворителя, был, тем не менее, более удачлив, чем наш химик, поскольку он действительно получил золото, эквивалентное по стоимости серебру, использованному в его процессе, и поэтому не потерял свой труд абсолютно, если его использование в исследованиях после раскрытия великих секретов Природы можно назвать потерей.

Побуждать людей к исследованиям, которые могли бы привести их к абсолютной философии с помощью привлечения золота, по-видимому, было целью пропаганды, связанной с именем Ласкариса; размышления над герметическими книгами неизбежно привели бы тех, кто изучал Каббалу. Фактически, посвященные восемнадцатого века думали, что пришло их время — одни для основания новой иерархии, другие для свержения всякой власти и установления на вершинах общественного порядка уровня равенства. Тайные общества рассылали своих разведчиков по всему миру, чтобы укрепить общественное мнение и при необходимости пробудить его. После Сен-Жермена и Ласкариса пришел Месмер, а Месмера сменил Калиостро. Но не все они принадлежали к одной школе: Сен-Жермен был представителем просвещенных теософов, в то время как Ласкарис представлял натуралистов, приверженных традиции Гермеса. Калиостро был агентом тамплиеров, и именно так он объявил в циркуляре, адресованном всем масонам Лондона, что пришло время построить Храм Вечного. Подобно тамплиерам, Калиостро был пристрастен к практике Черной магии и к фатальной науке вызывания духов. Он предсказывал прошлое и настоящее, грядущие события, совершал чудесные исцеления и притворялся, что делает золото. Он ввел новый Обряд под названием египетского масонства и стремился восстановить таинственное поклонение Исиде. Одетый в *немис*, похожий на изображение фиванского сфинкса, он лично председательствовал на ночных собраниях в залах, украшенных иероглифами и освещенных факелами. Его жрицами были молодые девушки, которых он называл голубками, и он приводил их в состояние экстаза с помощью гидромантии, чтобы получить предсказания, поскольку вода является превосходным проводником, мощным отражателем и сильно преломляющей средой для астрального Света, что подтверждается морскими и облачными миражами.

Очевидно, что Калиостро был преемником Месмера и владел ключом к медиумическим феноменам; он сам был медиумом, что означает, что он был человеком, нервная организация которого была исключительно впечатлительной, и к этому он присоединил запас изобретательности и уверенности, публичное преувеличение и воображение — особенно женщин - дополняющее остальное. Калиостро имел экстравагантный успех; его бюст можно было видеть повсюду с надписью: “Божественный Калиостро”. Реакцию, эквивалентную энтузиазму, конечно, можно было предвидеть; побывав богом, он превратился в интригана и самозванца, развратника своей жены, в общем, негодяя, которому римская инквизиция оказала милость, просто приговорив его к вечному заключению. Тот факт, что его жена продала

его, придает краски идее о том, что ранее он продал свою жену.^[317] Он был пойман в ловушку, последовало его судебное преследование, и его обвинители публиковали столько деталей процесса, сколько им заблагорассудится. Тем временем грянула революция, и все забыли Калиостро.

Однако этот адепт отнюдь не лишен значимости в истории магии; его Печать столь же значительна, как и печать Соломона, и свидетельствует о его посвящении в высшие тайны науки. Какобъясняется каббалистическими буквами имен Ачарат и Альтотас, это выражает главные характеристики Великого Аркана и Великой Работы. Это змея, пронзенная стрелой, представляющая собой букву *Алеф*, образ союза активного и пассивного, духа и жизни, воли и света. Стрела - это стрела античного Аполлона, в то время как змей - это питон из басни, зеленый дракон герметической философии. Буква *Алеф* представляет уравновешенное единство. Этот пантакль воспроизводится в различных формах в талисманах древней Магии, но иногда змея заменяется павлином Юноны, павлином с царственной головой и разноцветным хвостом. Это эмблема *analysised light*, птица из *Magnum Opus*, все оперение которой сверкает золотом. В других случаях вместо павлина с эмблемой изображается белый ягненок, молодой солнечный баран, несущий крест, который до сих пор можно увидеть на гербах города Руан. Павлин, баран и змея имеют одно и то же иероглифическое значение — пассивного принципа и скипетра Юноны. Крест и стрела обозначают активный принцип, волю, магическое действие, свертывание растворителя, фиксацию летучих веществ путем проецирования и проникновение земли огнем. Союз этих двоих - это вселенское равновесие, Великая Тайна, Великая Работа, равновесие *Иахина* и *Воаза*. Инициалы L.P.D., которые сопровождают эту фигуру, означают Свободу, Власть, Долг, а также Свет, Пропорции, Плотность; Закон, Принцип и Право. Масоны изменили порядок этих инициалов, и в форме L:D:P:^[318] они передают их как *Liberté de Penser*, Свобода мысли, начертав их на символическом мосту, но для тех, кто не посвящен, они заменяют *Liberté de Passer*, Свобода прохода. В протоколах судебного преследования Калиостро говорится, что его допрос выявил другое значение следующим образом: *Lilia destrue pedibus*: Топчите лилии ногами; и в поддержку этой версии можно привести масонскую медаль 16 или 17 века, изображающую ветку лилий, отрубленную мечом, с такими словами на обложке: *Talem dabit ultio messem*— Мечь даст этот урожай.

Имя Acharat, взятых Калиостро, написана Каббалистически таким образом: **אח**, **אח**, **אח**, и выражает тройное единство: **אח**, единство принципа и начала; **אח**, единства жизни и вечности регенерации движение; и **אח** единство конца и абсолютного синтеза.

Имя Альтотас, или имя мастера Калиостро, состоит из слова *Тот* со слогами *Аль* и *Ас*, которые, если читать их каббалистически, являются *Сала*, что означает посланник. Следовательно, имя в целом означает: *Тот*, посланник египтян, и таким, по сути, был тот, кого Калиостро признавал своим учителем превыше всех остальных.^[319]

Другим титулом, принятым Калиостро, был титул Великого Кофта, и его доктрина преследовала двойную цель - моральное и физическое возрождение. Заповеди нравственного возрождения, согласно Великому Кофту, были следующими: “Ты взойдешь на гору Синай с Моисеем; ты взойдешь на Голгофу; с Фалегом ты взойдешь на Фавор и будешь стоять на Кармиле с Илией. Ты должен построить свою скинию на вершине горы; она должна состоять из трех крыльев или отделений, но они должны быть соединены вместе, и то, что в центре, должно иметь три этажа. Трапезная должна располагаться на первом этаже. Над ней должно быть круглое помещение с

двенадцатью кроватями по стенам и одной кроватью в центре: это должно быть место сна и сновидений. Самая верхняя комната должна быть квадратной, с четырьмя окнами в каждой из четырех сторон; и это должна быть комната света. Там, в одиночестве, ты будешь молиться сорок дней и спать сорок ночей в общежитии Двенадцати Учителей. Тогда ты получишь подписи семи гениев и пентаграмму, начертанную на листе чистого пергамента. Это знак, о котором не знает никто, кроме того, кто его получит. Это тайный символ, начертанный на белом камне, упомянутом в пророчестве младшего из Двенадцати Мастеров. Твой дух будет озарен божественным огнем, а твое тело станет чистым, как у ребенка. Ваше проникновение будет безграничным, и велика будет также ваша сила; вы войдете в тот совершенный покой, который является началом бессмертия; вы сможете сказать истинно и без всякой гордыни: я тот, кто есть”.

Эта загадка означает, что для достижения морального возрождения необходимо изучить, понять и реализовать трансцендентную Каббалу. Три палаты - это союз физической жизни, религиозных устремлений и философского света; двенадцать Мастеров - великие открыватели, символы которых необходимо понимать; подписи семи духов означают знание Великого Аркана. Таким образом, все это аллегорично, и речь идет о строительстве трехэтажного дома не в большей степени, чем о каменном иерусалимском храме.

Давайте теперь обратимся к секрету физического возрождения, для постижения которого — согласно оккультному предписанию Великого Кофта - сорокадневный ретрит, наподобие юбилея, должен проводиться один раз в пятьдесят лет, начиная с майского полнолуния, в компании только одного верующего человека. Это также должен быть сорокадневный пост, питье майской росы, собранной с проросшей кукурузы с помощью салфетки из чистого белого льна, и употребление в пищу свежих и нежных трав. Трапезу следует начинать с большого стакана росы и заканчивать бисквитом или корочкой хлеба. На семнадцатый день должно появиться небольшое кровотечение. Азотный бальзам[320] затем следует принимать утром и вечером, начиная с дозы в шесть капель и увеличивая на две капли ежедневно до конца тридцать второго дня. На рассвете, который последует за этим, возобновите небольшое кровотечение; затем ложитесь в постель и оставайтесь в ней до конца сорокового дня.

При первом пробуждении после кровотечения примите первую крупинку Универсального лекарства. За трехчасовым обмороком последуют судороги, обильное потоотделение и сильное мочеиспускание, что потребует смены как постели, так и белья. На этом этапе необходимо взять бульон из нежирной говядины, приправленный рисом, шалфеем, валерианой, вербеной и мелиссой. На следующий день примите вторую крупинку Универсального лекарства, представляющего собой Астральный Меркурий в сочетании с Серой Золота. На следующий день примите теплую ванну. На тридцать шестой день выпейте стакан египетского вина, а на тридцать седьмой примите третью и последнюю крупинку Универсального Лекарства. За этим последует глубокий сон, во время которого обновятся волосы, зубы, ногти и кожа. Рецепт на тридцать восьмой день - еще одна теплая ванна с замачиванием ароматических трав в воде того же типа, что и для приготовления отвара. На тридцать девятый день выпейте десять капель эликсира Ачарата с двумя ложками красного вина. Работа будет закончена на сороковой день, и старец обновится в юности.[321]

Соблюдая этот праздничный режим, Калиостро утверждал, что прожил много веков. Будет видно, что это разновидность знаменитой Ванны Бессмертия, используемой менандрианскими

гностиками.[322] Вопрос в том, верил ли в это Калиостро всерьез. Как бы то ни было, перед своими судьями он проявил большую твердость и присутствие духа, заявив, что он католик, который почитает папу римского как верховного главу религиозной иерархии. На вопросы, относящиеся к оккультным наукам, он отвечал загадочно, а когда его обвинили в абсурдности и непонятливости, он сказал своим экзаменаторам, что у них нет оснований для суждений, на что они обиделись, и приказал ему перечислить семь смертных грехов. Перечислив похоть, алчность, зависть, обжорство и лень, они напомнили ему, что он отбросил гордыню и гнев. На это обвиняемый возразил: “Простите меня; я не забыл их, но я не включил их из уважения к вам и из опасения оскорбить вас еще больше”.

Он был приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена пожизненным заключением. В своей темнице Калиостро попросил разрешения исповедаться и сам назначил священника, который был человеком его собственной фигуры и положения.[323] Духовник посетил его, и было видно, что по истечении определенного времени он ушел. Через несколько часов после этого тюремщик вошел в камеру и обнаружил тело задушенного человека, одетого в одежды Калиостро, но самого священника больше никто не видел. Любители чудесного заявляют, что Великий Кофт и по сей день находится в Америке, являясь верховным и невидимым понтификом верующих в духовное постукивание.

ГЛАВА III ПРОРОЧЕСТВА КАЗОТТА

Школа неизвестных философов, основанная Мартинесом де Паскуалли и продолженная Л. К. де Сен-Мартеном, по-видимому, включила в себя последних адептов истинного посвящения. Сен-Мартен был знаком с древним ключом Таро - тайной священных алфавитов и иератических иероглифов. Он оставил много очень любопытных пантаклей, которые никогда не гравировались и копиями которых мы располагаем. Один из них является традиционным ключом Великой Работы и назван Сен-Мартинем ключом ада, потому что это ключ богатства.[324] Мартинисты были последними христианами в когорте *иллюминатов*, и именно они инициировали знаменитого Казотта.

Мы говорили, что в течение восемнадцатого века в иллюминизме произошел раскол: с одной стороны, хранители традиций, касающихся Природы и науки, хотели восстановить иерархию; были и другие, напротив, которые желали выровнять все вещи путем раскрытия Великого Аркана, таким образом сделав невозможными в мире как королевскую власть, так и жречество. Среди последних были амбициозные и беспринципные, стремившиеся воздвигнуть для себя трон на руинах мира. Другие были простофилями. Истинные посвященные с ужасом наблюдали за катящимся обществом к пропасти, и они предвидели все ужасы анархии. Та революция, которой суждено было в более поздний период проявиться перед умирающим гением Верньо в мрачной фигуре Сатурна, пожирающего своих детей, уже проявилась во всеоружии в пророческих снах Казотта. В один из вечеров, когда он был окружен слепыми орудиями грядущего якобинизма, он предсказал всеобщую гибель — для сильнейших и слабейших эшафот, для энтузиастов самоубийство — и его пророчеству, которое в тот момент было скорее похоже на мрачную шутку, суждено было осуществиться в полной мере.[325] На самом деле, это

был всего лишь расчет вероятностей, и он оказался строго правильным, потому что имел дело с шансами, которые уже стали фатальными последствиями. Ла Гарп, на которого это предсказание произвело впечатление, расширил детали, чтобы оно казалось более удивительным.^[326] Он упомянул, например, точное количество раз, когда некий гость в данный момент проводил бритвой по своему горлу. Поэтическую вольность такого рода можно простить рассказчикам необычных историй; подобные украшения обусловлены скорее стилем и поэзией, чем неправдой.

Дар абсолютной свободы неравным по природе людям - это организация социальной войны; когда те, кто должен сдерживать безудержные инстинкты толпы, настолько безумны, что дают им волю, не нужно быть великим волшебником, чтобы предвидеть, что они будут съедены первыми, поскольку животные похоти неизбежно будут охотиться друг на друга до появления смелого и умелого охотника, который прикончит их выстрелом и силком. Казотт предвидел Марата, как Марат, в свою очередь, предвидел реакцию и диктатора. Казотт впервые появился на публике как автор нескольких литературных новелл, и говорят, что своим посвящением он обязан роману "*Дьявольский влюбленный*". Нет никаких сомнений в том, что она полна магических интуиций, и любовь, это высшее испытание жизни, изображена на ее страницах в истинном свете доктрины адептства. Страсть в состоянии бреда и безумия, непобедимая для тех, кто является рабами воображения, физическая любовь - это всего лишь смерть под маской соблазна, стремящаяся обновить свой урожай посредством рождения. Физическая Венера - это смерть, раскрашенная и одетая как куртизанка; Купидон также является разрушителем, как и его мать, для которой он вербует жертвы. Когда куртизанка насытилась, смерть снимает маску и, в свою очередь, призывает свою жертву. Вот почему Церковь— которая защищает рождение, освящая брак, обнажает в их истинном свете смертный разврат, безжалостно осуждая все нарушения любви. Если та, кого любят, на самом деле не ангел, зарабатывающий бессмертие жертвованием долга в объятиях того, кого она любит, то она *стригунья*, которая расходует, истощает и убивает его, в конце концов обнажаясь перед ним во всей отвратительности своего животного эгоизма. Горе жертвам *Дьявольской любви*, трижды горе тем, кто соблазнен похотливыми ласками Бьондетты. Грациозное лицо девушки быстро превратится в ту верблюжью голову, которая так трагично появляется в конце романа Казотта.

Согласно каббалистам, в *Шеоле* есть две королевы *стригов*— одна - Лилит, мать аборт, а другая - Нехама, роковая и убийственная в своей красоте. Когда мужчина изменяет супруге, выделенной для него небесами, когда он предается беспорядкам бесплодной страсти, Бог забирает его законную невесту и предает его в объятия Нехамы, которая при необходимости принимает на себя все прелести девичества и любви; она обращает сердца отцов, и по ее наущению они отказываются от всех обязанностей по отношению к своим детям; она приводит женатых мужчин ко вдовству; в то время как тех, кто посвящен Богу, она принуждает к святотатственному браку. Однако, когда она берет на себя роль жены, с нее легко снимают маску, потому что в день своего бракосочетания она появляется в состоянии облысения, и по этому случаю ей запрещены волосы, которые являются покровом скромности для женственности. Позже она напускает на себя вид отчаяния и отвращения к существованию; она проповедует самоубийство, бросает того, кто сожительствует с ней, предварительно впечатав ему между глаз адскую звезду. Каббалисты говорят далее, что Нехама может стать матерью, но она никогда не воспитывает своих детей, поскольку отдает их на съедение своей роковой сестре.

Эти каббалистические аллегории, которые содержатся в еврейской книге о перевороте душ, включенной Розенротом в сборник *"Каббала денудата"*, и иным образом встречающиеся в талмудических комментариях к *"Соте"*, должно быть, были либо известны, либо предсказаны автором *"Дьявольской любви"*.^[327] Следовательно, нам говорят, что после публикации его романа Казотт посетил неизвестный человек, который был завернут в мантию, в традиционной манере эmissаров Тайного мира. Трибунал. Посетитель делал Казотту знаки, которых тот не понимал, а затем спросил, действительно ли он не прошел посвящение. Получив отрицательный ответ, незнакомец принял менее мрачное выражение лица и затем сказал: "Я вижу, что вы не являетесь неверным получателем наших секретов, а скорее сосудом избрания, подготовленным для получения знаний. Хочешь ли ты на самом деле властвовать над человеческими страстями и нечистыми духами?" Казотт проявил свое любопытство; последовала долгая беседа; это было предисловие к другим встречам; и в конце автор книги *"Дьявольский влюбленный"* был призван к посвящению. Как следствие, он стал убежденным сторонником порядка и власти, а также грозным врагом анархистов.

Мы видели, что, согласно символизму Калиостро, существует гора, на которую должны подняться те, кто находится в поисках возрождения; эта гора белая от света, как Фавор, или красная от огня и крови, как Синай и Голгофа. В *Зоаре* говорится, что есть два цветовых синтеза; один из них - белый, символизирующий мир и нравственный свет; другой, красный, символизирует войну и материальную жизнь. Якобинцы замыслили развернуть знамя крови, и их алтарь был воздвигнут на красной горе. Казотт был зачислен под знамя света, и его мистическая обитель была установлена на белой горе. То, что было запятнано кровью, на мгновение восторжествовало, и Казотт был объявлен вне закона. Героическая девушка, которая была его дочерью, спасла его от резни в аббатстве; случилось так, что к ее имени не была прикреплена приставка, обозначающая благородство, и поэтому она была избавлена от этого ужасного тоста братства, который увековечил сыновнюю набожность мадемуазель . де Сомбрейль, которая, чтобы оправдаться от обвинений в аристократизме, выпила за здоровье своего отца из окровавленного бокала "головорезов".

Казотт был в состоянии предсказать собственную смерть, потому что совесть заставляла его бороться с анархией до последнего. Он подчинился ему, был арестован во второй раз и предстал перед революционным трибуналом как уже осужденный. Президент, вынесший ему приговор, добавил обращение, полное уважения и сожаления, пообещав своей жертве быть достойной себя до конца и умереть благородно, как он жил. Даже в эпизодах "трибунала" революция была гражданской войной, и братья обменивались приветствиями, приговаривая друг друга к смерти. Объяснение заключается в том, что с обеих сторон были искренние убеждения, и обе стороны имели право на уважение. Всякий, кто умирает за то, что он считает правдой, является героем даже в своем обмане, и анархисты обескровленной горы были не только бесстрашны, отправляя других на эшафот, но и сами взошли на него, не побледнев. Пусть Бог и потомство будут их судьями.

ГЛАВА IV

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Жил-был на свете человек, который был огорчен, обнаружив, что его характер труслив и порочен, и вымещал свое отвращение на обществе в целом. Он был неудачливым любителем Природы, и Природа в своем гневе вооружила его красноречием, как бичом. Он осмелился защищать невежество перед лицом науки, дикость перед лицом цивилизации, все низменные слои общества перед лицом всех социальных высот. Население инстинктивно набросилось на этого маньяка, но его приветствовали великие и превозносили женщины. Его успех был настолько впечатляющим, что из-за отвращения его ненависть к человечеству возросла, и он покончил с собой, как последний выход своей ярости и отвращения. После его смерти мир был потрясен попытками осуществить мечты Жан-Жака Руссо и тем молчаливым заговором, который со времен убийства Жака де Моле привел к разрушению общественного здания, открытого на улице Платриер и в том самом доме, где когда-то жил Руссо, масонской ложи с фанатиком Женевы в качестве святого покровителя. Эта Ложа стала центром революционной пропаганды, и туда прибыл принц королевской крови, поклявшийся уничтожить преемников Филиппа Красивого над могилой тамплиеров.

Именно дворянство восемнадцатого века развратило народ; аристократия того периода была охвачена манией равенства, которая взяла свое начало в оргиях регентства; низшая компания собиралась ради удовольствия, а двор развлекался разговорами на языке трущоб. Архивы Ордена Храма[328] свидетельствуют, что регентом был его великий магистр, что его преемниками были герцог де Мэн, принцы Бурбон-Конде и Бурбон-Кonti, а также герцог де Коссе-Бриссак. Калиостро привлек помощников из среднего класса, чтобы увеличить число членов своего Египетского обряда; каждый стремился повиноваться тайному и непреодолимому импульсу, который вел упадочную цивилизацию к ее разрушению. События не замедлили произойти, но, словно подталкиваемые невидимыми руками, они нагромодились одно на другое в порядке, предвиденном Казоттом. Несчастливым Людовиком XVI руководили его злейшие враги, которые сразу же спланировали и свели на нет ничтожный план уклонения, приведший к катастрофе при Варенне, точно так же, как они поступили с оргией в Версале и резней 10 августа. Со всех сторон они компрометировали короля; на каждом шагу они спасали его от ярости народа, чтобы разжечь эту ярость и обеспечить страшное событие, которое готовилось веками. Эшафот был необходим для завершения мести тамплиеров.

Под давлением гражданской войны Национальное собрание приостановило полномочия короля и назначило его резиденцией Люксембург; но другое, более тайное собрание постановило иначе. Резиденцией павшего монарха должна была стать тюрьма, и этой тюрьмой был не кто иной, как старый дворец тамплиеров, который уцелел вместе с крепостью и башенками, чтобы ожидать королевскую жертву, обреченную неумолимыми воспоминаниями. Там он был должным образом интернирован, в то время как цвет французского духовенства находился либо в изгнании, либо в аббатстве. На Пон-Неф гремела артиллерия, угрожающие плакаты возвещали, что страна в опасности, неизвестные личности устраивали последовательные массовые убийства, в то время как отвратительное и гигантское существо, покрытое длинной бородой, можно было увидеть везде, где убивали священников. “Смотрите, ” воскликнул он с дикой насмешкой, “ это для альбигойцев и водуа; это для тамплиеров, это для Святого Варфоломея, а это для изгнанников Севенн”. Как человек, который был вне себя, он беспрестанно наносил удары, то саблей, то топором или дубинкой. Руки ломались и

вставлялись на место в его кистях; с головы до ног он был покрыт кровью, клянясь страшными богохульствами, что только кровью омоется. Именно этот человек предложил тост нации за ангельскую мадемуазель. de Sombreuil. Тем временем другой ангел молился и плакал в башне Храма, вознося Богу свои собственные страдания и страдания двух детей, чтобы получить прощение для королевской семьи Франции. Все муки и все слезы этой девы - мученицы, святой мадам . Елизавета, были необходимы для искупления глупых утех, которые были характерны для куртизанок, таких как мадам де Помпадур и мадам Дюбарри.

Якобинство получило свое отличительное название еще до того, как старая церковь якобинцев была выбрана штаб-квартирой заговора; оно произошло от имени Жак — зловещего символа, предвещавшего революцию. Французских иконоборцев всегда звали Жаками; философ, чья роковая известность подготовила новые Жакерии и стала вешалкой, на которую повесили кровавые проекты махинаторов-иоаннитов, носил имя Жан Жак, в то время как те, кто был главной движущей силой Французской революции, тайно поклялись разрушить трон и алтарь над могилой Жака де Моле. В тот самый момент, когда Людовик XVI страдал под топором революции, человек с длинной бородой — этот странствующий еврей, олицетворявший месть и убийство, — взошел на эшафот и, повернувшись лицом к потрясенным зрителям, взял обеими руками королевскую кровь, пролил ее над головами народа и закричал своим ужасным голосом: “Народ Франции, я крещу вас во имя Жака и свободы”.^[329] Так закончилась половина дела, и с этого момента армия Храма направила все свои усилия против Папы Римского. Разграбление церквей, профанация святынь, пародийные процессии, открытие культа разума в парижской метрополии — таковы были главные сигналы войны в ее новой фазе. Чучело папы римского было сожжено в Пале-Рояле, и вскоре армии Республики приготовились выступить в поход на Рим. Жак де Моле и его товарищи, возможно, были мучениками, но мстители опозорили их память. Королевская власть возродилась на эшафоте Людовика XVI; Церковь восторжествовала при пленении Пия VI, когда он был доставлен пленником в Валенсию, умирая от усталости и страданий. Но недостойные преемники древнего рыцарства Храма, в свою очередь, погибли, пораженные катастрофической победой.

Церковное государство характеризовалось явными злоупотреблениями, и несчастье, связанное с большим богатством, повлекло за собой серьезные скандалы; но когда богатство иссякло, вернулись выдающиеся добродетели. Такие преходящие бедствия и такой духовный триумф были предсказаны в Апокалипсисе святого Мефодия, о котором уже упоминалось. У нас есть копия упомянутой работы, напечатанная черным шрифтом в 1527 году и украшенная удивительными узорами. Недостойные священники показаны в акте бросания священных элементов свиньям; видно, как взбунтовавшееся население убивает священников и разбивает их священные сосуды об их головы; папа предстает пленником в руках солдат; коронованный рыцарь поднимает одной рукой знамя Франции, а другой обнажает свой меч против Италии. Наконец, по обе стороны от петуха изображены два орла с короной на голове и двойной *лилией* на груди. Один из орлов объединяется с грифонами и единорогами, чтобы изгнать стервятника из его гнезда; и есть множество других чудес. Эту необычную книгу можно сравнить с иллюстрированным изданием "пророчеств", приписываемых аббату Иоахиму, калабрийцу, в котором представлены портреты всех будущих пап с аллегорическими знаками их соответствующих понтификатов, вплоть до пришествия Антихриста. Это странные хроники будущего, изображаемые как события прошлого; кажется, что они описывают последовательность миров, в которых события повторяются, так что предвидение грядущего - это воскрешение теней, уже затерянных в прошлом.

ГЛАВА V

ФЕНОМЕНЫ МЕДИОМАНИИ

В 1772 году некий прихожанин Сен-Манде по имени Луазо, находясь в церкви, поверил, что увидел необычного человека, стоявшего на коленях рядом с ним; это был очень смуглый мужчина, единственной одеждой которого были панталоны из грубой камвольной ткани. У него была длинная борода, курчавые волосы, а на шее красовался красный круглый шрам. Он нес книгу, на которой золотыми буквами была выгравирована следующая надпись: *Ecce Agnus Dei*.

Луазо с удивлением заметил, что никто, кроме него самого, казалось, не замечал этого странного присутствия, но он закончил свои молитвы и вернулся домой, где его ожидал тот же персонаж. Он подошел ближе, чтобы спросить, кто он такой и по какому делу, когда фантастический посетитель исчез. Луазо лег в постель в лихорадке и не мог заснуть. В ту же ночь он обнаружил, что его комната внезапно озарилась красным светом; он вскочил в постели, полагая, что все горит; и затем на столе в самом центре комнаты он увидел золотое блюдо, на котором голова его посетителя плавала в крови, окруженная красным нимбом. Глаза чудовищно закатились, рот открылся, странный шипящий голос произнес: “Я жду голов царей, голов куртизанок царей; я жду Ирода и Иродиаду”. Нимб померк, и больной больше ничего не видел.^[330]

Через несколько дней он достаточно оправился, чтобы вернуться к своим обычным занятиям. Когда он переходил площадь Людовика XV, к нему подошел нищий, и Луазо, не глядя, бросил монету ему в шляпу. “Благодарю вас, ” сказал получатель, “ это голова короля; но здесь, ” и он указал на середину улицы, “ упадет другая, и это именно то, чего я жду”. Луазо с удивлением посмотрел в сторону говорившего и вскрикнул, когда узнал странную фигуру из своего видения. “Молчи, ” сказал нищий. “ они примут тебя за дурака, потому что никто, кроме тебя самого, не может меня видеть. Вы узнали меня, я знаю, и вам я признаюсь, что я Иоанн Креститель, Предтеча. Я здесь для того, чтобы предсказать наказание, которое постигнет преемников Ирода и наследников Каиафы; вы можете повторить все, что я вам скажу”.

С этого времени Луазо верил, что святой Иоанн зримо присутствует рядом с ним почти изо дня в день. Видение долго и часто говорило ему о бедах, которые постигнут Францию и Церковь. Луазо рассказал о своем видении нескольким людям, которые были не только впечатлены, но и сами стали провидцами. Они образовали между собой мистическое общество, которое собиралось в глубокой тайне. У них был обычай сидеть в кругу, держась за руки, и молча ожидать сообщений. Это могло продолжаться часами, а затем посреди них появлялась фигура Крестителя. Они впадали, одновременно или последовательно, в магнетический сон и видели, проходя перед своими глазами, будущие сцены революции с последующей реставрацией.

Духовным руководителем этой секты или кружка был монах по имени Дом Герле, который также стал их лидером после смерти Луазо в 1788 году.^[331] Однако в эпоху революции, будучи одержимым республиканским энтузиазмом, Дом Герле был изгнан другими членами, действуя по вдохновению их главной сомнамбулы, известной как сестра Франсуаза Андре. У него был свой сомнамбулист, и на парижской чердаке он занимался тем, что тогда было новым ремеслом

гипнотизера. Провидицей, о которой идет речь, была старая и почти слепая женщина по имени Катрин Тео; она пророчествовала, и ее предсказания сбылись; она вылечила многих больных; и поскольку ее прогнозы неизменно имели политическую окраску, полиция *Комитета общественного спасения* не замедлила взяться за это дело.

Однажды вечером Катрин Тео была в экстазе, окруженная своими адептами. “Прислушайтесь, ” воскликнула она, “ я слышу звук его шагов; он таинственный избранник Провидения, ангел революции, одновременно ее спаситель и жертва, царь руин и возрождения. Ты видишь его? Он приближается. Он также был окружен красноватым нимбом Предтечи; именно он понесет на себе все преступления тех, кто собирается принести его в жертву. Велики твои судьбы, о ты, кто закроет бездну, бросившись в нее. Разве вы не видите его, разукрашенного, словно для праздника, с цветами в руках — гирляндами, которые являются венцом его мученичества”. Затем, всхлипывая и заливаясь слезами: “Как жестоко твое испытание, сын мой; и сколько неблагодарных будут проклинать твою память в веках. Встань и преклони колени: он идет; царь идет — он царь кровавых жертвоприношений”.

В этот момент дверь быстро отворилась; вошел мужчина, закутанный в плащ и надвинутую на глаза шляпу. Присутствовавшие встали; Катрин Тео протянула руки навстречу вновь пришедшему и сказала с дрожащими руками: “Я знала, что вы должны прийти, и я ждала вашего прихода. Тот, кто находится справа от меня, но невидим для вас, показал мне вас вчера, когда против нас было выдвинуто обвинение. Нас обвиняют в заговоре в пользу короля, и я действительно говорил о короле; это тот, кого Предтеча открывает мне в эту минуту, с короной, обгазированной кровью, и я знаю, на чью голову она возложена — на твою собственную, Максимилиан.

При этом имени неизвестный вздрогнул, как будто ему в грудь вонзили раскаленную сталь. Он быстро и тревожно огляделся по сторонам, после чего выражение его лица снова стало бесстрастным.

“ Что бы вы сказали? Я не понимаю, - пробормотал он коротко и отрывисто.

“Я бы сказала, ” ответила Катрин Тео, - что солнце ярко засияет в тот день, когда человек, одетый в голубое и держащий скипетр из цветов, на одно мгновение станет королем и спасителем мира. Я бы сказал, что ты будешь велик, как Моисей и как Орфей, когда, попирая голову того чудовища, которое готово тебя поглотить, ты засвидетельствуешь палачам и жертвам, что Бог есть. Перестаньте маскироваться, Робеспьер; лучше покажите нам, не бледнея, ту доблестную голову, которую Бог собирается положить на пустые весы своих весов. Голова Людовика XVI тяжелая, и ваша может быть только ее противовесом”.

“Вы угрожаете?” - холодно спросил Робеспьер, опуская плащ. “Вы думаете, что этим жонглированием хотите поколебать мой патриотизм и повлиять на мою совесть?” Вы надеетесь с помощью фанатичных мер и бабушкиных басен удивить мою решимость, поскольку вы шпионили за моими действиями? Казалось бы, вы искали меня, и горе вам оттого, что вы искали. Поскольку вы заставляете любознательного, анонимного посетителя и наблюдателя выдавать себя за Максимилиана Робеспьера, представителя народа, я доношу на вас комитету общественного блага и добиваюсь вашего ареста ”.

Сказав эти слова, Робеспьер набросил плащ на напудренную голову и чопорно направился к двери. Никто не осмелился задержать его и заговорить с ним. Катрин Тео всплеснула руками и сказала: “Уважайте его волю, ибо он король и понтифик новой эпохи. Если он ударит нас, это значит, что Бог желает ударить нас; обнажите горло перед ножом Провидения”.

Посвященные Катрин Тео ждали своего ареста всю ночь, но никто так и не появился. Они расстались на следующий день. Прошло еще два или три дня и ночи, в течение которых члены секты не предпринимали никаких попыток скрыться. На пятый день Катрин Тео и те, кого называли ее сообщниками, были донесены якобинцам тайным врагом Робеспьера, который искусно внушил своим слушателям определенные сомнения против трибуна — упоминалась диктатура, произносилось само имя короля. Робеспьер знал, и как ему удавалось терпеть это? Робеспьер пожал плечами, но на следующий день Катрин Тео, дом Герле и некоторые другие были арестованы и отправлены в те тюрьмы, которые, попав в них, открывались только для того, чтобы предоставить палачу его повседневную работу.

История интервью Робеспьера с Катрин Тео стала известна неизвестно каким образом.^[332] Уже термидорианская контрполиция следила за предполагаемым диктатором, которого они обвинили в мистицизме, потому что он верил в Бога. Несмотря на это, Робеспьер не был ни другом, ни врагом секты Новых иоаннитов. Он отправился к Катрин Тео, чтобы разобраться в явлениях, и, недовольный тем, что его узнали, удалился с угрозами, которые не пытался выполнить; те, кто превратил собрание старого монаха и экстатика в секту заговорщиков, надеялись извлечь из этого процесса сомнение или возможность для насмешек над репутацией неподкупного Максимилиана. Пророчество Катрин Тео исполнилось с введением культа Верховного Существа и быстрой реакцией Термидора.

В течение этого времени секта, собравшаяся вокруг сестры Андре, чьи откровения были записаны неким съером Дюси, продолжала демонстрировать свои видения и чудеса. Неизменное представление, которым они дорожили, состояло в том, чтобы сохранить легитимность к будущему правлению Людовика XVII.^[333] Бесчисленное количество раз они спасали во сне бедного маленького сироту из Храма и верили также, что спасли его буквально. Древние пророчества обещали трон лилий молодому человеку, который когда-то был пленником. Итак, Бриджит, святая Хильдегарда, Бернард Толлард, Лихтембергер — все предсказывали чудесное восстановление после великих бедствий.^[334] Нео-иоанниты были толкователями и множителями этих прогнозов; Людовик XVII никогда их не подводил; их было семь или восемь подряд, все совершенно достоверные и не менее прекрасно сохранившиеся. Именно влиянию этой секты мы обязаны появившимися в более поздний период откровениями крестьянина Мартина де Галлардона и чудесами Винтраса.

В этом магнетическом кругу, как и на ассамблеях квакеров или шейкеров Великобритании, энтузиазм оказался заразительным и передавался от одного к другому. После смерти сестры Андре второе зрение и дар пророчества перешли к некоему Легро, который находился в Шарантоне, когда Мартин был там временно заключен. В босеронском крестьянине он узнал брата, которого никогда раньше не видел. Все эти приверженцы Людовика XVII силой воли создали его в определенном смысле; иными словами, они создавали такие эффективные галлюцинации, что медиумы создавались по образу и подобию магнетического типа, и, считая себя буквально королевским ребенком, сбежавшим из Храма, они привлекали все отражения этой нежной и хрупкой жертвы, так что даже вспоминали обстоятельства, известные только

семье Людовика XVI. Это явление, каким бы невероятным оно ни казалось, не является ни невозможным, ни неслыханным. Парацельс утверждает, что если экстраординарным усилием воли человек сможет представить себя другим человеком, он сразу же узнает самые сокровенные мысли этого человека и привлечет к себе его самые сокровенные воспоминания. Часто после разговора, который навел нас на близость мыслей с собеседником, нам снятся воспоминания о его личной жизни. Следовательно, среди имитаторов Людовика XVII мы должны признать некоторых, которые были не самозванцами, а галлюцинировавшими существами, и среди этих последних есть швейцарец по имени Наундорф, такой же провидец, как Сведенборг, настолько заразительный в своей убежденности, что старые слуги королевской семьи узнали его и с плачем бросились к его ногам. У него были особые приметы и шрамы Людовика XVII; он рассказывал о своем детстве с поразительной достоверностью и вдавался в мельчайшие подробности, которые имеют решающее значение для личных воспоминаний. Сами черты его лица были бы чертами сироты Людовика XVI, если бы он действительно был жив. Не хватало только одного, чтобы претендент действительно был Людовиком XVII, а это не должен был быть Наундорф.[\[335\]](#)

Такова была заразительная магнетическая сила этого введенного в заблуждение человека, что даже его смерть не поколебала ни одного из верующих в грядущее его правление. Мы видели одного из самых убежденных, которому мы робко возразили — когда он говорил о приближающемся восстановлении того, что он называл истинной легитимностью, — что его Людовик XVII мертв. “Значит, Богу труднее воскресить его из мертвых, чем тем, кто был до нас, спасти его из Храма? Таков был данный нам ответ - и это с улыбкой настолько торжествующей, что она казалась почти презрительной. Нам самим нечего было возразить, но мы были вынуждены склониться перед таким убеждением.

ГЛАВА VI

НЕМЕЦКИЕ ИЛЛЮМИНАТЫ

Германия - родина метафизического мистицизма и фантомов. Сам по себе призрак старой римской империи, он, кажется, всегда вызывает могущественную тень Германна, посвящая в его честь подобие плененных орлов Вара. Патриотизм молодой Германии - это неизменно патриотизм немцев в старые времена. У них и в мыслях нет вторгаться в страну смеха - Италию; они принимают ситуацию такой, какая она есть, просто как вопрос мести; но они готовы тысячу раз умереть, защищая свои очаги и дома. Они любят свои старые замки, свои старые легенды о берегах Рейна; они с величайшим терпением читают мрачные трактаты о своей философии; они видят в туманах своего неба и в дыме своих трубок тысячи невыразимых вещей, благодаря которым они приобщаются к чудесам иного мира. Задолго до того, как в Америке и Франции возник вопрос о медиумах и вызывании ими духов, в Пруссии были свои *иллюминаты* и видящие, которые обычно общались с умершими. В Берлине один знатный человек построил дом, предназначенный для богослужений; король Фридрих Вильгельм очень интересовался всеми подобными тайнами и часто замуровывался в этом доме вместе с адептом по имени Штайнерт. Его переживания были настолько сильными, что наступило состояние истощения, и

его пришлось восстанавливать с помощью капель какого-то волшебного эликсира, аналогичного тому, что применял Калиостро. Существует секретная переписка, относящаяся к рассматриваемому периоду правления, на которую ссылается маркиз де Люше в своей работе против *иллюминатов*, и в ней содержится описание темной комнаты, в которой проводились вызывания. Это было квадратное помещение, разделенное прозрачной завесой; перед завесой была воздвигнута магическая печь или алтарь благовоний, а за ней находился пьедестал, на котором проявлялся дух. В своей немецкой работе о магии Экартсгаузен описывает весь фантастический аппарат, представляющий собой систему машин и операций, с помощью которых воображению помогали создавать желаемых фантомов, при этом те, кто консультировался с оракулом, находились в состоянии своего рода сомнамбулизма наяву, сравнимого с нервным возбуждением, вызываемым опиумом или гашишем. Те, кто удовлетворен объяснениями, данными только что упомянутым автором, сочтут явления эффектами волшебного фонаря, но в этом, несомненно, есть нечто большее, в то время как волшебный фонарь был всего лишь вспомогательным инструментом в бизнесе и ни в каком смысле не был необходим для создания феномена. Образы людей, когда-то известных на земле, а теперь вызванных мыслью, не кажутся отражениями цветного стекла; картины, написанные при свете фонаря, не говорят и не дают ответов на вопросы совести. Король Пруссии, которому принадлежал этот дом, был хорошо знаком со всем аппаратом и поэтому не был одурачен фокусами, как утверждает автор секретной переписки. Естественные средства проложили путь для вундеркинда, но не осуществили последнего; и происходившие события были такого рода, что могли удивить и встревожить самого закоренелого скептика.[336] Более того, Шрепфер не пользовался волшебным фонарем и вуалью, но те, кто приходил к нему, пили своего рода пунш, который он готовил; формы, которые затем появлялись при его посредничестве, были похожи на формы американского дома, то есть частично материализовались, и они вызвали любопытные ощущения у людей, которые стремились к ним прикоснуться. Этот опыт был аналогичен электрическому разряду, заставляющему кожу покрываться мурашками, и такого ощущения не было бы, если бы люди увлажнили руки, прежде чем прикоснуться к призраку. Шрепфер действовал добросовестно, как и Американский Дом; он верил в реальность вызванных им духов и покончил с собой, когда начал сомневаться в этом.[337]

Лафатер, который также умер насильственной смертью, был полностью предан вызываниям; в его распоряжении были два духа, и он принадлежал к кругу, который культивировал каталепсию с помощью губной гармошки. Была сформирована магическая цепочка; некий слабоумный служил толкователем духа и писал под его контролем.[338] Этот дух выдал себя за еврейского каббалиста, умершего до рождения Иисуса Христа, и то, что медиум записал под его влиянием, было достойно сомнамбул Каагнета.[339] Было, например, откровение о страданиях в загробной жизни, дух-посредник заявлял, что душа императора Франциска была вынуждена подсчитать количество и точное состояние всех улиточных раковин, которые могут существовать и существовали во всей вселенной. Он сообщил также, что истинными именами трех Волхвов были не Гаспар, Мельхиор и Бальтазар, как гласит традиция, а, напротив, Вразафармион, Мелхиседек и Балеатрасарон; это все равно что читать имена, написанные нашим современным способом переворачивания столов. Дух также засвидетельствовал, что он сам совершает покаяние за то, что угрожал своему отцу волшебным мечом, и что он был расположен подарить своим друзьям его портрет. Бумага, краски и кисти были помещены по его просьбе за ширму; затем было видно, как он рисует на экране контур маленькой руки; было

слышно легкое трение по бумаге; когда это прекратилось, все подались вперед и обнаружили грубо нарисованное изображение старого раввина, одетого в черное, с белой оборкой на плечах и черной тюбетейкой - костюм, совершенно эксцентричный для персонажа, который был до Иисуса Христа. Картина, в остальном, была смазана и плохо прорисована, напоминая работу ребенка, забавляющегося рисованием с закрытыми глазами.^[340] Письменные инструкции медиума, вдохновленные Габлидоном, соперничают в своей неясности с характеристиками немецких метафизиков. “Атрибут величия не должен присваиваться легкомысленно, “ говорит этот авторитет, - ибо величие является производным от Мага, учитывая, что маги были понтификами и королями; следовательно, они были первобытными величествами. Мы оскорбляем величие Бога, когда совершаем смертельный грех; мы раним Его как Отца, бросая смерть в источники жизни. Источник Отца - это свет и жизнь; источник Сына - это кровь и вода; в то время как великолепие Святого Духа - это огонь и золото. Мы грешим против Отца ложью, против Сына ненавистью и против Святого Духа развратом, который является делом смерти и разрушения”. Добрый Лафатер воспринял эти сообщения как предсказания, и когда он попросил о дальнейших разъяснениях, Габлидон продолжил следующим образом: “Великий открыватель тайн придет, и он родится в следующем столетии. Религия патриархов будет тогда известна на земле; она объяснит человечеству триаду *Агиона, Гелиона, Тетраграмматона*; и Спаситель, чье тело опоясано треугольником, будет изображен на четвертой ступени алтаря; вершина треугольника будет красной, а надпись на нем будет гласить: *Venite ad patres osphal*. Один из аудиторов потребовал объяснить значение последнего слова, и медиум написал следующее без других пояснений: *Альфос, М.: Афон, Элифисматис*. Некоторые толкователи пришли к выводу, что мага, о пришествии которого было объявлено в девятнадцатом веке, звали Мафон и он был сыном Элифисмы, но это толкование может быть несколько умозрительным.

Нет ничего опаснее мистицизма, ибо порождаемая им мания ставит в тупик любую комбинацию человеческой мудрости. Именно дураки всегда переворачивают мир, и то, чего великие государственные деятели никогда не предвидят, - это отчаянная работа маньяка. Архитектор храма Дианы в Эфесе обещал себе вечную славу, но он рассчитывал без Эрострата. Жирондисты не предвидели Марата. Что необходимо, чтобы изменить равновесие в мире? Спросил Паскаль по поводу Кромвеля. Ответ таков: крупинка гравия, случайно образовавшаяся во внутренностях человека. Так и великие события происходят по причинам, которые сами по себе ничего не значат. Когда рушится любой храм цивилизации, это всегда дело рук слепца, подобного Самсону, который сотрясает его колонны. Какой-то жалкий проповедник, принадлежащий к отбросам народа, страдает бессонницей и считает себя избранным избавить мир от Антихриста. Соответственно, он наносит удар Генриху IV и открывает Франции, повергнутой в ужас, имя Равайяка. Немецкие чудотворцы считали Наполеона Аполлионом, упомянутым в Апокалипсисе, и один из их неофитов по имени Стабс выступил вперед, чтобы убить военного Атласа, который в данный момент нес на своих плечах мир, вырванный из хаоса анархии. Но то магнетическое влияние, которое император называл своей звездой, было более мощным, чем фанатичный порыв немецких оккультных кругов. Удары не могли или не осмеливались нанести; сам Наполеон допрашивал его; он восхищался его решимостью и мужеством; но, поскольку он понимал собственное величие, он не стал бы умалять достоинства нового Сцеволы, простив его; он действительно продемонстрировал свою оценку, приняв его всерьез и позволив застрелить.

Карл Санд, убивший Коцебу, также был несчастным отверженным порождением мистицизма, введенным в заблуждение тайными обществами, в которых месть совершалась на кинжалах. Возможно, Коцебу и заслуживал побоев дубинкой, но песочное оружие восстановило его в правах и сделало мучеником. Поистине велико погибнуть как враг и жертва тех, кто совершает месть посредством засад и убийств. Тайные общества Германии практиковали ритуалы, которые были менее или более сравнимы с Магическими. В братстве Мопсес, например, мистерии Шабаша и тайный прием тамплиеров были возобновлены в смягченных и почти юмористических формах. Бафомет-козел был заменен собакой, как если бы Германубис заменил Пана, или наука заменила Природу — последнее было эквивалентным изменением, поскольку природа познается исключительно при посредничестве науки. Мопсы допускали представителей обоих полов, как это было на Шабаше; прием сопровождался лаем и гримасами, и, как среди тамплиеров, неопиту предлагалось на выбор поцеловать затылок дьяволу, Великому Магистру или Мопсе, который представлял собой небольшое изображение из картона, обтянутое шелком и изображающее собаку, по-немецки называемую *Мопс*. Приветствие, о котором идет речь, было условием приема и напоминает то, что было предложено Козлу Мендеса при посвящении в Субботу. Мопсы не давали никаких обещаний, кроме своего честного слова, которое является самой священной из всех клятв для уважающих себя людей. Их собрания были поводом для танцев и веселья — опять же, как и субботние, — за исключением того, что дамы были одеты и не подвешивали живых кошек к поясам и не ели маленьких детей: это была в целом цивилизованная суббота.^[341]

У Магии в Германии был свой эпос, а у Шабаша - свой великий поэт; эпосом была колоссальная драма о *Фаусте* — этом завершенном Вавилоне человеческого гения. Гете был посвящен во все тайны магической философии; в юности он даже практиковался в церемониальной части. Результатом его смелых экспериментов было вызвать у него на какое-то время глубокое отвращение к жизни и сильную склонность к смерти. На самом деле он совершил свое самоубийство не буквальным актом, а в книге; он сочинил "*Роман о Вертере*", роковое произведение, проповедующее смерть и имевшее так много сторонников; затем, победив уныние и отвращение и вступив в безмятежные царства покоя и истины, он написал "*Фауста*". Это великолепный комментарий к одному из самых прекрасных эпизодов Евангелия — притче о блудном сыне. Это посвящение в грех мятежной наукой, в страдание грехом, в искупление и гармоничную науку страданием. Человеческий гений, представленный Фаустом, использует в качестве своего лакея духа зла, который стремится стать хозяином; он быстро исчерпывает все наслаждение, которое воображение приписывает незаконной любви; он проходит через оргии безумия; затем, привлеченный очарованием суверенной красоты, он поднимается из бездны разочарования к высотам абстракции и нетленной красоты. Тут Мефистофелю уже не по себе; неумолимый смех становится печальным; Вольтер уступает место Шатобриану. По мере того, как проявляется свет, ангел Тьмы корчится и мечется; он связан небесными ангелами; он восхищается ими против своей воли; он любит, плачет и побежден.

В первой части драмы мы видим Фауста, насильно разлученного с Маргарет; небесные голоса кричат, что она спасена, даже когда ее ведут на казнь. Но может ли быть потерян тот Фауст, которого всегда любила Маргарет? Разве его сердце уже не отдано небесам? Великое дело искупления в силу солидарности движется к своему завершению. Как вообще можно утешить жертву за ее страдания, если она не обратила своего палача? Разве прощение не является местью детей небес? Любовь, впервые достигшая эмпиреев, симпатией влечет за собой науку; христианство восходит в своем восхитительном синтезе. Новая Ева смыла отметину со лба

Каина кровью Авеля и плачет от радости над двумя своими детьми, которые держат ее в своих совместных объятиях. Чтобы освободить место для расширения рая, ад, который стал бесполезным, прекращается. Проблема зла нашла свое окончательное решение, и добро — единственное необходимое и единственное торжествующее — будет царить отныне вечно.

Об этом - великолепная мечта величайшего из всех поэтов, но философ, к несчастью, забывает законы равновесия; он поглотил бы свет в великолепии без теней, а движение - в абсолютном покое, что означало бы прекращение жизни. Пока есть видимый свет, пропорционально ему будет и тень. Покой никогда не будет счастьем, если его не уравновесить аналогичным и противоположным движением. До тех пор, пока будет существовать бесплатное благословение, богохульство будет оставаться возможным; до тех пор, пока будут существовать небеса, будет существовать и ад. Это неизменный закон Природы и вечная воля той справедливости, другое имя которой - Бог.

ГЛАВА VII

ИМПЕРИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

Наполеон наполнил мир чудесами, и в этом мире он сам был величайшим чудом из всех. Императрица Жозефина, его жена, любопытная и доверчивая, как креолка, переходила от очарования к очарованию. Славу такого рода, как нам рассказывали, обещала ей старая цыганка, и сельские жители до сих пор верят, что она сама была добрым гением императора. На самом деле она была милым и скромным советчиком, который спас бы его от многих опасностей, если бы он всегда прислушивался к ее предостережениям, но его толкал вперед рок, или, скорее, провидение, и то, что должно было с ним случиться, было predetermined заранее. В пророчестве, приписываемом Святому Сезару, но подписанном Жаном де Ватигерро, и найденном в *Liber Mirabilis*, сборнике предсказаний, напечатанном в 1524 году,^[342] есть следующие удивительные предложения.

“Церкви будут осквернены и поруганы, а публичное богослужение приостановлено. Орел взлетит над миром и победит многие народы. Величайший принц и августейший суверен всего Запада будет обращен в бегство после сверхъестественного поражения. Самый благородный принц будет отправлен в плен своими врагами и будет скорбеть, думая о тех, кто был ему предан. Прежде чем во Франции восстановится мир, одни и те же события будут повторяться снова и снова. Орел будет увенчан тройной диадемой, вернется победителем в свое гнездо и покинет его только для того, чтобы подняться на небеса”.

Предсказав разграбление церквей и убийство священников, Нострадамус предсказывает рождение императора в окрестностях Италии и говорит, что его правление будет стоить Франции большого пролития крови, в то время как те, кто принадлежит ему, предадут его и обвинят в пролитии крови.

“Император родится недалеко от Италии,

Кто будет дорого стоить Империи:

Они скажут: "С какими людьми он водит компанию!"

Его сочтут не столько принцем, сколько мясником.

Из простого солдата он придет к верховному командованию,

Из короткого платья он перейдет в длинное;

Доблестный в оружию, не худший человек в Церкви,

Он будет раздражать священников, как вода губку".[343]

Это означает, что в тот момент, когда церковь переживает величайшие бедствия, он осыплет священников благодеяниями. В сборнике пророчеств, опубликованном в 1820 году и экземпляром которого мы располагаем, после предсказания о Наполеоне I встречается следующая фраза: "И племянник совершит то, чего не удалось дяде". Знаменитая мадемуазель Дж. У Ленорман в библиотеке был том в дощечках с пергаментной обложкой, содержащий *Трактат Оливариуса о пророчествах*, за которым следовали десять рукописных страниц, на которых официально объявлялось о правлении Наполеона и его падении. Ясновидящая передала содержание этого труда императрице Жозефине. Упомянув мадемуазель Дж. Ленорман, можно добавить еще несколько слов об этой необычной женщине; она была полной и чрезвычайно некрасивой, выразительной в разговорах, нелепой по стилю, но при этом бодрствующей сомнамбулой с поразительной ясностью ума. Она была модной провидицей во времена Первой империи и Реставрации. Нет ничего более утомительного, чем ее писания, но как гадалка по картам она добилась наибольшего успеха.

Картомантия, восстановленная во Франции Эттейлой, - это буквально вопрошание судьбы с помощью заранее согласованных знаков. Они в сочетании с цифрами наводят на мысль об оракулах медиума, который биологизируется, глядя на них. Знаки нарисованы случайно, после того, как их медленно перетасовали; они расположены в соответствии с каббалистическими числами, и они неизменно отвечают мыслям тех, кто подвергает их серьезному и добросовестному сомнению, ибо все мы носим внутри себя мир предчувствий, которые можно сформулировать под любым предлогом. Восприимчивые и чувствительные натуры получают от нас магнетический шок, который передает им впечатление о нашем нервном состоянии. Тогда медиум сможет прочитать наши страхи и надежды по водной ряби, форме облаков, жетонам, случайно брошенным на землю, по следам, оставленным кофейными крупинками на тарелке, в лотерее карточной игры или в символах Таро.

Как эрудированная каббалистическая книга, все комбинации которой раскрывают гармонии, ранее существовавшие между знаками, буквами и цифрами, практическая ценность Таро поистине и прежде всего изумительна. Но мы не можем безнаказанно, такими средствами, выпытывать у самих себя секреты нашего интимного общения со вселенским светом. Опрос карт и Таро - это буквальное вызывание, которое не может быть выполнено без опасности и преступления. Вызывая духов, мы заставляем наше астральное тело предстать перед нами; при гадании мы заставляем его говорить. Поступая таким образом, мы обеспечиваем тело для наших химер и создаем непосредственную реальность того будущего, которое действительно станет нашим, когда оно будет призвано силой слова и принято верой. Приобрести привычку к гаданию и консультациям с магнетизмом - значит заключить договор с головокружением, а мы уже установили, что головокружение - это ад.

Mlle. Ленорман была без ума от себя и своего искусства; она думала, что мир не сможет жить дальше без нее и что она необходима для поддержания равновесия в Европе. На конгрессе в Экс-ла-Шапель провидица появилась со всем своим имуществом, вела дела на всех таможах и докучала всем властям, так что они были вынуждены в некотором смысле заняться ею; она действительно была мухой в колесе, и какой мухой! По возвращении она опубликовала свои впечатления на фронтисписе, изображающем ее саму в окружении всех сильных мира сего, которые советовались с ней и трепетали в ее присутствии.[344]

Великие события, которые только что произошли в мире, обратили все умы в сторону мистицизма; началась религиозная реакция, и члены Королевской семьи, составляющие Священный союз, почувствовали необходимость прикрепить свои объединенные скипетры к кресту. Император Александр, в частности, верил, что для Святой Руси настал час обратить мир во всеобщее православие. Интригующая и беспокойная секта Спасителей Людовика XVII стремилась извлечь выгоду из этой тенденции для основания нового духовенства, и ей удалось привлечь внимание российского императора к одной из своих провидиц. Мадам Буш звали эту новую Катрин Тео, но секта называла ее сестрой Саломеей.[345] Она провела восемнадцать месяцев при императорском дворе и много раз тайно беседовала с Александром, но у него было больше благочестивого воображения, чем истинного энтузиазма; он восхищался чудесным и делал вид, что это его забавляет. Так получилось, что его доверенные лица из этого круга интересов представили ему другую пророчицу, и сестра Саломея была забыта. Ее преемницей была мадам де Крюденер, любезная кокетка, полная благочестия и добродетели, которая создала Валери, но не была ею самой.[346] Однако она стремилась сойти за героиню своей собственной книги, и когда одна из ее близких подруг потребовала от нее назвать героя, она упомянула выдающуюся личность того периода. “Ах, тогда, - сказала ее подруга, “катастрофа вашей книги не соответствует фактам, поскольку джентльмен, о котором идет речь, жив”. Но мадам де Крюденер ответила: “О, моя дорогая, он немногим лучше, чем мертв”, и этот ответ был ее удачей. Влияние мадам де Крюденер на несколько слабый ум Александра было достаточно сильным, чтобы обеспокоить его советников; он часто уединялся с ней в молитве, но в конце концов она погибла от избытка усердия. Однажды император прощался с ней, когда она бросилась к нему, умоляя его не выходить и объясняя, как Бог дал ей знать, что он в большой опасности, что против его жизни готовится заговор и что во дворце скрывается убийца. Император встревожился и вызвал стражу; последовал обыск, и в конце концов был обнаружен какой-то бедняга с кинжалом. В замешательстве он закончил признанием, что его представила сама мадам де Крюденер.[347] Было ли это правдой и играла ли дама роль Латюд в присутствии мадам де Помпадур? Была ли она фальшивой и, засекреченная врагами императора, была ли миссия этого человека — в случае провала убийства — уничтожить мадам де Крюденер? В любом случае, бедная пророчица была потеряна, потому что император, испытывая стыд от того, что его считали обманутым, отправил ее по своим делам, не выслушав, и у нее были основания считать, что ей повезло, что она так легко сбежала.

Маленькая церковь Людовика XVII не пришла к выводу, что ее постиг позор мадам Буш, в то время как в позоре мадам де Крюденер она увидела Божественное наказание. Пророчества продолжались и подкреплялись, по мере необходимости, чудесами. В царствование Людовика XVIII они выдвинули крестьянина из Ла-Боса по имени Мартин,[348] который заявил, что видел ангела.

По описанию, которое он дал, ангел, о котором идет речь, был в обличье лакея, принадлежащего к какой-то хорошей семье; на нем был длинный сюртук желтого цвета, очень узкий в талии; он был бледным и худым, в шляпе, вероятно, украшенной золотым кружевом. Самое странное, что к провидцу удалось отнестись серьезно, и он добился интервью с королем, предоставив еще один пример упорства и смелости. Говорят, что король был поражен откровениями, касающимися его личной жизни, в которых нет ничего невозможного или даже экстраординарного, теперь, когда явления магнетизма более достоверны и известны. Более того, Людовик XVIII был достаточно скептичен, чтобы быть легковерным. Сомнение в существовании и его гармонии, скептицизм перед лицом вечной математики и непреложных законов жизни, посредством которых Божественность проявляется повсюду, — это, несомненно, самое идиотское из суеверий и наименее простительное, поскольку это самое опасное из всех легковерий.

КНИГА VII

МАГИЯ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

τ—ЗЕЙН

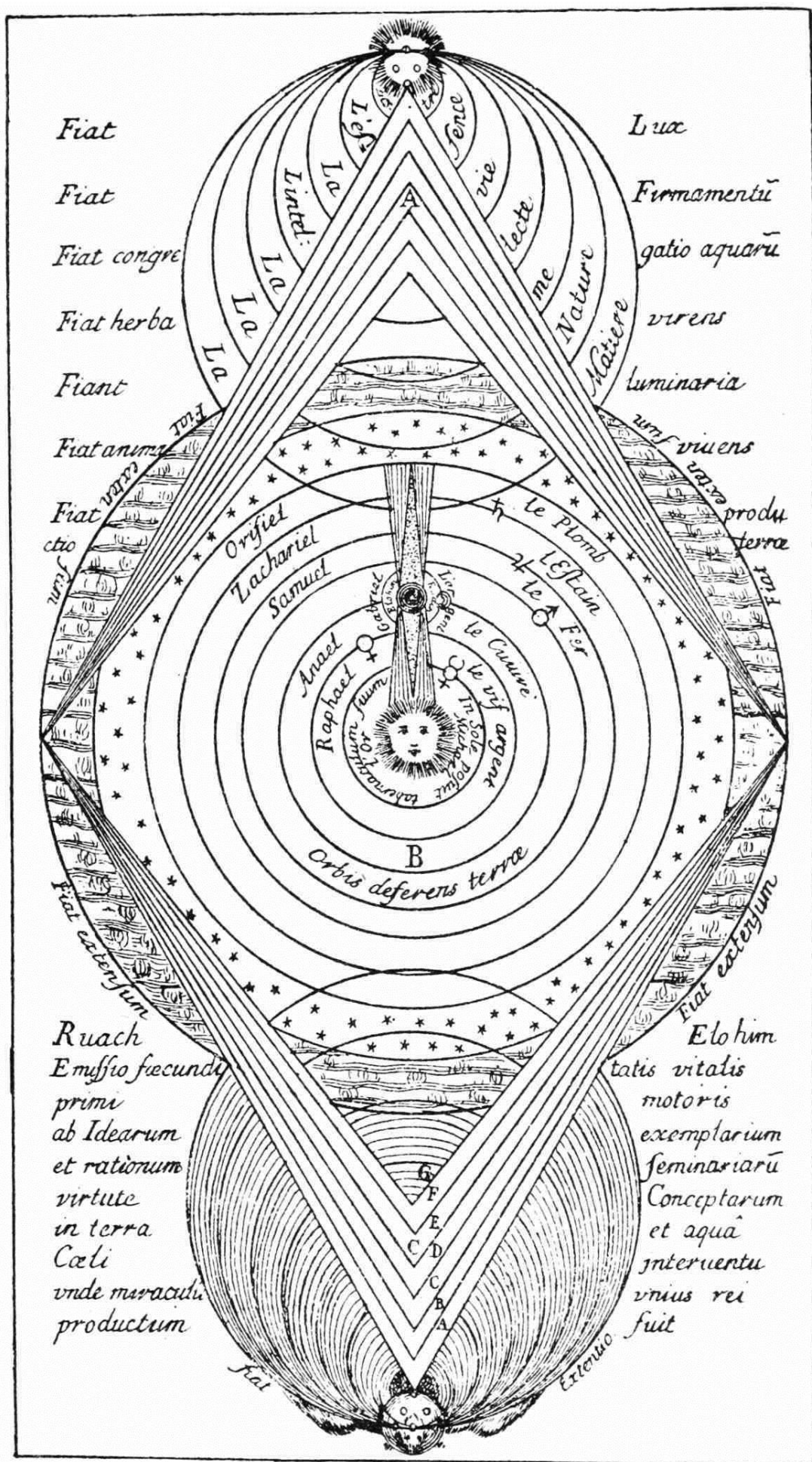
ГЛАВА I

МАГНЕТИЧЕСКИЕ МИСТИКИ И МАТЕРИАЛИСТЫ

Отрицание фундаментального учения католической религии, столь великолепно сформулированного в поэме о *Фаусте*, принесло свои плоды в мире. Мораль, лишенная своей вечной санкции, стала сомнительной и неурегулированной. Материалистический мистик обратился к системе Сведенборга, чтобы создать на земле рай с привлекательностью, соответствующей судьбам. Под словом "влечения" Фурье понимал чувственные страсти, и им он обещал целостное и абсолютное распространение. Бог, который есть Высший Разум, отмечает такие осужденные доктрины страшной печатью; ученики Фурье начали с абсурда и закончили безумием.^[349]

Они всерьез верили, что океан вскоре превратится в огромную чашу лимонада; они верили также в будущее создание антилионов и антизмей, в эпистолярную переписку, которая будет налажена между планетами. Мы воздерживаемся говорить о знаменитом хвосте длиной тридцать два фута, которым, как сообщается, должен был быть украшен человеческий род, потому что, по-видимому, у них хватило великодушия отбросить это представление в сторону, поскольку, по словам их хозяина, это чисто гипотетический вопрос. К таким нелепостям приводит отрицание равновесия. И в основе всех этих безумств больше логики, чем можно было бы подумать. Та же причина, которая делает необходимым страдание человечества, делает необходимой горечь морской воды; дайте целостное развитие инстинктам, и вы больше не сможете признавать существование диких зверей; наделите человека способностью удовлетворять свои аппетиты как совокупностью всей морали, и ему все еще будет чему позавидовать урангутангам и обезьянам. Отрицать ад - значит также отрицать небеса,

поскольку, согласно самой возвышенной интерпретации Великой Герметической догмы, ад является уравнивающей причиной небес, поскольку гармония возникает из аналогии противоположностей. *Quod superius, sicut quod inferius*. Превосходство предполагает неполноценность; глубина определяет высоту, и заполнить долины - значит стереть горы; точно так же убрать тени означало бы уничтожить свет, поскольку он виден только по постепенному контрасту темноты и дня; всеобщая темнота была бы вызвана всепоглощающим блеском. Само существование цветов в свете обусловлено присутствием тени; это тройственный союз дня и ночи, сияющий образ догмы, свет, ставший тенью, поскольку Спаситель - это Слово, ставшее человеком. Все это основывается на одном и том же законе, который является первым законом творения, единственным абсолютным законом Природы, заключающимся в различии и гармоничном уравнивании противоположных сил во всеобщем равновесии.

ОБЩИЙ ПЛАН КАББАЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

То, что возмутило общественное сознание, - это не догма об аде, а ее опрометчивая интерпретация. Эти варварские мечты средневековья, эти зверские и непристойные пытки, изваянные на портиках церквей, этот печально известный котел для приготовления человеческого мяса, которое живет вечно, чтобы оно могло вечно страдать, в то время как избранные наслаждаются дымом, — все это абсурдно и нечестиво; но ничто из этого не относится к священному учению Церкви. Жестокость, приписываемая Богу, представляет собой самое страшное из богохульств, и именно по этой причине зло навсегда непоправимо, в то время как воля человека отвергает божественную доброту. Бог подвергает мукам осуждения тех, кто проклят, только тогда, когда Он вызывает смерть самоубийцы. “Трудись, чтобы обладать, и ты будешь счастлив” — так говорит Высшая Справедливость человеку. — “Я бы обладал и наслаждался без труда”. — “Тогда ты станешь грабителем и будешь страдать”. — “Я взбунтуюсь”. — “Ты будешь сломлен и будешь страдать дальше”. — “Я буду бунтовать вечно”. — “Тогда ты будешь страдать вечно”. Таково решение Абсолютного Разума и Суверенной Справедливости: что может ответить на это человеческая гордыня и безумие?

У религии нет большего врага, чем необузданный мистицизм, который ошибочно принимает свои лихорадочные видения за божественные откровения. Империю дьявола создали не теологи, а лжепоклонники и колдуны. Вера в видение мозга, а не в авторитет общественного разума или благочестия, всегда была началом ереси в религии и безумия в порядке человеческой философии; дурак не был бы дураком, если бы верил в разум других. Видения никогда не стремились к бунтующему благочестию, а химеры - к разуму, который отлучает и изгоняет сам себя. С этой точки зрения магнетизм, несомненно, таит в себе свои опасности, поскольку состояние, которое он вызывает, приводит к галлюцинации так же легко, как и к ясной интуиции. В этой главе мы имеем дело, с одной стороны, с мистическими магнетизерами, с другой - с материалистическими магнетизерами, и мы хотели бы предостеречь их от имени науки относительно рисков, которым они подвергаются. Гадания, магнетические переживания и вызывания принадлежат к одному и тому же порядку явлений, поскольку ими нельзя злоупотреблять без опасности для разума и жизни.

Примерно тридцать или сорок лет назад хормейстер Собора Парижской Богоматери, который, в остальном, был чрезвычайно набожным и уважаемым человеком, увлекся месмеризмом и отдался его переживаниям; он также посвятил больше времени, чем было разумно, изучению мистиков, и прежде всего головокружительного Сведенборга. Наступало умственное истощение, и, поскольку оно сопровождалось бессонницей, он обычно вставал и продолжал свои занятия; если это не успокаивало беспокойный ум, он брал ключ от церкви, входил в нее через *Красные ворота*, направлялся на хоры, которые освещались только слабой лампадой Главного алтаря, укрывался в своей кабинке и оставался там до утра, погруженный в молитвы и глубокое раздумье.

Наступила ночь, когда вечное проклятие стало предметом его размышлений в связи с угрожающей доктриной о малочисленности избранных. Он был не в состоянии примирить такое строгое исключение большинства с бесконечной благостью того Бога, Который, согласно Священному Писанию, желает спасения всех и достижения ими истины. Он думал также о тех огненных муках, которым самый жестокий из земных тиранов не стал бы, если бы это было возможно, подвергать своего злейшего врага всего один день. Сомнение проникло в его сердце

всеми своими путями, и он прибегнул к примиряющим объяснениям теологии. Церковь не дает определения адскому огню; согласно Евангелию, он вечен, но нигде не написано, что большому числу людей суждено страдать вечно. Многие из осужденных могут претерпеть только лишение Бога; прежде всего, церковь категорически запрещает предполагать индивидуальное проклятие. Язычники могут быть спасены крещением по желанию, закоренелые грешники - внезапным и совершенным раскаянием, и, в конце концов, мы должны надеяться за всех, поскольку мы также должны молиться за всех, кроме одного, о котором Спаситель сказал, что для него было бы лучше, если бы этот человек никогда не родился.

Последняя мысль заставила хормейстера замолчать, и внезапно до него дошло, что таким образом один-единственный человек официально нес бремя осуждения на протяжении веков, что Иуда Искарот, о котором идет речь в процитированном отрывке Священного Писания, после того, как раскаялся в своем преступлении и умер из-за него, стал козлом отпущения человечества, Атласом ада, Прометеем вечных мук. И все же это был тот, кого Спаситель на пороге смерти назвал своим другом. Глаза хормейстера наполнились слезами, искупление казалось бесполезным, если оно не смогло спасти Иуду. “Ради него и только ради него, ” воскликнул он в своем восторге, “ я умер бы во второй раз, если бы был Спасителем. Но разве Иисус Христос не в тысячу раз лучше Меня, и что же тогда Он должен делать на небесах, если я оплакиваю на земле Его несчастного апостола?... То, что Он делает, ” добавил священник, и его экзальтация возросла, - это жалеет меня и утешает; я чувствую это. Он говорит моему сердцу, что евангельский пария спасен и что он станет, благодаря долгому проклятию, которое все еще тяготеет над его памятью, искупителем всех парий.... Теперь, если это так, миру должно быть провозглашено новое Евангелие, и это будет Евангелие бесконечного, вселенского милосердия — во имя возрожденного Иуды.... Но я сбился с пути, я еретик, нечестивец... и все же нет, ибо я искренен”. Затем, горячо сжав руки, хормейстер добавил: “Боже мой, ниспошли мне то, в чем Ты не отказывал вере в древности и от чего не отказываешься сейчас, — чудо, чтобы убедить и успокоить меня, чудо как свидетельство новой миссии”.

Затем энтузиаст поднялся и в той ночной тишине, которая так грозна у подножия алтарей, на просторах безмолвной и мрачной церкви, он произнес следующее заклинание громким голосом, но медленно и торжественно: “Ты, кто был проклят восемнадцать столетий, ты, по ком я оплакиваю, ибо ты, кажется, взял ад исключительно для себя, чтобы небеса были оставлены для нас; ты, несчастный Иуда, если это правда, что кровь твоего Учителя очистила тебя, так что ты действительно спасен, приди и возложи на меня свои руки”. возложи на меня руки твои для священства милосердия и любви”.

Пока эхо этих слов еще отдавалось под испуганными сводами, хормейстер встал, пересек клирос и преклонил колени под лампадой перед Высоким Алтарем. Он рассказывает нам, поскольку этот рассказ передан им самим, что он положительно и действительно почувствовал, как две теплые и живые руки легли ему на голову, как епископы возлагают их в день рукоположения. Он не спал и не был в обмороке, и он почувствовал их; это был настоящий контакт, который длился несколько минут. Он был уверен, что Бог услышал его, что было совершено чудо, возложены новые обязанности и что для него началась новая жизнь; с завтрашнего дня он должен быть новым человеком. Но на следующий день несчастный хормейстер сошел с ума.

Мечта о рае без ада, мечта о Фаусте принесла неисчислимые жертвы в этот несчастный век сомнений и эгоизма, который преуспел только сам по себе в реализации ада без рая. Сам Бог перестал иметь какое-либо значение в системе, где все дозволено, где все считается благом. Людям, достигшим той точки, когда они больше не боятся Верховного Судьи, легко обходиться без этого Бога простого народа, который на самом деле меньше Бог, чем сами простые люди. Глупцы, которые превозносят себя победителями дьявола, в конце концов делают себя богами. Наш век выше всех этих псевдобожественных ряженных, и мы знали их всех сортов. Бог Ганноу, добрая и слишком поэтичная натура, который отдал бы свою рубашку бедным, который восстановил в правах воров, который восхищался Ласенером и который и мухи бы не обидел; бог Шено, торговец пуговицами на улице Круа-де-Пти-Шан, такой же провидец, как Сведенборг, и записывающий свои вдохновения в стиле Жанно;[\[350\]](#) бог Туррей, превосходный персонаж, обожествивший женщину и решивший, что Адам произошел от Евы; бог Огюст Конт, который сохранил католическую религию в неприкосновенности, за двумя единственными исключениями, являющимися существованием Бога и бессмертием души; бог Вронский, он настоящий ученый, который имел славу и счастье заново открыть первые теоремы Каббалы, и который, продав их послание за 150 000 франков богатому слабоумному по имени Арсон, засвидетельствовал в одной из своих самых серьезных работ, что упомянутый Арсон, отказавшись заплатить ему сполна, фактически и буквально стал зверем *Апокалипсиса*. С целью принудительной оплаты Вронский опубликовал брошюру, озаглавленную *"Да или нет", то есть "покупали ли вы у меня за 150 000 франков мое открытие абсолюта", "да или нет", "да или нет"?*

Чтобы нас не обвинили в несправедливости по отношению к тому, чьи работы оказались полезными для нас и чей панегирик был произнесен в наших предыдущих публикациях, мы приведем дословно отрывок из *"Реформы философии"* Вронского, стр. 512, который привлекает внимание равнодушной вселенной к вышеупомянутой брошюре. Он также предложит любопытный образец стиля, принятого этим торговцем в Абсолюте.

“Этот факт открытия Абсолюта, против которого, по-видимому, так сильно восстают люди, уже был неоспоримо установлен посредством большого скандала, вызванного знаменитым *"Да" или "Нет"*, не менее решающим из-за блестящей победы истины, которая последовала за этим, чем примечательным из-за внезапного проявления символического существа, предвосхищенного в *Апокалипсисе*, монстра творения, который носит на своем челе имя "Тайна" и который в этом случае, опасаясь быть смертельно раненным, больше не может скрывать свои отвратительные искажения во тьме, но выходит через посредством газет и других средств рекламы открыто разоблачать его адскую ярость и высоту его самозванства и т. Д."

Приятно знать, что этот злополучный поджог, в котором здесь обвиняется иерофант, уже обошелся ему в сорок или пятьдесят тысяч франков. Вслед за Вронским мы обрели тот Абсолют, который он так дорого продал, и мы безвозмездно отдали его нашим читателям, ибо истина принадлежит миру, и никто не имеет права присваивать ее или превращать в товар. Пусть этот единственный акт справедливости искупит ошибку человека, который погиб в состоянии, близком к нужде, после того, как так усердно трудился, хотя на самом деле не ради науки, а ради обогащения себя посредством знаний, которые он, возможно, был недостоин понимать или обладать.[\[351\]](#)

ГЛАВА II

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Под фанатизмом всех сект неизменно скрывается корень честолюбия или алчности. Сам Иисус Христос часто и сурово выговаривал тем из Своих учеников, которые прилепились к Нему в дни Его лишений и изгнания в Его собственной земле в надежде, что они придут в царство, где займут места сильных мира сего. Чем более вопиющими являются ожидания, тем больше они будоражат воображение некоторых людей; и тогда люди готовы платить за счастье надежды всем своим кошельком и даже всей своей личностью. Именно так бог Вронский погубил тех слабоумных, которым он обещал Абсолют; именно так бог Огюст Конт получил ежегодное пособие в 6000 франков за счет своих последователей, среди которых он заранее раздал фантастические почести, чтобы они стали осуществимыми, когда его доктрина завоеует мир. Именно таким образом некоторые медиумы вытягивают деньги из бесчисленных обманутых, обещая им сокровища, которые духи всегда забирают с собой. Некоторые из этих самозванцев действительно верят в свои обещания, и именно они самые неутомимые и смелые в своих интригах. Деньги, чудеса, пророчества - ничто из этого не подводит их, потому что их воля и действие - это тот абсолют, который действительно творит чудеса, так что они волшебники, сами того не подозревая.

С этой точки зрения секта, которую можно назвать Спасителями Людовика XVII, принадлежит к истории Магии. Мания этих людей настолько заразительна, что вовлекает в круг их убеждений даже тех, кто выступил против них. Они добывают самые важные и редкие документы, собирают самые исключительные свидетельства, пробуждают забытые воспоминания, командуют армией грез, обеспечивают явление ангелов Мартину, крови Розе Тамиссье, ангела в лохмотьях Эжену Винтрасу. Последняя история любопытна из-за своих экстраординарных последствий, и поэтому мы перескажем ее.

В 1839 году Спасители Людовика XVII, наполнившие альманахи пророчествами на 1840 год, казалось, предполагали, что если бы весь мир можно было заставить ожидать революции, то эта революция непременно свершилась бы; но, не имея больше своего пророка Мартина, они взялись за обеспечение другого. Некоторые из их самых рьяных агентов находились тогда в Нормандии, герцогом которой якобы был Людовик XVII. Они обратили внимание на набожного работника с возбудимым, но слабым мозгом и придумали следующее устройство. Они составили письмо, адресованное принцу, то есть претенденту, наполнили его решительными обещаниями относительно грядущего правления в сочетании с мистическими выражениями, рассчитанными на то, чтобы повлиять на слабоумного человека, а затем устроили так, что оно попало в руки крестьянина, о котором идет речь, по имени Эжен Винтрас, при обстоятельствах, о которых он может говорить сам.

“6 августа 1839 года.

“Около девяти часов я был занят письмом, когда раздался стук в дверь комнаты, в которой я сидел, и, предположив, что это рабочий, пришедший по делу, я сказал довольно резко:

‘Войдите’. К моему большому удивлению, вместо ожидаемого рабочего я увидел старика в лохмотьях. Я просто спросил, чего он хочет. Он ответил с большим спокойствием: "Не беспокойтесь, Пьер Мишель". Так вот, эти имена никогда не используются при обращении ко мне, потому что яезде известен как Эжен, и даже при подписании документов я не называю себя по имени. Я почувствовал определенное волнение при ответе старика, и оно усилилось, когда он сказал: ‘Я очень устал, и где бы я ни появился, они относятся ко мне с презрением или как к вору’. Эти слова сильно встревожили меня, хотя и были произнесены печальным и даже горестным тоном. Я встал и вложил ему в руку монету в десять су, сказав: ‘Я не принимаю тебя за это, мой дорогой’, - и, говоря это, дал ему понять, что хочу проводить его. Он молча принял это, но с болезненным видом повернулся спиной. Не успел он ступить на последнюю ступеньку, как я захлопнула дверь и заперла ее. Я не слышал, как он спустился вниз, поэтому позвал рабочего и сказал ему подняться в мою комнату. Под каким-то деловым предлогом я хотел, чтобы он вместе со мной обыскал все возможные места, где мог спрятаться мой старик, которого я не видел выходящим. Соответственно пришел рабочий. Я вышел из комнаты в его сопровождении, снова заперев дверь. Я обыскал все закоулки, но ничего не увидел.

“Я уже собирался войти на фабрику, когда внезапно услышал звонок, призывающий к мессе, и обрадовался, что, несмотря на беспорядки, могу присутствовать на священной церемонии. Я побежал обратно в свою комнату за молитвенником и на столе, где я писал, нашел письмо, адресованное мадам де Женерес в Лондон; оно было написано и подписано месье Полем де Монфлери из Кана и содержало опровержение ереси вместе с исповеданием ортодоксальной веры. Несмотря на адрес, это письмо было предназначено для того, чтобы донести до герцога Нормандского самые важные истины нашей святой католической, апостольской и римской религии. На документе лежала монета в десять су, которую я дал старику.

В другом сообщении Пьер Мишель признает, что лицо его посетителя не было ему незнакомо, но что его охватил странный страх от его внезапного появления, что он запер дверь на засов, когда выходил, и долго прислушивался, надеясь услышать, как тот спускается вниз. Поскольку Винтрас ничего не слышал, нет никаких сомнений, что нищенствующий снял обувь, чтобы спуститься бесшумно. Винтрас подбежал к окну, но не видел, как он уходил, объяснив это тем, что он сделал это некоторое время назад. Наш свидетель, в конце концов, расстроен, зовет на помощь, ищет повсюду и, наконец, натывается на письмо, которое он должен был прочитать, но для него это, очевидно, письмо, упавшее с небес. Взгляните на Винтраса, отныне преданного Людовику XVII, взгляните на него также как на провидца до конца своих дней, поскольку отныне призрак старого нищего никогда не покидает его. Затем, увидев, что он обратился к Винтрасу как к Пьеру Мишелю, последний считает его архангелом Михаилом по ассоциации идей, аналогичной ассоциации сновидений.^[352] Обманутые сторонники Людовика XVII благодаря второму зрению маньяков угадали подходящий момент для того, чтобы произвести впечатление на слабоумного Винтраса, чтобы одним переживанием сделать его одновременно *просветителем* и *пророком*.

Секта Людовика XVII состоит в основном из лиц, состоящих на службе у законной королевской семьи, и когда Винтрас стал их медиумом, он был верным зеркалом их воображения, наполненного романскими воспоминаниями и устаревшим мистицизмом. В видениях нового пророка повсюду были лилии, пропитанные кровью,^[353] ангелы в рыцарских одеяниях, святые, переодетые трубадурами. После этого появились хосты, прикрепленные на синем шелке. У Винтраса был кровавый пот, его кровь проступила на носилках, где были изображены сердечки

с надписями почерком и правописанием Винтра; пустые чаши внезапно наполнились вином, и там, куда пролилось вино, остались пятна, похожие на пятна крови. Посвященные верили, что слышат восхитительную музыку и вдыхают неизвестные ароматы; священники, приглашенные стать свидетелями чудес, были увлечены потоком энтузиазма. Один из них, из Турской епархии, старый и почтенный священнослужитель, оставил свое лечение, чтобы последовать за пророком.[354] Мы лично видели этого священника; он рассказывал о чудесах Винтраса с совершенной убедительностью; он самым необъяснимым образом показывал нам тела, обогренные кровью; он передал нам копии официальных протоколов, подписанные более чем пятьюдесятью свидетелями, всеми уважаемыми людьми, занимающими высокое положение в мире — художниками, врачами, юристами, шевалье де Разаком и другими известными людьми. Герцогиня д'Армайе. Врачи проанализировали алую жидкость, которая вытекала из носилок, и подтвердили, что это была человеческая кровь; сами враги Винтраса, а у него есть жестокие враги, не оспаривают чудеса, но приписывают их дьяволу. “Итак, ” сказал аббат Шавоз, священник из Турени, о котором мы упоминали, - можете ли вы смириться с мыслью о том, что демон подделывает кровь Иисуса Христа на воинствах, которые были регулярно освящены?” Аббат Чавос - настоящий священник, и знаки, о которых идет речь, появились в освященных им сонмах. Несмотря на это, секта Винтрас анархична и абсурдна, и поэтому Бог не стал бы творить чудеса в ее пользу. Остается естественное объяснение таких явлений, и в ходе настоящей работы на него было указано достаточно, чтобы сделать дальнейшую разработку излишней.

У Винтраса, которого его сторонники представляют как нового Христа, тоже были свои искариоты; два члена секты, некий Гоццоли и другой по имени Александр Жоффруа, опубликовали самые скандальные разоблачения против него.[355] По их словам, приверженцы Тилли-сюр-Сель, где они проживали, были преданы самым непристойным обычаям; они служили в своей частной часовне, которую они называли верхней палатой, святотатственные мессы, на которых священнослужители избранник оказывал помощь в состоянии полной наготы. В какой-то момент все присутствующие впали в пароксизм и со слезами и криками “Люблю, люблю” бросились друг другу в объятия; остальное нам, возможно, будет позволено умолчать. Это было похоже на оргии древних гностиков, но без принятия мер предосторожности даже для того, чтобы погасить свет. Александр Жоффруа свидетельствует, что Винтрас посвятил его в своего рода молитву, которая заключалась в чудовищном поступке Онана, совершенном у подножия алтаря, но здесь обвинитель слишком одиозен, чтобы верить ему на слово. Аббат Чавоз, которому мы упомянули об этих печально известных обвинениях, объяснил, что они должны быть объяснены ненавистью двух мужчин, которые были исключены из ассоциации за то, что сами были виновны в действиях, которые они приписывали Винтрасу. Как бы то ни было, моральные расстройства естественным образом порождают расстройства физического характера, а ненормальное возбуждение нервной системы почти неизменно приводит к эксцентричным нарушениям морали: следовательно, если Винтрас невиновен, он мог быть и все еще может быть виновен. Его секта была официально осуждена Григорием XVI в его записке, датированной 8 ноября 1843 года.

Мы приводим образец стиля, который этот *иллюминат* перенял; он человек без образования, и его напыщенные сочинения изобилуют грамматическими ошибками.

“Спите, спите, вы, ленивые смертные; отдыхайте и по-прежнему отдыхайте на своих мягких ложах; улыбайтесь своим мечтам о празднествах и величии. Ангел завета сошел на ваши горы; он начертал свое имя даже на чашечках ваших цветов; кольца на его стопах коснулись рек,

которые являются вашей гордостью и надеждой; дубы ваших лесов позаимствовали оттенок нового утра из сияния его чела; море ответило на его взгляд страстным прыжком. Она предстала перед ним; падите ниц на землю и не пугайтесь непрерывных звуков, доносящихся из могил внизу. Спите, и продолжайте спать. Он выгравировал свое имя на высоких холмах; он призывает время ускорить свой корабль, и я видел, как старейший из старейших улыбается ему. Итак, спи и усни; Илия на Западе устанавливает крест у ворот храма; он запечатывает его огнем и сталью кинжала”.

Все тот же храм, все тот же огонь и кинжал. Несомненно, странно, как глупцы отражают друг друга; все фанатизмы переплетаются с их вдохновением, и пророк Людовика XVII является здесь отголоском мстительного крика тамплиеров.

Это правда, что Винтрас не считает себя ответственным за то, что он пишет; вот как он говорит на эту тему. “Если бы мой разум что-то значил в этих осужденных работах, я бы склонил голову, и страх овладел бы моей душой. Но эта работа - не моя работа, и у меня не было в ней согласия ни из-за исследований, ни из-за желания. Покой во мне; мое ложе не знает бдений; вахты не утомляли мои глаза; мой сон чист, как тогда, когда Бог впервые даровал его; Я могу сказать моему Богу со свободным сердцем: *Храни меня и спасай меня: не убивай, не оставляй меня в покое*”.

Другой известный реформатор, тот, кто выдавал себя за Мессию тюрем и эшафота, а именно Ласенер, с которым мы, конечно, не стремимся сравнивать Винтраса, написал в своей тюрьме следующее: “Как целомудренная и непорочная девственница, я просыпаюсь и засыпаю, всегда в мечтах о любви. Кто научит меня, что такое раскаяние?” Таким образом, аргумент Винтраса, направленный на легализацию его вдохновения, не является убедительным, поскольку он также служил Ласенеру для оправдания и даже узаконивания не только мечтаний, но и преступлений.

Осужденная папой, секта Тилли-сюр-Сель, в свою очередь, осудила папу, и Винтрас по своему личному распоряжению провозгласил себя суверенным понтификом. Ему была открыта форма его священнического облачения; он носит золотую диадему с индийским лингамом на лбу; он облачен в пурпурную мантию и держит магический скипетр, оканчивающийся рукой, пальцы которой сомкнуты, за исключением большого и мизинцевого пальцев, посвященных Венере и Меркурию, что символизирует античного гермафродита, эмблему древних церемониальных оргий и непристойных представлений Шаббата. Точно так же воспоминания и отражения Черной Магии, передаваемые Астральным Светом, связывают мистерии Индии и нечестивое поклонение Бафомету с экстазами этого заразного существа, лазарет которого находится в Лондоне и которое продолжает привлекать там прозелитов и жертв.^[356]

Возвышение несчастного пророка никоим образом не освобождает от ужасов и угрызений совести, что бы он ни утверждал обратного, и время от времени у него вырываются скорбные признания. Примером может служить письмо, написанное одному из его самых близких друзей. “Я всегда ожидаю новых мучений. Завтра придет семья Верджер, и я увижу на их лицах чистоту их души, проявляющуюся в их душевной радости. Это напомнит о моем прошлом счастье; будут упомянуты имена, которые я сам произносил с любовью в недалекие дни. То, что доставит удовольствие другим, принесет мне новые муки. Я буду сидеть за столом, и пока мое сердце будет пронзено мечом, я должен буду улыбаться. О, если бы, возможно, те ужасные слова,

которые я слышал, не были вечными, я все еще мог бы принять свои жестокие муки. Прости, самый дорогой, я не могу жить, не любя Бога. Послушайте, если ваше человеческое милосердие позволяет вам, как слугителю Бога живого; я не протестую; тот, кого ваш Учитель извергнул из своих уст, должен быть вами предан анафеме: В ночь на понедельник, 17 или 18 мая, ужасный сон нанес смертельный удар как душе, так и телу. Я был в Сент-Пэ, и в доме никого не было, хотя двери были открыты. Я поспешно поднялся в святую часовню и уже собирался открыть дверь, когда увидел на ней огненные знаки: 'Не смей входить в это место, ты, кого я извергнул из своих уст'.... Я не мог отступить; я упал, побежденный, на первом же шаге; и вы можете судить о моем ужасе, когда я увидел со всех сторон огромную и глубокую пропасть, в которой обитали отвратительные чудовища, приветствовавшие меня как своего брата. В тот момент мне пришла в голову мысль, что святой архангел тоже однажды назвал меня своим братом. Какая разница. Его приветствие заставило мою душу подпрыгнуть от сильнейшей радости; а от их приветствия я забился в конвульсиях, подобных тем, которые они испытали благодаря силе, которой Бог наделил мой крест благодати при их появлении 28 апреля прошлого года.

“Я пытался зацепиться за что-нибудь, чтобы не упасть в бездонную пропасть. Я обратился к Матери Божьей, божественной Марии, и призвал ее помочь мне. Она была глуха к моему голосу. Все это время я продолжал корчиться, оставляя полосы кожи на неровностях, окаймлявших эту ужасную пропасть. Внезапно из глубины, куда я собирался упасть, ко мне поднялись огненные вихри. Я услышал крики неистовой радости и больше не мог молиться, когда голос, более ужасающий, чем долгие раскаты грома в яростную бурю, наполнил мои уши, произнося эти слова: ‘Ты думаешь победить меня, но побежден ты. Я научил тебя быть скромным, как я. Приди, вкуси моей сладости; будь причислен к числу моих избранных и научись также познавать небесного тирана; присоединяйся к нам в произнесении богохульств и проклятий в его адрес; все остальное бесполезно, насколько это касается тебя’. Затем, после взрывов смеха, голос добавил: "Узри Марию, ту, кого ты назвал своим щитом против нас; узри ее милостивую улыбку и послушай ее нежный голос".

“Дорогой друг, я увидел ее над бездной; ее небесно-голубые глаза наполнились огнем, алые губы стали фиолетовыми, ее мягкий и божественный голос стал жестким и ужасным, и подобно молнии она бросила в меня эти слова: "Корчись, гордый, в тех огненных областях, где обитают демоны".

“Вся моя кровь прилила к сердцу; казалось, пробил час, когда земной ад должен был сменить ад вечный; я все еще мог произнести несколько слов из *"Аве, Мария"*. Как прошло время, я не знал, но, вернувшись, слуга уже спал и сказал, что уже поздно. О, если бы я только открыл врагам Дела Милосердия то, что происходит внутри меня, разве они не возопили бы о победе? Они бы сказали, что это действительно свидетельство мономании. Хотел бы Бог, чтобы это было так, потому что у меня было бы меньше поводов для скорби. И все же ничего не бойся; если Бог не услышит моего голоса, когда он отстаивает мое собственное дело, я буду молить Его удвоить мои страдания при условии, что он скроет их от моих врагов ”.

Здесь торжествующая галлюцинация достигает высшей точки; Винтрас соглашается быть проклятым, при условии, что его не причислят к дуракам. Это последний инстинкт неопределимой ценности разума, переживающий сам разум. Пьяный человек боится только того, что его сочтут пьяным; страдающий манией скорее выбирает смерть, чем признается в своем бреде.

Объяснение состоит в том, что, согласно прекрасному предложению Себеса, которое уже цитировалось, есть только одно благо, желанное для человека; это та мудрость, которая является практикой разума; есть также единственное истинное и высшее несчастье, которого следует бояться, - безумие.

ГЛАВА III

МЕСМЕРИСТЫ И СОМНАМБУЛЫ

Церковь в своей великой мудрости запрещает нам обращаться к оракулам и нарушать нескромным любопытством тайны будущего. В наши дни к голосу Церкви больше не прислушиваются; люди возвращаются к прорицателям и прорицательницам; сомнамбулы стали пророками для тех, кто больше не верит в евангельские заповеди. Мы не осознаем, что озабоченность предсказанным событием в некотором смысле подавляет нашу свободу и парализует наши средства защиты; обращаясь к Магии, чтобы предвидеть будущие события, мы всерьез полагаемся на фатальность. Сомнамбулы - это сивиллы нашей эпохи, как сивиллы были сомнамбулами древности; счастливы те вопрошающие, которые не ставят свою доверчивость на службу безнравственным или бессмысленным магнетистам, ибо самим фактом своих дружеских консультаций они приобщают себя к безнравственности или безумию тех, кто вдохновляет оракула; дело месмериста легко, а его уловки разнообразны. Поэтому среди тех, кто предан магнетизму, важно знать, кто настроен серьезно.

Среди них мсье ле барон Дю Поте должен быть поставлен в первый ряд, и его добросовестная работа уже многое сделала для продвижения науки Месмера. Он открыл в Париже практическую школу магнетизма, в которую допущена публика для обучения процессам и проверки полученных феноменов.

Барон Дю Поте обладает исключительной и в высшей степени интуитивной натурой. Как и все наши современники, включая наиболее просвещенных, он ничего не знает о Каббале и ее тайнах, но, несмотря на это, магнетизм открыл ему науку Магии, и поскольку в его глазах все еще читается страх, он скрыл то, что обнаружил, даже чувствуя необходимость раскрыть это. Книга, которую он написал на эту тему, продается только его адептам, и то под грифом абсолютной секретности.^[357] Мы не вступали в какие-либо отношения с господином Дю Потэ, но мы сохраним его тайну из уважения к убеждениям иерофанта. Достаточно сказать, что его работа является самым замечательным из всех произведений чистой интуиции. Мы не считаем ее опасной, потому что автор указывает на силы, не будучи точным в их использовании. Он осознает, что мы можем творить добро или зло, можем разрушать или спасать с помощью магнетических процессов, но природа этого не раскрывается ясно и практически, в связи с чем мы приносим ему наши поздравления, ибо право на жизнь и смерть предполагает божественный суверенитет, и мы должны считать его обладателя недостойным, если он согласится продать его — каким бы способом это ни было.

Г-н Дю Поте торжествующе утверждает существование того универсального света, посредством которого просветленные воспринимают все образы и все отражения мысли. Он помогает жизненной проекции этого света с помощью поглощающего устройства, которое он называет

Волшебным Зеркалом; это просто круг или квадрат, покрытый толченым древесным углем, мелко просеянным. В этом негативном пространстве объединенный свет, проецируемый магнетическим субъектом и оператором, вскоре окрашивает и реализует формы, соответствующие их нервным впечатлениям. Сомнамбулист видит проявленными в нем все сны об опиуме и гашише, и если бы он не отвлекался от зрелища, за этим последовали бы конвульсии.

Эти явления аналогичны явлениям гидромантии, которые практиковал Калиостро; процесс созерцания воды ослепляет и мешает зрению; усталость глаз, в свою очередь, способствует галлюцинациям мозга. Калиостро стремился обеспечить для своих экспериментов девственных испытуемых в состоянии совершенной невинности, чтобы исключить вмешательство из-за нервных расстройств, вызванных эротическими воспоминаниями. Волшебное зеркало Дю Потэ, возможно, более утомительно для нервной системы в целом, но ослепление гидромантией оказало бы более опасное воздействие на мозг.[358]

Г-н Дю Потэ - один из тех глубоко убежденных людей, которые мужественно переносят презрение науки и предвзятое мнение, повторяя себе под нос исповедание тайной веры, которую лелеял Галилей: *"За любовь"*. Совсем недавно было обнаружено, что столы вращаются так же, как вращается сама земля, и что намагничивание человека придает портативным предметам, созданным под влиянием медиумов, особое вращательное движение. Предметы необычайного веса могут быть подняты и перенесены через пространство с помощью этой силы, ибо вес существует только по причине равновесия между двумя силами Астрального Света. Увеличьте действие одного из них, и другой немедленно уступит место. Теперь, если нервный аппарат втягивает и изгоняет этот свет, делая его положительным или отрицательным в зависимости от личного сверхвозбуждения субъекта, все инертные тела, подверженные его действию и пропитанные его жизнью, станут легче или тяжелее в соответствии с притоком и отторжением света, который - в новом равновесии своего движения — притягивает пористые тела и непроводники к живому центру, подобно тому, как планеты в космосе притягиваются, уравниваются и тяготеют вокруг своего солнца.

Эта эксцентрическая способность притяжения или проекции предполагает неизменно болезненное состояние человека, который является ее объектом; все медиумы - эксцентричные и плохо уравновешенные существа; медиомания предполагает или вызывает последовательность других нервных маний, фиксированных представлений, неупорядоченных appetitов, беспорядочной эротомании, склонности к убийству или самоубийству. Среди людей, затронутых таким образом, моральной ответственности, по-видимому, больше не существует; они творят зло, руководствуясь добрыми мотивами; они проливают слезы умиления в церкви и могут быть удивлены вакханальными оргиями. У них есть способ объяснить все — дьяволом или духами, которые одержимы и уносят их прочь. Чего бы вы от них хотели? Они больше не живут сами по себе; какое-то таинственное существо оживляет их и действует вместо них; это существо называется "Легион".

Постоянные усилия здорового человека развить медиумические способности вызывают усталость, болезни и могут даже привести к нарушению рассудка. Именно это случилось с Виктором Хеннекеном, бывшим редактором *"Пацифистской демократии"*, а после 1848 года - членом Национального собрания. Он был молодым адвокатом, обладавшим обильным потоком

красноречия, не имевшим ни образования, ни таланта, но он был увлечен грезами Фурье. Будучи изгнан вследствие событий 2 декабря, он занялся переворачиванием столов во время своего вынужденного бездействия; он слишком рано стал жертвой медиомании и возомнил себя инструментом для раскрытия души земли. Он опубликовал книгу под названием *"Спасите род человеческий"*; это была смесь социалистических и христианских реминисценций; в ней мерцал последний проблеск разума; но переживания продолжались, и безумие восторжествовало. В заключительном произведении, из которых был выпущен только один том, Виктор Хеннекен представляет Бога в образе огромного полипа, расположенного в центре земли, с антеннами и рогами, обращенными внутрь, как усики, по всему его мозгу, а также по мозгу его жены Октавии. Вскоре после этого стало известно, что Виктор Хеннекен скончался от последствий маниакального пароксизма в сумасшедшем доме. [359]

Мы также слышали об одной даме, принадлежащей к аристократии, которая предалась общению с мнимыми духами за столами и которая, безмерно возмущенная неподходящими ответами своего конкретного предмета мебели, предприняла путешествие в Рим, чтобы представить еретический предмет на кафедру Святого Петра. Она носила его с собой и устроила *аутодафе* в столице христианского мира. Лучше сжечь ее мебель, чем навлекать на себя безумие, и, по правде говоря, это было неминуемой опасностью для леди, о которой идет речь. Давайте не будем смеяться над этим эпизодом, ибо мы — дети разумного века, в котором люди, считающиеся серьезными, вроде графа де Мирвиля, приписывают дьяволу необъяснимые явления Природы.

В драме, хорошо известной на бульварах, часто можно услышать о фокуснике, который, нуждаясь в грозных помощниках, создал автомат, представляющий собой чудовище с лапами льва, бычьими рогами и чешуей левиафана. Этому гибричному сфинксу он дал жизнь, но тотчас же обратился в бегство, придя в ужас от дела своих рук. Чудовище пустилось в погоню, оказалось между ним и его нареченной, подожгло его дом, сожгло его отца, унесло его сына и, продолжая погоню до моря, последовало за ним на борт корабля, который по его вине затонул, но в конце концов покончило с собой среди раскатов грома. Это ужасное зрелище, ставшее видимым благодаря страху, было реализовано в истории человечества; поэзия олицетворяла призрак зла и наделяла его всеми силами Природы. Оно стремилось заручиться поддержкой химеры в вопросах морали, а затем ушло в страхе перед уродством, порожденным его собственными мечтами. С этого времени чудовище преследует нас на протяжении веков; оно строит гримасы между нами и объектами нашей любви; нечистый кошмар, он душит наших детей во сне; оно проносит сквозь творение, этот отчий дом человечества, неугасимый факел ада; оно вечно сжигает и мучает наших родителей; оно расправляет черные крылья, чтобы скрыть небеса от наших глаз; оно кричит нам: "Больше не надейся". Оно взбирается на круп и скачет за нами, как раскаяние; оно погружает в океан отчаяния последнюю скалу наших надежд; это древнеперсидский Ариман, египетский Тифон, мрачный бог, исповедуемый еретиками Манеса, графом де Мирвиллем и Черной Магией дьявола; это ужас мира и идол плохих христиан. Люди пытались смеяться над этим и боялись; они рисовали на это карикатуры, а потом трепетали, потому что карикатуры, казалось, отнимали жизнь и насмехались над теми, кто их создал. Несмотря на все это, его царствование закончилось, хотя оно и не погибнет, пораженное ударом молнии с небес; наука победила молнию и превратила ее в факелы; чудовище растворится перед сиянием науки и истины; гений невежества и тьмы может быть уничтожен только светом.

ГЛАВА IV

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СТОРОНА МАГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Прошло двадцать лет с тех пор, как Альфонс Эскирос,[360] один из друзей нашего детства, опубликовал произведение высокого фэнтези под названием "*Волшебник*". Все, что романтизм того периода считал самым причудливым, было воплощено в этой истории; автор подарил своему магу сераль с умершими дамами, забальзамированными в соответствии с процессом, который впоследствии был открыт Ганналом. Среди персонажей были бронзовый автомат, проповедовавший целомудрие, гермафродит, влюбленный в Луну и ведший регулярную переписку с этим спутником: были и другие замечательные вещи, о которых в наши дни принято забывать. Можно сказать, что Альфонс Эскирос, опубликовав этот роман, основал школу фантазеров в Магии, самым выдающимся представителем которой в настоящее время является молодой и интересный Анри Делаж, который является продуктивным писателем, непризнанным чародеем и одаренным чаровником. Его стиль не менее удивителен, чем идеи Альфонса Эскироса, его инициатора и мастера. Так, в своей книге "О тех, кто воскрес из мертвых" он следующим образом замечает по поводу некоторых возражений против христианства: "Я беру это возражение за горло, и, когда я ослаблю хватку, земля глухо содрогнется под тяжестью его задушенного трупа". Это правда, что его ответ на возражение мало что значит; но что бы вы сделали, когда возражение было задушено и когда земля угрюмо содрогнулась под тяжестью его тела?

Мы уже говорили, что Анри Делаж - непризнанный тауматург. Фактически, он сообщил нашему знакомому, что зимой, когда был распространен грипп, ему было достаточно войти в комнату, и каждый, кто случайно находился в ней, немедленно выздоравливал. К несчастью, он сам стал жертвой чуда, потому что у него появилась легкая хрипота, которая никогда его не покидала. Многие из наших друзей заявляют, что он обладает даром вездесущности; его оставляют в офисе *La Patrie* и снова находят у его издателя Данту; человек в смятении уходит и возвращается домой, где его ждет Делаж. Он искусный заклинатель. Светская дама, читавшая одну из его книг, засвидетельствовала, что она не знала ничего лучше написанного или красивее, но не только своим произведениям Делаж придает красоту. Мы читали статью, подписанную "Фиорентино", в которой говорилось, что физическая привлекательность молодого волшебника равна или даже превосходит привлекательность ангелов. Мы встретились с Делажем и с любопытством расспросили его об этом необычном откровении. Затем Делаж засунул руку за пазуху, повернулся на три стороны и с улыбкой посмотрел на небеса; к счастью, у нас с собой был *Энхиридион* Льва III, который, как известно, защищает от чар, так что ангельская красота чаровницы была скрыта от наших глаз. Давайте со своей стороны воздадим должное Анри Делажу более серьезно, чем это делают те, кто восхищается его привлекательной внешностью; он искренен, когда говорит, что он католик, и когда громко заявляет о своей любви и уважении к религии. Теперь религия может сделать вас святым, и этот титул более почетен и славен, чем титул колдуна.[361]

Именно благодаря его званию публициста мы поставили этого молодого человека на первое место среди Магических Фантазеров, но во всех других отношениях оно принадлежит графу Д'Уршу, человеку почтенного возраста, посвятившему свою жизнь и состояние месмерическим экспериментам. Дамы в состоянии сомнамбулизма и любая мебель в его доме предаются бешеным танцам; мебель изнашивается и ломается, но говорят, что дамам становится только лучше от их вращения.

Долгое время графом Д'Ор владела навязчивая идея - страх быть похороненным заживо, и он написал ряд мемориалов о необходимости подтверждения смерти более определенным способом, чем это делается обычно. У него есть некоторое оправдание для такого страха с его собственной стороны, потому что его темперамент изобилующий, в то время как его крайняя нервная восприимчивость, постоянно перевозбуждаемая экспериментами с прекрасными сомнамбулами, может привести его к апоплексическому удару. В области магнетизма он ученик аббата Фариа, а в области некромантии он принадлежит к школе барона де Гульденштуббе. Последний опубликовал работу под названием *Практическая экспериментальная пневматология, или Реальность духов и чудесный феномен их прямого письма*. Он следующим образом описывает свое открытие: “В течение 1850 года, или примерно за три года до эпидемии стука по столу, автор пытался познакомить Францию с кругами американского спиритуализма, таинственными стуками в Рочестере и чисто автоматическим письмом медиумов. К сожалению, он столкнулся со многими препятствиями, воздвигнутыми другими месмеристами. Те, кто был привержен гипотезе магнетического флюида, и даже те, кто называл себя Духовными месмеристами, но на самом деле были низшими индукторами сомнамбулизма, относились к таинственным ударам американского спиритуализма как к визионерскому безумию. Таким образом, только спустя более шести месяцев автор смог сформировать свой первый кружок по американскому плану, и то благодаря ревностному содействию месье Рустана, бывшего члена *Общества магнитных спиритуалистов*, простого человека, который был полон энтузиазма по отношению к святому делу спиритуализма. К нам присоединился ряд других людей, среди которых был аббат Шатель,^[362] основатель Французской церкви, который, несмотря на свои рационалистические тенденции, в конце концов признал реальность объективного и сверхъестественного откровения как необходимого условия спиритуализма и всех практических религий. Оставляя в стороне моральные условия, которые в равной степени необходимы, известно, что американские круги основаны на различии положительных и электрических или отрицательных магнитных токов.

“Круги состоят из двенадцати человек, представляющих в равных пропорциях положительные и отрицательные или чувствительные элементы. Это различие не зависит от пола участников, хотя в целом женщины негативны и чувствительны, в то время как мужчины позитивны и притягательны. Прежде чем формировать круги, необходимо изучить психическое и физическое строение каждого человека, поскольку некоторые хрупкие женщины обладают мужскими качествами, в то время как некоторые сильные мужчины, с моральной точки зрения, являются женщинами. Стол ставится в чистом и проветриваемом месте; медиум сидит в одном конце и полностью изолирован; своим спокойствием и созерцательной тишиной он служит проводником электричества, и можно отметить, что хороший сомнамбулист обычно является превосходным медиумом. Шесть электрических, или негативных, предрасположенностей, которые обычно распознаются по их эмоциональным качествам и чувствительности, располагаются справа от медиума, причем самая чувствительная из всех находится рядом с ним. Тому же правилу следуют и позитивные личности, которые находятся слева от медиума,

причем самый позитивный из них находится рядом с ним. Чтобы образовать цепочку, каждый из двенадцати человек кладет свою правую руку на стол, а левую - на руку своего соседа, образуя таким образом круг вокруг стола. Обратите внимание, что медиум или медиумы, если их несколько, полностью изолированы от тех, кто образует цепочку.

“После ряда сеансов были получены определенные замечательные явления, такие как одновременный шок, испытываемый всеми присутствующими в момент ментального вызова со стороны наиболее разумных людей. То же самое происходит с таинственными стуками и другими странными звуками; у многих людей, включая наименее чувствительных, были одновременные видения, хотя они и оставались в обычном бодрствующем состоянии. Чувствительные люди приобрели этот самый удивительный дар медиумизма, а именно автоматическое письмо, как результат невидимого притяжения, которое использует неразумный инструмент человеческой руки для выражения своих идей. В остальном нечувствительные люди испытывают таинственное воздействие внешнего ветра, но это воздействие недостаточно сильно, чтобы привести в движение их конечности. Все эти феномены, полученные в соответствии с методом американского спиритуализма, имеют тот недостаток, что являются более или менее косвенными, поскольку в этих переживаниях невозможно обойтись без посредничества человека или медиума. То же самое происходит и со столоверчением, которое вторглось в Европу в середине 1853 года.

“Автор неоднократно беседовал за столом со своим достопочтенным другом, графом д'Уршем, одним из наиболее сведущих людей в Магии и оккультных науках. Постепенно мы достигли того момента, когда столы раздвигались без какого-либо контакта, в то время как граф д'Ор заставил их подняться, также бесконтактно. Автор заставил столы перемещаться по комнате с огромной скоростью и не только без контакта, но и без магнетической помощи круга сидящих. Вибрация фортепианных аккордов при аналогичных обстоятельствах имела место 20 января 1856 года в присутствии графа де Сапари и графа д'Урша. Все подобные явления являются положительным доказательством существования определенных оккультных сил, но они не демонстрируют адекватно реального и существенного существования невидимых разумных существ, независимых от нашей воли и воображения, хотя пределы их возможностей были значительно расширены. Отсюда упреки, выдвинутые против американских спиритуалистов, в том, что их общение с миром духов носит столь незначительный характер, ограничиваясь таинственными стуками и другими звуковыми вибрациями. На самом деле, не существует прямого явления, одновременно разумного и материального, независимого от нашей воли и воображения, которое можно было бы сравнить с прямым письмом духов, которых никто не вызывал, и только это является неопровержимым доказательством реальности сверхъестественного мира.

“Автор, постоянно находясь в поисках такого доказательства, одновременно разумного и осязаемого, относительно существенной реальности сверхъестественного мира, чтобы продемонстрировать определенными фактами бессмертие души, никогда не устал обращаться с горячими молитвами к Вечному, чтобы Он сподобился указать безошибочное средство для укрепления той веры в бессмертие, которая является вечной основой религии. Вечный, Чья милость безгранична, щедро ответил на эту слабую молитву. 1 августа 1856 года автору пришла в голову идея проверить, могут ли духи писать непосредственно, то есть независимо от присутствия медиума. Вспоминая чудесное прямое написание Десятисловия, сообщенное Моисею, и то другое написание, столь же прямое и таинственное, на празднике Валтасара, записанное Даниилом; далее, услышав о тех современных мистериях Стратфорда в

Америке, где на листах бумаги были обнаружены определенные странные и неразборчивые символы, очевидно, не относящиеся к медиумизму, автор стремился установить реальность таких важных явлений, хотя и в пределах возможного.

Поэтому он положил лист чистой почтовой бумаги и остро заточенный карандаш в коробку, которую затем запер и носил ключ при себе, никому не сообщая о своем замысле. Двенадцать дней он ждал напрасно, но каково же было его изумление 13 августа 1856 года, когда он обнаружил некие таинственные знаки, начертанные на бумаге. В тот день он повторил эксперимент десять раз, каждый раз кладя в коробку новый лист бумаги, и результат неизменно был один и тот же. На следующий день он провел двадцать экспериментов, но оставил коробку открытой, не выпуская ее из виду. Он стал свидетелем образования символов и слов в эстонском языке без движения карандаша. Поскольку последнее было явно бесполезно, он решил обойтись без него и клал чистый лист бумаги иногда на свой собственный стол, иногда на пьедесталы старых статуй, на саркофаги, урны и т. Д. В Лувре, в Сен-Дени, в церкви Сент-Этьен-дю-Мон и т. Д. Подобные эксперименты проводились на разных кладбищах Парижа, но автору не нравятся кладбища, в то время как большинство духов предпочитают места, где они жили на земле, тем, где покоятся их бренные останки”.

Мы далеки от того, чтобы оспаривать необычные явления, наблюдаемые бароном де Гульденштуббе, но хотели бы указать ему, что открытие было сделано ранее Лафатером и что акварельный портрет[363], написанный кабалистом Габридоне, имеет гораздо большее значение, чем несколько строк, написанных с его стороны. Выступая далее от имени науки, мы бы сказали ему, на самом деле не для его пользы, видя, что он нам не поверит, а для серьезных наблюдателей этих странных явлений, что полученные им записи пришли не из другого мира, а были сделаны им бессознательно. Мы бы сказали ему, что ваши эксперименты, столь чрезмерно умноженные, и чрезмерное напряжение вашей воли нарушили равновесие вашего жидкостного и астрального тела; вы вынудили его осуществить ваши мечты, и оно проследило в символах, заимствованных из ваших собственных воспоминаний, отражения вашего воображения и ваших мыслей. Если бы вы были помещены в совершенно осознанное состояние магнетического сна, вы бы увидели светящийся двойник вашей руки, удлинившийся подобно тени в лучах заходящего солнца; вы бы увидели, как она выводит на бумаге, подготовленной вами или вашими друзьями, те символы, которые вас так сильно удивили. Тот материальный свет, который исходит от земли и от вас, удерживается жидкой оболочкой чрезвычайной эластичности, и эта оболочка сформирована из квинтэссенции ваших жизненных духов и вашей крови. Эта квинтэссенция исходит из света, цвет которого определяется вашей тайной волей; он создан по подобию вашей мечты, и символы запечатлены на бумаге, как знаки на телах нерожденных детей запечатлеваются воображением их матерей. То, что кажется вам чернилами, - это ваша почерневшая и преображенная кровь. Вы расходуете себя пропорционально тому, как умножаются такие записи. Если вы продолжите свои эксперименты, ваш мозг постепенно ослабнет и пострадает ваша память. Вы будете испытывать невыразимые боли в суставах конечностей и пальцев, и в конце концов вы умрете, либо сраженные внезапным ударом, либо после длительной агонии, характеризующейся галлюцинациями и безумием. Вот и все для барона де Гульденштуббе.

Графу д'Ор мы бы сказали: вы не будете похоронены заживо, но вы рискуете умереть из-за тех самых мер предосторожности, которые вы принимаете против такой возможности. Пробуждение тех, кто похоронен таким образом, может быть только быстрым и кратким, но они

могут долго жить под землей, охраняемые Астральным Светом в полном состоянии осознанного сомнамбулизма. Затем их души привязываются к спящему телу невидимой цепью, и если эти души жадны и преступны, они могут черпать квинтэссенцию крови людей, которые естественным образом спят; они могут передавать этот сок своим погребенным телам для более длительного сохранения в смутной надежде, что в конечном итоге они будут возвращены к жизни. Именно это ужасное явление называется вампиризмом, и его реальность была установлена многими случаями, столь же хорошо засвидетельствованными, как и самые серьезные явления в истории. Если вы сомневаетесь в возможности этой магнетической жизни человеческого тела под землей, прочтите следующий отчет английского офицера по фамилии Осборн, добросовестность которого была засвидетельствована барону дю Поте генералом Вентурой.

“6 июня 1838 года, - рассказывает мистер Осборн, - монотонность нашей лагерной жизни была счастливо прервана прибытием человека, известного во всем Пенджабе. Он был предметом великого почитания среди сикхов из-за его способности оставаться погребенным под землей так долго, как ему заблагорассудится. Об этом человеке рассказывают такие необычные истории, и их достоверность была гарантирована столькими уважаемыми людьми, что нам очень хотелось увидеть его. Он, со своей стороны, рассказал нам, что в течение ряда лет занимался погребением в различных частях Индии. Среди серьезных и заслуживающих доверия людей, которые свидетельствовали в его пользу, я могу упомянуть капитана Уэйда, политического агента в Лодране. Этот офицер совершенно серьезно сказал мне, что он сам присутствовал при воскрешении упомянутого факира после похорон, которые состоялись несколькими месяцами ранее в присутствии генерала Вентуры, махараджи и главных вождей сикхов. Ниже приведены подробности, касающиеся погребения, данные капитану Уэйду, и те, которые он добавил от своего имени в отношении эксгумации.

После определенных предосторожностей, которые длились несколько дней и подробности которых вызывают отвращение, факир объявил, что он готов пройти испытание. Магараджа, вожди сикхов и генерал Вентура собрались вокруг каменной могилы, сооруженной специально для этой цели. В их присутствии факир запечатал воском все отверстия своего тела, через которые мог проникать воздух, за исключением рта; затем он сбросил с себя одежду, был завернут в полотняный мешок и, по его собственному желанию, его язык был вывернут назад так, что он закупорил пищевод. После этого он впал в своего рода летаргический сон. Мешок, в котором он находился, был закрыт, и Магараджа наложил на него печать. Затем его положили в запечатанный сундук с висячим замком, который опустили в могилу. На него насыпали большое количество земли, затоптали и посеяли ячмень. Наконец, вокруг этого места были расставлены часовые с приказом наблюдать день и ночь.

Несмотря на эти предосторожности, Махараджа все еще сомневался; трижды в течение десяти месяцев, в течение которых факир должен был оставаться погребенным, он посещал могилу и приказывал вскрыть ее в своем присутствии, но тело лежало в мешке точно так же, как его туда положили, холодное и безжизненное на вид. Когда десять месяцев истекли, факира наконец эксгумировали. Генерал Вентура и капитан Уэйд открыли висячие замки, сломали печати и подняли сундук из могилы. Факира вытащили, но ни в сердце, ни в пульсе не было никаких признаков жизни. В качестве первого средства привести его в чувство, один из зрителей очень осторожно засунул палец в рот и вернул языку его естественное положение. Единственным местом, где ощущался жар, была верхняя часть головы. При медленном обливании тела теплой

водой постепенно проявлялись некоторые признаки жизни. После двух часов сосредоточенного внимания факир поднялся и начал ходить, улыбаясь.

“Необычное существо заявило, что во время своего погребения ему снились восхитительные сны, но что время пробуждения всегда было чрезвычайно болезненным и что он находился в состоянии головокружения до того, как пришел в сознание; его возраст около тридцати лет, его лицо неприятного вида, а выражение несколько лукавое. У нас были с ним долгие беседы, и он предложил похоронить себя в нашем присутствии. Мы поверили ему на слово и назначили встречу в Лахоре, где пообещали, что он останется в подполье на все время нашего пребывания в этом городе”.

Такова была история Осборна. Вопрос заключался в том, действительно ли факир позволил бы похоронить себя еще раз. Новый эксперимент вполне мог оказаться решающим. Но произошло следующее.

Через пятнадцать дней после визита факира в их лагерь английские офицеры прибыли в Лахор. Они выбрали место, которое казалось благоприятным для предстоящей операции, соорудили настенную гробницу и очень прочный сундук, а затем стали ждать факира. Он пришел на следующий день, выразив горячее желание доказать, что он не самозванец. Далее он заявил, что провел необходимые приготовления к эксперименту, но его поведение свидетельствовало об определенном беспокойстве и унынии. Он начал оговаривать свою компенсацию, которая была установлена в размере полутора тысяч рупий авансом и двух тысяч рупий ежегодно, которые офицеры обязались получать от короля. Удовлетворенный этим пунктом, он хотел бы получить информацию о мерах предосторожности, которые они предполагают предпринять. Офицеры показали ему сундук и принадлежащие к нему ключи и предупредили, что часовые, выбранные из числа английских солдат, будут охранять это место в течение недели. Факир закричал и разразился бранью в адрес *Поджигателей* и скептиков, которые пытались лишить его репутации. Он также выразил опасение, что на его жизнь будет совершено какое-то покушение, и, отказываясь полностью доверить себя слежке европейцев, потребовал, чтобы дубликаты ключей были переданы одному из его единомышленников, далее настаивая — и это действительно превыше всего — что часовые не должны быть врагами его веры. Офицеры отказались принять эти условия; последовало несколько бесед, не приведших ни к какому результату; и, наконец, факир намекнул через одного из сикхских вождей, что Магараджа пригрозил ему своим гневом, если он не выполнит своего обязательства перед англичанами, и он желает провести суд, хотя и был уверен, что единственной целью офицеров было лишить его жизни и что он никогда не встанет из своей могилы. Офицеры признали, что по последнему пункту все они разделяют его убеждение, добавив, что, поскольку они не хотели, чтобы его смерть стала для них упреком, они освободили его от данного обещания.

“Являются ли такие колебания и страхи положительным доказательством против факира? Следует ли из этого, что все, кто ранее свидетельствовал о том, что они собственными глазами видели события, которым он обязан своей знаменитостью, сами были виновны в обмане или стали жертвами искусного обмана? Мы признаем, что, принимая во внимание объем и качество доказательств, мы не можем сомневаться в том, что факира часто и буквально предавали земле; и даже допуская, что после своего погребения он каждый раз продолжал общаться с наземным миром, все равно было бы необъяснимо, как он мог быть лишен дыхания в течение времени, прошедшего между его погребением и тем моментом, когда его сообщники пришли ему на

помощь. М-р Осборн добавляет в примечании цитату из "*Медицинской топографии Лодхианы*" доктора Макгрегора, английского врача, который ассистировал при одной из эксгумаций, был свидетелем летаргического сна факира, его постепенного возвращения к жизни и который серьезно пытается объяснить это. М-р Буало, другой английский офицер, в работе, опубликованной несколько лет назад, рассказывает, как он стал свидетелем другого опыта, в котором все факты воспроизводились точно таким же образом. Те, кто стремится полнее удовлетворить свое любопытство, те, кто усматривает в повествовании указание на любопытный физиологический факт, могут с уверенностью обратиться к источникам, которые здесь указаны".

До сих пор сохранился ряд официальных отчетов об эксгумации вампиров. В каждом случае плоть была в замечательной сохранности, но из тела сочилась кровь, волосы росли ненормальным образом и торчали пучками сквозь щели в гробу. В дыхательном аппарате не было никаких признаков жизни, за исключением только сердца, и это, казалось, стало органом растения, а не животного. Чтобы убить вампира, нужно было вонзить кол в грудь, и тогда ужасный крик свидетельствовал о том, что сомнамбула из могилы, вздрогнув, проснулась от настоящей смерти. Чтобы сделать такую смерть окончательной, мечи вонзались острием вверх в могилу вампира, поскольку фантомы Астрального Света разрушаются под действием металлических наконечников, которые притягивают этот свет к общему резервуару и рассеивают его сгустки. Чтобы успокоить нервных людей, можно добавить, что случаи вампиризма, к счастью, чрезвычайно редки и что ни один человек, здоровый духом и телом, не может стать личной жертвой, если только он или она не были оставлены существом души и телом при его жизни в результате какого-либо преступного соучастия или нерегулярной страсти.

Следующая история вампира рассказана Турнефором в его *путешествии в Левант*.[\[364\]](#)

“На острове Микона мы стали свидетелями очень необычной сцены - предполагаемого возвращения умершего человека после погребения. В северной Европе тех, кто возвращается таким образом, называют вампирами, в то время как греки называли их *бруколаками*. Рассматриваемый случай касался крестьянина из Миконы, который от природы был мрачным и сварливым. Это обстоятельство заслуживает внимания из-за параллельных примеров. Он был убит в сельской местности, никто не знал, почему или кем. Через два дня после его похорон в городской церкви распространился слух, что его видели по ночам, когда он бродил в большом темпе. Он также посещал дома, переворачивал мебель, гасил свет, обнимал людей сзади и выполнял бесчисленное множество других трюков. Сначала это вызвало смех, но приняло серьезный оборот, когда надежные люди начали жаловаться. Сами священники подтвердили этот факт, и, без сомнения, у них были на то свои причины. Для этой цели пришлось обратиться к массам, но крестьянин продолжал идти тем же курсом без малейших признаков изменения. После нескольких встреч с высокопоставленными лицами, священниками и монахами города было решено дожидаться истечения девяти дней после погребения, следуя не знаю какой древней процедуре. На десятый день в церкви, где было похоронено тело, была отслужена месса с целью изгнания демона, который, как считалось, вселился в него. Месса закончилась, труп был извлечен из могилы, а сердце извлечено. Из-за неприятного запаха пришлось воскурить благовония, но от этого сочетания стало еще хуже, и присутствующие почти задохнулись. Было засвидетельствовано, что от трупа шел густой дым, и мы, присутствовавшие при операции, не рискнули предположить, что это действительно был дым благовоний. Были

также те, кто утверждал, что кровь несчастного была ненормально алой, в то время как другие заявляли, что плоть все еще была теплой, из чего был сделан вывод, что покойный был серьезно неправ, не будучи должным образом мертвым, или, скорее, позволив дьяволу вернуть себя к жизни. Это именно то представление, которое возникает относительно вампира, и это слово стало настойчиво повторяться. Собралась толпа, громко протестовавшая против того, что тело, очевидно, не было окоченевшим, когда его несли в церковь для погребения, и что, следовательно, это был настоящий вампир.

“Когда к нам обратились, мы выразили мнение, что человек, несомненно, мертв, а что касается предполагаемой алой крови, то было легко увидеть, что это всего лишь дурно пахнущая слизь. Что касается остального, мы попытались вылечить или, по крайней мере, не провоцировать дальше их возбужденное воображение, объяснив запах и тепло, приписываемые трупу. Несмотря на такие доводы, было решено сжечь сердце умершего человека, но после того, как это было сделано, он стал не более сговорчивым, чем раньше, и действительно вызвал еще больший переполох. Его обвинили в избиении людей по ночам, в том, что он выламывал двери и окна, рвал одежду и опустошал кувшины и бутылки. В целом, покойный вел себя крайне неуютно. Есть основания полагать, что он не пощадил ни одного дома, кроме дома консула, в котором нам довелось остановиться. Воображение каждого было разыграно, люди здравомыслящие были поражены не меньше других. Казалось, что болезнь мозга распространилась повсюду, такая же опасная, как и безумие; целые семьи покидали свои дома и тащили свои тюфяки на окраину, чтобы там провести ночь. Уже тогда они жаловались на новые оскорбления, и самые трезвые удалились в деревню. Граждане, проникнутые чувством общественного рвения, решили, что до сих пор при проведении обряда была упущена одна существенная деталь; с их точки зрения, мессе следовало отслужить после, а не до извлечения сердца из тела. С этой предосторожностью было сделано вид, что дьявол был бы застигнут врасплох и не попытался бы вернуться; но, к несчастью, они начали с мессы, которая дала ему время уйти, и он смог вернуться в непринужденном состоянии. Эти соображения оставили ситуацию в ее первоначальном сложном состоянии. Были собрания и продолжались собрания, как вечером, так и утром; были процессии в течение трех дней и трех ночей; на священников были наложены посты; они посещали дома *саспергиллом* в руках; было окропление святой водой и очищались двери. Даже рот несчастного вампира был наполнен святой водой.

“Среди таких предрассудков мы предпочитали ничего не говорить; на нас смотрели бы как на шутов и неверующих. Что же, однако, нужно было сделать, чтобы помочь жителям? Каждое утро в комедии появлялась новая сцена с рассказом о новых проделках этого полуночника, которого даже обвиняли в совершении самых отвратительных преступлений. Однако мы не раз заявляли губернатору города, что в нашей собственной стране при таких обстоятельствах не преминули бы установить наблюдение, чтобы следить за происходящим. В конечном счете эта мера предосторожности была принята и привела к аресту нескольких бродяг, которые, несомненно, стояли за беспорядками. Конечно, это было сделано слишком рано, и два дня спустя, чтобы искупить пост, которому упомянутые расточители подверглись в тюрьме, они принялись опустошать винные кувшины в некоторых заброшенных домах. После того, как бесчисленное количество обнаженных мечей пронеслось над могилой тела, люди теперь вернулись к своим молитвам в сочетании с извлечением трупа из могилы по прихоти судьбы, когда случайно оказавшийся там албанец авторитетным тоном указал, что в подобном случае было бы в высшей

степени нелепо использовать христианские мечи; поскольку рукояти у них переkreщены, они эффективно препятствуют дьяволу покинуть тело, и поэтому он рекомендовал заменить их турецкими саблями. Совет этого эксперта ни к чему не привел; вампир оказался не более сговорчивым, и они не знали, к какому святому обратиться, когда все в один голос, как будто прозвучал приказ, прокричали на весь город, что вампир должен быть полностью сожжен, после чего они смогут бросить вызов дьяволу, и что, конечно, лучше прибегнуть к этой крайности, чем оставить остров безлюдным. На самом деле, некоторые семьи уже готовились к своему отъезду.

Поэтому по приказу губернаторов вампир был доставлен на оконечность острова Сент-Джордж, где был приготовлен большой погребальный костер со смолой, чтобы даже сухие дрова не разгорелись достаточно быстро. То, что осталось от несчастного тела, было брошено туда и быстро съедено. Это было в первый день января 1701 года. С тех пор жалоб на вампира не поступало; было решено, что дьявол в тот раз переборщил, и были сочинены песни, высмеивающие его”.

В этом рассказе Турнефора следует отметить, что он признает реальность видений, которые парализовали весь народ. Он не отрицает гибкости или тепла трупа, но пытается объяснить это похвальной целью - успокоить тех, кто был обеспокоен. Он упоминает не о разложении тела, а только о его зловонном запахе, который не менее характерен для трупов вампиров, чем для ядовитых поганок. Наконец, он допускает, что после того, как тело было сожжено, чудеса и видения прекратились. Но мы далеко ушли от темы Фантазий в Магии; давайте вернемся к ним и, забыв о проблеме вампиров, скажем несколько слов о картомантике Эдмонде. Он - любимый чародей дам в квартале Нотр-Дам-де-Лоретт и занимает на улице Фонтен-Сен-Жорж, № 30, изящную комнатку, вестибюль которой всегда полон клиентов, в том числе инодамужского пола. Эдмонд - мужчина высокого роста, несколько полноватый, с бледным цветом лица, открытым выражением лица и сочувственным голосом. Он, кажется, верит в свое искусство и добросовестно продолжает методы таких людей, как Эттейла и Мадемуазель. Ленорман. Мы спросили его о его методах, и он откровенно и вежливо ответил, что был страстно предан оккультным наукам с детства; что он рано начал заниматься гаданием; что он не знаком с философскими секретами трансцендентального знания; и что ключей к Каббале Соломона у него нет. Однако он утверждает, что он очень чувствителен и что сама близость его клиентов производит на него такое сильное впечатление, что в каком-то смысле он чувствует их судьбу. “Мне кажется, я слышу странные звуки и лязг цепей вокруг тех, кто обречен на эшафот, крики и стоны вокруг тех, кто умрет насильственной смертью. Сверхъестественные запахи одолевают меня и почти душат. Однажды в присутствии дамы под вуалью, одетой в черное, я задрожал от запаха соломы и крови. ‘Мадам, ’ воскликнул я, - прошу вас, уходите отсюда, ибо вас окружает атмосфера убийства и тюрьмы’. ‘ Вы говорите правду, - ответила она, открывая свое бледное лицо. - Меня обвинили в детоубийстве, и я только что вышла из тюрьмы. Поскольку ты видел прошлое, расскажи мне также и о будущем”.

Один из наших друзей и учеников каббалистики, совершенно неизвестный Эдмону, однажды пошел проконсультироваться с ним и, заплатив вперед, стал ждать оракулов, когда Эдмон, почтительно поднявшись, попросил его забрать свои деньги. “Мне нечего вам сказать, ” объяснил он. “ ваша судьба закрыта от меня ключом оккультизма; что бы я ни сказал, вы уже знаете не хуже меня”. Он проводил его множеством поклонов.

Эдмон также занимается судебной астрологией; он составляет гороскопы и оценивает роды по очень умеренным ценам. Одним словом, он занимается всем, что связано с его бизнесом, который в остальном является утомительным и разочаровывающим занятием. Со сколькими расстроенными мозгами и больными сердцами ему приходится постоянно иметь дело, а идиотские требования одних, несправедливые упреки других, утомительные признания, требования напитков и заклинаний, навязчивые идеи дураков - все это в совокупности приводит к тому, что он с трудом получает свой доход. Подводя итог, можно сказать, что Эдмон такой же сомнамбулист, как и Алексис; он самовнушает своими картами и дьявольскими фигурами, которые их украшают; он носит черное и дает свои консультации в черном кабинете; одним словом, он пророк тайны.

ГЛАВА V

НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Однажды утром 1839 года автора этой книги посетил Альфонс Эскирос, который сказал: “Давайте засвидетельствуем наше почтение Мапа”. [365] Возник естественный вопрос: “Но в любом случае, кто или что такое Мапа?” ... “Он бог”, - был ответ.... “Большое спасибо, - сказал автор, - но я поклоняюсь только невидимым богам”.... “Несмотря ни на что, он самый красноречивый, самый лучезарный и великолепный дурак в видимом порядке вещей.... “Друг мой, я боюсь дураков: их жалобы заразительны”. ... - Согласен, *дилектиссимо*, и все же я обращаюсь к тебе.... “Допущены, и раз так, то мы засвидетельствуем наше почтение Мапа”.

В ужасающей мансарде жил бородатый мужчина величественного вида, который неизменно носил поверх одежды изодранный женский плащ и вследствие этого имел вид обездоленного дервиша. Его окружали несколько мужчин, бородатых и таких же экстатичных, как и он сам, и в дополнение к ним была женщина с неподвижными чертами лица, которая казалась зачарованной сомнамбулой. Манеры пророка были резкими и в то же время сочувственными; у него были глаза-галлюцинации и заразительное красноречие. Он говорил с ударением, быстро проникался своей темой, раздражался и кипел от злости, пока на его губах не выступила белая пена. Аббата Ламенне когда-то называли “девятиностотрехлетним стариком, исполняющим свои пасхальные обязанности”. Крылатая фраза больше подходит Мапа и его мистицизму, как будет показано фрагментом из одного из его лирических увлечений.

“Грех был неизбежен для человека: это было предопределено его судьбой, чтобы он мог быть инструментом своего собственного переустройства, чтобы величие Бога могло проявиться в величии человеческого труда, проходящего через его последовательные фазы света и тьмы. Но первобытное единство было разрушено Грехопадением; страдание вошло в мир в облике змея, и Дерево Жизни стало Древом Смерти. Когда дело дошло до этого, Бог сказал женщине: ‘В скорби ты родишь детей’, но впоследствии добавил: ‘Ты сокрушишь голову змея’. И первой рабыней была женщина; она приняла свою божественную миссию, и начались родовые муки. С первого часа Грехопадения задачей человечества была, по этой причине, великая и ужасная задача посвящения. И по этой причине все условия этого посвящения одинаково священны в глазах Бога. Их *Альфа* - наша общая мать Ева, в то время как *Омега* - Свобода, которая также является нашей общей матерью.

“Я увидел огромный корабль с гигантской мачтой с вороньим гнездом на верхушке; одна из оконечностей корабля смотрела на Запад, другая - на Восток. С западной стороны он возвышался на облачных вершинах трех гор, основания которых терялись в бушующем море. На склоне каждой горы было начертано ее зловещее название. Первой была Голгофа, второй - Мон-Сен-Жан, а третьей - остров Святой Елены. Посередине мачты, с западной стороны, был установлен пятирукий крест, [366] на котором умирала женщина. Надпись над ее головой гласила: "ФРАНЦИЯ: 18 июня 1815 года: СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА". Пять ветвей креста символизировали пять частей земного шара; голова женщины покоилась на Европе и была окружена облаком. Но в конце корабля, на востоке, темноты не было, и киль остановился у порога града Божьего, у вершины триумфальной арки, освещенной яркими лучами солнца. Здесь женщина появилась снова, но на этот раз преображенная и великолепная. Она отвалила камень от гробницы, и на этом камне было написано: "РЕСТАВРАЦИЯ, дни захоронения: 29 июля 1830 года, Пасха".

Будет видно, что Мапа был преемником Катрин Тео и Дома Герле; и все же — такова странная симпатия между безумствами — однажды он доверительно рассказал нам, что он был Людовиком XVII, вернувшимся на землю для работы по возрождению, в то время как женщина, разделившая с ним жизнь, была Марией-Антуанеттой Французской. Далее он объяснил, что его революционные теории были последним словом в неистовых притязаниях Каина, которым как таковым было суждено обеспечить фатальной реакцией победу справедливого Авеля. Теперь мы с Эскиросом посетили Мапа, чтобы насладиться его экстравагантностью, но его красноречие взяло верх над нашим воображением. Мы были двумя друзьями по колледжу, такими же, как Луи Ламбер и Бальзак, и у нас были общие мечты о невозможных отречениях и неслыханном героизме. После посещения Ганноу, ибо так называлась Мапа, мы вбили себе в голову, что было бы здорово донести последнее словореволюции до всего мира и запечатать бездну анархии, подобно Курциусу, бросившись в нее самим. Экстравагантность наших студентов породила *Евангелие народа* и *Библию свободы*, безумства, за которые Эскирос и его злополучный друг заплатили, но слишком дорого. В этом опасность восторженных маний; они заразительны; нельзя безнаказанно приближаться к краю пропасти безумия.

Инцидент, который сейчас последовал, - это другой, более ужасный случай со смертельным исходом. Нервный и деликатный молодой человек по имени Собриер числился среди учеников Мапа; он полностью потерял голову и верил, что ему суждено спасти мир, спровоцировав высший кризис вселенской революции. Дни 1848 года приближались к порогу. Волнения привели к некоторым переменам в министерстве, но эпизод казался исчерпанным. В Париже царила атмосфера довольства, и бульвары были освещены. Внезапно на многолюдных улицах квартала Сен-Мартен появился молодой человек. Перед ним шли два уличных араба, один с факелом, а другой хватался за оружие. Собралась большая толпа; молодой человек взобрался на столб и обратился к народу с речью. Его слова были бессвязными и зажигательными, но суть заключалась в том, чтобы отправиться на бульвар Капуцинок и ознакомить министерство с волей народа. Демонический повторял одну и ту же речь на каждом углу улиц, и вскоре он уже маршировал во главе огромной толпы, по пистолету в каждой руке, все еще сопровождаемый факелами и тамбурином. Завсегдатаи бульваров присоединились к ним из простого любопытства, и впоследствии это была уже не толпа, а массовое население, хлынувшее на Итальянский бульвар. В разгар этого молодой человек и его уличные арабы исчезли, но перед отелем "Капуцины" в людей был произведен пистолетный выстрел. Этим выстрелом была революция, и он был сделан дураком.

В течение всей той ночи две телеги, груженные трупами, разъезжали по улицам при свете факелов; на следующее утро весь Париж был забаррикадирован, и сообщалось, что Собриер лежит дома в бессознательном состоянии. Именно он, сам не ведая, что творит, на мгновение потряс мир. Ганно и Собриер мертвы, и им не причинят вреда, если мы расскажем об этом ужасном примере магнетизма энтузиастов и смертельных исходах, которые могут быть вызваны нервными заболеваниями некоторых людей. История взята из надежного источника, и ее откровения могут успокоить совесть того Велисария поэзии, который является автором *Истории жирондистов*.

Магнитные явления, вызванные Ганно, продолжались даже после его смерти. Его вдова, необразованная и малообразованная женщина, дочь честного крестьянина из Оверни, оставалась в статичном сомнамбулизме, в который ее погрузил муж.^[367] Подобно ребенку, который принимает форму в воображении своей матери, она стала живым образом Марии-Антуанетты, когда была узницей Консьержери. Ее манеры - манеры королевы, которая овдовела и навеки опустошена; иногда у нее вырывается жалоба, как будто она устала от своего сна, но она полновластно возмущена любым, кто пытается разбудить ее. В остальном у нее нет симптомов психического отчуждения; ее внешнее поведение разумно, ее жизнь совершенно честна и размеренна. На наш взгляд, нет ничего более трогательного, чем эта постоянная навязчивая идея о нежно любимом существе, которое снова живет в супружеской галлюцинации. Если бы Артемида существовала буквально, было бы допустимо поверить, что Мавсол также был могущественным месмеристом и что он завоевал и навсегда закрепил привязанность чрезвычайно чувствительной женщины, вне всяких пределов свободной воли и разума.

ГЛАВА VI

ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ

Тайна оккультных наук заключается в тайне самой Природы; это тайна зарождения ангелов и миров; это тайна собственного всемогущества Бога. “Вы будете как Элохимы, знающие добро и зло”. Так свидетельствовал змей из Книги Бытия, и так Древо Познания стало Древом Смерти. В течение шести тысяч лет мученики науки трудились и гибли у подножия этого Древа, чтобы оно снова стало Древом Жизни.

Тот Абсолют, который ищут глупцы и находят только мудрые, - это истина, реальность и причина всеобщего равновесия. Такое равновесие - это гармония, проистекающая из аналогии противоположностей. До сих пор человечество стремилось балансировать как бы на одной ноге — то на одной, то снова на другой. Цивилизации возникали и падали из-за анархического отчуждения деспотизма или, альтернативно, из-за деспотической анархии восстания. Здесь суеверный энтузиазм, а там жалкие схемы материалистического инстинкта ввели народы в заблуждение; но, в конце концов, Сам Бог побуждает мир верить разуму и разумным верованиям. У нас было достаточно пророков, чтобы избавить нас от философии и философов, лишенных религии. Слепые верующие и скептики находятся наравне друг с другом, и оба одинаково далеки от вечного спасения.

В хаосе всеобщих сомнений и среди конфликта науки и веры великие люди и провидцы предстают как болезненные художники, ищущие идеальную красоту с риском для своего разума и своей жизни. Посмотрите на них даже сейчас — на этих возвышенных детей. Они капризны и нервны, как женщины; тень калечит их; разум вредит; они несправедливы даже друг к другу; и хотя они, несомненно, стремятся к коронам, в своих фантастических излишествах они первые виновны в том, что Пифагор запрещает в одном из своих замечательных символов; они первые поносят короны и попирают их ногами. Они фанатики славы, но добрый Бог сковал их цепями убеждений, чтобы они не были открыто опасны.

Гения судит трибунал посредственности, и это решение обжалованию не подлежит, потому что, будучи светом миру, гений считается ничтожным и мертвым всякий раз, когда он перестает просвещать. Экстаз поэта контролируется безразличием прозаической толпы, и каждый энтузиаст, которого отвергает здравый смысл, — дурак, а не гений. Не считайте великих художников рабами невежественной толпы, ибо именно толпа придает их таланту равновесие разума.

Свет — это равновесие между тенью и яркостью. Движение — это равновесие между инерцией и активностью. Авторитет — это равновесие между свободой и властью. Мудрость — это равновесие в мыслях; добродетель — это равновесие в чувствах; красота — это равновесие в форме. Прекрасные очертания — это истинные очертания, а великолепие Природы — это алгебра граций и великолепий. Все, что истинно, прекрасно; все прекрасное должно быть истинным. Рай и ад — это равновесие нравственной жизни; добро и зло — это равновесие свободы.

Великая Работа — это достижение той средней точки, в которой пребывает уравнивающая сила. Более того, реакции уравновешенной силы действительно повсюду сохраняют вселенскую жизнь посредством вечного движения рождения и смерти. Именно по этой причине философы сравнивали свое золото с солнцем. По той же причине то же самое золото излечивает все болезни души и дарует бессмертие. Те, кто нашел эту срединную точку, являются истинными и творящими чудеса адептами науки и разума. Они являются хозяевами богатств миров, доверенными лицами и друзьями самих небесных князей, и Природа повинуетя им, потому что они желают того, чего желает закон, который является движущей силой Природы. Это то, о чем Спаситель мира говорил как о Царстве Небесном; это также *Sanctum Regnum* Святой Каббалы. Это Корона и Кольцо Соломона; это Скипетр Иосифа, которому повиновались звезды на небе и урожаи на земле.

Мы открыли этот секрет всемогущества; он не продается на рынке; но если бы Бог повелел нам установить за него цену, мы сомневаемся, что все состояние покупателей показалось бы ему эквивалентным. Не для себя, а для них мы должны требовать, кроме того, их безраздельной души и всей их жизни.

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ КЛЮЧ

ГЛАВА VII

РЕЗЮМЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам остается подвести итоги и сделать вывод. Резюмировать историю науки - значит резюмировать саму науку, и поэтому мы должны резюмировать великие принципы посвящения, сохраненные и передаваемые на протяжении всех веков. Магическая наука - это абсолютная наука о равновесии. По своей сути она религиозна; она руководила формированием догм в античном мире и, таким образом, была кормящей матерью всех цивилизаций. О целомудренная и таинственная мать, которая, давая молоко поэзии и вдохновения нарождающимся поколениям, покрывала свое лицо и грудь. Прежде всего, она призывает нас верить в Бога и поклоняться Ему, не пытаясь дать Ему определение, поскольку Бог по определению - это в какой-то степени конечный Бог. И после Божества она указывает на вечную математику и уравновешенные силы как на суверенные принципы вещей. В Библии сказано, что Бог упорядочил все вещи в соответствии с весом, числом и мерой. *Omnia in pondere et numero et mensura disposuit Deus*. Вес - это равновесие, число — это величина, мера - это пропорция - эти три составляющие являются вечной или божественной основой науки о природе. Вот формула равновесия: Гармония возникает из аналогии противоположностей. Число - это шкала аналогий, пропорция которой является мерой. Всю оккультную философию Зоар можно было бы назвать наукой равновесия. [368] Ключ к числам содержится в *Сефер Йецира*; их порождение аналогично объединению идей и созданию форм. По этой причине просветленные иерофанты Каббалы объединили иероглифические знаки чисел, идей и форм в свой священный алфавит. Комбинации этого алфавита дают уравнения идей и включают в себя в качестве указания все возможные комбинации в естественных формах. Согласно Книге Бытия, Бог сотворил человека по Своему образу и подобию, но поскольку человек является живым синтезом творения, из этого следует, что само творение создано по подобию Бога. Во вселенной есть три вещи — Дух, пластичный посредник и материя. Древние приписывали духу, как его непосредственному инструменту, ту огненную жидкость, которой они дали общее название Сера; пластическому посреднику они присвоили имя Ртуть из-за символизма, представленного Кадуцеем; материи они дали название Соль из-за твердой соли, которая остается после горения, сопротивляясь дальнейшему действию огня. Серу сравнивали с Отцом из-за порождающего действия огня; Ртуть - с Матерью из-за ее способности притягивать и воспроизводить; а Соль, в конечном счете, была Дочерним элементом, или тем веществом, которое подвергается воспитанию Природой. Для них также творческая субстанция была единой, и имя, которое они дали ей, было Свет. Положительным, или магматическим, светом была летучая Сера; свет в отрицательном состоянии, или ставший видимым благодаря вибрациям огня, был текучей, или эфирной Ртутью; а нейтрализованный свет, или тень, коагулированное или неподвижное соединение в форме земли, называлось Солью.

Таким образом Гермес Трисмегист сформулировал свой символ, который называется Изумрудная скрижаль: “То, что вверху, подобно тому, что внизу, а то, что внизу, подобно тому, что вверху, для проявления чудес единой вещи”. [369] Это означает, что универсальное движение вызывается аналогиями фиксированного и изменчивого, изменчивое стремится к закреплению, а фиксированное становится изменчивым, таким образом производя постоянный обмен между модусами единой субстанции и, исходя из факта обмена, комбинациями универсальных форм. форма в вечном обновлении.

Огонь - это Осирис, или солнце; свет - это Исида, или луна; они являются отцом и матерью той великой Телесмы, которая является универсальной субстанцией — не то чтобы они были ее создателями, но скорее ее порождающими силами, объединенные усилия которых создают неподвижность, или землю, откуда Гермес говорит, что эта сила достигла своего полного проявления, когда из нее была сформирована земля. Следовательно, Осирис не является Богом даже для великих иерофантов египетского святилища; он - огненная или светящаяся тень интеллектуального принципа жизни, и поэтому в высший момент посвящения парящий голос прошептал на ухо адепту это сомнительное откровение: “Осирис - черный бог”. Горе получателю, чье понимание не было поднято верой над чисто физическими символами египетского откровения. Такие слова стали бы для него формулой атеизма, и его разум был бы поражен слепотой. Но для верующего, более возвышенного интеллектом, те же самые слова звучали как подтверждение самых возвышенных надежд. Это было так, как если бы инициатор сказал ему: “Дитя мое, ты принимаешь лампу за солнце, но эта лампа - всего лишь ночная звезда. И все же истинное солнце существует; поэтому оставь ночь и ищи день”.

То, что древние понимали под четырьмя элементами, никоим образом не означало простых тел, а скорее четырех элементарных проявлений единой субстанции. Эти модусы были представлены сфинксом, его крылья соответствовали воздуху, груди женщины - воде, тело быка - земле, а когти льва - огню. Единая субстанция, трижды троичная по сути и тетрадная по форме проявления — таков секрет трех пирамид, треугольных по высоте, квадратных у основания и охраняемых сфинксом. Воздвигая эти памятники, Египет пытался воздвигнуть геркулесовы столпы универсальной науки. Накопились пески, прошли столетия, но пирамиды в их вечном величии все еще представляют народам ту загадку, разгадка которой утеряна. Что касается сфинкса, то он, кажется, утонул в пыли веков. Великие империи Даниила по очереди царствовали на земле и сошли в могилу, подавленные собственной тяжестью. Победы на полях сражений, памятники труда, результаты человеческих страстей — все поглощено символическим телом сфинкса; теперь только человеческая голова возвышается над песками пустыни, словно в поисках вселенской империи мысли.

Стать богиней или умереть — такова была ужасная дилемма, предложенная сфинксом кандидатам в фиванские царственные особы. Причина в том, что секреты науки на самом деле являются секретами жизни; альтернативы заключаются в том, чтобы править или служить, быть или не быть. Силы природы сломят нас, если мы не используем их для завоевания мира. Нет никакой середины между вершиной царственности и бездной состояния жертвы, если только мы не довольствуемся тем, что нас причисляют к тем, кто ничто, потому что они не спрашивают, почему или что они такое.

Составная форма сфинкса также представляет по иероглифической аналогии четыре свойства универсального агента, то есть Астрального Света, — растворение, свертывание, нагревание и охлаждение. Эти четыре свойства, управляемые волей человека, могут изменять все фазы Природы, производя жизнь или смерть, здоровье или болезнь, любовь или ненависть, даже богатство или бедность, в соответствии с данным импульсом. Они могут поставить все отражения света на службу воображению; они являются парадоксальным решением самых безумных вопросов, которые могут быть поставлены перед Трансцендентальной Магией. Ниже будут приведены примеры этих парадоксальных вопросов вместе с ответами на них: (1) Возможно ли избежать смерти? (2) Существует ли такая вещь, как Философский камень, и что нужно сделать, чтобы его найти? (3) Возможно ли, чтобы духи служили тебе? (4) Что

подразумевается под Ключом, Кольцом и Печатью Соломона? (5) Возможно ли предсказать будущее с помощью надежных расчетов? (6) Можно ли творить добро или зло по желанию с помощью магической силы? (7) Что нужно сделать, чтобы стать настоящим волшебником? (8) Какие именно силы приводятся в действие Черной Магией?

Мы называем эти вопросы парадоксальными, потому что они находятся за пределами всего, что понимается как наука, и в то же время они кажутся отрицаемыми верой. Если их предлагает непосвященный человек, они просто безрассудны, в то время как их полное решение, если бы его дал адепт, показалось бы святотатством. Бог и Природа одинаково закрыли Святилище Трансцендентной Науки, и это таким образом, что за определенным пределом тот, кто знает, будет говорить без всякой цели, потому что его не поймут. Таким образом, раскрытие Великой Магической Тайны, к счастью, невозможно. Ответы, которые мы собираемся дать, будут последним возможным выражением слова Magic, и они будут изложены со всей ясностью, но мы не гарантируем, что они будут понятны нашим читателям.

Что касается первого и второго, избежать смерти можно двумя способами — во времени и в вечности. Мы избегаем этого во времени, излечиваясь от болезней и избегая немощей старости; мы избегаем этого в отношении вечности, увековечивая в памяти личную идентичность среди трансформаций существования. Пусть будет подтверждено (1), что жизнь, возникающая в результате движения, может поддерживаться только преемственностью и совершенствованием форм; (2) что наука о вечном движении является наукой о жизни; (3) что целью этой науки является правильное понимание уравнивающих влияний; (4) что всякое обновление происходит путем разрушения, следовательно, каждое поколение влечет за собой смерть, а каждая смерть - поколение. Давайте теперь еще раз подтвердим вместе с древними мудрецами, что универсальный принцип жизни - это существенное движение или субстанция, которая вечно и существенно движется, невидимая и неосоздаваемая, находящаяся в изменчивом состоянии и проявляющаяся материально, когда она фиксируется феноменом поляризации. Эта субстанция неразрушима и, следовательно, бессмертна; но ее проявления в мире форм подвержены вечным изменениям из-за постоянного движения. Таким образом, все умирает, потому что все живет, и если бы было возможно сделать любую форму вечной, тогда движение было бы остановлено и таким образом была бы создана единственная реальная смерть. Навсегда заточить душу в мумифицированном человеческом теле - таково было бы ужасное решение этого магического парадокса, касающегося мнимого бессмертия в том же теле и на той же земле. Все восстанавливается универсальным растворителем первой субстанции. Сила этого растворителя сосредоточена в квинтэссенции, то есть в уравнивающем центре двойной полярности. Четыре элемента древних - это четыре силы универсального магнита, представленные фигурой креста, который бесконечно вращается вокруг своего собственного центра и, таким образом, раскрывает загадку квадратуры круга. Творящее Слово выступает из середины креста и восклицает: "Все завершено". Именно в точном соотношении четырех элементарных форм мы должны искать Универсальное Лекарство для тел, точно так же, как Лекарство для Души предлагается религией в Том, Кто навечно отдает Себя на кресте ради спасения мира. Магнитное состояние и поляризация небесных тел являются результатом их уравновешенного притяжения вокруг солнц, которые являются общими резервуарами их электромагнетизма. Вибрация квинтэссенции в обычных резервуарах проявляется через свет, а поляризация света проявляется через цвета. Белый - это цвет квинтэссенции; этот цвет конденсируется к своему отрицательному полюсу как синий и становится фиксированным как черный; в то время как он конденсируется к своему положительному полюсу как желтый и

становится фиксированным как красный. Таким образом, центробежная жизнь всегда переходит от черного к красному, минуя белое, а центростремительная жизнь возвращается от красного к черному, следуя тем же путем. Четыре промежуточных или смешанных оттенка образуют с тремя основными цветами то, что называется семью цветами призмы и солнечного спектра. Эти семь цветов образуют семь атмосфер или семь светящихся зон вокруг каждого солнца, и планета, доминирующая в каждой зоне, намагничивается способом, аналогичным цвету ее атмосферы. В глубинах земли металлы образуются подобно планетам в небе под особым влиянием скрытого света, который разлагается при прохождении через определенные области. Овладеть предметом, в котором металлический свет скрыт, до того, как он станет специализированным, и направить его к крайнему положительному полюсу, то есть к живому красному, с помощью огня, производного от самого света, — таков в полной мере секрет Великой Работы. Будет понятно, что этот позитивный свет в его крайней степени сгущения является самой жизнью в фиксированном состоянии, служащей универсальным растворителем и лекарством для всех Царств Природы. Но чтобы извлечь из маркассита, сурьмы и философского мышьяка живую и обоеполюю металлическую сперму, мы должны иметь первичный растворитель, которым является минеральный солевой менструум, и, кроме того, должно быть сочетание магнетизма и электричества. Остальное происходит само собой в одном сосуде, которым является атанор, и при постепенном горении одной лампы. Адепты говорят, что это работа женщин и детей.

Тепло, свет, электричество и магнетизм современных химиков и физиков были для древних элементарными феноменальными проявлениями одной субстанции, называемой *Аур*, *Од* и *Об* — то есть *Э* *К* *Т* *К* *Т* *К* *Од* - активное, *Об* пассивное, а *Аур* - это название обоеполого и уравновешенного соединения, которое обозначается, когда философы-герметики говорят о золоте. Обычное золото - это металлизированный *Аур*, а философское золото - это тот же самый *Аур* в состоянии растворимого драгоценного камня. Теоретически, согласно трансцендентальной науке древности, Философский камень, который излечивает все болезни и совершает трансмутацию металлов, следовательно, бесспорно существует. Существует ли это, однако, или может существовать на самом деле? Если мы ответим на это утвердительно, никто не поверит, и это простое утверждение будет рассматриваться как парадоксальное решение парадоксов, выраженных двумя первыми вопросами, без учета проблемы относительно того, что нужно сделать, чтобы найти Философский камень. Г-н де ла Палисс ответил бы на нашем месте, что для того, чтобы найти, нужно по необходимости искать, если только открытие действительно не является делом случая. Было сказано достаточно для направления и облегчения исследований.

Третий и четвертый вопросы касаются служения духам и Ключа, Печати и Кольца Соломона. Когда Спаситель мира во время Своего искушения в пустыне преодолел три похоти, которые держат душу в рабстве, то есть похоть вожделения, похоть честолюбия и похоть алчности, написано, что ангелы сошли, чтобы служить Ему. Объяснение состоит в том, что духи подчиняются верховному духу, и он - суверенный дух, который обуздывает мятежную буйность и незаконные склонности плоти. В то же время следует отметить, что обращение вспять естественного порядка общения, существующего между сущими вещами, противоречит закону Провидения. Мы не находим, чтобы Спаситель мира и его Апостолы вызывали души умерших. Бессмертие души, будучи одним из самых утешительных догматов религии, предназначено для устремлений веры и никогда не будет доказано фактами, доступными научной критике. Потеря разума или, по крайней мере, его рассеянность является отсюда и всегда будет наказанием для

тех, кто осмеливается заглядывать в другую жизнь только глазами этого мира. Следовательно, магические традиции также всегда представляют духов умерших как реагирующих на воскрешения с печальными и сердитыми лицами. Они жалуются на беспокойство во время их покоя и высказывают только упреки и угрозы. Ключи Соломона - это религиозные и рациональные силы, выраженные знаками, и они используются не столько для вызывания духов, сколько для защиты нас от отклонений в опыте, связанном с оккультными науками. Печать - это синтез Ключей, а Кольцо указывает на ее использование. Кольцо Соломона одновременно круглое и квадратное, и оно олицетворяет тайну квадратуры круга. Оно состоит из семи квадратов, расположенных так, что они образуют круг. Их оправы круглые и квадратные, одна из которых золотая, а другая серебряная. Кольцо должно быть выполнено из семи металлов. В серебряную оправу помещен белый камень, а в золотую - красный. Белый камень несет знак Макрокосма, в то время как Микрокосм находится на красном камне. Когда Кольцо надевают на палец, один из камней следует повернуть внутрь, а другой наружу, соответственно, в зависимости от того, насколько желательно повелевать духами света или тьмы. Полную силу этого Кольца можно описать в нескольких словах. Воля всемогуща, когда вооружена живыми силами Природы. Мысль праздна и мертва, пока не проявится словом или знаком; следовательно, она не может ни подстегивать, ни направлять волю. Знак, будучи необходимой формой мысли, является необходимым инструментом воли. Чем совершеннее знак, тем более мощно сформулирована мысль, и, следовательно, воля направляется с большей силой. Слепая вера двигает горами, и поэтому что было бы возможно для веры, если бы она была просвещена полной и несомненной наукой? Если бы душа могла сконцентрировать свое полное понимание и энергию в произнесении одного-единственного слова, разве это слово не было бы всемогущим? Кольцо Соломона с его двойной печатью символизирует всю науку и веру Волхвов, выраженную одним знаком. Он символизирует силы неба и земли и священные законы, которые ими управляют, будь то в небесном Макрокосме или в Микрокосме человека. Это талисман талисманов и пантакль, который находится над пантаклями. Как признак жизни она всемогуща, но неэффективна как мертвый знак: разум и вера, разум Природы и вера в ее вечно Действующую Причину — такова жизнь знаков.

Глубокое изучение тайн природы может оттолкнуть случайного наблюдателя от Бога, потому что умственная усталость парализует устремления сердца. Именно в этом смысле оккультные науки могут быть опасны и даже фатальны для определенных личностей. Математическая точность, абсолютная строгость законов природы, их гармония и простота наводят многих на мысль о неизбежном, вечном, неумолимом механизме, и для таких, как они, Провидение отступает за железные колеса часов с вечным движением. Они не в состоянии задуматься о неоспоримом факте свободы и автократии мыслящих существ. Человек распоряжается по своей воле созданиями, организованными подобно ему; он может ловить птиц в воздухе, рыбу в воде и диких зверей в лесу; он может вырубать или сжигать целые леса; он может добывать и взрывать скалы или даже горы; он может изменять все формы вокруг себя; и все же, несмотря на высшие аналогии Природы, он отказывается верить, что другие разумные существа могут по своей воле разрушать и поглощать миры, гасить солнца одним дыханием или превращать их в звездную пыль — существа настолько великие, что они недоступны нашему зрению, даже если мы в нашем воображении повернемся, вероятно, к незаметному глазу клещу или червю. И если такие существа существуют без того, чтобы вселенная была разрушена тысячу раз, разве мы не должны признать, что они подчиняются высшей воле, мудрой и всемогущей силе, которая запрещает им уничтожать миры, точно так же, как она запрещает нам уничтожать ласточкино

гнездо и куколку бабочки? Для Мага, который осознает эту силу в глубинах своей натуры и который различает во вселенском законе инструменты вечной справедливости, Печать Соломона, его Ключи и Кольцо являются знаками высшей королевской власти.

Следующие вопросы касаются предсказания грядущих событий с помощью надежных расчетов и совершения добра или зла с помощью магического воздействия. Ответы будут такими. Два шахматиста одинакового мастерства сели за стол и открыли партию, кто из них победит? Несомненно, тот, кто из них более бдителен. Если бы я знал, чем заняты оба, я мог бы наверняка предвидеть результат их матча. Предвидеть - значит выигрывать в шахматах, и то же самое происходит в игре жизни. В жизни ничто не приходит случайно; случайность - это непредвиденное, но то, чего невежды не могут предвидеть заранее, уже было учтено мудрецом. Все события, как и все формы, являются результатом либо конфликта, либо баланса сил, которые могут быть представлены числами. Таким образом, будущее может быть заранее определено путем расчетов. Каждому экстремальному действию противопоставляется равноценная реакция. Итак, смех предвещает слезы, и по этой причине наш Спаситель сказал: "Блаженны плачущие". Он также сказал, и опять по той же причине: "Тот, кто возвышает себя, будет унижен, а тот, кто унижает себя, будет возвышен". Сегодня Навуходоносор - бог, завтра он превратится в зверя. Сегодня Александр совершает свой триумфальный въезд в Вавилон, и ему возносят благовония на всех алтарях; но завтра он умрет в состоянии глубокого опьянения. Будущее находится в прошлом, и прошлое также находится в будущем. Когда гений предвидит, он помнит. Следствия так неизбежно и так точно связаны со своими причинами и сами по себе становятся причинами дальнейших следствий в таком соответствии с первым способом их возникновения, что один-единственный факт может открыть провидцу целую последовательность тайн. Пришествие Христа делает пришествие Антихриста несомненным; но пришествию Антихриста будет предшествовать триумф Святого Духа. Эпоха погони за деньгами, в которую мы сейчас живем, является предвестником более щедрой благотворительности и более великих добрых дел, чем когда-либо знал мир.

Но следует понимать, что воля человека изменяет слепые причины и что единственный импульс, запущенный им, может изменить равновесие всего мира. Если такова власть человека в мире, находящемся под его владычеством, то какова должна быть власть разумных существ, управляющих солнцами? Наименьший из *Эгрегоров*, сделав вдох и внезапно увеличив скрытую калорийность нашей земли, может разлететься вдребезги и превратить ее в облако пыли. Человек также может одним дыханием рассеять все счастье одного из себе подобных. Человеческие существа намагничены, как миры; подобно солнцам, они излучают свой особый свет; некоторые лучше впитывают, некоторые отдают больше свободы. В этом мире никто не изолирован; каждый - судьба или провидение. Август и Цинна встречаются; оба горды и неумолимы; и в этом - фатальность. Эта фатальность заставляет Цинну стремиться убить Августа, который столь же фатально вынужден наказать его; но он предпочитает простить. Здесь фатальность сменяется провидением, и эпоха Августа, озаглавленная этим возвышенным благодеянием, была достойна того, чтобы стать свидетелем рождения Того, Кто сказал: "Прости своих врагов". Проявив свою милость к Цинне, Август искупил всю месть Октавия. До тех пор, пока человек подчиняется диктату рока, он профан, то есть человек, который должен быть исключен из святилища знания, потому что в его руках знание превратилось бы в ужасный инструмент разрушения. Напротив, свободный человек, который управляет, понимая слепые инстинкты жизни, по сути своей является хранителем и ремонтником, ибо Природа - это область его власти и храм его бессмертия. Когда непосвященный стремится творить добро, результатом

становится зло. С другой стороны, истинный посвященный никогда не может желать творить зло; если он и наносит удар, то для того, чтобы наказать и вылечить. Дыхание непосвященного смертоносно, дыхание посвященного дарует жизнь. Тот, кто нечестив, страдает, чтобы другие тоже могли страдать, но посвященный терпит, чтобы другие были пощажены. Тот, кто нечестив, макает свои стрелы в собственную кровь и отравляет их; тот, кто посвящен, лечит самые жестокие раны одной каплей своей крови.

Последние вопросы заключаются в том, что нужно сделать, чтобы стать настоящим магом, и в чем именно заключаются силы Черной Магии? Так вот, тот, кто располагает тайными силами Природы и в то же время не рискует быть раздавленным ими, — тот истинный волшебник. Его знают по его делам и по его концу, который всегда является великой жертвой. Зороастр создал примитивные доктрины и цивилизации Востока, после чего исчез в буре, подобно Эдипу. Орфей подарил Греции поэзию, а вместе с ней и красоту всего возвышенного; затем он погиб в оргии, в которой отказался участвовать. Несмотря на все свои добродетели, Юлиан был всего лишь посвященным в Черную магию; его смерть была смертью жертвы, а не мученика; это было уничтожение и поражение: он не смог понять свою эпоху. Хотя он был знаком с Доктриной Трансцендентальной магии, он неправильно применил Ритуал. Аполлоний Тианский и Синезий были просто замечательными философами; они культивировали истинную науку, но ничего не сделали для потомков. В свое время евангельские Волхвы правили в трех частях известного мира, и крики вифлеемского младенца заставили оракулов замолчать. Царь царей, Маг всех Магов, пришел в мир, и ритуальные обряды, законы, империи - все изменилось. В мире чудес между Иисусом Христом и Наполеоном образовалась пустота. Это воплощенное слово битвы, этот вооруженный Мессия, носивший последнее имя, пришел слепо и бессознательно, чтобы завершить христианское послание. Это откровение до сих пор учило нас, как умирать, но наполеоновская цивилизация показала нам, как побеждать. Два послания — самопожертвование и победа, о том, как страдать, умирать, бороться и побеждать, какими бы противоположными они ни были внешне, — составляют в своем единстве великую тайну чести. Крест Спасителя и крест доблести, вы неполны, когда находитесь отдельно друг от друга, ибо побеждать умеет только тот, кто научился самоотдаче даже до смерти, а как этого можно достичь, кроме как верой в вечную жизнь? Хотя внешне он умер, Наполеону суждено вернуться в лице того, кто поймет его дух. Соломон и Карл Великий также вернутся в лице единого монарха; и тогда святой Иоанн Евангелист, который, согласно традиции, возродится в конце времен, явится как суверенный понтифик, апостол понимания и любви. Сочетание этих двух правителей, о котором возвещали все пророки, приведет к чуду возрождения мира. Наука истинного мага будет тогда в зените своего развития, ибо до сих пор наши творцы чудес были по большей части колдунами и рабами, то есть слепыми орудиями случая. Теперь хозяева, которых судьба бросает в мир, вскоре будут свергнуты таким образом, и те, кто побеждает во имя своих страстей, станут добычей этих страстей. Когда Прометей в своей ревности к Юпитеру украл молнии бога, он попытался создать бессмертного орла, но то, что он создал и увековечил, было стервятником. В другой басне мы слышим о нечестивом царе Иксионе, который хотел изнасиловать царицу небесную, но то, что он принял в свои объятия, было неверным облаком, и он был прикован огненными змеями к неумолимому колесу судьбы. Эти глубокие аллегории являются предупреждением ложным адептам, осквернителям Магической науки и сторонникам Черной Магии. Сила Черной магии - это зараза головокружения и эпидемия неразумия. Фатальность страсти подобна огненной змее, которая извивается по миру, пожирая души в нем. Но разум — мирный, улыбающийся и полный любви - представленный Богородицей, ставит

свою ногу на его голову. Фатальность поглощает саму себя и становится той древней змеей Кроноса, вечно пожирающей свой хвост. Скорее, это две враждебные змеи, борющиеся друг с другом до тех пор, пока не вмешается гармония, чтобы очаровать их и заставить мирно обвиться вокруг кадуцея Гермеса.

Заключение

Самая невоздержанная и абсурдная из всех религий - это вера в то, что не существует универсального и абсолютного разумного принципа. Это вера, поскольку она предполагает отрицание неопределенного и не поддающегося определению; она невоздержанна, поскольку она изолирует и опустошает; она абсурдна, потому что предполагает полное ничто вместо наиболее совершенного совершенства. В природе все сохраняется благодаря равновесию и обновляется благодаря деятельности. Равновесие в порядке и активности означает прогресс. Наука о равновесии и движении - это абсолютная наука о Природе. Человек с его помощью может создавать природные явления и направлять их, постоянно поднимаясь к разуму, который выше и совершеннее его собственного. Моральное равновесие - это сочетание науки и веры, различных по своим силам, но объединенных в своих действиях, направленных на то, чтобы наделить дух и сердце человека тем правилом, которым является разум. Наука, отрицающая веру, не менее неразумна, чем вера, отрицающая науку.

Объект веры не может быть определен наукой и тем более отрицаться ею; напротив, наука сама призвана обосновывать рациональную основу гипотез веры. Изолированная вера не является верой, потому что ей не хватает авторитета и, следовательно, моральных гарантий; она склонна к фанатизму и суеверию. Вера — это уверенность, которая передается религией, то есть общностью убеждений. Истинная религия устанавливается всеобщим избирательным правом. Следовательно, она всегда и по существу католическая, то есть универсальная. Это идеальная диктатура, провозглашенная повсеместно в революционной области неизвестного. Когда закон равновесия будет понят более адекватно, это положит конец всем войнам и революциям старого света. Произошел конфликт между державами как между моральными силами. Папство обвиняют в том, что оно цепляется за светскую власть, но о чем забывают, так это о протестантской тенденции к узурпации духовной власти. До тех пор, пока члены королевской семьи будут претендовать на то, чтобы быть папами, папы будут, по тому же закону равновесия, претендовать на то, чтобы быть королями. Весь мир продолжает мечтать о единстве политической власти, но он не понимает, что власть пребывает в уравновешенном дуализме. Столкнувшись с королевскими узурпаторами духовной власти, если бы папа больше не был королем, он больше не был бы никем. Во временном порядке он, как и другие, подвержен предрассудкам своего времени; поэтому он не осмеливается отречься от своей мирской власти, если такое отречение стало бы скандалом для значительной части мира. Когда верховное мнение вселенной публично провозгласит, что временный правитель не может быть папой; когда царь всея Руси и король Великобритании откажутся от своего насмешливого священства; папа будет знать, что еще предстоит сделать с его стороны. До тех пор он должен бороться и, если потребуется, умереть, чтобы сохранить целостность наследия Святого Петра.

Наука о моральном равновесии положит конец религиозным спорам и философским богохульствам. Люди понимания станут также людьми религии, когда будет признано, что религия не посягает на свободу совести, и когда истинно религиозные люди будут уважать ту науку, которая, со своей стороны, признает существование и необходимость универсальной

религии. Такая наука зальет философию истории новым светом и даст синтетический план всех естественных наук. Закон уравнивающих сил и органических компенсаций откроет новую химию и новую физику. Итак, от открытия к открытию мы будем возвращаться к герметической философии и будем поражаться тем чудесам простоты и блеска, которые были так давно забыты.

Философия в те дни будет точной, как математика, ибо истинные идеи — будучи такими, которые идентичны живому порядку и, таким образом, составляют науку о реальности, — в сочетании с разумом и справедливостью создадут точные пропорции и уравнения, столь же строгие, как числа. Ошибка отныне будет возможна только из-за невежества, и истинное знание будет свободно от самообмана. Эстетизм больше не будет подчинен капризам вкуса, которые меняются вместе с модой. Если прекрасное — это великолепие истинного, мы сможем безошибочно рассчитать излучение света, источник которого должен быть определенно известен и определен с точной точностью. Поэзия больше не будет изобиловать глупыми и подрывными тенденциями, и поэты не будут теми опасными чародеями, которых Платон увенчал цветами и изгнал из своей республики; скорее, они будут магами разума и изящными математиками гармонии. Означает ли это, что земля превратится в Эльдorado? Нет, пока существует человечество, будут дети, то есть те, кто слаб, мал ростом, невежествен и беден. Но обществом будут управлять его истинные хозяева, и в жизни человека не будет непоправимого зла. Будет понято, что божественные чудеса — это чудеса вечного порядка, и фантомам воображения больше не будут поклоняться на основе веры в необъяснимые чудеса. Ненормальный характер определенных явлений является лишь доказательством нашего незнания законов Природы. Когда Бог намеревается передать знание о Себе, Он просвещает наш разум и не стремится сбить его с толку или удивить. В тот день мы познаем крайний предел могущества человека, который создан по образу Божьему; мы осознаем, что он также является творцом в своей собственной сфере и что его доброта, направляемая Вечным Разумом, является низшим провидением для существ, которые по Природе своей поставлены под его влияние и господство. Религии тогда и навсегда больше нечего будет бояться прогресса, и она будет следовать по его пути. Блаженный Винсент де Лерен, врач, справедливо почитаемый в золотой цепи католицизма, прекрасно выражает это согласие между прогрессом и консервативной властью. По его словам, истинная вера достойна нашего доверия только благодаря тому неизменному авторитету, который защищает ее догмы от капризов человеческого невежества. “Несмотря на это,” добавляет Винсент де Лерен, “такая неподвижность не является смертью; напротив, она сохраняет зародыш жизни для будущего. То, во что мы верим сегодня, не понимая этого, будет понято будущим, которое будет радоваться знанию этого. *Posteritas intellectum gratuletur, quod ante vetustas non intellectum venerabatur.* Поэтому, если нас спросят, исключен ли всякий прогресс из религии Иисуса Христа, ответ, несомненно, будет отрицательным, ибо ожидается большой прогресс. Кто в самом деле может быть настолько ревнив к человечеству и в такой вражде с Богом, чтобы желать препятствовать прогрессу? Но условие таково, что это должен быть реальный прогресс, а не смена веры. Прогресс — это рост и развитие каждой вещи в соответствии с ее классом и ее природой. Беспорядок — это путаница и мешанина вещей и их природы. Несомненно, должна быть разница в степенях интеллекта, науки и мудрости, как для людей в целом, так и для каждого человека в частности, в соответствии с естественной сменой эпох в Церкви, но только так, чтобы все было сохранено и чтобы догма всегда сохраняла один и тот же дух и поддерживала одно и то же определение. Религия должна последовательно развивать души, как жизнь развивает тела,

которые остаются неизменными на всех стадиях своего роста. Как велика разница между инфантильным цветением ранних лет и зрелостью зрелого возраста. Несмотря на это, старики в личностном отношении такие же, какими они были в детстве; изменилась только внешность. Конечности младенца в колыбели чрезвычайно хрупки, но это те же органы, имеющие те же основные принципы, что и у мужчины; и это должно быть так, ибо в противном случае наступает уродство или смерть.

“Аналогия прослеживается в религии Иисуса Христа, поскольку прогресс в ней осуществляется в соответствии с теми же условиями и по тем же законам. Оно растет с годами, с годами оно набирает силу, но ничего не добавляется к общей сумме его существа. Оно родилось цельным и совершенным в отношении пропорций, и оно растет и расширяется, не меняясь. Наши отцы сеяли пшеницу, и наши племянники не должны пожинать плевелы. Промежуточные культуры ничего не меняют в природе зерна; мы волей-неволей оставляем его таким, каким берем. Католицизм посадил розы, и разве мы должны заменять их ежевикой? Нет, несомненно; иначе горе нам. Бальзам и корица этого духовного рая не должны превратиться в наших руках в аконит и яд. Все, что в Церкви, на этой прекрасной земле Божьей, было посеяно отцами, должно быть возделано и возвращено сыновьями. Только это должно расти, и только это расцветет; но оно может увеличиваться, и оно должно развиваться. Как факт, Бог допускает, чтобы догмы его небесной философии изучались, развивались, шлифовались в определенном смысле; но что запрещено, так это изменять их, а что является преступлением, так это обрезать их или калечить. Пусть на них снизойдет новый свет и умножатся мудрые различия, но пусть они всегда сохраняют свою полноту, свою целостность и свои исконные качества”.

Поэтому давайте примем как должное, что все достижения науки в прошлом были достигнуты на благо Вселенской Церкви, и вместе с Винсентом де Лереном передадим им безраздельное наследие всего грядущего прогресса. Ей принадлежат великие устремления Зороастра и все открытия Гермеса; ей принадлежат Ключ от Святой Арки и Кольцо Соломона, ибо она представляет святую и неизменную иерархию. Она сильнее из-за своей борьбы и опирается своими очевидными падениями на еще большую стабильность. Она страдает, чтобы иметь возможность царствовать; она низвергнута, чтобы возвыситься в своем восхождении; и она умирает, чтобы воскреснуть снова. “Мы должны быть готовы, ” говорит граф Жозеф де Местр, - к великому событию в божественном порядке; мы движемся к нему ускоренными темпами, которые должны быть очевидны всем наблюдателям, в то время как поразительные оракулы возвещают, что час близок. Многие пророчества в *Апокалипсисе* относятся к нынешним временам. Один писатель зашел так далеко, что сказал, что событие уже состоялось и что французской нации суждено стать великим инструментом самой могущественной из всех революций. Пожалуй, во всей Европе нет по-настоящему религиозного человека - я говорю об образованных классах, — который в настоящий момент не ожидал бы чего-то экстраординарного. Неужели общее предчувствие такого рода ничего не значит? Перенеситесь в прошлое, даже к рождению нашего Спасителя. В тот период высокий и таинственный голос, зародившийся в восточных королевствах, провозгласил, что Восток вот-вот восторжествует, что завоеватель выйдет из Иудеи, что нам дано божественное дитя, что он спустится с высочайших небес и восстановит золотой век на земле. Такие идеи были распространены повсюду, и поскольку они превыше всего подходили для поэзии, они были подхвачены величайшим из латинских поэтов и облечены яркими красками в его *Поллионе*. Сегодня, как и во времена Вергилия, вселенная пребывает в ожидании, и как с нашей стороны мы можем презирать такое сильное убеждение или по какому праву осуждать тех, кто посвящает себя священным

исследованиям по указаниям божественных знаков? Если вы ищете доказательства того, что вас ожидает, посмотрите на сами науки; рассмотрите прогресс химии, а также астрономии, и вы увидите, к чему они ведут. Могли бы вы подумать, например, что Ньютон возвращает нас к Пифагору и что сейчас будет доказано, что небесные тела приводятся в движение, подобно человеческим телам, соединенным с ними разумом? Мы не знаем как, но это то, что находится на грани проверки вне всяких сомнений. Такая доктрина может показаться парадоксальной и даже нелепой, поскольку сложившееся мнение навязывает эту точку зрения; но давайте подождем, пока естественная близость религии и науки не объединит их в сознании одного гениального человека. Его пришествие не за горами, и тогда мнения, которые сейчас кажутся причудливыми или иррациональными, станут аксиомами, которые никто не будет подвергать сомнению, в то время как люди будут говорить о нашей нынешней глупости так же, как сейчас говорят о средневековых суевериях”.[370]

Согласно святому Фоме, и это прекрасное высказывание: “Все, чего желает Бог, справедливо, но то, что справедливо, не должно называться так только потому, что так хочет Бог” —*Non ex hoc dicitur justum quod Deus illud vult*. Здесь содержится моральная доктрина будущего, и из ее плодотворного принципа немедленно следует один вывод: не только хорошо с точки зрения веры делать то, что предначертано Богом, но даже с точки зрения разума превосходно и рационально повиноваться Ему. Поэтому человек может сказать: я творю добро не только потому, что этого желает Бог, но и потому, что я сам этого хочу. Воля человечества, таким образом, может быть одновременно свободной и согласованной, ибо разум, непоправимым образом демонстрирующий мудрость предписаний веры, будет действовать по собственному побуждению, следуя божественному закону, для которого разум, таким образом, становится как бы человеческой санкцией. С этого времени суеверие и нечестие будут больше невозможны, в то время как из этих соображений следует, что в религии и в практической, то есть в моральной, философии будет абсолютный авторитет, и только моральные догмы будут раскрыты и утверждены. До тех пор мы будем испытывать боль и ужас, видя, как ежедневно оспариваются самые простые и универсальные вопросы права и долга, в то время как если богохульства замалчиваются, то одно дело навязывать такое молчание, но совсем другое - убеждать и обращать.

До тех пор, пока Трансцендентная Магия осквернялась порочностью людей, Церковь по необходимости запрещала ее. Ложные гностики дискредитировали это название гностицизма, которое когда-то было таким чистым; маги оскорбили детей Магов; но религия, этот друг традиции и хранитель сокровищ древности, больше не может отвергать доктрину, предшествующую Библии и находящуюся в совершенном согласии с традиционным уважением к прошлому, а также с нашими самыми жизненными надеждами на прогресс в будущем. Тяжелый труд и вера приобщают простых людей к праву собственности и знаниям. Такой народ будет всегда, как всегда будут дети; но когда аристократия, наделенная мудростью, станет матерью для народа, путь личной, последовательной, постепенной эмансипации будет открыт для всех, и тот, кто призван, благодаря этому сможет своими собственными усилиями достичь ранга избранного. Это та тайна будущего, которую античная инициация скрывала в своих темных тайниках. Чудеса Природы, подчиненные воле человека, берегутся для грядущих избранных. Посох священства станет жезлом чудес; так было во времена Моисея и Гермеса; так будет и впредь. Скипетром Мага будет скипетр короля или императора мира; и этот человек по праву будет первым среди людей, который проявит себя величайшим из всех в знании и добродетели. Магия в то время больше не будет оккультной наукой, за исключением

невежественных; она будет бесспорной для всех. Тогда вселенское откровение соединит одно с другим все звенья своей золотой цепи; человеческая эпопея завершится, и даже усилия Титанов послужат лишь восстановлению алтаря истинного Бога. Все формы, последовательно облакавшие божественную мысль, возродятся бессмертными и совершенными. Все эти черты, набросанные сменяющим друг друга искусством народов, будут объединены, чтобы сформировать совершенный образ Бога. Будучи очищенной и выведенной из хаоса, догма естественным образом породит непогрешимую этику, и на этой основе будет создан общественный порядок. Системы, которые сейчас находятся в состоянии войны, - это мечты о сумерках; пусть они пройдут. Солнце сияет, и земля следует своим курсом; рассеян тот, кто сомневается в том, что этот день наступает. Сбиты с толку и те, кто говорит, что католицизм - это всего лишь мертвый ствол и что мы должны рубить его топором. Они не видят, что под его сухой корой постоянно обновляется живое дерево. У истины нет прошлого и нет будущего; она вечна; это не то, что заканчивается; это всего лишь наша мечта. Молот и топор, которые разрушают на глазах у человека, находятся в руке Бога, как нож секатора, и сухие ветви — являющиеся суевериями и ересями в религии, науке и политике — могут быть срезаны только с дерева вечных убеждений.

Целью этой Истории магии было продемонстрировать, что вначале символами религии были символы науки, которые тогда были сокрыты. Пусть религия и наука, воссоединившись в будущем, будут помогать и проявлять любовь друг к другу, как две сестры, ибо у них была одна колыбель.

На этом заканчивается история магии

ПРИЛОЖЕНИЕ

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ, ПРИЛОЖЕННОЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ[371]

Работы Элифаса Леви по науке древних магов представляют собой полный курс, разделенный на три части. Первая часть содержит Доктрину и ритуалы Трансцендентальной магии; вторая - Историю магии; а третья будет опубликована позже под названием "Ключ к Великим тайнам". Взятая по отдельности, каждая из этих частей дает полную инструкцию и, по-видимому, содержит всю науку; но для полного понимания одной из них необходимо тщательно изучить две другие.

Троичное разделение нашего предприятия было навязано самой наукой, потому что наше открытие ее великих тайн полностью основывается на значении, которое древние иерофанты придавали числам. Три было для них производящим числом, и при изложении каждой доктрины они учитывали (а) теорию, на которой она была основана, (b) ее реализацию и (c) ее применение для всех возможных целей. Философские или религиозные, так формировались догмы; и таким образом догматический синтез того христианства, которое было наследником волхвов, налагает на нашу веру признание Трех Личностей в одном Боге и трех тайн во всеобщей религии.

Мы следовали в расположении двух уже опубликованных работ и будем следовать в третьей работе плану, указанному Каббалой, то есть чистейшей традицией оккультизма. Каждое наше Учение и Ритуал разделены на двадцать две главы, различающиеся двадцатью двумя буквами еврейского алфавита. В начале каждой главы мы поместили принадлежащую ей букву и латинские слова, которые, согласно лучшим авторам, представляют ее иероглифическое значение. Например, в начале первой главы будет найдено:—

1 хА

Получатель
Дисциплины
Энсоф
Кетер

Объяснение заключается в том, что буква *Алеф*, эквивалентная А на латыни и имеющая числовое значение 1, обозначает Получателя, человека, призванного к инициации, квалифицированную личность, соответствующую Бакалавру Таро. Оно означает также *дисциплину*, или догматический силлепсис; *Энсоф*, или бытие в его общей и первичной концепции; и, наконец, *Кетер*, или Корону, которая в каббалистической теологии является первой и неясной идеей Божественности. Глава, о которой идет речь, является развитием названия, и название содержит иероглифически всю главу.

История магии, которая следует далее, повествует и объясняет, в соответствии с общей теорией науки, изложенной в "Доктрине и ритуале", реализацию этой науки на протяжении веков. Как объясняется во введении, оно составлено в гармонии с числом семь — семеричным числом творческой недели и Божественной Реализации.

Ключ к Великим Тайнам будет найден в числе четыре, которое относится к загадочным формам сфинкса и элементарным проявлениям. Это также число квадрата и силы. В упомянутой книге уверенность будет установлена на неустрашимых основаниях. Загадка сфинкса получит свое полное разрешение, и нашим читателям будет предоставлен Ключ к тому, что хранилось в секрете от основания мира, который ученый Постель лишь осмелился загадочно изобразить в одной из своих самых малоизвестных книг, не давая удовлетворительного объяснения.

История магии объясняет утверждения, содержащиеся в Доктрине и Ритуале; Ключ к Великим Тайнам дополнит и объяснит Историю Магии. Таким образом, по крайней мере, для внимательного читателя, мы надеемся, что в нашем раскрытии тайн еврейской каббалистики и Высшей Магии — будь то тайна Зороастра или Гермеса - не будет недостатка ни в чем.

Автор этих книг охотно дает уроки серьезным и заинтересованным людям, ищущим их; но раз и навсегда он желает предупредить своих читателей, что он не предсказывает судьбу, не обучает гаданию, не делает предсказаний, не изготавливает зелья и не прибегает к колдовству и вызыванию духов. Он человек науки, а не человек обмана. Он энергично осуждает все, что осуждается религией, и поэтому его не следует путать с людьми, к которым можно без колебаний обратиться с вопросом о применении их знаний для опасного или незаконного использования. В остальном он приветствует честную критику, но не понимает некоторых враждебных действий. Серьезная учеба и добросовестный труд превосходят все нападки; и

первые благословения, которые они приносят тем, кто может их оценить, - это глубокий мир и всеобщее благоволение.

ÉLIPHAS LÉVI.

1 сентября 1859 года.

КОНЕЦ

Полностью напечатано в Англии для Muston Company.

От Lowe & Brydone, Printers, Ltd., Парк-стрит, Камден-Таун, Лондон, Нью-Йорк

СНОСКИ:

[1] Это слово означает получение, и на раввинском иврите оно обозначает доктрину, переданную таким образом, то есть традицией, переданной или полученной из прошлого. Джон Рейхлин определяет это как символическое восприятие, означающее, что доктрина заключается не только в ее поверхностном значении. Далее он говорит, что это Божественное Откровение и что оно относится прежде всего к животворящему созерцанию Бога. Это в универсальном смысле, но это касается также тайного учения, касающегося конкретных вещей, подразумевая проявленные вещи — *созерцание формы отдельной*.

[2] Имеется в виду "*Происхождение наших культов*", ou *Religion Universelle*, 12 томов. в 8во, вместе с атласом в 4то. Париж, 1794. В работе была предпринята попытка показать единство догмы под множеством символов и аллегорий. Другими словами, он объяснял религию с помощью астрономии, культ - в свете календаря, тайны благодати - с помощью природных явлений. Сокращение в небольшом томе появилось около 1821 года. Таблица Дендеры или Дендра представляла собой большой зодиак, изваянный на потолке портика, принадлежащего Храму в том месте, которое было древним Тентирио.

[3] *Sed omnia in mensura, et numero, et pondere disposuisti*: "Но Ты все упорядочил по мере, числу и весу". — Мудрость, xi. 21.

[4] Традиционная Гексаграмма представляет в изобразительной символике основную доктрину Герметической Изумрудной Скрижали: "То, что вверху, равно тому, что внизу". Это знак взаимопроникновения миров.

[5] Согласно "*Зогар*", Глава I., след. 21a, 21b, именно с ангелом-хранителем Исава боролся Иаков в месте, которое он назвал Пениэль. Ангел не смог одолеть Иакова, потому что последний

черпал свою силу из Высшего Света, *Кетер*, и из *Хокмы*, которая является второй ипостасью. Поэтому он ударил Иакова по правому бедру, что означает седьмую *сефиру*, или *Нецах*.

[6] Более обычным аргументом высокого ортодоксального богословия латинской школы является то, что грех против Бесконечного Существа - это грех бесконечной вины. Если бы в ответ было высказано предположение, что оно должно быть бесконечно непоследовательным, поскольку речь идет об этом Существо, это могло бы быть не более разумным, чем аргумент, но это нанесло бы меньший ущерб логике.

[7] Следует, однако, отметить, что в средние века существовала своего рода насмешка, когда сатана и его посланники в фольклоре предстают в нелепом свете. Существует прототипическая история о дьяволе, который читал курс лекций по Черной магии в Университете Саламанки и потребовал в качестве вознаграждения душу одного из своих слушателей; но он был обманут тенью студента.

[8] В своей более ранней работе "*Доктрина и ритуал трансцендентальной магии*" Элифас Леви утверждает (a), опираясь на авторитет автора, которого он не называет, что дьявол - это Бог, как его понимают нечестивые; (b) согласно другому авторитету, что дьявол состоит из руин Бога; (c) что дьявол - это Великий Магический агент, используемый в злых целях извращенной волей; (d) что он - смерть, маскирующаяся под сброшенные одежды жизни; (e) что сатана, Вельзевул, Адрамелек и т.д. обозначают не духовные объединения, а легионы нечистых духов.

[9] Говоря о зле и возможном князе Тьмы, необходимо действовать осторожно, если мы ограничены, подобно Элифасу Леви, рамками теории противоположностей. Определение зла как отсутствия праведности совершенно недостаточно для охвата фактов опыта; это действительно так, но это также и нечто большее, что может потребоваться для объяснения его позитивной и активной стороны. Истина заключается в том, что положительное и отрицательное находятся по обе стороны вечного равновесия вещей, постулируемого теорией. Насколько это возможно, зло - это отсутствие прямоты, и, насколько это возможно, также прямота - это отсутствие зла; но жизненно важные аспекты добра и зла ускользнули между пальцами определения в обоих случаях.

[10] Сен-Мартен признает существование астральной области, которая, по-видимому, является областью звездного правления. По его мнению, в этой области существует определенная наука, и ее активная ветвь является теургической, в то время как пассивная порождает сомнамбулизм. Эти разделы составляют элементарную науку об астрале, но над ними есть еще один, более фатальный и опасный, о котором он отказывается говорить. Не существует мартинистической доктрины об Астральном Свете, понимаемом как универсальный медиум. Элифас Леви, по-видимому, использовал термин "мартинизм" в общем смысле, как если бы он включал школу Мартинеса де Паскуалли. У Паскуалли, однако, нет учения об Астральном Свете. Современный французский мартинизм вычитал это в довольно нелепой "эпико-магической поэме" или аллегории Сен-Мартена, называемой "*Крокодил*", подобно тому, как другая школа экспериментаторов могла бы найти в ней завуалированный рассказ о хрониках Акаши и способе их изучения. Я имею в виду историю Атлантиды, которая начинается с *песнопения 64* и занимает большую часть книги. В этой связи очень любопытен рассказ о Кресле Молчания.

[11] Если слово греческого происхождения, то оно, по-видимому, связано с идеей наблюдателей, а не лидеров. Ср. [греческое *ho egrêgoros*] = Бдение в Септуагинте.

[12] Каббалистическое объяснение состоит в том, что (а) Египетская магия была настоящей Магией; (b) что ее мудрость была только низшей ступени; (с) что она была преодолена высшими ступенями, благодаря которым змей наверху, или Метатрон, доминирует над змеем внизу, а именно, Самаэлем. См. "Зоар", часть II., след. 28а.

[13] В другом месте Элифас Леви предполагает, что маги фараона скорее отказались, чем потерпели неудачу, и что производство мух было ниже достоинства их Магии.

[14] Следует отметить, что это перечисление приведено в порядке, обратном хронологии, и, как оказалось, оно даже не соответствует тому, что можно назвать традиционной хронологией. Легенда гласит — и сам Элифас Леви упоминает об этом впоследствии, — что *Сефер Йецира* была работой Авраама и что *Зоар* по своей сути является буквальной записью бесед, произнесенных Р. Симеоном Бен Йохананом после падения Иерусалима в 70 году нашей эры. Иерусалимский и Вавилонский талмуды, по общему признанию, возникли на протяжении нескольких столетий.

[15] Значения, приписываемые именам и надписям на двух Колоннах Храма, будут представлять особый интерес для членов Массонского братства, которым напомним о вариантах, с которыми они сами знакомы. Следует, однако, сказать, что объяснение Леви не соответствует ни масонской, ни каббалистической символике. Согласно последнему, *Вооз* - Столп левой руки, символизирующий Суровость в схеме Древа Сефирот; он соответствует *Ход*, и значение, придаваемое его имени, - Сила и Энергичность. *Иахин* находится по правую руку, отвечая *Нецах* на Дереве; это означает состояние становления установленным. То, что укреплено между *Ходом* и *Нецах* это *Малкут*, или царство внизу. Это поздний каббалистический трактат, озаглавленный *Гранатовый сад*.

[16] Это особая конструкция, которую Леви применяет к текстам, с которыми он предполагает иметь дело, и на самом деле она ими не обоснована. В "*Зогаре*", однако, есть учение о Неведомой Тьме. Бесконечное - это не свет и не великолепие, хотя все сияния исходят оттуда. Это Высшая Воля, превосходящая человеческое понимание и более таинственная, чем все тайны. См. *Зоар*, часть I., fol. 239а.

[17] Элифас Леви, похоже, не всегда максимально использовал свои возможности в отношении текстов каббалистики и относящейся к ним литературы, которые были доступны в его период на латыни и некоторых современных языках, включая его собственный. В остальном у него было мало возможностей узнать истинное послание зоарического цикла. Принимая во внимание все обстоятельства, его догадки иногда были очень проницательными, а кое-где и намеком на интуицию. Учение *Зоар* о сексе, как и большая часть его доктрины, постулирует тайную традицию, которой оно никогда не дает полного выражения, хотя оно постоянно приподнимает то один, то другой уголок завесы. Однако говорить об этом в рамках заметки невозможно.

[18] Это было не главное слово, а способ приветствия; оно не было ни масонским, ни каббалистическим; это была формула розенкрейцеров. Можно добавить, что на слова: "Глубокий мир, братья мои" — последовал ответ: "Эммануил, с нами Бог". Это совершенный и в высшей степени мистический способ приветствия.

[19] Возможно, истинное объяснение в отношении Генри Кунрата заключается в том, что, по-видимому, он придерживался лютеранских убеждений как одной из случайностей своего рождения, но в более высоком сознании он был, насколько только мог быть, католиком. Что

касается решительного протестантизма, Элифас Леви говорит в своем *Ритуале трансцендентальной магии*, что Кунрат “влияет на христианство в выражениях и знаках, но легко увидеть, что его Христос - это Абраккас, светящаяся пентаграмма, излучающаяся на астрономическом кресте, воплощение в человечестве суверенного солнца, прославляемого императором Юлианом”. Смотрите мой перевод "*Доктрины и ритуалов трансцендентальной магии*", стр. 257.

[20] Элифас Леви ранее говорил (a), что Церковь игнорирует Магию, поскольку она должна либо игнорировать ее, либо погибнуть; (b) что Магия, в его понимании, является абсолютной религией, а также абсолютной наукой; (c) что она должна возродить все формы поклонения.

[21] Если стоит так сказать, перевод этого отрывка не соответствует тексту, который предполагает, что акт зачатия — с женской стороны - сопряжен со страданиями. The text reads: *C'est le plaisir qui féconde, mais c'est la douleur qui conçoit et enfante.*

[22] Согласно Зоару, буква Алеф является таинством единства, которое есть в Боге, и именно благодаря этому и в нем человек достигает единства. Бет является основой работы творения и, в смысле, также ее инструментом. Гимел олицетворяет милосердие, которое помогает бороться с бедностью, обозначается буквой Далет. Буквы He и Vau являются частью тайны, которая содержится в Божественном Имени-י ה ו ה. Букву Zain сравнивают с острым мечом или кинжалом.

[23] Нижеследующий отчет можно сравнить с тем, что находится в s.v. *Апокрифах* С.В. в Словаре Кретьенской литературы Элифаса Леви, упомянутом в моем предисловии к настоящему переводу. В нем легенда о падении некоторых ангелов описывается как *une assez singulière histoire*. Он также ссылается на различные дошедшие до нас версии книги и, в частности, на те, которые отличаются от “первобытного” кодекса, являясь (a) тем, что он использует, и (b) “тем, что святой Иуда цитирует в своем католическом послании как подлинное” произведение, на самом деле составленное пророком Енохом, которому оно приписывается.

[24] В “, говорится, что Ноев ковчег был символом Ковчега Завета, что его появление в нем спасло мир, и что эта тайна аналогична Высшей Тайне. В этот момент во всем каббалистическом комментарии присутствует намек на секс, и природа “необузданного аппетита”, вызвавшего потоп, отождествляется с тем грехом, который привел к уничтожению второго сына Иуды, как сказано в книге Бытия, глава xxxviii. См. *Книгу Зоар*, часть I., раздел, *Рассказывающий о Ное*. Намекается также, что души тех, кто погиб во время потопа, должны были быть стерты, подобно воспоминанию об Амалике. Часть I., fol. 25a. Они даже не будут включены в воскресение, которое произойдет перед Страшным Судом. Фол. 68б. В то же время наказание было бы приостановлено, если бы Ной молился Богу, как Моисей, но традиция предполагает, что он спрашивал только о себе. *Зоар*, часть III., след. 14b. Святая Земля не была покрыта водами Всемирного потопа. Часть II., fol. 197a.

[25] Это был Жезл Аарона, а не Моисея, который, согласно Евр. ix. 4, был помещен в Ковчег Завета вместе со Скрижалями Закона и Сосудом с Манной. Однако наиболее ясно сказано в I Царств, viii. 9, что “в ковчеге не было ничего, кроме двух каменных скрижалей, которые Моисей поставил там на Хориве”.

[26] К какой бы дате ни относилась *Книга покаяния Адама*, она представляет собой одну из форм легенды, которая была широко распространена в средние века. *Евангелие от Никодима*, по-видимому, впервые проводит аналогию между Древом Познания и Древом Креста. “Все вы, кто

умер через дерево, к которому прикоснулся этот человек” — Адам, — “всех вас Я оживлю через дерево креста”. Легенда о тройной ветви, претерпев странную трансформацию, вновь появляется в той хронике Святого Грааля, авторство которой приписывается Уолтеру Мапу. Нет конца историям, изображающим Христа умирающим на дереве, которое было срезом с Древа Познания. Вот как Древо Познания становится Древом Жизни в христианской легенде.

[27] В книге *"Скрытая конституция мира"*, которая является главной работой Постеля, помимо его перевода *"Сефер Йецира"*, утверждается, что Енох родился в то время, когда Христос-Посредник должен был проявиться во плоти как воплощение совершенной Добродетели, предполагая, что человек остался в своем первом сословии. Нет никаких ссылок на *Книгу Бытия Еноха*.

[28] *Hic intrativus foveam*— он, будучи еще жив, входит в гробницу, - говорит Адам Сен-Викторский в своей третьей последовательности за 27 декабря.

[29] Было два канонизированных епископа, носивших имя Мефодий в совершенно разные периоды, и поскольку оба были писателями, остается открытым вопрос, на кого из них имеется в виду ссылка. Вероятно, это посвящено Мефодию с Олимпа, принявшему мученическую смерть около 311 года. Мефодий, патриарх Константинопольский, умер в 846 году. Нет ни малейших оснований предполагать, что Апокалипсис под названием "Бермехобус" был делом рук кого-либо из них.

[30] Сравните книгу Лопухина *"Особенности внутреннего мира"*, где святилище, которое было открыто Адамом, более конкретно связано с Авелем и, предположительно, впоследствии поддерживалось Сетом. В противовес этому была Церковь Каина, которая с самого начала была антихристианской. Смотрите мое введение к переводу мистера Николсона, стр. 6, 7, и текст, стр. 59 — *Некоторые характеристики внутренней церкви*, 1912.

[31] Согласно *Зоару*, опьянение Ноя содержит тайну мудрости. Он действительно постигал глубину того греха, который привел к падению первого человека, и его целью было найти средство от него. В этом он потерпел неудачу и “был пьян”, стремясь обнажить божественную сущность, не имея интеллектуальной силы исследовать ее. *Раздел, рассказанный Ноем*.

[32] В *"Сефер Ха Зоар"* в нескольких местах утверждается, что Закон был предложен язычникам, но они отказались.

[33] Авторитетность этого утверждения недостаточна. *Зоар* подробно останавливается на Книге Бытия хxi. 9: “И увидела Сарра сына Агари” и т.д., подразумевая, что она признала его не сыном Авраама, а только египтянином. Патриарх, однако, считал его своим собственным сыном. Желание Сарры изгнать их оправдано тем, что она видела, как Измаил поклонялся небесным звездам. См. *Книгу "Зоар"*, часть I., стр. 118. Здесь нет никаких намеков на предполагаемые дары отца, Священное Писание со всей очевидностью показывает, что хлеб и бутылка воды на этот раз следует понимать буквально.

[34] Даже во времена Элифаса Леви не требовалось ученого-раввина или знания арамейского языка, чтобы помешать любому достаточно информированному человеку предположить, что *Книга сокрытой тайны*, являющаяся текстом, на который здесь ссылаются, является началом *Зоара*. Он следует за *Комментарием к книге Исход*, примерно в середине всего сборника, который охватывает все Пятикнижие. Так получилось, что рассматриваемый небольшой трактат

является первым из трех разделов, переведенных Розенротом на латынь, и это, должно быть, ввело Леви в заблуждение вследствие крайне небрежного прочтения. В "*Обнаженной каббале*" было много возможностей для исправления, а также в "*Каббале*" — интересном, но очень несовершенном исследовании Адольфа Франка, появившемся в 1843 году.

[35] Нет реальной аналогии между изображением, приписываемым Паскалю, и изображением из Зоарической *Книги Сокрытия*. Я не проверял ссылку на Pascal, поскольку Леви не предоставил такой возможности, но я объяснил в другом месте, что идея, вероятно, была почерпнута из S. Bonaventura, who speaks of that *sphæra intelligibilis, cujus centrum est ubique et circumferentia nusquam*. См. "*Итеринариум мыслей до конца*". Я предположил, что сам С. Бонавентура черпал вдохновение из герметической книги. Что касается символики Весов, в *Книге сокрытых тайн* говорится (a), что при сотворении мира Бог взвесил на Весах то, что не взвешивалось ранее, (b) что Весы были подвешены в области, где раньше не было Весов, (c) что они служили как для тел, так и для душ, для существ, существовавших тогда, и для тех, кто будет существовать впоследствии. Это единственные упоминания на эту тему, найденные в трактате.

[36] Как таковой он устарел, и монография на эту тему включена Джейкобом Брайантом в его *Анализ античной мифологии*, том ii. стр. 38 и далее. Следуя авторитетам своего времени, и особенно Уэцию, он говорит, что "они предполагали существование Зороастра везде, где был зороастриец, то есть везде, где была принята или возрождена религия магов". Два зороастра Леви олицетворяют два принципа религиозной философии.

[37] Английский перевод Халдейских оракулов Томаса Тейлора, платониста, утверждает, что добавил пятьдесят оракулов и фрагментов, не включенных в собрание Фабрициуса. Мистер Мид говорит, что этот вопрос никогда не рассматривался с научной точки зрения до появления книги Дж. Кролла "*Об оракулисе халдейском*" в Бреслау в 1894 году.

[38] Следует понимать, что это краткое изложение представляет собой чрезвычайно вольную интерпретацию и вряд ли соответствует тексту, над которым работал Элифас Леви. Следуя тексту Кролла, мистер Мид переводит первые строки следующим образом: "Природа убеждает нас, что даймоны чисты, а то, что вырастает из зла, является полезным и благим". Переводятся последние строки: "Но когда ты узришь сам священный Огонь с танцующим сиянием, бесформенно вспыхивающим в глубинах всего мира, тогда прислушайся к Голосу Огня".

[39] Смотрите мой *Ключ к Таро*, 1910, стр. 32, и карты, прилагаемые к этому руководству. Смотрите также мой *Графический ключ к Таро*, 1911, стр. 144-147.

[40] У одного из халдейских оракулов есть следующий совет: "Трудись вокруг *Строфала* Гекаты", что мистер Г. Р. С. Мид переводит как "Будь активен (или действителен) вокруг Гекатического вращающегося предмета". В качестве комментария он добавляет, что *Строфалос* иногда может означать вершину. "В Мистериях волчки были включены в число игрушек юного Вакха, или Иакха. Они представляли... неподвижные звезды (гудящие волчки) и планеты (бьющие волчки)". — *Халдейские оракулы*, том ii. стр. 17, 18.

[41] Принимая это определение термина "окультизм", мы можем различить, каким образом оно отличается от мистического термина. Согласно этой гипотезе, первое - это осознанность, достигаемая при искусственном сне, который успокаивает чувства, а второе - Божественная Реализация в духе после того, как образы материальных вещей и мира разума были изгнаны, так что освященный человек остается наедине с Богом в тишине.

[42] Это была *История магии*, которая распространялась в строжайшей тайне. Позже, и, вероятно, после кончины автора, она появилась обычным способом, а в 1886 году был опубликован английский перевод под редакцией мистера Дж. С. Фармера, но я полагаю, что он так и не был опубликован.

[43] Элифас Леви добавляет в примечании, что, согласно Суйдасу, Седренусу и *Александрийской хронике*, это был сам Зороастр, который, сидя в своем дворце, внезапно и по собственной воле исчез со всеми своими секретами и всеми своими богатствами при сильном раскате грома. Он объясняет, что каждый царь, обладавший божественной властью, считался воплощением Зороастра, и что Сарданапал превратил свой погребальный костер в апофеоз.

[44] Анализ Элифаса Леви требует проверки по всем пунктам. Он следовал латинской версии Анкетилля Дюперрона, сделанной по персидскому тексту, а это настолько редко, что почти недоступно. Поэтому я заслужу благосклонность моих читателей, представив следующий отрывок из книги Дойссена "*Религия и философия Индии*", касающийся *Упнек'хат*:

Положение отдельно от 52 и 108 Упанишад занимает то собрание из 50 Упанишад, которое под названием *Упнекхат* было переведено с санскрита на персидский в 1656 году по просьбе султана Мухаммеда Дара Шако, а с персидского на латынь в 1801-2 годах Анкетилем Дюперроном. *Упнекхат* утверждает, что является общим собранием Упанишад. Она содержит в двенадцати разделах Упанишады трех древних Вед, а вместе с ними 26 атхарва-упанишад, которые известны из других источников. Кроме того, он включает восемь самостоятельных трактатов, существование пяти из которых до настоящего времени нигде не было доказано, и поэтому возможен только перевод с персидско-латинского Anquetil. Наконец, *Упнек'хат* содержит четыре трактата из Ваджа. Самх. 16, 31, 32, 34, из которых первый встречается в сокращенной форме и в других сборниках, например, в "Ниларудра упанишаде", в то время как три последних больше нигде не встречаются. Включение этих трактатов из "Самхиты" в свод Упанишад, как будто существовала опасность того, что в противном случае они могут кануть в лету, заставляет нас сделать вывод о сравнительно более поздней дате для самого сборника "Упнекхат", хотя уже в 1656 году персидские переводчики не претендовали на роль составителей оригинала, а приняли сборник за уже заверченный. Из—за чрезмерной буквальности, с которой Анкетиль Дюперрон слово в слово перевел эти упанишады с персидского на латынь, сохранив синтаксис прежнего языка, — буквальности, которая разительно контрастирует со свободой, с которой персидские переводчики обращались с санскритским текстом, — "*Упнек'хат*" очень трудна для чтения; и требовалась проницательность, столь же острая, как у Шопенгауэра, чтобы обнаружить в этой отталкивающей шелухе зерно бесценного философского значения и использовать его для объяснения своей собственной системы. Изучение материала, предоставленного в наше распоряжение в *Oupnek'hat*, впервые было предпринято А. Вебером, инд. Студ. I, II, ix., на основе санскритского текста. Между тем оригинальные тексты были опубликованы в *Индийской библиотеке* частично с подробными комментариями, а затем снова в серии "Анандашрама". Два самых длинных и несколько более коротких трактата появились в буквальном переводе на немецкий О. Бохтлинга. Макс Мюллер перевел двенадцать древнейших упанишад в *Священных книгах Востока*, том i. 15. И мой собственный перевод 60 Упанишад содержит полные тексты этого характера, которые, в силу их регулярного появления в индийских сборниках и списках Упанишад, могут претендовать на определенную каноничность. Предварительные введения и примечания исчерпывающе описывают содержание и композицию нескольких трактатов".

[45] Это вторая книга сборника под названием *Orthodoxie Maçonnique*, который был опубликован в 1853 году. Описание магических дисков и соответствующих им планет можно найти на стр. 498-501. Рагон утверждал, что существует система Окультизма трех Степеней.

[46] Легенда об Изумрудной табличке гласит, что она была найдена Александром Македонским в гробнице Гермеса, которая была спрятана египетскими жрецами в глубинах Великой пирамиды в Гизе. Предполагалось, что это было написано Гермесом на большой изумрудной пластине с помощью заостренного алмаза. Я полагаю, что греческой версии не сохранилось, и Луи Фигье относит ее к седьмому веку христианской эры или около того. See *L'Alchimie et les Alchimistes*, p. 42.

[47] В своем *Словаре алхимии* Руландус напоминает нам, что “древние астрономы посвящали Изумруд Ртути”, и Бертло говорит, что это соответствовало представлениям египтян, которые включали Изумруд и сапфир в свой список металлов. See *Collection des Anciens Alchimistes Grecs, première livraison*, p. 269. Планета Меркурий была планетой Гермес, и, возможно, предполагалась какая-то мистическая связь между ртутью и драгоценным камнем. Это должно было произойти в греко-александрійские времена, если вообще когда-либо было, поскольку древний Египет, похоже, не был знаком со ртутью.

[48] В тексте говорится: *тройная бинарность или мираж треугольника*, но очевидно, что отраженную триаду нельзя назвать бинарной. Выражение запутанное, но смысл в том, что первый треугольник равен единице, или числу 1; вторая тройка соответствует дуаде, или числу 2; третья тройка соответствует числу 3 и так далее.

[49] Имеется в виду “*Эдип Египетский*” Афанасия Кирхера, 3 тома. in folio, обычно в четырех переплетах, издано в Риме в 1652-1654 годах. *Менса Исиака*, являющаяся табличкой Бембина, названной так потому, что ее открытие связано с именем кардинала Бембо, представлена в третьем томе — великолепно изготовленной складной пластинке. Оригинал чрезвычайно поздний, и его грубо называют подделкой. В 1669 году Табличка была воспроизведена в большем масштабе с помощью ряда складных табличек в *Mensa Isiaca* Лаврентия Пигнориуса. Обе работы чрезвычайно редки. Я полагаю, что это единственные сохранившиеся записи о Табличке, за исключением имеющейся у меня большой копии, сделанной из вышеупомянутых источников.

[50] М-р Г. Р. С. Мид сообщает нам, что *Гортань* в своем корневом значении, согласно Проклу, означает “силу передачи”, которая, как сказано в халдейских Оракулах, “поддерживает источники”. М-р Мид считает, что *языки* были воспроизведены (а) как Живые Сферы и (б) как Крылатые Шары. Он считает, также, что (а) разума на уровне реальности загадал (б) один *Iyinx*, (ц) после этих трех *Iyinges*, называется отцовской и невыразимое, и, наконец, (д) возможно, были сонмы подчиненных *Iyinges*. Они были “свободными разумными существами”. Из этого, по-видимому, следует, что *Горыныч* был не “эмблемой вселенского бытия”, а продуктом Вечного Разума.

[51] Можно упомянуть, что еврейский алфавит был разделен на (а) Три Материнские буквы, а именно: *Алеф*, *Мем* и *Шин*; (б) Семь двойных букв, таких как *Бет*, *Гимел*, *Далет*, *Каф*, *Пе*, *Реш*, *Тау*; и (с) Двенадцать Простых букв, или *Он*, *Вэу*, *Зайн*, *Хет*, *Тет*, *Йод*, *Ламед*, *Нун*, *Самех*, *Айин*, *Цаде*, *Квоф*.

[52] *Сефер Йецира* впервые стала известна читающей на латыни Европе благодаря Уильяму Постелу. Публикация состоялась в Бале в 1547 году. Говорят, что она была переиздана в Амстердаме в 1646 году. Коллекция Писториуса, озаглавленная *Artis Cabalisticæ Scriptores*, относится к 1587 году. Более поздние и современные издания *Книги становления* довольно многочисленны. Она была переведена на французский язык вместе с арабским комментарием Р. Саады Гаона мэром Ламбертом в 1891 году. Английская версия, написанная доктором У. Уинном Уэсткоттом, будет интересна широкому кругу читателей.

[53] Карты Таро этого периода относятся к 1393 году, и недавно во Франции было высказано предположение, что художник Шарль Грингоннер на самом деле был их изобретателем. Полезно отметить это мнение, но я не думаю, что ему придается какое-либо значение. Также было сказано, что сохранившиеся образцы Грингоннера в *Национальной библиотеке* итальянского происхождения и, следовательно, не его работы. Венецианские карты Таро иногда рассматривались как древнейшая известная форма. Исторический вопрос в настоящее время остается неясным.

[54] Перед лицом существующих свидетельств описание карт Таро Trumps Major как каббалистического алфавита имеет столько же оснований, сколько и утверждение о том, что они представляют собой египетскую *Книгу Тома*. Однако мне сообщили, что существует неизвестное еврейское Таро, и изучающим этот предмет может быть интересно узнать, что в скором времени я надеюсь получить информацию о нем из первых рук. Нет особых оснований предполагать, что это окажется (а) древним или (b) каббалистическим; но поскольку никто никогда не знает, что находится у его порога, я фиксирую этот факт, чего бы он ни стоил в будущем. Между тем, было бы совершенно праздным утверждать, что наши популярные гадальные карты Таро имеют еврейское происхождение.

[55] Интерпретация Леви, кажется, колеблется между несколькими областями символики, и то, что следует из этого пункта, наводит на мысль, что Золотое руно - это аллегория превращения металла с помощью алхимии. Именно так считали многие из более поздних последователей этого искусства. Согласно Антуану Жозефу Пернети, Золотое руно является символом сути Великой Работы; подвиги Ясона - аллегория, касающаяся проводимых в ней операций и признаков продвижения к совершенству. Обретение этого Руна означает обретение Порошка Проекции и Универсального Лекарства. См. *"Мифогерметический словарь"* и *"Египетские и греческие басни"*, оба Пернети, и в частности первый том последней работы, стр. 437-494.

[56] Среди нескольких носителей этого имени, я полагаю, имеется в виду тот, кто, по традиции, был либо учеником, либо сыном Орфея, увековеченного Вергилием. Ни одно из его стихотворений не сохранилось до наших дней, так что этот аргумент, по-видимому, несостоятелен. Древность орфических поэм — *Аргонавтики*, Гимнов и т.д. — это другой вопрос, и выводы критики по этому поводу хорошо известны.

[57] Почти любой из демонологов будет служить при необходимости. Иезуит Мартинус Дельрио, написавший *"Исследование магии свободного секса"*, может многое сказать о *ламиях* и *Стригах*. Есть также Иоанн Виерус, ученик Корнелиуса Агриппы, чья знаменитая работа об иллюзиях и обмане магии — *"Истории, споры и рассуждения"* — была переведена с латыни на французский в 1885 году.

[58] Я не знаю, как возникла эта басня, и вопрос не стоит тех усилий, которые потребовались бы для ее разъяснения. Это рассказано Элифасом Леви как исторический факт; но нет никаких сомнений в том, что меcье Эдуард Шуре, который столь многим обязан предшествовавшему ему оккультисту, был бы рад включить это в свою романтическую биографию Пифагора, если бы это не было слишком мифическим даже для его целей. Он довольствуется предположением, что самосский мудрец изучал еврейский монотеизм во время двенадцатилетнего пребывания в Вавилоне.

[59] Авторство *Золотых стихов*, конечно, является спорным вопросом; и существует старое предположение, что их настоящим автором был Лисий, наставник Эпаминонда и представитель пифагорейской философии около 388 г. до н.э., а его учителя относят к началу VI века до н.э. Я должен добавить, что Элифас Леви представил Стихи в своей собственной метрической форме, которая отражает оригиналы с очень большого расстояния. Я не следовал этому переводу, но воспользовался переводом мистера Г. Р. С. Мида.

[60] Среди приложений ко второй части *Зоара* есть короткий раздел о физиогномике, и в нем собраны некоторые очень любопытные материалы. Мы узнаем, например, что если человек, обладающий определенными характеристиками цвета кожи и черт лица, обратится к Богу, то на зрачке его правого глаза образуется белое пятно. Тот, у кого на лбу три полукруглые морщины и чьи глаза сияют, увидит падение своих врагов. Мужчину, совершившего прелюбодеяние и не раскаявшегося, можно узнать по наросту под пупком, и на нем будут обнаружены два волоска. Если он наложит епитимью, волосы исчезнут, но опухоль останется. Человек, у которого на ухе есть родинка, будет великим мастером Закона и умрет молодым. Два длинных волоска между плеч указывают на человека, который склонен беспрестанно ругаться без всякой цели. Будет видно, что эти детали относятся к заброшенной части науки, и я немного не понимаю, как Элифас Леви использовал бы их себе на службу, если бы он был полностью знаком с работой, которую он так часто цитирует.

[61] Случилось так, что гипотеза реинкарнации была лично нежелательна Элифасу Леви, и он недостаточно знал зоарскую каббалистику, чтобы понять, что она имеет в ней какое-то значение. Традиции, касающиеся учения Пифагора, должны приниматься по их надлежащей ценности, но нет никаких сомнений в том, что, согласно им, он был важным сторонником того, что раньше называлось доктриной метемпсихоза, понимаемой как переселение души в сменяющие друг друга тела. Сам он был (а) Эталидом, сыном Меркурия; (б) Эвфорбом, сыном Панта, погибшим от рук Менелая в Троянской войне; (с) Гермотимом, пророком Клазомен, города в Ионии; (d) скромным рыбаком и, наконец, (е) философом с Самоса.

[62] *In memoria æterna erit justus.*

[63] Элифас Леви забыл, что слово “невыразимый” означает нечто, что не может быть выражено; он намеревался сказать, что, согласно каббалистам, действительное имя было скрыто.

[64] Все более поздние каббалисты соглашались, что *Тетраграмматон* является корнем и основой Божественных Имен. В Сефиротической системе одно из распределений делает *Хокму*, или Высшую Мудрость, соответствующей *Йоду* Тетраграмматона. *Кетер*, которая является Коронай, как говорят, не имеет приписываемой ей буквы, потому что в ней подразумевается тайна *Айн Соф*, скрытой бездны Божества. Однако вершина *Йода* в некотором смысле интимна в отношении *Кетер*. *Хе* - вторая буква в Божественной Тетраде, и она приписывается *Бине*, или

Высшему Пониманию, в котором постигается вся жизнь. Это обитель *Шекины* в трансцендентном мире. Третья буква - *Вау*, и считается, что она содержит шесть *сефирот* от *Хесед* до *Йесод*. Вторая *Не* - четвертая и последняя буква; она соответствует *Малкут*, или Царству, в котором заключается тайна единства Бога. Это обитель *Шекины* в проявленном виде. Таким образом, *Йод*, *Он*, *Вау*, *Он*, который мы называем Иеговой, содержит все десять *Сефирот*. Существуют, однако, и другие распределения.

[65] Элифас Леви, должно быть, хотел сказать семь букв, но точка не имеет значения. Согласно Розенроту, Тетраграмматон с точками на гласных - это восьмое Божественное Имя - *יהוה*. Точки принадлежат *Элохиму*, и оно читается как это Имя. Это означает сокрытие “Невыразимого” Имени из-за изгнания Израиля.

[66] Это Божественное Имя, наиболее близкое к сотворенным вещам. Смотрите экскурс по этому вопросу в “*Каббала денудата*”, том i, стр. 32-41.

[67] Ср. *Зоар*, часть i. лист 15а, посвященный Исходу iii. 14: “И сказал Бог Моисею: я есмь тот, кто я есмь” — *אֲנִי הָאֵלֹהִים אֲנִי*

[68] согласно Раввинской лексикон Буксторф, *Агла* образуется из начальных букв фразы *אֲנִי הָאֵלֹהִים אֲנִי* = *tu potens ES в sæculum, домине*. Кажется, что у Леви нет каббалистических авторитетов для его объяснения, и это слово очень редко встречается в *Зоаре*.

[69] Согласно Петрусу Галатину, в *De Arcanis Catholicae Veritatis*, слово *Agla* выражает бесконечную силу Божественной Троицы. Подобно Элифасу Леви, он придает нам отдельное значение каждой букве и, подобно Буксторфу, делает их инициалами уже процитированного предложения, переводя его так: *Tu potens in æternum Dominus*. Он называет *Agla Nomen Dei*, для чего, по-видимому, существует столько же авторитетов, сколько и для предположения о том, что Божественная потенция принадлежит Троице.

[70] Очень полное изложение этого Названия можно найти в разделе, озаглавленном *De Cabale Hebræorum*, составляющем часть *великого опуса* Кирхера “*Эдип египетский*”. Любопытно, что трактат, столь важный в своих пределах и написанный с предельной простотой, по-видимому, не был переведен даже на французский язык.

[71] Я должен признать, что эта ссылка ускользает от меня. Таро состоит из четырех мастей по 14 карт в каждой, и в нем 22 Главных козыря, всего 78 карт.

[72] Аксиома выглядит довольно убедительно, но аналогия неверна, а слово “возвращение” является обманом популярной речи. Возможность общения с теми, кто покинул эту жизнь, - это вопрос взаимопроникновения миров. Сказать, что человеческий дух уходит или возвращается, - это символическое выражение, подобное утверждению, что небеса над нами.

[73] Аналогия снова неверна и является порождением материалистического разума. Возвращение души к Богу - это не уничтожение, но жизнь во веки веков, и это единение со всей жизнью.

[74] Душа сбрасывает одну оболочку, в которой она приготовила другую.

[75] Это выражение может привести к путанице. Сознание и активность души проявляются посредством того проводника, в котором ей случается пребывать. Это не они принадлежат транспортному средству, но это транспортное средство, которым они пользуются.

[76] Нет никаких каббалистических авторитетов в отношении солнца как обители душ.

[77] Каббалистика умалчивает о вопросе общения с теми, кто покинул эту жизнь, хотя молчаливо должна допускать такую возможность на основании свидетельства случая Самуила. Аксиома о том, что дух одевается, чтобы спуститься, и раздевается, чтобы подняться, является одним из так называемых *каббалистических заключений* Пика де Мирандулы, но по существу она содержится в *Зоаре*, а что касается нисхождения, то это как раз то, что происходит *ex hypothesi* в феноменах спиритической материализации. Что касается притчи о богатом человеке, то она не имеет ничего общего с вопросом о так называемом возвращении духа; те, кто был в лоне Авраама, в такой же степени покинули эту жизнь, как и те, кто был в Шеоле.

[78] Это зависит от тех, кто покинул нас. Как насчет земного и злого? Почему связь между ними и нами — если предположить, что такая связь существует, — должна быть связью наших высших чувств?

[79] Факт в том, что он был убит, напрашивается вывод, что это произошло по вине тех, чьи секреты он, как предполагалось, выдал. Убийцы, также предположительно, были названы братьями Розового Креста. Можно упомянуть, что *граф де Габалис* содержит теорию общения с элементарными духами, являющимися духами земли, воздуха, огня и воды; но способ обращения предполагает, что это *jeu d'esprit*. "*Новые занятия секретными науками*", "*Помощники жены*" и "*Неразумный гном*", которые считаются продолжениями, являются подделками более поздних периодов.

[80] В другом месте своих работ Элифас Леви говорит, что Астральный Свет является (a) Одом евреев, (b) электромагнитным эфиром, (c) жизненным и светящимся источником энергии, (d) инструментом жизни, (e) инструментом всемогущества Адама, (f) универсальным зеркалом видений. Оно следует закону магнитных потоков, подлежит фиксации высшей проекцией силы воли, является первой оболочкой души и зеркалом воображения. Он называет это также намагниченным электричеством. Казалось бы, его современные ученики во Франции отказались от теории своего учителя, или, возможно, я должен сказать скорее, от ее доктринальной части. С другой стороны, она, возможно, вновь появилась под покровительством теософии как хранилище хроник акаши.

[81] В *Зоаре* также есть упоминания о Лилит, жене-демоине Адама; ее называют подстрекательницей наказаний, и на самом деле она была женой Самаэля, злого ангела. Можно добавить, что, согласно Парацельсу, элементарии *non sunt progeniti ex Adamo*. См. *Книгу о нимфах, Сильфидах, Пигмеях и саламандрах, Трактат. I, глава 1.*

[82] Что касается воздержания мужчин, то упомянутыми физиологическими особенностями являются слепое стремление Природы к брачному состоянию, и, с некоторой сдержанностью в отношении святости, стыдно тем, кто пренебрегает предупреждением или обращает его на счет греха.

[83] Это одна из конструкций символа, слегка окрашенная искренним восхищением Элифаса Леви пониманием, стоящим за *Романтикой розы*. В тексте Книги Бытия говорится, что река

поднялась, чтобы орошать Сад, “и оттуда она разделилась и разделилась на четыре истока”, или четыре реки. Эти реки орошали не Сад, а внешний мир, и их названия хорошо известны в географии древнего мира. Таким образом, мистический пантакль Эдема показывает ограду, образованную водным кольцом, островом, подобным Авалону, который является еще одним Яблоневым садом, и воды вытекают оттуда к четырем точкам неба: следовательно, они образуют крест, и в центре этого креста находится Рай. Если читатель будет помнить, что, согласно тайной традиции, Адаму было предназначено выращивать розы в Эдемском саду, он поймет, в каком месте мира берет свое начало символика Розового Креста.

[84] Это верно, но это всего лишь наука этого мира в том смысле, что большее включает меньшее. Это действительно высшее знание, которое в каббализме называется *Даат*, возникающее из союза *Хокма* и *Бина*, или Мудрости и Понимания.

[85] Комментарий *Зоар* к Книге Бытия, vi. 2 — “сыны Божьи увидели дочерей человеческих, что они прекрасны” — подтверждает, что ангелы были низвергнуты с небес, как только у них возникло желание, изложенное в ней. Аза и Азаэль были вождями этих падших духов. Впоследствии они обучали людей Магии.

[86] Замысел строителей, согласно “*Зоар*”, часть I, Fol. 75^a, состоял в том, чтобы покинуть небесные владения ради владений сатаны. Они желали перестроить небеса, очевидно, по подобию своих собственных злых желаний. У них были души того же качества, что и у “великанов на земле в те дни” и “могущественных людей древности, людей известных”. См. Бытие, гл. vi, ст. 4 и *Зоар*, часть I, Фол. 25^b.

[87] Зоарская каббалистика была недовольна перенесением преступления Хама на его, по-видимому, невинного сына Ханаана, и это объясняло проклятие, произнесенное над последним, тем фактом, что он удалил *яички* у своего деда Ноя. На первый взгляд это нелепая чудовищность, но это скрытый намек на то, что все Нозетические мифы, как и сам Рай, являются тайной секса, окутанной символикой.

[88] Излишне говорить, что это всего лишь предположение и оно даже не основано на какой-либо легенде о путешествиях Платона. Говорят, что он пробыл в Египте в течение периода, который оценивается в тринадцать лет.

[89] Он был учеником Платона, который, как предполагается, не только прославился своими познаниями в геометрии, но и совершил обычный паломнический визит в Египет и вернулся знатоком астрономии.

[90] Нам, к сожалению, приходится помнить, что сам Элифас Леви много писал и, несомненно, без особой цели на тему квадратичности круга и вечного двигателя. В другом месте он говорит нам, что вращение квадрата вокруг его центра описывает окружность, и, таким образом, окружность является квадратной. Он также изобрел в воображении часы, которые заводились сами по себе в процессе разрядки, и это был вечный двигатель — предположительно, если только механизм случайно не переставал работать или не изнашивался. Читатель может сам решить, прятался ли он в этих фантазиях, как адепт, или преследовал, как дурак.

[91] Единственное замечание, которое необходимо сделать к этой главе, заключается в том, что в ней повсеместно используется злоупотребление словом Мистицизм, которое не имеет ничего

общего с религиозной анархией, сектами или магией. Смотрите, однако, мое предисловие к настоящему переводу.

[92] История преследований может говорить сама за себя относительно обоснованности этого заявления, и можно даже предположить, что постулируемый принцип, упомянутый Элифасом Леви, скрывал удар ножом сзади в темноте. В любом случае, предполагаемый ужас перед кровью лучше всего иллюстрируется методом поджигания костра и хвороста.

[93] “Не меняй варварских названий вызывания”, - говорит один из оракулов, приписываемых Зороастру, как мы видели, и причина этого кроется в их “невыразимой силе”. Это был истинный Зороастр Элифаса Леви, и он не был, *ex hypothesi*, приверженцем Черной Магии. “Неизвестные варварские слова и знаки” не менее популярны среди так называемой белой разновидности.

[94] Ознакомьтесь с моей *Книгой церемониальной магии*, стр. 100-102, для изучения этого Гримуара.

[95] The reference is to a work entitled *Des Hallucinations, ou Histoire raisonnée des Apparitions, des Visions, des Songes, de l'Extase, du Magnétisme et du Somnambulisme*. Впервые она была опубликована около 1850 года и пользовалась авторитетом в свое время. Большой массив материалов, содержащихся в ней, всегда будет ценным. Я полагаю, что она была переведена на английский.

[96] Нет необходимости говорить, что Второе рождение, на которое ссылается Христос, не понимается под каким-либо понятием морального изменения, хотя такое изменение и имеет место. Нравственность - это врата духовной жизни, но не ее святилище.

[97] В этом кратком обзоре египетского посвящения упускается из виду то, что отличает официальные мистерии, такие как масонство, от жизненного посвящения, и я упоминаю об этом здесь, потому что существуют памятники египетских мистерий, которые предполагают, что они были не просто символическими представлениями, но действительно сообщали — тем, кто мог принять, — жизнь, стоящую за такой символикой.

[98] Проводимая здесь аналогия предполагает в отношении греческих мистерий то, что ранее подразумевалось в отношении египетских. Законы и подзаконные акты философских школ, чего бы они ни требовали от учеников, не были имитацией степеней посвящения и продвижения, сообщаемых в жреческих святилищах, если в этих святилищах существовала мистическая жизнь. Даже если бы они были просто театрализованными представлениями, сравнение неуместно; ибо очевидно, что Пифагор и Платон не присваивали степени посредством ритуала. Зачисление в школу и “маленький переход” не являются церемониальными обрядами на пути символизма.

[99] Истина заключается в том, что в той мере, в какой еврейская каббала содержит философию Логоса, в той мере она воплощает смутные воспоминания об александрийских школах мысли. Элифас Леви напоминает Джейкоба Брайанта, Дэвиса и уважаемого мистера Фабера, которые объяснили всю вселенную истории с помощью Сима, Хама и Иафета, всемирного потопа и Ноева ковчега. Он видел Каббалу повсюду; если бы он говорил о тайной традиции, существующей во все времена, частью отражения которой является каббализм, он был бы менее запутан; но он применил к целому термин, характерный для части. В *Зоаре* сказано, что

Слово, открывающее нам высшие тайны, порождено союзом света и тьмы. Часть I, Fol. 32a. Также говорится, что Слово обитает на высших небесах, Fol. 33b. И есть другие ссылки.

[100] Дасье был переводчиком во второй половине восемнадцатого века, и его исследование о доктрине Платона появилось в третьем томе сборника под названием *Библиотека древних философов*, публикация которого началась в 1771 году.

[101] Те, кто, возможно, пожелает ознакомиться с источниками, из которых Леви черпал некоторые из своих материалов, могут обратиться к *ClumLum Sephiroticum* Дж. К. Стебиуса, старинному фолианту, появившемуся в 1679 году, а также к Рейхлину и Розенроту. Они увидят, как все меняется в его руках. Согласно Зоару, Айн Соф немедленно отражается в Кетер на пути проявления. Неверно говорить, что в каббализме царь - это Айн Соф, а письмо Платона лишено сефиротических аналогий.

[102] Следует сказать, что греческое слово $\theta\epsilon\sigma\phi\iota\alpha$ не перешло в латынь в классические времена и было неизвестно на протяжении всего средневековья. В качестве иллюстрации его оккультной распространенности я не могу проследить, чтобы им пользовался Парацельс. Насколько можно сказать, что это стало распространенным, это было только в мистическом смысле, каким оно могло быть только при правильном использовании слов. С ним познакомился Якоб Беме.

[103] Классические авторитеты в отношении посещения пещеры Трофония включают Павсания Кесарийского, написавшего историю Греции, Цицерона, Плиния и Филострата, не говоря уже об намеке, обнаруженном в "Облаках" Аристофана. К рассказу Элифаса Леви следует относиться с определенными оговорками, но это не тот вопрос, в котором точность или ее противоположность имеют какое-либо значение вне научных исследований. Перед посещением проводились различные жертвоприношения и другие церемонии, и кандидат на переживание обычно спускался один. Я думаю, что нигде не зафиксировано, что эффект от визита был длительным.

[104] Фактическая формула, по-видимому, звучала так: "Он консультировался с оракулом Трофония".

[105] Нет никаких сомнений в том, что, согласно Зоару, солнце является центром планетной системы, одной из планет которой является Земля.

[106] В этом абзаце царит чрезвычайная путаница, по крайней мере в способах выражения, которая неизбежно создаст у читателя представление о том, что работа Себеса была картиной. На самом деле это описание человеческой жизни, содержащееся в диалоге, которому было дано название *Tabula*. Она печаталась несколько раз, и один раз, я полагаю, в Глазго, в 1747 году.

[107] Я уже упоминал в другом месте, что "Зоар" во многих отношениях является произведением высокого уровня, и что его чтение гораздо более увлекательно, чем "Арабские ночи" или "Амброзиевы ночи". Но Элифас Леви прав, говоря, что это требует некоторой предварительной подготовки. Однако он не совсем понимает, что я имею в виду, делая это предложение. С серьезной стороны, Зоар, несомненно, является произведением посвящения и одной из величайших книг мира, хотя сэр Джон Лаббок и другие деятели подобного рода случайно не знали об этом. Леви по существу прав и в том, что для этого требуется ключ, хотя его значение

выражено неверно. Объяснение заключается в том, что это не методическая система и повсюду предполагает со стороны ее читателей знакомство с традицией, которую она воплощает в намекающей форме.

[108] Трудно сказать, какому авторитету руководствовались при составлении этого отчета. Пенфей был вторым царем Фив, сменившим Кадма, который построил город. Вакх был сыном Семелы, дочери Кадма, от Юпитера, но он никогда не был кандидатом на фиванский трон. Преступление Пенфея заключалось не в узурпации власти, а в отказе признать божественность Вакха. Он был растерзан не дочерьми Кадма, а толпой вакханок, среди которых была и его собственная мать. Невозможно превратить эту историю в аллегорию пантеизма, как это продолжает делать Леви.

[109] Классическая история прямо противоположна этому. Эффект от его экспериментов со змеями был подобен эффекту от прохождения через подножие радуги: Тиресий превратился в девушку. Он женился в этой форме; но, встретившись во второй раз с другими переплетенными змеями, он снова поразил их и вернул себе свой первоначальный пол. Он не только не был неспособен вступить в брак ни в том, ни в другом случае, но и стал авторитетом у богов в сравнительной степени удовлетворения, достигаемого двумя полами в половом акте.

[110] Термин "геометрический" едва ли применим к фигурам геомантии.

[111] Вакх, изображенный с рогами, был сыном Юпитера и Прозерпины. Что касается андрогинной природы Яххоса, я не знаю авторитета Леви, но такая характеристика приписывалась нескольким божествам, хотя иногда и вопреки общему правдоподобию. О Юпитере даже говорили, что он был мужчиной, но в то же время бессмертной девушкой.

[112] Леви утверждает в другом месте, что для философской работы требуется удовлетворение всех требований чувств. В настоящем месте он запутывает проблему, подразумевая, что целомудрие означает либо безбрачие, либо состояние девственности. И все же он не упускал из виду, что брачная жизнь - это также жизнь в целомудрии; он красноречиво говорит о доме и его святости и в другом месте ссылается на целомудренную и супружескую Венеру.

[113] Было два языческих праздника, которые имеют определенное сходство между собой: (a) *Харисия*, который проводился в честь Аглаи, Талии и Евфросинии, *Харитес* или Граций. Это отмечалось ночными танцами, и человеку, который дольше всех выполнял упражнение, подарили торт (b) *Charistia*, римский праздник примирения родственников и друзей, на котором была съедена еда. Для вечности и кафоличности таинств можно было бы пожелать, чтобы существовали следы евхаристии в христианском смысле до христианских времен.

[114] Можно упомянуть, что 13 также является числом воскресения, или рождения в новую жизнь.

[115] Гримуар, упомянутый под именем *Маленького Альберта*, в латинском издании называется *Alberti Parvi Lucii Libellus*, и является "сокровищем чудесных тайн". Первоначальным намерением было передать его *Альберту Магнусу*, и на самом деле есть еще одна коллекция, которая известна как *Великий Альберт*. Он имеет аналогичную ценность.

[116] Я сохранил эти строки в том виде, в каком они приведены Элифасом Леви, после французского перевода Саломона Сертона. Шелли, который перевел *Гимн Гомера Меркурию* в

стихи, недостойные его имени, изобразил греческий оригинал звездочками в этом месте, и я извлек урок из этого совета. Леви приводит еще несколько строк — не знаю почему, но в версии Шелли они звучат следующим образом:

“Фебус на траве”

Его бросили, и при этом все, что он задумал

Он действительно выступал — хотя и стремился пройти,

Аполлон вырвался из его могучего разума

В сторону сублильной малышки следующая насмешка:—

- Не думай, что это тебя успокоит,

“Ты, маленькое спеленутое дитя Юпитера и Мая!”

И схватил его: “По этому предзнаменованию я выслежу

Мои благородные стада, и ты будешь вести меня”.

[117] Мы встретимся с этим разделом соответствующим образом, и окажется, что настоящее замечание либо (a) не предназначено для оправдания предполагаемой традиционной интерпретации, либо (b) что первоначальная ссылка должна быть уточнена ее последующим расширением. Христианство иоаннитов было предметом многочисленных романтических споров среди представителей высококлассного масонства. *Энциклопедия масонства Вудфорда* отождествляет его последователей с назарянами и назаритами и добавляет, что они считали святого Иоанна Крестителя “единственным истинным пророком”. Один из орденов масонства тамплиеров, который сейчас вымер, по-видимому, заявлял о своей связи с сектой иоаннитов.

[118] Я цитировал в другом месте предыдущее замечание автора по тому же предмету как любопытный пример того, как вещи могут поражать французского представителя оккультизма в разные периоды времени и в других эмоциональных состояниях. “Св. Павел сжег книги Трисмегиста” — не гетические тексты или труды по некромантии; “Омар сжег учеников Трисмегиста (?) и святого Павла. О гонители! О поджигатели! О сундуки! Когда же вы закончите свою работу тьмы и разрушения!” Это из *Ритуала Высшей магии*, стр. 327.

[119] В своей *Фундаментальной философии* Джеймс Балмс стремится показать, что Евхаристическая тайна, понимаемая в буквальном смысле пресуществления, сама по себе не абсурдна, то есть не противоречива по своей сути. Чтобы установить, что это так, нужно продемонстрировать: (a) что абстрагирование пассивной чувствительности от материи означает разрушение принципа противоречия; (b) что соответствия между нашими органами чувств и объектами внутренне неизменны; (c) что абсолютно необходимо, чтобы впечатления передавались чувствительным способностям души этими органами и что они никогда не могут быть переданы иным образом. См. Книгу III, *Протяженность и пространство*, с. 33, *Триумф религии*. Я привожу эту цитату, потому что мне кажется, что Элифас Леви поступил неосторожно, обсуждая наблюдение Руссо.

[120] Место его рождения неизвестно; Кипр - одна из альтернатив.

[121] Это Досифей Самарийский, который был современником Христа. О нем есть рассказ святого Епифания, и он также упоминается Фотием.

[122] Я полагаю, что это один из христианских апологетов, который упоминает, что Елена была найдена Симоном в доме с дурной славой в Тире. Иначе говорят, что в предыдущем воплощении она была Еленой Троянской.

[123] Потому что они оба были фаворитами Нерона, или потому что упоминание о пиршестве напомнило Элифасу Леви знаменитый Банкет в *Сатириконе* Петрония Арбитра. Софроний Тигеллин был одним из министров Нерона.

[124] Спор между святым Петром и Симоном Волхвом не является предметом народных слухов; это методичный отчет, содержащийся в одном из поддельных *Признаний*, приписываемых святому Клименту. Понятно, что версия, представленная Элифасом Леви, оформлена его собственным воображением. По-видимому, общепринято считать достоверным, что Симон посетил Рим, чтобы набрать учеников, и есть авторитет Евсевия для какой-то встречи со святым Петром.

[125] Возможно, правильнее было бы сказать, что было много преемников, главным из которых был Менандр. Точно так же существовало множество симонианских сект, включая школу, последовавшую за Досифеем, описанную Леви и другими как "учитель Симона". Менандр утверждал, что является посланником Высшей Силы Бога.

[126] В тот период — примерно в 1865 году — они не были включены в "*Французскую мистику*" Эрлана, хотя в ней содержались *избранные иносказания*; и в наши дни их нет среди *святых религий Парижа*, хотя там есть гностическая церковь, исповедующая иерархическое правительство и, я полагаю, имеющая официальное отделение в Сан-Франциско - возможно, в меньшей степени *in partibus infidelium*, чем секта в ее собственной стране.

[127] Я привел версию Леви буквально, не претендуя на то, чтобы объяснить ее. В авторизованной версии отрывок гласит: "Если ты поступаешь нехорошо, грех лежит у двери. И к тебе будет его желание, и ты будешь господствовать над ним". Бытие, iv. 7.

[128] Я полагаю, что имеется в виду ссылка на *Воплощение Деликторума, силы Магии, в качестве аперты великого оккультного призыва Демона* и с., 4то. У меня нет сведений о первом издании, но оно было переиздано в Лейдене в 1679 году.

[129] Следует отметить, что Гифасис был определенной рекой в Индии, которая по традиции считается границей завоеваний Александра. Если бы Элифас Леви был знаком с этим фактом, он мог бы с успехом использовать аллегорию на этот счет.

[130] Примечательно, что алхимики прошлых веков, которые были так склонны видеть Герметическую Тайну во всей литературе, и которые были создателями многих мифических трактатов о великих и святых людях древности, молчат об Аполлонии. Я далек от того, чтобы признать интерпретацию Элифаса Леви, поскольку Филострат принадлежит к началу третьего века, когда алхимия, можно сказать, еще не зародилась; но я уверен, что если бы первые толкователи знали жизнь Аполлония, они могли бы что-то заподозрить. Даже аббат Пернети упустил очевидную возможность в своем рассуждении об герметическом значении греческих и египетских басен.

[131] Следует помнить, что Камень в символизме намного старше, чем конкретный символ, который называется Философским камнем, или Камнем алхимии.

[132] Последнее утверждение относится к Мистическому Камню, как его понимают, например, авторы книги Зоар.

[133] Во введении к *Догме о Высшей магии* говорится: (a) что Юлиан был одним из просветленных и посвященных первого порядка; (b) Что он был гностиком, привлеченным аллегориями греческого политеизма; (c) Что он имел удовлетворение от того, что, подобно Эпаминонду, скончался в эпоху Катона.

[134] *Золотая легенда* была составлена около 1275 года Якобусом де Ворagine, архиепископом Генуи. Его авторитетами были (a) Евсевий, (b) святой Иероним, (c) легендарная материя. Я уверен, что каббалистические мистерии и посвящение иоаннитов должны искать свои записи в другом месте. Это предложение, однако, не стоит обсуждать.

[135] В *Золотой легенде* история озаглавлена “О святой Юстине”, праздник которой приходится на 26 сентября. Святой Киприан, епископ Карфагенский, полностью отличается от Киприана из легенды.

[136] Этот графический знак встречается в старинном Гримуаре.

[137] С этим размышлением Элифаса Леви о мистическом осле давайте сравним другое, совершенно иного порядка, хотя и относящееся к той же категории: (1) Иосифом Флавием записано, что некий еврей по имени Ония получил разрешение от Птолемея Филометора построить храм в честь Бога в определенном месте в Аравии, которое впоследствии было названо Онием, в честь основателя. (2) Этот Оний не был Гелиополисом, как обычно предполагалось. (3) Храм в Онии, из-за сходства звучания, был связан с греческим словом *овос*, означающим Осел. (4) В результате греки поверили, что открыли тайный объект еврейского поклонения - животное, о котором идет речь. (5) Утверждалось, что в вестибюле каждого еврейского храма есть ослиная голова. (6) Поскольку греки не проводили четкого различия между евреями и христианами, осла также стали называть богом христиан. —Джейкоб Брайант: *Анализ античной мифологии*, 3-е издание, том vi. стр. 82 и далее.

[138] В комментарии Зоар к Книге Бытия ii. 22 говорится, что слова “которые Господь Бог отнял у человека” означают, что Традиция возникла из Письменной Доктрины. Слова “и привел его к человеку” указывают на то, что Традиционный закон не должен оставаться изолированным: он может существовать только в союзе с Писанным законом. Часть I, Fol. 48^b. Из этого следует, и это разъясняется в другом месте, что мужчина - это Писанный Закон, а женщина - Тайная Доктрина.

[139] В одном из изобразительных символов алхимии изображена голова крылатого солнечного человека, поднимающаяся из груди. Это повторяющийся образ.

[140] Очевидно, что Элифас Леви изображает только темную сторону гностицизма; он ничего не говорит и, возможно, ничего не знал о высших аспектах. Его критика совокупления Эпох звучит странно для защитника каббалистики, учитывая, что Зоар изобилует подобными образами.

[141] Это утверждение требует проверки французским авторитетом того периода, с которым Элифас Леви не мог не быть знаком. Я имею в виду Жака Маттера и его *Историческую критику гностицизма*, второе и расширенное издание которого было опубликовано в 1843 году.

Согласно свидетельству этого автора: (a) Некоторые гностики полностью отвергали Евхаристию; (b) Те, кто сохранял ее, никогда не учили реальному общению человека во плоти и крови Спасителя; (c) для них это была эмблема их мистического союза с существом, принадлежащим к Плероме; (d) Чудотворная Евхаристия была особенной для Марка, но, согласно святому Иринею, это был результат обмана; (e) Он наполнил чаши вином и водой, произнес над ними свою собственную формулу и придал этим жидкостям пурпурный и рубиновый цвет. Указ. соч., том ii. стр. 344-346.

[142] Это утверждение является всего лишь вопросом умозаключения.

[143] Материалы, воплощенные здесь, происходят непосредственно из Материи, и последнее предложение написано почти его собственными словами. Более ранний автор говорит, что он заставил женщин благословить чашу. Ничего не говорится о вмешательстве мужчин, кроме Маркоса, в празднование.

[144] Однако сон, приписываемый Маркосу и его последователям, относится к "*Зоару*", в первом разделе которого буквы еврейского алфавита последовательно предстают перед Богом, молясь о том, чтобы их использовали в работе творения, которая вот-вот должна была начаться. Они, в свою очередь, были отложены в сторону по причине, применимой к каждой из них, за исключением *Бет*, которая была взята за основу работы, в то время как *Алеф* был установлен как первая из всех букв, причем Владыка Вселенной подтверждал, что Его собственное Божественное Единство заключено в силе этой буквы. Смысл заключался в том, что *Алеф* соответствует номеру 1. Именно поэтому, с простодушной тонкостью говорится в *Зоаре*, в двух первых словах Священного Писания *Бет* в качестве начального, а в двух следующих словах — *Алеф*.-*Зоар*, часть I, Fols. 2b-3b.

[145] В следующем разделе будет показано, что это обвинение против Винтраса основывается на показаниях лиц, исключенных из основанной им секты, и, насколько мне известно, оно не было выдвинуто всерьез.

[146] Вопрос, однако, оставался нерешенным до появления "*Ключа к великим тайнам*", значительная часть которого изложена в сборнике сочинений Леви, который я издал давным-давно под названием "*Тайны магии*". Астральный свет объясняется как "намагниченное электричество" — как уже цитировалось.

[147] В моей *Книге по церемониальной магии* я предоставил полную возможность для суждения об этом так называемом оккультном ритуале, который, безусловно, следовало сохранить в тайне или, что еще лучше, позволить ему исчезнуть, не из-за его секретности, а потому, что он во всех отношениях бесполезен, а его приписывание Льву III является оскорблением для этого понтифика.

[148] В труде Синезия (a) утверждается, что целомудрие и умеренность необходимы для познания гадания по снам; (b) что, если они предоставлены, гадание по снам ценно и просто; (c) что все вещи прошлого, настоящего и будущего передают нам свои образы; (d) что не существует общего правила толкования; (e) что каждый должен сам создавать свою науку о предсказаниях, отмечая свои сны. Философ дает некоторый отчет о пользе, которую он лично извлек из изучения образов сна. Прорицание также спасло его от засад, устроенных некоторыми магами, так что он не пострадал от их рук.

[149] Знание Элифасом Леви произведений, приписываемых Дионисию, несомненно, почерпнуто из перевода монсеньора Дарбоя, архиепископа Парижского, который появился в 1845 году. Существует тщательно продуманное введение, призванное установить подлинность текстов, и оно превосходно, по крайней мере для своего периода, в качестве особого аргумента. Читателю, обратившемуся к трактату о божественных именах, не нужно расстраиваться, когда он обнаружит, что в нем нет никаких тайн раввинского богословия. Для многих из нас в наши дни наиболее важным из трудов Дионисия является труд по мистическому богословию, который опущен при перечислении Леви, и, возможно, это неестественно, поскольку это *пелагия божественная*, по которой он не рискнул бы плыть.

[150] Гете.

[151] Это объяснение не соответствует зарегистрированным фактам, авторитетами в которых являются Флегонт и Прокл. Произведения Флегона были опубликованы в Лейдене в 1620 году под редакцией Мерсиуса и снова в 1775 году в Галле, Франциусом; они содержат историю Филинниона — так пишется это имя Флегоном. Махатес был чужеземным другом Демострата из Пеллы, а не трактирщиком. Филиннион явилась ему после своей смерти в доме его родителей и призналась в любви. Ее связь с Махатесом была случайно обнаружена слугой, и *развязка* во многом такая, как она дана в настоящем месте. Филиннион, однако, сказал, что она действовала с согласия богов. Элифас Леви объясняет свои расхождения, апеллируя к рассказам французских демонологов, но он не приводит ссылок, по которым мы могли бы его проверить. Однако он заявляет, что они несут ответственность за предполагаемый факт, что Махатес был содержателем таверны. Дата фактического события - правление Филиппа II Македонского, и “Императором”, о котором идет речь, должен быть король Филипп. Леви путает дату правления Флегона (Адриана) с датой инцидента. Флегон был всего лишь собирателем любопытных историй и, конечно же, не мог быть свидетелем происшествия, произошедшего за 500 лет до его рождения!

[152] В настоящее время понятно, что это мечтательность, которая служит лишь напоминанием нам о том, что Аристотель приписывал греческую философию источнику в Галлии, в то время как Климент Александрийский утверждает, что Пифагор почерпнул ее оттуда. С другой стороны, сейчас считается, что друидизм в своем более позднем развитии, возможно, находился под влиянием не только греческих, но и финикийских идей.

[153] В мифологии друидов Белен, иначе Хеол, был богом солнца; Камаэль был богом войны. Считается, что высшим божеством был тот Эсус, которого упоминает Лукан. Он представлен кругом, как знаком бесконечности, и вся судьба была под ним. Самой важной богиней была Керидвен, которая руководила мудростью. Завершение перечисления Леви похоже на начало — сон.

[154] В заметке Элифаса Леви говорится, что в Шартре была найдена статуя друидов с надписью: *Virgini Parituræ*. Любопытно, что друидические надписи должны быть на латинском языке.

[155] Предполагалось, что оно увеличивает вид, предотвращая бесплодие, и ему приписывались другие достоинства; это было эфирное дерево и рост высокой вершины. Он

входил в число ингредиентов мистического котла Керидвен, в котором, как говорили, обитали гений, вдохновение и безмятежность.

[156] Этому утверждению придается такое же оккультное значение, как и другому в "*Догме и ритуале*", где Элифас Леви, объясняя суеверия прошлого, утверждает для тех, кто может это вынести, что жаба не ядовита, а является губкой для впитывания ядов. Я полагаю, однако, очевидно, что если "народное доверие" может сделать омелу притягательной, то народное недоверие может вселить яд в жаб.

[157] Плавающие традиции и *шансоны*, касающиеся Мелюзины, были собраны Жаном д'Аррасом в прекрасный рыцарский роман конца четырнадцатого века.

[158] Независимо от того, обоснована эта гипотеза о древности или нет, тот факт, что она принята, должен был помешать Элифасу Леви охарактеризовать "Роман о Мелюзине" как имитацию басни о Психее: очевидно, что это обратная сторона. Аллегория в последнем случае - это аллегория принятия души Божественным Духом, чтобы все, что способно к искуплению в нашей человеческой природе, ее эмоциях, ее желании и ее любви, могло войти в великолепное состояние мистического брака. Аллегория в первом случае - это аллегория союза, установленного между психической частью и всем земным в нашей природе; но эта земля не способна к истинному браку, и в то время как другой эксперимент заканчивается в мире единства, этот заканчивается, как и может закончиться только в мире разделения.

[159] See Jules Garinet: *Histoire de la Magie en France*, 1818, pp. 11, 12.

[160] История Фредегонды и ее связи с колдовством рассказана Григорием Турским, но Элифас Леви заимствовал ее у уже цитировавшегося Жюль Гарине. Подробности, касающиеся Клодсвинт, по-видимому, являются его собственным изобретением, и ее вменяемые рассуждения несут на себе все признаки этого.

[161] See Garinet, *Histoire de la Magie en France*, pp. 14-16, and Th. de Cauzons, *La Magie et la Sorcellerie en France*, vol. ii. p. 100. Первоначальным авторитетом снова является Григорий Турский: *История франков*, Книга VI, с. 35. Рассказ Леви довольно некорректен, поскольку после неслыханных пыток жизнь Муммола была сохранена, но он умер по дороге в Бордо. Не похоже, чтобы он бросил вызов своим палачам и возобновление пыток было предписано Хильпериком.

[162] Работа, о которой идет речь, называется *Acta Disputationis cum quodam Nicolai*.

[163] История о днях Людовика Святого, очевидно, не является талмудической, и древность идеи бессмертия среди евреев, к счастью, покоится на более прочном фундаменте, чем этот. Критика разоблачает беспечность Леви, если его считают образованным человеком. Некоторые подумают, что он спекулировал на невежестве своих читателей.

[164] Элифас Леви должен был прекрасно понимать, что на самом деле подразумевалось под выражением *любовники дьявола*. Это соответствует легендам о *инкубах* и *суккубах*. Для конкретного примера см. Бриер де Бумон, "*Галлюцинации*", стр. 151 и далее.

[165] Эта история взята у Григория Турского.

[166] Рассказ о Седекии и чудесах атмосферы взят из Garinet, стр. 34 и далее.

[167] См. стр. 34-37 его истории. Но рассказ в "Гарине" взят из "*Синкьемы Антретьен*" в романе под названием "*Граф де Габалис*".

[168] На самом деле это не оккультная традиция; это просто несанкционированное утверждение гримуара.

[169] Следует упомянуть, что это перечисление предположений, выраженных или подразумеваемых в утверждениях оккультной традиции, гипотезой ее нынешнего представителя, не имеет ничего общего с *Энхиридионом*, который выдвигает только два утверждения, и они являются особыми для него самого. Они заключаются в том (a), что оно было послано Карлу Великому папой Львом и (b), что определенные молитвы, которые считаются его главной особенностью, обладают таинственной силой. Несмотря на предложение следующего абзаца Леви, другой точки зрения, с которой можно рассматривать книгу, нет.

[170] В другом месте Элифас Леви говорит, что *Энхиридион* никогда не публиковался с его истинными цифрами, и можно предположить, что в его распоряжении могла быть более важная рукопись. Листы, которые он описывает, принадлежат печатному изданию, но никаких подробностей о нем нет. Большинство символов прекрасно известны в остальном, и я привел их в *Книге церемониальной магии*, где они были взяты из примеров, с которыми я знаком. Некоторые из них соответствуют описанию Леви.

[171] *Адонай* согласно *Зоару* - один из титулов *Шекины*.

[172] Он сказал в другом месте (a), что произносить слово *Агла* каббалистически - значит проходить все испытания посвящения и выполнять все его работы; (b) что оккультные силы, составляющие империю Гермеса, послушны тому, кто может произнести, согласно науке, непередаваемое имя *Агла*; (c) и что его буквы представляют (1) единство, (2) плодородие, (3) совершенный цикл и (4) выражение синтеза.

[173] Он имеет в виду, что это символизирует Творческий Разум, поднимающийся над водами творения. Строго говоря, это не зоарийский символизм, но он соответствует его собственному построению одного из разделов, а именно *Книги Сокрытия*.

[174] Это, в частности, число розенкрейцеров, и его важность в каббализме проистекает из его частого повторения в Священных Писаниях Ветхого Завета. Сказано, что когда дни великого изгнания подойдут к концу, и суд надвигается на все народы и всех царей мира, которые угнетали Израиль, столп огненный поднимется с земли на небо и будет виден каждому в течение сорока дней. Царь-Мессия покинет то место, которое называется Птичьим Гнездом в Эдемском саду, и проявится в земле Галилейской. По истечении сорока дней на Востоке появится великолепная звезда всех цветов радуги. *Зоар*, часть II., следующий раздел 7b.

[175] Ссылка на Табличку III в *Книге церемониальной магии* покажет, что рассматриваемая эмблема - это не Лабарум. Схему, которая предназначена для представления последнего, смотрите на табличке IV, рис. 2. На самом деле нет никакой связи между Символами *Энхиридиона* и текстом произведения.

[176] Элифас Леви написал и опубликовал многое после *Истории магии*, но выраженное здесь намерение не воплотилось в жизнь.

[177] В рассматриваемый период Вестфалия охватывала регион между Рейном и Везером. Его южной границей были горы Гессена; северной - округ Фрисландия, который в то время простирался от Голландии до Шлезвига.

[178] Карл Великий никогда не поручал никакой секретной миссии в том смысле, в каком ее понимал Элифас Леви. Он победил саксов Вестфалии после тридцатилетней войны, навязал им религию завоевателя и установил там франкскую систему правления.

[179] Происхождение Тайного трибунала туманно, как и вся история его периода, но совершенно точно, что его можно отнести к середине тринадцатого века. Следует добавить, что Элифас Леви ни в коем случае не был автором гипотезы Карла Великого, которая была выдвинута много лет назад. Существует множество противоречивых мнений. Будет непосредственно видно, что в документе Трибунала утверждается, что он был составлен во времена Карла Великого, при условии, что он был процитирован правильно. Жюль Гарине поддержал это утверждение, не продемонстрировав никаких знаний по данному вопросу.

[180] Заседания Трибунала часто проводились в городском доме и замке, иногда на рыночной площади и в редких случаях на церковных дворах. Существует только одна запись, касающаяся сеанса под землей. Основное место было под деревьями на открытом воздухе.

[181] Обвиняемый имел право самостоятельно осуществлять свою защиту или он мог привести с собой адвоката. Существовали также определенные обстоятельства, при которых существовало право на апелляцию.

[182] Для этого экстраординарного заявления не хватает доказательств. У Элифаса Леви, по-видимому, сложилось впечатление, что Трибунал был подобен Великой масонской ложе с одним способом и местом проведения заседаний. Естественно, он состоял из множества трибуналов и заседал, как мы видели, в самых разных местах.

[183] В том, что это утверждение полностью оправдано, можно убедиться по ссылке на *"Магию и колдовство во Франции"* Т. Де Козона, значительную исследовательскую работу, опубликованную за последние несколько лет в 4-х томах. Раздел, озаглавленный *"Волшебство в столице"*, представляет собой список банальностей, касающихся дьявольских проявлений, и может быть включен только ради хронологической полноты.

[184] История устройства самозащиты раввина Иехиэля рассказана Бартолоччи, с.В. Р. Иехиэлем де Паризио, в *Великой раввинской библиотеке*, т. iii. стр. 834, 835. Оно основано на авторитете Р. Гедалии бен Давида Яккии. Но хотя предполагается, что Джехиэль был волшебником, в его процессе не было ни электричества, ни магии, только своего рода ловушка на пороге его собственной двери.

[185] Случилось так, что он пошел к нему и попал в ловушку еврея. Гарине - автор воображаемого визита ко двору Святого Людовика. Он следует за Совалем.

[186] Этот абзац адаптирован из Garinet, *Hist. de la Magie en France*, p. 76.

[187] Многие трактаты по алхимии были написаны Альбертом Великим, в том числе *Libellus de Alchymia* и *Concordantia Philosophorum*.

[188] Согласно Зоару, Адам был сформирован из земли, принесенной с четырех сторон, и это действительно намек на символическое соответствие между частями его личности и четырьмя элементами древней физики.

[189] Вселенская тайна, которую искала мистическая алхимия, была более истинной тайной жизни всего живого; это был поиск трансмутации в Боге.

[190] Тезис физической алхимии состоял в том, что Природа всегда намеревалась производить золото, но ей мешала нечистота *среды* среди которой она работала под землей. В результате появились низшие металлы. Целью герметического искусства было завершить замысел Природы и поднять то, что является основой, до совершенства.

[191] Святой Фома Аквинский написал восемь трактатов по алхимии, если верить описаниям в литературе. Они имеют ту же подлинность, что и работы Альберта Великого.

[192] Исследование, о котором идет речь, было особым образом предписано Львом XIII.

[193] Я не знаю или забыл, как возникла эта легенда, но в любом случае святому Доминику не приписывали никаких работ по трансмутации, что наводит меня на мысль, что история о его адептстве не приобрела сколько-нибудь значительного распространения.

[194] Фрагмент Останеса включен в византийскую коллекцию древних алхимиков. Ромариусу следует прочитать Комариуса, чей трактат в том же сборнике, как предполагается, адресован Клеопатре. Салманас писал о производстве искусственного жемчуга и предположительно был арабом. Клеопатре приписывается трактат о мерах и весах, а есть также несколько латинских подделок. Другие имена хорошо известны в литературе по алхимии.

[195] Это следует понимать в общем смысле Тайной Традиции, увековеченной в различных формах во времена христианства. Тамплиеров не интересовали тайные школы еврейства. На основании официального процесса, который привел к их осуждению, они были обвинены в Черной магии, колдовстве и вступлении в союз с Орденом ассасинов.

[196] Я рассматривал утверждения об этой спекуляции в моей книге "*Тайная традиция во франкмасонстве*", том i, стр. 300 и последующие.

[197] На самом деле речь идет о четвертой главе апокрифической *Книги Неемии*, которая является *Второй книгой Ездры*, и о масонах Неемии, а не Зоровавеля. Последний был связан со строительством Второго Храма, а первый - со стенами вокруг Иерусалима. Половина молодых людей выполняла работу по восстановлению укреплений, а половина стояла в готовности сражаться. Строители также были опоясаны мечом, привязанным к поводьям. Меч в одной руке и мастерка в другой - символическое выражение.

[198] Очевидно, что расположение четырех треугольных лезвий в крестообразном узоре представляло бы собой обычный мальтийский крест или крест рыцарей ордена Святого Иоанна. Это была ассирийская эмблема в дохристианские времена.

[199] Богохульная выдумка хорошо известна, и ее корни уходят в *Сефер Толдос Джешу*; неточно называть это традицией; правильнее сказать, это лживое изобретение. Мне не удалось найти источник истории о Теоклете, но едва ли возможно, что она возникла в кругу *Ордена Храма*.

[200] В 1844 году Жак Маттер провел специальное исследование обвинений против рыцарей-тамплиеров в своей *Исторической критике гностицизма*, т. iii. стр. 315 и далее. Он утверждает, что предполагаемое предпочтение тамплиеров Евангелию от Святого Иоанна нигде не подтверждается историей Ордена. Следовательно, они не были окрашены остатками павлицианского гностицизма, поскольку это маловероятно.

[201] В другом месте Элифас Леви говорит: (a) Что гипотетический идол Бафомет был символической фигурой, представляющей Первую Материю *Magnit Opus*, то есть Астральный Свет; (b) Что он также обозначал бога Пана, которого можно отождествить с “Христом диссидентского жречества”; (c) Что голова Бафомета - это “красивая аллегория, которая приписывает одной мысли первую и созидательную причину”; и, наконец, (d), что это “не более чем невинный и даже благочестивый иероглиф”.

[202] Предполагается, что они были вызваны Жаком де Моле, чтобы предстать перед Божественным Трибуналом в течение года и дня, чтобы ответить за свою несправедливость, и что они умерли в указанный срок, что не соответствует действительности.

[203] Пересмотр процесса, по которому была осуждена Орлеанская дева, был начат самим Карлом VII в 1449 году. В 1552 году было составлено двенадцать статей, призванных показать его незаконность и несправедливость. По политическим причинам, имея в виду отношения между Францией и Англией, мать и братья Жанны были выдвинуты истцами в Риме, и папа Калликст V назначил комиссию. В 1456 году комиссия вынесла свое решение, отменив первый процесс на основании мошенничества, клеветы, несправедливости, противоречий и явных ошибок в фактах и законе.—*La Magie et la Sorcellerie en France*, vol. ii. pp. 514-518.

[204] Было высказано предположение, что обвинение в колдовстве прикрывало политический заговор с целью его уничтожения и имело ту же ценность, что и аналогичное обвинение в отношении рыцарей-тамплиеров.

[205] Франческо Прелати, по-видимому, был магом по профессии, а что касается Жиль де Силле, то говорят, что он был священником Сен-Мало.

[206] Это была Катрин де Туар, и именно ей он был обязан большей частью своего состояния. Говорят, что он был одним из богатейших дворян в Европе.

[207] Следует понимать, что то, что следует далее, является всего лишь романтическим повествованием. See *Gilles de Rais, dit Barbe Bleue*, by Bossard et Maulde.

[208] Рассказ на этом этапе представляет собой примесь Синей Бороды или фольклорного элемента и может быть прочитан в сочетании с Перро.

[209] Не похоже, что Франческо Прелати и Жиль де Силле впоследствии были привлечены к ответственности.

[210] Действительно упоминалось, что он предстал перед Жаном де Малеструа, епископом Нанта и канцлером Бретани. Он подчинился этому призыву.

[211] В записях говорится, что поначалу он был дерзок, но вскоре изменил свои методы, и в признании, которое он сделал, участвовали двое его слуг по имени Анри и Пуату.

[212] Это были слуги Жиля де Рэ, которые обвинили его под пытками.

[213] Это объяснение является абсолютно предположительным, поскольку в записях о Черной магии нет ни малейших доказательств существования такого процесса. Конечно, возможно, что некоторые читатели могут приписать Элифасу Леви секретные источники информации. Говоря в целом, черная магия и синонимичная ей разновидность белой магии были достаточно мало связаны с алхимическими процессами, хорошими или плохими. Их любители и адепты стремились обогатиться, находя зарытые сокровища с помощью демонов; они также стремились общаться со злыми духами, которые могли приносить золото и драгоценные камни из рудников или которые сами могли совершать трансмутацию.

[214] Просто хочу сказать, что Гаффарель писал в защиту евреев и для того, чтобы снять с них многие обвинения, помимо тех, что были выдвинуты Филоном. Его тезис состоял в том, что многие вещи были ложно навязаны им.

[215] Его судьбу разделили уже упомянутые слуги, которые, как говорят, были его сообщниками.

[216] Маркиз Эд де Мирвиль написал *"Об особенностях и способах проявления жидкости в современной науке"*, 1858, и другие большие книги, которые были настоятельно рекомендованы церковными авторитетами того времени. Он повсюду видел вмешательство сатанизма в психические и оккультные явления. Уберите личность сатаны, и Элифас Леви скажет точно то же самое.

[217] The reference is to *La Réalité des Esprits et le Phénomène Merveilleux de leur Écriture Directe*. Она появилась в 1857 году и представляет собой очень любопытную подборку материалов. Много позже, или в 1875 году, тот же автор опубликовал *"Всемирную мораль"*, которая, по-видимому, является призывом к светскому образованию.

[218] Читатель должен понимать, что Элифас Леви всего лишь выражает точку зрения; не следует предполагать, что были адепты — истинные или ложные, — которые говорили или думали то, что здесь изложено, в рассматриваемый период или даже в любой другой период.

[219] See Gabriel Naudé: *Apologie pour les Grands Hommes faussement accusés de la Magie*.

[220] Бартоломей Платина был помощником библиотекаря Ватикана, и его *Сочинение "In Vitas Summorum Pontificum"* появилось в Венеции в 1479 году, за два года до его смерти.

[221] "Пусть папы позаботятся об этом", - замечает он, согласно Заметке Леви; "именно они заинтересованы в этом вопросе".

[222] Элифас Леви в своей защите католической религии, под которой он подразумевает религию Рима, напоминает о Талейране, приступающем к посвящению и умоляющем своих близких не смешить его: на символическом языке обывателя его язык так явно прижат к щеке. Открытый враг Рима дважды подумал бы, прежде чем сказать, что папа, санкционировавший орудия, использовавшиеся при отвратительных убийствах альбигойцев и водуа, был "в высшей степени католиком".

[223] Я отсылаю читателей этого раздела к моей *Книге церемониальной магии*, где содержание и история этого Гримуара рассматриваются с особым упором на критику Элифаса Леви.

[224] Я упоминал в *Книге церемониальной магии*, что первое издание *Гримуара Гонория* относится к 1629 году, то есть примерно через 900 лет после смерти его предполагаемого автора. Я также сослался на соответствующий источник в *Книге присяги Гонория*, которая относится к четырнадцатому веку. Гонорий, о котором здесь идет речь, был представителем магов, собравшихся в мифическом месте. Он описывается как сын Евклида и Повелитель Фиванцев.

[225] Это еще один способ заявить, что он точно такого же характера, как *Ключ царя Соломона*, *Ключи рабби Соломона* и *Магические элементы Питера де Абано*, которые соответствуют данному описанию.

[226] Напротив, Гримуар - это Ритуал вызывания злых духов, и, если допустить только законность этой операции, он во всех отношениях соответствует доктрине латинской церкви. Теперь было бы напрасно говорить, что эта Церковь заменяет пассивный принцип активным, несмотря на культ Пресвятой Девы.

[227] Я не знаком с этим фронтисписом, но я видел копию, на титульном листе которой изображено солнце внутри перевернутого треугольника.

[228] Это толкование принадлежит лично Элифасу Леви и не имеет авторитета в каббалистике, о чем нет необходимости говорить, учитывая, что Тайная традиция еврейства не поддерживала иерархию Латинской Церкви. В *Зоар*, Адонай - это титул *Шекины*, как уже говорилось.

[229] При условии, конечно, что буква *Алеф* обозначает *Адама*, в то время как *Хет* и *Вэу* являются первыми буквами в имени *Евы*. Интерпретация повсюду имеет одинаковую ценность, и Элифас Леви был не более серьезен в ее выражении, чем я в ее переводе. "*Гримуар Гонория*" не является такой бездной декоративного философского беззакония.

[230] Я использовал перевод, сделанный с самого Гримуара, опубликованного в моей *Книге по церемониальной магии*, стр. 107.

[231] В нем утверждается, что власть повелевать демонами находится в Престоле Петра, а затем переходит к передаче этой власти посредством разрешения "достопочтенным братьям и дорогим сынам во Иисусе Христе", то есть тем, кто состоит в рядах церковной иерархии.

[232] Следует пояснить, что речь в Гримуаре не ритмична, но фраза "когда я навязую им свою волю" повторяется несколько раз, буквально или по существу. Таким образом, Элифас Леви получает припев своих стихов: *Я навязываю тебе свою волю для тебя*. Его метрическая интерпретация хорошо задумана и выполнена.

[233] Я передал в прозе то, что Леви передал в стихах, которые являются чем угодно, только не словами Ритуала. Сравните мой перевод молитвы, взятый из Гримуара в *Книге церемониальной магии*, стр. 280-282.

[234] Ритуал переходит к заклинанию королей, правящих в четырех четвертях неба, и злых ангелов, которые правят днями недели.

[235] Присутствие цыган в Европе можно проследить до XV века.

[236] В этом заявлении цитируется авторитет Джорджа Борроу.

[237] Задолго до Вайяна эта китайская надпись была описана Куртом де Жебеленом, который также считал, что это форма карт Таро.

[238] Если некоторые прекрасные карты Таро, хранящиеся в Королевской библиотеке и Музее Каррера, являются работой Жака Грингоннера, что, как мы видели, оспаривается, то впервые о Таро услышали в 1393 году, а поскольку именно в 1423 году святой Бернардин Сиенский проповедовал против игральных карт, которые, без сомнения, были картами Таро, вполне вероятно, что в более ранний период они использовались так же, как и позже.

[239] Романтическая история Раймунда Люлли, над которой работал Элифас Леви, была написана Жаном Мари де Верноном.

[240] что исторически определенная следующим образом: (а), что история амброзия ди Кастелло, в том, что касается его корень-материя-то, что касается оригинальной и только Раймонд Лулл, кто был автором *Арс Магна*; (б) что это, по всей вероятности, фиктивный; (С) что он был награжден и театрализован на Элифас Леви, который выполнил свою работу превосходно; (д) Что касается отца осветил доктор известно лишь, что он был великим солдатом; (е) что автор алхимических трактатов не был автором *Арс Магна*; (ф), что алхимические писателя сказаноуже (1) еще Раймонда Луллия, который, я думаю, означает лишь то, что он взял имя для того, чтобы отец его работает на знаменитого человека, и (2) прозелитом врат, будучи человеком, который становится евреем, но это явно опровергаются доказательствами, алхимических текстов; (г) что когда сочинения Раймонда Луллия были собраны, в конце восемнадцатого века, на восьми огромных томов Фолио, мы видим, как я уже говорил в другом месте, в третьем Раймонда Луллия, который был мистиком, но чтобы его реальной личности мы ничего не знаем.

[241] Розовые дворяне были заменены Ангелами в 1465 году, временно Эдуард IV.

[242] Луи Фигье писал оккультные романы под видом истории и не знал, о чем он говорит в отношении *Ars Magna*. Нет оснований предполагать, что она даже проходила через его руки. Иначе обстояло дело с небольшими алхимическими текстами; и нет причин подвергать сомнению то, что он говорит о них.

[243] История трансмутации, совершенной неким Раймундом Люлли в Англии, основана на упомянутых алхимических текстах и, следовательно, не является доказательством, а также на поддельном завещании Джона Кремера, который называл себя аббатом Вестминстера, но ни один человек с таким именем не занимал рассматриваемую должность ни в предполагаемый период, ни в какой-либо другой.

[244] Трактаты, дошедшие до нас под именем алхимика Раймунда Люлли, перечислены Ленгле дю Френуа в связи с теми, которые приписываются автору *Ars Magna*. Мангетус напечатал шестнадцать в своей *Курьезной химической библиотеке*, 1702 год. *Codicillus, Vade Mecum* или *Cantilena* - это значительный труд, разделенный на 74 главы.

[245] На этом этапе читатель может ознакомиться с моим исследованием жизни и трудов Раймунда Луллия в "*Жизнеописаниях философов-алхимиков*", стр. 68-88.

[246] В оригинальном тексте нет ссылки на название.

[247] Только один раз в апокалипсисе говорится, что “на небе было безмолвие примерно на полчаса”. См. Главу VIII, стих 1.

[248] В *Книге Николаса Фламеля* Символы описываются следующим образом: (1) Жезл и змеи, пожирающие друг друга; (2) крест, на котором был распят змей; (3) Пустыни, посреди которых было множество прекрасных источников, откуда выходило множество змей, которые скользили тут и там.

[249] Меркурий и Сатурн — как и предполагал Фламель — были изображены на лицевой стороне этого листа, а символический цветок - на обратной. Говорят, что это не роза, а просто красивый цветок. Розовое дерево было на лицевой стороне пятого листа.

[250] В оригинале нет упоминания о затвердевшем воздухе.

[251] Иначе Арислей, занимающий видное место в дискурсах *Turba Philosophorum*.

[252] Существует старая история о том, что он перевел “*Сефер Ха Зоар*” на латынь, но рукопись так и не была найдена.

[253] Впервые она была опубликована в Базеле, а затем в Амстердаме в 1646 году. В 1899 году второе издание было переведено на французский. Она заслуживает и вознаграждает за внимательное прочтение с мистической точки зрения.

[254] Это обещание представляет собой еще одно невыполненное намерение Элифаса Леви.

[255] See *Les Six Voyages de Jean Baptiste Tavernier, en Turquie, en Perse et aux Indes*, Paris, 1676. Вышло пять французских изданий, и произведение также было переведено на английский.

[256] На самом деле это название отдельного трактата, но поскольку оно чрезвычайно длинное и, можно сказать, является *сводным ребусом*, нельзя считать несправедливым представление его философии в целом.

[257] Последний и наиболее успешный апологет Парацельса говорит, что обвинение в невоздержанности было выдуманно его врагами. Смотрите “*Жизнь Парацельса*”, мисс Анна М. Стоддарт, 1911 год.

[258] Элифас Леви, который несколько неправильно цитирует Данте, утверждал, что он совершил такое же мысленное паломничество и спасся тем же способом — изменив догму. В другом месте он говорит: “Это было после того, как он спустился из пропасти в пропасть и от ужаса к ужасу на дно седьмого круга бездны ... этот Данте ... поднялся утешенный и победоносный к свету. Мы совершили то же самое путешествие, и мы предстаем перед миром со спокойствием на лице и миром в сердце ... чтобы убедить человечество, что ад и дьявол ... а вся остальная мрачная фантазмагория - кошмар безумия”.

[259] Интерпретация *Божественной комедии* как воплощения акта войны против папства была начата Габриэле Россетти около 1830 года в его *Рассуждениях об антипапском духе, породившем Реформацию*. Неясные и сомнительные догматы, которым Элифас Леви дает название иоаннитов, он заменяет доктринами альбигойцев и вальденсов. Тот же тезис, позаимствованный у его итальянского автора, был поддержан в том же духе Эженом Ару,

сначала в "*Загадках рыцарства*", а затем в большом объеме аннотаций, приложенных к его переводу Данте. Последнее произведение появилось в 1856 году. Интерпретация Леви - это вариант интерпретации Ару. Исследования французского писателя - источник радости для критики. Он создал еще один памятник - "*Данте, героиня, революционер и социалист*", 1854 год. Он был преданным членом Латинской церкви, хотя я думаю, что среди верующих была бы радость, если бы его книги были сожжены в Риме.

[260] Авторитетом является демонограф Бодин. Труа-Эшель признался королю, что он отдался духу, который позволил ему творить чудеса. Он был прощен при условии, что он донесет на других, виновных в колдовстве. Предполагается, что его последующее осуждение стало следствием новых операций с его собственной стороны.

[261] То есть Пьер де л'Этуаль. See *Véritable Fatalité de Saint Cloud*, art. 8.

[262] This account is drawn from Garinet, who cites two pamphlets of the period: (A) *Les Sorcelleries de Henri de Valois, et les Oblations qu'il faisait au Diable dans le Bois de Vincennes*, 1589; (B) *Remonstrances à Henri de Valois sur les choses horribles envoyées par un enfant de Paris*, 1589.

[263] Compare Aroux: *La Comédie de Dante*, vol. ii., p. 33 of his *Clef de la Comédie*. Роза - это "альбигойская церковь и ее доктрины ... превращенные в мистический цветок". Отсюда огромная популярность романа Уильяма Лоррисского, несмотря на анафемы Герсона.

[264] Слова Фламель таковы: "На пятом листе посреди сада было прекрасное розовое дерево в цвету, растущее у дуплистого дуба, у подножия которого бил фонтан чистой белой воды, стремглав сбегавший в глубину. Тем не менее, она прошла через руки огромного количества людей, которые копались в земле в поисках ее, но по причине своей слепоты никто из них не знал об этом, за исключением очень немногих, которые осознавали ее вес". *Le Livre de Nicolas Flamel*.

[265] Будет видно, что это противоположный тезис объяснению духовного мира посредством естественного закона; это объяснение естественного мира посредством духовного закона. Точно так же прав Элифас Леви, когда он продолжает утверждать по существу, что религия сверхъестественной благодати является источником естественной религии. Именно в свете установленных таинств мы находим скрытую благодать тех, кто существует в Природе.

[266] "Теперь мы смело называем папу Антихристом, что раньше каралось смертной казнью.... Настоящим мы осуждаем Восток и Запад, имея в виду Папу Римского и Магомета.... Он (Папа Римский) будет разорван на куски гвоздями, и последний стон прекратит рев его осла.... Суд над римским самозванцем, который теперь с открытым ртом изливает свои богохульства против Христа.... Рот этой гадюки должен быть заткнут". См. *Братскую исповедь*, R. C., 1616.

[267] Массонский титул суверенных принцев Розы-Круа, приписываемый во Франции членам Восемнадцатой степени, согласно Древнему и Принятому шотландскому обряду, был изменен в Англии на "Превосходные" и "Совершенные принцы". Старым титулом розенкрейцеров был *брат*, а главу Ордена называли *Император*.

[268] Я оставил эту дату в силе, поскольку трудно сказать, к чему клонит Элифас Леви. Кунрат родился в 1559 или 1560 году, а умер в начале семнадцатого века.

[269] Это ошибка. *Амфитеатр* появился в 1609 году, лицензия была получена ранее.

[270] Работа содержит (a) 365 стихотворений, взятых из *Притчей* и апокрифической *Книги мудрости*, латинская Вульгата печатается бок о бок с новым переводом Кунрата. Эти стихи разделены на семь степеней. (b) Подробное толкование каждого стиха. (c) Введение к первой гравированной пластине; (d) ко второй; (e) к третьей; (f) к четвертой; и (g) эпилог или заключение ко всему произведению.

[271] Элифас Леви переставил большую часть табличек, и трудно следовать его описаниям. № 1 - лаборатория и ораторское искусство адепта. № 2 - это, по-видимому, то, что он называет Путем Мудрости. № 3 - Философский камень. № 4 - это то, что Леви описывает как Догму Гермеса, потому что предложения Изумрудной Скрижали начертаны на Скале Веков или Горе Посвящения. № 5 - это Врата Святилища, но они освещены тремя лучами. № 6 - это то, что Леви называет Розой Света, но на самом деле это солнце с Христом в центре. Пункты 7 и 9 соответствуют приведенным описаниям; но пункт 8 вряд ли является доктриной равновесия: это доктрина возрождения через Христа, в Котором исполнился закон.

[272] "*Химическая базилика*" была переведена на французский язык Ж. Марселем де Буленом и опубликована в Лионе в 1624 году. Она была переиздана в Париже в 1633 году. Третья часть - это *Книга подписей*. Латинское издание появилось во Франкфурте в 1608 году.

[273] Некоторые из этих имен чрезвычайно малоизвестны, и их литературным остаткам не придается никакого значения. Филип Мюллер написал "*Чудо и мистерия медицинской химии*", 1614 год. Оно было напечатано восемь раз в разных местах. О Джоне Торнебурге у меня нет никаких сведений. Ортелий был комментатором Сендивогия; Майкл Потериус или Потье был автором десяти алхимических трактатов, но я никогда не слышал, чтобы они пользовались уважением среди любителей этого искусства. Барон де Босолей был еще более объемист и более известен. Работы Давида де Планис Кампе были собраны в фолиант в 1646 году; он считается алхимиком-мечтателем. Дюшен был *сьер де ла Виолетт*, и его труды состоят из шести томов. Бенджамин Мустафа, или, скорее, Муссафия, писал о питьевом золоте. Другие имена известны науке, как выразился бы Леви, и пользуются в ней известностью.

[274] Суть этого намека немного неясна. Смотрите мою *Реальную историю розенкрейцеров*, стр. 388-390, чтобы ознакомиться с различными версиями этого воззвания.

[275] Я не смог найти авторитетных источников для этого рассуждения в целом, но некоторые его фрагменты цитирует Габриэль Ноде.

[276] Похоже, рассказа с таким названием нет ни в "*Фантазусе*", ни где-либо еще в творчестве Тика.

[277] See Pierre De Lancre: *Tableau de l'Inconstance des Démons*, Book VI., Discourse 4. Но Элифас Леви, похоже, следил за кратким изложением Гарине.

[278] Отчет есть у Бодена и в записях Анри Богэ. Ее физическая особенность описана как *то, что она знает обо всем, что касается горя в этой партии*. Работа Богэ озаглавлена "*Объяснения колдунов*", 1602. Она чрезвычайно редка.

[279] Судебное преследование и казнь светских священников и монахов часто повторяются в анналах магии.

[280] Судя по всему, их звали Мадлен де Мандол, дочь сеньора де ла Палю и Луизы Капель.

[281] Фактические обвинения заключались в том, что (а) что Мадлен была соблазнена Гауфриди, когда ей было девять лет, (b) что он привел ее на Шабаш, (с) что он послал ей 666 дьяволов. Луизе он отправил только четыре письма.

[282] See *L'Histoire Admirable de la Possession et de la Conversion d'une Pénitente séduite par un Magicien*, by the Inquisitor Michaëlis, 1612.

[283] Он был священником в Марселе и кюре в Аккуле.

[284] Признание включало: (1) Видения Люцифера, (2) соглашение с ним, (3) завоевание любви женщин дыханием на них, (4) посещение Black Sabbath, (5) празднование Черных месс и т.д.

[285] О Луизе больше ничего не слышно в истории того периода. Мадлен была изгнана своей семьей и жила на подаяние в Авиньоне, пока в 1653 году парламент Экса не приговорил ее к вечному затворничеству.

[286] Исторические факты таковы, что Грандье однажды настоял на том, чтобы взять верх над Ришелье, тогдашним епископом Люсона и подвергшимся опале в Куссе. Даже не совсем ясно, обращался ли священник к королю, но он был вовлечен в многочисленные судебные процессы по обвинению в безнравственности. Однако справедливо добавить, что, согласно Гарине, Грандье отправился в Париж и отстаивал свое дело перед королем.

[287] Первой жертвой этого феномена, по-видимому, стала Настоятельница.

[288] Директора монастыря звали Миньон, и он призвал к себе на помощь не только некоторых кармелиток, но и местного светского священника, который был убежденным сторонником дьявольского вмешательства.

[289] Это письмо цитируется Garinet, стр. 218, 219.

[290] Несмотря на применение так называемых обычных и экстраординарных пыток, от Грандье так и не было добыто признания вины по предъявленным обвинениям, который действительно отказался отвечать. Картина поведения Элифаса Леви во всем точна и превосходно передана.

[291] Все произошло так, как было заявлено, и, более того, жители города после собрания в ратуше написали королю письмо с жалобой на притворство, абсурдность и досадность этого процесса. See Garinet, *Pièces Justificatives*, No. XVI.

[292] Это замечание, с которым я безоговорочно согласен, может быть отмечено изучающими историю масонства как противовес претенциозной бессмыслице, которую говорили на эту тему французские сочинители басен и особенно Ж. М. Рагон, самый тупой и безмозглый из всех.

[293] В настоящее время это мнение демонстрирует признаки возрождения, и следует сказать, что нет никаких доказательств в его поддержку.

[294] Можно упомянуть, что масонство, где бы оно ни было основано, является выборным, а не иерархическим.

[295] Легенда о Хираме была рассказана несколькими способами. Английские масоны увидят, что настоящая версия совершенно неверна, и далее можно добавить, что она включает в себя грезы, заимствованные из старых Высших Степеней.

[296] Имена, приписываемые трем убийцам, являются выдумками высшего качества, как и все, что следует о них ниже.

[297] Понятно, что Элифас Леви пришел в масонство обычным путем, но совершенно верно, что жизненно важная интеграция в масонство и его реальное понимание являются следствием личной работы.

[298] Ее называют самой древней из всех китайских книг, поскольку она датируется 3468 годом до н.э. Она состоит из 10 глав.

[299] Смотрите мой перевод этой работы: *Трансцендентальная магия: ее доктрина и ритуал*, 1896.

[300] Будет замечено и оценено по достоинству, что Элифас Леви не пытается прояснить китайскую загадку, ключом к которой, как он утверждает, владеет, и объясняется это тем, что если бы он критически знал свой предмет, то не пытался бы создавать зоарические аналогии, которых по природе вещей не существует.

[301] *Книга сокрытой тайны* не является ключом к Зоару; это один из вставленных в него трактатов, и его влияние на текст в целом почти равно нулю.

[302] Следует заметить, что это замечание не подтверждается примером, который должен его иллюстрировать, и что "Размышления о Китае" представляют собой любопытную преамбулу к исследованию замечательных авторов восемнадцатого века, которые не имели никакого отношения к Китаю.

[303] Эммануэль Сведенборг никогда не высказывал эту точку зрения, и в отношении критики в целом следует отметить, что сообщения, которые поступали к нему, были неожиданными, его психические состояния не были вызваны самим собой.

[304] В Каббале нет принципа иерархии; ее единственным советом является изучение Доктрины, и это изучение постоянно продвигает вперед новые разработки глубоких значений, которые лежат за (а) Законом, (б) пророками и (в) историческими книгами Ветхого Завета. Зоар повсюду предполагает широко распространенное знание своей Тайной Доктрины, как уже указывалось.

[305] Он был получателем откровения и не был озабочен тем, чтобы помочь тем, к кому он обращался, достичь внутренних состояний, в которые он вошел сам. Он был настроен только на то, чтобы передать сообщение, которое он получил.

[306] Éliphas Lévi refers to a work entitled: *Mesmer—Mémoires et Aphorismes Suivis des Procédés d'Eslon*, 1846. Афоризмы Антона Месмера часто переиздавались.

[307] Вероятно, имеется в виду французская работа, которая из-за отсутствия даты и более полного описания не может быть идентифицирована с уверенностью.

[308] Рассматриваемый автор подтверждает (а), что граф де Габалис был немцем, (б) что он был великим дворянином и великим каббалистом, (с) что его земли находились на границах Польши, (д) что он был человеком приятной внешности, говорившим по-французски с иностранным акцентом. Сен-Жермен, со своей стороны, засвидетельствовал принцу Карлу Гессенскому, что он был сыном принца Рагоци Трансильванского. Возможно, последнее место

будет рассматриваться как достаточно близкое к Польше, чтобы сделать историю Элифаса Леви немного менее невероятной, чем это кажется на первый взгляд. Но принцем, о котором шла речь, был Франц-Леопольд Рагоци, который провел свою жизнь в заговорах против Австрийской империи, “с целью восстановления своей независимой власти” и свободы своего княжества. Нельзя представить более неправдоподобного человека, чем оригинал нелепого графа де Габалиса, а граф де Сен-Жермен никогда не намекал, что он принадлежит к линии каббалистов, и меньше всего к таким каббалистам и оккультистам, каких изображает аббат де Виллар. См. *Монографию миссис Купер Оукли о графе де Сен-Жермене*, Милан, 1912.

[309] See Madame la Comtesse de Genlis: *Mémoires Inédites pour servir à l'Histoire des XVIIIme et XIXme Siècles*.

[310] См. “Очерки о секте иллюминатов”, появившийся анонимно в 1789 году, автором которого был маркиз де Люше. Воспроизведенная здесь история приведена в Примечании XV к рассматриваемому эссе. В нем утверждается, что Орден посвященных рыцарей и братьев Азии стал орденом Святого Иоахима примерно в 1786 году. В этой Заметке нет упоминания о Сен-Жермене.

[311] Элифас Леви объясняет в примечании, что неофит, о переживании которого рассказывается, и которого приняли за труп, находился в состоянии сомнамбулизма, вызванного магнетизмом. В отношении зеленой беседки и эффектов, производимых губной гармошкой, он ссылается на Делеза: *Историческая критика магнитных животных*, 2-е издание, 1829. В нем содержатся любопытные описания магнитной цепи и желоба, намагниченных деревьев, музыки, голоса гипнотизера и инструментов, которыми он пользовался. Леви добавляет, что автор был приверженцем месмеризма, что не оставляет его мнения открытыми для подозрений. Я не знаю, что это должно означать, но работа Делеза была авторитетной в свое время, и ее все еще стоит прочитать.

[312] Следует заметить, что Элифас Леви относится к истории более серьезно, чем он предполагал в начале. Поэтому, если я, со своей стороны, позволю себе на мгновение взглянуть на маркиза де Люше таким же образом и предположить, что он был прав, говоря, что Орден Святого Иоахима был преобразованием Рыцарей и Братьев Азии, то кажется несомненным, что последние не были обязаны своим происхождением Сен-Жермену и что их связь с розенкрейцерством была только масонской, члены пятой степени назывались Истинными Братьями Розы Круа, иначе Мастерами Мудрецов, Королевскими Священниками и Братьями Степени Мелхиседека.

[313] Сравните грубости маркиза де Люше в отношении Губной гармошки и его дополнительный отчет о ее использовании при воскрешении Лафатера.

[314] *Иахин* связан в каббализме с *Сефирой Нецах*, потому что это столп правой руки, и из-за *Нецах*, *Иахин* находится в соответствии с תי ת' תי נח ו תי נח. Согласно каббалистическим авторитетам, Божественное Имя *Тетраграмматон* не может быть сказано, что оно скрыто в *Нецах*. Это действительно было скрыто в Адонае из-за *Шекины*, и слава совместного проживания херувимов была проявлением, облачением и сокрытием Иеговы.

[315] Авторство трактата об иллюминизме не является секретом, и Леви мог быть просвещен на этот счет своим другом Дж. М. Рагоном. Монография маркиза де Люше далека от того, чтобы быть идиотской, но она интересна, если не блестяща. Что касается превращений Сен-Жермена,

то имеется в виду, что нет никаких свидетельств получения золота его методами, но в отношении драгоценных камней дело обстоит иначе. Что касается оправдания Де Люше, то это не означает, что доказательства являются плохими.

[316] См. *"Алхимия и алхимики"*, Луи Фигье, стр. 320 и далее. Я уже намекал, что этому автору очень трудно доверять в вопросах исторических фактов, но он представляет Ласкариса как человека, появившегося в Германии в конце семнадцатого века, когда ему было тогда около пятидесяти лет, и в любом случае было бы ошибкой утверждать, что он был на виду, когда граф де Сен-Жермен производил сенсацию в Париже. Ласкарис давным-давно исчез с театра герметических событий.

[317] Показания его жены были получены именно в присутствии дыбы, и я полагаю, что в наши дни нет никого, кто посчитал бы это неверностью с ее стороны.

[318] Это устройство выгравировано на символическом мосту, который упоминается в звании Рыцаря Востока, или Меченосца.

[319] Согласно рассказу о себе, который Калиостро дал на знаменитом судебном процессе по делу об Алмазном ожерелье, Ахарат - это имя, которое он носил в детские годы, которые провел в Медине. Его "губернатором" был Альтотас, которого иногда отождествляли с Кельмером, преподавателем магии Вейсхаупта.

[320] В своем *Словаре Алхимии*, 1612, Мартинус Руландус объясняет, что, согласно системе Парацельса, Азот был Универсальным Лекарством, хотя для других это одно из названий, приписываемых Философскому камню. Очевидно, что Калиостро не занимался ни тем, ни другим, но — если бы его спросили — он мог бы отождествить это с Философской Ртутью, субстанцией, которую можно извлечь из любого металлического тела.

[321] Интересно отметить, что мистер У. Р. Х. Троубридж, предпринявший последнюю попытку оправдать Калиостро, опустил все ссылки на процессы возрождения и предполагаемую попытку возобновить таким образом молодость кардинала де Рогана.

[322] Как уже было видно, Менандр был преемником Симона Волхва, и утверждалось, что крещение, которое он совершил, даровало бессмертие.

[323] Эта история была изменена по сравнению с первоначальным повествованием, чтобы создать впечатление, что Калиостро сбежал. Он не сделал ничего подобного, потому что монах оказался сильнее из них двоих. Принц Бернارد Саксен-Веймарский является авторитетом в этом отчете, и, как говорят, он гарантировал его точность.

[324] Сен-Мартен не продолжил школу теургического масонства, основанную Мартинесом де Паскуалли. Он оставил школу и всякую активную связь с Обрядами и Ложами. Свидетельство его знакомства с Таро основывается на том факте, что его *Таблица естественных взаимоотношений, существующих в самом начале, человеке и вселенной* разделена на 22 части, и в ней представлены 22 Основных козыря Таро. На основании тех же свидетельств то же самое утверждение делается и в отношении Апокалипсиса. То, что казалось достаточным для Элифаса Леви, по-прежнему считается достаточным для школы мартинизма в наши дни и для ее Великого магистра Папюса.

[325] See Deleuze: *Mémoires sur la Faculté de la Prévision*, 1836.

[326] Читатель, который ищет романы, может также обратиться к П. Кристиану: *История магии*, опубликованной около 1871 года. Утверждается, что Корт де Жебелен оставил отчет в рукописи о допросе графа Калиостро в присутствии многих масонских сановников, включая Казотта, на Масонском съезде в Париже. Это было 10 мая 1785 года. Калиостро по этому поводу предсказал главные события Французской революции и, по предложению Казотта, назвал неизвестное тогда имя корсиканца Наполеона Бонапарта.

[327] "*Трактат о революции животных*" был работой Р. Исаака де Лория, немецкого каббалиста. Оно содержится во втором томе "*Каббала денудата*". Это не аллегория, и она не имеет авторитета в Талмуде или Зохаре. Поскольку она была переведена на французский в 1905 году, большинство людей могут сами судить об этом предмете.

[328] Здесь имеется в виду последнее развитие тамплиерства под руководством эгиса Фабре-Палапраты. Он стал достоянием общественности около 1805 года, а его изобретение произошло ненамного раньше. Его документы были фиктивными, как и его заявления.

[329] Элифас Леви упоминает в примечании, что он цитирует эти слова так, как они были переданы ему стариком, который их слышал. В *Журнале* Прюдомма они цитируются по-разному.

[330] Мне не удалось проследить эту историю до ее источника, но Элифас Леви был любопытно осведомлен в закоулках французской оккультной истории, и хотя он редко мог удержаться от украшения и усовершенствования своих повествований, они всегда имели под собой фактическую основу.

[331] Кристиан Антуан Герле родился в 1740 году и умер в 1805 году. Он был картезианцем, получившим известность при Учредительном собрании. 10 апреля 1790 года дом Герле предложил указ о том, что "католическая, апостольская и Римская церковь была и всегда должна оставаться религией нации, и что только ей должно быть разрешено богослужение". See Albert Sorel: *L'Europe et la Révolution Française*, vol. ii. p. 121. Он был заключен в тюрьму Консьержери, но был освобожден, и во время правления Наполеона был назначен на должность в Министерстве внутренних дел.

[332] Говорят, что она была заключена в Бастилию, но это, по-видимому, ошибка, поскольку достоверно известно, что она умерла в Консьержери в возрасте 70 лет. Она называла себя матерью Божьей, пророчествовала о скором пришествии Мессии и обещала, что тогда для избранных начнется вечная жизнь.

[333] Смотрите мои *Исследования по мистицизму*, стр. 99-111, краткий отчет о Спасителях Людовика XVII.

[334] Святая Хильдегарда умерла в 1179 году в возрасте 81 года. Она написала три книги Откровений, которые были одобрены советом Трева, и латинские авторитеты называли ее одной из самых выдающихся мистиков Германии. В пятнадцатом веке Базельский собор одобрил Откровения святой Бриджит, которая родилась около 1307 года и умерла 23 июля 1373 года. Полный перевод ее мемориала был опубликован в Авиньоне в четырех небольших томах, датированных 1850 годом.

[335] Из огромного числа претендентов, которых, по подсчетам одного автора, было сорок, а других - двести, есть четверо, которые могут соперничать по крайней мере друг с другом за

признание сбежавшим дофином: это барон де Ришмон, Огастес Мев, Элеазар Уильямс и Наундорф.

[336] Работа Де Люше совершенно бесполезна с точки зрения доказательств, но так называемая переписка цитируется в Примечании к стр. 182-186 эссе. Похоже, что Магический дом был продан королю Фредерику Вильгельму, но человека, который помогал при вызывании, зовут *un grand Seigneur*, что может скрывать, а может и не скрывать королевскую личность. Более того, Штайнерт был адептом, который приготовил “магический эликсир”, и за это был отправлен на пенсию; но не указано, что он был магом церемониальных процедур. Я не смог проверить сольный концерт Экартсгаузена, с которым очень трудно познакомиться в Англии.

[337] В "*Тайной традиции франкмасонства*" я указал, что Шрепфер, в целом, скорее всего, обладал некоторыми психическими способностями, которые, несмотря на его рассказ, шли по обычному пути самозванства. Поскольку он постоянно практиковал вызывание, его самоубийство можно объяснить условиями, которые сложились в связи с этим. Кажется, нет никаких реальных оснований предполагать, что он покончил с собой из-за того, что усомнился в своих силах; однако этот вопрос не имеет значения.

[338] Просто хочу сказать, что другая сторона Лафатера показана в его *Секретном дневнике самонаблюдателя*, который является очень любопытным памятником — или человеческим документом, как это можно было бы назвать на нашем современном неточном языке. В нем нет никаких намеков на вызывания и общение с еврейскими каббалистами во плоти или вне ее.

[339] Cahagnet is the author of the following works: *Arcanes de la Vie Future*, 3 vols., 1848-1854; *Lumière des Morts*, 1851; *Magie Magnétique*, 2nd Edition, 1858; *Sanctuaire du Spiritualisme*, 1850; *Révélations d'outre Tombe*, 1856.

[340] Этот отчет взят из примечания XV. приложен к "*Очеркам секты иллюминатов*", но маркиз де Люше полагался на другого автора, последний заимствовал из книги Лафатера "*Spiritus Familiaris Gablidone*", опубликованной во Франкфурте и Лейпциге в 1787 году.

[341] Клавель предполагает, что, когда Карл VI подавил масонство в Австрии из-за Буллы папы Климента XII, братья определенных лож учредили Орден Мопсов, чтобы заполнить пробел. См. *Историю Франции*, 3-е издание, 1844, стр. 154. Рагон воспроизводит это мнение в своей работе "*Мануэль де л'Инити*", 1861, стр. 88.

[342] *Liber Mirabilis: qui Prophetias: Revelationesque: nec non res mirandas: preteritas: presentes: et futuras aperte demonstrat*, 1522. Работа состоит из двух частей, из которых первая написана на латыни, а вторая - на французском.

[343] Я использовал английский перевод семнадцатого века. The original says: *En l'Eglise au plus pire, traiter les prêtres comme l'eau fait l'éponge*. Я не совсем понимаю, из чего следует объяснение Леви, но этот момент не стоит обсуждать.

[344] *Les Dernières Prophéties de Mlle. Ленорман* появилась в 1843 году и вызывает радостное чтение. Она родилась в Алансоне в 1772 году и умерла 25 июня 1843 года.

[345] Мне не удалось проверить утверждение о том, что этот человек имел доступ к императору Александру.

[346] Следует понимать, что *Валери* появилась в Париже в 1803 году, когда писательнице было тридцать девять лет. Ее знакомство с российским императором состоялось одиннадцать лет спустя, и именно в этот промежуточный период произошло ее духовное развитие. Она больше не была любезной кокеткой, хотя это описание, возможно, когда-то относилось и к ней. Нет никаких сомнений в том, что портрет *Валери* был и должен был стать ее собственным портретом. Что касается личности ее героя, то он был секретарем ее мужа, и между ними не было близости в дурном смысле этого слова, хотя в других отношениях у нее была незапятнанная репутация.

[347] Именно императрица Елизавета, жена Александра, первой обратила внимание своего мужа на мадам де Крюденер. Она показала ему несколько своих писем, чтобы привлечь его к религиозному влиянию. Король и мистик встретились при странных обстоятельствах 4 июня 1815 года. Мадам де Крюденер была на 13 лет старше императора, с бледными, изможденными чертами лица. История, повторяемая Элифасом Леви, откуда бы она ни исходила, является отвратительной клеветой. Знакомство началось в Вюртемберге и продолжалось во время пребывания императора в Париже, или до 28 сентября 1815 года. Это были дни, закончившиеся провозглашением Священного союза, и роль мадам де Крюденер в этой работе является вопросом истории.

[348] Говорят, что Томас Игнатиус Мартин предсказал революцию 1830 года, но этот факт сомнителен. Говорят, что в своей беседе с Людовиком XVIII он также сказал французскому королю, что не является законным наследником французского трона, но это более чем сомнительно. Особая легитимность, которую он поддерживал, была легитимностью Наюндорфа.

[349] См. "*Мистическая Франция*" Александра Эрдана, том ii. стр. 135 и далее. обращаю внимание на четырех главных учеников Фурье, самым безумным из которых является Виктор Хеннекен.

[350] Он был пророком третьего и последнего союза между Богом и человеком.

[351] Говорят, что после разрыва своих отношений с Вронским М. Арсон самостоятельно учредил своего рода гуманитарную религию и объединил ее с некоторыми аспектами спекуляций метемпсихозом.

[352] Говорят, что беседы святого Михаила с Винтрасом касались (a) судеб Франции, (b) будущего религии, (c) реформы духовенства. Пресвятая Дева, святой Иосиф и Сам Христос также посетили провидца, согласно его собственному свидетельству.

[353] *L'Œuvre de la Miséricorde prit une teinte fleur-de-lys très prononcée.*—Alexandre Erdan.

[354] Смотрите мои *Тайны магии: сборник трудов Элифаса Леви*.

[355] Обвинения содержатся в брошюре под названием *Le Prophète Vintras*, опубликованной Гоццоли в 1851 году. Я не думаю, что Жоффруа что-либо написал.

[356] Винтрас был арестован в Тилли-сюр-Сель в 1842 году по обвинению в мошенничестве; его судили в Кане и приговорили к пяти годам тюремного заключения. После освобождения в 1848 году он нашел убежище в Англии.

[357] См. *"Мистическая Франция"*, том i, стр. 36 и последующие. за современный отчет о Дю Поте и периодических магнетических сеансах, которые проводились в ресторане "Братья Провансальцы" в Перроне Пале-Рояля.,,,,,,,,,,,

[358] Согласно другому рассказу, Волшебное зеркало представляло собой обычный круг для вызывания, нарисованный углем. Предполагалось, что в нем вызывались Блуждающие духи.

[359] Иначе говорят, что его безумие было частичным или характеризовалось множеством просветленных промежутков. Его второй работой была *"Религия"*, и в ней проповедовалось учение о реинкарнации с периодической сменой пола. В нем Божество описывалось как бесконечная субстанция, в которой циркулируют мириады душ-сущностей.

[360] Среди других его работ - *"Евангелие от народа"* 1840 года, на которое впоследствии ссылается Элифас Леви. За это он был заключен в тюрьму. В 1847 году он опубликовал *Историю монтаньяров*. В конце 1851 года он был вынужден покинуть Францию и, кажется, жил в Англии. Анри Альфонс Эскирос родился в 1814 году.

[361] Анри Делаж, похоже, довольно серьезно относился к вопросу физической красоты. В 1850 году под названием *"Совершенствование телосложения человеческой расы"* он составил сборник процессов и методов обретения красоты, заимствованных, как он утверждал, у халдейских магов и философов—герметиков.

[362] Французская церковь была принудительно закрыта около 1840 года, но в 1848 году была предпринята попытка вновь открыть ее в небольшом помещении. Особый вид мессы совершался на французском языке, и, похоже, у церкви были свои собственные праздники. В вопросах доктрины аббат Шатель считал отношения между Богом и вселенной сравнимыми с отношениями между душой и телом, "но бесконечно более совершенными". Рай, Чистилище и Ад были одинаково упразднены, и на их место были заменены два состояния: одно - славы и блаженства, другое - возмещения ущерба.

[363] Смотрите приложение к *"Очеркам секты иллюминатов"* маркиза де Люше, уже цитировавшееся.

[364] Joseph Pitton de Tournefort: *Relation d'un Voyage du Levant*, 1717, 2 vols. Она была переведена на английский и опубликована в 3-х томах в 1741 году.

[365] Я хотел бы, чтобы была возможность процитировать трогательный панегирик Ганноу из письма, адресованного Элифасом Леви Александру Эрдану и напечатанного им в *La France Mystique*, т. ii. стр. 184-188. Его описывают как одного из *элиты* интеллекта, художника, поэта оригинального и неистощимого красноречия. Иногда он был странным, но никогда не абсурдным или утомительным. В конце концов, он был одним из тех сердец, под влиянием вдохновения которых ревностные люди с радостью распинают себя за неблагодарных. Эрдан однажды видел, как Ганно обращался к толпе на площади Согласия, "воздев свои огромные руки и подняв к небесам свою прекрасную, как у Христа, голову".

[366] Я полагаю, что это был бы Андреевский крест с добавлением вертикальной ветви, на которой покоилась бы голова распятого человека.

[367] От этого брака родился сын, и в 1855 году М. Александр Эрдан интересовался, что с ним стало.

[368] Предполагать, что *Зоар* существует для того, чтобы выдвигать и интерпретировать тезис о равновесии, все равно что утверждать, что обширный текст написан о легенде об эдомитских царях или что это жестокая атака на христианство, потому что в нем есть ссылка на каждую из этих тем. Символизм Равновесия практически ограничен единственным трактатом, включенным в *Зоар*.

[369] “Бог простер Свою правую руку и сотворил мир наверху, и Он простер Свою левую руку и сотворил мир внизу.... Бог сотворил нижний мир по образцу верхнего, ибо под ним находится образ всего, что пребывает на высоте”. — *Зоар*, часть II., фол. 20а.

[370] Joseph de Maistre: *Soirées de St. Pétersbourg*, 1821, p. 308.

[371] Для полноты картины я включил это предисловие, хотя с некоторых точек зрения его можно было бы разумно вообще опустить.